Полное собрание сочинений

Виктора Гюго

ННП

ВИКТОРЪ ГЮГО
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Томъ IV.
Книга 14.

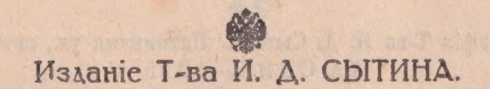
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

Томъ IV.

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ ПРОФЕССОРА А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915

ОТЪ АВТОРА.

I.

Посвящаю эту книгу гостепріимному и свободному утесу, тому уголку старинной нормандской земли, на которомъ живетъ небольшое благородное племя моряковъ,—словомъ, суровому и доброму острову Гернсею, гдѣ я нашелъ себѣ убѣжище и гдѣ найду, вѣроятно, и могилу.

II.

Религія, общество, природа—вотъ три борьбы человѣка. Эти три борьбы составляютъ въ то же время и его три потребности. Ему нужно вѣрить—черезъ это возникаютъ храмы; ему нужно творить—онъ создаетъ города; ему нужно жить—онъ строитъ себѣ плугъ и корабль. Но эти три рѣшенія содержатъ въ себѣ три войны. Изъ всѣхъ трехъ вытекаетъ таинственная трудность жизни. Человѣку приходится бороться съ препятствіями подъ видомъ суевѣрій, подъ видомъ предразсудковъ и подъ видомъ стихій. Надъ нами тяготѣетъ тройная «ананке»: ананке догматическихъ ученій, ананке закона и ананке природы. Въ «Соборѣ Парижской Богоматери» авторъ изобразилъ первую изъ нихъ; въ «Отверженныхъ» отмѣтилъ вторую; въ этой книгѣ описываетъ третью.

Къ этимъ тремъ роковымъ силамъ, окружающимъ человѣка извнѣ, присоединяется еще и внутренняя роковая сила, высшая ананке—человѣческое сердце.

Отвиль-гаузъ, мартъ, 1866 г.

В. Г.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ. — Переводъ подъ редакціей Э. К. Пименовой.

АРХИПЕЛАГЪ И ЛА-МАНШЪ.

I.

Старинные катаклизмы.

Атлантическій океанъ гложетъ наши берега. Давленіе полярнаго теченія подмываетъ наши западные утесы. Стѣна, выведенная здѣсь природой со стороны моря, подкопана, начиная отъ Сенъ-Валери на Соммѣ до Ингувилля; большія глыбы отваливаются, волны наносятъ на берегъ валуны, наши гавани засариваются пескомъ и каменьями, въ устьяхъ нашихъ рѣкъ образуются перекаты. Ежедневно глыбы нормандской почвы отрываются и исчезаютъ въ волнахъ. Эта исполинская работа, въ настоящее время, впрочемъ, замедленная, прежде была ужасна; для того, чтобы задержать ее, потребовался громадный водорѣзъ,—мысъ Финистеръ. Понятіе о стремительности полярнаго теченія и о силѣ этого подкапыванія водъ можно составить себѣ при видѣ громадныхъ промоинъ въ утесахъ между Шербургомъ и Брестомъ.

Это увеличеніе Ла-Маншскаго пролива на счетъ французской почвы относится, впрочемъ, къ временамъ еще доисторическимъ Послѣднее же посягательство океана на нашу землю относится, однако, къ точно опредѣленному періоду. Въ 709 году, за шестьдесятъ лѣтъ до вступленія на престолъ Карла Великаго, сильный шквалъ оторвалъ островъ Джерсей отъ Франціи. Видны еще надъ водою нѣсколько вершинъ утесовъ, оторванныхъ отъ материка и погруженныхъ въ волны океана ранѣе Джерсея. Вершины эти, возвышаясь надъ поверхностью моря, составляютъ островки и извѣстны подъ общимъ именемъ Нормандскаго архипелага.

На нихъ живетъ и копошится трудолюбивый людской муравейникъ. Трудъ моря, создавшій развалины, замѣнился трудомъ человѣка, создавшимъ народъ.

II.

Гернсей.

На югѣ—гранитъ, на сѣверѣ—песокъ; здѣсь—откосы, тамъ—дюны; наклонная плоскость луговъ, съ волнистыми холмами и выступами утесовъ; и вмѣсто бахромы, вокругъ этого зеленаго холма, изрытаго складками,—пѣна океана. Вдоль берега—батареи и башни съ бойницами, возведенныя на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи; на всемъ низменномъ берегу—громадный парапетъ, из-

рѣзанный амбразурами и лѣстницами, которыя засыпаетъ песокъ и стараются разрушить волны морскія, ведущія противъ нихъ вѣчную осаду; вдали—мельницы, полуразрушенныя временемъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: въ Валлѣ, въ Вилль-о-Руа, въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ, въ Тортевалѣ, еще машутъ крыльями. Подъ береговыми скалами—якорныя стоянки; на дюнахъ—стада. Овчарки и бульдоги стерегутъ стада, навостривъ уши; небольшія телѣжки городскихъ торговцевъ скачутъ по узкимъ дорогамъ; часто попадаются дома совершенно черные отъ дождя, точно вымазанные дегтемъ съ западной стороны, пѣтухи, куры, навозныя кучи—и все это окружено циклопическими стѣнами. Стѣны стараго порта, къ сожалѣнію разрушенныя, были величественны, съ своими массивными каменными глыбами, своими толстыми столбами для причала, своими тяжелыми цѣпями, своими толстыми балками вмѣсто загородки. Окруженныя въ половину роста человѣческаго изгородями, сложенными изъ большихъ камней, онѣ разрисовывали въ равнинѣ странную шахматную доску. Тамъ и сямъ остатки вала, окруженные репейникомъ, хижины, сложенныя изъ обломковъ гранита,—настоящіе казематы, способные выдержать удары пушечныхъ ядеръ. Порою, въ самыхъ, повидимому, дикихъ мѣстахъ, небольшое, новенькое зданіе, съ возвышающимся подъ крышей его колоколомъ—это школа. Въ углубленіяхъ почвы лужайки, два или три ручейка, вязы и дубы и особая порода лилій, растущихъ только на этомъ островѣ,—такъ называемая гернсейская лилія, а въ рабочую пору—большія телѣги, запряженныя восемью лошадьми. Кусты дикаго терна, передъ домами—большіе стоги сѣна, сложенные на каменныхъ тумбахъ; порою сады, разбитые согласно старинной французской модѣ, съ подстриженными деревьями и кустами, съ сосудами и бассейнами изъ туфа, перемежающіеся огородными и фруктовыми садами; цвѣты любителей на крестьянскихъ усадьбахъ,—рододендроны среди картофеля. Всюду ползучія водоросли, цвѣта медвѣжьяго уха; на кладбищахъ—полное отсутствіе крестовъ, а вмѣсто нихъ каменныя слезы и такія же статуи. На горизонтѣ—десять готическихъ колоколенъ; старыя церкви, но новыя ученія; лютеранское вѣроученіе, пріютившееся въ католическихъ храмахъ; въ пескахъ и на мысахъ—остатки кельтской эпохи подъ разными видами,—менгиры, пёльвены, длинные камни, плиты, качающіеся, звенящіе камни, галлехи, дольмены, всякаго рода слѣды. Послѣ друидовъ—аббаты, послѣ аббатовъ—ректоры,—воспоминанія о паденіи боговъ; на одномъ концѣ Люциферъ, въ замкѣ св. Михаила Архангела; на другомъ концѣ—Икарій, на Дикарскомъ мысу. Всюду почти столько же цвѣтовъ зимою, какъ и лѣтомъ,—вотъ что такое Гернсей!

III

Гернсей (продолженіе).

Земля плодородная, жирная, твердая. Прекрасныя пастбища. Островъ славится своею пшеницею и своими коровами. Телки съ луговъ Сенъ-Пьеръ-дю-Буа такъ же извѣстны, какъ и премиро-

ванные бараны Конфоланской долины. Земледѣльческія общества Франціи и Англіи премируютъ произведенія гернсейскихъ нивъ и луговъ. Успѣхамъ земледѣлія содѣйствуетъ частая сѣть хорошо содержимыхъ дорогъ и передвиженіе на островѣ весьма значительное. Дороги вообще очень хороши. На перекресткахъ ихъ попадаются положенныя на землю каменныя плиты, съ водруженными на нихъ крестами. Самый старый изъ гернсейскихъ судей, именемъ котораго открывается списокъ мѣстныхъ судей, Готье де-ла-Сальтъ, былъ повѣшенъ въ 1282 году за неправосудіе. Этотъ крестъ, называющійся судейскимъ крестомъ, обозначаетъ собою то мѣсто, на которомъ онъ преклонилъ колѣни для послѣдней молитвы.

Морскіе заливы и бухты изобилуютъ бакенами, имѣющими форму сахарныхъ головъ и раскрашенными частью бѣлыми и красными полосами, частью черными и желтыми, съ зелеными, синими и оранжевыми верхушками, съ выкрашенными подъ цвѣтъ мрамора или яшмы косоугольниками, плавающими на поверхности моря. Мѣстами слышится монотонное пѣніе барочниковъ, тянущихъ бечевою судно и закидывающихъ причалы.

Земледѣльцы и огородники имѣютъ здѣсь такой же довольный видъ, какъ и рыболовы. Почва, удобренная вывѣтрившимися частицами утесовъ, плодородна, и плодородіе ея еще увеличивается морскими водорослями и иломъ, такъ что растительность острова поистинѣ изумительна. Здѣсь произрастаютъ въ дикомъ видѣ магноліи, мирты, волчьи ягоды, олеандры, голубыя гортензіи, громадныя фуксіи, трехлистыя вербены, образующія своды, герани, образующія цѣлыя стѣны, апельсинныя и лимонныя деревья. Виноградъ здѣсь, впрочемъ, зрѣетъ только въ теплицахъ, но зато онъ превосходнаго качества; камеліи достигаютъ вышины деревьевъ, а алоэ попадается въ садахъ выше домовыхъ крышъ. Ничего нельзя представить себѣ болѣе роскошнаго и богатаго этой растительности, украшающей и даже совсѣмъ закрывающей фасады красивыхъ виллъ и коттеджей.

Но Гернсей, красивый съ одной стороны, страшенъ съ другой. На западномъ берегу его дуютъ постоянные морскіе вѣтры. Здѣсь вы не найдете ничего, кромѣ буруновъ, шкваловъ, мелей, разбитыхъ барокъ, полей подъ паромъ, пустырей, жалкихъ избушекъ, иногда низенькаго сарая на курьихъ ножкахъ, низкорослой, солонцеватой травы,—вообще картины бѣдности и запустѣнія.

Вблизи этого западнаго берега находится небольшой, пустынный, заливаемый волнами морскими, островокъ Ли-Гу, изобилующихъ кустарникомъ и норами. Обитающіе здѣсь кролики знаютъ часы прилива и отлива и выходятъ изъ своихъ норъ только при отливѣ. И, пользуясь покровительствомъ океана, они какъ бы дразнятъ человѣка. Природа любитъ иногда установлять такое братство. Если разрыть наносы въ Вазонской бухтѣ, то въ нихъ найдутся остатки деревьевъ. Здѣсь, подъ толстымъ слоемъ песку, растутъ цѣлые лѣса.

Рыбаки, обитающіе на этомъ негостепріимномъ западномъ берегу,—искусные лоцманы. Море вокругъ Ла-Маншскихъ острововъ отличается особыми свойствами. Сосѣдняя Канкальская бухта можетъ считаться такимъ уголкомъ земли, гдѣ приливы всего болѣе удобряютъ почву мергелемъ.

IV.

Трава.

Трава на Гернсеѣ—такая же, какъ и вездѣ, только нѣсколько болѣе обильная; гернсейская лужайка почти напоминаетъ собою лужайки Клюжа или Жеменоза. Вы найдете на нихъ такіе же овсяницу и мятликъ, какъ и на всякомъ другомъ лугу, далѣе рыхлый овесецъ съ веретенообразными колосками, канареечную траву, порейникъ, дающій зеленую окраску, англійскій плевелъ, перекати-поле, пахучій желтоцвѣтникъ, кукушечный горицвѣтъ, ноготки, лисій хвостъ, колосъ котораго похожъ на небольшую палицу, папоротникъ, удобный для плетенія корзинъ, дикую жимолость, корни которой хорошо скрѣпляютъ сыпучіе пески. Но это еще не все. Тутъ же можно найти и песью траву съ цвѣтомъ въ виду клубковъ, и птичье просо, и даже, если вѣрить нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, нардъ. Тутъ и скерда, съ листьями, похожими на листья одуванчика, закрывающаяся при наступленіи дурной погоды. Все это—травы, но травы, далеко не вездѣ произрастающія: для нихъ нужны гранитъ въ видѣ подпочвы и океанъ въ видѣ лейки.

Теперь дополните картину этой растительности тысячами видовъ ползущихъ среди нея и носящихся надъ нею насѣкомыхъ, то красивыхъ, то безобразныхъ: въ травѣ—жуки, носороги, долгоносики, муравьи, доящіе травяныхъ вшей, кузнечики, кобылки, божьи коровки, навозные жуки; надъ травой, въ воздухѣ—стрекозы, наѣздники, осы, золотистые цвѣточные жуки, бархатистые шмели, цвѣточники съ крыльями въ родѣ кружевъ, златницы съ красными брюшками, шумливыя осы,—вотъ что приблизительно представляетъ въ свѣтлый полдень іюньскаго дня гернсейская лужайка наблюдателю-энтомологу или мечтателю-поэту.

Вдругъ вамъ бросается въ глаза, подъ этимъ мягкимъ, зеленымъ газономъ, небольшая четырехугольная плита, на которой высѣчены слѣдующія двѣ буквы: W. D: «War Department», «Военный Департаментъ». Какъ же иначе? Вѣдь должна же проявиться и здѣсь цивилизація; иначе мѣстность имѣла бы дикій видъ! Отправьтесь на берега Рейна и поройтесь тамъ въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ этой красивой мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пейзажъ до того величественъ, что кажется, будто Богъ присутствуетъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ; углубитесь въ уединеніе горъ и въ темноту дубравъ, выберите, напримѣръ, Андернахъ и его окрестности; посѣтите это темное и спокойное Лаахское озеро, почти таинственное, до того оно мало извѣстно. Трудно представить себѣ болѣе величественное спокой-

ствіе. Жизнь вселенной проявляется здѣсь во всей своей торжественной ясности; ничто не нарушаетъ тишины природы; всюду глубокій порядокъ великаго безпорядка природы. Вы не можете расхаживать по этой пустынѣ безъ душевнаго трепета. Она сладостна, какъ весна, и меланхолична, какъ осень. Бредите наугадъ; оставьте позади себя разрушенное аббатство, углубитесь въ тихіе и молчаливые овраги, прислушайтесь къ пѣнію птицъ и къ шелесту листьевъ, зачерпните въ ладонь руки свѣтлой, какъ хрусталь, воды родниковъ, ходите, мечтайте, забывайте. Вотъ показалась хижина; она составляетъ угловое зданіе селенія, затерявшагося въ чащѣ деревьевъ. Она зелена, благоуханна, красива, стѣны ея покрыты цвѣтами и хмелемъ, въ ней слышатся звуки веселаго дѣтскаго смѣха. Вы приближаетесь къ ней, и на углу хижины, залитой свѣтомъ и зеленью, вы читаете на одномъ изъ старыхъ камней этой старой стѣны, подъ названіемъ селенія «Лидербрейцигъ», слѣдующія слова: «22-й батальонъ ландвера, 2-я рота».

Вы думали, что попали въ селеніе, а очутились въ полку! Таковъ уже человѣкъ.

V.

Опасности моря.

Западный берегъ Гернсея не безопасенъ; волны порядкомъ-таки размыли его. По ночамъ на вершинахъ опасныхъ утесовъ зажигаются огни, которые предостерегаютъ мореплавателей, но часто вводятъ ихъ также въ заблужденіе, будучи зажигаемы морскими бродягами. Эти же бродяги, смѣлые, но суевѣрные, различаютъ подъ водою легендарную морскую кубышку, эту скверную морскую крапиву, къ которой нельзя прикоснуться, не обжегши руки. Нѣкоторыя мѣстныя названія, какъ, напримѣръ, Тинтаже (отъ древне-галльскаго Тинтагель), указываютъ на вѣру въ чорта. Евстаѳій Васъ говоритъ по этому поводу въ старинныхъ стихахъ: «И море отъ него забурлило, и волны стали расти и вздыматься, небеса покрываться черными тучами, и вскорѣ все море покрылось пѣной».

Ла-Маншскій каналъ и въ наши дни столь же непокоренъ, какъ во времена Тьюдрига, Умбрафеля, Гамонди Чернаго и кавалера Эмира Лидо, бѣжавшаго на островъ Груа, близъ Кемперлэ. Океанъ продѣлываетъ часто у береговъ весьма коварныя шутки. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ частыхъ капризовъ вѣтра въ Ла-Маншскомъ каналѣ: вѣтеръ дуетъ съ юго-востока; затѣмъ наступаетъ затишье, полное затишье, вы можете свободно дышать. Это продолжается иногда съ часъ. Вдругъ ураганъ, стихнувшій на юго-востокѣ, возвращается съ сѣвера: онъ только что дулъ на васъ съ тылу, теперь онъ дуетъ въ лицо; буря повернулась. Если вы неопытный лоцманъ, не привыкшій къ этимъ скачкамъ человѣкъ, если вы не воспользовались затишьемъ для того, чтобы переставить паруса сообразно скачкамъ вѣтра, то все кончено, судно расшатывается и тонетъ.

Рибейроль, умершій впослѣдствіи въ Бразиліи, набрасывалъ, во время пребыванія своего на островѣ Гернсеѣ, отрывочныя замѣтки о ежедневныхъ фактахъ и явленіяхъ природы на островѣ. Одинъ изъ листковъ его замѣтокъ попалъ въ наши руки. Вотъ его содержаніе: «1-е января. Новый годъ. Буря. Корабль, шедшій изъ Портріё, разбился вчера на эспланадѣ.—2-е. Трехмачтовое судно, шедшее изъ Америки, разбилось вчера близъ Ла-Рокэна.—3-е. Очередной почтовый пароходъ сегодня не прибылъ.—4-е. Буря продолжается.—....14-е. Дожди. Обваломъ земли убило человѣка.—15-е. Буря. Корабль «Тоунъ» не могъ выйти въ море.—22-е. Сильный шквалъ. Пять несчастій на западномъ берегу.—24-е. Буря продолжается. Въ разныхъ мѣстахъ крушенія».

Словомъ, въ этомъ уголкѣ океана почти никогда не бываетъ спокойствія. Это-то и побудило стариннаго поэта Ліургэна, этого Іеремію моря, испустить среди этой вѣчной бури свой поэтическій крикъ чайки, отголосокъ котораго перекатился черезъ много вѣковъ.

Но бури не составляютъ еще главной опасности плаванія по этому архипелагу. Шквалъ предупреждаетъ опытнаго моряка о своемъ появленіи задолго, и морякъ спѣшитъ вернуться въ гавань или поставить свое судно къ вѣтру, опуская паруса по возможности ниже; если вѣтеръ крѣпчаетъ, онъ беретъ ихъ на гитовы, и этимъ маневромъ еще можетъ спасти судно. Но главная опасность этихъ мѣстностей, это—опасность невидимая, но вѣчно стерегущая человѣка, тѣмъ болѣе гибельная, чѣмъ лучше погода.

Въ этихъ случаяхъ требуется особый морской маневръ. Моряки съ западнаго побережья Гернсея особенно искусны въ этого рода маневрахъ, которые можно бы было назвать предупредительными. Никто лучше ихъ не изучилъ опасностей, скрывающихся въ спокойномъ морѣ, какъ-то: морскихъ токовъ, водоворотовъ, подводныхъ воронокъ.

VI.

Утесы.

Въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ берега почти всюду пустынны. Насколько острова красивы внутри, настолько непривѣтливы и суровы они у береговъ. Ла-Маншскій каналъ, своего рода Средиземное море, отличается тѣмъ, что волны его коротки и съ сильнымъ прибоемъ, и что море, собственно, не волнуется, а бурлитъ. Все это способствовало сильному размытію берега.

Всякій, кто проѣдетъ вдоль этого берега, увидитъ передъ собою цѣлую серію миражей. Ежеминутно утесы стараются обмануть васъ. И куда только ни забираются иллюзіи! Даже въ гранитъ. Трудно представить себѣ болѣе странное зрѣлище. Тутъ—точно громадныя каменныя жабы, какъ бы высунувшія морду изъ земли для того, чтобы вдохнуть въ себя воздухъ; тамъ—точно процессія монахинь, шествующихъ въ согбенномъ положеніи, при

чемъ по вѣтру какъ бы развѣваются длинныя покрывала: цари въ плутоновскихъ коронахъ какъ будто возсѣдаютъ на громадныхъ тронахъ, обрызгиваемыхъ пѣной морскою; здѣсь—какія-то существа, зарытыя въ утесахъ, точно простираютъ изъ нихъ свои руки съ растопыренными пальцами. Все это—чудовищная сторона берега; но стоитъ вамъ только приблизиться—и вы больше ничего не видите; камни точно подверглись превращенію. Вотъ крѣпость, вотъ храмъ изъ стершихся камней, вотъ куча избушекъ и развалившихся стѣнъ, вотъ остатки опустошеннаго города. Но въ сущности здѣсь нѣтъ ни храма ни города, а есть только береговые утесы. По мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь или удаляетесь, поворачиваетесь или отклоняетесь, берегъ измѣняетъ видъ свой, съ поистинѣ калейдоскопическою быстротою; всѣ предметы ежеминутно принимаютъ новую группировку, перспектива съ каждымъ шагомъ измѣняется. То этотъ утесъ представляется вамъ треножникомъ, то львомъ, то ангеломъ съ распростертыми крыльями, то человѣкомъ, согнувшимся надъ книгой. Скалы имѣютъ почти такую же способность измѣнять очертанія, какъ и облака.

Эти причудливыя формы возбуждаютъ въ умѣ человѣка представленіе о величіи, а не о красотѣ. Напротивъ, онѣ часто бываютъ болѣзненны и безобразны. Утесы изобилуютъ узлами, опухолями, наростами, подтеками, шишками, бородавками; горы, это—гробы земли. Госпожа Сталь, услышавъ, что Шатобріанъ, нѣсколько горбатый отъ природы, пренебрежительно отзывался объ Альпахъ, выразилась, что это въ немъ сказывается зависть горбуна. Большія, величественныя линіи природы, поверхность моря, силуэты горъ, темныя очертанія лѣсовъ, синева небесъ усложняются разными вывихами, существующими рядомъ съ общей гармоніей. У красоты свои линіи, у уродливости—свои. Существуетъ смѣхъ здоровый и смѣхъ болѣзненный. Размельченіе производитъ на скалахъ такое же дѣйствіе, какъ и на облакахъ; послѣднія измѣняютъ форму, носясь по воздуху, первыя—оставаясь неподвижными. Въ мірозданіи существуютъ еще остатки хаоса. И на прекрасномъ могутъ быть рубцы. Безобразіе, порою ослѣпляющее, втайнѣ присуще самымъ красивымъ вещамъ, какъ бы протестуя противъ симметріи красоты. И облака умѣютъ гримасничать, и въ небесахъ есть мѣсто смѣшному! Въ волнахъ морскихъ, въ листвѣ древесной, въ тверди утеса переламываются самыя многоразличныя линіи и въ нихъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, можно найти всяческія пародіи. Но вообще въ нихъ преобладаетъ уродливое, и въ нихъ трудно найти правильное очертаніе. Очертанія, безъ всякаго сомнѣнія, величественны, но рѣдко—безукоризненны. Всмотритесь въ облака: въ нихъ вырисовываются всякаго рода лица, подмѣчаются всякаго рода сходства, очерчиваются всякаго рода силуэты. Но отыщите-ка въ нихъ греческій профиль. Вы легко найдете въ нихъ Калибана, но не найдете Венеры, и никогда не отыщете въ нихъ очертаній Парѳенона. Но зато иногда, въ сумеркахъ, какое-нибудь большое облако, напоминающее

собою столовицу, какъ будто бы положенное на четыре туманныя тумбы и окруженное туманными глыбами, явится передъ вашими глазами на бѣлесоватомъ, сумеречномъ небѣ, въ видѣ громаднаго и чудовищнаго друидическаго жертвенника.

VII.

Пейзажи и океанъ.

На Гернсеѣ мызы поистинѣ монументальны. Нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ на дорогу сплошной стѣной, въ которой пробиты лишь ворота и калитка. Время вырыло въ наличникахъ и въ кружалахъ глубокіе простѣнки, въ которыхъ укрываются ящерицы, а порою и летучія мыши. Избы подъ деревьями хотя и стары, но живучи; имъ присуща, такъ сказать, древность соборовъ. На Гюбійской дорогѣ естъ одна изба, въ углу которой вдѣланъ каменный столбъ, на которомъ высѣчено: «1405-й годъ». На фасадѣ другой, возлѣ Бальмораля, виднѣлся, какъ на крестьянскихъ домахъ временъ Эрнани и Астигарракса, высѣченный на крышѣ гербъ. На каждомъ шагу въ фермахъ попадаются окна съ косоугольными рамами, лѣстницы съ башенками и съ наличниками эпохи Возрожденія. Передъ каждой дверью—гранитный приступокъ. Иныя хижины сложены изъ барокъ; барочный кузовъ, опрокинутый вверхъ днищемъ и поставленный на сваи и на брусья, составляетъ крышу. Корабль, равнымъ образомъ опрокинутый трюмомъ вверхъ, составляетъ церковь: трюмомъ внизъ—онъ борется съ моремъ, трюмомъ вверхъ—онъ является мѣстомъ для молитвы.

Въ пустынныхъ западныхъ приходахъ колодцы съ бѣлыми кровельками, возвышающіеся среди пустырей, напоминаютъ арабскіе марабуты. Продырявленная балка, вращающаяся на камнѣ, составляетъ изгородь поля; по нѣкоторымъ признакамъ можно узнать плетни, на которые домовые садятся верхомъ по ночамъ На откосахъ овраговъ растутъ вперемежку папоротники, вьюнки, остролистъ съ красными ягодами, терновникъ, боярышникъ, шотландская бузина, бирючина и тѣ длинные ремни въ складкахъ, извѣстные у ботаниковъ подъ именемъ косынокъ Генриха IV. И во всей этой растительности кишитъ и пользуется жизнью міръ насѣкомыхъ; а надъ нею носится равнымъ образомъ цѣлый міръ пернатыхъ: черные дрозды, реполовы, коноплянки, сойки, вертишейки, арденнскія иволги; стаи скворцовъ летаютъ спиралями; далѣе—дубоноски, щеглята, красноногія вороны; тамъ и сямъ—ящерицы.

Небольшіе водопады, проведенные въ баки изъ сгнившихъ древесныхъ стволовъ, сквозь которые просачивается вода, приводятъ въ движеніе мельничныя колеса, шумъ которыхъ доносится изъ-подъ листвы. Посреди дворовъ нѣкоторыхъ фермъ стоятъ еще виноградные тиски или круглые, выдолбленные камни для раздавливанія яблокъ, изъ которыхъ дѣлается сидръ. Скотъ пьетъ изъ колодъ, похожихъ на саркофаги. Быть-можетъ, въ этой

гранитной колодѣ, изъ которой теперь пьетъ пучеглазая корова, когда-то лежали останки какого-нибудь кельтскаго царя! Пищухи и трясогузки безцеремонно выхватываютъ зерна изъ-подъ клюва курицъ.

Но вдоль морского берега все дико. Вѣтеръ вырываетъ траву, уже сожженную солнцемъ. Нѣкоторыя церкви какъ бы покрыты попоной изъ плюща, доходящаго до колокольни. Мѣстами среди скалъ, покрытыхъ верескомъ, стоитъ одинокая хижина. Вытащенныя на берегъ лодки, за отсутствіемъ порта, подперты большими камнями. Виднѣющіеся на горизонтѣ паруса скорѣе цвѣта охры или свѣжей семги, чѣмъ бѣлаго. Деревья со стороны моря и вѣтра поросли мхомъ, кажется, будто сами камни кутаются отъ непогоды въ густой мохъ. Здѣсь свиститъ вѣтеръ, шелестятъ листья хлопаютъ крыльями морскія птицы, изъ которыхъ иныя держатъ въ клювѣ рыбу съ серебристой чешуей, множество бабочекъ мѣняющихъ цвѣтъ сообразно времени года, и какой-то глухой шумъ среди гулкихъ утесовъ. Лошади, пущенныя на подножный кормъ, скачутъ по паровому полю. Онѣ катаются по землѣ, брыкаются, затѣмъ вдругъ останавливаются, вѣтеръ разноситъ ихъ гривы, и онѣ смотрятъ пристально въ набѣгающія одна за другою волны. Въ маѣ мѣсяцѣ старыя сельскія и морскія постройки покрываются левкоями, въ іюнѣ—сиренью.

Въ дюнахъ разрушаются старинныя батареи. Крестьяне стараются извлекать пользу изъ этихъ старинныхъ носителей разрушенія и на грозныхъ когда-то амбразурахъ мирно сушатся невода. Среди четырехъ стѣнъ развалившагося блокгауза разгуливаютъ или оселъ, лакомящійся репейникомъ, или привязанная веревкой къ колу коза, пощипывающая траву; полунагія дѣти хохочутъ прыгая на одной ногѣ. По вечерамъ, когда заходящее солнце освѣщаетъ своими косыми лучами выбитыя дороги, коровы лѣнивымъ шагомъ возвращаются домой, поминутно останавливаясь, что выводитъ изъ себя желающую поскорѣе добраться домой пастушью собаку и заставляетъ ее громко лаять. Утесистые мысы западнаго берега далеко уходятъ въ море, и на нихъ трепещутъ на вѣтру тамариндовыя деревца. Въ сумеркахъ циклопическія стѣны, пропуская свѣтъ сквозь отверстія между камнями, образуютъ на верхушкахъ холмовъ черные, кружевные узоры. Когда среди этой пустыни прислушиваешься къ завыванію вѣтра, получаешь впечатлѣніе какой-то необычайной дали.

VIII.

Сенъ-Пьеръ-Поръ.

Сенъ-Пьеръ-Поръ, столица Гернсея, былъ построенъ когда-то сплошь изъ дерева, привезеннаго изъ Сенъ-Мало. Впрочемъ, на главной улицѣ его существуетъ еще каменный домъ, построенный въ XVI вѣкѣ. Сенъ-Пьеръ-Поръ—порто-франко. Городъ этотъ раскинулся въ живописномъ безпорядкѣ на холмахъ и въ лощинахъ, перемежающихся вокругъ старой гавани, какъ бы захвачен-

ныхъ въ кулакъ какимъ-нибудь исполиномъ. Лощины составляютъ улицы, лѣстницы избавляютъ отъ необходимости дѣлать обходы. Хотя всѣ улицы представляютъ собою подъемы и спуски, но сильныя англо-нормандскія лошади несутся по нимъ галопомъ.

На городской площади торговки, сидя подъ открытымъ небомъ на мостовой, промокаютъ насквозь во время зимнихъ холодныхъ ливней; но зато въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стоитъ бронзовая статуя какого-то принца. Въ Джерсеѣ выпадаетъ въ годъ на футъ воды, а на Гернсеѣ—на десять съ половиною дюймовъ. Рыбники пользуются бо̀льшими удобствами, чѣмъ огородники: они торгуютъ въ обширномъ, крытомъ помѣщеніи, за мраморными столами, на которыхъ красиво разложены произведенія рыбной ловли, по временамъ поражающія своимъ обиліемъ и своей величиной.

Здѣсь нѣтъ публичной библіотеки, но зато есть общества механическое и литературное, есть школа, есть множество церквей. Когда послѣднія выстроены, ихъ свидѣтельствуютъ члены общиннаго совѣта. Нерѣдко на улицахъ встрѣчаются большія телѣги, на которыхъ навалены оконныя рамы стрѣльчатой формы, пожертвованныя такимъ-то плотникомъ такой-то церкви.

Здѣсь есть также зданіе суда. Судьи, облеченные въ фіолетовыя мантіи, подаютъ свои голоса вслухъ. Въ прошломъ столѣтіи мясники не смѣли продавать ни одного фунта говядины или баранины, прежде чѣмъ судейскіе не выбрали для себя запаса мяса.

Рядомъ съ общественными церквами, здѣсь множество частныхъ часовенъ. Войдите въ одну изъ этихъ часовенъ, и вы услышите, какъ одинъ крестьянинъ объясняетъ другому несторіанское ученіе, при чемъ онъ толкуетъ разницу между Богородицей и Христородицей или же доказываетъ, что Богъ-Отецъ—всемогущъ, а Богъ-Сынъ—нѣтъ, что сильно напоминаетъ собою Абелярову ересь. При этихъ бесѣдахъ присутствуютъ ирландскіе католики, не отличающіеся терпимостью, такъ что богословскія пренія часто заканчиваются потасовками.

Воскресенье здѣсь строго соблюдается, и въ воскресенье вы не получите даже стакана пива. Если вы почувствуете жажду и придете къ почтенному Амосу Чику, имѣющему привилегію на продажу эля и яблочнаго вина на Гейстритѣ, вы его сильно скандализируете. Здѣсь для воскресенья существуетъ слѣдующій законъ: пѣть, но не пить! Здѣсь очень строги относительно употребленія имени Божьяго. Былъ такой случай, что одна молодая француженка, состоявшая надзирательницей въ школѣ, воскликнула, когда ей удалось отыскать затерянныя ножницы: «Ахъ, Боже мой!»—и она была немедленно уволена отъ должности за богохульство. Люди здѣсь скорѣе евангелики, чѣмъ христіане.

Здѣсь есть и театръ. Калитка, ведущая въ длинный коридоръ въ пустынной улицѣ,—вотъ входъ въ этотъ театръ. Внутренняя отдѣлка его напоминаетъ собою архитектурный стиль, принятый для сѣноваловъ: очевидно, имѣлось въ виду отвести сатанѣ помѣщеніе, какъ можно болѣе неприглядное. Насупротивъ театра—тюрьма, другая квартира этого же самаго субъекта.

На сѣверномъ холмѣ, въ Кэстль-Кэри, существуетъ недурная коллекція картинъ, преимущественно испанскихъ мастеровъ; если бы она была доступна для публики, ее можно было бы назвать музеемъ. Въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ вы найдете печи, сложенныя изъ красивыхъ изразцовъ, въ родѣ тѣхъ, которыми путешественникъ можетъ любоваться въ домикѣ Петра Великаго въ Саардамѣ, а также недурныя фаянсовыя майолики, мода на которыя нынѣ снова возвратилась, благодаря стараніямъ доктора Лассаля, фабриканта Премьера и живописцевъ по глинѣ Декка и Деверса.

Джерсейская Шоссе-д'Антенская улица называется Ружъ-Бульонъ; гернсейское Сенъ-Жерменское предмѣстье называется Ле-Рогэ. Здѣсь немало правильныхъ, красивыхъ улицъ, изобилующихъ садами. Въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ не меньше деревьевъ, чѣмъ крышъ, больше гнѣздъ, чѣмъ домовъ, и птицы производятъ здѣсь больше шума, чѣмъ кареты. Кварталъ Ле-Рогэ напоминаетъ собою аристократическіе кварталы Лондона; дома здѣсь выкрашены бѣлой краской и чисты.

Вы переходите черезъ оврагъ, пересѣкаете улицу Маль-стритъ, входите въ узкій проходъ между двумя высокими домами, взбираетесь по безконечной, узкой и извилистой лѣстницѣ, съ прыгающими подъ ногами плитами,—и вдругъ вы очутились въ какомъ-то бедуинскомъ городѣ! Лачуги, водомоины, немощеные переулки, провалившіяся крыши, потрескавшіяся стѣны, отсутствіе въ домахъ оконъ и дверей, комнаты заросшія травой, балки выдающіяся на улицу, груды камней и мусора, загораживающія вамъ путь, тамъ и сямъ обитаемая избушка, голые ребятишки, блѣдныя женщины—точно вы очутились въ какой-нибудь Заахтѣ!

На каждомъ шагу встрѣчаются женщины-разносчицы, торгующія всякимъ хламомъ и едва зарабатывающія нѣсколько су въ день. Одна изъ нихъ какъ-то хвасталась своимъ товаркамъ: «А знаете ли, я скопила за эту недѣлю цѣлыхъ семь су!» Когда-то какой-то щедрый прохожій далъ одной изъ нихъ пятифранковую монету и отказался отъ сдачи, она, благодаря его, сказала: «Это отлично. Теперь мнѣ можно будетъ закупать товаръ мой оптомъ».

Въ началѣ мая къ острову начинаютъ прибывать яхты, и рейдъ наполняется различнаго рода судами для прогулокъ, большею частью парусными, но иногда и паровыми. Бываютъ такія яхты, которыя обходятся владѣльцу ея по сту тысячъ франковъ въ мѣсяцъ.

Игра въ шары процвѣтаетъ, боксъ выходитъ изъ моды. Общества трезвости все болѣе и болѣе распространяются. Они устраиваютъ процессіи и прогуливаются по городу съ своими знаменами и почти съ масонскою торжественностью, трогающею даже кабатчиковъ. Иная кабатчица, подавая стаканъ водки пропойцѣ, говоритъ ему: «Извольте, выпейте стаканчикъ, но не пейте цѣлой бутылки».

Жители острова отличаются крѣпкимъ здоровьемъ, красивы и добродушны. Городская тюрьма часто бываетъ пуста. Въ первый

день Рождества тюремщикъ, если случаются арестанты, угощаетъ ихъ маленькимъ семейнымъ обѣдомъ. Мѣстные архитекторы придерживаются старины. Городъ Сенъ-Пьеръ-Поръ остается вѣренъ королевѣ, Библіи и круглымъ окошкамъ. Лѣтомъ мужчины купаются голыми; купальные панталоны считаются неприличіемъ, такъ какъ они только подчеркиваютъ. Матери обладаютъ особымъ искусствомъ одѣвать дѣтей, и туалеты послѣднихъ отличаются изящнымъ кокетствомъ. Дѣти одни разгуливаютъ по улицамъ,—до того въ этомъ городкѣ все мирно и тихо. Ребяты постарше ведутъ за руку самыхъ маленькихъ.

По части модъ Гернсей старается подражать Парижу. Впрочемъ, не всегда: порою ярко-красный или рѣзко-голубой цвѣтъ платьевъ указываетъ на сосѣдство Англіи. Намъ, однако, довелось разъ слышать, какъ мѣстная модистка, давая совѣты туземной щеголихѣ, протестовала противъ алаго и голубого цвѣта слѣдующимъ деликатнымъ замѣчаніемъ: «Я нахожу очень приличнымъ и очень идущимъ къ дамамъ цвѣтъ—темно-лиловый».

Гернсейское судостроеніе пользуется заслуженною репутаціей. На мѣстной верфи всегда находится немало судовъ въ починкѣ. Суда вытаскиваютъ на берегъ при звукахъ флейтъ. Гудокъ, говорятъ подрядчики, приноситъ при работахъ больше пользы, чѣмъ поденщикъ.

Въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ довольно своеобразные нравы. Такъ, здѣшній щеголь счелъ бы неприличнымъ показаться на улицѣ съ альбомомъ или портфелемъ подъ мышкой, но онъ преспокойно отправляется по субботамъ на рынокъ съ корзиной для провизіи. По случаю проѣзда какой-то особы изъ королевскаго семейства на городской площади выстроена башня. Кладбище находится въ самомъ городѣ, какъ разъ по обѣ стороны школьной улицы. Надгробный камень, на которомъ высѣчено: «февраль, 1610 года», составляетъ часть стѣны. Въ городѣ раскинутъ красивый скверъ Иврёзъ, который можно сравнить съ самыми красивыми лужайками Елисейскихъ полей, да еще съ моремъ въ придачу. Въ окнахъ изящнаго магазина «Les Arcades» можно прочесть подобнаго рода объявленія: «Здѣсь продаются духи, рекомендуемые шестымъ артиллерійскимъ полкомъ».

По городу, во всѣхъ направленіяхъ, разъѣзжаютъ дроги, нагруженныя боченками пива или кулями съ каменнымъ углемъ. Попадаются и такого рода объявленія: «Здѣсь попрежнему отдается на прокатъ породистый быкъ.—Здѣсь платятъ самыя высокія цѣны за жевательный табакъ, свинецъ, стекло, кости.—Продается новый картофель, на выборъ.—Продаются тычинки для подпиранія гороха, нѣсколько тоннъ овсянныхъ отрубей, нѣсколько красивыхъ англійскихъ дверей для гостиной, а также жирная свинья изъ фермы Монплезиръ, близъ Сенъ-Жака.—Продаются новые деревянные башмаки, желтая морковь сотнями и хорошій французскій клистиръ. Обратиться въ мельницу близъ лѣстницы Сентъ-Андре.—Воспрещается потрошить рыбу и сваливать соръ.—Продается дойная ослица», и т. д., и т. д.

IX.

Джерсей, Ориньи, Серкъ.

Острова Ла-Маншскаго канала—куски Франціи, упавшіе въ море и подобранные Англіей. Вслѣдствіе этого мѣстное населеніе имѣетъ смѣшанный характеръ. Джерсейцы и гернсейцы сами себя считаютъ англичанами, но въ то же время они, сами того не вѣдая, французы. Впрочемъ, если они и вѣдаютъ это, то стараются объ этомъ забыть, что отчасти сказывается и на томъ французскомъ языкѣ, которымъ они говорятъ.

Архипелагъ состоитъ изъ четырехъ острововъ: двухъ бóльшихъ, Джерсей и Гернсей, и двухъ меньшихъ--Ориньи и Серкъ, не считая совсѣмъ маленькихъ островковъ—Ортаха, Каскэ, Герма, Жету и др., къ названію которыхъ неизмѣнно приставляется окончаніе «Гу»: «Бюръ-Гу», «Экръ-Гу», «Пиръ-Гу» и т. д.

Серкъ равняется одной половинѣ Ориньи, Ориньи—одной четверти Гернсея, Гернсей—двумъ третямъ Джерсея; Джерсей занимаетъ какъ разъ такое же пространство, какъ городъ Лондонъ. Для того, чтобы составить Францію, потребовалось бы двѣ тысячи семьсотъ Джерсеевъ. По расчету Шарассена, замѣчательнаго агронома-практика, Франція, если бъ она была воздѣлана такъ же, какъ Джерсей, могла бы прокормить двѣсти семьдесятъ милліоновъ человѣкъ, т.-е. всю Европу. Изъ всѣхъ четырехъ острововъ Серкъ—самый маленькій, въ то же время самый плодородный, а Джерсей—самый красивый. Гернсей мѣстами отличается плодородіемъ перваго, мѣстами—красотой послѣдняго. На островѣ Серкѣ есть серебряная руда, впрочемъ, не эксплуатируемая вслѣдствіе незначительности добычи. На Джерсеѣ пятьдесятъ шесть тысячъ жителей, на Гернсеѣ—тридцать тысячъ, на Ориньи—четыре тысячи пятьсотъ, на Серкѣ—шестьсотъ, на Ли-Гу — одинъ. Ориньи отдѣляется отъ Гернсея, а Гернсей отъ Джерсея — проливами въ семь миль шириною. Проливъ между Гернсеемъ и Гермомъ называется Малый Рюо, а между Гермомъ и Серкомъ—Большой Рюо. Ближайшій пунктъ французскаго побережья, это—Фламанвильскій мысъ. На Гернсеѣ слышны выстрѣлы шербургскихъ пушекъ, а въ Шербургѣ слышны раскаты грома на Гернсеѣ.

Мы уже говорили выше, что грозы въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ бываютъ очень сильны, какъ и вообще почти на всѣхъ архипелагахъ. Между островами образуется нѣчто въ родѣ длинныхъ коридоровъ съ очень сильной тягой воздуха. Это представляетъ собою неудобство для моря, но удобство для суши: вѣтеръ нагоняетъ бури и уноситъ міазмы. Ни на Гернсеѣ ни на Джерсеѣ никогда не бывало холеры. Впрочемъ, на Гернсеѣ была въ средніе вѣка такая сильная моровая язва, что одинъ судья для уничтоженія ея сжегъ всѣ архивы.

Во Франціи острова эти называются англійскими, а въ Англіи—нормандскими. Они имѣютъ право чеканить свою монету, впрочемъ, только мѣдную. Изъ Кутанса въ Джерсей вела когда то старинная

римская дорога, остатки которой еще видны до сихъ поръ. Въ 709 году, какъ мы уже сказали, океанъ оторвалъ Джерсей отъ Франціи, при чемъ двѣнадцать приходовъ были поглощены океаномъ. Нѣкоторыя семейства, до сихъ поръ еще существующія въ Нормандіи, считаютъ себя законными владѣльцами этихъ острововъ; но океанъ распорядился иначе съ ихъ правами.

X.

Исторія, легенда, религія.

Первоначальные шесть приходовъ Гернсея принадлежали одному владѣльцу, Нээлю, виконту Котентинскому, побѣжденному въ 1047 году въ сраженіи на дюнахъ. Въ тѣ времена, по словамъ Дюмарека, на Ла-Маншскихъ островахъ былъ вулканъ. Время основанія двѣнадцати джерсейскихъ приходовъ записано въ Черной книгѣ кутанскаго собора. Дворянинъ Брикбекъ носилъ титулъ барона гернсейскаго; Ориньи составлялъ ленъ Генриха Ремесленника. Джерсей былъ дважды разграбленъ Цезаремъ и Роллономъ. Отъ имени послѣдняго произошелъ и теперь еще употребляемый на островахъ крикъ: «Haro» (Ha Rollo), повторяющійся трижды въ колѣнопреклоненномъ видѣ, на большой дорогѣ, при чемъ тамъ, гдѣ раздался этотъ крикъ, прекращается всякая работа до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлена справедливость.

Раньше Роллона, герцога Нормандскаго, Ла-Маншскимъ архипелагомъ владѣлъ Соломонъ, король бретонскій. Вслѣдствіе этого на Гернсеѣ замѣчается такое же сильное бретонское вліяніе, какъ на Джерсеѣ нормандское. Здѣсь природа отражаетъ исторію: на Джерсеѣ больше луговъ, на Гернсеѣ больше скалъ, Джерсей зеленѣе, Гернсей суровѣе.

На островахъ жило не мало дворянъ. Послѣ графа Эссекса на о. Ориньи остались развалины Эссексъ-Кэстля; на Джерсеѣ видны остатки замка Монторгейля, на Гернсеѣ—остатки замка Корнэ, построеннаго на утесѣ Гомъ (отъ скандинавскаго Гольмъ, гора). Замокъ Корне выдержалъ осаду со стороны пикардійскаго пирата Евстаѳія, а Монторгейль—со стороны Дюгесклена. Крѣпости, подобно женщинамъ, хвастаютъ тѣми, кто ихъ осаждалъ, если только послѣдніе знамениты.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи одинъ изъ папъ объявилъ Джерсей и Гернсей нейтральными островами, очевидно, папа этотъ больше занимался войною, чѣмъ ересями! Ученіе Кальвина, распространенное на Джерсеѣ Пьеромъ Морисомъ, и на Герсеѣ Николаемъ Бодуэномъ, упрочилось на Нормандскомъ архипелагѣ въ 1563 году. Оно продолжаетъ держаться здѣсь и доселѣ, хотя въ послѣднее время сильную конкуренцію ему дѣлаетъ ученіе Уэслея или методистское, выродившееся изъ англійскаго протестантизма.

На Ла-Маншскомъ архипелагѣ очень много церквей; онѣ попадаются на каждомъ шагу. Католическое благочестіе не стѣсняется разстояніями; не то кальвинистское или методистское. На Гернсеѣ или Джерсеѣ, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ больше

церквей, чѣмъ на соотвѣтствующей территоріи Испаніи или Италіи. Относительно незначительное населеніе острововъ распадается на множество сектъ: первоначальные методисты, методисты условные, независимые, баптисты, пресвитеріанцы, тысячелѣтники, квакеры, библейскіе христіане, плимутскіе братья, послѣдователи англійской епископальной, послѣдователи римско-папистской церкви. На Джерсеѣ можно даже встрѣтить мормонскую часовню. Библіи правовѣровъ можно узнать потому, что въ нихъ напечатано не «Сатана», а «сатана» безъ прописной буквы. Это резонно.

Кстати по поводу сатаны. Здѣсь ненавидятъ Вольтера, и оба эти слова считаются едва ли не синонимами. Когда дѣло коснется Вольтера, всѣ разногласія сразу прекращаются, мормонъ сходится въ мнѣніяхъ съ англиканцемъ, раздоры уступаютъ мѣсто согласію, и всѣ секты соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ ненависти. Предаваніе анаѳемѣ Вольтера, это точка—пересѣченія всѣхъ разновидностей протестантизма. Женева старается превзойти въ этомъ отношеніи Римъ и какъ можно громче проклинать этого еретика. Тутъ не принимаются въ соображенія ни Каласъ, ни Сирвенъ, ни столько краснорѣчивыхъ страницъ противъ драгоннадъ. Вольтеръ отрицалъ догматъ—и этого достаточно! Онъ защищалъ протестантовъ, но оскорбилъ протестантизмъ, и поэтому протестанты преслѣдуютъ его съ неблагодарностью правовѣрныхъ. Въ Сенъ-Гельѣ кто-то долженъ былъ произнести публичную рѣчь въ видахъ сбора для богоугодной цѣли. Его предупредили, что если только онъ упомянетъ въ своей рѣчи имя Вольтера, то сборъ потерпитъ фіаско. Здѣсь за Вольтеромъ ничего не признаютъ: ни генія, ни таланта, ни даже просто ума. Его изгнали въ старости, его оскорбляютъ послѣ его смерти; его до сихъ поръ не желаютъ оставить въ покоѣ, и въ этомъ высшая его слава. Развѣ можно говорить о Вольтерѣ спокойно и безпристрастно? Когда человѣкъ господствуетъ надъ цѣлымъ вѣкомъ и является воплощеніемъ прогресса, то ему приходится имѣть дѣло уже не съ критикой, а съ ненавистью.

XI.

Старыя гнѣзда и старые святые.

Цикладскіе острова образуютъ собою кругъ, Ла-Маншскій архипелагъ—треугольникъ. Если взглянуть на этотъ архипелагъ съ высоты птичьяго полета, то Гернсей представитъ собою вершину треугольника на западѣ, а линія отъ Ориньи къ Джерсею, проведенная съ сѣвера на югъ,—основаніе его. Вокругъ каждаго изъ этихъ трехъ острововъ-насѣдокъ толпятся маленькіе островки-цыплята: вокругъ Ориньи—Бюръ-Гу, Ортакъ, Ле-Каскэ; вокругъ Гернсея—Гермъ, Жетъ-Гу и Ли-Гу; между Джерсеемъ и французскимъ побережьемъ—группы островковъ Грелэ и Ле-Микье, несущіеся къ Джерсею, какъ два роя пчелъ къ входу въ улей. Въ серединѣ архипелага Серкъ, съ островками Брекъ-Гу и Козьимъ, составляетъ какъ бы соединительную черту между Гернсеемъ и Джерсеемъ. Сравненіе Цикладскихъ острововъ съ Ла-Маншскими,

безъ сомнѣнія, поразило бы мистически-миѳическую школу, которая, въ эпоху реставраціи, соединялась съ де-Мэстромъ черезъ Экштейна, и послужило бы ей матеріаломъ для слѣдующаго символическаго толкованія: архипелагъ Эллады круглъ, точно смѣющійся ротъ; Ла-Маншскій архипелагъ угловатъ, вытянутъ, точно ротъ человѣка сердитаго и недовольнаго; одинъ напоминаетъ гармонію, другой—озлобленіе; въ одномъ сказывается греческій характеръ, въ другомъ—нормандскій.

Во времена оны, въ доисторическую эпоху, эти Ла-Маншскіе острова, по всей вѣроятности, были обитаемы тѣми дикими, первобытными людьми, типъ которыхъ можно прослѣдить въ Муленъ-Гиньонѣ, принадлежавшими къ расѣ людей съ выдающимися челюстями. Они питались одну половину года рыбой и раковинами, а другую—морской добычей. Занятіе ихъ состояло въ морскомъ грабежѣ. Они знали только два сезона: сезонъ рыбной ловли и сезонъ кораблекрушеній, подобно гренландцамъ, которые называютъ лѣто охотой за сѣверными оленями, а зиму—охотой за тюленями. Всѣ эти острова, впослѣдствіи сдѣлавшіеся нормандскими, были не что иное, какъ поля, поросшія волчцомъ и бурьяномъ, звѣриными норами и притонами морскихъ разбойниковъ. Одинъ старинный лѣтописецъ весьма энергически называетъ ихъ «крысоловками» и «разбойничьими вертепами». Когда здѣсь появились римляне, нравственность мѣстныхъ жителей немногимъ улучшилась: они распинали морскихъ разбойниковъ, но въ то же время устраивали такъ называемыя «Furinalia», т.-е. празднества мошенниковъ. Эти празднества справляются еще въ нашихъ деревняхъ 25 іюля, а въ нашихъ городахъ—круглый годъ.

Джерсей, Серкъ, и Гернсей когда-то назывались *Анжъ*, *Саржъ* и *Биссаржъ*; Ориньи—*Реосне* или же Танэ. Существуетъ легенда, что на Крысиномъ островѣ (insula ratorum) отъ скрещиванья самцовъ-кроликовъ съ самками-крысами родился индійскій пѣтухъ. Если вѣрить Фюретьеру, аббату шаливуаскому, тому самому, который упрекалъ Лафонтена въ томъ, будто онъ не зналъ разницы между деревомъ въ корѣ и увеселительной рощей, Францiя прожила очень долго, даже не замѣтивъ присутствія Ориньи близъ своихъ береговъ. И дѣйствительно, Ориньи не занимаетъ никакого мѣста въ исторіи Нормандіи. Раблэ, однако, извѣстно было о существованіи Нормандскаго архипелага: онъ упоминаетъ о Гермѣ и Сиркѣ (называя, впрочемъ, послѣдній «Церкомъ»), лежащихъ между Бретанью и Англіей (изд. 1558 г., Ліонъ, стр. 423).

Островъ Ле-Каскэ считается мѣстомъ крайне опаснымъ для мореходовъ. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, англичане придумали особый видъ промысла: вылавливать изъ моря пушки съ затонувшихъ здѣсь судовъ. Одна изъ этихъ пушекъ, покрытая устрицами и ракушками, сохраняется въ Валоньскомъ музеѣ. Названіе острова Герма произошло отъ греческаго «Eremos» (скитъ), такъ какъ сюда удалился для молитвы св. Тугдуаль, другъ св. Сампсона,—равно какъ св. Маглуаръ на о. Серкъ. Вообще этотъ рядъ утесовъ былъ

излюбленъ святыми: Эліе молился на Джерсеѣ, а Маркуфъ—на утесахъ Кальвадоса. Это была та же эпоха, когда отшельникъ Епархій сталъ почитаться за святого, подъ именемъ Сибара, въ пещерахъ Ангулема, и когда анахоретъ Крескентій въ глубинѣ Трирскихъ лѣсовъ заставилъ обрушиться языческій храмъ Діаны только тѣмъ, что пристально смотрѣлъ на него въ теченіе пяти лѣтъ. На островѣ Серкъ св. Маглуаръ сложилъ свой гимнъ въ честь Всѣхъ Святыхъ, передѣланный впослѣдствіи Сантейлемъ и начинающійся словами: «Coelo quos eadem gloria consecrat»[1]). Отсюда же онъ кидалъ каменьями въ разбойничьи суда англо-саксовъ, дважды нарушавшихъ прибытіемъ своимъ его молитвы. Да и кельты съ бретонскаго побережья неоднократно тревожили въ ту эпоху Ла-Маншскій архипелагъ. По временамъ Маглуаръ переправлялся черезъ проливъ и отправлялся на Гернсей для совѣщанія съ мѣстнымъ пророкомъ Ниву. Однажды Маглуаръ, совершивъ какое-то чудо, далъ обѣтъ не ѣсть больше рыбы. Св. Маглуаръ оказалъ и разныя другія услуги архипелагу. Такъ, онъ отправился на о. Джерсей, чтобъ образумить мѣстное населеніе, имѣвшее дурную привычку переодѣваться въ первый день Рождества звѣрями, въ честь скандинавскаго божества Митраса; св. Маглуаръ положилъ конецъ этому обычаю. Мощи его были украдены при Номиноѣ, вассалѣ Карла Лысаго, монахами изъ Легонъ-ле-Динана. Всѣ эти факты подтверждаются старинными лѣтописями, въ «Acta Sancti Marculphi», а также въ Исторіи духовенства» аббата Тригана. Виктрисъ Руанскій, другъ Мартина Турскаго, также имѣлъ на островѣ Серкѣ свою пещеру. Въ одиннадцатомъ столѣтіи этотъ островъ зависѣлъ отъ Монтебургскаго аббатства. Въ настоящее время Серкъ находится въ арендѣ у четырехъ арендаторовъ.

XII.

Мѣстныя особенности.

Каждый островъ имѣетъ свою особую монету, свое особое нарѣчіе, свое особое управленіе и свои особые предразсудки. Джерсей безпокоится только по поводу французскаго собственника: что, если онъ вздумаетъ купить весь островъ? Поэтому на Джерсеѣ иностранцамъ запрещено покупать землю, но на Гернсеѣ разрѣшено. Наоборотъ, религіозная нетерпимость не такъ значительна на первомъ островѣ, какъ на второмъ; джерсейскіе обыватели по воскресеньямъ отправляются гулять, чего не дѣлаютъ гернсейскіе. Библія въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ болѣе обязательна, чѣмъ въ Сенъ-Гелье. Покупка собственности на Гернсеѣ осложняется, въ особенности для незнакомаго съ мѣстными обычаями иностранца, одною особенною опасностью: покупщикъ отвѣчаетъ своими доходами, въ теченіе двадцати лѣтъ, за коммерческую и финансовую состоятельность продавца, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ моментъ продажи.

---

[1]) Вы, которыхъ на небѣ освящаетъ одна и та же слава.

Немалыя осложненія проистекаютъ также изъ различія мѣръ и вѣсовъ Шиллингъ равняется въ Англіи двадцати пяти нашимъ су, на Джерсеѣ—двадцати шести, а на Гернсеѣ—двадцати четыремъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ единицѣ вѣсовъ: гернсейскій фунтъ далеко не то же, что джерсейскій, а послѣдній не то же, что англійскій. На Гернсеѣ поля измѣряются рутами, а рута—першами (мѣра въ 20 футовъ); на Джерсеѣ иныя единицы измѣренія. На Гернсеѣ обращаютъ исключительно французскія деньги, но имъ придаютъ англійскія названія: франкъ называется здѣсь десять пенсовъ. Отсутствіе симметріи доходитъ до того, что число женщинъ на островахъ превышаетъ число мужчинъ: на пять мужчинъ приходится шесть женщинъ.

У Гернсея было множество прозвищъ, въ томъ числѣ нѣсколько археологическихъ: ученые называютъ его Гранозія, преданные Англіи обыватели—Малой Англіей. Онъ, дѣйствительно, очертаніемъ своимъ напоминаетъ Англію, при чемъ Серкъ могъ бы быть Ирландіей, но только Ирландіей, расположенной съ восточной стороны. Въ водахъ Гернсея встрѣчаются до двухсотъ разновидностей моллюсковъ и до сорока разновидностей губокъ. Римляне посвящали его Сатурну, а кельты—Гвину; впрочемъ, отъ этой перемѣны онъ мало выигралъ, такъ какъ Гвинъ, какъ и Сатурнъ, пожиралъ дѣтей. Гернсей руководствуется стариннымъ французскимъ кодексомъ, относящимся къ 1331 году и называющимся «заповѣдью Ассиза». Съ своей стороны и Джерсей имѣетъ три или четыре старыя нормандскія судилища,—наслѣдственный судъ, вѣдающій лены, судъ Кателя, или уголовный, судъ письменный, т.-е. гражданскій и коммерческій, и такъ называемый субботній судъ, т.-е. судъ исправительной полиціи. Гернсей вывозитъ уксусъ, скотъ, плоды, но болѣе всего онъ вывозитъ самого себя, т.-е. свою почву: главные предметы его вывозной торговли—гипсъ и гранитъ. Въ Гернсеѣ не менѣе трехсотъ пяти необитаемыхъ домовъ. Почему? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найдется, быть-можетъ, хоть для нѣкоторыхъ, въ одной изъ главъ настоящей книги. Русскія войска, занимавшія Джерсей въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, оставили воспоминаніе о себѣ въ лошадяхъ: джерсейская лошадь представляетъ собою странную помѣсь нормандской и казацкой лошади; она отличается силою первой, выносливостю и быстротою хода послѣдней; на ней одинаково хорошо могли бы ѣздить и Танкредъ и Мазепа.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ между островомъ Гернсеемъ и замкомъ Корнэ происходила междоусобная война, такъ какъ Гернсей стоялъ за Кромвелля, а замокъ Корнэ—за Стюарта. Это почти то же самое, какъ если бы островъ Сенъ-Луи въ Парижѣ объявилъ войну сосѣдней Ормской набережной. Въ Джерсеѣ и до сихъ поръ существуютъ двѣ партіи, «розы» и «лавра», другими словами, виговъ и тори. Раздоры, іерархія, касты, перегородки совершенно во вкусѣ островитянъ этого архипелага, который кто-то очень удачно назвалъ «Неизслѣдованной Нормандіей». Въ особенности гернсейцы до того, если дозволено будетъ такъ выразиться, «обстровитяни-

лись», что они стараются создавать острова среди самаго населенія: въ верхнемъ слоѣ этого маленькаго общественнаго строя шестьдесятъ семействъ (sixty) живутъ совершенно обособленною жизнью; въ серединѣ сорокъ семействъ (forty) образуютъ другую, такую же изолированную группу; и, наконецъ, подъ ними, внизу собственно народъ. Что касается властей, отличающихся и мѣстнымъ и англійскимъ характеромъ въ одно и то же время, то составъ ихъ слѣдующій: десять приходовъ, десять ректоровъ, двадцать старшинъ, сто шестьдесятъ десятскихъ, королевскій судъ, съ прокуроромъ и контролеромъ, парламентъ или «штаты», двѣнадцать судей, одинъ старшій судья (бальи), «balnivus et coronator», какъ говорится въ древнихъ хартіяхъ. Вмѣсто законовъ—древніе нормандскіе обычаи. Прокуроръ смѣняемъ, судья несмѣняемъ,—очень характерный англійскій оттѣнокъ. Кромѣ судьи, главнаго свѣтскаго должностного лица, на островѣ есть еще деканъ, главное духовное лицо, и губернаторъ, онъ же начальникъ мѣстныхъ войскъ. Остальныя должности перечислены въ «Спискѣ господъ, на островѣ власть имущихъ».

XIII.

Прогрессъ цивилизаціи на островахъ.

Джерсей считается седьмымъ портомъ Англіи. Въ 1845 году острова имѣли не менѣе 440 судовъ, вмѣстимостью въ 42.000 тоннъ; ввозъ въ его портъ достигалъ цифры 60.000 тоннъ, а вывозъ—54.000 тоннъ, на 1265 судахъ (въ томъ числѣ 142 парохода), принадлежавшихъ разнымъ націямъ. За послѣднія двадцать лѣтъ цифры эти болѣе чѣмъ утроились.

Мѣстная монета чрезвычайно распространена на островахъ и обращеніе ея даетъ самые лучшіе результаты. На Джерсеѣ всякій желающій можетъ выпускать въ обращеніе кредитные билеты; если эти билеты выдерживаютъ усиленное требованіе размѣна—банкъ готовъ. Кредитные билеты Ла-Маншскаго архипелага—всѣ неизмѣнно достоинства въ одинъ фунтъ стерл. Если бы англо-нормандскіе обитатели архипелага поняли значеніе процентныхъ билетовъ и почувствовали ихъ необходимость, они, безъ сомнѣнія, немедленно ввели бы ихъ въ употребленіе, и мы имѣли бы передъ собою любопытное зрѣлище одного и того же факта—въ качествѣ утопіи въ Европѣ и въ качествѣ усовершенствованнаго учреждедія на островахъ Ла-Манша. Финансовая революція была бы совершена въ микроскопическихъ размѣрахъ въ этомъ уголкѣ міра.

Джерсейцы отличаются твердымъ характеромъ, живымъ умомъ, подвижностью и бойкостью; въ этомъ отношеніи они очень походятъ на французовъ. Гернсейцы, столь же разсудительные и твердые, гораздо медлительнѣе. Вообще и тѣ и другіе—народъ смышленый и бойкій, болѣе просвѣщенный, чѣмъ то обыкновенно думаютъ, и способный возбудить удивленіе. Сравнительно съ численностью населенія, здѣсь очень много газетъ, какъ французскихъ,

такъ и англійскихъ: шесть на Джерсеѣ, четыре на Гернсеѣ, — и притомъ газетъ большихъ и очень хорошихъ. Такова сила могучаго, непреклоннаго англійскаго ума. Представьте себѣ необитаемый островъ: на другой день по своемъ прибытіи на него Робинзонъ принимается за изданіе журнала, а Пятница на него подписывается!

И въ заключеніе—афиши, афиши безъ предѣловъ и безъ конца, листы всевозможныхъ цвѣтовъ и форматовъ, съ громадными буквами, иллюстраціями, расклеенныя и вывѣшенныя повсюду. На всѣхъ стѣнахъ Гернсея громадная виньетка, изображающая человѣка шести футовъ ростомъ и съ колоколомъ въ рукѣ, трезвонящаго публикацію. Кажется, что въ настоящее время въ маленькомъ Гернсеѣ больше афишъ, чѣмъ во всей Франціи.

А эта усиленная публикація вызываетъ жизнь, часто жизнь умственную; она ведетъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, пріучая населеніе къ чтенію, что, въ свою очередь, ведетъ къ улучшенію манеръ. Вы бесѣдуете на дорогѣ въ Сенъ-Гелье или въ Сенъ-Пьеръ-Поръ съ прохожимъ весьма приличнаго вида,—одѣтымъ весь въ черное, застегнутымъ на всѣ пуговицы, въ безукоризненно-чистомъ бѣльѣ, разговаривающимъ съ вами о Джонѣ Браунѣ и разспрашивающимъ о Гарибальди. Это пасторъ? Ничуть: это пастухъ быковъ! Одинъ изъ совр менныхъ писателей пріѣзжаетъ въ Джерсей, входитъ въ лавку и въ очень красивой гостиной, смежной съ лавкой, онъ видитъ въ высокомъ и красивомъ стеклянномъ шкапѣ полное собраніе своихъ сочиненій, а надъ книжнымъ шкапомъ—бюстъ Гомера.

XIV.

Другія особенности.

Обитатели различныхъ острововъ живутъ по-братски, хотя, съ другой стороны, не упускаютъ и случая пріятельски посмѣяться другъ надъ другомъ. Ориньи, находящійся въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ Гернсею, по временамъ ворчитъ на это и желалъ бы перетянуть къ себѣ судью и отодвинуть Гернсей на роль своего спутника. Гернсей отвѣчаетъ на это безъ злобы слѣдующимъ народнымъ припѣвомъ: «Берегись, Петръ! Берегись, Иванъ! Гернсейцы идутъ!» Вообще эти островитяне, составляя какъ бы одну морскую семью, иногда ссорятся, но никогда не злобствуютъ другъ на друга; тѣ, кто считаютъ ихъ народомъ грубымъ, несправедливы къ нимъ. Мы нимало не вѣримъ въ вошедшій въ поговорку діалогъ между Джерсеемъ и Гернсеемъ: «Вы ослы». Отвѣтъ: «А вы гады». Жители Ла-Маншскаго архипелага неспособны обмѣниваться такими любезностями. Мы не допускаемъ, чтобы Вадій и Триссотенъ превратились въ два океанскихъ острова.

Впрочемъ, о. Ориньи имѣетъ свою относительную важность. Для острова Каскэ Ориньи—тотъ же Лондонъ. Дочь смотрителя маяка Гуге, родившаяся на Каскэ, двадцати лѣтъ отроду совер-

шила поѣздку въ Ориньи. Тамошній шумъ ее совершенно оглушилъ и она пожелала поскорѣе возвратиться на свою скалу. Она никогда не видѣла ни быка ни лошади и, увидѣвъ лошадь, она воскликнула: «Какая большая собака!»

На этихъ Нормандскихъ островахъ люди очень скоро старѣются, не фактически, а такъ сказать, юридически. Двое прохожихъ бесѣдуютъ: «А вѣдь тотъ-то старикъ, который каждый день приходилъ сюда, умеръ».—«Да вѣдь онъ былъ уже порядочно старъ».—«Да, ему было лѣтъ тридцать шесть».

Женщины этой островной Нормандіи,—слѣдуетъ ли ихъ хвалить за это, или порицать?—неохотно идутъ въ услуженіе. Двѣ женщины въ одномъ домѣ рѣдко живутъ въ согласіи, такъ какъ одна не дѣлаетъ другой никакихъ уступокъ; вслѣдствіе этого прислуга очень неуживчива, сварлива и часто мѣняется; она очень мало обращаетъ вниманія на своего хозяина, впрочемъ, нимало не злобствуя на него. Ему приходится самому заботиться о себѣ. Въ 1852 году одно французское семейство, прибывъ въ Джерсей вслѣдствіе событій на материкѣ, приняло въ услуженіе кухарку, уроженку Сенъ-Брелада, и служанку, уроженку Булейбея. Въ одно декабрьское утро хозяинъ дома, вставъ очень рано, нашелъ входную дверь, выходившую на большую дорогу, раскрытою настежь, а обѣихъ служанокъ не было дома. Оказалось, что обѣ эти женщины перессорились и, находя, что хозяинъ вполнѣ удовлетворилъ ихъ жалованьемъ, онѣ собрали свои пожитки и ушли, каждая въ свою сторону, посреди ночи, оставляя въ домѣ уснувшихъ хозяевъ своихъ и раскрытыя настежь двери. Одна сказала другой: «я не могу жить въ одномъ домѣ съ пьяницей», а та сказала первой: «я не могу жить въ одномъ домѣ съ воровкой».

«Нужно всегда глядѣть въ оба за десятерыхъ», гласитъ старинная мѣстная поговорка. Что она означаетъ? А то, что если вы имѣете въ вашемъ услуженіи работника или служанку, вамъ не слѣдуетъ спускать глазъ съ его десяти пальцевъ. Это—совѣтъ недовѣрчиваго хозяина: закоренѣлое недовѣріе противъ закоренѣлой лѣни. Дидро какъ-то разсказываетъ, что въ Голландіи, когда пришлось вставить разбитое оконное стекло, въ его домъ явилось не менѣе пяти человѣкъ: одинъ несъ стекло, другой—замазку, третій—ведро воды, четвертый—лопатку, пятый—губку; и они впятеромъ употребили два дня на вставку стекла. Это, безъ сомнѣнія, остатки средневѣковой лѣности, порожденной крѣпостнымъ правомъ, подобно тому какъ креольская лѣнь — порожденіе рабства. Этотъ порокъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, свойственъ всѣмъ племенамъ; но въ наши дни онъ исчезаетъ подъ вліяніемъ прогресса, какъ на Ла-Маншскихъ островахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и на первыхъ, быть-можетъ, даже быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ этихъ промышленныхъ островныхъ общинахъ дѣятельность и неразлучная спутница ея—честность дѣлаются все въ большей и большей мѣрѣ основнымъ закономъ труда.

Въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ сохранилось еще не мало остатковъ прошлаго, напримѣръ, помѣстный судъ, засѣданіе котораго происходило не далѣе, какъ въ понедѣльникъ, 22 мая 1854 года, въ полдень, въ домѣ г. Мальзара, въ Сентъ-Уэнскомъ приходѣ. Въ судѣ предсѣдательствуетъ сенешалъ; ассистенты его—профосъ и судейскій приставъ. Присутствуетъ въ засѣданіи благородный владѣтель Морвиля, владѣющій на ленномъ правѣ частью общины. Прежде всего сенешалъ приводитъ къ присягѣ профоса по слѣдующей формулѣ: «Клянитесь и обѣщайте именемъ Бога, что вы честно и добросовѣстно исполните обязанности профоса помѣстнаго суда Морвильской общины и будете оберегать права владѣльца». И профосъ, поднявъ правую руку и поклонившись сенешалу, произнесъ: «Клянусь въ томъ».

Согласно нормандскому обычаю, дѣвушка, если забеременѣетъ, должна указать на отца своего ребенка. Понятно, что бываютъ такіе случаи, когда это не такъ-то легко сдѣлать и когда ей приходится указывать болѣе или менѣе наугадъ.

Жители Ла-Маншскаго архипелага говорятъ по-французски, впрочемъ, съ нѣкоторыми варіантами противъ французскаго языка материка, и эти варіанты сказываются даже въ мѣстномъ официальномъ и судейскомъ языкѣ.

Впрочемъ, быть-можетъ, обитатели острововъ и не виноваты въ томъ, что они говорятъ такимъ французскимъ языкомъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какъ уже сказано было выше, нѣсколько французовъ переселились съ материка на Джерсей. (Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что мѣстные жители не могли взять хорошенько въ толкъ, почему они покинули свое отечество; нѣкоторые изъ нихъ называли эмигрантовъ «взбунтовавшимися барами»). Одного изъ этихъ французовъ посѣтилъ старикъ-учитель французскаго языка, уже давно, по его словамъ, поселившійся на островѣ, вмѣстѣ съ своей женой. Они оба были эльзасцы. Учитель отзывался довольно пренебрежительно о мѣстномъ нарѣчіи, о ла-маншскомъ акцентѣ, жалуясь на то, что населеніе говоритъ на невозможномъ «patois» (провинціальномъ нарѣчіи), при чемъ самъ онъ сл во «patois», какъ эльзасецъ, упорно произносилъ на манеръ эльзасцевъ, «badois». Не угодно ли вамъ правильно научиться говорить по-французски у такого француза?

XV.

Древности и старье. Обычаи, законы и нравы.

Впрочемъ, въ настоящее время, нужно отдать имъ справедливость, Нормандскіе острова, имѣющіе каждый свою гимназію и многочисленныя школы, насчитываютъ не мало прекрасныхъ учителей, какъ французовъ, такъ и мѣстныхъ уроженцевъ. Что же касается провинціальнаго нарѣчія, надъ которымъ такъ глумился учитель эльзасецъ, то это настоящій языкъ, имѣющій полное право на уваженіе. Это настоящее разнорѣчіе, очень полное и очень оригинальное; оно освѣщаетъ своимъ тусклымъ, но глубокимъ отбле-

скомъ происхожденіе французскаго языка. Это провинціальное нарѣчіе имѣетъ своихъ серьезныхъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть о переводчикѣ Библіи на гернсейскій языкъ, г. Метивье, занимающемъ такое же мѣсто по отношенію къ кельто-нормандскому языку, какое занималъ аббатъ Элисагарей по отношенію къ языку испано-баскскому.

На островѣ Гернсеѣ есть часовня, крытая черепицей, восьмого вѣка и галльская статуя шестого, служащая наличникомъ для дверей, ведущихъ на кладбище,—остатки древности, по всей вѣроятности, единственные въ своемъ родѣ. Другой такой же, единственный въ своемъ родѣ остатокъ, — потомокъ Роллона, очень достойный джентльменъ, мирно проживающій на островахъ и дѣлающій королевѣ Викторіи честь считать ее своей кузиной. Происхожденіе этого джентльмена отъ Роллона, повидимому, можетъ считаться доказаннымъ и въ немъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго.

На островахъ придаютъ большое значеніе гербамъ. Автору этой книги удалось слышать, какъ нѣкая г-жа М. обращалась съ слѣдующимъ упрекомъ къ семейству Д.: «Они отняли у насъ нашъ гербъ, чтобы помѣстить его на своихъ гробницахъ». Крестьянинъ здѣсь говоритъ: «Мои предки». Цвѣты лилій здѣсь въ большомъ ходу: Англія любитъ перенимать моды, вышедшія уже изъ употребленія во Франціи. Рѣдкій мѣщанинъ откажетъ себѣ здѣсь въ удовольствіи украсить заборъ свой цвѣтами лилій.

Здѣсь также очень щекотливы по части неравныхъ браковъ. На одномъ изъ острововъ, кажется на Ориньи, потомокъ очень древней династіи виноторговцевъ вступилъ въ бракъ съ дочерью какого-то выскочки-шляпника. Это вызвало всеобщее негодованіе, весь островъ порицалъ сына, и одна почтенная особа воскликнула: «Можно ли такъ огорчать своихъ родителей!» Ужъ, конечно, принцесса Пфальцская не была сильнѣе возмущена, когда она упрекала одну изъ своихъ кузинъ въ томъ, что она «опозорила себя бракомъ съ какимъ-то Монморанси!»

Въ Гернсеѣ подать руку женщинѣ значитъ браниться съ нею. Новобрачная въ первую недѣлю послѣ свадьбы выходитъ изъ дому только къ обѣднѣ: очевидно, здѣсь находятъ, что тюремное заключеніе дѣлаетъ медовый мѣсяцъ еще больше сладкимъ, а можетъ быть, считаютъ, что нѣкоторая стыдливость украшаетъ новобрачную! Свадьбы здѣсь совершаются почти безъ всякихъ формальностей. Нѣкто Кагень подслушалъ на о. Джерсеѣ слѣдующій разговоръ между старухой-матерью и ея сорокалѣтней дочерью: «Отчего ты не выходишь замужъ за Стефенса?»—«Что же мнѣ, по вашему, два раза за него замужъ выходить?»—«Какъ такъ?»—«Да вѣдь мы поженились вотъ уже четыре мѣсяца».

Въ Гернсеѣ, въ октябрѣ 1863 года, одна дѣвушка была приговорена къ шести-недѣльному тюремному заключенію за то, что она «надоѣдала своему отцу»!

XVI.

Дальнѣйшія особенности.

На островахъ Ла-Маншскаго архипелага существуютъ всего двѣ статуи: одна на о. Гернсеѣ—принца супруга [1]), другая на о. Джерсеѣ—такъ называемая статуя «Золоченаго короля»; ее обозначаютъ этимъ названіемъ, потому что неизвѣстно, кого она изображаетъ и кого она должна обезсмертить. Она стоитъ посрединѣ главной площади Сенъ-Геліэ. Статуя, хотя и анонимная, все же статуя; она льститъ самолюбію населенія, такъ какъ, очевидно, она кого-нибудь да прославляетъ. Ничто не выходитъ медленнѣе изъ-подъ земли, чѣмъ статуя, и ничто не даетъ болѣе сильнаго роста; если она не дубъ, то она, во всякомъ случаѣ, грибъ. Шекспиръ все еще дожидается своей статуи въ Англіи. Беккарія—въ Италіи, а между тѣмъ г. Дюпену, повидимому, уже собираются воздвигать памятникъ во Франціи. Пріятно, конечно, видѣть этотъ публичный почетъ, воздаваемый людямъ, сдѣлавшимъ честь своей странѣ, какъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, гдѣ волненіе, удивленіе, сожалѣніе и толпа въ траурѣ все «возрастали» на трехъ похоронахъ—Веллингтона, Пальмерстона и боксёра Тома Сайерса.

На о. Джерсеѣ есть «Холмъ Повѣшенныхъ», чего недостаетъ Гернсею. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ на Джерсеѣ былъ повѣшенъ одинъ человѣкъ за кражу изъ запертого ящика стола двѣнадцати су, правда, въ то же самое время въ Англіи повѣсили 13-лѣтняго ребенка за кражу пирожковъ, а во Франціи отрубили голову совершенно невинному Лезюрку. Красоты смертной казни! Но нынѣ Джерсей, болѣе просвѣщенный, чѣмъ Лондонъ, уже не допускаетъ у себя висѣлицы. Смертная казнь упразднена на немъ, если не de jure, то de facto.

Въ тюрьмахъ очень строго слѣдятъ за чтеніемъ заключенныхъ. Арестантъ имѣетъ право читать только Библію. Въ 1830 году одному французу, приговоренному къ смертной казни, нѣкоему Беассу, позволено было читать, въ ожиданіи висѣлицы, трагедіи Вольтера. Такого безобразія нынче не допустили бы. Этотъ Беассъ былъ предпослѣдній изъ повѣшенныхъ на Гернсеѣ; Таппнеръ былъ,—будемъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться на то,—послѣднимъ.

Гернсейскій судья до 1825 года получалъ, въ видѣ жалованья, тридцать турскихъ ливровъ, назначенныхъ ему еще при Эдуардѣ III, т.-е. около пятидесяти франковъ; въ настоящее время онъ получаетъ триста фунтовъ стерлинговъ. Въ Гернсеѣ королевскій судъ называется «шумнымъ собраніемъ»; женщина, ведущая процессъ, называется «актрисой». Въ Гернсеѣ за извѣстныя преступленія приговариваютъ къ наказанію кнутомъ; въ Джерсеѣ осужденныхъ сажаютъ въ желѣзную клѣтку. На островахъ довольно пре-

---

[1]) Мужъ королевы Викторіи, принцъ Альбертъ, дѣдъ нынѣшняго короля Георга V.

Прим. ред.

небрежительно относятся къ мощамъ, но съ благоговѣніемъ взираютъ на сапоги Карла II, хранящіеся, какъ святыня, въ Сентъ-Уэнскомъ замкѣ. Здѣсь въ ходу десятина, и во время прогулки то и дѣло наталкиваешься на будки сборщиковъ десятины; сборъ окороками отмѣненъ, но сборъ курами существуетъ. Пишущій эти строки ежегодно вноситъ по двѣ курицы въ пользу королевы англійской.

Налоги исчисляются нѣсколько страннымъ образомъ, на основаніи дѣйствительнаго или предполагаемаго имущества облагаемаго лица. Это влечетъ за собою то неудобство, что крупные потребители избѣгаютъ селиться на островахъ. Такъ, напримѣръ, г. Ротшильду, если бы ему вздумалось поселиться на Гернсеѣ на какой-нибудь хорошенькой дачкѣ, стоимостью въ двадцать тысячъ франковъ, то ему пришлось бы платить налога сто пятьдесятъ тысячъ франковъ въ годъ. Замѣтимъ еще, что если бъ онъ жилъ здѣсь только пять мѣсяцевъ въ году, то онъ ничего не платилъ бы. Важенъ только шестой мѣсяцъ.

Здѣшній климатъ—почти постоянная весна. Есть, пожалуй, и зима, есть, пожалуй, и лѣто; но не бываетъ ни Сенегала ни Сибири. Ла-Маншскіе острова—это англійскій Гіэръ: туда изъ Англіи посылаютъ слабогрудыхъ. Одинъ изъ гернсейскихъ приходовъ, напримѣръ, Сенъ-Мартенъ, считается маленькой Ниццой. Ни Тампэ, ни Жеменосъ, ни Валь-Сюзонъ не превосходятъ въ этомъ отношеніи долину де Во въ Джерсеѣ или долину Тальбота въ Гернсеѣ. Нельзя представить себѣ ничего болѣе свѣжаго, зеленаго и теплаго, какъ южные склоны Ла-Маншскихъ острововъ. Здѣсь встрѣчается и свой «high life»; эти маленькіе острова имѣютъ свой большой свѣтъ. Здѣсь ведутся великосвѣтскіе разговоры на французскомъ языкѣ, конечно, нѣсколько своеобразномъ, какъ мы сказали выше.

Джерсей чтитъ память генерала Дона; Гернсей чтитъ память генерала Дойля: это два бывшіе губернатора острововъ начала нынѣшняго столѣтія. На Джерсеѣ есть «улица Дона», на Гернсеѣ—набережная Дойля. Кромѣ того Гернсей соорудилъ и посвятилъ своему генералу высокую колонну у берега моря, которую видно съ острова Каскэ, а Джерсей подарилъ своему генералу одинъ громадный друидическій камень. Этотъ камень находился вблизи Сенъ-Геліе, на холмѣ, на которомъ возвышается нынѣ фортъ Регента. Генералъ Донъ принялъ этотъ подарокъ, велѣлъ перевезти его, по частямъ, къ берегу, нагрузить на фрегатъ, и увезъ его. Этотъ памятникъ составлялъ гордость Ла-Маншскихъ острововъ, такъ какъ онъ былъ единственнымъ круглымъ, друидическимъ камнемъ всего архипелага. Онъ, вѣроятно, помнилъ еще и киммерійцевъ, современниковъ Тюбаль-Каина, и кельтовъ, мозгъ которыхъ относится къ мозгу современныхъ людей, какъ восемнадцать къ тринадцати; онъ помнилъ и тѣ деревянныя башни, остатки которыхъ находятся въ старыхъ курганахъ, и палицы силексовъ, и сѣкиры друидовъ! Онъ существовалъ еще раньше римской стѣны и заключалъ въ себѣ четырехтысячелѣтнюю исторію. По но-

чамъ матросы, при лунномъ свѣтѣ, издали различали эту громадную корону изъ прямыхъ скалъ на обрывистыхъ берегахъ Джерсея. А нынѣ это не что иное, какъ груда камней на территоріи такого-то селенія въ Англіи.

XVII.

Совмѣстимость противоположностей.

Здѣсь существуетъ право первородства, десятина, приходъ, помѣщикъ да еще два вида помѣщиковъ, ленный и усадебный; существуетъ крикъ «Наго», съ своими послѣдствіями (такъ, еще не далѣе, какъ въ 1864 году, джерсейскому суду пришлось разбирать въ публичномъ засѣданіи «дѣло о крикѣ «Наго» между конюхомъ Николаемъ и Мелешскимъ помѣщикомъ Годфреемъ»); существуетъ турскій ливръ, конфискація помѣстья, право перваго владѣльца, подданство, выкупъ родового имѣнія,—словомъ, существуютъ средніе вѣка, существуютъ сенешалы, сотники, двадесятники, десятники; существуетъ ежегодный объѣздъ дорогъ виконтомъ, со свитой коннетаблей; существуетъ обычай избирать срокомъ для денежныхъ расчетовъ большіе годовые праздники: Рождество, Пасху, Ивановъ день, Михайловъ день. Недвижимость здѣсь не продается, а отдается въ аренду. На судѣ можно услышать такого рода діалоги: «Профосъ, было ли оглашено въ должный день, часъ и въ должномъ мѣстѣ о времени засѣданія суда?»—«Да».—«Аминь. Разсматривается дѣло такое-то». Крестьянинъ не имѣетъ права жаловаться на черезполосность владѣнія. Помѣщику принадлежитъ право пользоваться случайными находками, кладами и т. д. Помѣщикъ не подлежитъ приводу въ судъ силою, отъ него не требуется присяги.

Настоящіе средніе вѣка, скажете вы? Нѣтъ, настоящая свобода. Пріѣзжайте сюда, живите здѣсь, переѣзжайте, куда вамъ угодно, дѣлайте, что вамъ угодно, будьте, кѣмъ вамъ угодно, никто не имѣетъ права освѣдомиться о вашемъ имени. У васъ свой Богъ? Проповѣдуйте его. У васъ свое знамя? Поднимайте его. Гдѣ? Да хоть бы на улицѣ! Оно бѣлое? Хорошо. Оно синее? Тѣмъ лучше. Оно красное? И красный цвѣтъ—тоже цвѣтъ. Вамъ угодно бранить правительство? Взлѣзайте на тумбу и громите его. Вы желаете устроить публичную сходку? Устраиваете. Но изъ сколькихъ человѣкъ? Изъ сколькихъ вамъ угодно. Но какіе же для того существуютъ предѣлы? Никакихъ. Вамъ угодно созвать народъ? Созывайте. Но гдѣ? Да хоть на городской площади. Вы желаете нападать на королевскую власть? Это до властей не касается. Вы желаете расклеить афиши? А вотъ стѣны. Думайте, говорите, проповѣдуйте, пишите, печатайте, что вамъ угодно! Это ваше дѣло.

Все слышать и все читать вызываетъ и потребность все говорить и все писать. Отсюда, полная свобода слова и печати. Здѣсь всякій желающій можетъ быть типографщикомъ, апостоломъ, жрецомъ; если вамъ угодно, вы можете даже быть папой: вамъ для этого стоитъ только выдумать новую религію. Придумайте новаго бога и дѣлайтесь его пророкомъ. До этого никому нѣтъ дѣла; въ

случаѣ нужды полисменъ поможетъ вамъ, но уже никакъ не помѣшаетъ. Здѣсь всякій свободно обсуждаетъ судебные приговоры; всякій имѣетъ право поучать проповѣдника и судить судью. Въ газетахъ вы читаете: «Вчера судъ постановилъ несправедливый приговоръ». Здѣсь—странное дѣло!—признаваемая всѣми законодательствами возможность судебныхъ ошибокъ не имѣетъ права ни на малѣйшее уваженіе. Здѣсь людская справедливость можетъ составлять предметъ такихъ же споровъ и пререканій, какъ и откровенія свыше. Словомъ, трудно было бы представить себѣ болѣе широко понятую свободу личности. Свобода до того полная и до того слившаяся съ жизнью, что ее, такъ сказать, больше не чувствуешь. Право носится въ воздухѣ; оно безцвѣтно, незамѣтно для глаза и необходимо, какъ воздухъ. А въ то же время всѣ строго придерживаются строгой законности; это граждане, гордящіеся званіемъ подданныхъ. Въ концѣ-концовъ, здѣсь владычествуетъ и царствуетъ девятнадцатый вѣкъ; онъ прорывается во всѣ окна этого сохранившагося до нашихъ дней средневѣковаго зданія. Старинная нормандская легальность насквозь проникнута духомъ законности. Это старое зданіе залито свѣтомъ; нельзя представить себѣ болѣе современнаго анахронизма. Исторія создала этотъ архипелагъ средневѣковымъ, промышленность и просвѣщеніе сдѣлали его современнымъ. Онъ спасается отъ неподвижности благодаря безпрерывному дѣйствію здоровыхъ легкихъ населенія его. Феодальный строй «de jure», республика «de facto—вотъ что такое этотъ феноменъ!

Въ этой безграничной свободѣ существуетъ одно только исключеніе, на которое мы уже указывали. Въ Англіи существуетъ одинъ только тиранъ, и имя ему—воскресный день. Хотя англичане и создали пословицу «время деньги», однако этотъ тиранъ-воскресенье сократилъ недѣлю до шести дней, т.-е. другими словами, онъ отнимаетъ у англичанъ седьмую часть ихъ капитала. И здѣсь немыслимо никакое сопротивленіе. Власть воскреснаго дня основана на обычаѣ, а обычай—самый строгій изъ тирановъ. Воскресный день, этотъ мѣстный король, имѣетъ наслѣднаго принца—сплинъ. Скука здѣсь какъ бы обязательна. Воскресенье запираетъ мастерскія, лабораторіи, библіотеки, музеи, театры, чуть ли не сады и лѣса. Впрочемъ, нужно замѣтить, что англійское воскресенье тяготѣетъ надъ Джерсеемъ меньше, чѣмъ надъ Гернсеемъ. Въ Гернсеѣ бѣдная французская кабатчица поднесла въ воскресенье одному прохожему стаканъ пива; это повлекло за собою для нея двухнедѣльное тюремное заключеніе. Одинъ эмигрантъ-сапожникъ вздумалъ работать въ воскресенье, чтобы прокормить свою жену и дѣтей, и онъ заперъ ставни, чтобы не слышно было стука его молотка: если его услышатъ — штрафъ. Однажды, въ воскресенье, одинъ живописецъ, только что прибывшій изъ Парижа, останавливается на дорогѣ, чтобы срисовать дерево. Сотскій окликаетъ его, приглашаетъ прекратить скандалъ, и лишь изъ снисхожденія къ его невѣдѣнію не тащитъ его въ полицію. Одинъ цырюльникъ изъ Соутимптона вздумалъ въ воскре-

сенье брить какого-то прохожаго—съ него взяли три фунта стерл. штрафа. И такихъ примѣровъ можно было бы привести еще множество.

Впрочемъ, нельзя не назвать счастливымъ того народа, который свободенъ шесть дней изъ семи. Если на Гернсеѣ воскресенье является синонимомъ отсутствія свободы, то можно сказать, что есть и такіе народы, у которыхъ бываетъ семь воскресеній въ недѣлю. Къ тому же можно надѣяться, что, рано или поздно, исчезнутъ и эти послѣднія стѣсненія. Безъ сомнѣнія, духъ правовѣрія упоренъ. Безъ сомнѣнія, не лишенъ значенія процессъ, недавно затѣянный въ Англіи противъ епископа Колензо! Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду и тѣхъ шаговъ, которые Англія сдѣлала на пути прогресса и свободы мысли съ тѣхъ поръ, какъ Элліотъ былъ преданъ суду за то, что осмѣлился утверждать, будто солнце обитаемо. Предразсудки падаютъ вмѣстѣ съ паденіемъ стариннаго общественнаго строя. Этотъ часъ уже насталъ.

Прогрессъ на островахъ Ла-Маншскаго архипелага тронулся съ мѣста и теперь уже не остановится. Населеніе его сохраняетъ свой первобытный характеръ, что не мѣшаетъ ему быть гостепріимнымъ и космополитическимъ. На немъ отозвалась въ семнадцатомъ столѣтіи англійская революція, а въ девятнадцатомъ—французская. Два раза оно почувствовало глубокое сотрясеніе свободы. Вообще всѣ архипелаги отличаются любовью къ свободѣ. Быть-можетъ, здѣсь сказывается таинственное вліяніе моря и вѣтровъ.

XVIII.

Убѣжище.

Острова эти, когда-то страшные, теперь сдѣлались гостепріимными. Прежде они были мѣстомъ кораблекрушеній, нынѣ они сдѣлались убѣжищами. Эти мѣста гибели теперь сдѣлались мѣстами спасенія; здѣсь выплываетъ изъ пучины морской тотъ, кто избѣгъ гибели. Сюда спѣшатъ всѣ потерпѣвшіе кораблекрушеніе, какъ въ морскихъ, такъ и въ политическихъ буряхъ. Какъ морякъ, такъ и изгнанникъ, промокшіе отъ разныхъ видовъ пѣны, сушатся здѣсь рядомъ на солнцѣ. Шатобріанъ, молодой, бѣдный, неизвѣстный, бездомный, сидѣлъ на одномъ изъ камней старой Гернсейской набережной. Какая-то добрая женщина подошла къ нему и спросила: «Чего вы желаете, мой другъ?» Для французскаго изгнанника служитъ большимъ утѣшеніемъ то, что онъ встрѣчается на этихъ островахъ съ тѣмъ же (за немногими вышеуказанными исключеніями) французскимъ языкомъ, языкомъ цивилизаціи, съ этимъ провинціальнымъ акцентомъ, съ тѣми же возгласами, раздающимися и въ нашихъ портахъ, съ тѣми же припѣвами нашихъ улицъ и нашихъ пашенъ. Людовикъ XIV поселилъ среди этого стариннаго нормандскаго населенія извѣстное число настоящихъ французовъ, говорившихъ на чистомъ французскомъ языкѣ; отмѣна Нантскаго эдикта послужила къ освѣженію на

этихъ островахъ французскаго языка. Французы материка охотно ѣздятъ отдыхать на острова Ла-Маншскаго архипелага; они мечтаютъ и выжидаютъ среди этихъ скалъ, и этотъ выборъ ихъ объясняется именно удовольствіемъ слышать здѣсь, на чужой территоріи, свой родной языкъ. Маркизъ де-Ривьеръ, тотъ самый, которому Карлъ X какъ-то сказалъ: «А кстати, я забылъ сообщить тебѣ, что пожаловалъ тебѣ титулъ герцога», плакалъ передъ джерсейскими яблонями и предпочиталъ Каменную дорожку Джерсея лондонскому Оскфордъ-стриту. На этой же Каменной дорожкѣ жилъ герцогъ д'Анвиль, принадлежавшій къ семейству Рогановъ и Ларошфуко. Однажды этому герцогу д'Анвилю, у котораго была старая собака-такса, пришлось посовѣтоваться относительно своего здоровья съ однимъ врачомъ въ Сенъ-Гелье; при этомъ онъ нашелъ, что докторъ этотъ пригодится и для его собаки, и онъ спросилъ у него какого-то совѣта относительно послѣдней. Собака, впрочемъ, вовсе не была больна: это была лишь плохая шутка со стороны вельможи. На слѣдующее утро герцогъ получилъ отъ врача слѣдующій счетъ: «Двѣ консультаціи: относительно г. герцога одинъ червонецъ, относительно собаки десять червонцевъ».

Острова эти предназначены какъ бы самой судьбой къ тому, чтобы служить убѣжищемъ. Здѣсь перебывали всякаго рода гонимые, начиная съ Карла II, убѣгавшаго отъ Кромвелля, и кончая герцогомъ Беррійскимъ, отправлявшимся подъ ножъ Лувеля. Еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ здѣсь же побывалъ Цезарь, котораго долженъ былъ впослѣдствіи убить Брутъ. Начиная съ XVII столѣтія, острова эти относились братски ко всему міру; они гордятся своимъ гостепріимствомъ и вполнѣ безпристрастны въ дѣлѣ предоставленія убѣжища. Будучи роялистскими, они принимали у себя побѣжденныхъ республиканцевъ; будучи протестантскими, они принимали эмигрантовъ-католиковъ, и даже, какъ мы уже сказали выше, простираютъ свою любезность къ нимъ до того, что ненавидятъ Вольтера. А такъ какъ, по мнѣнію многихъ людей, и въ особенности по взглядамъ государственныхъ религій, ненавидѣть нашихъ враговъ самое лучшее средство для доказательства любви къ намъ, то, очевидно, католицизмъ пользуется большою любовью на Ла-Маншскихъ островахъ.

Для вновь прибывшаго, только что избѣгнувшаго кораблекрушенія и выжидающаго дальнѣйшихъ сюрпризовъ судьбы, тягость одиночества бываетъ порою очень чувствительна. Отчаяніе носится въ воздухѣ; и вдругъ онъ ощущаетъ какое-то мягкое, подбадривающее вѣяніе. Что такое это вѣяніе? Звукъ голоса, слово, воздухъ, почти ничего! А между тѣмъ этого «ничего» достаточно. Кому на семъ свѣтѣ не приходилось испытывать на себѣ могущества этого «ничто»!

Лѣтъ десять или двадцать тому назадъ, одинъ французъ, незадолго передъ тѣмъ высадившійся на Гернсеѣ, бродилъ по западному берегу острова, одинокій, печальный, скорбящій, думая объ утраченномъ отечествѣ. Въ Парижѣ фланируютъ, на о. Гернсеѣ бродятъ. Островъ этотъ казался ему мрачнымъ. Туманъ все

застилалъ, волны ударялись о берегъ, море выпускало на прибрежные утесы цѣлые залпы пѣны, небо было непривѣтливо и черно. Дѣло, однако, происходило весною. Но оказывается, что морская весна носитъ зловѣщее имя: она называется равноденствіемъ; она отличается скорѣе ураганами чѣмъ зефирами, и не въ одинъ майскій день морская пѣна, подбрасываемая этимъ ураганомъ, подымалась на двадцать футовъ выше сигнальной мачты, водруженной на самой высокой площадкѣ замка Корнэ. Французу этому казалось, будто онъ очутился въ Англіи, а онъ не зналъ ни слова по-англійски. Старый флагъ Соединеннаго королевства, истрепленный вѣтромъ, развѣвался на полуразрушенной башнѣ, возвышавшейся на пустынномъ мысу; на берегу чернѣли только двѣ или три хижины; кругомъ—песокъ, верескъ, колючій терновникъ, пустыри; нѣсколько приморскихъ батарей, съ широкими амбразурами, выставляли тамъ и сямъ свои углы. Камни, обтесанные человѣкомъ, имѣли такой же печальный видъ, какъ и утесы, отполированные моремъ. Французъ почувствовалъ, какъ въ сердцѣ его накопляется та жгучая боль, которою начинается тоска по родинѣ. Онъ слушалъ, смотрѣлъ,—ни одного свѣтлаго луча! По воздуху носились, выжидая добычи, бакланы; выше ихъ неслись облака; на всемъ горизонтѣ лежала какая-то свинцовая тяжесть; съ неба точно опускалась на землю тяжелая завѣса,—признаки сплина въ саванѣ бурь. Ничто кругомъ не походило на надежду, ничто не походило также на родину. Французъ впадалъ все въ болѣе и болѣе глубокую задумчивость. Вдругъ онъ поднялъ голову. Изъ полуотворенной двери сосѣдней избушки раздался свѣжій, чистый, пріятный дѣтскій голосокъ, и голосокъ этотъ распѣвалъ по-французски:

«Гуляй въ поляхъ, гуляй въ лѣсахъ и пользуйся любовью».

XIX.

Подслушанный куплетъ.

Однако не всѣ воспоминанія о Франціи въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ одинаково пріятны. Одинъ прохожій, гуляя однажды, въ воскресенье, по чудному острову Серку, услышалъ распѣваемый на дворѣ одной мызы слѣдующій куплетъ изъ старинной гугенотской пѣсни, очень торжественно распѣваемый хоромъ на религіозно-кальвинистскій мотивъ:

«Всѣ, всѣ, всѣ смердятъ, какъ падаль, одинъ только сладчайшій Христосъ мой благоухаетъ».

Грустно, прискорбно вспоминать, что люди умирали въ Севенскихъ горахъ подъ мотивъ и съ текстомъ этой пѣсни. Куплетъ этотъ, невольно-комическій по формѣ, глубоко трагиченъ по существу. Надъ нимъ смѣются, а между тѣмъ, надъ нимъ слѣдовало бы плакать. На мотивъ этого куплета Боссюэтъ, одинъ изъ сорока членовъ французской Академіи, кричалъ: «Убивайте, убивайте ихъ!»

Впрочемъ, для фанатизма, отвратительнаго, когда онъ преслѣдуетъ. величественнаго и трогательнаго, когда онъ составляетъ

предметъ преслѣдованія, внѣшняя оболочка гимна ничего не составляетъ. У него свой великій и мрачный внутренній гимнъ, который поетъ тайно въ душѣ, безъ словъ. Онъ дѣлаетъ возвышеннымъ даже смѣшное, и каковы бы ни были поэзія и проза его жрецовъ, онъ преображаетъ эту поэзію и прозу безпредѣльной, скрытой гармоніей своей вѣры. Онъ уравновѣшиваетъ грубость словъ величіемъ добровольно принятыхъ на себя испытаній и перенесенныхъ пытокъ. Тамъ, гдѣ не достаетъ поэзіи, онъ вкладываетъ свою душу. Что за бѣда, если либретто мученичества низменно, лишь бы самъ мученикъ былъ великъ!

XX.

Человѣкъ—разрушитель.

Въ извѣстные промежутки времени очертанія острововъ измѣняются. Островъ, это—океаническая постройка. Матерія вѣчна, но не вѣченъ внѣшній видъ. Все на землѣ носитъ въ себѣ зародыши смерти, даже то, что не создано руками человѣческими, даже гранитъ. Все теряетъ свой образъ, даже безобразное. Сооруженія моря разрушаются такъ же, какъ и всякія другія. Море воздвигло ихъ, море же и разрушаетъ ихъ. Въ теченіе пятнадцати вѣковъ, на одномъ только протяженіи между устьями Эльбы и устьями Рейна, скрылись въ пучинѣ морской семь острововъ изъ двадцати трехъ; теперь ихъ приходится искать на днѣ моря. Въ тринадцатомъ столѣтіи море образовало Зюдерзе, въ пятнадцатомъ оно создало Биръ-Бошскій заливъ, уничтоживъ при этомъ двадцать два селенія; въ шестнадцатомъ оно импровизировало Доллартскій заливъ, поглотивъ селеніе Турмъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ впереди отвѣсного утеса Бугло, на нормандскомъ побережьѣ, можно было видѣть, подъ поверхностью моря, колокольню стараго селенія Бургдо, затопленнаго волнами. Въ Экре-Гу, какъ говорятъ, можно иногда различить во время большого отлива, подводныя нынѣ деревья друидической рощи, затопленной въ восьмомъ столѣтіи. Когда-то Гернсей соединенъ былъ съ Гермомъ, Гермъ—съ Серкомъ, Серкъ—съ Джерсеемъ, а Джерсей—съ материкомъ Франціи. Между Франціей и Джерсеемъ ребенокъ могъ перейти въ бродъ черезъ проливъ; а когда кутанскій епископъ отправлялся въ Джерсей, въ проливъ набрасывали вязанки прутьевъ, для того, чтобы епископъ не замочилъ себѣ ногъ.

Море строитъ и разрушаетъ, а человѣкъ помогаетъ морю,—не въ постройкѣ, а въ разрушеніи. Изъ всѣхъ зубьевъ времени самый разрушительный — это кирка человѣка. Человѣкъ — грызунъ по природѣ. Онъ все измѣняетъ и переиначиваетъ, то къ лучшему, то худшему. Здѣсь онъ обезображиваетъ, тамъ онъ преображаетъ. Роландова брешь вовсе не такъ баснословна, какою она кажется: здѣсь человѣкъ помогалъ природѣ; здѣсь рубецъ человѣческаго труда виденъ на твореніи Божьемъ. Человѣкъ какъ будто беретъ на себя докончить дѣло, начатою иною, высшей силою. Онъ приспособляетъ дѣло природы къ своимъ цѣлямъ. Онъ настолько

смѣлъ, можно бы было даже сказать — нечестивъ, что видитъ въ этомъ свою задачу. Сотрудничество иногда можетъ быть оскорбительнымъ. Человѣкъ, живущій на землѣ по краткосрочному векселю, находящійся въ постоянномъ ожиданіи смерти, берется за безконечное. Онъ предпринимаетъ блокаду противъ всѣхъ приливовъ и отливовъ моря, противъ стихіи, желающей соединиться съ стихіей, противъ окружающихъ его явленій, противъ могучаго движенія силъ въ глубинѣ. И онъ позволяетъ себѣ восклицать: «Досюда, и не дальше!» У него свои вкусы, и онъ требуетъ, чтобы міръ сообразовался съ нимъ. Развѣ міръ созданъ не для него? Ну, такъ имѣетъ же онъ право дѣлать съ нимъ, что ему угодно? Міръ—это, по его мнѣнію, сырой матеріалъ. Міръ созданіе Бога,— не что иное, какъ канва, на которой человѣкъ будетъ вышивать свои узоры. Все ограничиваетъ человѣка, но ничто не въ состояніи его остановить; онъ готовъ перешагнуть черезъ всякій, положенный ему, предѣлъ. Невозможное, это — грань, которую всегда можно отодвинуть.

Геологическая формація, основаніемъ которой служитъ илъ потопа, а вершиной—вѣчный снѣгъ, является для человѣка такою же стѣной, какъ и всякая другая: онъ пробиваетъ ее и идетъ дальше. Онъ прорываетъ перешеекъ, проводитъ туннель сквозь нѣдра горы исполина, срѣзываетъ утесъ, обходитъ залежи, раздробляетъ мысы. Когда-то онъ давалъ себѣ этотъ трудъ ради Ксеркса; нынѣ онъ даетъ его себѣ ради себя самого; и это уменьшеніе глупости называется прогрессомъ. Человѣкъ трудится надъ своимъ домомъ, а домъ этотъ — шаръ земной. Онъ переставляетъ, передвигаетъ, уничтожаетъ, срубаетъ, подкапывается, ломаетъ, испепеляетъ, стираетъ и то и другое, и изъ уничтоженнаго создаетъ нѣчто новое. Ничто не останавливаетъ его, ни размѣры, ни форма, ни плотность матеріала, ни величіе природы. Если онъ только можетъ достать безмѣрность созданія, онъ пробиваетъ въ ней брешь. Его соблазняетъ возможность наложить руку на величіе Божіе, и онъ идетъ съ молоткомъ въ рукѣ на приступъ громаднаго. Быть-можетъ, со временемъ онъ вздумаетъ срыть Альпы. Муравей подтачивается подъ шаръ земной. Дитя, ломая игрушку, какъ бы ищетъ въ ней души; человѣкъ тоже какъ бы ищетъ души шара земного.

Однако намъ не слѣдуетъ преувеличивать нашего могущества. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, великія черты созданія продолжаютъ существовать; міровыя массы не зависятъ отъ человѣка. Онъ можетъ коснуться частностей, но не цѣлаго. Да и хорошо, что такъ: цѣлое должно зависѣть отъ Провидѣнія. Высшіе законы природы стоятъ внѣ нашего осязанія; то, что мы дѣлаемъ, касается только поверхности. Человѣкъ одѣваетъ или раздѣваетъ землю. Обезлѣсеніе земли, это—тоже снятіе съ нея одежды. Но замедлить коловращеніе земли вокругъ своей оси, ускорить движеніе ея по своей орбитѣ, прибавить или убавить хотя бы одинъ аршинъ въ пробѣгаемомъ землею ежедневно вокругъ солнца протяженіи 718 тысячъ миль въ день, измѣнить эпохи равноденствія, уничтожить

хотя бы одну каплю дождя,—этого онъ никогда не достигнетъ! Что не въ его власти, то не въ его власти. Человѣкъ можетъ, пожалуй, измѣнить отчасти климатъ, но не можетъ переставить времена года, не можетъ заставить луну двигаться иначе, какъ по своей эклиптикѣ.

Мечтатели, и нѣкоторые изъ нихъ очень знаменитые, мечтали о водвореніи на землѣ вѣчной весны. Крайнія времена года, лѣто и зима, зависятъ отъ крайняго наклоненія оси земли на площади той эклиптики, о которой мы только что говорили. Для того, чтобы уничтожить различіе временъ года, стоило бы только перевести эту ось изъ наклоннаго положенія въ прямое. Что можетъ быть проще? Вставьте въ полюсъ колъ, который доходилъ бы до центра земли, прикрѣпите къ нему цѣпь, найдите внѣ земли достаточно обширное поле для тяги, впрягите десять милліардовъ упряжей по десяти милліардовъ лошадей въ каждой,—и ось земная выпрямится, и у васъ будетъ вѣчная весна. Какъ видите, читатель, дѣло стало за пустяками.

Нѣтъ, намъ приходится искать рая земного въ чемъ-нибудь другомъ. Вѣчная весна—дѣло прекрасное, что и говорить; но свобода и справедливость—нѣчто еще лучшее. Рай земной долженъ быть моральный, а не матеріальный. А быть свободными и справедливыми—это въ нашей власти. Вѣчная весна—внутри насъ: для этого необходима только вѣчная ясность духа.

XXI.

Вмѣсто скалъ—щебень.

Гернсей имѣетъ трехугольную форму. Самый большой изъ островъ такой формы, это—Сицилія. Она принадлежала Нептуну, а каждый изъ ея угловъ былъ посвященъ одной изъ оконечностей Нептунова трезубца. На трехъ мысахъ ея было выстроено по храму; одинъ на мысѣ Декстра (правомъ), другой на мысѣ Синистра (лѣвомъ) и третій на мысѣ Дубія (среднемъ); Декстра считался мысомъ рѣкъ, Синистра мысомъ морей, а Дубія мысомъ дождей. Несмотря на угрозу египетскаго царя Псамметиха, высказанную Тразидею, тирану Агригента, сдѣлать Сицилію «круглою, какъ дискъ», эти углы не поддаются рукамъ человѣческимъ и сохранятся до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушитъ новый всемірный потопъ, подобный тому, который создалъ ихъ. У Сициліи на вѣки вѣчные останется свой Пелорскій мысъ, обращенный къ Италіи, свой Пахинскій мысъ, обращенный къ Греціи, и свой Лилибейскій мысъ, обращенный къ Африкѣ. Равнымъ образомъ и Гернсей на вѣки вѣчные сохранитъ свой Анкрекскій мысъ на сѣверѣ, свой Пленмонскій мысъ на юго-западѣ и свой Жербургскій мысъ на юго-востокѣ.

Но, за этимъ исключеніемъ, Гернсей находится въ состояніи полнѣйшей ломки. Прекрасный гранитъ—кто его желаетъ? Весь берегъ продается чуть не съ аукціоннаго торга; жители распродаютъ свой островъ по частямъ. Интересный утесъ «Чортова скала»

проданъ недавно за нѣсколько фунтовъ стерлинговъ. Когда обширная каменоломня около Вилль-Бодю будетъ истощена, перейдутъ къ другой. Вся Англія требуетъ этого камня. Для одной только новой плотины на Темзѣ потребуется его не менѣе двухсотъ тысячъ тонъ. Тѣ архиблагонамѣренные люди, которые особенно дорожатъ прочностью королевскихъ статуй, очень сожалѣли о томъ, что пьедесталъ мѣднаго памятника принцу Альберту сдѣланъ изъ чизерингскаго, а не изъ гернсейскаго гранита. Но какъ бы то ни было, а берега Гернсея крошатся подъ киркой. Въ какихъ-нибудь четыре года близъ Сенъ-Пьеръ-Пора, на глазахъ у обывателей Лафалю, исчезла цѣлая гора.

И то же самое дѣлается въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ. Въ настоящее время городъ Вальпарайсо продаетъ съ публичнаго торга живодерамъ великолѣпные и почтенные холмы, которымъ онъ обязанъ своимъ названіемъ «Райская Долина» [1].

Старики-гернсейцы уже не узнаютъ болѣе своего острова. Они готовы были бы воскликнуть: «Да намъ подмѣнили нашу родину!» — какъ Веллингтонъ сказалъ по поводу Ватерлоо, который былъ его второй родиной. Прибавьте къ этому то, что Гернсей, говорившій когда то по-французски, говоритъ нынѣ по-англійски,—еще ломка!

До 1805 года Гернсей былъ раздѣленъ на двѣ части. Морской рукавъ перерѣзалъ его изъ конца въ конецъ, начиная отъ горы Восточный Кревель до горы Западный Кревель. Рукавъ этотъ вливался на западѣ въ море насупротивъ Фрекье и Со-рокье: онъ образовалъ въ разныхъ мѣстахъ бухты, входившія довольно далеко въ сушу, и одна изъ нихъ простиралась даже до Сальтернса. Рукавъ этотъ назывался Брэ-дю-Валь. Въ прошломъ столѣтіи онъ служилъ мѣстомъ причала для лодокъ и представлялъ собою какъ бы океанскую улицу, узкую и извилистую. Подобно тому, какъ голландцы высушили Гарлемское озеро, превративъ его въ довольно, впрочемъ, безобразную, равнину, гернсейцы засыпали морской рукавъ и превратили его въ лугъ. Изъ улицы они сдѣлали тупикъ, и тупикъ этотъ называется портомъ св. Сампсонія.

XXII.

Добродушіе обитателей архипелага.

Тотъ, кто видѣлъ Нормандскій архипелагъ, не можетъ не полюбить его. Тотъ, кто жилъ здѣсь, не можетъ не уважать его обитателей. Это благородный, великодушный народецъ, настоящіе моряки. Это совершенно особое племя. Они какъ будто стоятъ цѣлой головою выше обитателей материка. Они свысока относятся къ англичанамъ, которые, съ своей стороны, склонны смотрѣть съ пренебреженіемъ на «эти три-четыре цвѣточныхъ горшка въ бассейнѣ океана». На это Джерсей и Гернсей отвѣчаютъ: «Мы—норманны, мы—завоеватели Англіи». Можно улыбаться этому, можно это и уважать.

---

[1] По-испански: «Val»—долина и «Paraïso»—рай.

Когда-нибудь Парижъ введетъ эти острова въ моду и обогатитъ ихъ; они этого вполнѣ заслуживаютъ. Въ тотъ день, когда ихъ ближе узнаютъ, они шибко пойдутъ впередъ по пути благосостоянія. Въ нихъ та особенность, что при климатѣ, располагающемъ къ праздности, они обладаютъ населеніемъ, созданнымъ для труда. Съ одной стороны, пастушеская, идиллическая лѣнь, съ другой—лихорадочная дѣятельность верфи. Въ Нормандскомъ архипелагѣ меньше солнца, чѣмъ въ средиземномъ, но зато больше зелени; столько же зелени, какъ и на Шотландскихъ островахъ, но больше солнца. Здѣсь вы не найдете Астипалейскаго храма, но зато найдете остатки друидическихъ построекъ. Здѣсь нѣтъ Фингаловой пещеры, но есть пещера Серкская. Гюэская мельница стоитъ Трепора; Азетскій берегъ стоитъ Трувильскаго; Племонъ стоитъ Этрета. Мѣстность красива, народъ бодръ, исторія — способна внушить гордость, дикіе берега величественны. Архипелагъ имѣетъ своего апостола Геліэ, своего поэта — Роберта Уаса, своего героя — Пирсона. Многіе изъ самыхъ выдающихся генераловъ и адмираловъ Англіи уроженцы этого архипелага. Эти бѣдные рыбаки при случаѣ оказываются великодушными и щедрыми. При подпискахъ въ пользу манчестерскихъ голодающихъ и потерпѣвшихъ отъ наводненія въ Ліонѣ, Джерсей и Гернсей пожертвовали, пропорціонально, больше, чѣмъ Франція и Англія [1]).

Населеніе сохранило отъ старой своей контрабандистской жизни наклонность къ риску и безстрашіе. Оно, подобно пчелиному рою, всюду проберется. Нынѣ нормандскій архипелагъ колонизируетъ другія мѣстности, какъ нѣкогда греческій,—и въ томъ его слава. Джерсейцы и гернсейцы встрѣчаются въ Австраліи, и въ Калифорніи, и на о. Цейлонѣ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ есть и Нью-Джерсей, и Нью-Гернсей (послѣдній въ штатѣ Огайо). Эти англо-нормандцы, хотя и одеревянѣли немножко подъ вліяніемъ сектантства, выказываютъ, однако, необыкновенную способность къ прогрессу. Они, пожалуй, склонны къ суевѣрію, но это не мѣшаетъ имъ быть разсудительными. Да, наконецъ, развѣ Франція когда-то не была разбойнической, развѣ англичане не были людоѣдами? Не станемте кичиться и вспомнимъ о нашихъ татуированныхъ предкахъ.

Тамъ, гдѣ прежде процвѣтало разбойничество, нынѣ процвѣтаетъ торговля,—отрадное превращеніе! Здѣсь безъ сомнѣнія, замѣтна работа вѣковъ, но также и людей. И похвальный примѣръ тому подаетъ намъ микроскопическій архипелагъ. Эти маленькіе народцы могутъ служить образцами цивилизаціи. За это ихъ слѣдуетъ любить и уважать. Въ этихъ микроскопахъ отражается, во всѣхъ своихъ фазисахъ, все человѣчество. Джерсей, Гернсей,

[1]) Приводимъ относительно Гернсея цифры подписки въ пользу потерпѣвшихъ въ 1856 г. отъ наводненія во Франціи: Франція пожертвовала по 30 сантимовъ на каждаго жителя, Англія—по десяти сантимовъ, а Гернсей—по 38 сантимовъ.

Ориньи когда-то были разбойничьими притонами, а нынѣ это обширныя мастерскія; когда-то они были подводными камнями, нынѣ они безопасныя гавани.

Для внимательнаго наблюдателя той серіи превращеній, которая называется исторіей, не можетъ быть болѣе интереснаго зрѣлища, чѣмъ этотъ народъ, медленно, постепенно поднимающійся изъ тьмы морского дна на свѣтлую и ясную поверхность цивилизаціи. Человѣкъ, пребывавшій въ потемкахъ, поворачивается и обращается лицомъ къ утренней зарѣ. Ничто не можетъ быть величественнѣе и трогательнѣе. Когда-то морской разбойникъ—нынѣ честный труженикъ; когда-то дикарь—ныне гражданинъ; когда-то волкъ—нынѣ человѣкъ! Но, быть-можетъ, онъ уже не такъ смѣлъ, какъ прежде? Нѣтъ; но только эта смѣлость направлена на иныя, лучшія цѣли. Какая утѣшительная разница между нынѣшнимъ судоходствомъ, береговымъ, рѣчнымъ, торговымъ, честнымъ, братскимъ, и прежними безобразными плотами, девизомъ которыхъ служили слова: «Человѣкъ человѣку—волкъ». Перемычки превратились въ мосты; препятствіе превратилось въ содѣйствіе; пираты превратились въ лоцмановъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ они смѣлѣе и предпріимчивѣе, чѣмъ когда-либо. Страна эта осталась страною приключеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась страной честной. И чѣмъ ниже находилась точка отправленія, тѣмъ поразительнѣе подъемъ. Глядя на слѣды помета на яичной скорлупѣ въ гнѣздѣ, еще болѣе удивляешься широкому размаху крыльевъ вылетѣвшей изъ этого гнѣзда птицы. Теперь можно уже вспоминать безъ злобы о прежнемъ пиратствѣ Нормандскаго архипелага. При видѣ всѣхъ этихъ красивыхъ, бѣлыхъ парусовъ, безошибочно направляемыхъ электрическимъ свѣтомъ маяковъ, среди этого лабиринта подводныхъ камней и прибоя волнъ, невольно вспоминаешь, съ вполнѣ удовлетвореннымъ сознаніемъ движенія по пути прогресса, о тѣхъ старыхъ, суровыхъ морякахъ, которые когда-то плыли, точно крадучись, въ шлюпкахъ, лишенныхъ компасовъ, по чернымъ волнамъ, едва освѣщаемымъ разведенными кое-гдѣ, на мысахъ, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи и задуваемыми вѣтромъ, кострами, колеблющееся пламя которыхъ то угасало, то снова на секунду ярко вспыхивало.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

Часть первая.—ГОСПОДИНЪ КЛЮБЕНЪ.

Книга первая.—ИЗЪ ЧЕГО СОСТАВЛЯЕТСЯ ДУРНАЯ СЛАВА.

I.

Слово, написанное на бѣлой страницѣ.

Первый день Рождества 182... года былъ тѣмъ замѣчателенъ для острова Гернсея, что весь день, не переставая, валилъ снѣгъ. На Ла-Маншскихъ островахъ зима, въ которую вода замерзала, надолго остается въ памяти жителей, да и выпаденіе снѣга является цѣлымъ событіемъ.

Въ это рождественское утро дорога, идущая вдоль моря отъ Сентъ-Пьеръ-Пора къ Валлю, совершенно побѣлѣла отъ снѣга, падавшаго безпрерывно съ полуночи до самаго разсвѣта. Около девяти часовъ утра, вскорѣ послѣ восхода солнца, такъ какъ для англиканцевъ было еще рано отправляться въ церковь св. Сампсонія, а для кальвинистовъ—въ Эльдадскую молельню, то на дорогѣ не было почти никого. На всемъ протяженіи дороги между первою башнею и второю было только трое прохожихъ: ребенокъ, мужчина и женщина. Всѣ трое шли на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, и между ними, очевидно, не было ничего общаго. Ребенокъ—мальчикъ лѣтъ восьми, остановился и съ любопытствомъ разглядывалъ снѣгъ. Мужчина шелъ позади женщины, шагахъ въ двадцати отъ нея. Онъ, подобно ей, шелъ по направленію къ св. Сампсонію. Это былъ еще молодой человѣкъ, что-то въ родѣ матроса или чернорабочаго. Онъ былъ одѣтъ по-будничному, въ матросскую куртку изъ грубаго, коричневаго сукна и штаны изъ смоленаго холста, что, повидимому, указывало на то, что хотя былъ и великій праздникъ, но онъ не собирался итти въ церковь. Его толстые, выростковые башмаки, съ подошвами, подбитыми гвоздями, оставляли на снѣгу слѣды, болѣе похожіе на тюремный замòкъ, чѣмъ на человѣческую ногу. Женщина же, напротивъ, одѣлась, повидимому, по-праздничному, собираясь итти въ церковь. На ней былъ надѣтъ длинный, ватный салопъ, крытый чернымъ фаемъ, изъ-подъ котораго виднѣлось нарядное платье изъ ирландскаго поплина, полосатое, бѣлое съ розовымъ, и, не будь на ногахъ ея надѣты красные чулки, ее можно бы

было принять за парижанку. Она шла легкой и свободной походкой, и, судя по этой походкѣ, указывавшей на незнакомство съ тяготами жизни, не трудно было угадать въ ней дѣвушку. Во всей ея фигурѣ сказывалась грація переходнаго возраста, когда кончается ребенокъ и начинается женщина. Но шедшій позади ея мужчина не обращалъ на нее никакого вниманія.

Вдругъ возлѣ группы зеленыхъ дубовъ, росшихъ на поворотѣ дороги, возлѣ такъ называемыхъ «Низенькихъ Домовъ», она обернулась, и шедшій позади нея человѣкъ увидѣлъ ея лицо. Она остановилась, вглядывалась въ него въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, затѣмъ нагнулась и какъ будто стала что-то чертить пальцемъ по снѣгу. Затѣмъ она снова выпрямилась, пошла дальше ускореннымъ шагомъ, еще разъ обернулась, на этотъ разъ улыбаясь, и исчезла влѣво отъ дороги, свернувъ на тропинку, окаймленную изгородями и ведущую къ Ліерскому зàмку. Человѣкъ этотъ, когда она обернулась во второй разъ, узналъ Дерюшетту, одну изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ окрестности. Онъ, однако, не нашелъ ни малѣйшаго повода торопиться и нѣсколько минутъ спустя онъ очутился возлѣ группы дубовъ, на поворотѣ дороги. Онъ уже не думалъ больше объ исчезнувшей прохожей, и весьма вѣроятно, что если бы въ эту минуту какая-нибудь морская свинка прыгнула въ море или какой-нибудь реполовъ зашевелился въ кустахъ, человѣкъ этотъ прошелъ бы мимо поворота дороги, устремивъ глаза на птицу или на свинку. Но случайно, когда онъ шелъ съ опущенными въ землю глазами, взоръ его совершенно машинально упалъ на то мѣсто, на которомъ останавливалась молодая дѣвушка. Онъ увидѣлъ здѣсь на снѣгу слѣды двухъ маленькихъ ножекъ и рядомъ съ этими слѣдами слово, выведенное на снѣгу: «Жилліатъ».

Это было его имя: его звали Жилліатъ. Онъ долго стоялъ неподвижно, глядя на это слово, на слѣды ножекъ, на снѣгъ, и затѣмъ, въ глубокой задумчивости, продолжалъ свой путь.

II.

Домъ „Бю-де-ла-Рю“.

Жилліатъ жилъ въ приходѣ св. Сампсонія. Его тамъ не любили, и на то были свои причины.

Во-первыхъ, въ домѣ, въ которомъ онъ жилъ, было «нечисто». Въ Джерсеѣ или Гернсеѣ иногда случается, что, проходя въ деревняхъ и даже въ городахъ, въ захолустьѣ или на бойкой улицѣ, вамъ попадается домъ, дверь котораго заколочена. Двери заросли остролистомъ, какіе-то безобразные, дощатые пластыри закрываютъ окна нижняго этажа; окна же верхнихъ этажей одновременно и закрыты и открыты, такъ какъ всѣ рамы заперты на задвижки, но всѣ стекла выбиты. Если при домѣ есть дворъ, то онъ заросъ травой, а окружающій его заборъ обвалился. Если при немъ есть садъ, то въ саду этомъ растутъ только крапива, терновникъ и

болиголовъ, и въ немъ можно производить наблюденія надъ рѣдкими насѣкомыми. Трубы потрескались, крыша провалилась. Комнаты, насколько можно разглядѣть ихъ снаружи, представляютъ видъ запустѣнія; дерево сгнило, камни покрылись плѣсенью, обои отстали отъ стѣнъ. Вы можете изучить здѣсь старинныя моды на обои, драконы временъ имперіи, полумѣсяцы временъ директоріи, балясины и полустолбы эпохи Людовика XIV. Слои паутины, переполненной мухами, свидѣтельствуетъ о томъ, что пауки живутъ здѣсь въ глубокомъ мирѣ. Изрѣдка вы увидите на полкѣ разбитый горшокъ. Это домъ, въ которомъ «нечисто»; его, значитъ, по ночамъ посѣщаетъ дьяволъ.

Домъ, какъ и человѣкъ, можетъ превратиться въ трупъ; достаточно суевѣрія для того, чтобъ убить его. Тогда онъ дѣлается страшнымъ. Такіе дома-мертвецы нерѣдки въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ. Поселяне и моряки вообще не совсѣмъ спокойны относительно дьявола; тѣ же, которые обитаютъ этотъ англійскій архипелагъ вблизи французскаго берега, имѣютъ о немъ весьма точныя свѣдѣнія. Дьяволъ имѣетъ своихъ посланниковъ во всѣхъ странахъ земныхъ. Несомнѣнно, что Бельфегоръ — посланникомъ ада во Франціи, Гютгинъ — въ Италіи, Беліалъ — въ Турціи, Тамюзъ—въ Испаніи, Мартине—въ Швейцаріи, Маммонъ—въ Англіи. Сатана — верховный повелитель ихъ всѣхъ; это своего рода Цезарь. Онъ имѣетъ настоящій дворъ: Дагонъ—его главный хлѣбодаръ, Сюккоръ-Бенотъ — начальникъ его евнуховъ, Асмодей — его банкиръ, Кобаль — его директоръ театровъ, Верделе — его церемоніймейстеръ, Ниббасъ — его придворный шутъ. Віерусъ, мужъ ученый, отличный знатокъ всего, что касается нечистой силы, называетъ Ниббаса «великимъ пародистомъ».

Нормандскимъ рыбакамъ Ла-Манша приходится, когда они находятся въ морѣ, принимать не мало предосторожностей противъ устраиваемаго имъ дьяволомъ отвода глазъ. Долгое время всѣ были убѣждены, что святой Маклу живетъ на большой, четырехугольной скалѣ Ортахъ, возвышающейся изъ моря между островами Ориньи и Ле-Каскэ, и многіе старые матросы утверждали, будто они своими глазами видѣли его издали, сидящимъ на утесѣ и читающимъ какую-то книгу. Поэтому плывшіе мимо скалы Ортаха моряки не забывали преклонять колѣни до тѣхъ поръ, пока басня не разсѣялась и не уступила мѣста истинѣ: сдѣлано было открытіе и нынѣ доподлинно извѣстно, что существо, обитающее скалу Ортахъ, вовсе не святой, а дьяволъ. Дьяволъ этотъ, по имени Іохмусъ, вздумалъ подшутить надъ людьми и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ выдавалъ себя за святого Маклу. Впрочемъ, случается вѣдь людямъ впадать иногда въ подобныя ошибки! Демоны Рагюгель, Орибель и Тобіэль считались святыми до 745 года, покуда папа Захарій не разузналъ, кто они были въ дѣйствительности, и не исключилъ ихъ изъ списка святыхъ. Но для того, чтобы совершать такія исключенія, польза которыхъ, конечно, неоспорима, необходимо знать толкъ въ дьяволахъ.

Мѣстные старики разсказываютъ, но эти факты относятся къ временамъ давно прошедшимъ, будто католическое населенiе Нормандскаго архипелага находилось когда-то, конечно, противъ своей воли, въ болѣе частныхъ и близкихъ сношенiяхъ съ дьяволомъ, чѣмъ протестантское. Чѣмъ это объяснить—намъ неизвѣстно. Но вѣрно то, что католическому меньшинству когда-то приходилось очень много выносить отъ дьявола. Словомъ, онъ облюбовалъ католиковъ и особенно часто навѣщалъ ихъ, а это заставляетъ думать, что дьяволъ скорѣе католикъ, чѣмъ протестантъ.

Домъ, въ которомъ обиталъ Жилліатъ, когда-то былъ посѣщаемъ духами, но теперь эти посѣщенiя прекратились. Однако на него все еще продолжали смотрѣть съ недовѣрiемъ. Всякому извѣстно, что если гдѣ поселится колдунъ, то дьяволъ считаетъ этотъ домъ занятымъ надежнымъ квартирантомъ и оказывается столь вѣжливымъ относительно колдуна, что перестаетъ посѣщать этотъ домъ, если только не позовутъ его туда, какъ зовутъ въ домъ врача.

Домъ Жилліата назывался Бю-де-ла-Рю. Онъ былъ выстроенъ на оконечности длинной косы или, вѣрнѣе, длиннаго, выдающагося въ море, утеса, образовавшаго небольшую якорную стоянку близъ Гуме-Паради. Море въ этомъ мѣстѣ очень глубоко. Домъ стоялъ совершенно одиноко на этой косѣ, далеко вдавшейся въ море и при немъ былъ разбитъ крохотный садикъ, который иногда затоплялся при сильномъ приливѣ. Между портомъ св. Сампсонiя и утесомъ Гуме-Паради возвышался высокiй холмъ, на которомъ былъ построенъ зàмокъ, называвшiйся «замкомъ долины» или «Архангела» и загораживавшiй изъ св. Сампсонiя видъ на Бю-де-ла-Рю.

Колдуны на о. Гернсеѣ далеко не рѣдкость. Они открыто занимаются своимъ дѣломъ въ нѣкоторыхъ приходахъ, и цивилизацiя XIX вѣка тутъ не при чемъ. Занятiя ихъ далеко не невиннаго свойства, по мнѣнiю мѣстныхъ жителей: они плавятъ золото, ищутъ въ полночь какiя-то травы, обладаютъ способностью глазить скотъ. Къ нимъ обращаются за медицинскими совѣтами и они изгоняютъ дьяволовъ изъ тѣла больныхъ. Населенiе боится ихъ; одинъ изъ нихъ недавно навелъ порчу на одного булочника и на его печь; другой заклеиваетъ и тщательно запечатываетъ пустые конверты; у третьяго хранятся на полкахъ какiя-то таинственныя бутылки. Всѣ эти факты не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнiю. Нѣкоторые изъ этихъ колдуновъ настолько обязательны, что за нѣсколько гиней принимаютъ на себя ваши болѣзни; въ такихъ случаяхъ они валяются на постели, испуская крики, а вы говорите сами себѣ: «Однако, болѣзнь моя прошла!» Другiе излѣчиваютъ васъ отъ всякихъ болѣзней только тѣмъ, что обязываютъ васъ какимъ-то платкомъ,—средство до того простое, что никакъ не догадаешься, какъ это еще никто не напалъ на него раньше! Еще не далѣе, какъ въ прошломъ столѣтiи, гернсейскiе судьи приговаривали колдуновъ къ сожженiю живьемъ. Въ настоящее время они приговариваютъ ихъ къ восьминедѣльному заключенiю, изъ коихъ четыре недѣли на хлѣбѣ и на водѣ, а че-

тыре недѣли въ одиночномъ карцерѣ. И въ наказаніяхъ должно быть разнообразіе!

Въ послѣдній разъ на о. Гернсеѣ колдуновъ жгли въ 1747 году, на одной изъ городскихъ площадей, Бордажской, на которой съ 1565 по 1700 годъ было сожжено не менѣе одиннадцати колдуновъ. Признанія ихъ добивались при помощи легкихъ пытокъ. Вообще Бордажская площадь оказывала не мало услугъ религіи и обществу. На ней жгли еретиковъ. При Маріи Тюдоръ здѣсь были сожжены, въ числѣ другихъ гугенотовъ, одна мать съ двумя дочерьми; звали эту мать Перротона Масси. Одна изъ дочерей была беременна и она разрѣшилась отъ бремени на кострѣ, при чемъ новорожденный ребенокъ скатился съ костра. Нѣкто Гуссъ поднялъ ребенка, но судья Эліэ Госселенъ, добрый католикъ, велѣлъ снова бросить ребенка въ огонь.

III.

„Для твоей жены, когда ты женишься!"

Возвратимся къ Жилліату. На островѣ разсказывали, что подъ конецъ эпохи великой революціи на островъ Гернсей пріѣхала какая-то женщина съ маленькимъ ребенкомъ. Неизвѣстно было даже, была ли она англичанка или француженка. Гернсейскіе крестьяне передѣлали ея имя по-своему, стали называть ее Жилліатъ. Она жила одна съ этимъ ребенкомъ, который приходился ей, по словамъ однихъ—сыномъ, по словамъ другихъ—племянникомъ, по словамъ третьихъ—внукомъ, по словамъ четвертыхъ—ничѣмъ. У нея были кое-какія деньжонки, на которыя она и жила, хотя и въ бѣдности. Она купила небольшую усадьбу въ Рокъ-Крепелѣ, близъ Рокэна, и небольшой лугъ близъ Сержантэ. Домъ ея Бю-де-ла-Рю, пользовался у жителей репутаціей, что въ немъ «нечисто»; въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ въ немъ никто не жилъ, и онъ уже начиналъ разваливаться. Садъ, затопляемый морскимъ приливомъ, не могъ ничего производить. Кромѣ разныхъ ночныхъ стуковъ и появленія какого-то таинственнаго свѣта, домъ этотъ отличался еще тою страшною особенностью, что если вечеромъ оставить на лежанкѣ клубокъ шерсти, вязальныя спицы и тарелку супа, то наутро супъ оказывался съѣденнымъ, а изъ шерсти оказывалась связанною пара рукавицъ. Лачугу эту, вмѣстѣ съ поселившимся въ ней демономъ, предлагали въ продажу за нѣсколько фунтовъ стерлинговъ; женщина эта купила домъ, соблазненная или дешевизной или дьяволомъ.

И она не только купила его, но и поселилась въ немъ, вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ. Начиная съ этого времени, все въ домѣ стало тихо; «дьяволъ получилъ то, чего онъ желалъ»,—говорили мѣстные жители. Какъ бы то ни было, но посѣщеніе духовъ прекратилось. Уже не слышалось таинственныхъ звуковъ, не появлялось иного свѣта, кромѣ свѣта сальной свѣчи, зажигаемой по вечерамъ женщиной. «Свѣча колдуньи стоитъ факела дьявола», рѣшили обыватели и успокоились на этомъ объясненіи.

Женщина эта старалась извлечь возможно бо́льшую пользу изъ своего клочка земли. У нея была хорошая корова, изъ молока которой женщина била хорошее желтое масло. Она разводила бѣлую фасоль, земляныя груши и отличный картофель, называвшійся «золотыя капли». Подобно другимъ островитянамъ, она продавала пастернакъ боченками, луковицы сотнями и бобы гарнцами. Она сама не ходила на рынокъ, но поручала продажу произведеній своего сада Сенъ-Сампсонскому кабатчику Гильберту Филліоту. Изъ записной книжки Филліота видно, что онъ однажды продалъ для нея разомъ двѣнадцать четвериковъ такъ называемаго «трехмѣсячнаго» картофеля, самаго разсыпчатаго.

Домикъ былъ настолько реставрированъ, что въ немъ можно было жить съ грѣхомъ пополамъ. Крыша протекала только при особенно сильномъ дождѣ. Домъ состоялъ изъ жилого помѣщенія и изъ чердака. Жилое помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ: двухъ спаленъ и столовой; на чердакъ вела витая лѣстница. Женщина не только занималась огородомъ, но и учила ребенка читать. Женщина никогда не ходила въ церковь, почему сосѣди ея рѣшили, что она «француженка», и стали глядѣть на нее еще болѣе косо.

Вообще это были довольно загадочные люди. Весьма вѣроятно, что она, дѣйствительно, была француженка. Вулканы имѣютъ способность извергать изъ себя камни, а революція—людей. Этимъ путемъ семейства разбрасываются на большія разстоянія, попадаютъ на чужбину, а члены ихъ разрозниваются: одни попадаютъ въ Германію, другіе въ Англію, третьи въ Америку. Они попадаютъ на новыя мѣста точно снѣгъ на голову, точно свалившись съ неба. Неужели они вылетѣли изъ жерла дымящагося вдали Везувія? Этихъ живыхъ аэролитовъ, этихъ бездомныхъ изгнанниковъ, этихъ выкидышей судьбы, называютъ эмигрантами, бѣглецами, даже бродягами. Если они остаются тамъ, куда попали,—ихъ терпятъ; если они уходятъ, то этому радуются. Иногда эти существа совершенно безобидныя, вполнѣ чуждыя, по крайней мѣрѣ, женщины,—тѣмъ событіямъ, которыя вырвали ихъ изъ ихъ почвы, не ощущающія ни злобы ни ненависти, сами бываютъ крайне удивлены прихотями судьбы. Онѣ стараются пустить, какъ умѣютъ, корни на новыхъ мѣстахъ. Онѣ никому не дѣлали зла и не понимаютъ, почему все это надъ ними стряслось. Разъ какъ-то мнѣ пришлось видѣть пукъ травы, далеко отброшенный въ сторону взрывомъ мины,—французская революція, болѣе всякаго другого взрыва, разбрасывала людей на далекія разстоянія. Женщина, которую на островѣ Гернсеѣ прозвали Жилліатъ, была, можетъ-быть, однимъ изъ такихъ пучковъ травы.

Женщина состарилась, ребенокъ выросъ. Они жили совершенно одинокіе; ихъ какъ будто избѣгали. Впрочемъ, они довольствовались другъ другомъ: волчица и волчонокъ другъ друга облизываютъ (такъ ихъ прозвали ихъ сосѣди). Ребенокъ превратился въ юношу, юноша—въ мужчину. Наконецъ, въ силу неизмѣнныхъ законовъ природы, мать умерла, оставивъ своему сыну лужайку Сер-

жантэ, домикъ Бю-де-ла-Рю и, кромѣ того, какъ сказано было въ описи наслѣдства: въ женскомъ чулкѣ сто золотыхъ гиней. Домикъ былъ достаточно хорошо омеблированъ: въ немъ было два сундука изъ дубоваго дерева, двѣ кровати, столъ, шесть стульевъ и необходимыя кухонныя принадлежности. На полкѣ стояло нѣсколько книгъ, а въ углу какой-то чемоданъ, который пришлось открыть при производствѣ описи. Чемоданъ этотъ, изъ желтой кожи съ разводами, обитый мѣдными гвоздями и оловянными звѣздами, содержалъ въ себѣ цѣлое женское приданое, совершенно новое и полное, изъ хорошаго фландрскаго полотна, сорочки и юбки, нѣсколько кусковъ шелковой матеріи. На клочкѣ бумаги написано было рукою покойной: «Для твоей жены, когда ты женишься».

Смерть матери сильно огорчила сына. Онъ до сихъ поръ былъ нелюдимъ, а теперь онъ сдѣлался мрачнымъ. Онъ очутился какъ бы въ безлюдной пустынѣ, теперь вокругъ него было уже не одиночество, а пустота. Вдвоемъ жизнь еще мыслима, но въ одиночествѣ она дѣлается невыносимой тягостью,—не хочется влачить ее! Это первый фазисъ отчаянія. Впослѣдствіи начинаешь понимать, что долгъ—это цѣлый рядъ соглашеній: съ одной стороны, жизнь, съ другой—смерть; выбираешь первую, но это соглашеніе оставляетъ въ сердцѣ вѣчно сочащуюся рану.

Жилліатъ былъ молодъ, и его сердечная рана затянулась; въ молодости подобныя заживленія совершаются довольно быстро. Печаль его, сдѣлавшись тихою, распространилась въ его глазахъ на всю природу, сдѣлалась какъ бы потребностью для него, стала сближать его съ природой и отдалять отъ людей и еще тѣснѣе слила эту душу съ одиночествомъ.

IV.

Непопулярность.

Жилліатъ, какъ мы уже сказали, не пользовался любовью въ своемъ приходѣ. Да и эта антипатія къ нему вполнѣ была понятна; для нея было достаточно причинъ. Во-первыхъ, какъ уже объяснено было выше,—дурная слава того дома, въ которомъ онъ жилъ; затѣмъ—его темное происхожденіе. Кто такая была эта женщина? И кто былъ для нея этотъ ребенокъ? Туземцы не любили никакой загадочности относительно пришлыхъ къ нимъ элементовъ. Далѣе, онъ одѣвался, какъ рабочій, между тѣмъ, хотя и не будучи богатымъ, онъ могъ жить, ничего не дѣлая. Наконецъ многихъ смущалъ садъ его, который такъ процвѣталъ и въ которомъ родился такой хорошій картофель, несмотря на холодные равноденственные вѣтры. А къ тому же эти толстыя книги, которыя стояли на его полкѣ и которыя онъ читалъ.

Были еще и другія обстоятельства, вызывавшія сомнѣнія. Почему онъ жилъ такимъ отшельникомъ? Домикъ его былъ какимъ-то карантиномъ, всѣ сами чуждались Жилліата, а между тѣмъ, изъ этой отчужденности ему дѣлали упрекъ.

Онъ никогда не ходилъ въ церковь; но зато онъ часто выходилъ изъ дому по ночамъ, очевидно, для свиданій съ чортомъ. Однажды его видѣли сидящимъ на травѣ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ. Онъ посѣщалъ старый дольменъ и разбросанные по острову тамъ и сямъ зачарованные камни. Увѣряли, будто онъ вѣжливо раскланивался съ такъ называемой «Пѣвучей Скалой». Онъ покупалъ всѣхъ приносимыхъ ему птицъ и выпускалъ ихъ на волю. Къ гражданамъ Сенъ-Сампсона, онъ относился вѣжливо, но охотно дѣлалъ крюкъ, чтобы только не встрѣчаться съ ними. Онъ часто отправлялся на рыбную ловлю и никогда не возвращался безъ рыбы. Онъ работалъ у себя въ огородѣ даже по воскресеньямъ. У него была волынка, купленная имъ у пристававшихъ къ Гернсею шотландскихъ солдатъ, и онъ любилъ играть на ней при наступленіи ночи, сидя на береговыхъ утесахъ. Иногда онъ дѣлалъ какія-то жесты, точно разбрасывая сѣмя. Развѣ всего этого не достаточно было, чтобы относиться къ нему подозрительно?

Наконецъ самыя книги, унаслѣдованныя имъ отъ умершей женщины, способны были внушать опасенія. Достопочтенный Жакмэнъ Геродъ, пасторъ Сенъ-Сампсона, прибывъ въ домъ Жилліата для похоронъ женщины, собственными глазами прочелъ на корешкахъ этихъ книгъ слѣдующія заглавія: «Обиходный лексиконъ» и «Кандидъ» Вольтера, «Совѣты народу относительно здоровья» Тиссо. Одинъ французскій дворянинъ-эмигрантъ, жившій въ Сенъ-Самсонѣ, сказалъ по этому поводу: «Это, должно-быть, того самаго Тиссо, который носилъ по улицамъ отрубленную голову принцессы Ламбаль». Кромѣ того, пасторъ замѣтилъ на корешкѣ одной изъ книгъ слѣдующее, поистинѣ опасное и подозрительное заглавіе: «De Rhubarfaro». По этому поводу слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что книга эта была написана по-латыни, и потому было сомнительно, чтобы Жилліатъ, незнакомый съ латинскимъ языкомъ, могъ ее читать. Но дѣло въ томъ, что самой тяжкой уликой противъ кого-нибудь являются именно тѣ книги, которыхъ онъ не можетъ читать. Испанская инквизиція обсудила этотъ вопросъ и поставила его внѣ сомнѣнія. А между тѣмъ книга эта была не что иное, какъ трактатъ доктора Телинга о ревенѣ, обнародованный въ Германіи въ 1679 году.

Жилліатъ состоялъ также въ подозрѣніи, что онъ приготовляетъ разныя наговорныя зелья и напитки. Иначе для чего бы ему столько склянокъ? Съ какой бы стати гулять ему по вечерамъ, и часто даже до полуночи, по береговымъ утесамъ, если не для того, чтобы бесѣдовать по ночамъ съ духами, обитающими на морскомъ берегу? Однажды онъ помогъ старухѣ Муттонъ Гаи, извѣстной тортевальской колдуньѣ, вытащить завязнувшую въ грязи телѣгу. Во время произведенной на островѣ народной переписи, на вопросъ о родѣ его занятій, онъ отвѣтилъ: «Рыбакъ, когда рыба ловится». Согласитесь сами, что подобнаго рода отвѣтъ долженъ означать что-нибудь особенное!

Бѣдность и богатство — понятія относительныя. У Жилліата былъ домъ и участокъ земли; въ сравненіи съ тѣми, у кого ни-

чего не было, онъ могъ считаться богатымъ. Однажды, чтобы испытать его, а быть-можетъ, и для того, чтобы вызвать его на любовное объясненіе,—ибо встрѣчаются женщины, которыя готовы были бы выйти замужъ за самого дьявола, лишь бы онъ былъ богатъ,—одна дѣвушка спросила Жилліата: «Когда же ты женишься?»—«Я женюсь тогда,—отвѣтилъ онъ,—когда выйдетъ замужъ Пѣвучая Скала». Эта Пѣвучая Скала—большой камень, стоящій вертикально на землѣ, принадлежащей г-ну Лемезюрье-де-Фри. Назначеніе и причина появленія здѣсь этого камня неизвѣстны; но извѣстно только, что по ночамъ на немъ поетъ пѣтухъ, котораго никто никогда не видѣлъ, что вызываетъ разные суевѣрные толки, изъ чего очевидно, что его принесла сюда нечистая сила. Во время грозъ надъ нимъ носятся бѣсы. Одна женщина, живущая въ Грандъ-Міялѣ, видѣла ихъ своими собственными глазами. Однажды, когда какой-то возчикъ, очутившись на перекресткѣ, не зналъ, по какой дорогѣ ему ѣхать, одна женщина, къ которой онъ обратился съ вопросомъ по этому предмету, крикнула ему: «А спроси у бѣсовъ: они тебѣ укажутъ». Можно было биться объ закладъ, что женщина эта была колдунья. Умный и разсудительный король Іаковъ I приказывалъ варить живьемъ подобнаго рода женщинъ, отвѣдывалъ отвара и, судя по его вкусу, говорилъ: «То была колдунья», или «то не была колдунья». Жаль, что нынче нѣтъ уже людей, обладающихъ подобными талантами, польза которыхъ несомнѣнна!

Итакъ, были основательныя причины къ тому, чтобы считать Жилліата колдуномъ. Однажды во время грозы, въ полночь, Жилліатъ плылъ совершенно одинъ въ лодкѣ, около Соммельёза, и люди, бывшіе на берегу, слышали, какъ онъ кого-то спросилъ: «А что, можно здѣсь проѣхать?» и съ высоты раздался голосъ: «Можно! Смѣлѣе!» Спрашивается, съ кѣмъ онъ говорилъ? Очевидно, съ дьяволомъ! Кажется, ясно!

Въ другой разъ вечеромъ, тоже во время грозы, когда было такъ темно, что не видать было ни зги, близъ цѣпи подводныхъ рифовъ Катіо-Рокъ, на которыхъ вѣдьмы, лѣшіе и козлы справляютъ шабашъ, слышенъ былъ голосъ Жилліата, который велъ съ кѣмъ-то слѣдующій разговоръ:

— А какъ здоровье Везена Бровара? (Такъ звали одного каменщика, недавно упавшаго съ крыши.)

— Ничего! Онъ поправляется.

— Вотъ какъ! А онъ упалъ съ высоты больше этого столба. Удивительно, что онъ не разбился вдребезги.

— А на прошлой недѣлѣ люди, занимавшіеся на морѣ ловлей судовыхъ обломковъ, пользовались лучшей погодой, чѣмъ нынче. Гляди, на рынкѣ будетъ не много рыбы.

— Да, слишкомъ вѣтрено. Пожалуй, въ такую погоду не удастся и выбросить невода.

— А какъ поживаетъ Катерина?

— Очень хорошо. (Очевидно, Катерина была не кто иная, какъ вѣдьма.)

Не ясно ли послѣ всего этого, что Жилліатъ водился съ нечистой силой? По крайней мѣрѣ, въ этомъ никто изъ его сосѣдей не сомнѣвался. Иногда видѣли, какъ онъ изъ кувшина лилъ воду на землю; а извѣстно, что выливаемая на землю вода образуетъ очертаніе дьявола.

На Сенъ-Сампсонской дорогѣ, недалеко отъ мѣстечка, можно видѣть три камня, сложенные въ видѣ ступеньки лѣстницы. На верхней площадкѣ ея, гдѣ нынче ничего нѣтъ, когда-то водруженъ былъ крестъ, если только то не была висѣлица. Камни эти казались очень подозрительными. Люди вполнѣ достовѣрные утверждали, будто они видѣли Жилліата бесѣдующимъ возлѣ этихъ камней съ жабой. А между тѣмъ на Гернсеѣ вовсе нѣтъ жабъ: всѣ жабы сосредоточились на Джерсеѣ, а всѣ ящерицы на Гернсеѣ. Значитъ, очевидно было, что жаба эта переплыла сюда изъ Джерсея, чтобы переговорить съ Жилліатомъ. Бесѣда эта имѣла вполнѣ дружественный характеръ. Факты эти не подлежатъ сомнѣнію, и доказательствомъ тому то, что камни эти и до сихъ поръ стоятъ на томъ же мѣстѣ. Люди, сомнѣвающіеся въ справедливости этихъ разсказовъ, могутъ отправиться на это мѣсто и собственными глазами видѣть эти камни. Недалеко отъ нихъ еще стоитъ домъ, на одной изъ стѣнъ котораго можно прочесть слѣдующія слова: «Торговецъ живымъ и мертвымъ скотомъ, старыми веревками, желѣзомъ, костями и жевательнымъ табакомъ: аккуратенъ въ расчетахъ и внимателенъ къ покупателямъ». Нужно быть Ѳомою невѣрнымъ, чтобы оспаривать существованіе этихъ камней и этого дома. Такъ какъ же послѣ этого сомнѣваться въ сношеніяхъ Жилліата съ нечистой силой!

Всѣмъ извѣстно, что величайшая изъ опасностей Ла-Манша это встрѣча съ морскимъ царемъ. Ничего не можетъ быть страшнѣе его. Всякій, кто его увидитъ, непремѣнно потерпитъ кораблекрушеніе въ промежутокъ времени между двумя днями св. Михаила. Онъ карликъ и глухъ. Ему извѣстны имена всѣхъ погибшихъ на морѣ и мѣста нахожденія ихъ труповъ, ему хорошо знакомо океанское кладбище. Голова, широкая внизу и заостренная кверху, коренастое тѣло, клейкій и безобразный животъ, шишки на черепѣ, короткія ноги, длинныя руки, ступни съ плавательными перепонками, вмѣсто пальцевъ когти, широкое, зеленоватое лицо—вотъ какова наружность этого морского царя. На рукахъ и на ногахъ его длинные когти. Вообразите себѣ рыбу съ человѣческой головой. Чтобы избавиться отъ него, слѣдовало бы или выловить его изъ моря или заговорить въ немъ бѣса. А пока—онъ страшенъ, и ничто не можетъ быть опаснѣе, какъ увидѣть его. Надъ гребнемъ волнъ, сквозь густой туманъ, вдругъ появляется какой-то смутный образъ: низкій лобъ, приплюснутый носъ, большія уши, большой, беззубый ротъ, большіе, сѣро-зеленые глаза, сросшіеся на переносьи густыя брови. При бѣломъ свѣтѣ молніи лицо его кажется краснымъ, а при красномъ — мертвенно-блѣднымъ. У него большая, жесткая борода лопатой, ниспадающая на перепонку въ видѣ пелеринки, украшенную четыр-

надцатью раковинами по семи спереди и сзади. Раковины эти для знатоковъ являются чѣмъ-то необыкновеннымъ. Морской царь показывается только при бурномъ состояніи моря; онъ мрачный предвѣстникъ и спутникъ бури. Формы его обрисовываются сквозь туманъ, сквозь дождь, сквозь порывы шквала. Бока его покрыты чешуей, точно у черепахи. Онъ стоитъ на гребнѣ катящихся волнъ, извивающихся точно стружки, выходящія изъ-подъ рубанка столяра. Онъ весь забрызганъ морской пѣной, и если онъ увидитъ вдали судно, терпящее крушеніе, онъ пляшетъ на волнахъ весь блѣдный, съ страшной и зловѣщей улыбкой. Это во всякомъ случаѣ крайне непріятная встрѣча. Въ ту эпоху, когда Жилліатъ сталъ составлять предметъ всеобщихъ разговоровъ въ Сенъ-Самсонѣ. послѣднія лица, которымъ довелось видѣть морского царя, утверждали, что на его пелеринкѣ было уже не четырнадцать раковинъ, а только тринадцать. Тринадцать! зловѣщее число. Но что же сталось съ четырнадцатою? Не подарилъ ли онъ ее кому-нибудь и кому именно? Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы, и всѣ ограничивались одними только предположеніями. Вѣрно только то, что г. Любенъ-Мабье, изъ мѣстечка Годэнъ, довольно крупный мѣстный землевладѣлецъ, владѣтель восьмидесяти морговъ земли, готовъ былъ поклясться, что онъ какъ-то видѣлъ въ рукахъ у Жилліата очень странную раковину.

Нерѣдко можно было услышать слѣдующій діалогъ между крестьянами:

— Не правда ли, сосѣдъ, что у меня очень недурной волъ?

— Прекрасный волъ, сосѣдъ. Но только въ немъ больше сала, чѣмъ мяса. Смотрите, не сглазилъ ли его Жилліатъ.

Иногда Жилліатъ останавливался на поляхъ землевладѣльцевъ и у ограды садовъ возлѣ огородниковъ и обращался къ нимъ съ подобнаго рода загадочными словами: «Когда чертово удило (скабіоза) цвѣтетъ, пора жать рожь. Ясень покрылась листьями: быть морозу. Въ лѣтнее солнцестояніе цвѣтетъ чертополохъ. Если въ іюнѣ не будетъ дождя, на хлѣбѣ появится спорынья. Черешня нынче растетъ гроздьями, остерегайтесь полнолунія. Если на шестой день послѣ новолунія будетъ такая же погода, какъ на пятый или на четвертый, она останется таковою же, одиннадцать разъ изъ двѣнадцати въ первомъ, и десять разъ изъ двѣнадцати во второмъ случаѣ, во всѣ четыре фазиса луны. Нужно зорко слѣдить за сосѣдями, съ которыми ведешь тяжбу. Слѣдуетъ остерегаться подвоховъ съ ихъ стороны. Если свинью напоить кипяченымъ молокомъ, она околѣваетъ. Если коровѣ натереть зубы пореемъ, она перестанетъ ѣсть. Корюшка икрится: нужно остерегаться лихорадокъ. Лягушки стали выходить изъ воды, пора сѣять дыни. Печеночная трава зацвѣла: сѣйте ячмень. Липа цвѣтетъ, пора косить. Ильма цвѣтетъ, открывайте парники. Табакъ зацвѣлъ, закрывайте теплицы».

И—ужасное дѣло!—всѣ его предсказанія и предостереженія всегда сбывались. Въ одну іюньскую ночь, когда онъ игралъ на

волынкѣ возлѣ Фонтенельскихъ дюнъ, ловъ макрели совсѣмъ не удался. Однажды, вечеромъ, во время отлива, на берегу, противъ его дома, опрокинулась телѣга, нагруженная водорослями. Онъ, очевидно, очень боялся, какъ бы его за то не потащили въ судъ, такъ какъ онъ помогъ поднять телѣгу и снова наложить на нее водоросли. Когда у одной изъ сосѣднихъ дѣвочекъ показались вши, онъ отправился въ Сенъ-Пьеръ-Поръ, вернулся оттуда съ мазью и вымазалъ ею ребенка; вши пропали. Очевидно, что самъ же Жилліатъ ранѣе того вызвалъ ихъ. Всѣмъ извѣстно, что существуетъ особый заговоръ на то, чтобы у кого-нибудь появились вши.

Жилліата подозрѣвали въ томъ, что онъ глазомъ своимъ портилъ воду въ колодцахъ. Вѣрно то, что однажды вода одного изъ колодцевъ въ Аркюлони, близъ Сенъ-Пьеръ-Пора, испортилась. Женщина, которой принадлежалъ этотъ колодецъ, сказала Жилліату: «Взгляните-ка на эту воду», и она показала ему стаканъ ея. «Да, вода мутна», согласился Жилліатъ.—«Помогите бѣдѣ моей», сказала женщина, въ то же время недовѣрчиво посматривая на Жилліата. Тотъ сталъ ее разспрашивать, нѣтъ ли у нея скотнаго двора, есть ли при этомъ дворѣ стокъ воды, не проходитъ ли этотъ стокъ возлѣ колодца? Женщина на всѣ эти вопросы отвѣтила утвердительно. Жилліатъ отправился на скотный дворъ, сталъ что-то возиться около стока, провелъ канаву въ другую сторону, и вода въ колодцѣ снова сдѣлалась чистой и свѣтлой. Это возбудило много толковъ: не можетъ же вода въ колодцѣ ни съ того ни съ сего портиться, и затѣмъ снова улучшиться? Очевидно, что сначала самъ Жилліатъ испортилъ воду, а затѣмъ, по просьбѣ женщины, снялъ порчу.

Однажды, когда Жилліатъ отправился въ Джерсей, всѣми было замѣчено, что онъ остановился тамъ на улицѣ Привидѣній. Вообще въ маленькихъ мѣстечкахъ особенно легко производить наблюденія надъ человѣкомъ. Результаты этихъ наблюденій сопоставляются, и изъ этихъ сопоставленій составляется репутація человѣка.

Однажды видѣли, какъ у Жилліата шла носомъ кровь. Это показалось чѣмъ-то важнымъ. Одинъ судохозяинъ, много путешествовавшій, изъѣздившій почти весь свѣтъ, увѣрялъ, что у всѣхъ тунгусскихъ колдуновъ идетъ носомъ кровь. Значитъ, если у человѣка идетъ кровь носомъ, онъ несомнѣнно... Впрочемъ, на это иные скептики возражали, что у тунгусскихъ колдуновъ могутъ быть свои характеристическія особенности, а у гернсейскихъ свои. Какъ-то около Михайлова дня его видѣли остановившимся на лужайкѣ, возлѣ большой дороги, ведущей въ Видекленъ. Онъ посвисталъ, и тотчасъ же прилетѣлъ воронъ, а минуту спустя—сорока. Свидѣтелемъ того былъ вполнѣ почтенный человѣкъ, занимавшій впослѣдствіи должности десятника и казеннаго землемѣра. Въ Гамелѣ, въ Эпинскомъ околоткѣ, нѣкоторыя старухи однажды на разсвѣтѣ ясно слышали, какъ ласточки звали Жилліата по имени.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что онъ не отличался добрымъ характеромъ. Однажды какой-то бѣднякъ колотилъ осла, который не хотѣлъ двигаться съ мѣста. Человѣкъ этотъ нѣсколько разъ ткнулъ его своимъ деревяннымъ башмакомъ въ животъ; оселъ упалъ. Жилліатъ подбѣжалъ, чтобы поднять осла, но оказалось, что тотъ издохъ. Тогда Жилліатъ далъ бѣдному хозяину его нѣсколько пощечинъ. Въ другой разъ, увидавъ какого-то мальчика, слѣзавшаго съ дерева съ цѣлымъ выводкомъ вынутыхъ изъ гнѣзда только что вылупившихся изъ яицъ птенчиковъ, Жилліатъ отнялъ у него изъ рукъ выводокъ и простеръ свою злобу до того, что снова посадилъ птенчиковъ въ гнѣздо. Какіе-то прохожіе стали упрекать его за то, что онъ лишаетъ мальчика столь невиннаго удовольствія. Онъ ограничился тѣмъ, что указалъ имъ на летавшихъ надъ деревомъ, встревоженныхъ и жалобно щебетавшихъ, самца и самку. Вообще онъ имѣлъ слабость къ птицамъ. Это одинъ изъ признаковъ, по которымъ можно безошибочно узнать колдуна. Мѣстнымъ дѣтямъ доставляло особое удовольствіе разорять на прибрежныхъ утесахъ гнѣзда морскихъ чаекъ и выбирать изъ нихъ массу яицъ, голубыхъ, желтыхъ и зеленыхъ, скорлупами которыхъ украшались карнизы печей. Но такъ какъ утесы эти остроконечны, то нерѣдко эти экспедиціи оканчивались паденіемъ съ значительной высоты и смертью; а между тѣмъ ничто не можетъ быть красивѣе украшеній изъ скорлупъ морскихъ птицъ! Жилліатъ задумалъ лишить ребятишекъ и этого невиннаго удовольствія. Онъ взбирался, съ опасностью жизни, на отвѣсы утесовъ и водружалъ на нихъ разныя пугала для того, чтобы помѣшать птицамъ вить здѣсь свои гнѣзда, а дѣтямъ—разорять ихъ.

Послѣ всего этого вполнѣ понятно, что Жилліата не могли не ненавидѣть во всемъ околоткѣ.

V.

Другія подозрительныя черты въ характерѣ Жилліата.

Относительно происхожденія Жилліата мнѣнія расходились: иные считали его оборотнемъ, другіе—отродьемъ сатаны отъ обыкновенной женщины. Когда женщина имѣетъ отъ одного и того же человѣка къ ряду семь сыновей, послѣдній непремѣнно бываетъ оборотнемъ. Но только не нужно, чтобы дѣвочка нарушила серію мальчиковъ. У оборотней непремѣнно находится на какой-нибудь части тѣла родимое пятно въ видѣ лиліи; такимъ образомъ, у нихъ такой же гербъ, какъ и у королей Франціи. Оборотни водятся во Франціи повсюду, въ особенности въ окрестностяхъ Орлеана. Есть тамъ такія селенія, въ которыхъ непремѣнно находится хотя бы по одному оборотню. Они, впрочемъ, приносятъ своего рода пользу, такъ какъ обладаютъ способностью излѣчивать золотуху. Для этого достаточно, чтобы они подули на язву или дали больному прикоснуться къ своему родимому пятну—лиліи. Лѣченіе это бываетъ особенно удачно въ ночь на Страст-

ную пятницу. Лѣтъ десять тому назадъ оборотнемъ въ Ормѣ, въ округѣ Гатинэ, прозваннымъ красавцемъ-оборотнемъ и къ которому обращался за совѣтомъ весь околотокъ, былъ нѣкій бочаръ, по имени Фулонъ, человѣкъ зажиточный, имѣвшій лошадь и экипажъ. Для того, чтобы помѣшать ему творить чудеса, пришлось обратиться къ содѣйствію жандармовъ. У него изображеніе цвѣтка лиліи было подъ лѣвымъ соскомъ; у другихъ оборотней оно встрѣчается на разныхъ частяхъ тѣла.

Оборотни водятся на Джерсеѣ, Гернсеѣ и Ориньи. Происходитъ это, вѣроятно, вслѣдствіе того, что Франція имѣетъ больше правъ на Ла-Маншскій архипелагъ, чѣмъ Англія. Иначе къ чему бы на тѣлѣ оборотней было изображеніе лиліи? Кромѣ того, на островахъ этихъ встрѣчаются золотушные, что дѣлаетъ оборотней положительно необходимыми.

Нѣсколько лицъ, присутствовавшихъ, однажды, при томъ, какъ Жилліатъ купался въ морѣ, видѣли своими собственными глазами на его тѣлѣ изображеніе лиліи. Когда ему стали предлагать по этому поводу вопросы, онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, расхохотался, ибо и онъ, какъ и другіе люди, имѣлъ способность смѣяться, хотя и изрѣдка. Съ этихъ поръ никто уже не видѣлъ его купающимся, такъ какъ онъ сталъ купаться въ мѣстахъ отдаленныхъ и опасныхъ и притомъ, какъ предполагали, по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ,—обстоятельство, какъ всякій согласится, весьма сомнительнаго свойства.

Тѣ, которые считали его сыномъ дьявола, очевидно, ошибались; имъ, очевидно, было неизвѣстно, что сыновья дьявола встрѣчаются исключительно въ Германіи. Но въ Ле-Валлѣ и Сенъ-Самсонѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ еще царило глубокое невѣжество. Считать кого-либо на о. Гернсеѣ сыномъ дьявола—это, очевидно, сильное преувеличеніе.

Именно потому, что Жилліата боялись, къ нему относились съ уваженіемъ. Крестьяне робко приходили къ нему посовѣтоваться о своихъ болѣзняхъ. Страхъ не исключаетъ довѣрія, и въ деревняхъ, чѣмъ больше боятся врача, тѣмъ успѣшнѣе его лѣченіе. У Жилліата были свои цѣлебныя средства, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ недавно умершей старухи; онъ давалъ ихъ тѣмъ, кто къ нему обращался, и не хотѣлъ принимать за это платы. Онъ лѣчилъ ногтоѣду припарками изъ травъ; въ одной изъ его склянокъ былъ какой-то настой противъ лихорадокъ. Сенъ-сампсонскій аптекарь былъ глубоко убѣжденъ, что это было не что иное, какъ настой хинной коры. Даже наименѣе благоволившія къ нему лица должны были сознаться въ томъ, что Жилліатъ своими простыми средствами приносилъ не мало пользы; но, какъ оборотень, онъ имѣлъ свои капризы. Если одержимый золотухой просилъ у него позволенія дотронуться до его родимаго пятна, лиліи, онъ вмѣсто всякаго отвѣта захлопывалъ ему дверь передъ носомъ. Онъ упорно отказывался творить чудеса, что довольно странно со стороны колдуна. Никто не заставляетъ человѣка быть колдуномъ; но разъ онъ колдунъ, онъ долженъ добросовѣстно исполнять свое ремесло.

Впрочемъ, среди всеобщаго нерасположенія къ Жилліату было одно или два исключенія. Господинъ Ландуа, изъ Кло-Ландеса, занималъ должность регистратора Сенъ-Пьеръ-Порской общины; на немъ лежала вся письменная часть, и онъ же велъ списки бракамъ, рожденіямъ и смертямъ. Этотъ регистраторъ Ландуа кичился тѣмъ, что происходитъ, будто бы, отъ казначея Бретани Пьера Ландэ, повѣшеннаго въ 1485 году. Однажды, купаясь, онъ зашелъ слишкомъ далеко въ море и едва не утонулъ. Жилліатъ кинулся въ воду, тоже едва не утонулъ, но спасъ Ландуа. Начиная съ этого дня, Ландуа не говорилъ уже ничего дурного про Жилліата. Когда ему по этому поводу выражали удивленіе, онъ отвѣчалъ: «А съ какой же стати мнѣ ненавидѣть человѣка, который не только не причинилъ мнѣ никакого зла, но даже оказалъ мнѣ услугу?» Этотъ регистраторъ дошелъ даже до того, что полюбилъ Жилліата. Онъ былъ человѣкъ безъ предразсудковъ, не вѣрилъ въ колдуновъ и смѣялся надъ тѣми, которые боятся привидѣній. Что касается его, то у него была своя лодка, онъ для собственнаго своего удовольствія занимался рыбной ловлей въ свободное отъ занятій время, и онъ никогда не видѣлъ ничего сверхъестественнаго; только однажды ему показалось, будто какая-то бѣлая женщина подпрыгивала на гребняхъ волнъ, да и то онъ не былъ въ томъ вполнѣ увѣренъ. Тортевальская колдунья, Мутонна Гаи, дала ему ладанку, чтобы носить на шеѣ,—отличное средство противъ злыхъ духовъ; онъ смѣялся надъ этой ладанкой не зная, что въ ней заключается, однако, все же носилъ ее, и даже чувствовалъ себя болѣе безопаснымъ, когда она была надѣта у него на шеѣ.

Нѣсколько болѣе смѣлыхъ людей рисковали, слѣдуя примѣру господина Ландуа, признавать по отношенію къ Жилліату коекакія смягчающія обстоятельства, кое-какіе признаки хорошихъ качествъ, какъ напримѣръ, его трезвость, его воздержаніе отъ употребленія джина и табаку; иногда его хвалили въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «онъ не пьетъ, не куритъ, не нюхаетъ и не жуетъ табаку». Но не быть пьяницей—это еще не Богъ вѣсть что такое. Кромѣ этого, нужно еще имѣть и другія качества.

Итакъ, Жилліатъ былъ крайне непопуляренъ, что, однако, какъ уже объяснено было выше, не мѣшало ему оказывать услуги другимъ. Однажды, въ полночь на Страстную пятницу, т.-е. въ день и часъ, наиболѣе подходящіе для подобнаго рода лѣченій, золотушные со всего острова, случайно ли, или сговорившись, собрались толпою къ дому Жилліата, указывая ему на свои ужасныя язвы и умоляя его вылѣчить ихъ. Онъ, однако, отказался это сдѣлать, чѣмъ и доказалъ свой злой характеръ.

VI.

Жилліатъ—морякъ.

Таковъ былъ Жилліатъ. Мѣстныя дѣвушки находили его некрасивымъ; онъ, однако, не былъ некрасивъ, а даже скорѣе красивъ. Въ профилѣ его было что-то напоминавшее древнихъ вар-

варовъ. Когда онъ былъ спокоенъ, онъ напоминалъ собою одну изъ фигуръ Траяновой колонны. У него были маленькія, красивыя уши, прекрасной формы въ акустическомъ отношеніи. Между бровями его была та вертикальная складка, которая свойственна смѣлымъ и настойчивымъ людямъ. Углы его губъ были слегка опущены книзу, что придавало лицу его нѣсколько презрительное выраженіе. Лобъ у него былъ высокій, чистый и выпуклый; взоръ его былъ свѣтлый, хотя онъ и моргалъ глазами—особенность свойственная многимъ морякамъ, привыкшимъ всматриваться въ морскую даль. Смѣхъ его былъ дѣтски-пріятенъ; зубы его были бѣлы, какъ слоновая кость. Но загаръ сдѣлалъ лицо его почти чернымъ. Человѣкъ не можетъ безнаказанно проводить всю свою жизнь на морѣ, подъ вліяніемъ бурь. Ему было тридцать лѣтъ отроду, а на видъ ему казалось сорокъ пять. На лицо его была, такъ сказать, надѣта суровая морская маска.

Сосѣди прозвали его «Жилліатомъ Злобнымъ».

Въ одной индійской сказкѣ говорится, что однажды Брама спросилъ у Сивы: «Кто сильнѣе тебя?» Сива отвѣтила: «Ловкость». Китайская поговорка гласитъ: «Чего не въ состояніи былъ бы сдѣлать левъ, если бы онъ былъ обезьяной?» Жилліатъ не былъ ни львомъ ни обезьяной; но то, что онъ въ состояніи былъ дѣлать, вполнѣ подтверждало справедливость и китайской поговорки и индійской сказки. Будучи средняго роста и обыкновенной силы, онъ находилъ возможнымъ, благодаря своей ловкости, поднимать тяжести, которыя были бы впору великану, и совершать чудеса, достойныя атлета. Онъ былъ отличный гимнастъ и одинаково хорошо владѣлъ и лѣвой рукой и правой.

Онъ не былъ охотникъ, но былъ страстный рыбакъ. Онъ щадилъ птицъ, но не рыбъ. Горе нѣмымъ! Кромѣ того, онъ былъ отличный пловецъ.

Одиночество создаетъ или талантливыхъ людей или идіотовъ. Жилліатъ являлся въ обоихъ этихъ видахъ. По временамъ лицо его принимало какое-то растерянное выраженіе, и его можно было бы принять за дурачка. Но въ другое время взоръ его отличался глубиною. Подобные люди попадались въ древней Халдеѣ; временами темный пастухъ вдругъ какъ-то свѣтлѣлъ и превращался въ волхва.

Въ сущности онъ былъ не что иное, какъ бѣднякъ, умѣвшій читать и писать съ грѣхомъ пополамъ. Онъ стоялъ, такъ сказать, на грани, отдѣляющей мечтателя отъ мыслителя. Мыслитель желаетъ, мечтатель допускаетъ. Одиночество кладетъ и на самыхъ простыхъ людей особый отпечатокъ и, такъ сказать, осложняетъ ихъ; они невольно проникаются священнымъ трепетомъ. Тьма, которою былъ окутанъ умъ Жилліата, составлялась, почти въ равной мѣрѣ, изъ двухъ элементовъ, одинаково темныхъ, но совершенно различнаго свойства: внутри его—невѣжественная слабость; внѣ его—громадная таинственность.

Лазая съ дѣтскихъ лѣтъ по утесамъ, взбираясь на отвѣсныя скалы, разъѣзжая по морю во всякую погоду, легко управляясь

съ первымъ попавшимся суденышкомъ, рискуя и днемъ и ночью своей жизнью, онъ сдѣлался, самъ того не замѣчая и не извлекая изъ того ни малѣйшей пользы, удивительнымъ морякомъ. Онъ былъ прирожденнымъ лоцманомъ. Настоящій лоцманъ, это—тотъ морякъ, который знакомъ съ морскимъ дномъ еще болѣе, чѣмъ съ морскою поверхностью. Волна, это—только видимая задача, постоянно осложняемая подводными очертаніями тѣхъ мѣстностей, по которымъ проходитъ судно. Глядя на Жилліата, плывущаго среди мелей и рифовъ Нормандскаго архипелага, можно было бы подумать, что у него въ мозгу отпечатана самая подробная карта морского дна. Онъ все зналъ и на все рѣшался. Онъ знакомъ былъ съ буйками лучше чѣмъ садящіеся на нихъ морскіе орлы. Почти незамѣтныя для простого глаза отличія четырехъ буйковъ—Аллигандскаго, Тремійскаго, Крёзскаго и Сардретскаго—были для него вполнѣ ясны и опредѣленны, даже при густомъ туманѣ. Онъ не колебался ни въ виду кола съ овальнымъ клотикомъ, вооруженнымъ близъ Анфрэ, ни передъ трезубцемъ Ла-Русса, ни передъ бѣлымъ шаромъ Корбетта, ни передъ чернымъ шаромъ Лонгъ-Пьера. Нельзя было опасаться, чтобы онъ принялъ Ла-Платскую вѣху за вѣху Бубо, или крючковатый Барбесскій баканъ за лапчатый баканъ Мулине.

Его поразительное знакомство съ моремъ обнаружилось однажды особенно ярко во время происходившихъ въ Гернсейскихъ водахъ морскихъ гонокъ. Задача состояла въ томъ, чтобы одному, въ четырехпарусномъ ботикѣ, проплыть изъ Сенъ-Сампсона на островъ Гермъ, т.-е. разстояніе одной морской мили, и обратно. Справляться одному съ четырьмя парусами—еще не велика важность, и это сдѣлаетъ почти всякій порядочный рыбакъ; но здѣсь дѣло осложнялось слѣдующими обстоятельствами: во-первыхъ, самая лодка была крайне неуклюжа, одна изъ тѣхъ пузатыхъ, непослушныхъ рулю голландскихъ лодокъ, которыя старые моряки называютъ «роттердамскими корытами» и которыя еще до сихъ поръ изрѣдка встрѣчаются въ водахъ Нѣмецкаго моря. Во-вторыхъ, предстояло возвратиться изъ Герма съ тяжелымъ балластомъ булыжника. Въ одинъ конецъ лодка шла порожнемъ, а возвращалась она нагруженною. Призъ гонки составляла самая лодка, заранѣе предназначенная побѣдителю. Когда-то она была лоцманскимъ судномъ; лоцманъ, разъѣзжавшій на ней въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ едва ли не лучшимъ изъ ла-маншскихъ моряковъ; послѣ его смерти не нашлось никого, кто бы сумѣлъ справляться съ нею, и рѣшено было назначить ее въ видѣ преміи за ближайшую гонку. Лодка эта, хотя и безпалубная, обладала несомнѣнными морскими качествами и могла соблазнить искуснаго матроса. Она была обмачтована на носу, что увеличивало ея парусность. Другое достоинство ея заключалось въ томъ, что мачта нисколько не мѣшала грузимости судна. Словомъ, то было судно солидное, нѣсколько тяжеловѣсное, но помѣстительное и способное держаться въ открытомъ морѣ, такъ сказать—судно-кумушка. Понятно поэтому, что претендентовъ на него явилось немало: гон-

ка была не изъ легкихъ, но зато хорошъ былъ и призъ. Соискателями на него явились семь или восемь рыбаковъ, изъ самыхъ молодцеватыхъ. Они поочередно пытались исполнить поставленную задачу, но ни одинъ изъ нихъ не могъ даже добраться до Герма. Послѣднiй изъ соискателей извѣстенъ былъ тѣмъ, что въ сильную бурю переплылъ на однихъ веслахъ опасный и бурливый проливъ между Серкомъ и Брекъ-Гу. Онъ вернулся назадъ, весь обливаясь потомъ, и только проговорилъ: «Нѣтъ, это невозможно!» Тогда Жилліатъ сѣлъ въ лодку, схватился сначала за потесь, потомъ за шкотъ, и пустился въ открытое море. Затѣмъ, не закладывая на битенги шкота,—что, при данныхъ обстоятельствахъ, было бы небезопасно,—и не выпуская его изъ рукъ,—что давало ему полную возможность распоряжаться гротъ - парусомъ, — предоставляя шкоту наматываться на страпъ по прихоти вѣтра, онъ схватился лѣвою рукою за руль. Черезъ три четверти часа онъ былъ въ Гермѣ. Три часа спустя, несмотря на поднявшійся тѣмъ временемъ сильный южный, и притомъ боковой для лодки, вѣтеръ, Жилліатъ возвратился въ Сенъ-Сампсонъ съ грузомъ камней. Не удовольствовавшись этимъ грузомъ, онъ еще прибавилъ къ нему небольшую гермскую пушку, изъ которой обыватели острова стрѣляли ежегодно 5 ноября, въ годовщину смерти зачинщика порохового заговора Гюи Фаукса. (Замѣтимъ здѣсь кстати, что Гюи Фауксъ умеръ двѣсти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ: долго же радуются его смерти!) И такимъ образомъ Жилліатъ на своей нагруженной и даже перегруженной, благодаря пушкѣ Гюи Фаукса, лодкѣ, несмотря на сильный южный вѣтеръ, мѣшавшій его маневрированію, проводилъ, можно было бы даже почти сказать—приносилъ на своихъ плечахъ, свою лодку въ Сенъ-Сампсонъ. Очевидецъ этой смѣлой поѣздки, сэръ Летьерри, воскликнулъ: «Вотъ такъ смѣлый морякъ!» и протянулъ руку Жилліату. Впрочемъ, о сэрѣ Летьерри рѣчь еще будетъ ниже. А пока лодка была присуждена Жилліату, что, однако, не сняло съ него прозвища «Злобный». Нашлись такіе люди, которые объявили, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Жилліатъ положилъ на дно своей лодки вѣтку дикаго винограда. Это послѣднее обстоятельство осталось, впрочемъ, недоказаннымъ.

Начиная съ этого дня, онъ не выѣзжалъ въ море иначе, какъ въ этой лодкѣ. Въ ней же, несмотря на ея неуклюжесть, онъ ѣздилъ на рыбную ловлю. Онъ причаливалъ ее въ маленькой, очень удобной бухточкѣ у самаго забора своего сада, которою онъ пользовался одинъ. Съ наступленіемъ ночи, онъ забиралъ свои сѣти, проходилъ черезъ свой огородъ, перелѣзалъ черезъ каменную изгородь, перепрыгивалъ съ камня на камень, входилъ въ свою лодку, выѣзжалъ въ открытое море. Онъ налавливалъ много рыбы, что опять-таки приписывалось лежавшей въ лодкѣ его вѣткѣ дикаго винограда. Никто этой вѣтки не видѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, никто не сомнѣвался въ ея существованіи.

Излишекъ рыбы, который онъ не могъ самъ съѣсть, онъ не продавалъ, а раздаривалъ. Бѣдняки, получая отъ него въ пода-

рокъ рыбу, все же смотрѣли на него, какъ на колдуна: кто же ловитъ рыбу съ помощью вѣтки дикаго винограда? Нельзя же такъ обманывать море!

Онъ былъ рыбакомъ, но не только рыбакомъ. Отъ скуки и для разнообразія онъ научился тремъ или четыремъ ремесламъ. Онъ былъ плотникомъ, телѣжникомъ, конопатчикомъ, кузнецомъ, и даже немного механикомъ. Никто не умѣлъ лучше его починить колесо. Онъ самъ дѣлалъ всѣ свои рыболовные снаряды. Въ одномъ изъ уголковъ своего двора онъ устроилъ маленькую кузницу, съ наковальней. Такъ какъ у его ботика былъ только одинъ якорь, то онъ самъ, совершенно одинъ, выковалъ второй. Этотъ второй якорь оказался отличнымъ: кольцо его было достаточно крѣпко, и Жилліатъ самоучкой, безъ всякаго посторонняго указанія, сдѣлалъ якорный шкотъ, какъ разъ такой длины, чтобы якорь не могъ опрокинуться. Онъ же самъ выковалъ уключины для своей лодки, нарѣзавъ на нихъ даже винты, для того, чтобы въ бортѣ ботика, отъ обыкновенныхъ гвоздей, не образовалось слишкомъ большихъ отверстій.

Такимъ образомъ онъ не мало содѣйствовалъ увеличенію морскихъ качествъ своего ботика. Онъ выѣзжалъ на немъ, иногда на мѣсяцъ или даже на два, на какой-нибудь изъ сосѣднихъ необитаемыхъ островковъ, въ родѣ Шузея или Каскэ. Сосѣди только замѣчали: «Ага, Жилліатъ уѣхалъ!» и больше о немъ не безпокоились.

VII.

Въ нечистомъ домѣ—нечистый жилецъ.

Жилліатъ былъ человѣкъ не отъ міра сего. Этимъ объясняется его смѣлость, а также находившая на него порою робость. Онъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ, обманамъ чувствъ. Галлюцинаціямъ одинаково подвержены и простой крестьянинъ и король; неизвѣстный міръ одинаково поражаетъ умъ и того и другого. Среди глубокаго мрака вдругъ передъ тѣмъ и другимъ является просвѣтъ и затѣмъ исчезаетъ. Эти видѣнія обладаютъ способностью преображенія: они превращаютъ погонщика верблюдовъ въ Магомета, а пастушку—въ Іоанну д'Аркъ. Одиночество дѣлаетъ человѣка особенно склоннымъ къ видѣніямъ; оно тотъ же дымъ неопалимой купины. Оно производитъ смущеніе въ мысляхъ, дѣлающее врача ясновидцемъ, а поэта—пророкомъ; отъ него происходятъ Хоревъ, Кедронъ, Омбосъ, одурманивающіе Кастальскіе лавры, откровенія Пиѳіи. Оно производитъ Пилею Додонскую, Фемонею Дельфійскую, Трофонія Лебадейскаго, Іезекіиля Кебарскаго, Іеронима Ѳиваидскаго. Обыкновенно состояніе духовидца подавляетъ и притупляетъ человѣка. Можетъ существовать и священное отупѣніе. Видѣнія—такая же тягость для факира, какъ зобъ для кретина. Лютеръ, бесѣдовавшій съ дьяволами на своемъ виттенбергскомъ чердакѣ, Паскаль, загораживавшій адъ ширмами своего кабинета, колдунъ-негръ, разговаривающій съ бѣлолицымъ богомъ,—это все одно и то же явленіе, только различнымъ обра-

зомъ отражающееся въ мозгу, сообразно впечатлительности и степени развитія послѣдняго. Лютеръ и Паскаль были и остались великими; колдунъ-негръ просто глупъ!

Жилліатъ не былъ ни такъ уменъ, какъ первые, ни такъ глупъ, какъ послѣдній. Это былъ мечтатель, больше ничего. Онъ имѣлъ свой собственный, нѣсколько оригинальный взглядъ на природу. Изъ того, что ему не разъ случалось находить въ ясной морской водѣ довольно большихъ, невѣдомыхъ ему животныхъ, изъ породы медузъ, которыя, будучи выброшены изъ воды, походили на мягкое стекло, и сливались съ водою своимъ цвѣтомъ и прозрачностью, такъ что ихъ даже трудно было различить, онъ заключалъ, что такъ какъ въ водѣ обитаютъ прозрачныя живыя существа, то подобныя же существа могутъ обитать и въ воздухѣ. Птицы не могутъ считаться обитателями воздуха; онѣ въ немъ скорѣе являются амфибіями. Жилліатъ не вѣрилъ въ пустоту воздуха. Онъ разсуждалъ такъ: «Если море полно живыхъ существъ, то почему бы воздуху быть пустымъ? Существа, цвѣтомъ похожія на воздухъ, терялись бы въ лучахъ свѣта и скрывались бы отъ нашихъ взоровъ; что намъ доказываетъ, что ихъ не существуетъ? По аналогіи очевидно, что въ воздухѣ должны быть свои рыбы, какъ и въ морѣ. Эти рыбы, несомнѣнно, должны быть прозрачны, такъ какъ предусмотрительная природа оказалась столь же благодѣтельной относительно нихъ, какъ и относительно насъ. Пропуская свѣтъ черезъ свои тѣла, не бросая тѣней и не образуя силуэтовъ, они остаются невидимы для нашего глаза и мы даже не подозрѣваемъ ихъ существованія. Жилліатъ воображалъ себѣ, что если бы можно было высушить атмосферу или если бы можно было закинуть въ воздухъ неводъ, подобно тому, какъ его закидываютъ въ прудъ, въ немъ нашлось бы не мало удивительныхъ существъ. И тогда,— прибавлялъ онъ въ своихъ мечтаніяхъ,—объяснились бы многія, необъяснимыя теперь, вещи».

Мечтаніе, т.-е. то же мышленіе, но только въ туманномъ состояніи, граничитъ со сномъ и часто сливается съ нимъ. Воздухъ, обитаемый живыми, прозрачными существами,—это было бы начало невѣдомаго; но за этимъ начинается обширная область возможнаго. Тамъ уже другія существа, другіе факты; нѣтъ ничего сверхъестественнаго, но есть невѣдомое продолженіе безконечной природы. Жилліатъ, среди трудолюбивой праздности, составлявшей его существованіе, сдѣлался оригинальнымъ наблюдателемъ; онъ наблюдалъ даже за сномъ. Сонъ, это—соприкосновеніе съ возможнымъ, которое мы называемъ также невѣроятнымъ. Міръ тьмы—все же цѣлый міръ; ночь, это—цѣлая вселенная. Человѣческій организмъ, на который давитъ атмосферическій столбъ въ пятнадцать миль высоты, къ вечеру утомляется, изнемогаетъ отъ слабости, ложится, отдыхаетъ. Тѣлесныя очи смежаются, но въ этой, объятой сномъ, головѣ, менѣе бездѣйственной, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ, раскрываются другіе глаза, которые видятъ міръ невидимаго. Темныя стороны невѣдомаго міра приближаются къ человѣку, потому ли, что останавливается дѣйстви-

тельное сношеніе, или потому, что далекіе предметы увеличиваются передъ умственными взорами. Живыя, хотя и безформенныя существа пространства, какъ будто собираются для того, чтобы смотрѣть на насъ, какъ бы любопытствуя узнать, что такое земныя существа. Какое-то призрачное мірозданіе опускается или поднимается къ намъ и окружаетъ насъ среди потемковъ. Передъ нашимъ умственнымъ взоромъ слагается и разлагается новая, иная жизнь, чѣмъ наша, состоящая изъ насъ самихъ и еще изъ чего-то другого; и человѣкъ, погруженный въ сонъ, наполовину сознательно, наполовину безсознательно, видитъ какіе-то странные животные организмы, какую-то необычайную растительность, какіе-то странные или красивые туманные образы, какія-то маски, фигуры, драконы, какой-то лунный свѣтъ безъ луны, какія-то чудовищныя сочетанія тѣней, какія-то сгущенія и разрѣженія тьмы, какіе-то смутные образы, носящіеся во тьмѣ,—словомъ, весь тотъ калейдоскопъ, который мы называемъ сномъ, а который въ сущности есть не что иное, какъ приближеніе невидимой дѣйствительности. Сонъ, это—какъ бы аквaріумъ ночи.

Таковы были мечтанія Жилліата.

VIII.

Гильдъ-гольмское кресло.

Въ настоящее время мы тщетно стали бы искать въ Гуметской бухтѣ домика Жилліата, его огорода и набережной, къ которой онъ причаливалъ свою лодку. Домикъ уже не существуетъ. Маленькій мысокъ, на которомъ стоялъ этотъ домъ, исчезъ подъ ударами кирки добывателей гранита и перенесенъ, кусокъ за кускомъ, на телѣги, которыя, въ свою очередь, доставили его на суда торговцевъ гранитомъ. Мысокъ этотъ превратился въ столичные дворецъ, церковь или набережную. Весь этотъ гребень утесовъ давно уже отправленъ въ Лондонъ.

Эти выдающіяся въ море скалы, съ ихъ трещинами и зазубринами, представляются настоящими небольшими горными кряжами. При видѣ ихъ обыкновенный человѣкъ испытываетъ почти такое же впечатлѣніе, которое долженъ испытывать великанъ при видѣ Кордильерской горной цѣпи. На мѣстномъ нарѣчіи ихъ называютъ «банками». Онѣ бываютъ самыхъ разнообразныхъ формъ: однѣ изъ нихъ напоминаютъ собою спинной хребетъ, при чемъ каждый утесъ является отдѣльнымъ позвонкомъ; другія — рыбью кость, третьи—пьющаго крокодила, и т. д.

На концѣ отмели Бю-де-ла-Рю возвышался высокій утесъ, который гуместскіе рыбаки прозвали «Воловьимъ Рогомъ». Этотъ утесъ, пирамидальной формы, походилъ на Джерсейскій конусъ, хотя и былъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Во время прилива вода отдѣляла его отъ отмели, и «Воловій Рогъ» былъ какъ бы изолированъ. Но при отливѣ до него можно было добраться, пробираясь по камнямъ, составлявшимъ какъ бы перешеекъ. Особенно любопытнымъ въ этомъ утесѣ представлялось подобіе

кресла, обращенное къ морю, вырытое и сглаженное прибоемъ волнъ. Кресло это было нѣчто весьма опасное. Къ нему невольно привлекала красота открывающагося отсюда вида; здѣсь невольно останавливались, чтобы любоваться моремъ; что-то приковывало васъ къ этому мѣсту—широкій кругозоръ всегда пріятенъ для глазъ. Это природное кресло, какъ бы нарочно устроенное въ отвѣсной стѣнѣ утеса, представляло собою нишу, въ которую при низкой водѣ очень удобно было войти, такъ какъ тотъ же самый прибой волнъ, который вырылъ ее въ утесѣ, также сгладилъ и какъ будто обтесалъ нѣсколько находившихся подъ нею камней, образуя точно лѣстницу. Но къ любезностямъ и къ предупредительности пучины нужно всегда относиться съ недовѣріемъ. Кресло это соблазняло, къ нему взбирались и на него усаживались. Сидѣть на немъ было удобно. Сидѣнье составлялъ гладкій, отполированный волнами, гранитъ; ручки кресла представляли собою двѣ, точно нарочно изогнутыя, линіи; спинкой кресла являлась высокая, гладкая стѣна утеса, который свѣшивался надъ вашей головою и по которой даже ящерицѣ трудно было бы взобраться, до того онъ былъ гладокъ. Ничего не было легче, какъ забыться на этомъ креслѣ. Передъ глазами вашими открывался просторъ моря, вы видѣли вдали приближающіяся или удаляющіяся суда, вы могли прослѣдить глазами за какимъ-нибудь парусомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скроется позади острова Каскэ за выпуклостью океана. Вы любовались, вы были очарованы, и не уставали смотрѣть, чувствуя на себѣ ласки морского вѣтра и волны. Въ Кайеннѣ, говорятъ, водится особый видъ нетопыря, усыпляющаго васъ въ темнотѣ мягкимъ и пріятнымъ помахиваніемъ своихъ крыльевъ. Вѣтеръ, это—такой же невидимый нетопырь; если онъ не уничтожаетъ, онъ усыпляетъ. Вы смотрѣли на море, вы прислушивались къ вѣтру, вы чувствовали сладкую истому и пріятный восторгъ. Когда въ глаза слишкомъ сильно бьетъ свѣтъ или красота, наслажденіемъ бываетъ закрыть ихъ. Но вдругъ вы проснулись уже слишкомъ поздно. Приливъ незамѣтно поднялся, утесъ вашъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою, вы погибли!

Нельзя представить себѣ ничего ужаснѣе осады поднимающихся морскихъ волнъ. Сначала приливъ приближается къ вамъ медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе. Добравшись до утеса, волна начинаетъ сердиться и пѣниться. Пуститься вплавь среди сильнаго прибоя волнъ тоже дѣло очень опасное; на этомъ мѣстѣ утонулъ не одинъ хорошій пловецъ. Словомъ, есть такія мѣста и такіе часы дня, когда смотрѣть на море—то же самое, что принимать внутрь сильный ядъ или, порою, смотрѣть на женщину.

Гернсейскіе старики когда-то называли это углубленіе, промытое волнами въ скалѣ, «Кресломъ Гильдъ-Гольмъ-Уръ» или «Кидормуръ». Это, говорятъ, кельтское слово, котораго, однако, люди, знакомые съ кельтскимъ языкомъ, не понимаютъ, а знакомые съ французскимъ языкомъ понимаютъ. Мѣстные крестьяне выговариваютъ это слово: «Qui dort meurt» («засыпающій умираетъ»). Всякій воленъ выбирать между этимъ вольнымъ переводомъ и пере-

водомъ, приведеннымъ, кажется, въ 1819 году, г. Атенасомъ въ журналѣ «Арморриканецъ». По мнѣнію этого почтеннаго кельтовѣда, Гильдъ-Гольмъ-Уръ означаетъ по-кельтски «Привалъ стаи птицъ».

Въ Ориньи есть другая, подобная же скала, называемая «Кресломъ Монаха», такъ удачно вымытая волнами и съ такимъ удобнымъ выступомъ утеса, что можно было бы подумать, будто море нарочно позаботилось о томъ, чтобы подставить вамъ подъ ноги скамеечку.

Съ моря, при высокой водѣ, нельзя было разглядѣть Гильдъ-Гольмъ-Ура, такъ какъ волны его совсѣмъ закрывали отъ взора. Это Гильдъ-Гольмъ-Урское кресло находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Бю-де-ла-Рю. Жилліату оно было хорошо знакомо и онъ часто садился на него. Онъ особенно облюбовалъ его. Приходилъ ли онъ сюда для того, чтобы думать? Нѣтъ, мы только что сказали, онъ мечталъ. Но, несмотря на свои мечтанія, онъ ни разу не допустилъ застать себя врасплохъ приливу.

Книга вторая.—ГОСПОДИНЪ ЛЕТЬЕРРИ.

I.

Безпокойная жизнь, но спокойная совѣсть.

Господинъ Летьерри, человѣкъ, пользовавшійся въ Сенъ-Самсонѣ большимъ уваженіемъ, былъ отличный морякъ. Онъ много на своемъ вѣку плавалъ. Онъ перебывалъ и корабельнымъ юнгой, и парусникомъ, и марсовымъ матросомъ, и рулевымъ, и боцманомъ, и боцманъ-матомъ, и штурманомъ, и хозяиномъ судна. Онъ былъ ловокъ и неутомимъ при спасаніи судовъ. Во время бури онъ расхаживалъ по морскому берегу, поглядывая на горизонтъ. Что это тамъ такое? Никакъ борющееся съ волнами судно? Это люгеръ изъ Веймута, это баркасъ изъ Ориньи, это барка изъ Курсейля, это яхта какого-нибудь лорда, это французъ, это англичанинъ, это богачъ, это бѣднякъ, это самъ чортъ,—для него все это было безразлично! Онъ прыгалъ въ свою лодку, приглашалъ съ собою двухъ или трехъ надежныхъ моряковъ, а въ случаѣ надобности обходился и безъ ихъ помощи, и отправлялся совершенно одинъ, отвязывалъ причалъ, садился на весла, выѣзжалъ въ открытое море, то поднимался въ своей лодкѣ на гребни горъ, то исчезалъ въ ихъ углубленіяхъ, плылъ противъ вѣтра, шелъ прямо навстрѣчу опасности. По временамъ онъ издали показывался среди шквала, стоя въ своей лодкѣ, пронизываемый дождемъ, освѣщаемый молніей, похожій на льва съ развѣвающейся по вѣтру гривой. Онъ такимъ образомъ иногда проводилъ цѣлые дни среди опасностей, среди волнъ, подъ градомъ, подъ вѣтромъ, приставая къ погибающимъ судамъ, спасая людей и грузы, оспаривая у бури ея добычу. По вечерамъ, возвратившись домой, онъ усаживался вязать чулокъ.

Такую жизнь онъ велъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, т.-е. отъ десятилѣтняго возраста до шестидесятилѣтняго. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ замѣтилъ, что уже не можетъ поднять одной рукою большой молотъ Варклинской кузницы, вѣсившій триста фунтовъ. А тутъ еще его сталъ одолѣвать ревматизмъ. Пришлось отказаться отъ моря, и изъ положенія героя перейти въ положеніе патріарха. Онъ покорился этой необходимости и записался въ старики.

Впрочемъ, одновременно съ ревматизмомъ онъ добился и благосостоянія. Эти два продукта трудовой жизни идутъ обыкновенно рядомъ: дѣлаясь богатымъ, человѣкъ въ то же время утрачиваетъ здоровье. Это своего рода увѣнчаніе жизни. Человѣкъ говоритъ самъ себѣ: «Теперь станемъ наслаждаться».

На островахъ, подобныхъ Гернсею, населеніе состоитъ изъ людей, проведшихъ всю свою жизнь или на своей нивѣ или на морѣ. Это два вида тружениковъ, тружениковъ почвы и тружениковъ

моря. Сиръ Летьерри принадлежалъ къ числу послѣднихъ, хотя онъ не былъ чуждъ и жизни на сушѣ. Онъ много путешествовалъ не только на морѣ, но и на сушѣ; онъ побывалъ корабельнымъ плотникомъ сначала въ Рошфорѣ, затѣмъ въ Сеттѣ. Вообще онъ исходилъ Францію вдоль и поперекъ. Онъ работалъ въ соляныхъ варницахъ въ Франшъ-Конте; во Франціи же онъ научился читать, мыслить, желать. Этотъ честный человѣкъ велъ жизнь искателя приключеній. Онъ за все принимался, и во всемъ, за что только онъ ни принимался, онъ выказывалъ величайшую честность. Но въ душѣ онъ былъ морякъ. Вода была его стихія, и онъ говаривалъ: «Рыбы живутъ *у меня!*» Вообще вся его жизнь, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ лѣтъ, была отдана океану, «брошена въ воду», какъ онъ самъ выражался. Онъ плавалъ всюду,—и по Атлантическому и по Тихому океану,—но всѣмъ остальнымъ морямъ онъ предпочиталъ Ла-Маншскій каналъ. Онъ съ какимъ-то восторгомъ восклицалъ: «Вотъ такъ суровое море!» Здѣсь онъ родился, здѣсь онъ желалъ и умереть. Совершивъ два или три кругосвѣтныхъ плаванія, познакомившись съ другими морями и материками, онъ вернулся въ Гернсей, съ тѣмъ, чтобъ уже никогда больше не покидать его. Отнынѣ уже онъ не плавалъ дальше Гранвилля и Сенъ-Мало.

Сиръ Летьерри былъ гернсеецъ, т.-е. нормандецъ, наполовину французъ, наполовину англичанинъ. Въ немъ сказывались всѣ эти четыре элемента, растворимые, однако, въ великой его родинѣ—океанѣ. Во всю свою жизнь и всюду онъ сохранилъ нравы нормандскаго рыбака. Это, однако, не мѣшало ему при случаѣ раскрывать книгу, углубляться въ чтеніе ея, быть знакомымъ съ именами философовъ и поэтовъ и болтать немного почти на всѣхъ языкахъ земного шара.

II.

Вкусы Летьерри.

Жилліатъ былъ дикарь и Летьерри также. Но этому дикарю не чуждо было чувство изящества.

Онъ былъ очень разборчивъ относительно женщинъ. Въ молодости, будучи еще почти ребенкомъ, только что переименованный изъ юнгъ въ матросы, онъ услышалъ однажды, какъ адмиралъ Сюффренъ воскликнулъ: «Какая хорошенькая дѣвушка, но какія у ней некрасивыя, красныя руки!» Слово адмирала во всякомъ случаѣ для матроса значитъ очень много. Это не только изреченіе оракула, это—пароль. Восклицаніе Сюффрена сдѣлало Летьерри очень требовательнымъ и разборчивымъ относительно маленькихъ, бѣленькихъ женскихъ ручекъ. Его же собственная рука, широкая, какъ лопата, и цвѣта краснаго дерева, была тяжела, какъ дубина, и цѣпка, какъ клещи, онъ въ состояніи былъ раздробить сжатымъ кулакомъ булыжный камень.

Онъ никогда не былъ женатъ. Онъ, во-первыхъ, не чувствовалъ къ тому расположенія, а во-вторыхъ, и не находилъ подхо-

дящей для себя жены. Послѣднее обстоятельство зависѣло, быть-можетъ, отъ того, что онъ, простой матросъ, изъявлялъ притязаніе на ручки герцогини; а такихъ ручекъ, конечно, нельзя было найти среди порбайльскихъ рыбачекъ. Ходилъ, впрочемъ, слухъ, будто когда-то онъ встрѣтилъ въ Рошфорѣ, въ департаментѣ Шаранты, одну гризетку, удовлетворявшую его идеалу. Это была красивая, молодая дѣвушка, съ хорошенькими ручками. Она любила злословить и царапаться, и къ ней опасно было приближаться. Ея ноготки, при случаѣ превращавшіеся въ когти, были въ полномъ смыслѣ слова безукоризненной формы и чистоты. Эти чудесные ноготки сначала привели Летьерри въ восторгъ, а затѣмъ обезпокоили его. Кончилось тѣмъ, что чувство безпокойства одержало верхъ надъ чувствомъ восторга, и что онъ не рѣшился повести ее къ вѣнцу.

Въ другой разъ ему приглянулась одна молодая дѣвушка изъ Ориньи. Онъ уже подумывалъ о помолвкѣ съ нею, когда одинъ изъ мѣстныхъ жителей какъ-то сказалъ ему: «Поздравляю васъ: у васъ будетъ славная навозница!» Летьерри не понялъ смысла этого комплимента и попросилъ объясненій. Оказалось, что многіе мѣстные жители сушатъ коровій навозъ и употребляютъ его въ видѣ топлива. Работой этой занимаются исключительно женщины, и многіе, намѣреваясь жениться, собираютъ даже справки о томъ, хорошая ли навозница ихъ суженая. Этотъ талантъ его невѣсты заставилъ Летьерри обратиться въ бѣгство. Впрочемъ, въ любовныхъ дѣлахъ онъ былъ своего рода философъ. Онъ часто ухаживалъ за женщинами, но никогда не увлекался ими. Онъ самъ иногда хвастался, что въ молодости любилъ «бѣгать за юбками». Какъ извѣстно, «юбки» это въ одно и то же время и больше и меньше, чѣмъ женщина.

Моряки Нормандскаго архипелага вообще не лишены здраваго, природнаго ума. Почти всѣ они умѣютъ и любятъ читать. По воскресеньямъ на суднѣ можно видѣть какого-нибудь восьмилѣтняго юнгу, усѣвшагося на связку канатовъ и читающаго книгу. Эти нормандскіе моряки испоконъ вѣку отличались насмѣшливостью и любили отпускать разныя словечки. Одинъ изъ нихъ, смѣлый лоцманъ Керипель, обратился къ Монгомерри, искавшему убѣжища на Джерсеѣ послѣ нечаяннаго убіенія имъ на турнирѣ Генриха II, съ слѣдующими словами: «Сумасшедшая башка пробила пустую башку!» Другой джерсеецъ, Тузо, судохозяинъ изъ Сенъ-Брелада, былъ авторомъ одного философскаго каламбура, приписаннаго впослѣдствіи безъ всякаго основанія епископу Камюсскому: Après la mort les papes deviennent papillons et les sires deviennent cirons [1]).

---

[1]) Послѣ смерти папы становятся мотыльками, а господа клещами. Игра словъ, основанная на созвучіи: pape — papillons (мотылекъ), sire — ciron (клещъ).

III.

Старинный языкъ моряковъ.

Эти моряки Ла-Маншскаго архипелага — настоящіе, старинные галлы. Острова эти, нынѣ быстро англизирующіеся, долгое время сохраняли свой первобытный характеръ. Серкскій крестьянинъ и нынѣ говоритъ языкомъ временъ Людовика XIV.

Еще не далѣе, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ устахъ матросовъ Джерсея и Ориньи можно было встрѣтить классическое морское нарѣчіе, и какъ будто цѣликомъ перенестись въ кругъ моряковъ семнадцатаго столѣтія. Археологъ-спеціалистъ могъ бы изучить на немъ старинныя слова морской команды и морскихъ маневровъ, выкрикивавшіяся когда-то Жаномъ Бартомъ въ рупоръ и такъ пугавшія адмирала Гайда. Старинный словарь дѣдовъ нашихъ, нынче уже почти сплошь обновленный, употреблялся еще въ Гернсеѣ около 1820 года. Судно, хорошо державшее паруса, называлось «бейдевинднымъ судномъ»; судно, почти само собою державшееся къ вѣтру, помимо бизановъ и руля, называлось «горячимъ судномъ». Плыть—называлось «взять румбъ»; взять трайсель называлось «лежать въ дрейфѣ»; причалить конецъ бѣгучаго такелажа называлось «усыпить»; перенимать вѣтеръ—называлось «выйти изъ вѣтра»; крѣпко держаться на канатѣ называлось «не поддаваться»; безпорядокъ на борту назывался «сложеніемъ рей козломъ»; поставить паруса подъ вѣтеръ называлось «сдѣлать его твердымъ подъ парусами». Вмѣсто «поворачивать оверштагъ», тогда говорили: «дать вѣтру»; вмѣсто «итти носомъ» говорили: «разрѣзать носомъ»; теперь говорятъ: «тяните дружнѣй», тогда говорили: «забирайтесь дружнѣй». Теперь говорятъ: «слабо зацѣпляйтесь якоремъ», тогда говорили: «вынимайте изъ грунта». Вмѣсто «натягивайте канатъ», говорили «натуживайте канатъ»; то, что теперь называется «кнехтомъ», тогда называлось «крюсоромъ»; вмѣсто «драёкъ», тогда говорили «затычка для клюза». И еще много другихъ особенностей имѣло морское нарѣчіе Ла-Маншскаго архипелага не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Это странное, чисто мѣстное нарѣчіе не мѣшало, однако, Дюкэну разбить на морѣ Рюйтера, Дюгэ-Труену разбить Васнара, а Турвиллю поставить на шпрингъ въ 1681 году, среди бѣлаго дня, первую галеру, приблизившуюся къ Алжиру для того, чтобы бомбардировать его. Въ настоящее время языкъ этотъ—мертвый языкъ. Теперь моряки употребляютъ совершенно иной языкъ; Дюперрэ не могъ бы уже понять Сюффрена.

Языкъ сигналовъ подвергся не меньшимъ измѣненіямъ. Вмѣсто четырехъ вымпеловъ—краснаго, бѣлаго синяго и желтаго эпохи Лабурдоннэ, нынѣ существуетъ не менѣе восемнадцати различныхъ флаговъ, которые, будучи поднимаемы по два, по три и по четыре, могутъ составлять, въ случаѣ необходимости сношеній издалека, семьдесятъ тысячъ комбинацій, никогда не запинаются и, такъ сказать, предвидятъ непредвидимое.

IV.

Человѣкъ легко уязвимъ въ томъ, что онъ любитъ.

У господина Летьерри что было на сердцѣ, то и на языкѣ; онъ былъ щедръ и великодушенъ. Главный его недостатокъ былъ собственно не недостатокъ, а добродѣтель: онъ былъ очень довѣрчивъ. У него была особая, торжественная манера давать обѣщаніе; онъ говорилъ: «Даю въ томъ слово Господу Богу!» И разъ сказавши это, онъ ни передъ чѣмъ не отступалъ. Онъ вѣрилъ только въ Бога и ни во что иное. Въ церковь онъ ходилъ лишь изрѣдка, и то больше изъ приличія. Но на морѣ онъ былъ суевѣренъ.

Однако буря никогда не устрашала его. Происходило это оттого, что онъ не любилъ противорѣчій и не допускалъ ихъ, какъ со стороны людей, такъ и со стороны океана. Онъ требовалъ повиновенія себѣ; тѣмъ хуже для моря, если оно сопротивлялось. Въ концѣ-концовъ, оно все же должно было покориться ему,— со стороны Летьерри нечего было разсчитывать на уступку. Ни вздымающійся валъ морской, ни сварливый сосѣдъ не въ состояніи были остановить его. То, что онъ говорилъ, было сказано, то, что онъ предполагалъ, бывало сдѣлано. Онъ не преклонялся ни передъ возраженіемъ, ни передъ бурей. Для него не существовало слова «нѣтъ» ни въ устахъ человѣка, ни въ ревѣ бури. Онъ все равно ставилъ на своемъ. Онъ не допускалъ, чтобы ему въ чемъ-либо отказывали. Отсюда проистекало его упрямство въ жизни и его смѣлость на морѣ.

Онъ любилъ самъ себѣ варить уху и умѣлъ приправить ее нужнымъ количествомъ соли, перцу и зелени. Ему почти такое же удовольствіе доставляло варить, какъ и ѣсть ее. Представьте себѣ существо, которое матросскій китель украшаетъ, а сюртукъ обезображиваетъ, которое, съ волосами, развѣваемыми вѣтромъ, похожее на Жана Барта, а въ круглой шляпѣ—на балаганнаго Петрушку, неловкое въ городѣ, проворное и расторопное на морѣ, со спиной, какъ у носильщика, никогда не ругающееся, очень рѣдко сердящееся, съ мягкимъ въ обыкновенное время голосомъ, дѣлающимся, однако, громовымъ во время бури, вылетая изъ рупора; крестьянина, читавшаго энциклопедію, гернсейца, видѣвшаго революцію, очень ученаго невѣжу, чуждаго ханжества, но склоннаго къ суевѣріямъ, вѣрящаго болѣе въ привидѣнія, чѣмъ въ Богородицу; Полиѳема по фигурѣ, флюгера въ отношеніи логики, съ силой воли Христофора Колумба, отчасти быка, отчасти ребенка, курносаго, скуластаго, съ большимъ ртомъ и большими зубами, съ морщинистымъ лицомъ,—съ лицомъ, какъ будто размытымъ волнами и въ теченіе сорока лѣтъ неустанно обвѣваемымъ морскими вѣтрами, какъ бы съ отпечаткомъ бури на челѣ,—воплощеніе утеса въ открытомъ морѣ, — прибавьте къ этому грубому лицу добродушный взглядъ, и вы будете имѣть передъ собою господина Летьерри!

У Летьерри были двѣ привязанности: Дюранда и Дерюшетта.

Книга третья.—ДЮРАНДА И ДЕРЮШЕТТА.

I.

Болтовня и дымъ.

Тѣло человѣческое не даромъ считается одною только внѣшней оболочкой, за которою скрывается наша дѣйствительность. Оболочка эта дѣлается то болѣе густой, то болѣе рѣдкой. Дѣйствительность, это—наша душа. Собственно говоря, лицо наше есть не что иное, какъ маска. Настоящій человѣкъ это то, что скрывается подъ внѣшнимъ человѣкомъ. Если бы можно было разглядѣть этого человѣка, забившагося и спрятавшагося за той иллюзіей, которую называютъ плотью, то не разъ приходилось бы удивляться. Общая всѣмъ людямъ ошибка заключается въ томъ, что они принимаютъ внѣшнее существо за существо дѣйствительное. Иная дѣвушка, напримѣръ, если бы ее разглядѣть поближе, оказалась бы птицей.

Что можетъ быть привлекательнѣе птички, принявшей образъ красивой дѣвушки? Представьте себѣ нѣчто подобное, и вы будете имѣть понятіе о Дерюшеттѣ. Что за прелестное созданіе! Такъ и хотѣлось бы сказать ей: «Здравствуйте, госпожа малиновка». Правда, крыльевъ ея не видать, но зато слышно ея щебетаніе. Иногда она поетъ. Болтовней своей она стоитъ ниже мужчины, пѣніемъ своимъ выше его. Въ этомъ пѣніи есть нѣчто таинственное; молодая дѣвушка, это—внѣшняя оболочка ангела. Когда дѣвушка становится женщиной, ангелъ отлетаетъ; но впослѣдствіи онъ возвращается, принося новую душу женщинѣ-матери. Въ ожиданіи жизни, та, которая когда-нибудь сдѣлается матерью, очень долго остается ребенкомъ. Въ молодой дѣвушкѣ остается еще маленькая дѣвочка, остается пташка. При видѣ ея невольно думаешь: «Какъ мило съ ея стороны, что она не улетаетъ!» Эта прирученная птичка располагается въ домѣ, порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, т.-е. изъ комнаты въ комнату, влетаетъ, улетаетъ, приближается, удаляется, чиститъ свои перышки или расчесываетъ свои волосы, производитъ легкій шумъ, нашептываетъ вамъ на ухо разные сладкіе звуки. Она спрашиваетъ, ей отвѣчаютъ; ее спрашиваютъ, она щебечетъ. Съ нею болтаютъ, а болтовня, это—отдыхъ отъ разговора. Въ этомъ существѣ есть что-то небесное; это свѣтлая мысль, примѣшавшаяся къ вашимъ чернымъ мыслямъ. Вы благодарны ему за то, что оно такъ легко, такъ летуче, такъ неуловимо, и что въ то же время оно не дѣлается невидимымъ и неосязаемымъ, что для него, повидимому, не составляло бы ни малѣйшаго затрудненія! Здѣсь, на землѣ, красивое необходимо. Врядъ ли можно представить себѣ болѣе важное назначеніе, чѣмъ назначеніе быть красивымъ. Тропическій лѣсъ былъ бы въ от-

чаяніи, если бы въ немъ не было колибри. Испускать изъ себя радость, лучиться счастіемъ, проливать среди тьмы свѣтъ, быть позолотой судьбы, гармоніей, граціей, миловидностью—это значитъ оказывать вамъ важную услугу. Красота благотворно дѣйствуетъ на человѣка именно, какъ красота. Есть такія существа, которыя обладаютъ способностью очаровывать все, что ихъ окружаетъ; иногда они сами того не подозрѣваютъ, и обаяніе ихъ отъ этого дѣлается только сильнѣе. Присутствіе ихъ проливаетъ свѣтъ, приближеніе ихъ согрѣваетъ. Она проходитъ, и вы довольны; она останавливается, и вы счастливы; смотрѣть на нее, значитъ жить. Она утренняя заря, принявшая человѣческій образъ, — она здѣсь и этого достаточно, домъ превращается въ рай, который, такъ сказать, выходитъ у нея черезъ всѣ поры. Она во всѣхъ вливаетъ восторгъ, не давая себѣ иного труда, какъ только дышать. Обладать улыбкою, которая неизвѣстно какимъ образомъ уменьшаетъ тяжесть громадной цѣпи, влачимой сообща всѣми живыми существами, въ этомъ, что тамъ ни говори, есть нѣчто божественное! Дерюшетта обладала именно такой улыбкой; мы скажемъ даже болѣе: Дерюшетта была сама такою улыбкою. Есть нѣчто болѣе похожее на насъ, чѣмъ наше лицо: это наша физіономія, и, кромѣ того, есть нѣчто болѣе похожее на насъ, чѣмъ наша физіономія: это наша улыбка. Улыбающаяся Дерюшетта была настоящая Дерюшетта.

Джерсейскія и гернсейскія женщины, а въ особенности дѣвушки, отличаются цвѣтущей и чистой красотою. Въ нихъ соединяется бѣлизна саксонокъ и свѣжесть норманокъ. У нихъ розовыя щеки и голубые глаза, но глаза эти не мечутъ искръ; блескъ ихъ, такъ сказать, смягчается англійскимъ воспитаніемъ. Эти свѣтлые глаза сдѣлаются неодолимы въ тотъ день, когда въ нихъ скажется парижская вдумчивость, но, къ счастію, Парижъ еще не коснулся этихъ островитянокъ. Дерюшетта не была парижанка, но она не была также и гернсейка. Родилась она, правда, въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ, но ее воспиталъ Летьерри. Онъ воспиталъ ее для того, чтобы быть миловидной, и она была миловидна.

Взглядъ Дерюшетты былъ въ одно и то же время и задоренъ и безстрастенъ, при чемъ она сама не понимала смысла слова «любовь», а между тѣмъ охотно влюбляла въ себя людей, безъ всякаго, впрочемъ, злого умысла. Она нимало не думала о замужествѣ. Старый эмигрантъ-дворянинъ, пустившій корни въ Сенъ-Сампсонѣ, говаривалъ про нее: «Эта дѣвушка кокетничаетъ холостыми зарядами».

У Дерюшетты были необыкновенно красивыя, маленькія ручки и такія же ножки,—«четыре мушиныхъ лапки», отзывался о нихъ Летьерри. Вся ея фигура дышала кротостью и добротою. Все ея семейство составлялъ Летьерри, ея дядя; весь ея трудъ заключался въ томъ, чтобы жить, весь ея талантъ—въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, вся ея наука — въ красотѣ, весь ея умъ — въ невинности, все ея сердце—въ невѣдѣніи. Она обладала лѣнивой граціей креолки, не чуждой, однако, нѣкоторой живости и даже легкомыслія, шаловливой веселостью ребенка, съ нѣкоторымъ, однако, оттѣнкомъ

меланхоліи. Одѣвалась она не такъ, какъ остальныя островитянки, а съ какою-то капризною изысканностью; носила она круглый годъ шляпы, украшенныя цвѣтами. Красивый и чистый лобъ, гибкая, бѣлая шея, темнорусые волосы, бѣлая кожа, покрывавшаяся лѣтомъ рѣдкими веснушками, пухлыя, красныя губки и на этихъ губкахъ восхитительная, свѣтлая и опасная улыбка — вотъ какова была Дерюшетта.

Иногда по вечерамъ, послѣ заката солнца, когда ночь спускается на море, когда вечерній сумракъ придаетъ очертаніямъ волнъ фантастическій оттѣнокъ, можно было увидѣть въ Сенъ-Сампсонскомъ каналѣ, на грозныхъ гребняхъ валовъ, какую-то массу неопредѣленныхъ очертаній, какой-то свистящій и шипящій чудовищный силуэтъ, что-то хрипѣвшее, какъ звѣрь, и дымившееся, какъ вулканъ, нѣчто въ родѣ чудовища, барахтавшагося въ пѣнѣ, тащившее за собою туманъ и кидавшееся на городъ съ сильнымъ хлопаньемъ плавательныхъ перьевъ и съ громадной пастью, изъ которой вырывалось пламя. Эта масса была Дюранда.

II.

Вѣчная исторія утопіи.

Въ 182... году пароходъ въ водахъ Ла-Манша представлялъ собою нѣчто необычайное и надолго составлялъ предметъ разговора и даже ужаса по всему побережью. Нынче десятокъ или дюжина пароходовъ, снующихъ по различнымъ направленіямъ на морскомъ горизонтѣ, никого не заставляютъ даже поднять глазъ,— развѣ только они привлекутъ къ себѣ на мгновеніе вниманіе знатока-спеціалиста, узнающаго по цвѣту дыма, является ли послѣдній результатомъ горѣнія уэльскаго или ньюкэстльскаго угля. Проходитъ онъ мимо — хорошо; прибываетъ онъ — добро пожаловать; уходитъ—счастливаго пути!

Но въ первую четверть настоящаго столѣтія къ этому новому изобрѣтенію относились далеко не такъ равнодушно. Особенно косо смотрѣли на эти морскія чудовища и на ихъ дымъ островитяне Ла-Манша. Въ этомъ пуританскомъ архипелагѣ, въ которомъ порицали королеву Англіи за то, что она при родахъ прибѣгла къ помощи хлороформа и тѣмъ нарушила заповѣдь Божію [1]), первымъ успѣхомъ, одержаннымъ пароходомъ, было то, что его окрестили «Чортовой лодкой». Этимъ простодушнымъ рыбакамъ, когда-то католикамъ, впослѣдствіи кальвинистамъ, но всегда одинаково набожнымъ, пароходъ этотъ показался пловучимъ адомъ. Одинъ изъ мѣстныхъ проповѣдниковъ взялъ темой для своей проповѣди вопросъ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ право заставлять работать вмѣстѣ воду и огонь, которые Господь отдѣлилъ [2]). Развѣ это желѣзное чудовище, изрыгающее огонь, не похоже на Левіаѳана? Развѣ это не значило снова сотворить, въ размѣрахъ силъ чело-

---

[1]) Книга Бытія, гл. III, ст. 16,—«Въ болѣзни будешь рождать дѣтей».
[2]) Книга Бытія, гл. I, ст. 4.

вѣческихъ, хаосъ? Это былъ не первый примѣръ тому, что шагъ по пути прогресса назывался «возвращеніемъ къ хаосу».

«Безумная мысль», «грубое заблужденіе», «нелѣпость»—таковъ былъ приговоръ Академіи Наукъ, мнѣніе которой относительно парохода пожелалъ узнать въ началѣ этого столѣтія Наполеонъ I. Слѣдовательно, гернсейскимъ рыбакамъ извинительно то, что они по научнымъ вопросамъ не стояли въ первой четверти настоящаго столѣтія на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ парижскіе ученые. Равнымъ образомъ и по религіознымъ вопросамъ такой маленькій островокъ, какъ Гернсей, не обязанъ быть болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ такой большой материкъ, какъ Америка. Въ 1807 году, когда первый пароходъ Фультона, сооруженный при помощи Ливингстона, въ которомъ былъ поставленъ присланный изъ Англіи паровикъ Уатта и на которомъ, кромѣ экипажа судна, были только два француза—Андрэ Мишо и его товарищъ,—когда этотъ первый пароходъ совершилъ свой первый рейсъ изъ Нью-Йорка въ Альбани, оказалось, что событіе это случилось 17 августа. Ханжи воспользовались этой цифрой, и проповѣдники ихъ принялись во всѣхъ церквахъ проклинать новое изобрѣтеніе, доказывая, будто цифра *семнадцать* представляетъ собою итогъ *десяти* главныхъ слугъ сатаны и *семи* головъ апокалипсическаго звѣря. Въ Америкѣ приводили, какъ аргументъ противъ парового судна, апокалипсическаго звѣря; а въ Европѣ — книгу Бытія. Въ этомъ и заключалась вся разница.

Ученые отвергли пароходъ, какъ нѣчто невозможное. Духовенство отвергло его, въ свою очередь, какъ нѣчто богопротивное. Наука осудила, религія прокляла. Фультонъ являлся разновидностью Люцифера. Среди простыхъ прибрежныхъ и сельскихъ обывателей неудовольствіе увеличивалось еще чувствомъ страха, внушаемаго этой новинкой. Точка зрѣнія религіозная въ виду парохода была слѣдующая: Огонь и вода несовмѣстимы,—такъ установлено Самимъ Господомъ Богомъ. Не слѣдуетъ разъединять того, что Господь соединилъ! не слѣдуетъ равнымъ образомъ и соединять того, что разъединилъ Господь! Точка зрѣнія крестьянъ была слѣдующая: «Это меня пугаетъ!»

Для того, чтобы въ такую эпоху и при такихъ воззрѣніяхъ рискнуть завести пароходъ для совершенія рейсовъ между Гернсеемъ и Сенъ-Мало, нужно было имѣть силу характера Летьерри. Онъ одинъ, въ качествѣ свободнаго мыслителя, могъ постигнуть эту мысль и, въ качествѣ смѣлаго мореплавателя, осуществить ее. Какъ французъ, онъ возымѣлъ эту мысль; какъ англичанинъ, онъ ее осуществилъ. Мы скажемъ ниже — при какихъ обстоятельствахъ.

III.

Рантэнъ.

Приблизительно за сорокъ лѣтъ до описываемой нами въ настоящей книгѣ эпохи, въ одномъ изъ парижскихъ предмѣстій, возлѣ городской стѣны, между Львинымъ Рвомъ и Гробницей Ис

суара, былъ весьма подозрительный домъ. Домъ этотъ стоялъ совершенно особнякомъ и въ случаѣ надобности могъ отлично служить разбойничьимъ притономъ. Въ домѣ этомъ жилъ, вмѣстѣ съ женою своею и ребенкомъ, человѣкъ—наполовину мѣщанинъ, наполовину разбойникъ, бывшій писецъ прокурора при парижскомъ судѣ, впослѣдствіи сдѣлавшійся формальнымъ воромъ и появившійся со временемъ въ судѣ уже не въ качествѣ прокурорскаго писца, а въ качествѣ обвиняемаго. Фамилія его была Рантэнъ. Въ его избушкѣ, на комодѣ изъ краснаго дерева, стояли двѣ фарфоровыя, расписанныя цвѣтами, чашки. На одной изъ нихъ было выведено золотыми буквами: «Въ память дружбы», на другой: «Въ знакъ уваженія». Ребенокъ росъ въ этой квартирѣ бокъ-о-бокъ съ преступленіемъ. Такъ какъ отецъ и мать были люди полуобразованные, то они сочли нужнымъ научить и ребенка чтенію,—словомъ, дать ему кое-какое воспитаніе. Мать, блѣдная, оборванная женщина машинально обучала своего ребенка, учила его читать по складамъ, прерывая, впрочемъ, по временамъ это занятіе для того, чтобъ помочь своему мужу въ какой-нибудь воровской продѣлкѣ или чтобы отдаться какому-нибудь прохожему. Въ это время Псалтырь оставался на столѣ открытымъ на той страницѣ, на которой было прервано чтеніе, а ребенокъ задумчиво смотрѣлъ на совершающееся передъ его глазами.

Наконецъ отецъ и мать, захваченные какъ-то на мѣстѣ преступленія, исчезли во тьмѣ уголовщины. Ребенокъ также исчезъ.

Летьерри въ одну изъ своихъ поѣздокъ столкнулся съ такимъ же искателемъ приключеній, какъ и онъ самъ, помогъ ему въ какой-то бѣдѣ, оказалъ ему услугу, почувствовалъ къ нему за это благодарность, полюбилъ его, взялъ его съ собою, привезъ его въ Гернсей, нашелъ его способнымъ къ мореходному дѣлу и сдѣлалъ изъ него своего кампаньона. Оказалось, что это былъ выросшій тѣмъ временемъ сынъ четы Рантэновъ.

Рантэнъ, какъ и Летьерри, имѣлъ широкій затылокъ, могучую спину, какъ бы нарочно созданную для того, чтобы носить тяжести, и бедра, которымъ позавидовалъ бы Геркулесъ Фарнезскій. Летьерри и онъ были какъ бы вылиты въ одну форму, съ тою только разницей, что Рантэнъ былъ нѣсколько выше ростомъ. Всякій, кто видѣлъ ихъ сзади, гуляющими бокъ-о-бокъ по морскому берегу, говорилъ: «Несомнѣнно, два брата». Но спереди они не походили другъ на друга. У Летьерри было лицо открытое, у Рантэна же наоборотъ. И дѣйствительно, послѣдній былъ себѣ на умѣ. Рантэнъ прекрасно владѣлъ холоднымъ оружіемъ, могъ загасить свѣчку выстрѣломъ изъ пистолета на разстояніи двадцати шаговъ, въ состояніи былъ убить быка ударомъ кулака, игралъ на гармоникѣ, читалъ наизусть стихи изъ Генріады и умѣлъ отгадывать сны. Онъ зналъ наизусть «Сенъ-Денисскія гробницы» Тренейля. По его словамъ, онъ состоялъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ калькутскимъ султаномъ. Если бы перелистать находившуюся постоянно при немъ записную книжку, то въ ней можно бы было найти, среди другихъ замѣтокъ, слѣдующія слова: «Въ

Ліонѣ въ одной изъ трещинъ стѣны тюрьмы св. Іосифа, запрятанъ подпилокъ». Говорилъ онъ медленнымъ, размѣреннымъ голосомъ. Онъ выдавалъ себя за сына кавалера ордена св. Людовика. Бѣлье его было разрозненное, съ самыми разнообразными мѣтками. Трудно было найти человѣка, болѣе щекотливаго въ вопросахъ чести; онъ сейчасъ же вызывалъ на поединокъ и убивалъ. Взглядъ его почему-то напоминалъ собою взглядъ матери-актрисы. Словомъ, сила, служащая оболочкой хитрости,—вотъ что такое былъ Рантэнъ. Сила удара кулакомъ, отпущеннаго имъ когда-то на голову ярмарочному туркѣ, стяжала ему любовь Летьерри.

Въ Гернсеѣ ничего не было извѣстно объ его прежнихъ приключеніяхъ. Во всякомъ случаѣ они должны были отличаться пестротой. Если судьбы человѣческія имѣютъ костюмы, то судьба Рантэна, безъ сомнѣнія, облечена была въ костюмъ арлекина. Онъ много скитался по бѣлу свѣту, много видѣлъ и испыталъ. Онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Ремесла его могли составить цѣлую гамму. Онъ перебывалъ поваромъ на о. Мадагаскарѣ, птицеловомъ на Суматрѣ, генераломъ въ Гонолулу, издателемъ религіознаго журнала на Галапагосскихъ островахъ, поэтомъ въ Умравутти, франкъ-масономъ въ Гаити. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ произнесъ въ Большомъ Гоавѣ надгробное слово, изъ котораго мѣстныя газеты привели слѣдующій отрывокъ: «... Итакъ прощай, прекрасная душа! Подъ голубымъ небеснымъ сводомъ, подъ которымъ ты теперь пролетаешь, ты, безъ сомнѣнія, встрѣтишь добраго аббата Леандра Крамо изъ Малаго Гоава. Скажи ему, что, благодаря десятилѣтнимъ неустаннымъ трудамъ, ты окончила постройку церкви въ Ансаво. Прощай, высокій геній, прощай, образцовый масонъ!» Какъ видно, масонское званіе не мѣшало ему носить католическую маску; первое располагало въ его пользу сторонниковъ прогресса, вторая—людей стараго порядка. Онъ выставилъ себя чистокровнымъ бѣлымъ и ненавидѣлъ чернокожихъ; однако это не помѣшало бы ему преклоняться передъ султаномъ Сулукомъ. До 1815 года онъ былъ ярымъ бонапартистомъ, а съ тѣхъ поръ сдѣлался столь же ярымъ роялистомъ, въ доказательство чего онъ носилъ на своей шляпѣ громадное бѣлое перо. Вся его жизнь прошла, такъ сказать, въ затменіяхъ: онъ то исчезалъ, то появлялся, то снова исчезалъ. Это былъ настоящій калейдоскопическій плутъ. Онъ зналъ и по-турецки, такъ какъ ему довелось пробыть нѣсколько времени невольникомъ въ Триполи, гдѣ его научили турецкому языку при помощи палокъ. Обязанность его въ то время заключалась въ томъ, чтобы отправляться по вечерамъ къ дверямъ мечети и читать тамъ вслухъ передъ вѣрующими изреченія изъ Корана, написанныя на деревянныхъ дощечкахъ или на лопаточныхъ костяхъ верблюдовъ. По всей вѣроятности, онъ былъ ренегатъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ, способный на все.

Онъ въ состояніи былъ хохотать и хмуриться въ одно и то же время. Онъ говаривалъ: «Въ дѣлѣ политики я уважаю только людей, не поддающихся никакимъ вліяніямъ», а въ другой разъ: «Я стою за нравственность». Онъ скорѣе былъ веселымъ и сердеч-

нымъ въ обращеніи, чѣмъ мрачнымъ и необщительнымъ. Складка его губъ часто противорѣчила смыслу его словъ. Ноздри его напоминали лошадиныя. Въ углахъ его глазъ была цѣлая сѣть морщинъ, въ которыхъ можно было бы прочесть цѣлый рой темныхъ мыслей. Секретъ его физіономіи можно было узнать только по этимъ морщинамъ; если внимательно въ нихъ всмотрѣться, то онѣ представлялись когтями коршуна. Черепъ его былъ узокъ въ темени и широкъ въ вискахъ. Его большія, обросшія волосами, уши какъ будто говорили: «Не заговаривайте съ звѣремъ, скрывающимся въ этомъ логовищѣ».

Въ одно прекрасное утро Рантэнъ исчезъ изъ Гернсея. Компаньонъ Летьерри скрылся, опустошивъ предварительно компанейскую кассу. Въ этой кассѣ, правда, хранились и деньги, принадлежавшія Рантэну, но пятьдесятъ тысячъ франковъ, находившихся въ ней, принадлежали Летьерри. Въ теченіе сорокалѣтняго плаванія своего и работы на верфяхъ, Летьерри, благодаря своему трудолюбію и честности, заработалъ до ста тысячъ франковъ. Половину этой суммы похитилъ Рантэнъ. Однако Летьерри, лишившись половины своихъ сбереженій, не упалъ духомъ и немедленно сталъ придумывать средства къ пополненію этого пробѣла. Люди съ характеромъ могутъ лишиться денегъ, но не бодрости. Летьерри пришло въ голову попытать счастья съ машиной, изобрѣтенной Фультономъ и возбуждавшей въ то время еще столько сомнѣній, и соединить, при помощи парохода, Нормандскій архипелагъ съ Франціей. Онъ употребилъ на эту затѣю остатокъ своего состоянія. Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ бѣгства Рантэна, жители Сенъ-Сампсона съ удивленіемъ смотрѣли на выходящее изъ гавани судно, наполнявшее воздухъ дымомъ, точно пожарище, и возбуждавшее въ умѣ мысль о пожарѣ на морѣ. Это былъ первый пароходъ, начавшій плавать въ водахъ Ла-Манша.

Судно это, которое всеобщія ненависть и презрѣніе тотчасъ же окрестили кличкой «посудина Летьерри», стало совершать правильные рейсы между Гернсеемъ и Сенъ-Мало.

IV.

Продолженіе разсказа объ утопіи.

Дѣло это, какъ оно, впрочемъ, и не трудно понять, пошло вначалѣ очень плохо. Всѣ владѣльцы парусныхъ судовъ, плававшихъ между Гернсеемъ и берегомъ Франціи, подняли страшный вопль, увидѣвъ въ этомъ новшествѣ покушеніе на св. Писаніе и подрывъ своей монополіи. Духовенство тоже стало метать громы и молніи. Одинъ пасторъ, по имени Элигу, назвалъ это судно «вольнодумствомъ»; парусныя же суда были объявлены «угодными Богу». Иные даже ясно различали рога дьявола на головахъ тѣхъ быковъ, которыхъ привозилъ и выгружалъ на берегъ пароходъ. Этотъ протестъ продолжался довольно долго. Однако мало-по-малу мѣстные жители стали замѣчать, что быки прибывали на островъ менѣе усталые и что ихъ можно было продать по

болѣе дорогой цѣнѣ, такъ какъ мясо ихъ было лучше. Увидѣли, что и для людей опасности морского путешествія уменьшались; что этотъ способъ перевозки былъ дешевле, скорѣе и вѣрнѣе; и благодаря ему, можно было уѣзжать и пріѣзжать въ опредѣленные часы; что рыба, благодаря быстротѣ перевозки, прибывала къ мѣсту назначенія болѣе свѣжею и поэтому отнынѣ представлялась возможность доставлять на материкъ излишекъ улова, вообще столь обильнаго у береговъ Гернсея; что масло отъ породистыхъ гернсейскихъ коровъ можно было быстрѣе перевозить «въ чортовой лодкѣ», чѣмъ въ парусныхъ шлюпкахъ, и поэтому оно прибывало въ болѣе свѣжемъ видѣ на материкъ, такъ что спросъ на него явился и въ Динанѣ, и въ Сенъ-Бріё, и въ Реннѣ;—словомъ, благодаря тому, что называли «посудиной Летьерри», переѣздъ моремъ сдѣлался безопаснѣе, сообщеніе—правильнѣе, быстрѣе и удобнѣе, сношенія острова съ материкомъ вслѣдствіе того значительно облегчились, сбытъ мѣстныхъ продуктовъ увеличился, торговля приняла болѣе широкіе размѣры, и слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, приходилось помириться съ этой «чортовой лодкой», нарушавшей предписанія Библіи, но обогащавшей островъ. Нѣкоторые болѣе смѣлые умы рѣшились одобрить въ извѣстной мѣрѣ эту затѣю. Секретарь Ландуа одинъ изъ первыхъ сталъ относиться съ уваженіемъ къ новому судну Летьерри; это дѣлало тѣмъ бо̀льшую честь его безпристрастію, что лично онъ не любилъ Летьерри. Послѣдній былъ, во-первыхъ, болѣе знатнаго, по мѣстнымъ взглядамъ, происхожденія; во-вторыхъ, хотя и занимая должность секретаря общины въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ, Ландуа считался прихожаниномъ Сенъ-Сампсона. Въ этомъ приходѣ было всего только два человѣка, Летьерри и онъ, которые стояли выше всякихъ предразсудковъ: достаточная причина для того, чтобы они взаимно ненавидѣли другъ друга. Два медвѣдя въ одной берлогѣ, какъ извѣстно, не уживаются.

Ландуа былъ, однако, настолько честенъ и безпристрастенъ, что одобрилъ пароходъ Летьерри. Другіе не замедлили послѣдовать его примѣру. Мало-по-малу успѣхъ Летьерри сталъ подниматься, подобно морскому приливу; и со временемъ, въ виду безпрерывнаго и возрастающаго успѣха, въ виду очевидности услуги, оказанной новой затѣей всему острову, въ виду несомнѣнности увеличенія всеобщаго благосостоянія, наступилъ, наконецъ, день, когда, за исключеніемъ немногихъ мудрецовъ, всѣ гернсейцы отдали подобающую честь «посудинѣ Летьерри».

Въ настоящее время, конечно, она не возбуждала бы такого всеобщаго удивленія. Этотъ пароходъ, сооруженный сорокъ лѣтъ тому назадъ, вызвалъ бы улыбку на устахъ нынѣшнихъ судостроителей. Эта диковинка была безобразна; это чудо было крайне первобытно. Наши современные трансатлантическіе пароходы такъ же мало похожи на колесныя лодки, которыя Денисъ Папенъ пускалъ, при помощи согрѣтаго воздуха, на рѣкѣ Фульдѣ, въ 1707 году, какъ мало похоже, напримѣръ, трехдечное судно «Монтебелло», имѣющее двѣсти футовъ длины и пятьдесятъ футовъ ширины,

большая рея котораго достигаетъ высоты ста пятнадцати футовъ и могущее вмѣстить въ себя грузъ въ три тысячи тонъ, одиннадцать тысячъ человѣкъ, сто двадцать орудій, десять тысячъ ядеръ и сто шестьдесятъ ящиковъ картечи, выбрасывающее во время боя при каждомъ залпѣ три тысячи триста фунтовъ чугуна, и распущенные паруса котораго представляютъ собою площадь въ пять тысячъ шестьсотъ квадратныхъ метровъ,—на датскій поромъ второго столѣтія, нагруженный каменными топорами, луками и дубинами, найденный въ морскомъ илу близъ Вестеръ-Струпа и сохраняющійся въ настоящее время въ Фленсбургской ратушѣ.

Промежутокъ времени ровно въ сто лѣтъ—1707—1807—отдѣляетъ первую лодку Папена отъ первой лодки Фультона. «Посудина Летьерри» явилась, безъ сомнѣнія, прогрессомъ по отношенію къ этимъ первымъ наброскамъ, но все же и она была не что иное, какъ набросокъ, что, однако, не мѣшало ей быть для своего времени чѣмъ-то замѣчательнымъ. Всякій научный зародышъ является въ одно и то же время и недоноскомъ съ точки зрѣнія науки и чудомъ въ смыслѣ зачатка.

V.

Чортова лодка.

«Посудина Летьерри» не была обмачтована сообразно центру парусности, но это еще не составляло въ ней особеннаго недостатка, такъ какъ двигателемъ судна былъ огонь, и паруса въ немъ являлись лишь чѣмъ-то второстепеннымъ. Нужно замѣтить, что колесные пароходы очень мало чувствительны къ парусамъ. Судно было слишкомъ коротко, слишкомъ кругло, слишкомъ неуклюже; строитель его не имѣлъ настолько смѣлости, чтобы сдѣлать его легкимъ. Оно имѣло слабую килевую, но сильную боковую качку. Кожухи его были слишкомъ высоки, а балясы слишкомъ велики сообразно съ его длиной. Машина была слишкомъ велика сообразно съ размѣрами судна, и для того, чтобы придать ему грузимости, пришлось чрезмѣрно возвысить борта, что дѣлало его очень валкимъ. Будучи коротко, оно должно бы было хорошо слушаться руля, такъ какъ быстрота поворотовъ судна находится въ прямомъ отношеніи съ длиной его, но неуклюжесть его лишала его и этого преимущества. Его рангоутъ былъ слишкомъ широкъ, что значительно убавляло его скорость, увеличивая силу сопротивленія воды. Бакъ былъ вертикаленъ, что не считалось бы недостаткомъ въ настоящее время. Но въ тѣ времена существовалъ неизмѣнный обычай строить его подъ угломъ сорока пяти градусовъ. Всѣ извилины кузова были правильно выведены, но недостаточно длинны въ сравненіи съ ихъ кривизной. Во время сильнаго волненія оно слишкомъ погружалось въ воду, то носомъ, то кормою, что свидѣтельствовало о невѣрно опредѣленномъ центрѣ тяжести. Такъ какъ машина перемѣщала центръ тяжести позади гротъ-мачты, то часто приходилось держаться на парахъ и отказываться отъ пользованія парусами, для того, чтобы избѣжать

опасности, что судно опрокинется. Руль былъ стариннаго устройства, съ румпелемъ, а не съ колесомъ. На носовомъ борту были подвѣшены двѣ лодки. Судно снабжено было четырьмя якорями—швартовымъ, верпомъ и двумя дагликсами. Эти четыре якоря, прикрѣпленные къ цѣпямъ, спускались или поднимались при помощи двухъ воротовъ—на носу и на кормѣ. Въ то время домкраты еще не замѣнили ганшпуговъ. Имѣя лишь два якоря-дагликса, одинъ на лѣвомъ борту, другой на правомъ, судно не могло кидать якорей накрестъ, что отчасти уменьшало силу сопротивленія его нѣкоторымъ вѣтрамъ,—впрочемъ, оно могло въ этихъ случаяхъ прибѣгать къ помощи запаснаго якоря. Буи были нормальной величины и устроены такимъ образомъ, что они могли поднимать тяжесть буйреповъ якорей, не погружаясь въ воду. Спасательная шлюпка была достаточно вмѣстительна и, въ случаѣ надобности, могла оказать существенную помочь. Одна изъ особенностей этого судна заключалась въ томъ, что оно было оснащено не канатами а цѣпями, что, однако, не лишало бѣгучій такелажъ его подвижности, а стоячій такелажъ—его напряженности. Рангоутъ, хотя и занималъ на суднѣ второстепенную роль, былъ устроенъ по всѣмъ правиламъ; укрѣпленіе вантовъ было солидное и прочное. Тамберсы были надежны, хотя и грубоваты, такъ какъ движеніе съ помощью пара не требуетъ той же отчетливости отдѣлки деревянныхъ частей, какъ движеніе на парусахъ. Пароходъ этотъ шелъ со скоростью двухъ морскихъ миль въ часъ. Дрейфуя, онъ легко дѣлалъ повороты. Вообще «посудина Летьерри» обладала хорошими морскими качествами, хотя, какъ уже сказано, по внѣшнему виду она была довольно неуклюжа и не трудно было предвидѣть, что въ случаѣ опасности она не будетъ особенно послушна управленію. Она какъ-то особенно скрипѣла, точно новая подошва.

Судно это было преимущественно грузовое и выстроено, очевидно, для торговыхъ цѣлей, а не для военныхъ, и даже не для перевозки пассажировъ. Послѣднихъ на немъ вообще бывало мало; но зато для перевозки скота въ немъ сдѣланы были особыя приспособленія, довольно сложныя. Скотъ помѣщался въ трюмѣ, что значительно осложняло дѣло; нынѣ его помѣщаютъ на носовой палубѣ. Кожухи «Чортовой Лодки» были выкрашены бѣлой краской, кузовъ, до подводной линіи, красной, а все остальное, согласно довсльно некрасивой тогдашней модѣ,—черной. Безъ груза она сидѣла въ водѣ семь футовъ, а нагруженная—четырнадцать.

Машина была довольно сильная: приходилось по одной лошадиной силѣ на три тонны вмѣстимости, что равняется почти силѣ обыкновенныхъ буксирныхъ пароходовъ. Колеса были помѣщены надлежащимъ образомъ, немного впереди центра тяжести судна. Давленіе машины достигало двухъ атмосферъ. Она потребляла много угля, хотя и была устроена съ конденсаторомъ. Она не имѣла маховего колеса вслѣдствіе неустойчивости точки опоры, но она помогала тому, какъ то дѣлается и донынѣ, посредствомъ особаго приспособленія, приводившаго въ движеніе двѣ рукоятки, прикрѣпленныя къ коловороту и расположенныя

такимъ образомъ, что одна приходилась постоянно наверху, когда другая приходилась внизу. Вся машина стояла на большомъ чугунномъ листѣ, такъ что даже въ случаѣ поврежденія киля вода не могла такъ скоро добраться до нея и она могла продолжать дѣйствовать даже при довольно серьезномъ поврежденіи судна. Для того, чтобы придать машинѣ еще больше прочности, главный клапанъ былъ устроенъ возлѣ цилиндра, что переносило съ средины на оконечность центръ колебанія коромысла. Съ тѣхъ поръ изобрѣтены колеблющіеся цилиндры, что позволяетъ обходиться безъ шатуна; но въ тѣ времена шатунъ при коромыслѣ считался послѣднимъ словомъ машиностроенія. Большой котелъ былъ раздѣленъ глухими перегородками и снабженъ предохранительными клапанами. Колеса были очень велики, что уменьшало потерю силъ, а труба была очень высока, что усиливало тягу; но и въ томъ и въ другомъ было то неудобство, что размѣры колесъ увеличивали силу прибоя волнъ, а размѣры трубы увеличивали парусность судна при противномъ вѣтрѣ. Лопасти въ колесахъ были деревянныя, ступицы чугунныя, заклепки желѣзныя; вообще колеса были сдѣланы солидно и одно изъ ихъ достоинствъ заключалось въ томъ, что ихъ можно было разобрать. Подъ водой находились постоянно три лопасти одновременно. Быстрота поворота лопастей колеса превышала лишь на одну шестую быстроту хода судна, и въ томъ заключался ихъ недостатокъ. Кромѣ того, захваты-ручки были слишкомъ длинны, и золотникъ распредѣлялъ паръ въ цилиндрѣ съ слишкомъ сильнымъ треніемъ. Но по тѣмъ временамъ машина эта представлялась верхомъ совершенства.

Сдѣлано было судно во Франціи, на желѣзодѣлательномъ заводѣ Берси. Построено оно было по идеѣ Летьерри; механикъ, дѣлавшій его по его чертежамъ, умеръ, такъ что машина эта была единственная въ своемъ родѣ и не нашлось бы другой подобной, чтобы въ случаѣ надобности замѣнить ее. Чертежникъ остался, но строителя уже не было въ живыхъ. Стоило оно сорокъ тысячъ франковъ. Летьерри самъ оснащивалъ его въ большой крытой пристани, возлѣ башни, между Сенъ-Пьеръ-Поромъ и Сенъ-Сампсономъ. Онъ употребилъ на это всѣ свои познанія въ судостроительномъ дѣлѣ, и нельзя было отказать ему въ извѣстномъ талантѣ,—до того швы были узки и ровны; покрыты они были индійской мастикой, гораздо болѣе прочной, чѣмъ обыкновенный варъ. Мѣдная обшивка прикрѣплена была крѣпкими гвоздями. Подводная часть была вымазана дубильнымъ веществомъ. Для того, чтобы нѣсколько поправить круглоту линій носа, онъ придѣлалъ къ рейкѣ бугшпритъ, что давало ему возможность присоединить къ блиндзелю еще фальшивый блиндзель. Въ день спуска судна на воду онъ сказалъ: «Вотъ я и на вольной водѣ»,—и дѣйствительно, какъ видѣлъ читатель, судно удалось, какъ нельзя лучше.

Случайно ли, или нарочно, но только оно было спущено на воду 14 іюля. Въ этотъ день Летьерри, стоя на палубѣ между

обоими кожухами, пристально всматривался въ море и воскликнулъ: «Очередь дошла и до тебя! Когда-то въ этотъ день парижане взяли Бастилію: теперь я беру тебя!»

Судно Летьерри разъ въ недѣлю совершало рейсъ изъ Гернсея въ Сенъ-Мало и обратно. Оно отплывало во вторникъ утромъ и возвращалось въ пятницу вечеромъ, наканунѣ базарнаго дня, приходившагося на субботу. Оно было построено изъ болѣе крѣпкаго дерева, чѣмъ самыя большія каботажныя шлюпки всего архипелага, а такъ какъ вмѣстимость его вполнѣ соотвѣтствовала его размѣрамъ, то одинъ рейсъ его, относительно количества перевозимаго груза и прибыльности, равнялся по меньшей мѣрѣ четыремъ рейсамъ обыкновеннаго баркаса. Понятно, что дѣло Летьерри не имѣло конкурентовъ. Когда онъ самъ не могъ уже выходить въ море, онъ нанялъ матроса и обучилъ его всѣмъ тонкостямъ мореходнаго искусства. По прошествіи двухъ лѣтъ, пароходъ его давалъ ему чистый доходъ въ семьсотъ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. въ восемнадцать тысячъ франковъ (гернсейскій фунтъ стерлинговъ равняется двадцати четыремъ франкамъ, англійскій—двадцати пяти, а джерсейскій—двадцати шести. Эти оттѣнки не такъ странны, какими они кажутся съ перваго взгляда; по крайней мѣрѣ, банки извлекаютъ изъ нихъ свою выгоду).

VI.

Вступленіе Летьерри на путь славы.

Итакъ, пароходъ дѣлалъ отличныя дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался и почетъ, которымъ пользовался Летьерри. Въ Гернсеѣ не сразу пріобрѣтается эпитетъ «господинъ». Между простымъ смертнымъ и «господиномъ» есть немало градацій: прежде всего человѣка называютъ просто по имени, напримѣръ, Петръ; вторая ступень — «сосѣдъ Петръ»; третья ступень — «дядя Петръ»; четвертая ступень—сударь, и, наконецъ, шестая, высшая,—«господинъ Петръ». Лѣстница эта, выходя изъ земли, теряется въ далекой синевѣ. На ней располагается вся іерархическая Англія. Вотъ наиболѣе выдающіяся ступени ея: надъ простымъ «господиномъ» (джентльменъ) стоитъ эсквайръ; надъ эсквайромъ—кавалеръ (или личный дворянинъ); затѣмъ, поднимаясь все выше и выше,—баронетъ (потомственный дворянинъ), лордъ (или, по-шотландски, лэрдъ), баронъ, виконтъ, графъ («эрль» по-англійски, «ярль» по-норвежски), маркизъ, герцогъ, пэръ Англіи, принцъ королевской крови, и наконецъ—король. По этой лѣстницѣ поднимаешься изъ простонародья въ буржуазію, изъ буржуазіи въ дворянство, изъ дворянства въ аристократію, изъ аристократіи къ королевской власти.

Благодаря своей удачной затѣѣ, благодаря пару, благодаря машинѣ, благодаря «Чортовой Лодкѣ», Летьерри сдѣлался особой. Для того, чтобы построить свое судно, ему пришлось войти въ долги. Онъ занялъ деньги и въ Бременѣ и въ Сенъ-Мало; но теперь онъ съ каждымъ годомъ погашалъ часть своего долга.

Затѣмъ онъ купилъ, съ разсрочкой уплаты, хорошенькій каменный домикъ при самомъ входѣ въ Сенъ-Сампсонскую гавань, совершенно новенькій, построенный между морскимъ берегомъ и садомъ. На фронтонѣ этого дома можно было прочесть надпись: «Неустрашимые». Домъ этотъ, стоявшій бокъ-о-бокъ съ моломъ гавани, имѣлъ два ряда оконъ; на сѣверъ окна эти выходили въ красивый садъ, полный цвѣтовъ, а на югъ—на океанъ; такъ что онъ имѣлъ, такъ сказать, два фасада—одинъ открытый бурямъ, другой—открытый ароматамъ розъ. Эти два фасада были сдѣланы какъ бы нарочно для обоихъ обитателей этого дома: первый для Летьерри, второй для Дерюшетты.

Домъ этотъ пользовался большою популярностью въ Сенъ-Сампсонѣ, точно такъ же, какъ и его хозяинъ. Популярность эта являлась отчасти результатомъ добродушія Летьерри, отчасти его отважности и всегдашней готовности жертвовать собою для другихъ и зависѣла отчасти отъ значительнаго числа спасенныхъ имъ людей и въ значительной мѣрѣ отъ его успѣха, а также и того, что онъ доставилъ Сенъ-Сампсонской гавани привилегію прихода и отхода парохода. Убѣдившись въ томъ, что «Чортова Лодка» положительно являлась выгоднымъ предпріятіемъ, главный городъ острова, Сенъ-Пьеръ, желалъ было переманить пароходъ къ себѣ, но Летьерри остался вѣренъ Сенъ-Сампсону, такъ какъ это былъ его родной городъ. «Я здѣсь былъ спущенъ на воду», говаривалъ онъ. Понятно, что эта вѣрность своему городу еще болѣе способствовала увеличенію его популярности. Въ качествѣ плательщика податей, онъ считался кореннымъ обывателемъ Сенъ-Сампсона. Наконецъ его выбрали гласнымъ, и такимъ образомъ, этотъ бѣдный матросъ перешагнулъ уже черезъ пять изъ шести ступеней гернсейскаго общественнаго строя. Кто знаетъ, не удастся ли ему подъ конецъ перешагнуть и черезъ шестую и сдѣлаться «господиномъ»? Кто знаетъ, не появятся ли когда-нибудь въ «Гернсейскомъ Альманахѣ», подъ рубрикой «Дворянство и аристократія», заманчивыя и сладкія слова: *«Летьерри, эсквайръ?»*

Но Летьерри презиралъ, или, вѣрнѣе сказать, игнорировалъ всякія суетныя вещи. Онъ сознавалъ себя полезнымъ, и это его радовало. Быть популярнымъ соблазняло его меньше, чѣмъ быть полезнымъ. У него, какъ мы уже сказали, были только двѣ привязанности, а слѣдовательно, и два пункта честолюбія: «Дюранда» и Дерюшетта.

Какъ бы то ни было, онъ поставилъ ставку на лотерею моря и выигралъ квинтерну. Квинтерна, это—гордо ходившая по морю «Дюранда»!

VII.

Тотъ же крестный отецъ и та же заступница.

Создавъ этотъ пароходъ, Летьерри далъ ему имя. Онъ назвалъ его «Дюранда»; слѣдовательно, и мы будемъ называть его такъ же. Мы позволимъ себѣ также, вопреки типографскимъ обычаямъ, не ставить въ кавычки этого имени, сообразуясь при этомъ со

взглядами самого Летьерри, для котораго Дюранда была почти живымъ лицомъ.

Дюранда и Дерюшетта, это—въ сущности, одно и то же имя, только Дерюшетта имя уменьшительное; уменьшительныя имена вообще очень въ ходу въ западной Франціи. Въ селеніяхъ западныхъ департаментовъ уменьшительными именами называютъ даже святыхъ. Часто можно было бы подумать, что дѣло идетъ о нѣсколькихъ лицахъ, когда на дѣлѣ оно идетъ только объ одномъ. Лиза, Лизетта, Элиза, Изабелла, Лизбетъ, Бетси—это все видоизмѣненія имени Елизавета. Весьма вѣроятно, что Магу, Маклу, Мало, Маглуаръ обозначаютъ одного и того же святого. Впрочемъ, мы на этомъ не стоимъ.

Св. Дюранда—это святая Ангулема и Шаранты. Подлинная ли это святая, это—уже дѣло четіихъ миней; но вѣрно то, что, подлинная она или нѣтъ, а въ честь ея строили часовни. Летьерри, будучи еще молодымъ матросомъ въ Рошфорѣ, познакомился съ этой святой, вѣроятно, въ лицѣ какой-нибудь хорошенькой горожанки, можетъ-быть, даже гризетки. Имя это до того засѣло въ его памяти, что онъ окрестилъ имъ два существа, которыя онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ: Дюрандой свое судно и Дерюшеттой—дѣвочку. Онъ приходился отцомъ первой и дядей—второй.

Дерюшетта была дочь единственнаго его брата. Она рано лишилась отца и матери; онъ принялъ ее къ себѣ вмѣсто дочери и замѣнилъ ей и отца и мать. Впрочемъ, Дерюшетта была не только его племянницей, но и крестницей. Онъ принималъ ее отъ купели, онъ же и придумалъ для нея имя Дюранды или Дерюшетты.

Дерюшетта, какъ мы уже сказали, родилась въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ и была записана въ тамошнихъ метрическихъ книгахъ. Пока племянница была ребенкомъ, а дядя былъ бѣденъ, никто не обращалъ вниманія на странность этого имени. Но когда дѣвочка сдѣлалась барышней, а матросъ превратился въ джентльмена, имя «Дерюшетта» стало шокировать людей. Этому имени удивлялись и спрашивали Летьерри, почему онъ ее такъ назвалъ? Онъ ограничивался лаконическимъ отвѣтомъ: «А чѣмъ же это не имя?» Нѣсколько разъ пытались перекрестить ее, но онъ этого не допустилъ. Разъ одна дама, принадлежавшая къ сенъ-сампсонской знати, жена богатаго, жившаго уже на покоѣ, кузнеца, сказала Летьерри: «Съ этихъ поръ я буду называть вашу племянницу Нанси».—«Отчего же не Дижонъ?» спокойно спросилъ онъ. Но почтенная дама не отказалась отъ своего плана и сказала ему на слѣдующій день: «Нѣтъ, имя Дерюшетта положительно невозможно. Я нашла для вашей племянницы хорошенькое имя—Маріанна!»—«Да, имя, дѣйствительно, хорошенькое,—отвѣтилъ Летьерри,—но жаль только, что оно составлено изъ именъ двухъ противныхъ животныхъ: мужа (mari) и осла (âne)». И онъ остался при имени Дерюшетта.

Но было бы ошибочно заключить изъ вышеприведенныхъ его словъ, будто онъ не желалъ выдать замужъ свою племянницу. Напротивъ, онъ желалъ ее выдать, но только на свой

ладъ. Онъ желалъ, чтобы ей достался мужъ, который, подобно ему самому, работалъ бы очень много, но чтобы она жила бѣлоручкой. Онъ любилъ у мужчины загорѣлыя руки, а у женщины— бѣлыя ручки; и для того, чтобы Дерюшетта не испортила своихъ бѣлыхъ ручекъ, онъ воспиталъ ее барышней. Онъ нанялъ ей учителя музыки, купилъ ей фортепіано и небольшую библіотеку, а также хорошенькую рабочую корзинку съ иголками и нитками для вышиванія. Онъ желалъ, чтобы она больше читала, чѣмъ работала, и занималась больше музыкой, чѣмъ читала. Грація— вотъ все, чего онъ отъ нея требовалъ. Онъ воспиталъ ее скорѣе къ тому, чтобы быть цвѣткомъ, чѣмъ къ тому, чтобы быть женою и матерью. Всякому, близко знакомому съ нравами моряковъ, это станетъ совершенно понятнымъ: все грубое чувствуетъ инстинктивное влеченіе къ деликатному. Но для того, чтобы племянница могла со временемъ осуществить идеалъ дяди, ей слѣдовало быть богатой. Летьерри отлично понималъ это, и для того и работала неустанно его большая морская машина. Онъ поручилъ Дюрандѣ заработать приданое для Дерюшетты.

VIII.

Арія „Бонни-Дунди“.

Дерюшетта занимала самую красивую комнату во всемъ домѣ, имѣвшую два окошка, уставленную мебелью изъ узловатаго краснаго дерева, съ хорошенькими, клѣтчатыми, зелеными съ бѣлымъ, занавѣсками надъ кроватью, выходившую въ садъ и на высокій холмъ, на вершинѣ котораго стоялъ Лавальскій замокъ. По ту сторону этого холма былъ домъ Жилліата.

Въ этой же комнатѣ стояло и фортепіано Дерюшетты. Она сама себѣ аккомпанировала на фортепіано, распѣвая любимый меланхолическій шотландскій романсъ «Бонни-Дунди». Тишина вечера какъ нельзя болѣе гармонировала съ этимъ сладкимъ воздухомъ. Прохожіе останавливались у подножія холма, говоря: «Г-жа Дерюшетта у своего фортепіано»,—и подолгу простаивали передъ садовой изгородью, прислушиваясь къ этому свѣжему голосу и къ этому грустному напѣву.

Дерюшетта оживляла весь домъ, и благодаря ей въ немъ царила вѣчная весна. Она была красива, но можно сказать, еще болѣе миловидна, чѣмъ красива. Она напоминала старикамъ-лоцманамъ, пріятелямъ Летьерри, ту принцессу солдатской и матросской пѣсни, которая была такъ красива, «что считалась красавицей во всемъ полку»!

Она была очаровательна съ самаго дѣтства. Правда, иные, глядя на ея миловидное, дѣтское личико, опасались, какъ бы со временемъ этого личика не испортилъ носъ. Но по всей вѣроятности, рѣшившись быть красивой, Дерюшетта избѣгла и этой опасности: по мѣрѣ того, какъ она росла, носъ ея не слишкомъ удлинился и не слишкомъ укоротился,—словомъ, и выросши, она осталась очаровательной.

Она никогда не называла дядю своего иначе, какъ «папаша». Онъ допускалъ ее заниматься немного садомъ и даже кухней. Она сама поливала куртины съ штокъ-розами, алымъ царскимъ скипетромъ, разноцвѣтными флокусами и пунцовыми гребниками. Она разводила розовые бархатцы и розовую кислицу,—словомъ, она старалась извлечь всевозможную пользу изъ гернсейскаго климата, столь благопріятнаго для цвѣтовъ. У нея, какъ и у другихъ, алоэ, росъ подъ открытымъ небомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что гораздо труднѣе, ей удалось вырастить непальскій лапчатникъ. Ея маленькій огородъ былъ засѣянъ съ толкомъ: въ немъ послѣдовательно поспѣвали редиска, шпинатъ, горошекъ. У нея отлично всходили и созрѣвали цвѣтная и брюссельская капуста, которую она пересаживала въ іюлѣ, рѣпа—къ августу, махровый цикорій къ сентябрю, круглый пастернакъ—къ болѣе поздней осени, рѣпчатый колокольчикъ къ зимѣ. Летьерри не мѣшалъ ей въ этихъ ея занятіяхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она сама не слишкомъ много возилась съ заступомъ и граблями, и въ особенности, чтобы она не занималась сама распредѣленіемъ удобренія по грядамъ. Онъ нанялъ для нея двухъ работницъ, изъ коихъ одна называлась «Граціей», а другая—«Кротостью»,—два мѣстныхъ гернсейскихъ имени. На Граціи и Кротости лежала вся черная работа въ домѣ и въ саду, и онѣ пользовались правомъ имѣть красныя руки.

Что касается самого Летьерри, то онъ взялъ себѣ изъ всего дома небольшую комнатку, выходившую окномъ на гавань и прилегавшую къ большой залѣ нижняго этажа, въ которую вела входная дверь и куда выходили лѣстницы со всего дома. Единственную мебель его каморки составляли его койка, его хронометръ, его трубка, одинъ столъ и одинъ стулъ. Бревенчатый потолокъ былъ выбѣленъ известкой, равно какъ и четыре стѣны. Направо отъ двери была прибита гвоздиками къ стѣнѣ прекрасная морская карта Ла-Маншскаго архипелага, съ слѣдующимъ заголовкомъ «В. Фадэнъ, 5, Чэрингъ-Кроссъ. Географъ Его Величества»; а налѣво, гвоздиками же, былъ прибитъ одинъ изъ тѣхъ расписныхъ полотняныхъ платковъ, на которомъ красками изображены морскіе сигналы всѣхъ флотовъ земного шара и по четыремъ угламъ котораго нарисованы флаги Франціи, Россіи, Испаніи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, а посрединѣ—флагъ Англіи.

Кротость и Грація были два самыхъ заурядныхъ существа, впрочемъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Кротость не была зла, а Грація не была некрасива; такимъ образомъ нельзя было сказать, чтобы эти двѣ столь опасныя клички пришлись невпопадъ. Кротость, не будучи замужемъ, имѣла «друга»,—на Ла-Маншскихъ островахъ слово это очень въ ходу, равно какъ и самый фактъ. Обѣ эти дѣвушки отличались какою-то почти креольскою медленностью въ своихъ движеніяхъ, свойственной прислугѣ Нормандскаго архипелага. Грація, миловидная и кокетливая, постоянно смотрѣла на небосклонъ съ какимъ-то тайнымъ безпокойствомъ. Происходило это вслѣдствіе того, что, имѣя подобно Кротости

друга, она имѣла въ то же время, какъ увѣряли, и мужа, возвращенія котораго она очень боялась. Впрочемъ, до этого намъ нѣтъ никакого дѣла. Между Граціей и Кротостью былъ тотъ оттѣнокъ, что въ домѣ менѣе строгомъ и нравственномъ Кротость осталась бы служанкой, а Грація сдѣлалась бы субреткой. Но скрытые таланты Граціи пропадали совершенно даромъ въ сосѣдствѣ такой чистой дѣвушки, какъ Дерюшетта. Впрочемъ, любовныя похожденія Граціи и Кротости оставались въ скрытомъ состояніи, и о нихъ ничего не вѣдала, не только невинная Дерюшетта, но даже и Летьерри.

Нижняя зала, просторная комната съ очагомъ, установленная кругомъ скамьями, въ прошломъ столѣтіи служила мѣстомъ сходбища для протестантскихъ эмигрантовъ. Единственнымъ украшеніемъ голой каменной стѣны являлась рамка изъ чернаго дерева, въ которую былъ вставленъ листъ пергамента, украшенный описаніемъ подвиговъ Бенигна Боссюэта, епископа Мо. Нѣкоторые члены паствы этого орла, подвергавшіеся преслѣдованію съ его стороны послѣ отмѣны Нантскаго эдикта и искавшіе спасенія на Гернсеѣ, прибили эту рамку къ этой стѣнѣ для того, чтобы увѣковѣчить подвиги ретиваго епископа. Если кто давалъ себѣ трудъ разобрать неразборчивый почеркъ и написанныя поблѣднѣвшими отъ времени чернилами слова, то онъ могъ узнать о слѣдующихъ мало извѣстныхъ фактахъ: «29 октября 1684 года разрушеніе Морсефскаго и Нантейльскаго протестантскихъ храмовъ, испрошенное у короля епископомъ города Мо». «2 апрѣля 1684 года арестованіе Кошаровъ, отца и сына, за вѣроотступничество, по просьбѣ епископа города Мо». «28 октября 1699 года монсиньоръ епископъ города Мо послалъ г. Поншартрену докладную записку, въ которой доказывается необходимость помѣщенія дѣвицъ де-Шаландъ и де-Нёвилль, принадлежащихъ къ реформатскому вѣроисповѣданію, въ одинъ изъ католическихъ монастырей Парижа». «7 іюня 1703 года приведено въ исполненіе испрошенное епископомъ города Мо королевское повелѣніе о «заключеніи» въ больницу для умалишенныхъ Бодуэна и жены его, уроженцевъ Фюблэна, за малое усердіе къ католицизму».

Въ глубинѣ залы, возлѣ двери въ комнату Летьерри, небольшой дощатый помостъ, служившій каѳедрой при гугенотскомъ богослуженіи, сдѣлался съ помощью устроеннаго въ доскахъ отверстія, пароходной конторой, въ которой священнодѣйствовалъ самъ Летьерри. На старинномъ гугенотскомъ аналоѣ лежала большая приходо-расходная книга, замѣнявшая протестантскую Библію.

IX.

Человѣкъ, разгадавшій Рантэна.

Пока Летьерри въ состояніи былъ ходить въ море, онъ постоянно самъ управлялъ «Дюрандой», и у него никогда не бывало никакого другого шкипера и штурмана. Но, какъ мы уже сказали, наступилъ часъ, когда Летьерри пришлось искать себѣ замѣсти-

теля. При этомъ выборъ его палъ на Клюбена, обывателя Тортеваля, человѣка молчаливаго и пользовавшагося репутацiей неподкупной честности. Онъ вскорѣ сдѣлался другомъ и правой рукой Летьерри.

Клюбенъ, хотя и былъ похожъ по наружности скорѣе на нотарiуса, чѣмъ на матроса, былъ, однакоже, прекрасный и способный морякъ. Онъ обладалъ всѣми талантами, необходимыми для человѣка, подвергающагося безпрестанно самымъ разнообразнымъ рискамъ. Онъ былъ искусный грузильщикъ, осторожный и осмотрительный рулевой, старательный и знающiй свое дѣло боцманъ, опытный лоцманъ и смѣлый шкиперъ. Онъ былъ остороженъ, и осторожность эта заставляла его иногда дерзать, что представляется великимъ достоинствомъ въ морякѣ. Боязнь вѣроятнаго уравновѣшивалась въ немъ инстинктомъ возможнаго. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моряковъ, которые идутъ навстрѣчу опасности до извѣстнаго, хорошо имъ извѣстнаго предѣла, и которые умѣютъ обратить всякую случайность въ успѣхъ. Онъ обладалъ всѣмъ тѣмъ количествомъ увѣренности, которое только море оставляетъ человѣку. Кромѣ того, Клюбенъ пользовался репутацiей превосходнаго пловца; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, такъ сказать, водныхъ гимнастовъ, которые могутъ пробыть въ водѣ сколько угодно времени, которые могутъ плавать, не переводя духа, хоть два часа кряду. Онъ едва ли не одинъ изъ всѣхъ обитателей острова рѣшался переплывать опасный проливъ между Гануа и Плэнмонскимъ мысомъ.

Однимъ изъ обстоятельствъ, особенно расположившихъ Летьерри въ пользу Клюбена, было то, что, зная или разгадавъ Рантэна, онъ предостерегалъ Летьерри противъ этого человѣка и предсказывалъ ему, что тотъ его обокрадетъ, и предсказанiе это сбылось въ точности. Не разъ, въ случаяхъ болѣе или менѣе важныхъ, Летьерри приходилось ставить на пробу честность Клюбена, доходившую до щепетильности, и онъ пришелъ къ убѣжденiю, что на него можно вполнѣ положиться. «Чистая совѣсть требуетъ къ себѣ довѣрiя», говаривалъ Летьерри.

X.

Разсказы о дальнихъ плаванiяхъ.

Летьерри всегда носилъ свой дорожный костюмъ, чувствуя себя какъ-то неловко во всякой другой одеждѣ; при этомъ онъ отдавалъ даже предпочтенiе матросскому кителю передъ лоцманскимъ. Это заставляло Дерюшетту морщить свой носикъ и строить презабавныя гримаски. Она бранила дядю и въ то же время смѣялась: «Фу, батюшка!—восклицала она.—Какъ отъ васъ несетъ дегтемъ!» И она легонько ударяла его по его могучему плечу.

Этотъ старый морякъ привезъ съ собою изъ своихъ странствованiй множество самыхъ удивительныхъ разсказовъ. Такъ, напримѣръ, онъ видѣлъ на островѣ Мадагаскарѣ такiя птичьи перья, которыхъ было достаточно не болѣе трехъ для того, чтобы по-

крыть крышу дома. Онъ видѣлъ въ Индіи стебли кислицы, достигавшіе высоты девяти футовъ. Въ Новой Голландіи онъ видѣлъ стада гусей и индѣекъ, которыхъ стерегла, вмѣсто сторожевой собаки, птица, называемая агами. Ему довелось видѣть кладбище слоновъ. Онъ видѣлъ въ Африкѣ гориллъ, нѣчто среднее между человѣкомъ и тигромъ, ростомъ въ семь футовъ. Онъ знакомъ былъ съ нравами всѣхъ породъ обезьянъ, начиная съ дикаго макаки до макаки-ревуна или бородатаго. Въ Бразиліи онъ видѣлъ обезьяну-самку, старавшуюся разжалобить охотниковъ тѣмъ, что она показывала имъ своего дѣтеныша. Въ Калифорніи онъ видѣлъ сломанное бурей дерево, дупло котораго было такъ громадно, что всадникъ верхомъ на лошади могъ проѣхать въ немъ не менѣе ста пятидесяти шаговъ! Въ Морокко онъ видѣлъ племена мозабитовъ и бискровъ, которые ожесточенно дрались длинными желѣзными полосами: послѣдніе обидѣлись тѣмъ, что первые обозвали ихъ собаками, а мозабитамъ не понравилось то, что бискры назвали ихъ «людьми пятой секты». Въ Китаѣ онъ присутствовалъ при томъ, какъ извѣстнаго пирата Шангъ-Тонгъ-Кванъ-Ларъ-Куа разрѣзали на мелкіе кусочки за то, что онъ убилъ священную жабу. Въ Ту-данъ-Мотѣ на его глазахъ левъ унесъ съ рынка какую-то старуху. Онъ присутствовалъ при прибытіи изъ Кантона въ Сайгунъ священной змѣи, привезенной для того, чтобы совершить въ Холенской пагодѣ празднество въ честь богини Кванъ Намъ, покровительницы мореплавателей. Въ Ріо-Жанейро онъ видѣлъ, какъ дамы вкалывали себѣ въ волосы небольшіе стеклянные шарики, гдѣ заключено было по свѣтящемуся жучку, такъ что головы ихъ были точно усѣяны звѣздами. Ему случалось убивать въ Уругваѣ муравьевъ-великановъ, а въ Парагваѣ—громадныхъ пауковъ, ловившихъ въ свои сѣти небольшихъ птичекъ и высасывавшихъ изъ нихъ кровь. Величиной эти пауки съ дѣтскую голову, мохнатыя ноги ихъ по три вершка; нападаютъ они даже на людей, причемъ они впиваются въ человѣка покрывающими ихъ тѣло волосами, отчего образуются волдыри. На рѣкѣ Ариносѣ, притокѣ Такантина, въ дѣвственныхъ лѣсахъ къ сѣверу отъ области Алмазовъ, онъ встрѣтилъ страшное племя людей-вурдалаковъ, съ совершенно бѣлыми валосами и красными глазами, обитающихъ въ чащѣ лѣсовъ, спящихъ днемъ и бодрствующихъ по ночамъ, охотящихся и рыбачащихъ по ночамъ, и притомъ въ такое время, когда не свѣтитъ луна. Близъ Бейрута, когда экспедиція, въ составъ которой онъ входилъ, расположилась лагеремъ, изъ одной палатки былъ украденъ дождемѣръ. Тогда одинъ кудесникъ, на которомъ было только надѣто черезъ плечо два или три кожаныхъ ремня, точно человѣкъ, имѣющій вмѣсто всякой одежды лишь пару подтяжекъ, до тѣхъ поръ звонилъ въ колокольчикъ, прикрѣпленный къ буйволовому рогу, пока не явилась гіэна, которая принесла назадъ дождемѣръ. Эта-то гіэна и была воровка. Всѣ эти разсказы или побасенки крайне интересовали Дерюшетту.

Соединительной чертой между судномъ и молодой дѣвушкой была кукла Дюранды. «Куклой» на Нормандскихъ островахъ назы-

ваютъ деревянную фигуру, вырѣзанную на носу судна. Поэтому вмѣсто того, чтобы говорить «плыть», на мѣстномъ жаргонѣ говорится: «быть между кормой и куклой». Кукла Дюранды была особенно дорога Летьерри. Заказывая ее плотнику, онъ наказалъ ему, чтобы она была похожа на Дерюшетту, и тотъ постарался исполнить это порученіе, поскольку можно сдѣлать изъ чурбана нѣчто похожее на молодую дѣвушку. Но, какъ ни былъ безобразенъ этотъ чурбанъ, Летьерри приходилъ отъ него въ настоящій восторгъ и не переставалъ любоваться имъ. Его никто не въ состояніи былъ бы разувѣрить въ томъ, что этотъ чурбанъ похожъ на Дерюшетту, какъ двѣ капли воды! Вѣдь увѣрены же многіе въ томъ, что лжеученія похожи на истину, а идолъ—на Бога!

Два раза въ недѣлю Летьерри испытывалъ сильную радость—по вторникамъ и пятницамъ: въ первый изъ этихъ дней Дюранда выходила въ море, во второй — возвращалась въ Сенъ-Сампсонъ. Онъ облокачивался на окошко, смотрѣлъ на свое твореніе и былъ счастливъ или, какъ говорится въ Книгѣ Бытія, «и увидѣлъ, что все хорошо». По пятницамъ появленіе Летьерри у его окошка служило своего рода сигналомъ. Когда его видѣли высунувшимся изъ окна и покуривающимъ трубочку, всѣ говорили: «Ага, значитъ, пароходъ уже недалеко!» Дымъ трубки возвѣщалъ дымъ парохода.

Дюранда, возвращаясь въ гавань, причаливала подъ самыми окнами Летьерри, прикрѣпляя канатъ къ большому желѣзному кольцу, ввинченному въ гранитъ набережной. Въ эти ночи Летьерри прекрасно спалъ въ своей койкѣ, сознавая, что рядомъ въ комнатѣ крѣпко спитъ Дерюшетта, а подъ окномъ причалена Дюранда.

Мѣсто причала Дюранды было невдалекѣ отъ портоваго колокола. Здѣсь же проведенъ былъ небольшой бульварчикъ. Эта набережная, домъ, садъ, переулки съ заборами по обѣимъ сторонамъ, даже большая часть окружающихъ эту мѣстность домовъ, нынѣ уже не существуютъ. Ломка и продажа прибрежнаго гранита совершенно измѣнили физіономію этой части острова и побудили многихъ собственниковъ продать свои участки. Вся окружная мѣстность занята въ настоящее время сараями и складами камнеломовъ.

XI.

Нѣчто о возможныхъ мужьяхъ.

Дерюшетта выросла, но не выходила замужъ. Летьерри, воспитавъ ее бѣлоручкой, сдѣлалъ ее разборчивой. Подобная система воспитанія обращается, въ концѣ-концовъ, противъ самого воспитателя.

Впрочемъ, нужно и то сказать, что онъ самъ былъ еще болѣе разборчивъ. Тотъ мужъ, котораго онъ желалъ для Дерюшетты, долженъ былъ также быть отчасти мужемъ и для Дюранды. Онъ желалъ сразу пристроить обѣихъ своихъ дочерей. Онъ желалъ бы, чтобы спутникъ жизни одной изъ нихъ былъ также кормчимъ и для другой? Что такое мужъ? Это капитанъ судна жизни.

Отчего бы и не дать одного и того же кормчаго и дочери и судну? Въ супружеской жизни тоже бываютъ приливы и отливы; тотъ, кто умѣетъ управлять судномъ, сумѣетъ также руководить и женою. И то и другая подвержены самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Клюбенъ, будучи всего на годъ съ небольшимъ моложе Летьерри, могъ считаться лишь временнымъ капитаномъ Дюранды. Нужно было подыскать болѣе молодого кормчаго, настоящаго хозяина, преемника изобрѣтателю, основателю, создателю. А этотъ окончательный хозяинъ Дюранды долженъ былъ быть въ то же время и зятемъ Летьерри. Да отчего бы и не соединить обоихъ зятьевъ въ одномъ лицѣ? Эта мысль улыбалась ему. И ему во снѣ представлялся образъ будущаго жениха его Дерюшетты. Дюжій марсовый матросъ, смуглый и серьезный, морской атлетъ, — вотъ каковъ былъ его идеалъ. Не совсѣмъ таковъ былъ идеалъ Дерюшетты: ея мечты имѣли болѣе розовый оттѣнокъ.

Какъ бы то ни было, но дядя и племянница, казалось, сходились въ томъ, что замужествомъ послѣдней не слѣдуетъ торопиться. Когда оказалось, что Дерюшетта со временемъ сдѣлается довольно богатой обладательницей состоянія своего дяди, претендентовъ на ея руку и сердце явилось не мало. Но эти искательства не всегда можно принимать за чистую монету, и Летьерри это отлично сознавалъ. Онъ ворчалъ про себя: «Какъ бы не такъ? Позволю я этой золотой дѣвушкѣ соединиться съ мѣдью!» — и выпроваживалъ искателей ея руки. Онъ ждалъ чего-то лучшаго; и она также.

Но при этомъ онъ былъ чуждъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ. Онъ не особенно дорожилъ аристократичностью происхожденія, и въ этомъ отношеніи совсѣмъ не походилъ на англичанина. Трудно было бы даже повѣрить тому, что онъ отказалъ въ рукѣ Дерюшетты такимъ знатнымъ женихамъ, какъ Гандюэлю изъ Джерсея и Бюнье-Николену изъ Серка. Увѣряли даже, но мы отказываемся ему вѣрить, что онъ отклонилъ искательства одного Ориньинскаго аристократа, члена знаменитаго семейства Эду, которое вело свой родъ отъ Эдуарда-Исповѣдника.

XII.

Особенности характера Летьерри.

У Летьерри былъ только одинъ недостатокъ, но зато крупный: онъ ненавидѣлъ не кого-нибудь, а нѣчто—попа! Однажды, прочитавъ (онъ любилъ читать) у Вольтера—онъ читалъ даже Вольтера!—слѣдующія слова: «Попы—тѣ же кошки», онъ отложилъ въ сторону книгу и проговорилъ сквозь зубы: «Въ такомъ случаѣ я по отношенію къ нимъ—собака».

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что духовенство, какъ лютеранское и кальвинистское, такъ и католическое, явилось ярымъ его противникомъ при созданіи имъ «Чортовой Лодки» и даже пыталось преслѣдовать его. Явиться революціонеромъ въ дѣлѣ мореплаванія, вводить разныя новшества въ Ла-Маншскомъ архи-

пелагѣ, навязывать доброму, старому островку Гернсею какіе-то плоды прогресса, это какъ мы уже говорили выше, была непозволительная смѣлость. Понятно, что духовенство не могло отнестись къ этому иначе, какъ съ осужденіемъ. Мы говоримъ здѣсь—просимъ читателей не забывать этого—о прежнемъ духовенствѣ, совершенно отличномъ отъ современнаго духовенства, которое во многихъ мѣстахъ и случаяхъ выказываетъ замѣтную наклонность къ прогрессу. Летьерри всячески старались ставить помѣхи, насколько это было возможно путемъ проповѣдей и злословія. Если духовенство ненавидѣло его, то и онъ не менѣе ненавидѣлъ духовенство. Ихъ ненависть являлась смягчающимъ обстоятельствомъ для его ненависти.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что его ненависть къ священникамъ была какъ бы врожденною, а не являлась исключительнымъ результатомъ того, что они его ненавидѣли. Какъ онъ самъ о себѣ выражался, онъ ненавидѣлъ ихъ, какъ собака кошекъ. Онъ ненавидѣлъ ихъ инстинктивно и, такъ сказать, идеально. Онъ какъ бы чувствовалъ на себѣ ихъ скрытые когти и скалилъ на нихъ зубы, правда, не всегда кстати и въ сущности довольно безтолково. Не дѣлать различія въ своей ненависти, ненавидѣть огульно,— нужно въ томъ сознаться,— довольно неразумно. Для него не существовало добродѣтельнаго священника. Онъ до того зафилософствовался, что у него сталъ заходить умъ за разумъ. И самые разсудительные люди могутъ быть нетерпимы, равно какъ и умѣренные люди могутъ приходить въ ярость. Однако, Летьерри былъ настолько добродушенъ отъ природы, что онъ положительно не могъ серьезно ненавидѣть. Онъ скорѣе отдалялъ отъ себя предметы своей ненависти, чѣмъ нападалъ на нихъ; онъ старался держаться подальше отъ нихъ. Они причинили ему зло, онъ ограничивался тѣмъ, что не желалъ имъ добра. Между ихъ ненавистью и его была та разница, что первая походила на злобу, а вторая была лишь антипатіей.

На Гернсеѣ, какъ ни малъ этотъ островъ, вмѣщаются два вѣроисповѣданія — католическое и протестантское, и каждое изъ нихъ имѣетъ свои особые храмы. Въ Германіи, напримѣръ, въ Гейдельбергѣ, къ этому относятся болѣе безцеремонно: церковь разгораживаютъ на двѣ половины, и одну изъ нихъ отдаютъ св. Петру, а другую—Кальвину. Обѣ онѣ раздѣляются перегородкой, во избѣжаніе тумаковъ; притомъ раздѣлъ этотъ совершонъ съ строгой справедливостью: у католиковъ три алтаря, и столько же у реформатовъ, а такъ какъ богослуженіе совершается въ одни и тѣ же часы, то одинъ и тотъ же колоколъ призываетъ вѣрующихъ обоихъ исповѣданій, однихъ къ Богу, другихъ къ дьяволу. Замѣчательное упрощеніе!

Нѣмецкая флегма можетъ мириться съ подобнымъ сосѣдомъ. Но на о. Гернсеѣ каждое вѣроисповѣданіе имѣетъ свое особое помѣщеніе; тутъ есть и приходъ правовѣрныхъ и приходъ еретиковъ. Можно выбрать либо тотъ, либо другой, а то, пожалуй, хоть и ни того ни другого. Летьерри предпочелъ послѣднее. Этотъ простой

матросъ, этотъ судорабочій, этотъ философъ, этотъ человѣкъ труда, простякъ по наружному виду, въ сущности далеко не былъ простякомъ. Онъ имѣлъ свои взгляды и свои убѣжденія. По отношенію къ священникамъ онъ былъ непреклоненъ и могъ бы выдержать по этому поводу диспутъ съ любымъ богословомъ.

Онъ позволялъ себѣ разныя, довольно неумѣстныя, насмѣшки. У него были свои, порою странныя, но мѣткія словечки. Итти на исповѣдь онъ называлъ «причесывать свою совѣсть». Учился онъ на мѣдныя деньги, читалъ урывками, въ промежуткѣ между двумя шквалами, и писалъ съ изряднымъ количествомъ орѳографическихъ ошибокъ.

Враждебное отношеніе его къ папѣ и къ католическому духовенству не располагало, однако, къ нему англиканцевъ. Протестантскіе пасторы такъ же мало любили его, какъ и католическіе патеры. Его безвѣріе не знало удержу даже по отношенію къ самымъ серьезнымъ догматамъ. Попавъ случайно на одну изъ проповѣдей—на проповѣдь объ адѣ пастора Іоахима Герода,—на великолѣпную проповѣдь, всю напичканную текстами и изреченіями, доказывавшими существованіе вѣчныхъ мукъ, адскихъ терзаній и пытокъ, сжиганіе живьемъ и неизгладимаго проклятія, гнѣва и мести Божіихъ, т.-е. все вещей, не подлежавшихъ ни малѣйшему сомнѣнію,—онъ, выходя изъ церкви съ однимъ изъ вѣрующихъ, сказалъ послѣднему вполголоса: «А я вамъ скажу, у меня свой собственный взглядъ на эти вещи: я думаю, что Богъ—добръ»!

Эта атеистическая закваска являлась результатомъ пребыванія его во Франціи. Хотя онъ былъ гернсейскимъ уроженцемъ, и притомъ довольно чистокровнымъ, его на островѣ, за его свободомысліе, называли «французомъ». Онъ, впрочемъ, и самъ не старался скрывать своихъ разрушительныхъ идей, что онъ доказалъ и своимъ упорствомъ при постройкѣ этой своей «Чортовой Лодки».

Впрочемъ, онъ не могъ обходиться безъ компромиссовъ: въ маленькихъ центрахъ трудно сохранять свою цѣлостность. Пользоваться спокойною жизнью возможно, какъ во Франціи, такъ и въ еще большей мѣрѣ въ Англіи, лишь подъ условіемъ соблюденія приличій. А для того, чтобы «соблюдать приличія», требуется множество самыхъ разнообразныхъ условій, начиная съ точнаго соблюденія воскреснаго дня до хорошо повязаннаго галстука включительно. «Не давайте повода къ тому, чтобы на васъ указывали пальцемъ»—вотъ основной законъ этого кодекса. Заставить указывать на себя пальцами, это—почти то же, что быть преданнымъ анаѳемѣ. Маленькіе городки, эти болота кумушекъ, отличаются особымъ искусствомъ въ причиненіи человѣку булавочныхъ уколовъ, которыхъ страшатся самые неустрашимые люди. Иной не боится картечи, не боится урагана, но боится пересудовъ. Летьерри отличался скорѣе упорствомъ, чѣмъ логикой, но подъ этимъ давленіемъ колебалась даже и его логика. Онъ, говоря эвфемически, «разбавлялъ свое вино водой», т.-е., другими словами, дѣлалъ разныя уступки. Онъ старался держаться въ сторонѣ отъ

духовныхъ лицъ, но не запиралъ передъ ними безусловно своей двери. Въ извѣстные дни и при извѣстныхъ случаяхъ онъ принималъ, и притомъ съ подобающими вѣжливостью и почетомъ, и лютеранскаго пастора и католическаго патера. Изрѣдка онъ сопровождалъ въ англиканскую церковь Дерюшетту, которая, какъ мы сказали выше, сама ходила въ нее лишь въ четыре самыхъ большихъ годовыхъ праздника.

Но вообще эти компромиссы были ему непріятны, раздражали его и не только не примиряли его съ духовенствомъ, но скорѣе отталкивали его отъ послѣдняго. И онъ вымещалъ свою досаду въ насмѣшкахъ. Этотъ незлобивый человѣкъ высказывалъ злобу только въ этомъ отношеніи, и ничто не въ состояніи было его исправить. Таковъ ужъ былъ его темпераментъ, и съ этимъ приходилось мириться.

Онъ не любилъ не какихъ-нибудь извѣстныхъ личностей въ духовенствѣ, а все духовенство. Въ отношеніи религіи онъ былъ революціонеромъ, не дѣлалъ почти никакого различія между тѣмъ или другимъ исповѣданіемъ и не допускалъ въ этой сферѣ никакого прогресса. Его близорукость въ этомъ отношеніи доходила даже до того, что онъ не замѣчалъ никакой разницы между пасторомъ и аббатомъ, между докторомъ богословія и монахомъ. По его мнѣнію, Уэслей и Лойола были одного поля ягоды. Когда мимо него проходилъ пасторъ съ своей женой, онъ отворачивался и ворчалъ про себя: «женатый попъ», съ тѣмъ презрительнымъ выраженіемъ голоса, которое должно было вызывать въ католической Франціи это несообразное сочетаніе словъ. Онъ иронически разсказывалъ, что во время послѣдняго своего путешествія въ Англію видѣлъ «лондонскую архіерейшу". «Ряса не можетъ жениться на юбкѣ», говорилъ онъ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ. Онъ смотрѣлъ на священника, какъ на существо средняго рода, и говаривалъ: «Ни мужчина ни женщина, а священникъ». Онъ не стѣснялся пришпиливать и англиканскому и католическому духовенству одни и тѣ же пренебрежительные эпитеты и любилъ повторять употребительную въ то время поговорку: «Выходи замужъ за кого хочешь, только не за кутейника».

XIII.

Беззаботность—принадлежность граціи.

Летьерри, разъ произнеся какое-нибудь слово, всегда о немъ помнилъ; Дерюшетта, разъ вымолвивъ слово, сейчасъ же его забывала. Въ этомъ заключалось различіе между дядей и племянницей.

Дерюшетта, воспитанная избалованнымъ ребенкомъ, не могла усвоить себѣ понятіе объ отвѣтственности. Небрежное воспитаніе кроетъ въ себѣ зародыши будущихъ опасностей. Неблагоразумно поступаютъ тѣ, которые стремятся къ тому, чтобы доставить своему ребенку слишкомъ раннее счастье.

Дерюшетта была увѣрена въ томъ, что если она довольна, то ничего больше не остается желать. Къ тому же, она видѣла, что

дядя ея радуется ея радости. Она болѣе или менѣе раздѣляла взгляды своего дяди. Ея религіозное чувство вполнѣ удовлетворялось посѣщеніемъ церкви по четыре раза въ годъ: по крайней мѣрѣ всѣ имѣли случай увидѣть ея праздничный нарядъ. Съ жизнью она была совершенно незнакома. Характеръ ея былъ таковъ, что когда-нибудь она должна была полюбить до безумія, но пока она была только весела. Она пѣла, болтала, то тамъ, то здѣсь, роняла наугадъ какое-нибудь слово,—что-нибудь сдѣлаетъ и убѣжитъ,—словомъ, она была олицетворенная миловидность. Прибавьте къ этому еще англійскую свободу. Въ Англіи дѣти выростаютъ безъ нянекъ, молодыя дѣвушки обходятся безъ гувернантокъ, юношество растетъ не взнузданное. Таковы уже нравы. А впослѣдствіи эти свободныя дѣвушки превращаются въ женъ-рабынь. Но мы употребляемъ здѣсь оба эти слова въ хорошемъ ихъ смыслѣ: свободныя—въ своемъ ростѣ, рабыни—въ исполненіи своего долга.

Дерюшетта, просыпаясь каждое утро, не отдавала себѣ ни малѣйшаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ наканунѣ. Она была бы поставлена въ крайне затруднительное положеніе, если бы ее спросили, что она дѣлала на прошлой недѣлѣ. Это, однако, не мѣшало ей ощущать по временамъ какое-то смутное безпокойство, чувствовать, какъ будто какая-то темная тѣнь жизни ложится на ея безпечную веселость. И на лазури появляются облака, но облака эти быстро проносятся. Послѣ такихъ минутъ раздумья и грусти, она вдругъ разражалась веселымъ смѣхомъ, сама не отдавая себѣ хорошенько отчета ни въ томъ, почему ей только что было грустно, ни въ томъ, почему ей вдругъ стало весело. Все для нея были игрушки и смѣшки; она задирала прохожихъ, дразнила мальчишекъ. Если бъ она встрѣтила самого дьявола, она не испугалась бы его, а сыграла бы съ нимъ какую-нибудь штуку. Она была красива и невинна, и злоупотребляла и тѣмъ и другимъ. Она расточала свои улыбки точно такъ же, какъ котенокъ расточаетъ направо и налѣво удары лапкой: тѣмъ хуже для того, кого она оцарапала!—она же о немъ больше не думала. Вчерашній день для нея не существовалъ; она жила цѣликомъ сегодняшнимъ днемъ. Это, впрочемъ, обыкновенный результатъ избытка счастья. У Дерюшетты воспоминанія изглаживались такъ же скоро, какъ тающій снѣгъ.

Книга четвертая.—ВОЛЫНКА.

I.

Первое зарево пожара или зари.

Жилліатъ никогда не говорилъ съ Дерюшеттой. Онъ зналъ ее только потому, что видѣлъ ее издали, подобно тому, какъ знаютъ утреннюю звѣзду.

Въ тотъ день, когда Дерюшетта встрѣтила Жилліата на дорогѣ изъ Сенъ-Пьеръ-Пора въ Валль и, къ удивленію его, начертила его имя на снѣгу, ей минуло шестнадцать лѣтъ. Какъ разъ наканунѣ Летьерри сказалъ ей: «Пора тебѣ перестать ребячиться. Вѣдь ты уже взрослая дѣвушка».

Это слово «Жилліатъ», написанное этимъ полуребенкомъ, запало глубже, чѣмъ то можно было подумать. Что такое для него были женщины? Жилліатъ и самъ не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда ему случалось встрѣчаться съ женщиной, онъ пугался ея, а она пугалась его; заговаривалъ же онъ съ женщинами только въ случаѣ неизбѣжной крайности. Онъ никогда не бывалъ «любезнымъ» ни съ одной поселянкой. Когда ему случалось итти одному по узкой тропинкѣ и онъ видѣлъ шедшую ему навстрѣчу женщину, онъ спѣшилъ перелѣзть черезъ плетень или забиться въ кустарникъ,—словомъ, убраться отъ нея подальше. Онъ избѣгалъ даже старухъ. Ему въ молодости довелось видѣть одну парижанку, занесенную судьбою въ Гернсей, почти небывалую на островѣ въ тѣ времена диковинку. И Жилліатъ слышалъ, какъ эта парижанка въ слѣдующихъ выраженіяхъ разсказывала о своемъ несчастіи: «Какъ досадно! На мою шляпку только что попало нѣсколько капель дождя. Она абрикосоваго цвѣта, а это такой цвѣтъ, который не прощаетъ». Впослѣдствіи, найдя въ одной изъ своихъ книгъ картинку, изображавшую нарядную даму въ модномъ туалетѣ, онъ наклеилъ эту картинку на стѣнѣ своей комнаты, въ воспоминаніе о видѣнной имъ парижанкѣ. Въ лѣтніе вечера онъ прятался за прибрежные утесы Гумэ-Паради, высматривая оттуда, какъ купались, въ длинныхъ сорочкахъ, крестьянки. Однажды онъ увидѣлъ сквозь щель забора, какъ тортевальская колдунья подвязывала свалившуюся подвязку. Но этимъ и ограничивалось все его знакомство съ женскимъ поломъ.

Въ то рождественское утро, когда онъ встрѣтился съ Дерюшеттой и когда она, смѣясь, вывела на снѣгу его имя, онъ возвратился домой, самъ хорошенько не помня, для чего онъ выходилъ. Наступила ночь, а онъ не спалъ. Онъ думалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о томъ, что было бы недурно развести черную рѣдьку у себя въ огородѣ; что выставка огородныхъ произ-

веденій вещь хорошая; что онъ не видѣлъ, какъ проѣхала мимо него лодка изъ Серка и что, пожалуй, съ нею что-нибудь приключилось; что онъ видѣлъ заячью капусту въ цвѣту—вещь очень рѣдкая въ такое время года! Онъ никогда не зналъ доподлинно, какъ ему приходилась умершая женщина; но онъ приходилъ къ заключенію, что, очевидно, она приходилась ему матерью, и онъ сталъ думать о ней съ удвоенной нѣжностью. Онъ вспомнилъ также о приданомъ будущей своей жены, заключавшемся въ кожаномъ чемоданѣ. Онъ думалъ о томъ, что достопочтенный Жакменъ Эродъ будетъ, вѣроятно, назначенъ когда-нибудь благочиннымъ въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ, т.-е. ближайшимъ помощникомъ епископа, и что, такимъ образомъ, должность пастора въ Сенъ-Сампсонѣ сдѣлается вакантной. Онъ думалъ о томъ, что во второй день Рождества будетъ двадцать седьмой день лунной фазы, и что, слѣдовательно, высшій подъемъ прилива придется въ три часа двадцать одну минуту, полуудаленіе его—въ семь часовъ пятнадцать минутъ, полный отливъ—въ девять часовъ тридцать три минуты и полуприливъ—въ двѣнадцать часовъ тридцать девять минутъ. Онъ припомнилъ въ мельчайшихъ подробностяхъ костюмъ шотландскаго горца, у котораго онъ купилъ волынку, вспомнилъ его шапку съ воткнутымъ въ нее репейникомъ, его палашъ, его короткій, плотно облегавшій тѣло кафтанъ съ четырехугольными полами, его юбку, его шапочку съ лентами, его кожаный поясъ съ висѣвшей въ немъ сумкой, его роговую табачницу, его булавку съ вставленнымъ въ нее какимъ то шотландскимъ камнемъ, его кинжалъ, его охотничій ножъ съ черной рукояткой, его голыя колѣни, его чулки, его гетры клѣтками и его башмаки съ пряжками. Этотъ шотландецъ вскорѣ просто сдѣлался для него какимъ-то привидѣніемъ. Онъ преслѣдовалъ его, вгонялъ его въ жаръ. Наконецъ Жилліатъ заснулъ. Онъ проснулся, когда было уже совсѣмъ свѣтло, и первою его мыслью была Дерюшетта.

Слѣдующую ночь онъ спалъ лучше, но все же ему всю ночь мерещился шотландскій горецъ. Впросонкахъ онъ вспомнилъ, что послѣрождественская сессія суда назначена на 21 января. Онъ видѣлъ также во снѣ стараго пастора Жакмена Герода. Проснувшись, онъ прежде всего вспомнилъ о Дерюшеттѣ и почему-то сильно разсердился на нее. Онъ даже пожалѣлъ о томъ, что онъ уже не мальчикъ и что онъ не можетъ пойти къ ея дому и каменьями выбить въ немъ стекла. Затѣмъ ему пришло на умъ, что если бы онъ былъ маленькій, то у него была бы мать—и онъ принялся плакать.

Наконецъ онъ рѣшилъ отправиться мѣсяца на три въ Ле-Менкье или въ Шузэ. Онъ, правда, не привелъ въ исполненіе этого намѣренія, но зато онъ сталъ тщательно избѣгать дороги изъ Сенъ-Пьеръ-Пора въ Валль. Ему казалось, что его имя «Жилліатъ» осталось навсегда начертаннымъ на этой дорогѣ и что всякій прохожій съ любопытствомъ разсматриваетъ эти буквы.

II.

Вступленіе, шагъ за шагомъ, въ область неизвѣстнаго.

Но зато онъ каждый день видѣлъ домъ, въ которомъ жила Дерюшетта. Онъ видѣлъ это не нарочно, но все-таки онъ постоянно направлялся въ ту сторону. Какъ-то такъ случалось, что, куда бы онъ ни шелъ, ему всегда лежалъ путь по тропинкѣ мимо сада Дерюшетты.

Однажды утромъ, проходя по этой тропинкѣ, онъ услышалъ, какъ одна рыночная торговка, возвращаясь изъ дома Летьерри, говорила другой: «Г. Летьерри любитъ цвѣтную капусту». Онъ тотчасъ же засадилъ въ своемъ огородѣ одну гряду цвѣтною капустой.

Заборъ сада Дерюшетты былъ очень низокъ и черезъ него не трудно было перелѣзть. Мысль о перелѣзаніи, конечно, не приходила ему въ голову; но никто не запрещалъ ему прислушиваться, проходя мимо забора, какъ то дѣлали и другіе, къ голосамъ, доносившимся изъ комнатъ или изъ сада,—т.-е. онъ собственно не прислушивался, а слышалъ. Однажды онъ услышалъ, какъ ссорились обѣ служанки, Кротость и Грація. Изъ дома до него доносились шумъ и крики, которые показались ему сладчайшей музыкой. Въ другой разъ онъ различилъ голосъ, не походившій на голоса недавно ссорившихся женщинъ; онъ рѣшилъ, что то долженъ быть голосъ Дерюшетты, и обратился въ бѣгство. Слова, произнесенныя этимъ голосомъ, остались навсегда запечатлѣнными въ его памяти; онъ ежеминутно повторялъ ихъ самъ про себя. Вотъ эти слова: «Передайте мнѣ, пожалуйста, вѣникъ».

Мало-по-малу онъ становился смѣлѣе и рѣшился даже останавливаться возлѣ забора. Однажды случилось, что въ то время, когда онъ стоялъ у забора, Дерюшетта, которую, однако, нельзя было видѣть изъ-за изгороди, хотя окно въ ея комнату было отворено, сидѣла у своего фортепіано и пѣла. Пѣла она шотландскую пѣсенку «Веселый Дунди». Жилліатъ сильно поблѣднѣлъ, но сохранилъ настолько твердости, что дослушалъ пѣсенку до конца.

Наступила весна. Однажды для Жилліата разверзлось небо, и онъ увидѣлъ чудное видѣніе: Дерюшетта у него на глазахъ поливала салатъ. Вскорѣ, не довольствуясь случайными остановками, онъ сталъ наблюдать за привычками Дерюшетты, замѣчать часы, когда она бываетъ въ огородѣ, и поджидать ее. При этомъ онъ, однако, тщательно заботился о томъ, чтобы не показываться ей на глаза.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ живая изгородь, отдѣлявшая садъ отъ улицы, покрывалась листьями и цвѣтами, онъ, простаивая здѣсь неподвижно и въ глубокомъ молчаніи въ теченіе цѣлыхъ часовъ, закрытый кустарникомъ, никѣмъ не видимый, задерживая даже дыханіе, привыкъ ежедневно видѣть Дерюшетту, расхаживающею по саду. Вѣдь можно привыкнуть и къ яду!

Спрятавшись за кустами, онъ часто слышалъ Дерюшетту, разговаривающую съ своимъ дядей въ густой бесѣдкѣ сирени, въ которой стояла скамейка. Слова ихъ отчетливо долетали до его слуха. Однако, какъ далеко онъ зашелъ! Теперь онъ уже сталъ подслушивать. Что дѣлать! Сердце человѣческое, это—старый шпіонъ.

Въ саду была еще другая скамейка, возлѣ аллеи, болѣе близкая и которую можно было видѣть. Дерюшетта иногда и на нее садилась. Наблюдая за тѣмъ, какіе цвѣты Дерюшетта любила рвать и нюхать, онъ угадалъ ея вкусъ. Болѣе всего она любила вьюнокъ, затѣмъ гвоздику, жимолость и, наконецъ, жасминъ. Роза занимала лишь пятое мѣсто. Лиліями она любовалась, но не нюхала ихъ. Изъ этого предпочтенія къ тому или иному цвѣтку Жилліатъ дѣлалъ заключенія объ ея характерѣ. Съ каждымъ цвѣткомъ въ умѣ его соединялось представленіе о какомъ-либо ея душевномъ качествѣ. Но при всемъ томъ одна мысль о томъ, чтобы заговорить съ Дерюшеттой, заставляла волосы его подниматься дыбомъ.

Какая-то старая разносчица, которой по дѣламъ ея торговли приходилось проходить отъ времени до времени мимо дома Летьерри, замѣтила, наконецъ, частое пребываніе Жилліата возлѣ этой изгороди, въ этомъ, собственно, совершенно пустынномъ мѣстѣ. Связала ли она присутствіе этого молодого человѣка передъ изгородью съ присутствіемъ женщины за изгородью? Подмѣтила ли она какую-нибудь невидимую нить? Или же она и подъ старость сохранила еще достаточно ясныя воспоминанія о своей молодости, вспомнила ли она, среди зимы и потемокъ, весну и утреннюю зарю? Это намъ неизвѣстно, но вѣрно только то, что однажды, проходя мимо Жилліата, «стоявшаго на часахъ», она улыбнулась ему своей старческой улыбкой и прошамкала: «Ага! заговорило ретивое!»

Жилліатъ услышалъ эти слова, они его поразили, и онъ самъ себя спросилъ: «Заговорило ретивое! Что хотѣла этимъ сказать эта старуха?» Онъ машинально повторялъ ея слова въ теченіе цѣлаго дня, но никакъ не могъ понять ихъ смысла.

Однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ возлѣ своего окна, пять или шесть молодыхъ дѣвушекъ изъ Анкресса пришли въ видахъ развлеченія купаться близъ Гумэской набережной. Онѣ, не замѣчая его присутствія, плескались и шалили въ водѣ, въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ него. Онъ съ сердцемъ захлопнулъ свое окошко: онъ только что замѣтилъ, что нагая женщина ему противна.

III.

Арія „Веселый Дунди“ встрѣчаетъ отголосокъ за холмомъ.

Жилліатъ нашелъ себѣ укромное мѣстечко недалеко отъ сада Летьерри, въ нишѣ стѣны, обросшей плющомъ, хмелемъ и крапивой, надъ которою свѣшивался кустъ дикой мальвы и большой стволъ царскаго скипетра, выросшаго въ расщелинѣ скалъ, и въ этомъ укромномъ уголкѣ онъ провелъ почти все свое лѣто. Онъ сидѣлъ здѣсь въ глубокой задумчивости. Ящерицы, наконецъ, до

того привыкли къ нему, что, нисколько не стѣсняясь его присутствіемъ, спокойно грѣлись на солнышкѣ. Лѣто было жаркое и ясное. Жилліатъ смотрѣлъ на носившіяся надъ его головою облачка, сидѣлъ въ густой травѣ, слышалъ надъ своей головою щебетанье птицъ. По временамъ онъ схватывалъ себя обѣими руками за голову и спрашивалъ самъ себя: «Къ чему же, однако, она начертила мое имя на снѣгу?» Морской вѣтеръ гудѣлъ вдали. По временамъ въ отдаленной Водюсской каменоломнѣ вдругъ раздавался рѣзкій трубный сигналъ, возвѣщавшій прохожимъ, что сейчасъ будетъ взорвана мина, и приглашавшій ихъ удаляться. Сенъ-Сампсонской гавани отсюда не было видно, но видны были изъ-за деревьевъ верхушки мачтъ стоявшихъ тамъ судовъ. Коегдѣ надъ волнами морскими мелькали чайки. Жилліату какъ-то случайно приходилось слышать отъ покойной своей матери, что женщины могутъ быть влюблены въ мужчинъ, что это иногда случается. И онъ теперь самъ себѣ говорилъ: «Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Я понимаю: Дерюшетта влюблена въ меня!» Иногда онъ чувствовалъ сильный приливъ грусти, но утѣшалъ себя слѣдующими размышленіями: «Ну, что жъ! Вѣдь и она, съ своей стороны, думаетъ обо мнѣ. Это хорошо». Затѣмъ ему приходило на умъ, что Дерюшетта богата, а онъ бѣденъ, и онъ находилъ, что пароходъ—преотвратительное изобрѣтеніе. При этомъ онъ никогда не могъ хорошенько припомнить, какое въ данный день число мѣсяца. Затѣмъ онъ принимался внимательно слѣдить глазами за большими черными шмелями, съ желтыми задами и съ короткими крыльями, съ сильнымъ жужжаніемъ забивавшимися въ трещины стѣнъ.

Однажды Дерюшетта вошла въ свою комнату, собираясь ложиться спать. Она приблизилась къ отворенному окну, чтобы закрыть его. Ночь была очень темная. Вдругъ Дерюшетта стала прислушиваться: среди ночной тьмы до слуха ея долетѣли какіето музыкальные звуки. Кто-то, находившійся, по всей вѣроятности, на противоположномъ склонѣ холма или у подножія Вальской башни или, быть-можетъ, еще дальше, наигрывалъ на какомъ-то инструментѣ какую-то арію. Дерюшетта узнала свою мелодію «Веселой Дунди», разыгрываемую на волынкѣ. Но она никакъ не могла сообразить, кто это играетъ.

Съ тѣхъ поръ, отъ времени до времени, въ эти самые часы, въ особенности въ очень темныя ночи, эта музыка стала возобновляться, что Дерюшеттѣ не особенно нравилось.

IV.

„Для дяди и опекуна, любящихъ спокойствіе, ночныя серенады—вещь очень непріятная“.

(Изъ неизданной комедіи).

Прошло четыре года. Дерюшеттѣ былъ уже двадцать первый годъ на исходѣ, а она все еще не была замужемъ.

Кто-то гдѣ-то написалъ: «Господствующая надъ человѣкомъ мысль, это—тотъ же буравъ. Съ каждымъ годомъ она углу-

бляется въ его мозгъ на одинъ поворотъ винта. Если ее захотятъ вырвать въ первый годъ—вмѣстѣ съ нею вырвутъ и волосы; во второй годъ — вырвутъ и клочокъ кожи; въ третій годъ — вырвутъ и осколокъ кости; въ четвертый годъ—вырвутъ мозгъ».

Жилліатъ вступилъ уже въ этотъ четвертый годъ. А между тѣмъ, онъ не обмѣнялся еще ни единымъ словомъ съ этой красивой дѣвушкой. Онъ думалъ о ней—и только.

Однажды, бывши случайно въ Сенъ-Сампсонѣ, онъ увидѣлъ Дерюшетту, разговаривавшую съ Летьерри передъ калиткой ихъ сада, выходившей на дорогу въ гавань. Жилліатъ отважился подойти по возможности близко. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что въ то время, какъ онъ проходилъ, она улыбнулась. Невозможнаго въ этомъ ничего не было.

Отъ времени до времени до Дерюшетты продолжали доноситься звуки волынки. Они доносились также и до господина Летьерри. Кончилось тѣмъ, что онъ обратилъ вниманіе на эту упорную музыку подъ окнами Дерюшетты,—музыку, правда, нѣжную, но тѣмъ болѣе опасную. Этотъ ночной музыкантъ былъ ему вовсе не по душѣ. Онъ желалъ выдать Дерюшетту замужъ, когда придетъ на то время, когда она того захочетъ и онъ того пожелаетъ, но совершенно просто и безъ всякихъ затѣй, безъ романсовъ и музыки. Онъ сталъ подкарауливать, и ему показалось, будто онъ разглядѣлъ сквозь ночную тьму Жилліата. Онъ провелъ себѣ концами пальцевъ по бакенбардамъ, что служило у него признакомъ гнѣва и пробормоталъ себѣ подъ носъ: «Что онъ тамъ дудитъ, этотъ дуракъ! Онъ *любитъ Дерюшетту*,— это очевидно. Но ты, мой милый, даромъ теряешь время. Тотъ, кто любитъ Дерюшетту, долженъ обращаться ко мнѣ, а не къ своей дудкѣ!»

Наконецъ свершилось важное событіе, давно ужъ предвидѣнное; стало извѣстно, что пасторъ Жакменъ Эродъ назначенъ викарнымъ епископомъ винчестерскимъ, завѣдующимъ приходами Ла-Маншскаго архипелага, и что немедленно по прибытіи его преемника онъ переѣдетъ изъ Сенъ-Сампсона въ Сенъ-Пьеръ-Поръ.

Новаго пастора ожидали съ часу на часъ. Это былъ обангличанившійся нормандецъ, Іовъ Эбенезэръ Кодрэ, любившій, чтобы его называли, по-англійскому произношенію, Каудрей. Относительно новаго пастора ходили самые противорѣчивые слухи, смотря по наклонности людей къ славословію или къ злословію. Говорили, будто онъ молодъ и бѣденъ; но молодость его умѣрялась глубокою ученостью, а бѣдность—надеждами на будущее. На спеціальномъ языкѣ чающихъ наслѣдства «надеждами на будущее» называется смерть родственника. Дѣйствительно, новый пасторъ былъ племянникомъ и наслѣдникомъ стараго и богатаго декана сентъ-асафскаго. Послѣ смерти декана его ожидало богатство. У Эбенезэра Кодрэ была знатная родня, и онъ тамъ имѣлъ почти право на титулъ «высокородный». Что касается его взглядовъ на религіозные вопросы, то на этотъ счетъ мнѣнія расходились. Онъ былъ англиканецъ, но стараго оттѣнка. Онъ ненавидѣлъ всякое фарисейство и склонялся скорѣе къ пресвитеріанскимъ, чѣмъ къ

епископальнымъ воззрѣніямъ. Онъ мечталъ о первобытной церкви, когда Адамъ имѣлъ право выбирать себѣ Еву, и когда Фрументанъ, епископъ Гіераполиса, похищая дѣвушку для того, чтобы взять ее себѣ въ жены, говорилъ родителямъ ея: «Она этого желаетъ и я этого желаю. Теперь вы уже больше не отецъ и не мать. Я—ангелъ Гіераполиса, а она моя супруга. Отецъ ея—Богъ». Судя по слухамъ, Эбенезэръ Кодрэ ставилъ выше текста: «Чти отца твоего и матерь твою»,—текстъ: «Жена—плоть человѣка. Жена покинетъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ мужу своему». Впрочемъ, это стремленіе къ ограниченію родительской власти и къ всяческому способствованію, путемъ религіи, заключенію супружескихъ узъ, вообще свойственно протестантизму, въ особенности англійскому и американскому.

V.

Заслуженный успѣхъ всегда возбуждаетъ ненависть.

Вотъ въ какомъ положеніи находились въ это время дѣла Летьерри. Дюранда вполнѣ оправдала всѣ возлагавшіяся на нее надежды, Летьерри выплатилъ всѣ свои долги, уплатилъ по бременскимъ счетамъ и по срочнымъ обязательствамъ въ Сенъ-Мало и ремонтировалъ свой домъ, освободивъ его въ то же время отъ лежавшихъ на немъ ипотечныхъ долговъ. Кромѣ того, онъ выкупилъ всѣ небольшіе мелкіе участки, входившіе въ составъ пріобрѣтенной имъ территоріи. Онъ былъ обладателемъ значительнаго производительнаго капитала—Дюранды. Судно это доставляло ему уже теперь чистый доходъ въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, и доходъ этотъ съ каждымъ годомъ увеличивался. Собственно говоря, Дюранда составляла все его богатство, а также и богатство цѣлаго околотка. Перевозка скота была главной доходной статьей судна. Въ виду этого, чтобъ облегчить нагрузку, пригонъ скота на судно и угонъ его съ него, пришлось снять перила съ бортовъ и убрать двѣ подвѣшенныя къ борту лодки. Быть-можетъ, это было нѣсколько неосторожно, такъ какъ на случай несчастія при пароходѣ оставалась одна только кормовая шлюпка. Правда, шлюпка эта была превосходныхъ морскихъ качествъ.

Со времени покражи, совершонной Рантэномъ, прошло десять лѣтъ.

Въ процвѣтаніи дѣлъ Дюранды была только одна слабая сторона; къ нему относились недовѣрчиво, въ немъ видѣли только дѣло случая. На положеніе Летьерри смотрѣли только, какъ на исключеніе. О немъ говорили, что онъ совершилъ удачную глупость, и въ доказательство этого приводили то, что кто-то, вздумавшій было послѣдовать его примѣру въ Коусѣ, на островѣ Уайтѣ, потерпѣлъ неудачу, втянувъ въ убытки акціонеровъ. Летьерри возражалъ на это: «Значитъ, машина была дурно построена!» Но собесѣдники его только пожимали плечами. Всякое новое изобрѣтеніе имѣетъ ту дурную сторону, что всѣ смотрятъ на него косо, и что малѣйшая неудача возбуждаетъ злорадство.

Одинъ изъ финансовыхъ тузовъ Ла-Маншскаго архипелага, банкиръ Жожъ, изъ Парижа, къ которому обратились съ предложеніемъ участвовать въ пароходномъ предпріятіи, отвѣтилъ, поворачиваясь къ собесѣдникамъ своимъ спиною: «Вы предлагаете мнѣ обратить деньги въ дымъ?» Напротивъ, на парусныя суда всякій охотно давалъ деньги. Словомъ, капитанъ упорно стоялъ за паруса и противъ паровика. Въ Гернсеѣ Дюранда являлась фактомъ, но оттого паръ не сдѣлался принципомъ: до того упорна рутина въ борьбѣ съ прогрессомъ! О Летьерри говорили: «Ну, что жъ, разъ удалось, а въ другой разъ сорвется». Примѣръ его не только не поощрялъ а, напротивъ, пугалъ. Никто не отважился бы построить вторую Дюранду.

VI.

Счастіе потерпѣвшихъ крушеніе, встрѣтившихъ шлюпку.

Равноденствіе сопровождается въ Ла-Маншѣ особенно сильными бурями. Это море узкое, въ которомъ вѣтру негдѣ разгуляться, что̀ его раздражаетъ. Начиная съ февраля мѣсяца, начинаютъ дуть западные вѣтры, вздымающіе высокія волны. Плаваніе по каналу становится небезопаснымъ. Прибрежные жители пристально смотрятъ на сигнальную мачту и вглядываются въ море, ища глазами находящіяся въ затруднительномъ положеніи суда. Море превращается въ засаду; какой-то невидимый рожокъ трубитъ наступленіе. Надъ моремъ проносятся бѣшеные порывы вѣтра, какъ бы желающаго уничтожить все, что встрѣтится ему на пути. Черныя щеки бури надуваются въ облачной выси.

Если вѣтеръ опасенъ, то туманы еще опаснѣе. Не даромъ ихъ споконъ вѣка боялись мореплаватели. Иногда въ туманѣ носятся микроскопическія ледяныя призмы, вліянію которыхъ Марріотъ приписываетъ круги вокругъ солнца, побочныя солнца и ложные диски луны. Туманы—явленіе вообще очень сложное. Различныя земныя испаренія неравномѣрной, специфической тяжести соединются въ нихъ съ атмосферической влагой и комбинируются такими слоями, которые дѣлаютъ изъ тумана весьма замысловатую химическую формацію: внизу іодъ, надъ іодомъ сѣра, надъ сѣрой бромъ, надъ бромомъ фосфоръ. Это обстоятельство въ извѣстной мѣрѣ, вмѣстѣ съ электрическими и магнетическими токами, объясняетъ различныя явленія природы: блуждающіе огни Колумба и Магеллана, носящіяся по воздуху между кораблями звѣзды, о которыхъ говоритъ Сенека, пламя Кастора и Поллукса, о которомъ говоритъ Плутархъ, римскій легіонъ, дротики котораго казались Цезарю горящими, шпицъ башни Дуино въ Фріулѣ, изъ котораго часовой извлекалъ искры, притрогиваясь къ нему остреемъ своего копья, и, быть-можетъ, также поднимающіяся какъ бы изъ земли зарницы, которыя въ древности назывались «земными молніями Сатурна». Возлѣ экватора кажется, будто весь шаръ земной опоясанъ лентой густого, вѣчнаго тумана, который англичане называютъ «облачнымъ кольцомъ». Назначеніе этого «облачнаго кольца» состоитъ, повидимому, въ томъ, чтобъ охлаждать тропи-

ки, подобно тому, какъ назначеніе гольфстрема заключается въ томъ, чтобы согрѣвать полюсъ. Туманы этого «облачнаго кольца» особенно опасны. Называется эта мѣстность «конской широтой», такъ какъ въ прежнія времена мореплаватели выбрасывали здѣсь, во время бурь, за бортъ лошадей для того, чтобъ облегчить судно, а во время затишья,—чтобы сберечь запасъ прѣсной воды. Еще Колумбъ говаривалъ: «Низкія облака, это—смерть». Этруски, занимающіе въ области метеорологіи такое же мѣсто, какое халдейцы занимали въ области астрономіи, имѣли двоякаго рода жрецовъ: для грома и для облаковъ. Первые—«фульгураторы»—слѣдили за молніями, а вторые—«аквилеги»—за облаками. Къ жрецамъ-авгурамъ въ Тарквиніи обращались за совѣтами и тирійцы, и финикіяне, и пеласги,—словомъ, всѣ первобытные мореплаватели Средиземнаго моря. Уже тогда дѣлались попытки объяснять происхожденіе бурь. Бури приводились въ связь съ происхожденіемъ тумановъ, и дѣйствительно, это, строго говоря, одно и то же явленіе. На океанѣ существуютъ три области тумановъ: одна экваторіальная и двѣ полярныя. Моряки, на своемъ жаргонѣ, называютъ ихъ общимъ именемъ: «черный горшокъ».

Почти всюду, но въ особенности въ Ла-Маншѣ, равноденственные туманы очень опасны, такъ какъ, благодаря имъ, море вдругъ покрывается непроницаемою тьмою. Одна изъ опасныхъ сторонъ тумана, даже въ томъ случаѣ, если онъ не особенно густъ, заключается въ томъ, что онъ не позволяетъ распознавать измѣненія морского дна, судя по измѣненію цвѣта воды; вслѣдствіе этого нельзя различать на безопасномъ отдаленіи ни буруновъ ни мелей. Вы можете очутиться у самаго рифа, и ничто не предупредитъ васъ о близости его. Иногда, благодаря туману, кораблю не остается иного спасенія, какъ лечь въ дрейфъ или бросить якорь. Словомъ, туманъ вызываетъ столько же кораблекрушеній, какъ и бури.

Однако, послѣ очень сильнаго шквала, наступившаго послѣ густого и продолжительнаго тумана, почтовый тендеръ «Кашмиръ» благополучно прибылъ изъ Англіи. Онъ вошелъ въ гавань Сенъ-Пьеръ-Пора въ ту самую минуту, когда солнце показалось надъ поверхностью моря и когда съ Корнетскаго замка раздался привѣтственный пушечный выстрѣлъ солнцу. Небо прояснилось. На «Кашмирѣ» долженъ былъ прибыть новый Сенъ-Сампсонскій пасторъ. Вскорѣ послѣ прибытія «Кашмира» въ городѣ распространился слухъ, что къ нему причаливала ночью въ морѣ шлюпка, въ которой спасся экипажъ разбитаго корабля.

VII.

Счастье туриста, встрѣтившаго рыбака.

Въ эту же ночь Жилліатъ, когда вѣтеръ немного утихъ, выѣхалъ въ море рыбачить, стараясь, однакоже, не слишкомъ много отдаляться отъ берега.

Когда онъ возвращался, съ началомъ прилива, около двухъ часовъ пополудни, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, и проѣзжалъ

мимо Звѣринаго залива, пробираясь къ бухточкѣ передъ своимъ домомъ, ему показалось, будто онъ видитъ падающую съ кресла Гильдгольмъ-Ура тѣнь, которая, однако, не была тѣнью утеса. Онъ направилъ свою лодку ближе къ утесу и увидѣлъ, что на Гильгольмскомъ креслѣ сидѣла какая-то человѣческая фигура. Приливъ былъ уже довольно значителенъ, утесъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою и уйти съ него оказывалось невозможнымъ. Жилліатъ сталъ махать незнакомцу, но тотъ оставался неподвижнымъ. Жилліатъ подъѣхалъ поближе и увидѣлъ, что человѣкъ этотъ уснулъ. Онъ былъ одѣтъ весь въ черное. «Точно священникъ», подумалъ Жилліатъ. Онъ подъѣхалъ еще ближе, и разсмотрѣлъ лицо юноши, совершенно ему, однако, незнакомое.

Къ счастью, скала была отвѣсная и можно было подъѣхать къ ней вплотную. Жилліатъ повернулъ свою лодку бокомъ, и ему удалось проплыть вдоль стѣны утеса. Приливъ былъ уже до того значителенъ, что Жилліату, вставшему на бортъ лодки, удалось достать рукою до ногъ сидѣвшаго на скалѣ человѣка. Онъ сдѣлалъ это не безъ опасности для собственной жизни, ибо сомнительно, чтобъ онъ, оборвавшись, могъ бы вновь вынырнуть изъ пучины морской. Къ тому же прибой былъ очень силенъ, и онъ рисковалъ быть раздавленнымъ между лодкой и утесомъ

— Эй, что вы здѣсь дѣлаете? — крикнулъ онъ, потянувъ за ногу уснувшаго незнакомца.

— Я смотрю, — отвѣтилъ тотъ спросонокъ.

Затѣмъ, совсѣмъ проснувшись, онъ прибавилъ:

— Я только что прибылъ на островъ, я зашелъ сюда во время прогулки. Я всю прошлую ночь провелъ на морѣ, видъ мнѣ показался очень красивымъ, я былъ сильно утомленъ и уснулъ.

— Да вѣдь черезъ десять минутъ вы бы утонули, — проговорилъ Жилліатъ. — Прыгайте въ мою лодку.

Жилліатъ одной рукой уцѣпился за утесъ, другую протянулъ незнакомцу, придерживая въ то же время лодку ногой. Незнакомецъ съ большою ловкостью прыгнулъ въ лодку. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ. Жилліатъ налегъ на весла, и по прошествіи двухъ минутъ лодка была уже въ бухточкѣ передъ домомъ Жилліата.

На молодомъ человѣкѣ были надѣты круглая шляпа и бѣлый галстукъ. Его длинный черный сюртукъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы. У него были длинные, бѣлокурые волосы, женское лицо, свѣтлый, хотя и серьезный, взглядъ.

Лодка причалила къ берегу. Жилліатъ продѣлъ чалку въ ввинченное въ береговой утесъ кольцо, и затѣмъ, обернувшись, увидѣлъ поразительной бѣлизны руку молодого человѣка, протянутую къ нему вмѣстѣ съ золотою монетой. Жилліатъ потихоньку отстранилъ эту руку.

Наступило молчаніе, которое, наконецъ, молодой человѣкъ прервалъ словами:

— Вы спасли мнѣ жизнь.

— Ну, что за важность,—проговорилъ Жилліатъ, и снова наступило молчаніе.

— Вы принадлежите къ здѣшнему приходу?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ Жилліатъ.

— Такъ къ какому же?

— А вотъ къ какому,—отвѣтилъ Жилліатъ, поднимая правую руку къ небу.

Молодой человѣкъ приподнялъ шляпу и сталъ удаляться. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился, порылся у себя въ карманѣ, вынулъ изъ него книгу и вернулся къ Жилліату.

— Позвольте предложить вамъ это,—сказалъ онъ, подавая ему книгу.

Жилліатъ взялъ книгу: оказалась Библія.

Черезъ минуту Жилліатъ, опершійся локтями на набережную, увидѣлъ, какъ молодой человѣкъ повернулъ за уголъ и направился по дорогѣ въ Сенъ-Сампсонъ.

Но вскорѣ онъ опустилъ голову, забылъ объ этомъ незнакомцѣ, забылъ и о существованіи Гильдгольмскаго кресла и весь погрузился въ безпредѣльную пучину мечтаній. Онъ думалъ о Дерюшеттѣ.

— Эй, Жилліатъ! — раздался вдругъ голосъ, который вывелъ его изъ его задумчивости.

Онъ узналъ этотъ голосъ, поднялъ голову и спросилъ:

— Что такое, господинъ Ландуа?

Дѣйствительно, то былъ Ландуа, ѣхавшій по дорогѣ въ ста шагахъ отъ дома Жилліата въ фаэтонѣ, запряженномъ маленькой лошадкой. Онъ остановился для того, чтобъ окликнуть Жилліата, но по всему было видно, что онъ очень торопился.

— А знаете ли, Жилліатъ, что у Летьерри есть кое-что новенькаго.

— Что такое?—спросилъ Жилліатъ.

— Да вы стоите такъ далеко отъ меня, а мнѣ трудно кричать.

Жилліатъ встрепенулся.

— Быть-можетъ, Дерюшетта выходитъ замужъ?

— О нѣтъ, далеко не то!

— Такъ что же такое?

— Ступайте туда, и вы сами узнаете.

И съ этими словами Ландуа хлеснулъ по лошади и укатилъ.

Книга пятая.—РЕВОЛЬВЕРЪ.

I.

Болтовня въ Ивановской харчевнѣ.

Наружность Клюбена была довольно замѣчательна. Онъ былъ небольшого роста, съ желтымъ лицомъ, и обладалъ силой быка. Морской воздухъ не навелъ загара на его лицо, которое было желто, какъ воскъ. Походя цвѣтомъ лица на восковую свѣчу, онъ походилъ на нее также блескомъ своихъ глазъ. Память его была изумительна. Для него достаточно было видѣть одинъ разъ человѣка, чтобы черты послѣдняго прочно запечатлѣлись въ его мозгу. Взглядъ его былъ въ высшей степени проницателенъ и, такъ сказать, лакониченъ. Каждое лицо отпечатлѣвалось въ его мозгу, какъ на фотографическомъ негативѣ. Какъ бы съ годами ни постарѣло это лицо, Клюбенъ сейчасъ же узнавалъ его. Ничто не въ состояніи было навести на ложный слѣдъ эту цѣпкую память. Клюбенъ былъ сдержанъ, холоденъ, спокоенъ; но его открытый и ясный взоръ сразу располагалъ въ его пользу. Многіе считали его наивнымъ, и дѣйствительно, въ углу глазъ у него была какая-то черта глупости. Мы уже сказали, что не было лучшаго моряка, чѣмъ онъ. Никто не умѣлъ лучше его поставить парусъ, опредѣлить направленіе вѣтра или удерживать съ помощью шкота обрасопленный парусъ. Никто не пользовался такою же, какъ онъ, репутаціей богобоязненности и честности. Всякій, кто сталъ бы сомнѣваться въ этомъ, самъ возбудилъ бы противъ себя подозрѣнія. Онъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы съ сенъ-малоскимъ мѣнялой Ребюшэ, жившимъ на улицѣ Сенъ-Венсенъ, рядомъ съ оружейникомъ. Ребюшэ говаривалъ: «Я охотно отдалъ бы мою лавку, лишь бы Клюбенъ остался возлѣ меня». Клюбенъ былъ вдовецъ. Жена его была такая же честная женщина, какъ онъ былъ честный мужчина. Умерла она съ репутаціей безусловно добродѣтельной женщины. Если бы за нею вздумалъ ухаживать самъ судья, она пожаловалась бы на него королю, а асли бы за ней вздумалъ бы ухаживать папа, она пожаловалась бы своему духовнику. Эта чета могла служить образцомъ того, что англичане называютъ «respectable». Госпожа Клюбенъ была бѣла, какъ лебедь; г. Клюбенъ былъ бѣлъ, какъ горностай. Онъ скорѣе умеръ бы, чѣмъ допустилъ бы на себѣ какое-нибудь пятно. Если бъ ему удалось найти булавку, онъ успокоился бы не прежде, чѣмъ нашелъ бы собственника ея; онъ былъ бы готовъ объявить при барабанномъ боѣ о нахожденіи имъ коробки спичекъ. Однажды онъ вошелъ въ Сенъ-Серванскую харчевню и сказалъ хозяину ея: «Я какъ-то завтракалъ у васъ года три тому назадъ, и вы тогда ошиблись при расчетѣ», и онъ возвратилъ трактирщику излишне данную имъ сдачу шестьдесятъ пять сантимовъ. Это была воплощенная честность, строго соблюдавшая себя сама.

Каждый вторникъ, какъ уже было сказано, онъ отправлялся на Дюрандѣ въ Сенъ-Мало. Онъ пріѣзжалъ въ Сенъ-Мало во вторникъ же вечеромъ, оставался тамъ два дня, чтобы нагрузить свое судно, и отплывалъ обратно въ Гернсей въ пятницу утромъ. Въ тѣ времена въ Сенъ-Мало существовалъ возлѣ гавани небольшой заѣзжій домъ, который назывался «Ивановской харчевней». При проведеніи впослѣдствіи новой набережной, харчевня эта была снесена. Въ ту эпоху море доходило до самыхъ Сенъ-Венсанскихъ и Динанскихъ воротъ. Изъ Сенъ-Мало въ Сенъ-Серванъ и обратно можно было проѣхать во время отлива на телѣжкахъ и кабріолетахъ по морскому дну, между обсохшими судами, при чемъ приходилось объѣзжать буйки, якори и канаты и остерегаться того, чтобы не наткнуться съ своей повозкой на какую-нибудь низкую рею или на брусъ стакселя. Въ промежуткѣ между двумя приливами возницы погоняли своихъ лошадей по тому самому песчаному дну, на которомъ шесть часовъ спустя вѣтеръ погонялъ морскіе валы. На этомъ самомъ морскомъ берегу бродили нѣкогда двадцать четыре сторожевые пса Сенъ-Мало, которые загрызли въ 1770 году одного морского офицера. Такой избытокъ усердія заставилъ упразднить эту четырехногую стражу, такъ что теперь уже по ночамъ не слышно лая между Малымъ и Большимъ Таларомъ.

Клюбенъ останавливался всегда въ Ивановской харчевнѣ, гдѣ онъ и устроилъ береговую контору Дюранды. Таможенные досмотрщики и береговые стражники приходили въ эту же харчевню закусить и выпить. У нихъ былъ свой отдѣльный столъ. Досмотрщики съ разныхъ береговыхъ пунктовъ встрѣчались здѣсь и обмѣнивались свѣдѣніями не безъ пользы для службы.

Сюда же приходили и шкипера судовъ, но располагались за другимъ столомъ. Клюбенъ не придерживался опредѣленнаго стола, подсаживался то къ одному, то къ другому, но, впрочемъ, чаще къ столу досмотрщиковъ, чѣмъ шкиперовъ. Его одинаково любезно встрѣчали и за тѣмъ и за другимъ.

Кормили и поили въ этой харчевнѣ недурно, при чемъ хозяинъ старался угощать пріѣзжихъ матросовъ ихъ родными яствами и питіями, отъ которыхъ они часто успѣли уже отвыкнуть во время долгаго плаванія. Бискайскій матросъ находилъ здѣсь свой любимый студень, англійскій—гринвичскій эль, антверпенскій — черное пиво.

Капитаны дальняго плаванія и судохозяева встрѣчались здѣсь и обмѣнивались интересными для обѣихъ сторонъ новостями. «А какъ дѣла съ сахаромъ?—По мелочамъ. Впрочемъ, сахаръ-сырецъ въ спросѣ: помѣщено три тысячи мѣшковъ бомбейскаго и пятьсотъ бочекъ сайгунскаго песку. А вы увидите, что правая въ концѣ-концовъ, сковырнетъ-таки министерство Виллеля. — А какъ индиго?—Да изъ Гватемалы привезено всего семь кипъ. На рейдъ пришла «Нанина-Юлія». Хорошенькое трехмачтовое бретанское судно. А въ долинѣ Ла-Платы опять сцѣпились два города.— Когда Монтевидіо тучнѣетъ, Буэносъ-Айресъ худѣетъ. — А съ «Ре-

гина-Чели», отправляющагося въ Коллао, пришлось снять часть груза.—А съ какао твердо: Каракасскій сдѣланъ по двѣсти тридцать четыре мѣшокъ, а Тринидадскій по семьдесятъ три.—Говорятъ, что во время послѣдняго смотра на Марсовомъ полѣ раздавались крики: «Долой министровъ!»—Выдѣланныя кожи продаются—воловьи по шестидесяти, а коровьи по сорока восьми франковъ.—А что русскіе уже перешли черезъ Балканы? Что слышно о Дибичѣ? — Въ Санъ-Франциско очень мало аниса. Съ оливковымъ масломъ въ Планьолѣ слабо. — Швейцарскій сыръ по тридцать два франка берковецъ. — А что же, умеръ ли, наконецъ, папа Левъ XII? и т. д., и т. д.

Все это выкрикивалось громко, во всеуслышаніе. За столомъ таможенныхъ досмотрщиковъ и береговыхъ стражниковъ говорили не такъ громко. Полицейскія новости вообще не требуютъ огласки.

Предсѣдательствовалъ за столомъ судохозяевъ одинъ старый шкиперъ дальняго плаванія, нѣкто г. Жертрэ-Габуро. Жертрэ-Габуро былъ не человѣкъ, а барометръ. Онъ до того свыкся съ моремъ, что пріобрѣлъ даръ предвидѣнія во всемъ, что касалось послѣдняго. Онъ безошибочно предсказывалъ, какая погода будетъ завтра. Онъ, такъ сказать, выслушивалъ вѣтеръ, щупалъ пульсъ морю. Глядя на тучу, онъ говаривалъ: «Ну-ка, покажи мнѣ языкъ!» Въ данномъ случаѣ языкъ означалъ молнію. По отношенію къ морю, къ вѣтру, къ шкваламъ онъ былъ отличный діагностъ, при чемъ океанъ игралъ для него роль больного. Онъ объѣхалъ весь земной шаръ, какъ врачъ обходитъ свою клинику, изучая хорошіе и дурные симптомы климата. Онъ основательно былъ знакомъ съ патологіей временъ года. Его память въ метеорологическомъ отношеніи была просто изумительна; онъ, напримѣръ, говорилъ: «Однажды, въ 1796 году, барометръ опустился на три линіи ниже великой бури». Онъ былъ морякъ въ душѣ. Онъ настолько же ненавидѣлъ Англію, насколько онъ любилъ море. Онъ тщательно изучилъ англійское судоходство въ тѣхъ видахъ, чтобъ узнать его слабыя стороны. Онъ могъ въ подробностяхъ объяснить, чѣмъ «Совернъ» 1637 года отличался отъ «Ройяль Вильгельма» 1670 года и отъ «Викторіи» 1755 года. Онъ сравнивалъ надводныя части этихъ судовъ и сожалѣлъ о томъ, что теперь уже не строятъ палубныхъ башенъ и воронкообразныхъ марсовъ, какъ на «Генрихѣ Великомъ» 1514 года, по всей вѣроятности потому, что для французскихъ орудій уже не представлялось такого хорошаго прицѣла. Для него народы существовали лишь настолько, насколько у нихъ было развито морское дѣло. У него было нѣсколько довольно странныхъ синонимовъ. Такъ онъ называлъ Великобританію «Троицей», Шотландію — «Сѣвернымъ комиссіонерствомъ», Ирландію — «балластомъ». Онъ былъ живая справочная книга, ходячій альманахъ. Онъ зналъ наизусть тарифъ маячной пошлины, въ особенности англійской: столько-то пенни съ тонны при проходѣ мимо такого-то маяка, столько-то фартинговъ за другой. Онъ могъ вамъ объяснить, что Смальсъ-

Рокскій маякъ, сжигавшій прежде лишь двѣсти бочонковъ масла въ годъ, теперь сжигаетъ его полторы тысячи бочонковъ. Однажды, во время серьезной болѣзни, вынесенной имъ во время плаванія, когда всѣ окружили его койку, ожидая съ минуты на минуту его кончины, онъ голосомъ, прерываемымъ предсмертной икотой, проговорилъ: «Было бы полезно продѣлать въ толщѣ эзельгофтовъ по одному вырѣзу съ каждой стороны, для того, чтобы вставить въ нихъ чугунныя реи съ желѣзною осью для продѣванія въ нихъ стенги-вынтрега». Словомъ, это былъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ человѣкъ.

Предметы разговоровъ за столомъ судохозяевъ и за столомъ досмотрщиковъ бывали обыкновенно различны. Однако изъ этого общаго правила случилось исключеніе какъ разъ въ первые дни того февраля мѣсяца, въ которомъ происходили описываемыя нами событія. Трехмачтовое судно «Тамаулипасъ», шкиперъ Зуэла, пришедшій изъ Чили и собиравшійся возвратиться туда, сосредоточилъ на себѣ вниманіе обоихъ столовъ, съ тою только разницей, что за столомъ судохозяевъ толковали объ его уходѣ, а за столомъ досмотрщиковъ—объ его грузѣ.

Капитанъ Зуэла былъ родомъ изъ Колумбіи, давно уже поселившійся въ Чили, принимавшій когда-то дѣятельное участіе въ борьбѣ чилійцевъ за свою независимость, сражаясь то за Боливара, то за Морильо, смотря по тому, какъ онъ находилъ это для себя выгоднымъ. Оказывая услуги то тому, то другому, онъ нашелъ средство обогатиться. Онъ поочередно бывалъ и бурбонистомъ, и бонапартистомъ, и абсолютистомъ, и либераломъ, и атеистомъ, и католикомъ. Онъ принадлежалъ къ той большой партіи, которую можно было бы назвать «партіей выгоды». Иногда онъ появлялся во Франціи по коммерческимъ дѣламъ; и, если вѣрить слухамъ, онъ охотно принималъ на свой корабль людей, которымъ необходимо было бѣжать изъ родины, все равно, были ли они злостные банкроты, или политическіе эмигранты, лишь бы они ему хорошо платили. Дѣлалъ онъ это какъ нельзя болѣе просто: бѣглецъ скрывался гдѣ-нибудь на пустынномъ берегу, и передъ тѣмъ, какъ выйти въ море, Зуэла посылалъ за нимъ лодку, которая подвозила его затѣмъ къ борту корабля, уже снявшагося съ якоря. Этимъ способомъ онъ въ послѣдній свой пріѣздъ далъ возможность бѣжать одному лицу, замѣшанному въ извѣстный процессъ Бертона, а на этотъ разъ намѣревался, какъ говорили, увезти съ собою одного изъ участниковъ въ дѣлѣ на рѣкѣ Бидассоа. Но полиція была предупреждена и слѣдила за нимъ.

То время было эпохой бѣгствъ. Реставрація была реакціей; а извѣстно, что подобно тому, какъ революціи вызываютъ эмиграціи, реставраціи сопровождаются изгнаніями. Въ первыя семь или восемь лѣтъ послѣ возвращенія во Францію Бурбоновъ господствовала всеобщая паника. Въ финансахъ, въ промышленности въ торговлѣ, — у всѣхъ подъ ногами колебалась почва, банкротства изобиловали. Политическіе дѣятели тоже искали спасенія въ бѣгствѣ: Лавалеттъ бѣжалъ, Лефебръ-Денуэтъ бѣжалъ, Делонъ

бѣжалъ. Политическія судилища свирѣпствовали, прокуроръ Трестальонъ также. Бѣжали отъ Сомюрской и Реольской тюрьмы, отъ Авиньонской башни, парижскихъ казематовъ, отъ всѣхъ этихъ силуэтовъ, мрачно обрисовывавшихся на фонѣ исторіи и выведенныхъ реакцій, кровавая рука которой замѣчается еще и донынѣ. Въ Лондонѣ велся процессъ Тистльвуда, имѣвшій развѣтвленія во Франціи. Въ Парижѣ—процессъ Трогова, имѣвшій развѣтвленія въ Бельгіи, въ Швейцаріи и въ Италіи. Все это способствовало усиленію безпокойства и увеличенію числа бѣгствъ, вслѣдствіе которыхъ тогда такъ сильно рѣдѣли ряды въ высшихъ слояхъ общества. Всѣ заботились только о томъ, какъ бы укрыться въ безопасномъ мѣстѣ. Быть въ чемъ-нибудь замѣшаннымъ—значило погибнуть, — духъ инквизиціи пережилъ самое ея существованіе. Приговоры сыпались градомъ. Многіе искали спасенія въ Техасѣ, въ Калифорніи, въ Перу. Бѣжать изъ родины—въ этомъ многіе видѣли единственное спасеніе.

Но бѣжать далеко не всегда было удобно и легко. Тотъ, кто прибѣгаетъ къ этому средству спасенія, натыкается на тысячу препятствій. Приходилось прибѣгать къ переодѣваніямъ. Знатные и даже знаменитые люди находились вынужденными прибѣгать къ разнымъ, часто довольно неблаговиднымъ, уловкамъ. Да и то послѣднія часто не приводили къ желанной цѣли. Человѣку, привыкшему всегда дѣйствовать прямо и открыто, трудно бываетъ пролѣзть въ какую-нибудь потайную лазейку. Полиція не такъ зорко слѣдитъ за бѣглымъ каторжникомъ, какъ за переодѣтымъ политическимъ дѣятелемъ. Представьте себѣ человѣка невиннаго, вынужденнаго загримироваться, добродѣтельнаго, измѣняющаго свой голосъ, заслуженнаго, надѣвающаго маску! Вотъ человѣкъ, хлопочущій о томъ, какъ бы добыть себѣ фальшивый паспортъ, а между тѣмъ онъ носитъ славное имя. Подозрительное поведеніе человѣка, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ, еще не доказывало, что передъ вами не былъ герой. Это были мало замѣтныя, но характеристическія особенности той эпохи, на которыя исторія не обращаетъ вниманія, но которыя художникъ непремѣнно долженъ подчеркнуть. Позади этихъ честныхъ людей пробирались и мошенники, пользовавшіеся тѣмъ, что вниманіе властей обращено было въ другую сторону. Какой-нибудь плутъ, находившій нужнымъ скрыться пользовался общей суматохой, втирался въ число политическихъ бѣглецовъ и часто, благодаря большому своему искусству въ подобнаго рода дѣлахъ, казался въ сумеркахъ болѣе честнымъ человѣкомъ, чѣмъ настоящій честный человѣкъ. Подвергающійся преслѣдованіямъ честный человѣкъ бываетъ крайне неловокъ; дѣло ему непривычное и онъ то и дѣло совершаетъ разныя неловкости. Фальшивому монетчику легче бѣжать, чѣмъ либералу.

И—странное дѣло!—бѣгство часто открывало широкіе пути передъ людьми нечестными. То количество цивилизаціи, которое плутъ приноситъ съ собою изъ Парижа или изъ Лондона, сослуживало ему великую службу въ странахъ малообразованныхъ или варварскихъ, служило ему рекомендаціей и позволяло ему играть

нѣкоторую роль. Человѣкъ, бѣжавшій здѣсь отъ уголовной кары, тамъ достигалъ всякихъ почестей. Здѣсь онъ стушевывался, а тамъ онъ всходилъ яркимъ свѣтиломъ. Иной злостный банкротъ, тайкомъ бѣжавшій изъ Европы, вдругъ являлся лѣтъ двадцать спустя великимъ визиремъ у какого-нибудь африканскаго султана или королемъ Тасманіи.

Способствовать подобнаго рода бѣгствамъ было своего рода промышленностью, и притомъ, въ виду многочисленности такихъ случаевъ, промышленностью небезвыгодною. Къ тому же она специализировалась: тотъ, кто желалъ бѣжать въ Англію, обращался къ контрабандистамъ, тотъ, кто желалъ бѣжать въ Америку, обращался къ такого рода промышленникамъ, какъ Зуэла.

II.

Клюбенъ кого-то замѣчаетъ.

Зуэла заходилъ иногда обѣдать въ Ивановскую харчевню, и потому лицо его было знакомо Клюбену. Къ тому же Клюбенъ въ этомъ отношеніи не былъ щепетиленъ и не видѣлъ ничего дурного въ томъ, чтобы знать въ лицо плутовъ. Онъ даже иногда знакомился съ ними ближе, кланяясь имъ и подавая имъ руку на улицѣ. Онъ разговаривалъ съ англійскимъ контрабандистомъ по-англійски, а съ испанскимъ по-испански. У него на этотъ счетъ были свои особенные взгляды. Что же, говаривалъ онъ, и изъ знакомства съ дурнымъ человѣкомъ можно извлечь пользу. Лѣсному сторожу подчасъ не безполезно поговорить съ браконьеромъ. Лоцману не мѣшаетъ водить знакомство съ пиратомъ, такъ какъ пиратъ, это—своего рода подводный камень. Вѣдь приходится же врачу отвѣдать яда, чтобъ узнать его вкусъ. Противъ всего этого трудно было возразить, и всѣ находили, что Клюбенъ правъ, что излишняя щепетильность его въ этомъ отношеніи была бы просто смѣшна. Развѣ можно его за это порицать? Вѣдь все, что онъ дѣлаетъ, дѣлается, очевидно, «для пользы службы». Съ его стороны все было какъ нельзя болѣе естественно, и ничто не могло скомпрометировать его. Вѣдь хрусталь не можетъ запятнаться, даже если бъ онъ пожелалъ того. Это довѣріе къ Клюбену являлось справедливой наградой за долгую, безукоризненно-честную жизнь, и въ этомъ-то и заключается одно изъ немногихъ преимуществъ прочно установившихся репутацій. Что бы ни дѣлалъ Клюбенъ, все толковалось въ хорошемъ смыслѣ, онъ считался какъ бы непогрѣшимымъ; и со всѣмъ тѣмъ онъ былъ очень остороженъ, такъ что близкое знакомство его съ тою или другою личностью, которое при иныхъ обстоятельствахъ могло бы показаться крайне подозрительнымъ, толковалось по отношенію къ нему лишь въ смыслѣ обычной житейской ловкости. И эта репутація ловкости какъ-то странно сплеталась съ репутаціей наивности, при чемъ никто не видѣлъ въ этомъ ничего ни противорѣчиваго ни страннаго. Бываютъ и наивные ловкачи; это своего рода разновидность честнаго человѣка, и притомъ одна изъ наиболѣе высоко цѣни-

мыхъ. Клюбенъ принадлежалъ къ той категоріи честныхъ людей, которыхъ тѣ, кто увидитъ ихъ бесѣдующими съ мошенникомъ или разбойникомъ, не только не станутъ порицать, но, напротивъ, станутъ еще болѣе уважать, такъ какъ всякій будетъ увѣренъ въ томъ что бесѣда эта ведется не спроста, а съ какой-нибудь цѣлью.

«Тамаулипасъ» окончилъ свою нагрузку и собирался выходить въ море. Былъ вторникъ, и Дюранда пришла въ Сенъ-Мало къ вечеру, но когда было еще совсѣмъ свѣтло. Клюбенъ, стоя на капитанскомъ мостикѣ и наблюдая за маневромъ причаливанія къ пристани, увидѣлъ на песчаномъ берегу близъ пристани, между двумя скалами, въ довольно пустынномъ мѣстѣ, двухъ бесѣдовавшихъ между собой людей. Онъ навелъ на нихъ свою морскую трубу и узналъ въ одномъ изъ нихъ капитана Зуэлу. Повидимому, онъ узналъ также и собесѣдника его. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ небольшою просѣдью. На немъ была шляпа-цилиндръ, и по костюму своему онъ походилъ на квакера. Глаза его скромно были опущены долу.

Прибывъ въ Ивановскую харчевню, Клюбенъ узналъ, что «Тамаулипасъ» собирался сниматься съ якоря дней черезъ десять. Впослѣдствіи оказалось, что онъ собиралъ еще кое-какія свѣдѣнія. Поздно вечеромъ онъ вошелъ къ оружейнику, жившему въ улицѣ Сенъ-Венсонъ, и спросилъ его:

— Извѣстно ли вамъ, что такое револьверъ?

— Да,—отвѣтилъ оружейникъ,—это американское изобрѣтеніе:

— Это пистолетъ, который ведетъ разговоръ, спрашиваетъ и самъ же отвѣчаетъ.

— Вѣрно, г. Клюбенъ. На немъ вертящійся барабанъ на пять или на шесть зарядовъ.

Оружейникъ при этомъ, въ знакъ удивленія, прищелкнулъ языкомъ и помоталъ головою.

— Да, это недурное оружіе, г. Клюбенъ, и мнѣ кажется, что оно вскорѣ будетъ очень распространено.

— Ну такъ дайте мнѣ револьверъ въ шесть зарядовъ.

— У меня нѣтъ такого.

— Какъ нѣтъ? Вѣдь вы же оружейникъ!

— Я еще не обзавелся этимъ товаромъ. Это, видите ли, новинка, къ ней еще не привыкли. Во Франціи револьверъ еще не успѣлъ сдѣлаться обиходнымъ предметомъ торговли и тамъ еще придерживаются пистолета.

— Ахъ, чортъ возьми, досадно!

— У меня есть отличные пистолеты. Не желаете ли?

— Нѣтъ, мнѣ нуженъ револьверъ.

— Я согласенъ, что револьверъ удобнѣе. А впрочемъ, подождите, г. Клюбенъ. Кажется, въ настоящее время въ Сенъ-Мало есть случайно то, чего вы желаете.

— Какъ? Револьверъ? И его можно купить? Да гдѣ же это?

— Я постараюсь устроить вамъ это дѣло; я наведу справки.

— А когда же мнѣ можно будетъ получить отвѣтъ отъ васъ? Когда мнѣ къ вамъ зайти?

— Положительно вамъ этого не могу сказать. Но только, если я вамъ достану револьверъ, онъ будетъ хорошъ. Зайдите ко мнѣ за отвѣтомъ въ слѣдующій вашъ пріѣздъ.

— Но только не говорите никому, что это для меня,—сказалъ, прощаясь съ нимъ, Клюбенъ.

III.

Клюбенъ уноситъ, но не возвращаетъ.

Клюбенъ нагрузилъ свой пароходъ, помѣстилъ на немъ партію быковъ, взялъ съ собою нѣсколько пассажировъ и, по обыкновенію, отплылъ изъ Сенъ-Мало въ Гернсей въ пятницу утромъ.

Когда судно вышло въ открытое море, что даетъ шкиперу возможность покинуть на нѣкоторое время капитанскій мостикъ, Клюбенъ вошелъ въ свою каюту, заперся въ ней, вынулъ изъ-подъ койки дорожный мѣшокъ, положилъ въ него кое-что изъ платья, немного сухарей, нѣсколько коробокъ съ консервами, нѣсколько фунтовъ шоколада въ плиткахъ, хронометръ и морскую трубу, заперъ саквояжъ висячимъ замкомъ и продѣлъ сквозь ушки его тонкую, но крѣпкую бечевку. Затѣмъ онъ спустился въ трюмъ, вошелъ въ кладовую для канатовъ и, немного погодя, вышелъ оттуда, неся въ рукахъ веревку съ узлами и крючьями изъ тѣхъ, которые употребляются конопатчиками на морѣ и ворами на сушѣ, такъ какъ они даютъ возможность взбираться кверху.

По прибытіи въ Гернсей, Клюбенъ отправился въ Тортеваль и пробылъ тамъ тридцать шесть часовъ. Онъ унесъ съ собою саквояжъ и веревку съ узлами, но обратно ихъ не принесъ.

Считаемъ нужнымъ напомнить читателю, что тотъ Гернсей, о которомъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ,—старый Гернсей, который болѣе уже не существуетъ и который въ наше время можно бы найти только въ захолустныхъ деревняхъ; тамъ онъ еще живетъ, но въ городахъ онъ уже умеръ. То, что мы говоримъ о Гернсеѣ, относится къ Джерсею. Теперь Сенъ-Гелье—тотъ же Дьеппъ, а Сенъ-Пьеръ-Порь—тотъ же Лоріанъ. Благодаря прогрессу, благодаря духу предпріимчивости, которымъ отличается этотъ энергичный островной народецъ, въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ произошли разительныя перемѣны. Тамъ, гдѣ была тьма, нынѣ разлитъ яркій свѣтъ. Но это мимоходомъ.

Въ ту эпоху, которая, по отношенію къ настоящей, можетъ считаться исторической, контрабанда процвѣтала въ Ла-Маншскомъ каналѣ. Занимавшіяся ею суда появлялись особенно часто у западнаго берега Гернсея. Есть такіе знатоки прошлаго, которые могутъ разсказать вамъ въ мельчайшихъ подробностяхъ все, что происходило полвѣка тому назадъ, и назвать вамъ по именамъ всѣ суда, преимущественно изъ Астуріи и Гвипускоа, занимавшіяся контрабандой. Несомнѣнно то, что не проходило недѣли безъ того, чтобы то или другое изъ этихъ судовъ не заходило въ Сэнтскую или Плэнмонскую бухту. Это происходило даже съ поразительною

правильностью. Одинъ изъ прибрежныхъ гротовъ на островѣ Серкѣ назывался и до сихъ поръ еще называется «Лавкой», потому что здѣсь контрабандисты распродавали свой товаръ. При этой торговлѣ употреблялся въ Ла-Маншѣ особый жаргонъ, нынѣ забытый, состоявшій изъ смѣси исковерканныхъ испанскихъ словъ со словами совершенно неизвѣстнаго происхожденія.

На многихъ пунктахъ англійскаго и французскаго побережья контрабанда находилась въ тайныхъ, но въ дружескихъ сношеніяхъ съ открытой, патентованной торговлей. Она проникала даже и къ мѣстнымъ тузамъ, правда, по черному ходу, и разливалась, хотя и подземными каналами, по всей артеріальной системѣ мѣстнаго промышленнаго и торговаго организма. Глядишь спереди—какъ будто честный негоціантъ; посмотришь сзади—контрабандистъ. Этимъ путемъ составились многія состоянія. Сегэнъ называлъ Бургена контрабандистомъ; Бургенъ называлъ контрабандистомъ Сегэна. Мы, впрочемъ, не ручаемся за вѣрность ихъ словъ; быть-можетъ, они взаимно клеветали другъ на друга. Какъ бы то ни было, но контрабанда, преслѣдуемая закономъ, безъ всякаго сомнѣнія, пустила глубокіе корни среди мѣстнаго торговаго міра. Ея не чуждались даже люди, считавшіеся вполнѣ порядочными. Этотъ гротъ, въ которомъ когда-то Мандренъ встрѣчался съ графомъ Шаролэ, былъ, повидимому, совершенно безобиденъ, но въ немъ, тѣмъ не менѣе, совершались крайне темныя дѣлишки.

Всѣ это знали, но всѣ же смотрѣли на это сквозь пальцы. Подобнаго рода дѣла требуютъ строгой деликатности. Контрабандистъ зналъ многое, но умѣлъ молчать; скрытность и молчаливость—таковъ былъ его законъ. У него была своего рода честность, а «не болтать», это было основное правило честности контрабандиста. Контрабанда требуетъ такой же тайны, какъ и исповѣдальня, и тайна эта строго соблюдалась. Контрабандистъ клялся обо всемъ умалчивать и умѣлъ держать слово. Ни на кого нельзя было болѣе положиться, чѣмъ на контрабандиста. Ойярзунскій алькадъ заарестовалъ однажды какого-то контрабандиста изъ Портъ-Сека и подвергъ его пыткѣ, для того, чтобы заставить его назвать лицо, снабжающее его деньгами на его предпріятія. Но тотъ и подъ пыткой не назвалъ этого лица; а между тѣмъ, оказалось, что лицо это было самъ алькадъ. Изъ этихъ двухъ сообщниковъ, судьи и контрабандиста, одинъ долженъ былъ, для того, чтобы на глазахъ у всѣхъ исполнить законъ, подвергнуть другого пыткѣ, которую тотъ геройски вынесъ, чтобы не нарушить своей клятвы.

Два самыхъ извѣстныхъ контрабандиста, посѣщавшихъ въ то время Плэнмонъ, были Бласко и Бласкито. Они были тезки, а среди испанскихъ католиковъ считается какъ бы родствомъ имѣть одного и того же заступника въ раю, что, пожалуй, съ извѣстной точки зрѣнія, значитъ не менѣе, чѣмъ имѣть одного и того же родителя на землѣ.

Зная маршрутъ контрабанды, не трудно было войти въ сношенія съ контрабандистами. Для этого достаточно было не имѣть предразсудковъ, не быть трусливымъ, отправиться ночью въ Плэнмонъ и смѣло сорвать завѣсу тайны, скрывавшейся тамъ.

IV.

Плэнмонъ.

Плэнмонъ, близъ Тортеваля, составлялъ вершину одного изъ трехъ угловъ Гернсея. Здѣсь, на самой оконечности мыса, возвышается довольно высокій, покрытый травою, мысъ, господствующій надъ моремъ. Вершина эта пустынна. На ней виднѣется только одинъ домъ, о которомъ говорятъ, что въ немъ «нечисто». Вѣрно это или нѣтъ, но только домъ этотъ имѣетъ довольно странный видъ.

Сложенъ онъ изъ гранита, въ одинъ этажъ, среди густой травы. Онъ не похожъ на развалину, а, напротивъ, кажется вполнѣ обитаемымъ. Стѣны его достаточно толсты, а крыша достаточно прочна; изъ стѣнъ не выпало ни одного камня, съ крыши не свалилось ни единой черепицы. Надъ крышей возвышается кирпичная дымовая труба. Домъ этотъ обращенъ заднимъ фасадомъ къ морю и съ этой стороны не имѣетъ ни дверей ни оконъ. Впрочемъ, если внимательно разсмотрѣть фасадъ съ этой стороны, то можно различить задѣланное окно. На обоихъ щипцахъ тоже можно различить три круглыхъ окошка—одно обращено на востокъ и два на западъ, которыя также задѣланы. Въ фасадѣ, противоположномъ морю, видны окна и дверь, но дверь также заложена камнями, равно какъ и два окна въ нижнемъ этажѣ. Напротивъ, оба окна верхняго этажа открыты, но—странное дѣло!—заложенныя камнями окна производятъ менѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ открытыя, такъ какъ послѣднія кажутся черными даже среди бѣлаго дня. Въ нихъ нѣтъ не только стеколъ, но даже и рамъ, и они зіяютъ двумя большими, черными отверстіями, точно пустыя глазныя впадины скелета. Домъ этотъ совершенно пустъ, какъ то можно видѣть сквозь открытыя окна. Ни карнизовъ ни обоевъ—одинъ только голый камень. Точно гробница съ окнами, позволяющими привидѣніямъ выглядывать наружу. Дожди размываютъ фундаментъ со стороны дома, обращенной къ морю. Нѣсколько кустовъ крапивы, колеблемыхъ вѣтромъ, качаются изъ стороны въ сторону у подножія стѣны. Кругомъ ни малѣйшаго признака человѣческаго жилья. Въ домѣ царятъ пустота и молчаніе. Но если остановиться возлѣ него и прислушаться, то по временамъ слышится точно хлопанье крыльевъ. Надъ перекладиной двери, заложенной камнями, высѣчены на одномъ изъ камней буквы: «ELM—PBILG», и цифра: 1780. Въ лунныя ночи внутренность дома освѣщается какимъ-то страннымъ свѣтомъ.

Домъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ моремъ. Положеніе его красиво, но какъ-то мрачно. Красота мѣстности становится загадочной. Почему ни одно человѣческое существо не живетъ въ этомъ домѣ? Мѣстность красива, домъ проченъ. Почему же онъ заброшенъ? Окружающая его почва удобна для воздѣлыванія. Почему же она не воздѣлывается? Почему въ домѣ нѣтъ хозяина? Почему двери его задѣланы наглухо? Что такое здѣсь творится особеннаго? Почему человѣкъ бѣжитъ отъ него? Если же здѣсь

нѣтъ ничего особеннаго, сверхъестественнаго, то почему здѣсь не видно ни души? Есть ли здѣсь живое существо? Невольно на умъ приходятъ шквалъ, вѣтеръ, хищныя птицы, дикіе звѣри, какія-то невѣдомыя существа, и соединяются съ представленіемъ объ этомъ домѣ. Какіе прохожіе здѣсь останавливаются? Неужели домъ этотъ существуетъ только для дождя и града, проникающихъ въ него черезъ выбитыя окна? Бури и дожди оставили свои слѣды даже на внутреннихъ стѣнахъ. Эти комнаты посѣщалъ ураганъ. Совершено ли здѣсь преступленіе? Кажется, будто темной ночью этотъ заброшенный домъ призывалъ на помощь. Или это галлюцинаціи слуха? Или дѣйствительно изъ него раздаются голоса? И съ кѣмъ онъ сносится въ этомъ уединеніи? Словомъ, здѣсь все мракъ и тайна. Въ немъ жутко даже днемъ; что же должно здѣсь быть ночью? Глядя на него, видишь передъ собою тайну. Невольно спрашиваешь себя,—вѣдь и у мечты есть своя логика и у возможнаго есть своя наклонная плоскость:—что такое творится въ этомъ домѣ между вечерними и утренними сумерками? Встрѣчаетъ ли громадная разбросанность сверхъестественныхъ силъ на этой уединенной вершинѣ какой-нибудь узелъ, который заставляетъ ее сдѣлаться видимой и спуститься на землю? Или эти силы кружатся здѣсь вихремъ? Или неосязаемое сгущается здѣсь настолько, что принимаетъ опредѣленные образы? Все это—загадки. Вѣрно только то, что въ этихъ камняхъ кроется какой-то священный ужасъ. Тьма, которая царитъ въ этихъ пустынныхъ покояхъ, болѣе чѣмъ тьма: это неизвѣстность. Послѣ солнечнаго заката рыбачьи лодки возвратятся къ берегу, птицы замолкнутъ, козій пастухъ спустится съ своими козами съ утеса, изъ расщелинъ камней выползутъ успокоенныя всеобщей тишиной пресмыкающіяся, на небѣ зажгутся звѣзды, задуетъ ночной вѣтеръ, установится непроницаемая тьма, а эти два окна попрежнему будутъ разѣвать свои черныя пасти. Это подаетъ поводъ къ различнымъ предположеніямъ; а народные предразсудки, нелѣпые, но все же основанные на чемъ-нибудь реальномъ, соединяютъ мрачный видъ этого дома съ разными привидѣніями, призраками, сверхъестественными существами, чудовищами, съ появленіемъ душъ грѣшниковъ, съ обитателями ада и пр. Въ этомъ домѣ нечисто—этимъ все сказано.

Умы суевѣрные толкуютъ вещи по-своему и умы положительные тоже. Нѣтъ ничего проще этого дома, разсуждаютъ послѣдніе. Это не что иное, какъ обсерваціонный пунктъ, устроенный во время войнъ эпохи революціи и имперіи, а также въ виду развитія контрабанды. Домъ этотъ былъ построенъ именно съ этой цѣлью, а по окончаніи войнъ этотъ наблюдательный постъ былъ покинутъ. Самый же домъ не былъ старъ, потому что при случаѣ онъ можетъ еще пригодиться. Дверь и окна нижняго этажа заложены камнями для того, чтобы нельзя было войти въ домъ и производить тамъ нечистоту. Окна же трехъ фасадовъ, выходящихъ въ море, заложены въ виду сильныхъ южныхъ и западныхъ вѣтровъ—вотъ и все.

Но люди суевѣрные не сдаются такъ легко и стоятъ на своемъ. Во-первыхъ, говорятъ они, домъ этотъ построенъ не въ эпоху революціи—на одномъ изъ его камней высѣчено «1780 годъ», слѣдовательно, онъ выстроенъ гораздо раньше революціи. Затѣмъ назначеніемъ его никакъ не могло быть то, чтобы служить сторожевымъ постомъ. На одномъ изъ его камней высѣчены буквы: ELM—PBJLG, составляющія, очевидно, двойную монограмму двухъ фамилій и указывающія, согласно старинному обычаю, на то, что домъ этотъ былъ построенъ для какой-нибудь молодой четы, только что соединившейся брачными узами. Значитъ, онъ былъ обитаемъ. Почему же онъ теперь необитаемъ? Если замуровали окна и двери для того, чтобы никто не могъ войти въ него, то для чего же въ такомъ случаѣ оставили открытыми два окна? Въ такомъ случаѣ слѣдовало заложить камнями все или ничего. И почему у оконъ нѣтъ ни ставней, ни рамъ, ни стеколъ? Почему окна заложены камнями съ одной стороны, а не заложены съ другой? Почему дождю не позволяютъ проникать въ домъ съ юга, а позволяютъ проникать въ него съ сѣвера? Очевидно, что люди суевѣрные неправы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы были правы люди положительные. Загадка продолжаетъ оставаться загадкой. Вѣрно только то, что домъ этотъ оказывался скорѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ, для контрабандистовъ.

Извѣстно, что страхъ измѣняетъ размѣры предметовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, многія изъ явленій, приписываемыхъ вліянію нечистой силы на этотъ домъ, могли бы быть объяснены очень просто, напримѣръ, кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ людей, посѣщающихъ островъ съ недобрыми намѣреніями и продѣлывающихъ нарочно разныя штуки для того, чтобы навести страхъ на населеніе и тѣмъ обезпечить себѣ въ этомъ домѣ безопасное убѣжище. Они скрывались здѣсь, чтобы творить зло, и показывались, чтобы пугать. Въ ту отдаленную эпоху было возможно многое, что немыслимо теперь. Полиція, въ особенности въ мѣстахъ захолустныхъ, была тогда далеко не то, что она теперь.

Нужно замѣтить, что если этотъ домъ, какъ увѣряли, служилъ сборнымъ пунктомъ для контрабандистовъ, то имъ было здѣсь какъ нельзя болѣе привольно именно потому, что домъ пользовался дурною славой. Вѣдь никому же не придетъ въ голову жаловаться полиціи и таможенной стражѣ на привидѣнія! Люди суевѣрные крестятся, а не составляютъ протоколовъ. Если они что-либо увидятъ или имъ что-либо померещится, они поспѣшно убѣгаютъ и молчатъ. Между тѣми, кто внушаетъ страхъ, и тѣмъ, кто обуреваемъ страхомъ, существуетъ невольная, молчаливая, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительная соумышленность. Люди пугливые, внутренно стыдясь своего страха, раздуваютъ значеніе того, что напугало ихъ, они боятся разсердить своею нескромностью привидѣнія, и потому умалчиваютъ о томъ, что для нихъ самихъ представляется тайной. И даже, помимо этого соображенія, люди легковѣрные молчатъ инстинктивно. Нѣмота—обыкновенный спутникъ

испуга. Люди перепуганные вообще говорятъ мало; кажется, будто страхъ говоритъ имъ: «Тссс...»

Не слѣдуетъ забывать притомъ, что все это относится къ эпохѣ, когда гернсейскій крестьянинъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что въ ночь на Рождество Виѳлеемская мистерія повторяется ежегодно, и ни за что не вошелъ бы въ эту ночь на скотный дворъ, изъ опасенія найти тамъ быковъ колѣнопреклоненными.

Если вѣрить мѣстнымъ легендамъ и разсказамъ старожиловъ, суевѣріе въ прежнія времена доходило до того, что на стѣны этого Плэнмонскаго дома, на гвоздяхъ, слѣды которыхъ замѣтны коегдѣ и до сихъ поръ, вѣшали крысъ съ отрубленными лапами, летучихъ мышей съ оторванными крыльями, остовы разныхъ околѣвшихъ животныхъ, жабъ, раздавленныхъ между листми Библіи, стебли желтаго лупинуса и разныя другія, не менѣе страшныя приношенія по обѣту, повѣшенныя здѣсь суевѣрными прохожими, которымъ ночью что-то померещилось въ этомъ домѣ и которые надѣялись, съ помощью этихъ подарковъ, умилостивить злыхъ духовъ, вѣдьмъ и нетопырей. Суевѣрные люди встрѣчались во всѣ времена, и даже среди такъ называемыхъ великихъ людей. Цезарь заставлялъ гадать себѣ Сагана, а Наполеонъ I—г-жу Ленорманъ. У иныхъ совѣсть до того неспокойна, что они рады были бы получить индульгенцію даже отъ дьявола: «Да сдѣлаетъ то Богъ, и да не раздѣлаетъ того сатана», молился обыкновенно Карлъ V. Другіе заходятъ еще дальше и больше стараются о томъ, чтобы не погрѣшить противъ дьявола, чѣмъ противъ Бога; поэтому они умаливаютъ злого демона чуть ли не усерднѣе, чѣмъ всеблагого Господа Бога. Это своего рода ханжество. Нѣкоторые люди съ больнымъ воображеніемъ твердо увѣрены въ томъ, что можно грѣшить противъ дьявола. Мысль о томъ, что нарушилъ законы преисподней, мучитъ этихъ странныхъ казуистовъ невѣжества,—могутъ вѣдь существовать угрызенія совѣсти и со стороны тьмы! Вѣрить въ дѣйствительность разныхъ чаръ, получать заповѣди не съ Синая, а съ Брокена, воображать себѣ, что согрѣшилъ противъ ада, прибѣгать въ виду совершенія химерическихъ прегрѣшеній къ химерическому покаянію, каяться передъ духомъ лжи, являться съ своимъ «mea culpa» передъ отцомъ зла, исповѣдываться въ обратномъ смыслѣ—все это существуетъ или, по крайней мѣрѣ, существовало, какъ это видно изъ многочисленныхъ документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ. Людскія заблужденія доходятъ до этого. Когда человѣкъ начинаетъ заблуждаться, ему нѣтъ удержу. Онъ придумываетъ самъ на себя разныя воображаемыя прегрѣшенія, мечтаетъ о разныхъ мнимыхъ очищеніяхъ себя отъ нихъ и готовъ прибѣгнуть для очищенія своей совѣсти къ помеламъ вѣдьмъ.

Какъ бы то ни было, домъ этотъ пользовался дурной славой. За немногими исключеніями и случайностями, никто не заглядывалъ въ него, и онъ оставался заброшеннымъ. Да и то сказать, кому охота рисковать встрѣтиться съ нечистой силой? Благодаря охранявшей его таинственности, удалявшей отъ него всякаго, кто

могъ бы что-либо подсмотрѣть и затѣмъ донести, во всякія времена было нетрудно пробраться въ этотъ домъ ночью, съ помощью веревочной лѣстницы или даже просто съ помощью обыкновенной приставной лѣстницы. Приготовленныя здѣсь заранѣе, на случай надобности, съѣстные припасы и разные домашніе пожитки могли дать возможность выжидать здѣсь въ полной безопасности удобнаго времени для отплытія моремъ. Преданіе гласило, что лѣтъ сорокъ тому назадъ какой-то бѣглецъ, по однимъ—политическій, по другимъ—просто злостный банкротъ, жилъ довольно долгое время въ Плэнмонскомъ домѣ, пока ему, наконецъ, не удалось перебраться на рыбачьей лодкѣ въ Англію. А изъ Англіи, какъ извѣстно, очень нетрудно пробраться и въ Америку. Судя по тому же преданію, съѣстные припасы, привезенные въ этотъ домъ, могутъ оставаться здѣсь сколько угодно времени, и никто ихъ не тронетъ. Интересы, какъ контрабандистовъ, такъ и сатаны, требуютъ того, чтобы тотъ, кто оставилъ ихъ здѣсь, возвратился сюда.

Съ утеса, на которомъ стоитъ этотъ домъ, виденъ въ юго-западномъ направленіи, приблизительно въ одной милѣ отъ берега, знаменитый рифъ Ле-Гануа. Знаменитъ онъ тѣмъ, что совершилъ все то количество зла, которое только можетъ совершить подводный камень. Это былъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ морскихъ убійцъ. Онъ измѣннически подкарауливалъ суда по ночамъ и не мало способствовалъ расширенію тортевальскаго и рокэнскаго кладбищъ. Въ 1862 году на немъ поставленъ маякъ, и такимъ образомъ нынѣ этотъ рифъ освѣщаетъ путь мореплавателю, между тѣмъ какъ прежде онъ пріуготовлялъ ему вѣчную тьму. На западнѣ водруженъ факелъ. Теперь моряки ищутъ на горизонтѣ, какъ защитника и путеводителя, этотъ камень, котораго еще недавно они избѣгали, какъ злоумышленника. Теперь Ле-Гануа дѣлаетъ безопасною ту самую морскую пучину вокругъ себя, которую онъ же дѣлалъ прежде столь опасной. Это все равно, какъ будто разбойникъ вдругъ превратился бы въ жандарма.

Рифъ этотъ состоитъ собственно изъ трехъ утесовъ: Большого Гануа, Малаго Гануа и Мовъ. Маякъ поставленъ на Маломъ Гануа. Онъ принадлежитъ къ группѣ камней частью подводныхъ, частью возвышающихся надъ уровнемъ моря, и господствуетъ надъ всѣми остальными. У него, какъ у хорошо построенной крѣпости, есть свои передовые верки: со стороны открытаго моря цѣпь, состоящая изъ тринадцати меньшихъ скалъ; къ сѣверу два буруна, Готъ-Фуркійскій и Эгильонскій и песчаная мель Геруэ; къ югу три скалы, Дырявая, Кошачья и Грепенская, двѣ наносныя отмели—Южная и Чаечная, и, наконецъ, передъ Плэнмономъ, въ уровень съ морскою поверхностью, гряда камней, извѣстная подъ именемъПуа-д'Аваль.

Для хорошаго пловца переплыть проливъ между Гануа и Плэнмономъ трудно, но не невозможно. Мы уже говорили выше, что Клюбенъ дѣлалъ это не разъ. Пловецъ, хорошо знакомый съ профилемъ морского дна въ этомъ проливѣ, встрѣтитъ два мѣста, на которыхъ онъ можетъ отдохнуть: Круглый камень и, немного дальше, забирая нѣсколько влѣво,—Красный камень.

V.

Разорители гнѣздъ.

Приблизительно въ ту же субботу, которую Клюбенъ провелъ въ Тортевалѣ, случился странный фактъ, о которомъ вначалѣ почти ничего не знали въ околоткѣ. Онъ сталъ извѣстенъ лишь гораздо позже, ибо, какъ мы говорили немного выше, многія вещи остаются неизвѣстными именно благодаря тому ужасу, который они внушаютъ людямъ, сдѣлавшимся случайными очевидцами ихъ.

Въ ночь съ субботы на воскресенье, — мы точно указываемъ время и, кажется, мы при этомъ не ошибаемся,—трое дѣтей взобрались на Плэнмонскій утесъ. Дѣти эти возвращались съ морского берега въ селеніе. Это были такъ называемые разорители гнѣздъ. Всюду, гдѣ встрѣчаются береговыя скалы и отверстія, промытыя прибоемъ волнъ въ этихъ скалахъ, встрѣчается также не мало дѣтей разорителей гнѣздъ. Мы объ этомъ уже упоминали выше. Читатель помнитъ, что это была одна изъ заботъ Жилліата, какъ въ видахъ спокойствія птицъ, такъ и въ видахъ безопасности дѣтей. Этихъ разорителей гнѣздъ можно было бы назвать «уличными мальчишками океана»; они вообще не знаютъ робости.

Ночь была очень темна и небо было покрыто густыми тучами. На Тортевальской колокольнѣ только что пробило три часа. (Замѣтимъ кстати, что эта остроконечная колокольня очень похожа на шапку волхва.) Но почему же эти дѣти возвращались такъ поздно? Очень просто: они отправились за гнѣздами чаекъ на Пуа-д'Авальскую гряду. Такъ какъ весна была очень теплая, то чайки начали нестись очень рано. Дѣти, засмотрѣвшись на возню самцовъ и самокъ вокругъ ихъ гнѣздъ, увлеклись этимъ интереснымъ зрѣлищемъ и совершенно забыли, что пора возвращаться. Между тѣмъ наступило время прилива, и вода окружила ихъ со всѣхъ сторонъ. Они не успѣли добраться во-время до небольшой бухточки, въ которой они причалили свою лодку, и имъ пришлось дожидаться на скалѣ, пока начнется отливъ, и такимъ образомъ имъ пришлось возвращаться ночью. При такихъ запоздалыхъ возвращеніяхъ домой матери ждутъ своихъ дѣтей съ лихорадочнымъ безпокойствомъ, которое, послѣ благополучнаго возвращенія, переходитъ въ гнѣвъ, а обильно проливаемыя слезы замѣняются тумаками. Поэтому не удивительно, что дѣти, въ предвидѣніи этихъ тумаковъ, ощущали не малую тревогу въ своихъ сердчишкахъ. Они торопились, но тою торопливостью, которая охотно замедлила бы каждый шагъ, и съ тайнымъ желаніемъ никогда не дойти до дому. Передъ ними открывалась перспектива поцѣлуевъ, перемежающихся съ оплеухами.

Только одному изъ этихъ дѣтей нечего было бояться, такъ какъ онъ былъ круглый сирота. Это былъ маленькій французикъ, у котораго не было ни отца ни матери, и въ настоящую минуту онъ былъ чрезвычайно радъ этому обстоятельству. Никто о немъ не заботился, и, слѣдовательно, онъ могъ быть увѣренъ въ томъ, что

его никто не побьетъ. Остальные двое были гернсейцы, изъ самаго Тортевальскаго прихода.

Взобравшись на высокій гребень утеса, трое маленькихъ разорителей гнѣздъ очутились возлѣ вышеописаннаго дома, въ которомъ было нечисто. Они начали трусить, что составляетъ непремѣнную обязанность всякаго прохожаго и въ особенности всякаго ребенка, очутившагося въ этотъ часъ на этомъ мѣстѣ. Имъ одновременно хотѣлось и пуститься бѣжать со всѣхъ ногъ и остановиться здѣсь, чтобы посмотрѣть. Послѣднее ощущеніе взяло верхъ: они остановились и стали смотрѣть на домъ. Онъ былъ черенъ и страшенъ. Онъ являлся, среди пустынной возвышенности, какою-то темной массой, какимъ-то симметрическимъ, но безобразнымъ наростомъ, какою-то высокой, четырехугольной массой, чѣмъ-то похожимъ на алтарь тьмы.

Первымъ побужденіемъ дѣтей было бѣжать; вторымъ—приблизиться къ этой массѣ. Имъ до сихъ поръ никогда не доводилось видѣть этотъ домъ въ такой ночной часъ. Жажда страха—такое ощущеніе существуетъ! Къ тому же, между ними былъ маленькій французикъ, и они приблизились къ дому. Вѣдь извѣстно, что французы ни во что не вѣрятъ. Къ тому же на міру и смерть красна. Страхъ, испытываемый втроемъ, уже не страхъ, а полустрахъ. И, вдабавокъ,—не даромъ же они были дѣти, не даромъ же они были охотники! Имъ втроемъ не было и тридцати лѣтъ. Ихъ разбирало любопытство, ихъ подмывало проникнуть въ тайну. Неужели же имъ останавливаться на полдорогѣ, разъ они очутились возлѣ этого дома? почему бы имъ не заглянуть внутрь его? Охота обладаетъ свойствомъ увлекать человѣка; того, кто отправляется на поиски, что-то тянетъ все дальше и дальше. Заглядывали же они цѣлый день въ птичьи гнѣзда; отчего бы имъ не заглянуть ночью въ гнѣздо привидѣній? Рылись же они цѣлый день въ скалѣ; отчего бы имъ не порыться ночью и въ аду? Развѣ демоны не та же дичь? Днемъ охота за воробьями, ночью охота за домовыми. По крайней мѣрѣ, они узнаютъ, насколько правды во всѣхъ тѣхъ ужасахъ, о которыхъ столько натолковали имъ ихъ родители. Попавъ на слѣдъ дѣтскихъ побасенокъ, нельзя не скользить. Знать то, что вѣдомо старухамъ, очень завлекательно.

Весь этотъ хаосъ идей, смутныхъ и инстинктивныхъ, наполнилъ головки этихъ разорителей птичьихъ гнѣздъ и, въ концѣ-концовъ, вдохнулъ въ нихъ смѣлость. Они рѣшительно направились къ дому.

Нужно замѣтить, что ихъ маленькій вожакъ, французикъ, былъ вполнѣ достоинъ выпавшей на его долю роли. Это былъ смѣлый мальчикъ, состоявшій въ ученіи у конопатчика, обладавшій рѣшительностью взрослаго человѣка и спавшій на соломѣ въ одномъ изъ сараевъ верфи. Онъ самъ уже добывалъ себѣ кусокъ хлѣба, отличался рѣзкимъ голосомъ, шутя влѣзалъ на стѣны и на деревья, относился безъ всякихъ предразсудковъ къ яблонямъ, мимо которыхъ ему случалось проходить и уже работалъ при починкѣ военныхъ судовъ. Дитя случая, дитя удачи, это былъ веселый си.

рота, родившійся во Франціи, но неизвѣстно въ какомъ городѣ или селеніи,—два условія для того, чтобы быть смѣлымъ,—готовый отдать нищему послѣднюю свою копейку, если она случайно завелась въ его карманѣ, очень злой и очень добрый въ одно и то же время, бѣлокурый съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, видѣвшій парижанъ и говорившій съ ними. Въ настоящее время онъ зарабатывалъ по шиллингу въ день, занимаясь конопаченіемъ рыбачьихъ лодокъ, доставляемыхъ для починки въ Пекери. Когда ему надоѣдало работать, онъ самъ себѣ давалъ отпускъ и отправлялся разорять птичьи гнѣзда. Таковъ былъ этотъ маленькій французикъ.

Мѣсто это, какъ уже сказано, было пустынно и мрачно. Казалось, будто никто не могъ безнаказанно пробраться сюда. Все кругомъ было угрюмо. Этотъ уединенный и лишенный растительности холмъ оканчивался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома крутымъ обрывомъ. Море у подошвы его молчало. Вѣтра не было и даже рѣдкія былинки травы не колебались.

Маленькіе разорители гнѣздъ приближались медленными шагами, не спуская глазъ съ дома; впереди шелъ французикъ. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, разсказывая объ этомъ случаѣ то немногое, что осталось въ его памяти, прибавлялъ: «А домъ ничего не говорилъ».

Итакъ, они, задерживая дыханіе, приближались къ дому, точно къ дикому звѣрю. Они вскарабкались на бугорокъ позади дома, отъ котораго шла въ море коса изъ утесовъ, по которымъ съ трудомъ можно было пробраться; уже были очень недалеко отъ своей цѣли. Но оттуда, гдѣ они были, они могли видѣть только южный фасадъ дома, въ которомъ, какъ мы уже сказали выше, не было ни дверей ни оконъ. Они не рѣшались взять влѣво, что открыло бы передъ ними другой фасадъ, въ которомъ пробиты были окна: это было уже слишкомъ страшно.

Но мало-по-малу первое ощущеніе страха прошло у нихъ. Маленькій конопатчикъ шепнулъ имъ: «Лѣво руля. Нужно заглянуть въ оба черныя окна. Тамъ-то должно быть интересно». И они положили руль налѣво и очутились на другой сторонѣ дома. Оказалось, что оба черныя окна были освѣщены. Мальчики пустились бѣжать прочь.

Когда они отбѣжали на довольно значительное разстояніе, маленькій французикъ обернулся и воскликнулъ: «Глядите-ка, уже нѣтъ огня!» Дѣйствительно, въ обоихъ окнахъ уже не видно было свѣта, и на бѣлесоватомъ горизонтѣ вырисовывался черный силуэтъ дома. Страхъ у дѣтей не совсѣмъ прошелъ, но любопытство возвратилось. Они снова стали потихоньку подкрадываться къ дому. Вдругъ оба окна опять озарились свѣтомъ. Оба тортевальскіе мальчика снова дали стрекача; но маленькій французикъ, хотя и не приближался къ дому, но и не бѣжалъ. Онъ остался стоять на мѣстѣ, не спуская глазъ съ дома.

Свѣтъ снова потухъ и снова заблисталъ. Все это было страшно. Изъ оконъ падали на смоченную росой траву двѣ длинныя

полосы свѣта. По временамъ на внутреннихъ стѣнахъ вырисовывались какіе-то огромные, черные, двигающіеся профили и тѣни гигантскихъ головъ.

Видя, что маленькій конопатчикъ остался и что съ нимъ не приключилось ничего дурного, другіе два мальчика тоже стали возвращаться, гуськомъ, медленными шагами, дрожа отъ страха, но разбираемые любопытствомъ. Французикъ шепнулъ имъ: «Въ этомъ домѣ привидѣнія. Я разглядѣлъ носъ одного изъ нихъ». Тортевальскіе мальчики спрятались за спиной своего храбраго товарища и, за этимъ прикрытіемъ, за этимъ надежнымъ щитомъ, который доженъ былъ предотвратить отъ нихъ опасность, ставъ на цыпочки, стали также выглядывать изъ-за его плеча, чувствуя, что его спина отдѣляетъ ихъ отъ страшныхъ привидѣній.

Домъ, съ своей стороны, также, казалось, смотрѣлъ на нихъ, среди окружающей ихъ тьмы, своими двумя большими, красными зрачками, т.-е. освѣщенными окнами. Свѣтъ исчезалъ, появлялся, снова исчезалъ, точно глаза эти мигали вѣками. Въ этомъ аду, очевидно, что-то двигалось, копошилось, точно кто-то разгуливалъ въ немъ съ потайнымъ фонаремъ.

Вдругъ какая-то темная фигура, имѣвшая человѣческій образъ, появилась у одного изъ оконъ, какъ бы вынырнувъ изъ окружающей тьмы, и затѣмъ исчезла внутри дома. Кто-то какъ будто влѣзъ въ него. Извѣстно, что воры имѣютъ обыкновеніе входить въ жилища не черезъ двери, а черезъ окна. Свѣтъ на минуту заблисталъ болѣе яркимъ блескомъ, затѣмъ потухъ и болѣе уже не появлялся. Домъ снова сдѣлался совершенно черенъ. Затѣмъ изъ него стали доноситься какіе-то звуки, похожіе на человѣческіе голоса. Такъ всегда бываетъ: когда видишь, ничего не слышишь; когда слышишь, ничего не видишь.

Молчаливость ночи на морѣ имѣетъ что-то особенное; она здѣсь глубже и, такъ сказать, гуще, чѣмъ гдѣ-либо. Когда не плещутъ волны и не гудитъ вѣтеръ, то въ той безпредѣльной шири, гдѣ въ другое время нельзя было бы разслышать шума крыльевъ летящаго орла, слышенъ полетъ мухи. Это могильное молчаніе какъ-то особенно отчетливо оттѣняло звуки, выходившіе изъ дома.

— Посмотримъ, что тамъ такое дѣлается,—сказалъ французикъ и сдѣлалъ шагъ по направленію къ дому. Остальнымъ двумъ было такъ страшно, что они рѣшились послѣдовать за нимъ, такъ какъ они не осмѣливались уже убѣжать прочь одни.

Пройдя мимо большой вязанки хворосту, которая, неизвѣстно почему, подѣйствовала на нихъ успокоительнымъ образомъ среди этой пустыни, они спугнули шагами своими ночную сову, притаившуюся въ одномъ изъ кустовъ. Вѣтки зашелестѣли. Совы, какъ извѣстно, летаютъ не прямо, а какъ-то наискось. Птица пролетѣла почти надъ самыми головами мальчиковъ, скосивъ на нихъ свои круглые, свѣтящіеся въ темнотѣ глаза. Гернсейскіе мальчики вздрогнули, но французикъ крикнулъ вслѣдъ совѣ:

— Опоздала, голубушка! Теперь уже не напугаешь меня. Я хочу видѣть и увижу.

И онъ пошелъ впередъ. Хрустѣніе камыша подъ толстыми, обитыми гвоздями, подошвами его башмаковъ не мѣшало ему слышать звуки, доносившіеся изъ домика, то болѣе громкіе, то болѣе тихіе, какъ то обыкновенно бываетъ во время разговора двухъ или нѣсколькихъ людей. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ проговорилъ вполголоса:

— А вѣдь одни только дураки вѣрятъ въ привидѣнія.

Смѣлость хотя бы одного въ минуту опасности вліяетъ на остальныхъ и толкаетъ ихъ впередъ. Оба тортевальскіе мальчики снова двинулись впередъ, стараясь не отставать отъ маленькаго конопатчика. Имъ казалось, будто домъ съ привидѣніями принимаетъ все болѣе и болѣе громадные размѣры. Въ этомъ оптическомъ обманѣ, являвшемся результатомъ страха, была, впрочемъ, и доля дѣйствительности: домъ на самомъ дѣлѣ росъ на ихъ глазахъ, потому что они приближались къ нему.

Тѣмъ временемъ голоса доносились изъ домика все съ большею и большею отчетливостью. Дѣти прислушивались. Слухъ точно такъ же способенъ къ преувеличеніямъ, какъ и зрѣніе. То, что до нихъ доносилось, было больше чѣмъ шептаніе, но меньше чѣмъ гулъ. По временамъ изъ этого глухого гула отчетливо выдѣлялись одно или два слова, произнесенныя болѣе громко. Но слова эти звучали какъ-то странно, и мальчики никакъ не могли ихъ понять. Они останавливались, прислушивались и снова шли впередъ.

— Это привидѣнія болтаютъ между собою на своемъ языкѣ,— проговорилъ шопотомъ маленькій конопатчикъ. Впрочемъ, я не вѣрю въ привидѣнія.

Оба тортевальскіе мальчика не прочь были бы запрятаться за кучу хвороста; но они уже отошли отъ нея на порядочное разстояніе, а пріятель ихъ конопатчикъ все продолжалъ приближаться къ дому. Имъ страшно было оставаться съ нимъ, но не менѣе страшно было и отстать отъ него. Они слѣдовали за нимъ медленными шагами, смущенные. Французикъ обернулся къ нимъ и проговорилъ:

— Вѣдь вы знаете, что это не вѣрно. Ихъ вовсе не существуетъ.

Домъ какъ будто все росъ, а голоса становились все явственнѣе. Они все приближались. По мѣрѣ приближенія можно было разглядѣть свѣтъ, чѣмъ-то прикрытый, падавшій, очевидно, отъ потайного фонаря. Подойдя къ самому дому, они остановились.

— Это не привидѣнія, — рискнулъ высказать предположеніе одинъ изъ тортевальскихъ мальчиковъ,—это вѣдьмы.

— А что это такое виситъ тамъ изъ окна?—спросилъ другой.— Веревка, что ли?

— Нѣтъ, не веревка, а змѣя.

— Неправда, это веревка отъ висѣльника, — рѣшилъ французикъ авторитетнымъ тономъ. — Они увѣрены, что она приноситъ имъ счастье. Но я не вѣрю въ эти глупости.

И тремя скачками, скорѣе чѣмъ тремя шагами, онъ очутился возлѣ самаго дома. Въ этой смѣлости было что-то лихорадочное.

Остальные двое, хотя и дрожа, но послѣдовали его примѣру и прижались къ нему, одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой. Мальчики приложили ухо къ стѣнѣ. Въ домѣ продолжали говорить. Вотъ что говорили эти привидѣнія на неизвѣстномъ, впрочемъ, мальчикамъ языкѣ, оказавшемся испанскимъ: «Значитъ это рѣшено?— Рѣшено.—Сказано?—Сказано.—Здѣсь будетъ дожидаться человѣкъ, который отправится вмѣстѣ съ Бласкито. — Но заплативъ? — Да, да, заплативъ.—Бласкито возьметъ этого человѣка въ свою лодку.— Не стараясь узнавать, откуда онъ родомъ?—Это не наше дѣло.— И не спрашивая его имени? — Къ чему тутъ имя? Нужно только взвѣсить кошелекъ.—Ладно. Человѣкъ тотъ будетъ дожидаться въ этомъ домѣ. — Да чѣмъ же онъ будетъ питаться? — У него будутъ съѣстные припасы.—Да гдѣ же они?—А вонъ въ этомъ мѣшкѣ.— Ладно.—Могу я оставить этотъ мѣшокъ здѣсь?—Еще бы! Контрабандисты—не воры.—А вы когда думаете уѣзжать?—Завтра утромъ. Если бы человѣкъ этотъ былъ уже здѣсь, онъ могъ бы поѣхать съ нами.—Нѣтъ, онъ еще не готовъ.—Ну, это его дѣло.—А сколько же дней ему придется прождать въ этомъ домѣ?—Да дня два, три, четыре. Смотря по обстоятельствамъ.—Но вѣрно ли, что пріѣдетъ Бласкито?—Совершенно вѣрно.—Сюда, въ Плэнмонъ? — Да, въ Плэнмонъ.—А когда же?—На будущей недѣлѣ. — Но въ какой именно день?—Въ пятницу, субботу, воскресенье. — И онъ не обманетъ? — Онъ мнѣ кумъ. — И онъ пріѣдетъ въ какую бы то ни было погоду?—Во всякую. Онъ не изъ трусливыхъ. Я—Бласко, а онъ—Бласкито.—Значитъ, онъ не можетъ миновать Гернсея?—Не можетъ. Одинъ мѣсяцъ ѣзжу я, другой—онъ.—Понимаю.—Считая съ будущей субботы, не пройдетъ и пяти дней, какъ Бласкито пріѣдетъ.—А если бы море къ тому времени было очень неспокойно? — Тогда пріѣздъ его можетъ замедлиться, но онъ все же пріѣдетъ. — Откуда же онъ ѣдетъ? — Изъ Бильбао. — А куда? — Въ Портлэндъ.—Ладно. — Или же въ Торбей. — И того лучше.—Человѣкъ этотъ можетъ быть спокоенъ. — А Бласкито не измѣнитъ?— Только трусы бываютъ измѣнниками; мы же не трусы. Измѣна живетъ въ аду, а мы живемъ въ морѣ.—А здѣсь никто не можетъ насъ подслушать?—Ни подслушать ни подсмотрѣть. Страхъ гонитъ отъ этого мѣста всякую душу живу.—Я знаю.—Да и кто осмѣлился бы подслушивать насъ? — И то правда. — Наконецъ, если бы даже кто и подслушивалъ, то онъ бы ничего не понялъ. Вѣдь мы говоримъ на такомъ тарабарскомъ языкѣ, котораго никто не знаетъ. А разъ вы его знаете,—значитъ вы изъ нашихъ».

— Итакъ, я прибылъ сюда только для того, чтобъ условиться съ вами.—Отлично.—Теперь я уѣзжаю.—Ладно. — А скажите, что мнѣ дѣлать, если тотъ пассажиръ пожелаетъ, чтобы я отвезъ его не въ Портлэндъ и не въ Торби, а въ другое мѣсто?—Лишь бы у него были деньги. — Значитъ, Бласкито нужно дѣлать то, чего пожелаетъ этотъ человѣкъ? — Онъ сдѣлаетъ то, чего пожелаютъ деньги.—А много ли нужно времени для переѣзда въ Торби?—Это зависитъ отъ направленія и силы вѣтра.—Часовъ восемь?—Бываетъ и меньше, бываетъ и больше. — А Бласкито долженъ слушаться

своего пассажира? — Да, если море будетъ слушаться Бласкито.— И если ему хорошо заплатятъ?—Золото остается золотомъ, вѣтеръ остается вѣтромъ.—Это вѣрно.—Человѣкъ дѣлаетъ съ золотомъ то, что можетъ, Богъ дѣлаетъ съ вѣтромъ то, что хочетъ.—Человѣкъ, котораго долженъ перевезти Бласкито, будетъ здѣсь въ пятницу.— Ладно.—А когда пріѣдетъ Бласкито? — Ночью. Онъ и пріѣдетъ и уѣдетъ ночью. Море—жена наша, ночь — наша сестра. Жена еще можетъ иногда измѣнить, сестра же—никогда.—Итакъ все рѣшено. Прощайте, ребята! — До свиданія. А глоточекъ водки на прощаніе?—Спасибо.—Это лучше всякаго сиропа.—Итакъ, вы обѣщаете?— Вотъ вамъ мое честное слово. — Прощайте. — Вы дворянинъ, а я рыцарь.

Прислушивавшіеся къ разговору этому мальчики рѣшили, что такъ могутъ говорить только черти. Они не захотѣли оставаться дольше на этомъ мѣстѣ, и на сей разъ серьезно дали стрекача. Храбрый французикъ, убѣдившись, что дѣло не ладно, бѣжалъ шибче всѣхъ.

Въ слѣдующій вторникъ Клюбенъ, съ своей Дюрандой, снова прибылъ въ Сенъ-Мало. «Тамаулипасъ» все еще стоялъ на рейдѣ. Клюбенъ, въ промежуткѣ между двумя затяжками изъ трубки, спросилъ у хозяина харчевни: «Ну, а когда же уходитъ въ море этотъ «Тамаулипасъ»?

— Послѣзавтра, въ четвергъ,—отвѣтилъ трактирщикъ.

Въ этотъ вечеръ Клюбенъ поужиналъ за столомъ таможенныхъ стражниковъ и, противъ своего обыкновенія, ушелъ тотчасъ же по окончаніи ужина. Послѣдствіемъ этого ранняго ухода было то, что онъ не успѣлъ ни съ кѣмъ поговорить о дѣлѣ, почти лишился на этотъ разъ обратнаго груза. Подобная оплошность со стороны такого аккуратнаго человѣка обратила на себя вниманіе. Онъ поболталъ нѣсколько минутъ съ своимъ пріятелемъ мѣнялой и вернулся назадъ два часа спустя послѣ того, какъ въ городѣ прозвонили сигналъ для тушенія огней. Дѣлается это въ десять часовъ вечера: значитъ была полночь, когда онъ возвратился.

VI.

Жакрессарда.

тъ сорокъ тому назадъ въ Сенъ-Мало былъ переулокъ называвшійся переулкомъ Кутанше. Переулокъ этотъ теперь уже не существуетъ: онъ исчезъ во время работъ по украшенію города.

Состоялъ онъ изъ двойного ряда домиковъ, наклонившихся другъ къ другу, какъ бы для того, чтобы пошептаться. Между ними проходилъ узкій желобокъ, называвшійся улицей. По этому желобку протекалъ ручей, такъ что приходилось ходить по переулку, разставивъ ноги, при чемъ прохожій то и дѣло задѣвалъ локтемъ или плечомъ за домики, стоявшіе направо и налѣво. У этихъ старыхъ, средневѣковыхъ нормандскихъ домиковъ почти человѣческіе профили: старая хибарка очень похожа на старую колдунью. Ихъ выдающіеся нижніе этажи, ихъ уклоны, ихъ полу-

круглые навѣсики, ихъ перекладины изъ желѣзныхъ полосъ напоминаютъ собою, ни дать ни взять, подбородокъ, губы, носъ, брови. Полукруглое окошечко наверху это — глазъ: старухи эти всѣ кривы на одинъ глазъ. Стѣны похожи на щеки, морщинистыя и покрытыя лишаями. Старухи эти почти соприкасаются лбами, какъ бы совѣщаясь о чемъ-то неладномъ. Вся эта старинная архитектура такъ и приводила на мысль слова: «берлога», «вертепъ», «притонъ».

Одинъ изъ домовъ переулка Кутанше, самый большой, самый извѣстный и въ то же время пользовавшійся самой дурной репутаціей, назывался «Жакрессарда».

Жакрессарда—это былъ пріютъ безпріютныхъ. Во всѣхъ городахъ, и въ особенности въ приморскихъ, подъ городскимъ населеніемъ образуется осадокъ. Лица, «не помнящія родства», бродяги по призванію, искатели приключеній самаго сомнительнаго свойства, разные фокусники, «химики» и «изобрѣтатели», люди, носящіе лохмотья и умѣющіе драпироваться въ нихъ, пройдохи, неудавшіяся личности, люди потерпѣвшіе неудачу при взломахъ и вламываніи въ чужія жилища (ибо крупные воры какъ-то всегда умѣютъ оставаться на поверхности), работники и работницы зла, плуты и плутовки, рваныя совѣсти и рваные локти, негодяи, впавшіе въ нищету, злодѣи плохо вознагражденные, побѣжденные въ соціальномъ поединкѣ, голодающіе обжоры, мелюзга въ области преступленій, бродяги и нищіе, — таковъ личный составъ этого пріюта. Здѣсь человѣчество обрѣтается въ животномъ состояніи, здѣсь мусорная яма душъ. Эти отбросы накопляются въ одномъ углу, по которому иногда проходитъ вѣникъ, называемый полицейской облавой. Въ Сенъ-Мало Жакрессарда представлялась именно такимъ угломъ.

Въ этого рода трущобахъ вы не встрѣтите отъявленныхъ преступниковъ, разбойниковъ, головорѣзовъ, — словомъ, крупныхъ продуктовъ нищеты и невѣжества. Если здѣсь и найдется убійца, то развѣ какой-нибудь грубый пьянчуга; воровство встрѣчается здѣсь въ видѣ мазурничества. Это скорѣе плевки общества, чѣмъ его осадокъ. Впрочемъ, такой характеръ этого сброда не слѣдовало бы принимать въ безусловномъ смыслѣ: и среди этихъ заурядныхъ мазуриковъ можно было бы встрѣтить крайности преступленія. Однажды, производя облаву въ одномъ изъ такихъ притоновъ въ Парижѣ, полиція напала случайно на Ласенэра.

Эти пріюты принимаютъ къ себѣ безразлично все падшее; иногда вы встрѣтите здѣсь и честность въ лохмотьяхъ. Нерѣдко бываетъ, что и честность и добродѣтель дѣлаются игрушкой злой судьбы. Не слѣдуетъ вообще ни уважать дворцовъ ни презирать галеръ. И общественный почетъ и всеобщее презрѣніе требуютъ тщательной предварительной очистки. И тутъ и тамъ не рѣдкость наталкиваться на что-либо необычайное. И ангелъ въ домѣ непотребства и жемчужина въ кучѣ навоза—такія находки встрѣчались.

Жакрессарда былъ скорѣе дворъ, чѣмъ домъ, и скорѣе колодецъ, чѣмъ дворъ. На улицу не выходило ни одного изъ его

оконъ: передній фасадъ его составляла высокая стѣна, въ которой была пробита одна только низенькая дверь. Вы поднимали щеколду, толкали калитку и входили на этотъ дворъ. Посреди его вы видѣли круглую дыру, выложенную камнями въ уровень съ землей: то былъ колодецъ. Дворъ былъ малъ, колодецъ великъ. Мостовая съ выбоинами окружала верхнюю закраину колодца. Четырехугольный дворъ этотъ былъ застроенъ съ трехъ сторонъ. Со стороны улицы не было ничего; но прямо противъ входной калитки, направо и налѣво отъ нея, были жилыя помѣщенія.

Если, послѣ наступленія вечера, вы, конечно, не безъ риска для себя, отваживались войти сюда, вы слышали нѣчто въ родѣ смѣшанныхъ дыханій, и если было достаточно луннаго или звѣзднаго свѣта для того, чтобы придать сколько-нибудь опредѣленныя очертанія тому, что было передъ вами, вы въ состояніи были разглядѣть слѣдующее:

Дворъ и посреди его колодецъ. Вокругъ двора, прямо противъ входной калитки, сарай въ формѣ четырехугольной лошадиной подковы, сложенный изъ старыхъ бревенъ, открытый, съ балочнымъ потолкомъ, поддерживаемымъ на неодинаковыхъ разстояніяхъ каменными столбами. Посреди двора, какъ уже сказано выше, колодецъ. Вокругъ него, на подстилкѣ изъ соломы, подошвы, образующія довольно правильный кругъ, подметки стоптанныхъ сапоговъ, ножные пальцы, высовывающіеся изъ продырявленныхъ башмаковъ, голыя пятки, принадлежащія мужскимъ, женскимъ и дѣтскимъ ногамъ. И всѣ эти ноги — спали.

Позади этихъ ногъ, глазъ, проникая сквозь полутьму сарая, различалъ тѣла, людскія формы, прикурнувшія головы, вытянувшіяся тѣла, лохмотья мужскихъ и женскихъ одеждъ, — и все это лежащее среди какого-то навоза. Это была общая спальня, за право ночлега въ которой платилось по два су въ недѣлю. Ноги эти прикасались къ колодцу. Въ ненастныя ночи на эти ноги падалъ дождь; въ зимнія ночи ихъ покрывалъ снѣгъ.

Что это были за существа? То никому не было извѣстно. Они приходили сюда вечеромъ и уходили утромъ. Въ общественномъ строѣ встрѣчаются такія таинственныя маски. Нѣкоторыя изъ нихъ пробирались сюда тайкомъ для того, чтобы переночевать, и не платили. Большая часть ихъ ничего не ѣла въ теченіе цѣлаго дня. Здѣсь сосредоточивались всяческіе пороки, всяческое отверженіе, всяческая зараза, всяческая нищета; и все это спало тѣмъ же сномъ усталости на томъ же ложѣ грязи. Должно-быть, и сны всѣхъ этихъ жалкихъ существъ были приблизительно одинаковы. Должно-быть въ нихъ сливались и копошились тѣ же міазмы усталости, голоданія въ теченіе цѣлаго дня, болѣзней, пьянства, невѣжества, нечистыхъ совѣстей, грязныхъ вожделѣній, тѣ же испитыя, отмѣченныя порокомъ и болѣзнями лица, съ взъерошенными волосами. И всѣ эти отбросы человѣчества гнили и бродили въ той же лохани. Ихъ выбросили сюда судьба, усталость отъ долгаго пути, судно, пришедшее наканунѣ въ портъ, растворившіяся передъ ними двери судьбы, случай, ночь! Судьба каждый день

высыпала сюда все, накопившееся въ ея плетенкѣ. Сюда входилъ всякій желающій, здѣсь спалъ всякій, кто могъ, говорилъ всякій, кто смѣлъ. Это было мѣстомъ шопота. Всѣ спѣшили смѣшаться въ общую кучу, старались забыться во снѣ, если уже нельзя было затеряться въ потемкахъ. Здѣсь брали отъ смерти все, что только было можно. Здѣсь всѣ закрывали глаза въ агоніи, возобновлявшейся съ каждымъ вечеромъ. Откуда они брались сами? Изъ области общественной нищеты, изъ пѣны соціальной волны.

Здѣсь не всякій могъ позволить себѣ даже роскошь соломенной подстилки, и многимъ приходилось валяться на голыхъ камняхъ. Они ложились спать, не чувствуя себя отъ усталости, а просыпались съ затекшими членами. Колодецъ, тридцати футовъ глубины, не имѣлъ ни боковыхъ стѣнокъ ни крышки, вслѣдствіе чего въ него стекали всякія нечистоты и потоки дождевой воды. Рядомъ съ нимъ стояло ведро для черпанія воды; тотъ, кому хотѣлось пить, пилъ изъ этого колодца, а кому надоѣло жить—топился въ немъ. Онъ почти незамѣтно, безъ всякихъ усилій, переходилъ отъ временнаго сна на навозѣ къ вѣчному сну на днѣ колодца. Въ 1819 году изъ этого колодца былъ вытащенъ четырнадцатилѣтній ребенокъ.

Безопасностью въ этомъ домѣ пользовались только «свои люди», на постороннихъ смотрѣли косо. Но развѣ всѣ эти посѣтители были знакомы между собою? Ничуть. Они только понимали другъ друга чутьемъ.

Хозяйка этого помѣщенія была женщина молодая, довольно красивая, на головѣ которой былъ надѣтъ кокетливый чепчикъ съ лентами, иногда даже вымытая колодезной водой, съ деревянной ногой.

Съ разсвѣтомъ дворъ пустѣлъ, временные постояльцы его разлетались во всѣ стороны и на дворѣ оставались только пѣтухъ и курицы, въ теченіе цѣлаго дня рывшіеся въ навозѣ. Черезъ весь дворъ проходило бревно, положенное на столбы, нѣсколько напоминавшее собою висѣлицу,—картину довольно сродную обычнымъ посѣтителямъ Жакрессарды. Часто послѣ дождливыхъ ночей на этомъ бревнѣ можно было видѣть сушившимся мокрое и загрязненное шелковое платье, принадлежавшее женщинѣ съ деревянной ногой.

Надъ сараемъ, подобно ему составляя какъ бы рамку двора, возвышался этажъ жилыхъ помѣщеній, а надъ этимъ этажемъ — чердакъ. Полусгнившая деревянная лѣстница проходила черезъ потолокъ сарая и вела на чердакъ. Женщина съ деревянной ногой то и дѣло со стукомъ поднималась на эту лѣстницу и спускалась съ нея. Случайные посѣтители, посѣщавшіе этотъ домъ на одну ночь или же на одну недѣлю, помѣщались во дворѣ; осѣдлые, такъ сказать, квартиранты жили въ домѣ. Въ послѣднемъ были окна, но не было ни одной рамы: были наличники, но не было дверей; были дымовыя трубы, но не было ни единой печи. Изъ одной комнаты въ другую проходили безразлично или черезъ четырехугольное отверстіе, когда-то служившее дверью, или же черезъ

треугольный просвѣтъ, составляющій промежутокъ между двумя перегородками. Полъ былъ покрытъ обвалившейся штукатуркой Трудно было понять, какъ этотъ домъ могъ еще держаться. Маломальски сильный порывъ вѣтра колебалъ его стѣны; ступеньки лѣстницъ были до того стерты, что на нихъ съ трудомъ можно было поставить ногу. Весь домъ представлялъ собою не что иное, какъ рѣшетку. Зимняя стужа впитывалась въ этотъ домишко, какъ вода въ губку. Обиліе паутины успокаивало относительно неминуемости обвала. Въ домѣ не было никакой мебели, если только не считать мебелью двухъ-трехъ тюфяковъ, валяющихся въ углахъ и изъ отверстій чехловъ которыхъ выглядывало больше золы, чѣмъ соломы. Кое-гдѣ валялись кружка, миска; всюду спертый и тошнотворный воздухъ.

Изъ оконъ открывался видъ во дворъ, но этотъ видъ напоминалъ собою видъ на телѣгу мусорщика. Трудно было бы описать гнившія, ржавѣвшія, покрывавшіяся здѣсь плѣсенью вещи, не считая уже людей. Обломки, свалившіеся со стѣнъ, съ лохмотьями, свалившимися съ людей, составляли одно, хотя и очень негармоничное и некрасивое цѣлое: послѣднія обсѣменяли первые.

Не считая бродячаго населенія, расположеннаго во дворѣ, въ Жакрессардѣ были три постоянныхъ жильца: одинъ угольщикъ, одинъ тряпичникъ и одинъ добыватель золота. Угольщикъ и тряпичникъ занимали два изъ мѣшковъ, набитыхъ соломой, брошенныхъ въ нижнемъ этажѣ. Добыватель золота или химикъ жилъ на чердакѣ, носившемъ вовсе несоотвѣтствующее ему имя свѣтелки. Сама же хозяйка жила неизвѣстно, въ какомъ углу. Добыватель золота былъ отчасти поэтъ. Онъ жилъ подъ черепичной крышей въ комнаткѣ съ узенькимъ оконцемъ и съ большой печью, въ которой постоянно гудѣлъ вѣтеръ. Такъ какъ въ окнѣ не было рамы, то онъ замѣнилъ ее обручемъ и кускомъ толя, найденными имъ въ обломкахъ какого-то корабля. Сквозь этотъ толь проникало въ комнату очень мало свѣта и очень много холода. Угольщикъ платилъ хозяйкѣ за постой отъ времени до времени куль угля, тряпичникъ платилъ ей четверикомъ собраннаго на рынкѣ и около лавокъ зерна въ недѣлю, добыватель золота ничего не платилъ ей, а взамѣнъ того мало-по-малу уничтожалъ домъ: онъ содралъ всѣ плинтусы и всю деревянную обшивку въ своей комнатѣ, и поминутно отрывалъ съ потолка или со стѣны дранку для того, чтобы развести огонь подъ своимъ тиглемъ съ золотомъ. На стѣнѣ, надъ жалкимъ ложемъ тряпичника, выведены были мѣломъ два столбца цифръ, въ одномъ все цифра 3, въ другомъ— цифра 5. Это означало, что коробъ тряпья стоитъ или три полушки или пять сантимовъ. Тигель для добываніе золота «химика» состоялъ изъ старой сломанной бомбы, въ которой онъ старался соединить всѣ составные элементы золота. Онъ весь былъ поглощенъ законами превращенія. Иногда онъ дѣлился своими глубокомысленными наблюденіями и соображеніями съ уличными мальчишками, которые, конечно, смѣялись надъ нимъ, и онъ утѣшалъ себя словами: «Эта босоногая команда преисполнена предразсуд-

ковъ». Онъ твердо рѣшился умереть не раньше, какъ разбивъ окна храма науки философскимъ камнемъ. Однако его печь пожирала много дровъ, и въ ней уже успѣли побывать поручни и перила лѣстницъ. Приходилось опасаться, какъ бы онъ не сжегъ медленнымъ огнемъ весь домъ. Хозяйка иногда говорила ему: «Вы оставите мнѣ только скорлупу». Но онъ старался обезоружить ее, декламируя ей стихи.

Гаковъ былъ домъ, извѣстный подъ именемъ Жакрессарда. Всю прислугу въ немъ составлялъ ребенокъ, а можетъ-быть, и карликъ, лѣтъ двѣнадцати, а можетъ-быть, и шестидесяти, отроду, зобастый, котораго нельзя было никогда видѣть иначе, какъ съ метлой въ рукѣ. Обитатели дома входили въ калитку; публика входила въ него черезъ лавку. Но что такое была лавка?

Въ высокой стѣнѣ, выходившей на улицу, было пробито, направо отъ калитки, подъ прямымъ угломъ, отверстіе, служившее въ одно и то же время и дверью и окномъ, съ ставнемъ и задвижкой, единственнымъ ставнемъ во всемъ домѣ, имѣвшимъ петли и задвижки, единственной рамой, имѣвшей стекла. Позади этого окна-двери, выходившаго на улицу, была небольшая комнатка, отгороженная отъ сарая-дортуара. На двери, выходящей на улицу, были выведены углемъ слова: *Здѣсь имѣются разныя рѣдкости*. На трехъ доскахъ, замѣнявшихъ полки, стояло нѣсколько фаянсовыхъ кувшиновъ безъ ручекъ, китайскій зонтикъ съ нарисованными на немъ уродами, впрочемъ, порванный и незакрывающійся, безобразные желѣзные или каменные черепки, мужскія и женскія шляпы съ пробитымъ дномъ, три или четыре раковины омаровъ, нѣсколько старыхъ костяныхъ или мѣдныхъ пуговицъ, табакерка съ портретомъ Марія-Антуанетты и разрозненный томъ алгебры Буабертрана. Это и былъ «магазинъ рѣдкостей». Изъ лавки задняя дверь вела во дворъ съ колодцемъ. Въ самомъ магазинѣ стояли столъ и табуретъ, а женщина съ деревянной ногой была продавщицей.

VII.

Ночные покупатели и таинственный продавецъ.

Клюбенъ не показывался въ «Ивановской харчевнѣ» въ теченіе цѣлаго вечера во вторникъ; его тамъ не видать было даже и въ среду вечеромъ.

Въ этотъ послѣдній вечеръ, въ сумерки, два человѣка вошли въ переулокъ Кутанше и остановились передъ Жакрессардой. Одинъ изъ нихъ постучался въ окошко. Дверь, ведущая въ лавку, отворилась и они вошли въ магазинъ. Женщина съ деревянной ногой улыбнулась имъ, какъ старымъ знакомымъ. На столѣ горѣла свѣчка. Оба посѣтителя походили на мелкихъ мѣщанъ.

— Здравствуйте, хозяйка,—проговорилъ тотъ, кто стучался.— Я пришелъ за тою вещью.

Женщина вторично имъ улыбнулась и вышла въ дверь, сообщавшуюся съ дворомъ. Минуту спустя дверь эта снова отворилась,

и въ ней показался какой-то человѣкъ, одѣтый въ блузу и фуражку, при чемъ изъ-подъ блузы что-то торчало. Въ складкахъ его блузы виднѣлись стебельки соломы и вообще онъ походилъ на человѣка, котораго только что разбудили. Онъ взглянулъ на прибывшихъ, а тѣ — на него. Человѣкъ въ блузѣ имѣлъ видъ остолбенѣлый, хотя и хитрый.

— Вы—оружейникъ?—спросилъ онъ одного изъ прибывшихъ.

— Да, — отвѣтилъ тотъ, который стучалъ. — А вы парижанинъ?

— Совершенно вѣрно, по прозванію «Краснокожій»,—въ свою очередь, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ показывайте же,—проговорилъ первый.

— Извольте!

И человѣкъ этотъ вынулъ изъ-подъ своей блузы вещь, въ то время еще очень рѣдкую въ Европѣ, — новенькій, блестящій револьверъ. Прибывшіе стали его разсматривать. Тотъ, котораго блузникъ называлъ оружейникомъ, попробовалъ механизмъ, затѣмъ передалъ револьверъ своему товарищу, который былъ менѣе развязенъ и какъ бы старался стоять спиной къ свѣту.

— А сколько?—спросилъ оружейникъ.

— Я только что привезъ изъ Америки,—отвѣтилъ блузникъ.— Иные привозятъ оттуда съ собою обезьянъ, попугаевъ, разныхъ звѣрей, точно французы—дикари. Я же привезъ вотъ это. Преполезное изобрѣтеніе.

— А сколько?—повторилъ оружейникъ.

— Это—пистолетъ съ поворачивающимся барабаномъ. Бацъ—выстрѣлъ! Бацъ—другой! Бацъ, бацъ!—еще и еще! А что, вѣдь недурно? Цѣлыхъ шесть стволовъ!

— Ну, такъ сколько же, спрашиваю я васъ?

— Шесть стволовъ—значитъ шесть червонцевъ.

— Хотите пять?

— Нѣтъ, это невозможно. По червонцу за выстрѣлъ,—меньше нельзя.

— Ну, скиньте же что-нибудь! По рукамъ, что ли?

— Я не запрашивалъ. Не угодно ли вамъ поближе разсмотрѣть эту штучку, г. оружейникъ?

— Да я ее и такъ уже разсматривалъ.

— Барабанъ поворачивается не хуже любого дипломата. Настоящій флюгеръ! Просто игрушечка! А стволы—вѣдь испанской ковки.

— Да, да, я все это уже разсмотрѣлъ.

— И притомъ стволъ ленточный, вотъ какъ его дѣлаютъ: въ кузнечный горнъ высыпаютъ все желѣзо изъ корзины старьевщика. На это идетъ всякое старое желѣзо: гвозди, сломанныя подковы...

— И старыя косы, конечно.

— Именно такъ, г. оружейникъ. Весь этотъ старый хламъ раскаляютъ добѣла, и образуется превосходный сплавъ...

— Да, но въ которомъ могутъ встрѣчаться трещины, разсѣлины, раковины.

— Конечно; но это зло стараются поправить болѣе сильной ковкой желѣза, подвергая его дѣйствію большого молота. Затѣмъ массу вытягиваютъ, прокатываютъ его въ плавильной печи и изъ этого желѣза, изволите ли видѣть, дѣлаютъ эти стволы.

— Но отчего же эти стволы водянистаго цвѣта?

— А это дѣлается для красоты, г. оружейникъ. Это достигается при помощи сурьмы.

— Ну, такъ, какъ я вамъ уже сказалъ, я вамъ заплачу за эту вещь пять червонцевъ.

— Я имѣлъ уже честь докладывать господину покупателю, что она стоитъ шесть червонцевъ.

— Послушайте, парижанинъ,—сказалъ оружейникъ, понижая голосъ.—Воспользуйтесь случаемъ и отдѣлайтесь отъ этой вещи. Вѣдь вашему брату вовсе не пристало имѣть у себя такое оружіе. Это заставляетъ обращать на васъ вниманіе.

— Дѣйствительно,—согласился продавецъ,—это нѣсколько бросается въ глаза, и потому-то я и желаю продать эту штучку.

— Берете пять червонцевъ, что ли?

— Нѣтъ, шесть червонцевъ: по одному за каждое дуло.

— Ну хорошо, шесть наполеондоровъ.

— Нѣтъ, шесть луидоровъ.

— Вы, значитъ, не бонапартистъ? Вы предпочитаете луидоръ наполеондору?

— Пожалуй, Наполеонъ и лучше Луи,—отвѣтилъ продавецъ, улыбаясь,—но Луи стоитъ больше. Вѣдь для меня это составитъ разницу въ двадцать четыре франка.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы не сойдемся. Оставьте у себя вашу вещь.

— И оставлю. По крайней мѣрѣ, нельзя будетъ сказать, что я зря отступаюсь отъ такого самоновѣйшаго изобрѣтенія. А ужъ уступить—я ни за что не уступлю.

— Какъ знаете! Но подумайте только: пять луидоровъ чистоганомъ, вѣдь это деньги!

— Это такое усовершенствованіе пистолета, которое многимъ даже еще и неизвѣстно.

— Ну, хотите пять луидоровъ и одинъ экю въ придачу?

— Я уже сказалъ шесть луидоровъ, гражданинъ.

Третій собесѣдникъ, стоявшій спиной къ свѣчкѣ и до сихъ поръ не произнесшій ни единаго слова, все время не переставалъ играть механизмомъ. Теперь онъ приблизился къ оружейнику и сказалъ ему на ухо:

— Вещица, кажется, недурна. Я даю за нее шесть луидоровъ.

Пять минутъ спустя, между тѣмъ какъ парижанинъ, прозывавшійся «краснокожимъ», пряталъ въ потайную складку, подъ мышкой своей блузы, только что полученные имъ шесть луидоровъ, изъ переулка Кутанше выходили оружейникъ и покупщикъ револьвера, уносившій свою покупку въ карманѣ своихъ панталонъ.

VIII.

Карамболь краснаго шара съ чернымъ.

На другой день, т.-е. въ четвергъ, не въ далекомъ разстояніи отъ Сенъ-Мало, близъ мыса Деколлэ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ море глубоко и гдѣ берегъ крутъ, произошло нѣчто трагическое.

Здѣсь вдается довольно глубоко въ море гряда утесовъ, въ видѣ острея копья. Она соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ и обрывается высокимъ, отвѣснымъ утесомъ,—явленіе, впрочемъ, далеко не рѣдкое въ морской архитектурѣ. Для того, чтобы съ морского берега добраться до площадки отвѣснаго утеса, нужно взобраться вверхъ по наклонной плоскости, мѣстами довольно крутой.

На этой площадкѣ, часа въ четыре пополудни, стоялъ человѣкъ, на голову котораго былъ накинутъ военный башлыкъ и, очевидно, вооруженный, какъ можно было заключить по складкамъ его плаща. Площадка, на которой стоялъ этотъ человѣкъ, была довольно обширна и усѣяна большими гранитными валунами, между которыми приходилось пробираться по узкимъ тропинкамъ. Площадка эта, на которой росла густая, хотя и невысокая трава, оканчивалась со стороны моря незаросшимъ травою пространствомъ, непосредственно примыкавшимъ къ вертикальному обрыву. Обрывъ этотъ, возвышавшійся футовъ на шестьдесятъ надъ высшимъ уровнемъ моря, казался какъ бы отрубленнымъ по отвѣсу. Впрочемъ, лѣвый уголъ его началъ уже крошиться и представлялъ собою одну изъ тѣхъ натуральныхъ лѣстницъ, часто встрѣчающихся въ гранитныхъ утесахъ, ступени которыхъ, очень неудобныя для обыкновенной ходьбы, требуютъ или шаговъ гигантовъ или скачковъ клоуна. Эта куча наваленныхъ другъ на друга скалъ спускалась перпендикулярно къ морю и углублялась въ него. Спускаться по нимъ было дѣломъ далеко не безопаснымъ, но все же не невозможнымъ, такъ что можно было добраться этимъ путемъ до моря и сѣсть въ лодку у самой стѣны утеса.

Дулъ довольно свѣжій вѣтеръ. Человѣкъ, стоявшій на площадкѣ скалы, укутался въ свой башлыкъ, разставилъ ноги, поддерживалъ лѣвой рукой правый свой локоть, прищурилъ одинъ глазъ, а другимъ смотрѣлъ въ подзорную трубку. Вниманіе его, казалось, было до крайности напряжено. Онъ подошелъ къ самому краю отвѣса и стоялъ здѣсь неподвижно, не спуская глазъ съ горизонта. Былъ приливъ, и волны ударялись подъ ногами его объ утесъ.

То, на что смотрѣлъ этотъ человѣкъ, было виднѣвшееся въ открытомъ морѣ судно, дѣйствительно, производившее какіе-то странные маневры. Судно это, вышедшее съ часъ тому назадъ изъ гавани Сенъ-Мало, остановилось позади закрывавшей входъ въ эту гавань гряды утесовъ. Это было трехмачтовое судно. Оно не выкинуло якоря, быть-можетъ, потому, что самое свойство морского дна не позволяло этого, и ограничилось тѣмъ, что легло въ дрейфъ.

Стоявшій на скалѣ человѣкъ, береговой стражникъ, какъ то видно было по его форменному башлыку, наблюдалъ за всѣми движеніями судна и, очевидно, принималъ ихъ къ свѣдѣнію. Судно легло въ дрейфъ подъ верхнимъ и внутреннимъ вѣтромъ, на что указывало положеніе малой стеньги и гротъ-марсель, оставленный подъ вѣтромъ; оно натянуло бизань-парусъ и обрасопило крюйсель какъ можно ближе, съ тѣмъ, чтобы парализовать паруса одинъ другимъ и чтобы какъ можно менѣе спуститься подъ вѣтеръ и имѣть какъ можно меньшій сносъ вѣтромъ. Судно, очевидно, вовсе не заботилось о томъ, чтобы имѣть много вѣтра, такъ какъ оно обрасопило малую стеньгу лишь перпендикулярно килю. Такимъ образомъ, дрейфуя, оно уносилось теченіемъ не болѣе, какъ на полумилю въ часъ.

Было еще совершенно свѣтло, въ особенности въ открытомъ морѣ и на вершинѣ прибрежнаго утеса. Но внизу побережья уже начинало темнѣть.

Береговой стражникъ, увлекшись своимъ дѣломъ и добросовѣстно всматриваясь въ открытое море, не подумалъ о томъ, чтобы внимательно осмотрѣть сосѣдній и нижній утесы. Онъ стоялъ спиною къ той довольно неудобной, натуральной лѣстницѣ, которая соединяла площадку утеса съ моремъ, и не замѣтилъ, что тамъ что-то копошилось. На этой лѣстницѣ, за одной изъ ея извилинъ, былъ какой-то человѣкъ, спрятавшійся здѣсь, повидимому, еще до прибытія стражника. Отъ времени до времени, въ полутьмѣ, изъ-подъ утеса высовывалась чья-то голова, которая заглядывала наверхъ и наблюдала за наблюдателемъ. Голова эта, на которой была надѣта широкополая американская шляпа, принадлежала тому самому квакеру, который дней за десять передъ тѣмъ разговаривалъ въ Малой Бухтѣ съ капитаномъ Зуэла.

Вдругъ вниманіе берегового стражника какъ будто удвоилось. Онъ торопливо протеръ рукавомъ своего мундира стекло своей подзорной трубы и уставилъ ее на трехмачтовое судно. Отъ послѣдняго только что отдѣлилась черная точка. Точка эта, издали походившая на плывшаго по морю муравья, была лодка, которая желала, повидимому, подплыть къ берегу. Въ ней было нѣсколько матросовъ, дружно работавшихъ веслами. Лодка стала мало-по-малу забирать въ сторону, направляясь къ утесу Деколле.

Вниманіе берегового стражника достигло крайней степени напряженія. Онъ не терялъ изъ виду ни одного изъ движеній лодки, и въ этихъ видахъ подошелъ къ самому краю утеса. Въ это самое время какой-то человѣкъ высокаго роста, въ костюмѣ квакера, появился позади стражника на площадкѣ утеса, но стражникъ его не замѣтилъ. Человѣкъ остановился на минутку, съ повисшими, какъ плети, руками и со сжатыми кулаками, и посмотрѣлъ въ спину стражника съ видомъ прицѣливающагося охотника.

Его отдѣляли отъ стражника какихъ-нибудь четыре шага. Онъ ступилъ шагъ впередъ и остановился, другой шагъ и снова остановился. Онъ только передвигалъ ноги, остальное его тѣло походило на статую. Онъ безшумно ступалъ по травѣ, сдѣлалъ третій

шагъ и снова остановился. Онъ могъ почти прикоснуться къ стражнику, продолжавшему стоять неподвижно съ своей подзорной трубой. Человѣкъ потихоньку поднялъ свои руки въ уровень съ плечами стражника и затѣмъ быстрымъ движеніемъ обоихъ кулаковъ толкнулъ стражника въ спину. Ударъ былъ вѣрно разсчитанъ: стражникъ не успѣлъ даже вскрикнуть, и полетѣлъ внизъ головою въ морскую пучину. На полсекунды обѣ подошвы его сапоговъ мелькнули въ воздухѣ, затѣмъ вода бултыхнулась, точно въ нее упалъ большой камень, и больше ничего не стало ни видно, ни слышно; лишь по темной морской поверхности пробѣжали два или три концентрическихъ круга. На утесѣ, въ травѣ, осталась только подзорная труба стражника, выпавшая у него во время толчка изъ рукъ.

Квакеръ наклонился надъ отвѣсомъ скалы, посмотрѣлъ на расплывшіеся водяные круги, подождалъ нѣсколько минутъ и затѣмъ выпрямился, напѣвая сквозь зубы: «Умеръ, умеръ полицейскій, жизни онъ лишился!» Затѣмъ онъ нагнулся второй разъ. На поверхности воды появился какой-то буроватый налетъ, медленно расплывавшійся по волнамъ. По всей вѣроятности, стражникъ, падая въ море, раскроилъ себѣ черепъ о какой-нибудь подводный камень, и кровь его, поднявшись на морскую поверхность, образовала это пятно на пѣнѣ. Квакеръ, глядя на эту красноватую лужу, продолжалъ напѣвать: «За минуту до кончины онъ еще...»

Но онъ не докончилъ фразы, услышавъ позади себя голосъ, который говорилъ ему:

— А-а, вы здѣсь, Рантэнъ? Здравствуйте! Что это, вы только что отправили кого-то на тотъ свѣтъ?

Онъ обернулся и увидѣлъ шагахъ въ пятнадцати позади себя, при выходѣ изъ расщелинъ между двумя утесами, невысокаго роста человѣка съ револьверомъ въ рукѣ.

— Какъ видите, — отвѣтилъ онъ. — Здравствуйте, господинъ Клюбенъ.

— Вы меня узнаете!—воскликнулъ вновь прибывшій, вздрогнувъ.

— Отчего бы и нѣтъ? Вѣдь вы же узнали меня, — отвѣтилъ Рантэнъ.

Въ это время на морѣ раздался шумъ, точно отъ всплеска веселъ: то приближалась лодка, на которую такъ пристально смотрѣлъ недавно несчастный береговой стражникъ.

— Да, дѣло было сдѣлано чисто,—проговорилъ Клюбенъ, какъ бы говоря самъ съ собою.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—спросилъ его Рантэнъ.

— Да ничѣмъ особеннымъ. Вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ я васъ не видѣлъ. Дѣла ваши, должно-быть, шли недурно. А какъ ваше здоровье?

— Благодарю васъ, хорошо,—отвѣтилъ Рантэнъ.—А ваше?— и онъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ Клюбену.

Въ это самое время до слуха его долетѣлъ какой-то сухой звукъ: то Клюбенъ взводилъ курокъ своего револьвера.

— Рантэнъ,—проговорилъ онъ,—мы стоимъ шагахъ въ пятнадцати одинъ отъ другого. Это какъ разъ подходящее разстояніе. Оставайтесь на своемъ мѣстѣ.

— Что это еще такое?—спросилъ Рантэнъ.—Чего вамъ отъ меня нужно?

— Я пришелъ побесѣдовать съ вами,—отвѣтилъ Клюбенъ.

Рантэнъ остался стоять на мѣстѣ. Клюбенъ продолжалъ:

— Вы только что убили берегового стражника?

— Вы уже сдѣлали мнѣ честь сказать это,—отвѣтилъ Рантэнъ, приподнимая немного свою шляпу.

— Я выразился не въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ. Я сказалъ: человѣка. Теперь я говорю: берегового стражника,—берегового стражника подъ номеромъ 619-мъ. Онъ былъ отецъ семейства. Послѣ него остаются вдова и пятеро дѣтей.

— Быть-можетъ,—спокойно отвѣтилъ Рантэнъ. Они оба помолчали съ минуту.

— Эти береговые стражники всѣ достойные люди,—продолжалъ Клюбенъ.—Они почти всѣ бывшіе моряки.

— Странное дѣло,—замѣтилъ Рантэнъ,—почти всѣ оставляютъ послѣ смерти жену и пятерыхъ дѣтей.

— Угадайте, сколько мнѣ стоилъ этотъ револьверъ?—продолжалъ Клюбенъ.

— Недурная вещица,—отвѣтилъ Рантэнъ.

— Ну, а во сколько вы ее цѣните?

— Я ее цѣню очень высоко.

— Онъ стоилъ мнѣ сто сорокъ четыре франка,

— Вы, должно-быть, купили его, — проговорилъ Рантэнъ,—у оружейника на улицѣ Кутаншэ.

— Онъ даже не вскрикнулъ,—продолжалъ Клюбенъ.—Отъ быстраго паденія замираетъ голосъ.

— А вѣдь нынче ночью будетъ погодка, господинъ Клюбенъ.

— Тайна извѣстна мнѣ одному.

— А что, вы попрежнему останавливаетесь въ Ивановской харчевнѣ?

— Да, тамъ очень недурно.

— Мнѣ помнится, что я какъ-то видѣлъ васъ тамъ, вы ѣли кислую капусту.

— Вы, должно-быть, человѣкъ очень сильный, Рантэнъ. Вы такой широкоплечій. Я бы не желалъ получить тумака отъ васъ. Что касается меня, то я родился на свѣтъ Божій такимъ слабенькимъ, что даже сомнѣвались, останусь ли я въ живыхъ.

— Какъ видно, къ счастію вашему, вы остались въ живыхъ.

— Да, я попрежнему останавливаюсь въ этой старой Ивановской харчевнѣ.

— А знаете ли, господинъ Клюбенъ, почему я васъ узналъ? Только потому, что вы меня узнали. Я тотчасъ же сказалъ самъ себѣ: «На это способенъ только одинъ Клюбенъ!»

И онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но Клюбенъ крикнулъ ему:

— Стойте тамъ, гдѣ вы стояли, Рантэнъ!

Рантэнъ сдѣлалъ шагъ назадъ и пробормоталъ сквозь зубы:

— Съ этакимъ парнемъ невольно сдѣлаешься ребенкомъ.

— Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло,—продолжалъ Клюбенъ.—Направо отъ насъ, шагахъ въ трехстахъ отсюда, возлѣ Сентъ-Энога, стоитъ другой береговой стражникъ, нумеръ 618-й, который еще живъ, а налѣво, въ сторону Сенъ-Люнэра, расположенъ таможенный пикетъ. Итого семь вооруженныхъ людей, которые могутъ быть здѣсь черезъ пять минутъ. Утесъ будетъ окруженъ и о бѣгствѣ невозможно будетъ и думать. У подножія утеса—трупъ.

Рантэнъ искоса посмотрѣлъ на револьверъ.

— Да, вы правы, Рантэнъ, это—премиленькая вещица. Бытьможетъ, револьверъ заряженъ только холостыми зарядами. Но это ничего не значитъ: достаточно одного выстрѣла, чтобы заставить прибѣжать сюда семь вооруженныхъ людей. А у меня въ запасѣ цѣлыхъ шесть выстрѣловъ.

Всплескъ веселъ становился все явственнѣе и явственнѣе; лодка была уже недалеко отъ берега. Человѣкъ высокаго роста какъ-то странно смотрѣлъ на человѣка маленькаго роста. Клюбенъ сталъ говорить все болѣе и болѣе мягкимъ и спокойнымъ голосомъ:

— Рантэнъ, люди, плывущіе въ той лодкѣ, которая приближается къ намъ, узнавъ о томъ, что вы только что совершили здѣсь, конечно, не откажутся помочь мнѣ и арестуютъ васъ. Вы заплатите десять тысячъ франковъ за вашъ переѣздъ капитану Зуэлѣ. Въ скобкахъ сказать, плэнмонскіе контрабандисты взяли бы съ васъ дешевле; но зато они довезли бы васъ только въ Англію, и къ тому же они сначала пристанутъ въ Гернсеѣ, а для васъ было бы рискованно отправляться туда, такъ какъ васъ тамъ знаютъ. Итакъ, вотъ каково положеніе. Если я выстрѣлю, васъ неминуемо арестуютъ. Вы обѣщались заплатить Зуэлѣ за ваше бѣгство десять тысячъ франковъ, и въ счетъ этой суммы уже выдали ему пять тысячъ франковъ впередъ. Зуэла оставилъ бы при себѣ эти пять тысячъ и поплылъ бы дальше,— вотъ и все. Вы прекрасно закостюмировались, Рантэнъ. Эта шляпа, это странное платье и эти штиблеты дѣлаютъ васъ неузнаваемымъ. Вы забыли только надѣть очки. Хорошо вы сдѣлали, что отпустили бакенбарды.

На устахъ Рантэна появилась улыбка, очень похожая на скрежетъ зубовный. Клюбенъ продолжалъ:

— На васъ, Рантэнъ, надѣты американскіе штаны съ двойными карманами. Въ одномъ изъ нихъ ваши часы. Оставьте ихъ при себѣ.

— Благодарю васъ, господинъ Клюбенъ.

— Въ другомъ небольшая жестяная коробка, открывающаяся и закрывающаяся съ помощью пружины. Это—старинная матросская табакерка. Выньте ее изъ вашего кармана и перебросьте ее мнѣ.

— Да вѣдь это грабежъ!

— Можете кричать «караулъ!»—И съ этими словами Клюбенъ пристально посмотрѣлъ на Рантэна.

— Извольте, господинъ Клюбенъ,—проговорилъ Рантэнъ, дѣлая шагъ впередъ и протягивая къ нему руку.

— Оставайтесь тамъ, гдѣ вы стоите, Рантэнъ.

— Господинъ Клюбенъ, пойдемте на соглашеніе. Я предлагаю вамъ половину.

Клюбенъ скрестилъ на груди руки, выставивъ при этомъ впередъ дуло револьвера, и спросилъ:

— За кого вы меня принимаете, Рантэнъ? Вѣдь я честный человѣкъ,—и, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—Мнѣ нужно все!

— Ну, этотъ немалаго калибра,—пробормоталъ Рантэнъ сквозь зубы.

Взоръ Клюбена засверкалъ, а его голосъ сдѣлался особенно рѣзокъ и отчетливъ. Онъ воскликнулъ:

— Я вижу, что вы ошибаетесь. Вы представитель воровства, я же только возвращаю добро его хозяину. Послушайте, Рантэнъ. Десять лѣтъ тому назадъ вы однажды ночью бѣжали изъ Гернсея, захвативъ съ собою изъ кассы одного товарищества пятьдесятъ тысячъ франковъ, принадлежавшихъ, несомнѣнно, вамъ, и забывъ оставить въ ней пятьдесятъ тысячъ, принадлежавшихъ другому. Эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, украденныя вами у вашего компаніона, достойнаго и уважаемаго г. Летьерри, составляютъ нынѣ, считая проценты за десять лѣтъ, 80.666 франковъ 66 сантимовъ. Вчера вы заходили къ одному мѣнялѣ, я могу даже назвать его вамъ: г. Ребюше, на улицѣ Сенъ-Венсанъ. Вы отсчитали ему семьдесятъ шесть тысячъ франковъ французскими банковыми билетами, взамѣнъ которыхъ онъ выдалъ вамъ три билета англійскаго банка, по тысячѣ фун. стерл. каждый, и еще нѣкоторую сумму, въ видѣ разницы. Вы положили эти банковые билеты въ жестяную табакерку, а табакерку—въ правый карманъ вашихъ панталонъ. Эти три тысячи фун. стерл. составляютъ семьдесятъ пять тысячъ франковъ. Отъ имени Летьерри объявляю вамъ, что я ими удовольствуюсь. Завтра я возвращусь въ Гернсей и отвезу ихъ ему. Рантэнъ, то трехмачтовое судно, которое тамъ дрейфуетъ,—«Тамаулипасъ». Вы прошлою ночью перенесли на него ваши пожитки и сложили ихъ вмѣстѣ съ пожитками экипажа. Вы желаете покинуть Францію и, конечно, имѣете на то свои причины. Вы направляетесь въ Арекнипу; лодка подплываетъ сюда за вами и вы ее здѣсь дожидаетесь. Она уже близко; слышенъ плескъ ея веселъ. Отъ меня зависитъ дозволить вамъ ѣхать или заставить васъ остаться здѣсь. Теперь довольно. Бросьте мнѣ вашу табакерку.

Рантэнъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ изъ него небольшую коробку и бросилъ ее Клюбену.

Это была желѣзная табакерка. Она покатилась къ самымъ ногамъ Клюбена. Тотъ наклонился, не спуская съ Рантэна глазъ, и поднялъ лѣвой рукою табакерку, направляя въ Рантэна свои взоры и дуло своего револьвера. Затѣмъ онъ крикнулъ ему:

— Эй, пріятель! Повернитесь-ка спиною ко мнѣ!

Рантэнъ повернулся къ нему спиною. Клюбенъ взялъ револьверъ подъ мышку и нажалъ на пружину табакерки. Крышка ея открылась. Въ табакеркѣ оказалось четыре банковыхъ билета, три по тысячѣ фун. стерл. и одинъ въ десять фунтовъ. Онъ сложилъ три банковые билета по тысячѣ фунтовъ, снова уложилъ ихъ въ табакерку, закрылъ ее и опустилъ въ свой карманъ. Затѣмъ онъ поднялъ съ земли камешекъ, обернулъ его въ десятифунтовый билетъ и крикнулъ:

— Теперь опять обернитесь!

Рантэнъ обернулся. Клюбенъ сказалъ ему:

— Я сказалъ вамъ, что удовольствуюсь тремя тысячами фунтовъ. Получайте десять фунтовъ сдачи.

И онъ бросилъ Рантэну билетъ, обернутый вокругъ камня. Но тотъ, ударомъ носка сапога, отшвырнулъ и тотъ и другой въ море.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—спокойно замѣтилъ Клюбенъ.— Вы, значитъ, очень богаты. Тѣмъ лучше.

Шумъ веселъ, который постепенно приближался во время этого діалога, прекратился. Это указывало на то, что лодка подплыла уже къ самому подножію утеса.

— Вашъ экипажъ ждетъ васъ внизу, Рантэнъ. Вы можете ѣхать.

Рантэнъ направился къ уступамъ скалы и сталъ спускаться. Клюбенъ осторожно подошелъ къ обрыву и, вытянувъ голову, сталъ смотрѣть, какъ онъ спускается. Лодка остановилась у нижней ступеньки этой, устроенной самой природой лѣстницы, возлѣ того самаго мѣста, гдѣ упалъ въ море стражникъ. Слѣдя глазами за спускавшимся Рантэномъ, Клюбенъ говорилъ про себя:

— Бѣдный нумеръ шестьсотъ девятнадцатый! Онъ воображалъ, что онъ здѣсь одинъ, Рантэнъ полагалъ, что ихъ только двое, и я одинъ зналъ, что насъ трое.

Тутъ онъ увидѣлъ у ногъ своихъ, на травѣ, подзорную трубу, которую выронилъ изъ рукъ, въ моментъ паденія своего, таможенный стражникъ. Онъ поднялъ ее.

Снова раздался плескъ веселъ. Рантэнъ только что прыгнулъ въ лодку, и та отчалила отъ утеса. Едва она отплыла на нѣсколько шаговъ, какъ Рантэнъ поднялся въ лодкѣ, лицо его исказилось, онъ погрозилъ кулакомъ и воскликнулъ: «Ахъ, дьяволъ, ахъ, каналья!» Нѣсколько секундъ спустя Клюбенъ, продолжавшій стоять на верхушкѣ утеса и смотрѣвшій въ подзорную трубу на лодку, ясно разслышалъ слѣдующія слова, произнесенныя громкимъ голосомъ среди шума волнъ:

— Господинъ Клюбенъ, вы—честный человѣкъ; но, тѣмъ не менѣе, я нахожу не излишнимъ написать Летьерри, чтобы сообщить ему обо всемъ этомъ дѣлѣ. Здѣсь кстати, въ нашей лодкѣ, есть одинъ матросъ съ острова Гернсея, принадлежавшій къ экипажу «Тамаулипаса» и имя которому Айе Тостевэнъ. Онъ возвратился въ Сенъ-Мало и при слѣдующей же поѣздкѣ Зуэлы засви-

дѣтельствуетъ, что я вручилъ вамъ для передачи г. Летьерри сумму въ три тысячи фун. стерл.

То былъ голосъ Рантэна. Клюбенъ продолжалъ стоять на утесѣ совершенно неподвижно, какъ недавно стоялъ стражникъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, съ тою же подзорной трубой въ рукѣ, и ни на одну секунду не спускалъ глазъ съ лодки. Она стала казаться все меньше и меньше, то исчезала, то вновь появлялась среди волнъ, приблизилась къ дрейфующему судну, причалила къ нему, и онъ могъ даже разсмотрѣть въ трубку высокую фигуру Рантэна на палубѣ «Тамаулипаса».

Когда лодка была поднята изъ воды и прикрѣплена къ кормѣ, «Тамаулипасъ» началъ ставить паруса. Вѣтеръ дулъ съ берега, такъ что всѣ паруса были пущены въ ходъ. Клюбенъ продожалъ смотрѣть въ свою трубу на этотъ, все болѣе и болѣе упрощавшійся силуэтъ, и полчаса спустя «Тамаулипасъ» представлялся ему лишь въ видѣ узкой, черной полоски, едва виднѣвшейся на блѣдномъ горизонтѣ сумерекъ.

IX.

Свѣдѣнія, полезныя для людей, ожидающихъ или опасающихся писемъ изъ-за моря.

И въ этотъ вечеръ Клюбенъ вернулся домой поздно. Одной изъ причинъ его промедленія было то, что прежде чѣмъ вернуться, онъ дошелъ до Динанскихъ воротъ, возлѣ которыхъ были кабаки, и купилъ въ одномъ изъ нихъ, гдѣ его не знали въ лицо, бутылку водки, которую онъ опустилъ въ широкій карманъ своего камзола, какъ бы желая пронести ее тайкомъ. Затѣмъ, въ виду того, что Дюранда должна была выйти въ море на слѣдующее утро, онъ зашелъ на пароходъ, чтобы удостовѣриться, все ли тамъ въ порядкѣ.

Когда онъ пришелъ въ «Ивановскую харчевню», въ нижней залѣ его не было уже никого, кромѣ старика-капитана Жертрэ-Габуро, допивавшаго свою кружку пива и покуривавшаго трубочку. Жертрэ-Габуро кивнулъ Клюбену головой въ промежутокъ времени между затяжкой изъ трубки и глоткомъ изъ кружки и привѣтствовалъ его словами:

— Добраго вечера, капитанъ Клюбенъ. Ну, вотъ «Тамаулипасъ» и ушелъ.

— Здравствуйте, капитанъ Жертрэ. Ушелъ? Вотъ какъ! А я этого и не замѣтилъ.

— Да, удралъ Зуэла,—продолжалъ капитанъ Жертрэ-Габуро, предварительно сплюнувъ.

— Да когда же ушелъ «Тамаулипасъ» и куда?

— Сегодня вечеромъ, а куда — не знаю, вѣрнѣе всего — къ чорту, т.-е. въ Арекнипу.

— Не зналъ я этого, не зналъ,—повторилъ Клюбенъ и прибавилъ:—однако, пора и спать.

Онъ зажегъ свѣчу и направился было къ двери, но снова вернулся.

— А вы бывали въ Ареквипѣ, капитанъ Жертрэ?

— Бывалъ. Но только ужъ давно.

— А гдѣ по пути пристаютъ суда, плывущія въ Ареквипу?

— Да въ разныхъ мѣстахъ. Только этотъ «Тамаулипасъ» нигдѣ не пристанетъ.

Жертрэ-Габуро выколотилъ на край тарелки золу изъ своей трубки и продолжалъ:

— Вы знаете, этотъ люгеръ «Троянскій конь» и это прекрасное трехмачтовое судно «Трантмузенъ», которые недавно отплыли въ Кардиффъ? По-моему, имъ бы не слѣдовало выходить въ море въ виду дурной погоды. Въ хорошемъ же состояніи они вернулись. Люгеръ былъ нагруженъ скипидаромъ. Въ него стала проникать вода и, выкачивая воду, онъ выкачалъ весь свой грузъ. Что касается трехмачтоваго судна, то особенно пострадали его надводныя части. Водорѣзъ, рѣшетчатый помостъ, баканцы, якорный штокъ—все это поломано. Рейка большого стакселя обломилась у самаго бруса. Ванты и ватерштаги — тю-тю! Только фокъ-мачта выдержала, хотя ее сильно качало. Все желѣзо на бугшпритѣ поломано, хотя самый бугшпритъ не поврежденъ. Обшивка съ лѣваго борта сорвана на добрыхъ три квадратныхъ фута. Вотъ что значитъ не слушаться добрыхъ совѣтовъ!

Клюбенъ поставилъ свою свѣчку на столъ и занялся перекалываніемъ булавокъ, воткнутыхъ въ лацканъ его морского кителя. Наконецъ, онъ спросилъ:

— А не говорили ли вы, капитанъ Жертрэ, что «Тамаулипасъ» нигдѣ не будетъ приставать?

— Нѣтъ, онъ плыветъ прямо въ Чили.

— Въ такомъ случаѣ на пути онъ не въ состояніи будетъ дать никакихъ вѣстей о себѣ.

— Отчего же, капитанъ Клюбенъ? Во-первыхъ, что ему мѣшаетъ передавать депеши всякому встрѣчному судну, плывущему въ Европу?

— Ахъ, да, это вѣрно.

— Во-вторыхъ, въ его распоряженіи морской почтовый ящикъ.

— Что вы называете морскимъ почтовымъ ящикомъ?

— Какъ, вы не знаете этого, капитанъ Клюбенъ? Вотъ видите ли, когда пройдешь Магеллановъ проливъ, среди безпрерывнаго снѣга, бурь, опасныхъ вѣтровъ, безпокойнаго моря, и обогнешь Монмутовъ мысъ, а затѣмъ Валентиновъ мысъ, а затѣмъ Исидоровъ, а затѣмъ мысъ св. Анны...

— Прекрасно. Но все же я не понимаю, что вы называете морскимъ почтовымъ ящикомъ?

— А вотъ подождите. Направо — горы, налѣво — горы. Всюду пингвины, всюду птицы-буревѣстники. Словомъ, ужасное мѣсто! И что за вѣтры, что за вихри! Ураганъ дуетъ не переставая. Вотъ гдѣ нужно слѣдить за винтранцемъ! То и дѣло приходится убавлять паруса. Тамъ приходится постоянно замѣнять большой парусъ фокъ-парусомъ, а фокъ-парусъ—фокъ-стеньги-стакселемъ. Шквалъ за шкваломъ, а затѣмъ вдругъ четыре, пять, шесть дней

полнаго безвѣтрія. Часто отъ совершенно новаго комплекта парусовъ у васъ остается одна только корпія. И что за волны! Такіе шквалы, что ваше трехмачтовое судно подпрыгиваетъ, точно блоха. Я видѣлъ, какъ на одномъ англійскомъ бригѣ, «Трью-блю» маленькій юнга, работавшій надъ починкой паруса, былъ унесенъ ко всѣмъ чертямъ, да еще вмѣстѣ съ парусомъ. При такихъ шквалахъ люди летаютъ не хуже бабочекъ, право! Я видѣлъ, какъ боцманъ «Ревеню», хорошенькой англійской шкуны, былъ снесенъ вѣтромъ съ румпеля и убитъ на мѣстѣ. И у меня самого сломался порученъ у перилъ, а внутренній обшивной поясъ ватервейсовъ былъ разорванъ въ куски. Послѣ такого переѣзда ваши паруса имѣютъ такой видъ, будто ихъ кто-нибудь изгрызъ зубами. Въ большіе пятидесятипушечные фрегаты вода просачивается какъ въ плетушку. Да и берегъ хорошъ, нечего сказать! Ничто не можетъ быть суровѣе. Скалы, разорванныя точно разыгравшимся чортомъ. Вы подъѣзжаете къ Мысу Голода. Тамъ хуже, чѣмъ гдѣ-либо. Такія высокія волны, какихъ мнѣ въ жизнь не доводилось видѣть. Словомъ сказать, адская сторонка. И вдругъ вы видите слѣдующія два слова, начерченныя красной краской: «Почтовое отдѣленіе».

— Что вы этимъ хотите сказать, капитанъ Жертрэ?

— Я этимъ хочу сказать, капитанъ Клюбенъ, что какъ только вы обогнете мысъ св. Анны, вы увидите водруженный на утесѣ въ сто футовъ вышины большой шестъ или столбъ, на которомъ подвѣшенъ боченокъ. Боченокъ этотъ и есть почтовый ящикъ. Англичане придумали даже прибить къ столбу доску съ надписью: «Почтовое отдѣленіе». И во что только они не вмѣшиваются! Это—обще-океанская почта, которая вовсе не принадлежитъ этому многоуважаемому джентльмену, королю Англіи. Она—учрежденіе международное. И что за нелѣпость «Почтовое отдѣленіе!» Это все равно, какъ если бы вдругъ самъ дьяволъ вздумалъ предложить вамъ чашку чая. Но, какъ бы то ни было, вотъ какимъ образомъ совершается эта почтовая служба. Всякое проходящее мимо судно высылаетъ къ столбу лодку съ своими письмами и депешами. Судно, идущее изъ Атлантическаго океана отправляетъ свои письма въ Европу, а судно, идущее изъ Тихаго океана,—въ Америку. Офицеръ, выѣхавшій на вашей лодкѣ, опускаетъ въ боченокъ вашъ пакетъ и беретъ изъ него тотъ или тѣ, которые онъ найдетъ тамъ. Затѣмъ уже на васъ лежитъ доставить ихъ. Судно, пришедшее къ «Почтовому отдѣленію» послѣ васъ, возьметъ на себя трудъ доставить по назначенію вашу почту. Такъ какъ суда плывутъ въ разныхъ направленіяхъ, то материкъ, откуда вы плывете, именно тотъ, куда я плыву. Я отвожу ваши письма, вы отвозите мои. Боченокъ подвѣшенъ къ столбу на желѣзной цѣпи. А тутъ дождь, снѣгъ, трудъ! Ужасное море, скажу вамъ. Кажется, будто чертенята такъ и летаютъ по всѣмъ направленіямъ. «Тамаулипасъ» долженъ будетъ проплыть мимо этого мѣста. Боченокъ снабженъ хорошей крышкой на шалнерахъ, но при немъ нѣтъ ни замка ни засововъ. Вы, значитъ,

видите, что можно писать своимъ друзьямъ и что письма доходятъ по назначенію.

— Это очень странно,—проговорилъ Клюбенъ задумчиво.

Капитанъ Жертрэ-Габуро, обернувшись къ своей кружкѣ съ пивомъ, продолжалъ:

— Если, значитъ, предположить, что этотъ плутъ Зуэла вздумаетъ написать мнѣ, онъ броситъ свои каракули въ Магеллановъ боченокъ, и черезъ четыре мѣсяца цедулка этого молодца будетъ у меня въ рукахъ. А кстати, кстати, Клюбенъ, вы завтра отплываете?

Клюбенъ, точно впавшій въ какой-то лунатизмъ, не разслышалъ этого вопроса. Капитанъ Жертрэ повторилъ свой вопросъ. Клюбенъ очнулся и поспѣшилъ отвѣтить:

— Да, да, какъ же, капитанъ Жертрэ. Это мой день, мнѣ непремѣнно нужно отплыть завтра утромъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не отплылъ, капитанъ Клюбенъ. Вотъ видите ли, шкура собакъ пахнетъ сыростью; морскія птицы вотъ уже двѣ ночи кружатся вокругъ маячнаго фонаря. Все это дурныя примѣты. У меня свой, вѣрнѣйшій барометръ. Мы находимся во второй фазѣ луны, которая отличается особенно значительнымъ количествомъ атмосферной сырости. Я только что видѣлъ бедренцы, закрывавшіе листья, и поле, засѣянное клеверомъ, листья котораго поднимались кверху. Дождевые черви выползаютъ изъ-подъ земли, мухи кусаются, пчелы не отлетаютъ далеко отъ своихъ ульевъ, воробьи усиленно чирикаютъ; звукъ колоколовъ доносится издалека. Не далѣе какъ сегодня вечеромъ я слышалъ, какъ звонили ко всенощной въ Сенъ-Люнэрѣ. И, наконецъ, солнце зашло въ облакахъ. Завтра будетъ сильный туманъ. Я вамъ совѣтую не отплывать. Я боюсь тумана больше, чѣмъ урагана. Туманъ, это—великій предатель.

Книга шестая.—ПЬЯНЫЙ РУЛЕВОЙ И ТРЕЗВЫЙ ШКИПЕРЪ.

I.

Дуврскіе утесы.

Приблизительно въ пяти миляхъ къ югу отъ Гернсея, въ открытомъ морѣ, противъ самаго Плэнмонскаго мыса, между Ла-Маншскими островами и Сенъ-Мало, находится группа подводныхъ рифовъ, называемыхъ Дуврскими утесами. Это крайне опасное мѣсто.

Названіе «Дувръ» или, по-англійски, «Доверъ» присвоено многимъ рифамъ и утесамъ. Такъ, близъ сѣвернаго берега Франціи есть утесъ Дувръ, тоже опасный утесъ, на которомъ въ настоящее время сооружается маякъ, но котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ.

Точка французскаго материка, наиболѣе близкая къ Дуврскому утесу, это — мысъ Бреганъ. Дуврскій утесъ отстоитъ немного дальше отъ французскаго берега, чѣмъ отъ перваго острова Нормандскаго архипелага. Разстояніе этого утеса отъ Джерсея почти равно большой джерсейской діагонали. Если бы островъ Джерсей повернулся на сѣверной своей оконечности точно на петельномъ крюкѣ, то мысъ св. Екатерины почти ударился бы о Дуврскій утесъ. Значитъ разстояніе отсюда до острова немного болѣе четырехъ морскихъ миль.

Въ этихъ цивилизованныхъ странахъ даже самые дикіе утесы рѣдко бываютъ пустынны. Такъ, на о. Гаго можно встрѣтить контрабандистовъ, на островѣ Биникѣ — таможенныхъ стражниковъ, на о. Брега—туземныхъ уроженцевъ кельтовъ, на о. Канкалѣ—разводителей устрицъ, на о. Цезамбрѣ или островѣ Цезаря, охотниковъ за кроликами, на о. Бреку—ловцовъ морскихъ раковъ, наконецъ, ловцовъ камбалы—близъ острова Ле-Менкье, и рыболововъ сачками — близъ Экрегу. Но на Дуврскихъ утесахъ нельзя встрѣтить никого. Здѣсь живутъ только морскія птицы.

Мореплаватели особенно боятся этихъ Дуврскихъ утесовъ. Скалы Ле-Каскэ, близъ которыхъ, какъ говорятъ, разбился корабль «Бланшъ-Нэфъ», Кальвадосская отмель, Уайтскія иглы, утесъ Ла-Ронессъ, дѣлающій такимъ опаснымъ прибрежье близъ Больё, Преэльская мель, загораживающая проходъ къ Меркелю и заставившая протянуть на двадцать саженъ красный баканъ, измѣнническое свойство дна морского близъ Этабля и Плуа, оба гранитные друидическіе камни къ югу отъ Гернсея, Старый Андерло и Малый Андерло, Ла-Корбьеръ, Ле-Гануа, островокъ Расъ, о которомъ даже сложилась поговорка: «Проѣзжая мимо Раса, ты, если не умрешь, все же будешь дрожать», такъ называемые «Мертвыя Женщины», проходы Ла-Бу и Фруки, стремнина между

Гернсеемъ и Джерсеемъ, утесъ Арданъ между Ле-Минкье и Шозеемъ, «Дурной Конь» между Булей-Беемъ и Барневилемъ, — всѣ эти опасныя мѣста пользовались менѣе дурной репутаціей, чѣмъ Дуврскіе утесы. Лучше было бы побывать во всѣхъ мѣстахъ поочередно, чѣмъ однажды побывать возлѣ Дуврскихъ утесовъ. Словомъ, на всемъ опасномъ Ла-Маншскомъ каналѣ, который можно было бы назвать Эгейскимъ моремъ Запада, въ смыслѣ опасности съ Дуврскими утесами могъ бы сравниться рифъ «Отче Нашъ», между Гернсеемъ и Серкомъ. Да и то еще съ этого утеса можно подать сигналъ и къ потерпѣвшему крушеніе судну можетъ подоспѣть помощь, такъ какъ къ сѣверу отъ него виденъ Икарскій утесъ, а къ югу—Большой Носъ. Съ Дуврскихъ же утесовъ ничего не видно и не слышно, кромѣ воды, облаковъ, вѣтра, моря необитаемаго, безграничнаго. Никто не плыветъ мимо Дуврскихъ утесовъ, кромѣ сбившихся съ пути. Гранитные камни его громадны, безобразны, со всѣхъ сторонъ отвѣсны. Вокругъ нихъ— ничего, кромѣ негостепріимной бездны.

Здѣсь открытое море и вода въ немъ очень глубока. Такіе уединенные утесы, какъ Дуврскій, привлекаютъ къ себѣ и даютъ у себя убѣжище звѣрямъ, ищущимъ полнаго уединенія отъ человѣка. Это нѣчто въ родѣ подводныхъ крокодиловыхъ утесовъ, нѣчто въ родѣ затопленнаго лабиринта. Глубина моря здѣсь такъ значительна, что водолазы лишь съ трудомъ достигаютъ дна. Здѣсь подводныя пещеры, углубленія, вертепы, пересѣченія темныхъ ходовъ и коридоровъ. Здѣсь такъ и кишатъ морскія чудовища, взаимно другъ друга пожирающія. Морскіе раки пожираютъ рыбъ и сами пожираются другими существами. Въ этихъ потемкахъ бродятъ живыя ужасныя существа, какъ бы нарочно созданныя для того, чтобы ихъ не увидѣлъ человѣческій глазъ. Здѣсь носятся и просвѣчиваютъ въ водѣ смутныя очертанія пастей, усовъ, щупальцевъ, плавательныхъ перьевъ, плавниковъ, отверстыхъ челюстей, чешуй, клещей, клешней, которыя увеличиваются, измѣняются и исчезаютъ въ темной влагѣ. Страшные, плавающіе рои носятся по разнымъ направленіямъ въ погонѣ за добычей. Это цѣлый улей гидръ, Это, такъ сказать, идеалъ ужаснаго. Представьте себѣ, если на то хватитъ воображенія, муравьиную кучу морскихъ полиповъ.

Заглянуть въ глубь моря значитъ заглянуть въ неизвѣстность, значитъ увидѣть его съ ужасной стороны! Морская пучина во многомъ схожа съ ночью. И здѣсь, по крайней мѣрѣ, съ виду, отсутствуетъ сознательность созданія. И здѣсь въ совершенной безопасности совершаются безотвѣтственныя преступленія! И здѣсь, среди наводящаго ужаса спокойствія, наброски жизни, наполовину призраки, наполовину демоны, исполняютъ таинственную и мрачную работу тьмы.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ двѣ скалы довольно необычайной формы указывали издали на Дуврскіе утесы проѣзжавшимъ по океану. Это были два вертикальныхъ, немного вогнутыхъ, остроконечныхъ шпица, почти соприкасавшіеся верхушками, точно изъ

моря высовывались два клыка утонувшаго гигантскаго слона,—слона величиною съ добрую гору, клыки котораго достигали размѣровъ башенъ. Эти природныя башни мрачнаго города чудовищъ составляли между собою лишь узкій проходъ, въ который съ силой кидались морскіе валы. Этотъ проходъ, извилистый и шириною не болѣе нѣсколькихъ футовъ, походилъ на узкій переулокъ между двумя высокими стѣнами. Эти утесы-близнецы назывались обоими Дуврами. Тутъ былъ и Большой Дувръ и Малый: первый имѣлъ въ высоту шестьдесятъ футовъ, второй—сорокъ футовъ. Постоянный прибой волнъ, въ концѣ-концовъ, точно пропилилъ основаніе этихъ башенъ, а ужасный шквалъ 26 октября 1859 года опрокинулъ одну изъ нихъ, большую. Меньшая осталась, поломанная и стертая.

Одинъ изъ самыхъ странныхъ утесовъ Дуврской группы, это—такъ называемый «Человѣкъ», существующій и донынѣ. Въ прошломъ столѣтіи рыбаки, занесенные сюда прибоемъ волнъ, нашли на вершинѣ этого утеса трупъ, а возлѣ трупа множество пустыхъ раковинъ. Очевидно, кто-то потерпѣлъ крушеніе близъ этого утеса, спасся на него, прожилъ здѣсь нѣкоторое время, питаясь раковинами, и, наконецъ, умеръ здѣсь. Отсюда и произошло самое названіе утеса «Человѣкъ».

Пустынность воды имѣетъ мрачный характеръ. Она въ одно и то же время и шумна и молчалива. То, что здѣсь происходитъ, ужъ больше не касается рода человѣческаго, — это мертвыя для него силы. Такой именно характеръ носитъ пустынность Дуврскаго утеса. Все вокругъ него, покуда хватаетъ глазъ, — представляетъ собой громадное волненіе.

II.

Неожиданная находка коньяку.

Въ пятницу утромъ, на другой день по отплытіи «Тамаулипаса», Дюранда отплыла въ Гернсей. Она вышла изъ Сенъ-Мало въ девять часовъ утра. Погода была ясная, ни малѣйшаго признака тумана. Очевидно, старикъ капитанъ Жертрэ-Габуро наболталъ вздора.

Хлопоты Клюбена были причиной того, что на этотъ разъ онъ не имѣлъ почти никакого груза. Онъ нагрузилъ на свой пароходъ лишь нѣсколько мѣстъ галантерейныхъ товаровъ для сенъ-пьеръ-порскихъ лавокъ и три ящика для гернсейской больницы—одинъ съ желтымъ мыломъ, другой со свѣчами и третій съ французскими и кордуанскими кожами для подошвъ. Кромѣ того, онъ везъ обратно изъ прежняго своего груза бочку сахарнаго песку и три ящика чая, которыхъ не пропустила французская таможня. Скота на этотъ разъ Клюбенъ взялъ съ собою мало: всего нѣсколько быковъ. Такъ какъ ихъ было немного, то ихъ довольно небрежно привязали въ трюмѣ. Пассажировъ всего было шестеро: одинъ гернсеецъ, два француза-прасола, одинъ «туристъ», какъ выражались уже въ то время, одинъ парижанинъ, должно-быть,

странствующій комми, и одинъ американецъ, очевидно, членъ Общества распространенія Священнаго Писанія.

Экипажъ Дюранды, не считая капитана ея Клюбена, состоялъ изъ семи человѣкъ, а именно: рулевого, машиниста, плотника, повара, замѣнявшаго въ случаѣ надобности боцмана, двухъ кочегаровъ и юнги; одинъ изъ кочегаровъ завѣдывалъ и складомъ угля. Этотъ кочегаръ, очень толковый и дѣловитый негръ, бѣжавшій съ сахарныхъ плантацій голландской колоніи Суринамъ, назывался Имбранкамъ. Онъ прекрасно изучилъ машину и умѣлъ съ нею обходиться. Въ первое время плаванія Дюранды онъ, появляясь съ черным цвѣтомъ своей кожи возлѣ топки Дюранды, не мало способствовалъ тому, чтобы составить ей репутацію адской затѣи.

Рулевого, джерсейца по мѣсту рожденія, но родившагося отъ переселенцевъ-французовъ, звали Тангруйлемъ. Былъ онъ довольно знатнаго рода, и притомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Ла-Маншскіе острова, подобно Англіи — страна іерархическая и здѣсь до сихъ поръ еще существуютъ касты. Кастовое устройство зиждется на извѣстныхъ идеяхъ, придающихъ ему незыблемость. Идеи эти вездѣ одинаковы, какъ въ Индіи, такъ и въ Германіи. Основной принципъ ихъ тотъ, что дворянство пріобрѣтается мечомъ, и утрачивается трудомъ. Праздность является однимъ изъ самыхъ существенныхъ атрибутовъ дворянства. Ничего не дѣлать — это значитъ жить по-дворянски; тотъ, кто не работаетъ, пользуется почетомъ. Занятіе какимъ-нибудь ремесломъ — унизительно. Во Франціи въ прежнія времена въ этомъ отношеніи существовало одно только исключеніе для стекольщиковъ. Опорожнять бутылки считалось дѣломъ почетнымъ для дворянина, и, быть-можетъ, по этому самому дѣланіе бутылокъ не считалось для нихъ безчестнымъ. Въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ, такъ же, какъ и въ Великобританіи, тотъ, кто желаетъ оставаться благороднымъ, долженъ оставаться богатымъ. Человѣкъ трудящійся не можетъ быть джентльменомъ; а если онъ и былъ имъ, то начиная трудиться, перестаетъ имъ быть. Матросъ, хотя бы онъ былъ потомкомъ крестоносцевъ, все же остается простымъ матросомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ въ Ориньи нѣкто Горджъ, прямой потомокъ того самаго Горджа, имѣнія котораго были конфискованы Филиппомъ-Августомъ, босикомъ собиралъ водоросли на морскомъ прибрежьѣ. Въ Серкѣ и до сихъ поръ есть извозчикъ изъ семейства Картеретовъ. Дѣвица де-Велль, внучатная племянница бывшаго перваго лица въ Джерсеѣ, судьи де-Велля, была въ услуженіи у пишущаго эти строки. Въ Джерсеѣ живетъ драпировщикъ, а въ Гернсеѣ — башмачникъ, носящіе фамилію Грюши, утверждающіе, будто фамилія ихъ Груши. И будто бы они двоюродные братья извѣстнаго наполеоновскаго маршала Груши. Въ старинныхъ спискахъ Кутанскаго епископства упоминается о старинномъ дворянскомъ родѣ Тангровилль, очевидно, родственномъ семейству Танкарвиллей на Нижней Сенѣ, изъ котораго вышли Монморанси. Въ лѣтописяхъ упоминается, что въ пятнадцатомъ столѣтіи Жанъ де-Герудвилль,

оруженосецъ и тѣлохранитель сира де-Тангровилля, несъ за послѣднимъ его латы и прочіе доспѣхи. Въ маѣ 1371 года въ Понторсонѣ, на смотру, произведенномъ войскамъ Бертраномъ Дю-Гекленомъ, «господинъ де-Тангровилль состоялъ въ свитѣ коннетабля Дю-Геклена».

Но на Нормандскихъ островахъ, разъ семейство обѣднѣетъ, оно тотчасъ же выбываетъ изъ рядовъ дворянства. Для этого достаточно незначительнаго измѣненія въ произношеніи: Тангровилль превращается въ Тангруйля, и дѣло съ концомъ. Нѣчто подобное случилось и съ рулевымъ Дюранды.

Въ Сенъ-Іьеръ-Порѣ, на набережной, живетъ желѣзнякъ, по фамиліи Ингруйль, передѣланной, очевидно, изъ «Ингровилль»; а при Людовикѣ Толстомъ Ингровилли владѣли тремя приходами въ провинціи Валонь. Нѣкто аббатъ Триганъ написалъ «Исторію духовенства въ Нормандіи». Этотъ Триганъ состоялъ священникомъ въ помѣстьѣ Диговилль. Несомнѣнно, что владѣтель этого помѣстья, кавалеръ Диговилль, утративъ дворянство, превратился бы въ Дигуйля.

Тангруйль, этотъ вѣроятный Танкарвилль и возможный Монморанси, обладалъ однимъ изъ свойствъ, присущихъ старинному дворянству,—быть-можетъ, это считалось бы хорошимъ качествомъ для дворянина, но было большимъ недостаткомъ для рулевого,— онъ любилъ выпить. Но, тѣмъ не менѣе, Клюбенъ не пожелалъ съ нимъ разставаться и поручился за него передъ Летьерри.

Тангруйль никогда не покидалъ парохода и даже спалъ на немъ. Наканунѣ отплытія, когда Клюбенъ вернулся довольно поздно вечеромъ на свой пароходъ, чтобъ удостовѣриться, все ли тамъ въ порядкѣ, Тангруйль лежалъ на своей койкѣ и спалъ. Ночью онъ проснулся. Это, впрочемъ, было его обыкновеніе. Всякій пьяница, зависящій отъ другого лица, имѣетъ свое укромное мѣстечко. Такое укромное мѣстечко было и у Тангруйля, и онъ называлъ его своей баталеръ-камерой. Баталеръ-камера Тангруйля находилась въ разгородкѣ трюма, гдѣ хранилась прѣсная вода. Ему казалось, что никто не узнаетъ его секрета и что этотъ тайникъ будетъ извѣстенъ только ему одному. Капитанъ Клюбенъ, самъ человѣкъ безусловно трезвый, былъ очень строгъ въ этомъ отношеніи. То небольшое количество рома и джина, которое рулевому удавалось скрывать отъ бдительнаго взора капитана, онъ тщательно сохранялъ въ этомъ укромномъ мѣстечкѣ, на днѣ бака, и почти каждую ночь онъ отправлялся на любовное свиданіе въ свою баталеръ-камеру. Надзоръ былъ строгій, запасы были незначительны, и потому эти ночныя излишества Тангруйля ограничивались двумя или тремя спѣшными глотками. Иногда даже баталеръ-камера была совсѣмъ пуста. Но въ эту ночь Тангруйль совершенно неожиданно нашелъ въ ней цѣлую бутылку коньяку. Радость его была велика, но еще больше было его удивленіе. Съ какого неба свалилась ему эта бутылка? Онъ не могъ припомнить ни когда ни какъ онъ пронесъ ее на судно. Это, однако, не помѣшало ему сразу осушить ее, отчасти изъ предосторожности, изъ

опасенія, чтобъ эта бутылка не была найдена и конфискована. Затѣмъ онъ выбросилъ пустую бутылку въ море.

На слѣдующее утро, когда Тангруйль всталъ къ рулю, его слегка покачивало. Онъ, однако, правилъ рулемъ почти такъ же, какъ и всегда.

Что касается Клюбена, онъ, какъ помнитъ читатель, вернулся ночевать въ Ивановскую харчевню. Онъ всегда носилъ подъ рубашкой кожаный поясъ, въ которомъ было зашито на всякій случай штукъ двадцать гиней, и который онъ снималъ съ себя только ночью. На внутренней сторонѣ пояса онъ самъ вывелъ несмываемыми чернилами свою фамилію. Поутру, вставая, онъ вложилъ въ этотъ же поясъ жестяной ящичекъ съ семьюдесятью пятью тысячами франковъ банковыми билетами и обвязалъ по обыкновенію поясъ вокругъ своей таліи.

III.

Прерванные разговоры.

Отплытіе не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ. Пассажиры, уложивъ свои пожитки на скамьяхъ и подъ скамьями, принялись осматривать пароходъ, что дѣлаетъ почти каждый пассажиръ и что кажется почти обязательнымъ, до того это обычно. Двое изъ пассажировъ, туристъ и парижанинъ, никогда еще не видѣли парохода и съ первыхъ же поворотовъ колеса стали любоваться пѣной. Затѣмъ удивленіе ихъ возбудилъ дымъ. Они разсмотрѣли подробно, такъ сказать поштучно, на палубѣ и въ междупалубномъ пространствѣ, всѣ морскія приспособленія,—кольца, скобы, крюки, болты, которые по чистотѣ работы являются своего рода драгоцѣнными вещами, но только сдѣланными изъ желѣза и позолоченными ржавчиной. Они обошли вокругъ небольшой сигнальной пушки, прикрѣпленной цѣпями на палубѣ, «точно цѣпная собака», замѣтилъ туристъ, и укутанной въ просмоленный холстъ, «чтобъ не простудилась», прибавилъ парижанинъ. Когда пароходъ нѣсколько отплылъ отъ берега, они обмѣнялись обычными замѣчаніями относительно красиваго вида съ моря на Сенъ-Мало. Одинъ изъ пассажировъ высказалъ въ видѣ аксіомы, что виды съ моря бываютъ обманчивы и что на разстояніи одной мили отъ берега ничто не похоже такъ на Остенде, какъ Дюнкирхенъ. По поводу Дюнкирхена кто-то нашелъ почему-то кстати замѣтить, что изъ обоихъ, выкрашенныхъ красной краской брандвахтенныхъ судовъ, одно называется «Рюйтингеръ», а другое—«Мардикъ».

Сенъ-Мало все уменьшался и, наконецъ, совсѣмъ исчезъ. Море представляло собою видъ чего-то обширнаго и спокойнаго. Позади киля парохода образовалась въ морѣ длинная улица, окаймленная пѣной, тянувшаяся прямой линіей, почти доколѣ хваталъ глазъ.

Гернсей приходился какъ разъ посрединѣ прямой линіи, которая была бы проведена изъ Сенъ-Мало во Франціи на Эксетеръ—въ Англіи. Но на морѣ прямая линія не всегда является линіей логической. Впрочемъ, пароходы имѣютъ до извѣстной степени

возможность слѣдовать по прямой линіи, которой лишены суда парусныя.

Море, осложненное вѣтромъ, представляетъ собою компликацію силъ. Судно же представляетъ собою компликацію машинъ. Силы, это—неограниченныя машины, машины, это—ограниченныя силы. Между этими-то двумя организмами, однимъ неисчерпаемымъ, другимъ разумнымъ, и устанавливается борьба, называемая мореплаваніемъ. Въ механизмѣ воля составляетъ противовѣсъ безпредѣльному, но и безпредѣльное заключаетъ въ себѣ механизмъ. Стихіи знаютъ, что онѣ дѣлаютъ и куда онѣ идутъ. Никакая сила не бываетъ слѣпа. Дѣло человѣка наблюдать за силами и стараться узнать ихъ путь дѣйствія. Но пока въ этомъ отношеніи еще не открыты точные законы, борьба продолжается и въ этой борьбѣ пароходство является чѣмъ-то въ родѣ безпрерывной побѣды, которую человѣческій умъ одерживаетъ во всякій часъ дня на всѣхъ пунктахъ моря. Пароходство имѣетъ то преимущество, что оно дисциплинируетъ судно. Оно уменьшаетъ послушаніе его по отношенію къ вѣтру и увеличиваетъ послушаніе его по отношенію къ человѣку.

Никогда «Дюранда» не шла лучшимъ ходомъ, какъ именно въ этотъ день. Она вела себя безукоризненно. Около одиннадцати часовъ, при свѣжемъ вѣтрѣ С.-С.-З., она находилась на широтѣ Ле-Минкье, мало работая паромъ и идя больше на парусахъ Она, направлялась къ западу, держась праваго галса, по возможности ближе подъ вѣтромъ. Погода все стояла ясная и хорошая. Однако рыбачьи суда возвращались домой, и мало-по-малу море почти совсѣмъ очистилось отъ судовъ.

Нельзя было сказать, чтобы Дюранда точно держалась обыкновеннаго своего пути. Экипажъ былъ совершенно спокоенъ, вполнѣ полагаясь на капитана. Однако, быть-можетъ, по винѣ рулевого, судно нѣсколько уклонилось въ сторону. Казалось, будто Дюранда направлялась скорѣе къ Джерсею, чѣмъ къ Гернсею. Въ началѣ двѣнадцатаго часа капитанъ провѣрилъ курсъ и велѣлъ держаться прямѣе на Гернсей. Это вызвало нѣкоторую потерю времени, а при тогдашнихъ короткихъ дняхъ малѣйшая потеря времени имѣетъ свои неудобства. На небѣ сіяло яркое февральское солнце.

Тангруйль въ этотъ день, послѣ опорожненной имъ бутылки коньяку, не могъ похвастать ни вѣрностью глаза ни твердостью руки. Вслѣдствіе того онъ не разъ заставлялъ судно рыскать, что замедлило ходъ его. Вѣтеръ почти совсѣмъ стихъ.

Пассажиръ-гернсеецъ, державшій въ рукѣ подзорную трубу, направлялъ ее по временамъ на клочокъ сѣроватаго тумана, медленно носившійся по вѣтру на дальнемъ западномъ горизонтѣ и похожій издали на клочокъ запыленной ваты. Капитанъ Клюбенъ былъ сосредоточенъ и серьезенъ и, казалось, смотрѣлъ передъ собою съ удвоеннымъ вниманіемъ. На Дюрандѣ все было спокойно и почти весело; пассажиры болтали. Проѣзжая по морю, можно судить о состояніи его, даже зажмуривъ глаза, судя по тембру голосовъ бесѣдующихъ. Веселое настроеніе духа пассажировъ

является лучшимъ ручательствомъ за полнѣйшее спокойствіе моря. Невозможно, напримѣръ, чтобы разговоръ, въ родѣ нижеслѣдующаго, могъ происходить на суднѣ иначе, какъ при совершенно спокойномъ морѣ:

— Посмотрите-ка, милостивый государь, на эту красивую, зелено-красную мушку.

— Да, она устала, летая надъ моремъ, и теперь сѣла отдохнуть на корабль.

— Мухи, однако, не скоро устаютъ. Онѣ такъ легки, что ихъ уноситъ вѣтеръ.

— А вы знаете ли, что одинъ человѣкъ, свѣсивъ унцію мухъ, затѣмъ пересчиталъ ихъ, и ихъ оказалось всего шесть тысячъ двѣсти шестьдесятъ восемь.

Тѣмъ временемъ гернсеецъ съ подзорной трубой подсѣлъ къ прасоламъ, и между ними завязался приблизительно слѣдующій разговоръ:

— У обракскаго быка туша круглая и короткая, ноги тоже короткіе; масти онъ преимущественно рыжей. Для работы онъ не годится именно вслѣдствіе того, что у него коротки ноги.

— Въ этомъ отношеніи салерскій быкъ лучше обракскаго.

— Нѣтъ, я вамъ скажу, милостивый государь, мнѣ въ жизни довелось видѣть двухъ замѣчательныхъ быковъ. У одного изъ нихъ были короткія ноги, широкая грудь, толстый задъ и такія же бедра, значительная длина отъ затылка до крупа, значительная вышина отъ копытъ до загривка; онъ былъ мускулистъ и шкура его легко отдѣлялась. Второй былъ слишкомъ жиренъ; туловище его было плотно, шея толстая, ноги тонкія, масть пѣгая, бѣлая съ рыжимъ, задъ отвислый.

— Это порода прибрежно-британская.

— Да, но съ нѣкоторой примѣсью суффокской породы.

— А повѣрите ли вы, милостивый государь, что на югѣ устраиваются конкурсныя выставки ословъ? Ей-Богу! И, что особенно странно, преміи выдаются за самыхъ некрасивыхъ на видъ.

— Совершенно такъ же, какъ и въ Пуату преміи выдаются за толстопузыхъ и толстоногихъ кобылъ.

— Самой лучшей лошачихой считается та, которая похожа на бочку, положенную на четыре пня.

— Да, красота животныхъ — не то, что красота людская, особенно по отношенію къ женскому полу.

— Это вѣрно. Я, знаете ли, особенно цѣню въ женщинѣ красоту.

— А я особенно цѣню въ ней изящный туалетъ, знаете. Миловидно, чисто, вылощено, со вкусомъ.

— И съ иголочки. Молодая дѣвушка всегда должна имѣть такой видъ, какъ будто она только что вышла отъ ювелира.

— Да, такъ возвратимся къ быкамъ. Тѣ два быка, о которыхъ я говорилъ, проданы были на Туарской ярмаркѣ.

— Туарская ярмарка—знаю! На эту ярмарку собирались ѣхать купцы Бонно и Багю изъ Ла-Рошели и маранскіе хлѣбные торговцы,—не знаю, слышали ли вы о нихъ?

Туристъ и парижанинъ бесѣдовали съ американцемъ о библіяхъ. И здѣсь разговорный барометръ стоялъ на «очень ясно».

— Я могу вамъ сообщить, милостивый государь,—говорилъ туристъ,—точныя цифры о вмѣстимости коммерческихъ судовъ всего образованнаго міра: Франція семьсотъ шестнадцать тысячъ тоннъ, Германія одинъ милліонъ, Соединенные Штаты пять милліоновъ, Англія пять съ половиною милліоновъ. Прибавьте къ этому еще вмѣстимость судовъ меньшихъ державъ. А всего—двѣнадцать милліоновъ девятьсотъ четыре тысячи тоннъ, распредѣленныхъ между ста сорока пятью тысячами судовъ, плавающихъ по всѣмъ водамъ земного шара.

— Нѣтъ, милостивый государь,—перебилъ его американецъ,—въ Соединенныхъ Штатахъ не пять, а пять съ половиною милліоновъ тоннъ.

— Извольте, я согласенъ съ вами, — вѣжливо отвѣтилъ туристъ.—Вы, конечно, американецъ.

Наступило молчаніе. Американецъ-книгоноша раздумывалъ, не удобно ли ему будетъ предложить именно теперь своимъ сосѣдямъ по экземплярчику Библіи.

— Милостивый государь, — обратился къ нему туристъ, — правда ли, что у васъ въ Америкѣ такъ сильно развита страсть къ даванію прозвищъ, что вы пришпиливаете ихъ ко всѣмъ вашимъ знаменитостямъ, и что вы называли, напримѣръ, вашего извѣстнаго банкира изъ Миссури, Томаса Бентона, «старымъ слиткомъ»?

— Да, такъ же правда, какъ и то, что мы называемъ нашего президента Захарія Тейлора—«Старымъ Захаркой».

— А генерала Гаррисона — «Старымъ Типомъ», не такъ ли, а генерала Джаксона—«Старымъ Цикоріемъ»?

— Да, потому что Джаксонъ твердъ, какъ цикорный стебель, а Гаррисонъ разбилъ краснокожихъ при Типпекано.

— Значитъ, это у васъ настоящая византійская мода.

— Такова ужъ мода—византійская она или нѣтъ, не знаю. Мы называемъ Ванъ-Бюрена «маленькимъ колдуномъ», Сьюарда, уменьшившаго размѣръ банковыхъ билетовъ — «малымъ билетикомъ», а Дугласа, сенатора отъ Иллинойса, имѣющаго роста не болѣе четырехъ футовъ, но обладающаго громаднымъ краснорѣчіемъ, — «маленькимъ великаномъ». Вы можете проѣхать отъ Техаса до штата Мэнъ, и вы не встрѣтите никого, кто произнесъ бы фамилію «Кассъ», а вмѣсто того вамъ скажутъ: «Великій Мичиганецъ». Никто не назоветъ Клея—Клеемъ, а всякій скажетъ: «мельничный парень со шрамомъ». Клей—сынъ мельника.

— Не знаю, а я предпочелъ бы нызывать ихъ Клеемъ и Кассомъ,—замѣтилъ парижанинъ. Это короче.

— Но вы этимъ нарушили бы обычай. Мы называемъ Корвина, секретаря казначейства, «возчикомъ», Даніеля Уэбстера—«Даномъ Чернымъ». Что касается Нинфильда Скотта, который, только что разбивъ англичанъ при Чипвеѣ, поспѣшилъ сѣсть обѣдать, то мы его называемъ: «Скорѣе тарелку супа!»

Тѣмъ временемъ клочокъ тумана, виднѣвшійся вдали, замѣтно выросъ и занималъ теперь на горизонтѣ сегментъ приблизительно въ пятнадцать градусовъ. Онъ походилъ на облако, двигавшееся по случаю безвѣтрія по водѣ. Вѣтеръ совсѣмъ стихъ и море было гладко, какъ зеркало. Хотя былъ полдень, но солнце только свѣтило, а не грѣло.

— Мнѣ кажется,—сказалъ туристъ,—что погода измѣнится.

— Да, должно-быть, пойдетъ дождь,—согласился парижанинъ.

— Или же будетъ сильный туманъ,—добавилъ американецъ.

— Въ Италіи,—пояснилъ всезнающій туристъ,—въ Мольфеттѣ выпадаетъ наименьшее количество дождя, а въ Толмеццо—наибольшее.

Въ полдень, согласно мѣстному обычаю, въ колоколъ прозвонили къ обѣду. При нѣкоторыхъ изъ пассажировъ оказалась съ собою провизія, и они весело принялись закусывать на палубѣ. Клюбенъ не обѣдалъ. Во время ѣды разговоры шли своимъ чередомъ. Гернсеецъ подсѣлъ къ американцу, и тотъ спросилъ его:

— Вамъ знакомо это море?

— Какъ же, вѣдь я здѣшній уроженецъ,—отвѣтилъ гернсеецъ съ легкимъ поклономъ.—Теперь-то мы въ открытомъ морѣ; но была бы бѣда, если бы туманъ застигъ насъ возлѣ утесовъ Ле-Менкье.

— Вы, островитяне лучше знакомы съ моремъ, чѣмъ береговые жители,—сказалъ американецъ.

— Это вѣрно,—замѣтилъ одинъ изъ прасоловъ.—У насъ, у прибрежныхъ—только полукупанье.

— А что такое Ле-Менкье?—спросилъ американецъ.

— О, это преопасные камни, чортъ побери!—отвѣтилъ прасолъ.

— Есть еще опасные утесы Ле-Грелэ и Шуасскіе,—замѣтилъ гернсеецъ.

— Ну, ужъ если на то пошло, то не слѣдуетъ забывать и «Дикарей»,—добавилъ прасолъ, засмѣявшись.

— И Воробьиные утесы,—продолжалъ гернсеецъ.

— Да еще и Утиные!—воскликнулъ прасолъ.

— Однако, какія у васъ обширныя познанія, милостивый государь,—иронически замѣтилъ гернсеецъ.

— Еще бы!—воскликнулъ прасолъ, мигнувъ глазомъ.—Туристъ рѣшился спросить:

Неужели намъ придется проходить мимо этихъ утесовъ?

— Нѣтъ, нисколько! Мы уже оставили ихъ позади себя; мы прошли мимо нихъ въ сѣверо-западномъ направленіи.

— Грелэйскій рифъ,—продолжалъ гернсеецъ,—состоитъ изъ пятидесяти семи камней, большихъ и малыхъ.

— А рифъ Ле-Менкье—изъ сорока восьми,—не унимался прасолъ.

— Мнѣ кажется, милостивый государь,—замѣтилъ гернсеецъ,—что вы не сосчитали трехъ камней.

— Нѣтъ, я ихъ всѣ имѣлъ въ виду.

— Утесы Дерейскій, Метрильскій и Мезонскій.

— Я ихъ считалъ. Они занимаютъ самую середину рифа Ле-Менкье.

— Ну, значитъ, вы большой знатокъ по части подводныхъ камней.

— Еще бы не быть знатокомъ въ этомъ дѣлѣ уроженцу Сенъ-Мало!

— Умныя рѣчи пріятно и слушать, — проговорилъ гернсеецъ, приподнимая свою шляпу.

— Еще есть три Соважскихъ утеса, — продолжалъ прасолъ, кланяясь въ свою очередь, — и два Монаха и одинъ Утиный, и четыре Сюардскихъ.

— Что вы называете Сюардскими утесами? — спросилъ гернсеецъ.

— Мы называемъ Сюардскими тѣ, которые вы называете Шуасскими. — Прескверный проходъ между Шуасскимъ и Утинымъ утесами.

— Да, онъ доступенъ только птицамъ и рыбамъ; да и то послѣднія въ бурю разбиваются о камни.

— Въ Ле-Менкье и около Мэзона есть песокъ. Это тѣ восемь утесовъ, что видны изъ Джерсея.

— Съ Азеттской набережной, вѣрно! Только ихъ не восемь, а семь.

— Во время отлива можно гулять по рифу Ле-Менкье и по Дируйльскимъ надводнымъ скаламъ.

— Да вѣдь между Ле-Менкье и Дирульскими скалами нѣтъ ничего общаго! Вѣдь послѣднія возлѣ Гранвиля!

— Я хотѣлъ только сказать, что и тѣ и другія одинаково опасны.

— По всему видно, что вы сенъ-малосцы, подобно намъ, гернсейцамъ, любите плавать по этимъ водамъ.

— Да, — отвѣтилъ прасолъ, — съ тою только разницею, что мы говоримъ: «мы привыкли плавать», а вы говорите: «мы любимъ плавать».

— Вы вообще прекрасные моряки.

— Я-то что! Я торгую скотомъ.

— Какъ, бишь, звать того извѣстнаго моряка изъ Сенъ-Мало: Сюркуфъ, Дюгэ-Труэнъ, что ли?

— Дюгэ-Труэнъ? — вмѣшался здѣсь въ разговоръ парижскій коммивояжеръ. — Это тотъ самый, котораго взяли въ плѣнъ англичане? Онъ былъ настолько же любезенъ, какъ и храбръ, и сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе одной молодой англичанки. Она-то и помогла ему бѣжать изъ плѣна.

— Да ты пьянъ! — вдругъ раздался въ это время громовой голосъ возлѣ бесѣдовавшихъ.

IV.

Капитанъ Клюбенъ обнаруживаетъ всѣ свои качества.

Всѣ оглянулись. Оказалось, что это капитанъ прикрикнулъ на рулевого.

Клюбенъ ни къ кому не обращался на «ты». Для того, чтобы онъ такъ прикрикнулъ на рулевого, нужно было или чтобъ онъ

очень разсердился или, по крайней мѣрѣ, желалъ казаться очень сердитымъ. Клюбенъ, стоя на капитанскомъ мостикѣ, между обоими кожухами, пристально смотрѣлъ на рулевого и проговорилъ сквозь зубы: «Пьяница». Честный Тангруйль поникъ головою.

Между тѣмъ, туманъ сталъ распространяться и уже занималъ въ эту минуту половину небосклона. Онъ въ полномъ смыслѣ расползался, или, вѣрнѣе, расплывался, точно капля масла. Но расплывался онъ медленно, постепенно, безшумно подталкиваемый вѣтромъ. Мало-по-малу онъ овладѣвалъ всѣмъ океаномъ. Надвигался онъ съ сѣверо-запада, прямо противъ носа парохода. Онъ былъ похожъ на громадный движущійся, колеблющійся утесъ. Онъ выдѣлялся надъ поверхностью моря точно стѣна. Водная скатерть какъ бы проходила подъ этой стѣной и скрывалась за нею.

Точка соприкосновенія тумана съ водою была еще приблизительно на разстояніи полумили отъ парохода. Если бы измѣнилось направленіе вѣтра, то можно было бы избѣжать погруженія въ пелену тумана; но для этого нужно было, чтобъ онъ немедленно измѣнилъ направленіе. А между тѣмъ, разстояніе въ полмили уменьшалось замѣтнымъ для глаза образомъ; Дюранда двигалась навстрѣчу туману, туманъ двигался навстрѣчу пароходу. Онъ шелъ къ судну, судно шло къ нему.

Клюбенъ скомандовалъ прибавить пару и повернуть судно болѣе на востокъ. Такимъ образомъ приближеніе тумана было нѣсколько замедлено, но все же онъ продолжалъ надвигаться. Однако пароходъ былъ еще освѣщенъ солнцемъ. Къ тому же всѣ эти маневры, успѣхъ которыхъ былъ болѣе нежели сомнителенъ, отняли много времени, а въ февралѣ мѣсяцѣ темнѣетъ очень рано.

— Этакій подлый туманъ!—воскликнулъ гернсеецъ, не спускавшій глазъ съ приближавшейся завѣсы.

— И какъ онъ портитъ такую чудную вещь, какъ море, — замѣтилъ одинъ изъ скотопромышленниковъ.

— Пренепріятная вещь въ морскомъ путешествіи, — присовокупилъ другой.

— Капитанъ,—сказалъ гернсеецъ, приближаясь къ Клюбену,— я боюсь какъ бы насъ не настигъ туманъ.

— Я хотѣлъ остаться въ Сенъ-Мало, — сердито проговорилъ Клюбенъ,— но мнѣ посовѣтовали отплыть. А еще называютъ себя старыми моряками!

— А что жъ,—продолжалъ гернсеецъ, быть-можетъ, вы и хорошо сдѣлали, что отплыли. Почемъ знать, не будетъ ли завтра бури? Въ настоящее время года какъ разъ дождешься еще худшей погоды.

Нѣсколько минутъ спустя Дюранда вошла въ полосу тумана. Онъ былъ такъ густъ, что стоявшіе на кормѣ не могли видѣть стоявшихъ на носу. Пароходъ былъ какъ бы разгороженъ пополамъ мягкой, сѣрой перегородкой. Затѣмъ весь пароходъ оказался окутаннымъ туманомъ. Солнце сдѣлалось огненно-краснымъ, какъ

показывающаяся на горизонтѣ луна. Вдругъ всѣмъ стало холодно; пассажиры надѣли на себя плащи, а матросы — теплыя куртки. Море, попрежнему спокойное, было какъ-то зловѣще гладко. Вокругъ все сѣро и тускло, и только черная пароходная труба и выходившій изъ нея черный дымъ старались еще бороться противъ окутавшей все судно бѣлесоватости.

Отнынѣ не имѣло уже никакого смысла направлять судно къ востоку. Капитанъ снова направилъ пароходъ на Гернсей и прибавилъ пару. Пассажиръ-гернсеецъ, расхаживая возлѣ топки, услышалъ, какъ негръ Имбранкамъ разговаривалъ съ своимъ товарищемъ кочегаромъ. Онъ сталъ прислушиваться. Негръ говорилъ:

— Нынче утромъ при ясной погодѣ мы шли медленно. Теперь же, въ туманѣ, мы идемъ на всѣхъ парахъ.

— Капитанъ,—сказалъ гернсеецъ, возвращаясь къ Клюбену,— не слишкомъ ли много вы дали пару?

— Что прикажете дѣлать,—отвѣтилъ Клюбенъ:—нужно же наверстать время, утраченное благодаря этому пьяницѣ рулевому.

— Это вѣрно, капитанъ Клюбенъ.

— Я тороплюсь доѣхать,—продолжалъ Клюбенъ.—Довольно и тумана, а тамъ еще наступитъ темнота.

— Молодецъ у насъ капитанъ, — замѣтилъ гернсеецъ, возвращаясь къ скотопромышленникамъ.

По временамъ широкія полосы тумана, болѣе сгущенныя, наподобіе очесокъ, застилали солнце; затѣмъ оно снова выглядывало, но блѣдное, какъ будто больное. Клочки неба, выглядывавшіе изъ-за тумана, походили на грязныя, засаленныя, старыя театральныя декораціи.

Дюранда прошла недалеко отъ кутера, бросившаго изъ осторожности якорь. Это былъ «Шелтиль» изъ Гернсея. Шкиперъ кутера обратилъ вниманіе на быстроту хода Дюранды; ему показалось также, что она идетъ не по надлежащему направленію, а именно будто она забираетъ слишкомъ къ западу. Его не мало удивило это судно, несущееся на всѣхъ парахъ среди густого тумана.

Около двухъ часовъ туманъ до того сгустился, что капитану пришлось покинуть свое обычное мѣсто и приблизиться къ рулевому. Солнце вовсѣмъ скрылось, кругомъ не видно было ничего, кромѣ тумана; на Дюранду опустилась, такъ сказать, бѣлая мгла. Не видать было больше ни неба ни моря. Вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Фляга со скипидаромъ, подвѣшенная на кольцѣ подъ капитанскимъ мостикомъ, даже не колыхалась.

Пассажиры замолкли. Парижанинъ насвистывалъ какую-то пѣсенку Беранже. Одинъ изъ скотопромышленниковъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы изволите ѣхать изъ Парижа?

— Да,—отвѣтилъ тотъ отрывисто и продолжалъ насвистывать свою пѣсенку.

— А что тамъ слышно новенькаго?

— Да ничего особеннаго. Все идетъ попрежнему вкривь и вкось,—отвѣтилъ парижанинъ.

— Значитъ и на сушѣ то же, что и на морѣ!

— Да, попали же мы въ этотъ проклятый туманъ.

— Не мало бѣдъ можетъ натворить этотъ туманъ.

— Ну, вотъ еще, бѣдъ! — воскликнулъ парижанинъ. — Почему же непремѣнно бѣдъ? Вотъ пожаръ театра Одеонъ, это, дѣйствительно бѣда! Сколько онъ разорилъ семействъ! Гдѣ же тутъ справедливость! Я не знаю вашего образа мыслей, милостивый государь, но я нахожу это несправдливымъ.

— И я также,—согласился скотопромышленникъ.

— Все, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, — продолжалъ парижанинъ,—производитъ на меня такое впечатлѣніе, будто я вижу передъ собою совершенно испортившійся механизмъ. Но я твердо убѣжденъ въ томъ, что Господь Богъ тутъ ни при чемъ.

Скотопромышленникъ почесалъ себѣ за ухомъ, очевидно, для того, чтобы понять эту глубокую философію. Парижанинъ продолжалъ:

— Говорю вамъ, что Господь Богъ тутъ ни при чемъ. Поэтому-то все и идетъ вкривь и вкось. Міръ, закусивъ удила, несется напропалую, и кто знаетъ, до чего онъ доскачется!

Капитанъ Клюбенъ, приблизившійся тѣмъ временемъ къ разговаривающимъ, положилъ руку на плечо парижанина и сказалъ:

— Потише, пожалуйста! Взвѣшивайте ваши слова. Вѣдь мы не на сушѣ, а на морѣ.

Всѣ замолчали. По прошествіи пяти минутъ гернсеецъ шепнулъ на ухо скотопромышленнику:

— Какой, однако, религіозный человѣкъ нашъ капитанъ.

Дождя не было, однако, сырость пронизывала всѣхъ насквозь. Никто не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, куда бѣжитъ пароходъ, и всѣмъ было какъ-то не по себѣ; всѣми овладѣло меланхолическое настроеніе. Туманъ заставляетъ море умолкать, придавливаетъ волну, держитъ вѣтеръ за уздцы. Среди этого мертваго молчанія природы пыхтѣніе Дюранды казалось какъ-то особенно жалобнымъ и щемило сердце.

Никакихъ судовъ больше не было видно. Если вдали, въ сторонѣ Гернсея или въ сторонѣ Сенъ-Мало, на морѣ и носились въ это время какія-либо суда внѣ района тумана, то все равно для нихъ Дюранда, попавшая въ полосу густого тумана, не существовала. Если бы даже съ судовъ этихъ можно было бы разглядѣть длинный хвостъ дыма, вырвавшійся изъ пелены этого тумана, то этотъ дымъ былъ бы принятъ за комету, неожиданно появившуюся на бѣломъ небѣ.

Вдругъ раздался голосъ Клюбена:

— Куда держишь, куда держишь, дуракъ! Посадишь ты насъ на камень! Въ кандалы бы тебя, мерзавца! Пошелъ прочь, пьяница!

И онъ самъ сталъ на руль. Сконфуженный Тангруйль забился въ носовой такелажъ.

— Ну, теперь мы спасены!—воскликнулъ гернсеецъ.

Пароходъ продолжалъ итти быстрымъ ходомъ. Около трехъ часовъ пополудни туманъ сталъ медленно подниматься кверху и волны морскія снова стали видны.

— Дѣло дрянь!—замѣтилъ опытный гернсеецъ.

Онъ былъ правъ. Туманъ можетъ разсѣяться только или подъ вліяніемъ солнца или подъ вліяніемъ вѣтра. Первое много лучше послѣдняго. Но, къ сожалѣнію, былъ ужъ слишкомъ поздній часъ дня для того, чтобы солнце могло прійти на помощь нашимъ мореплавателямъ: въ февралѣ мѣсяцѣ въ три часа пополудни солнце уже грѣетъ не такъ сильно. А усиленіе вѣтра въ данномъ случаѣ тоже было не желательно: часто оно могло бы быть началомъ урагана. Впрочемъ, вѣтра почти и не было.

Клюбенъ, не спуская глазъ съ компаса, держась за колесо руля и поворачивая имъ, ворчалъ сквозь зубы: «Однако времени терять нечего. Благодаря этому пьяницѣ мы и то опоздали». При этомъ лицо его не выражало ничего особеннаго

Море начало шевелиться подъ завѣсой тумана. Кое-гдѣ, сквозь сѣрую пелену, показывался валъ: ледяные блики носились поверхъ воды. Эти блики не мало тревожатъ моряковъ, такъ какъ они означаютъ, что верховой вѣтеръ прорывается сквозь гущу тучъ. Туманъ приподнимался, но лишь только для того, чтобы снова опуститься въ болѣе сгущенномъ видѣ. Пароходъ попалъ въ самое ядро тумана. По временамъ этотъ страшный кругъ полуразверзался, какъ разверзаются клещи, сквозь него проглядывалъ кусочекъ неба, и затѣмъ все снова замыкалось.

Гернсеецъ, вооруженный подзорной трубой, стоялъ, точно часовой, на носу парохода. Въ туманѣ на секунду образовался просвѣтъ, который, однако, тотчасъ же заволокло.

— Капитанъ Клюбенъ, — вдругъ воскликнулъ гернсеецъ, — мы держимъ прямо на утесъ Гануа!

— Вы ошибаетесь, — холодно отвѣтилъ Клюбенъ: — это невозможно.

— Нѣтъ, это вѣрно. Вонъ тамъ, прямо передъ нами, я вижу камни.

— Не можетъ быть! Тамъ открытое море.

И Клюбенъ продолжалъ держать руль прямо на точку, указанную гернсейцемъ. Тотъ снова схватился за свою подзорную трубу. Минуту спустя онъ крикнулъ Клюбену:

— Капитанъ, перемѣните галсъ! Я ясно разсмотрѣлъ прямо передъ нами очень высокій утесъ, и притомъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Это, несомнѣнно, Большой Гануа.

— Не можетъ быть! Вы просто приняли за утесъ сгустившійся туманъ.

— Нѣтъ, это Большой Гануа! Ради самого Неба, перемѣните галсъ

Клюбенъ повернулъ руль.

V.

Клюбенъ возбуждаетъ всеобщее удивленіе.

Раздался трескъ. Подобный трескъ борта на морѣ—одинъ изъ самыхъ ужасныхъ звуковъ, которые только можно представить себѣ. Дюранда вдругъ остановилась. Нѣкоторые изъ пассажировъ упали.

— Вѣдь говорилъ же я! Прямо на Гануа!—воскликнулъ гернсеецъ, поднимая руки къ небу.

— Мы погибли!—раздался вопль на пароходной палубѣ.

— Никто не погибъ,—послышался спокойный голосъ Клюбена.—Молчать!

Изъ-подъ трапа ѳопки показалась голая до пояса фигура Имбранкама.

— Капитанъ,—сказалъ онъ,—въ топкѣ показалась вода. Сейчасъ погаснетъ огонь.

Наступилъ страшный моментъ. Ударъ парохода о камень походилъ на самоубійство. Если бы его вызвать нарочно, и то онъ бы не могъ быть ужаснѣе. Дюранда такъ-таки прямо и ринулась на утесъ, точно желая раздробить его. Острее утеса, какъ гвоздь, вонзилось въ бортъ судна. Внутренняя обшивка сорвана была на пространствѣ болѣе квадратной сажени, форъ-штевенъ былъ сломанъ, уклонъ разбитъ, носъ проломанъ, а вода, журча и бурля, вливалась въ трюмъ корабля. Крушеніе проникало въ судно черезъ всѣ его поры. Ударъ былъ такъ силенъ, что на кормѣ расщепился руль. Утесъ искалѣчилъ судно, а кругомъ послѣдняго ничего не было видно, кромѣ густого, плотнаго, теперь уже почти чернаго, тумана. Ночь спускалась на море.

Дюранда погрузилась въ воду носомъ. Она напоминала собою въ эту минуту лошадь пикадора, которой во время боя быковъ рога разъяреннаго животнаго распороли животъ. Она—умерла.

Тангруйль сразу протрезвился. Опьянѣніе и кораблекрушеніе—два несовмѣстимыя понятія. Онъ спустился въ междудечное пространство, снова поднялся наверхъ и сказалъ:

— Капитанъ, вода въ трюмѣ дошла уже до бимсовъ. Черезъ десять минутъ она будетъ уже въ уровень съ шпигатами.

Пассажиры метались по палубѣ, ломали себѣ руки, заглядывали за бортъ, заглядывали въ машинное отдѣленіе,—словомъ, объятые паническимъ ужасомъ, суетились безъ нужды и безъ пользы. Туристъ лишился чувствъ. Клюбенъ сдѣлалъ жестъ рукой, всѣ замолчали.

— Сколько времени еще можетъ дѣйствовать машина? — спросилъ онъ Имбранкама.

— Да минутъ пять-шесть.

— Я стоялъ на рулѣ,—продолжалъ Клюбенъ, обращаясь къ пассажиру гернсейцу, и не могъ хорошенько вглядѣться въ утесъ.—Вы, кажется, всматривались въ него. На какой именно камень мы наткнулись?

— На Мовскій. Какъ разъ во время небольшого просвѣта я отлично узналъ Мовскій камень.

— Значитъ,—продолжалъ Клюбенъ,—Большой Гануа слѣва отъ насъ, а Малый Гануа справа. Слѣдовательно, мы находимся въ разстояніи одной мили отъ берега.

Экипажъ и пассажиры, дрожа отъ страха и не спуская глазъ съ капитана, внимательно прислушивались къ его словамъ. О томъ, чтобы облегчить судно, нечего было и думать, да это и

было бы совершенно безполезно. Для того, чтобы выбросить въ море грузъ, пришлось бы открывать бортовые люки, что неизбѣжно усилило бы приливъ воды въ судно. Кинуть якорь тоже было безполезно: судно и безъ того было пригвождено къ скалѣ; да къ тому же очевидно было, что на такой глубинѣ не хватитъ якорной цѣпи. Такъ какъ машина не была попорчена и оставалась въ распоряженіи капитана, пока огонь не погасъ, т.-е. еще въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, то можно было дать контръ-пары и сорваться съ утеса. Но дѣло въ томъ, что въ такомъ случаѣ судно неминуемо пошло бы ко дну, такъ какъ утесъ до нѣкоторой степени затыкалъ пробоину и замедлялъ притокъ воды въ трюмъ парохода. Разъ отстранивъ эту затычку, открыли бы безпрепятственный доступъ водѣ; извѣстно, что вынутіе кинжала изъ смертельной раны вызываетъ немедленную смерть. Оторваться отъ утеса значило немедленно пойти ко дну.

Перевозимые на пароходѣ быки, до которыхъ стала добираться вода, начали мычать.

— Спустить шлюпку!—скомандовалъ Клюбенъ.

Имбранкамъ и Тангруйль бросились къ шлюпкѣ и отвязали причалы. Всѣ остальные стояли, точно окаменѣлые, и смотрѣли.

— Всѣ за работу!—скомандовалъ Клюбенъ, и на этотъ разъ всѣ повиновались ему. Клюбенъ, стоя на капитанскомъ мостикѣ продолжалъ командовать:—Опустите якорный канатъ! Сдѣлайте изъ него петлю! Шабашъ. Спускать! Натягивайте! Не давайте соприкасаться блокамъ троса! Опускайте! Соедините живо оба конца! Дружнѣе! Уменьшите треніе! Уберите лопари талей! Вниманіе!

Шлюпка была спущена на море. Въ эту самую минуту колеса Дюранды остановились: топка было залита водой, и изъ трубы пересталъ итти дымъ.

Пассажиры, цѣпляясь по веревочной лѣстницѣ или по бѣгучему такелажу, скорѣе падали въ шлюпку, чѣмъ спускались въ нее. Имбранкамъ схватилъ на руки упавшаго въ обморокъ туриста, снесъ его въ шлюпку, а затѣмъ снова поднялся на пароходъ. Матросы бросились въ шлюпку вслѣдъ за пассажирами. Юнга упалъ, и на мальчика наступали ногами.

— Стой!—воскликнулъ Имбранкамъ, загораживая путь.—Сначала мальчикъ!—и онъ растолкалъ своими дюжими, черными руками матросовъ, поднялъ мальчика и передалъ его пассажиру-гернсейцу, стоявшему въ лодкѣ. Послѣ того онъ отошелъ въ сторону и сказалъ остальнымъ:—Проходите!

Тѣмъ временемъ Клюбенъ спустился въ свою каюту и собиралъ всѣ судовые документы и инструменты. Онъ вынулъ компасъ изъ футляра, передалъ документы и инструменты Имбранкаму, а компасъ Тангруйлю, и сказалъ имъ:

— Спускайтесь въ шлюпку!

Они спустились вслѣдъ за экипажемъ. Шлюпка была до того переполнена, что борта ея почти черпали воду.

— Ну, теперь,—крикнулъ Клюбенъ,—отчаливайте!

— А вы, капитанъ?—раздался съ шлюпки крикъ.

— Я не поѣду,—спокойно проговорилъ Клюбенъ.

Людямъ, потерпѣвшимъ крушеніе, некогда разсуждать, а тѣмъ болѣе сентиментальничать. Однако тѣ, которые были въ шлюпкѣ и находились въ относительной безопасности, не могли равнодушно относиться къ словамъ капитана, и изъ ихъ среды раздался крикъ: «Поѣдемте, капитанъ!»

— Послушайте, капитанъ,—проговорилъ гернсеецъ, хорошо знакомый съ моремъ.—Мы разбились на утесѣ Гануа. Отсюда до Плэнмона не болѣе одной мили; но на лодкѣ можно пристать только у Рокэна, а до Рокэна двѣ мили. По случаю тумана и буруна эта шлюпка не доплыветъ до Рокэна ранѣе, чѣмъ черезъ два часа, и тогда будетъ уже совсѣмъ темно. Начинается приливъ вѣтеръ крѣпчаетъ. Мы рады были бы снова вернуться сюда за вами; но если поднимется буря, это будетъ невозможно. Поэтому, если вы останетесь, вы погибли. Поѣдемте съ нами!

— Шлюпка полна, даже черезчуръ полна,—вмѣшался парижанинъ.—Это вѣрно, и всякій лишній человѣкъ будетъ именно лишнимъ. Но насъ тринадцать; это дурное число, и лучше перегрузить лодку, чѣмъ плыть въ такомъ числѣ. Поѣдемте, капитанъ.

— Во всемъ виноватъ я,—проговорилъ Тангруйль,—а не вы. Поэтому было бы несправедливо, если бы вы остались.

— Я остаюсь,—сказалъ Клюбенъ.—Судно ночью будетъ разбито волнами. Я его не покину. Когда корабль погибъ, капитанъ долженъ умереть. Обо мнѣ скажутъ: «Онъ исполнилъ свой долгъ до конца». Тангруйль, я вамъ прощаю,—и, скрестивъ на груди руки, онъ крикнулъ:—Слушать команду! Отдавайте причалъ! Отваливайте!

Лодка двинулась съ мѣста. Имбранкамъ взялся за руль. Тѣ, которые не гребли, подняли руки къ капитану, и съ лодки раздался крикъ: «Ура, капитанъ Клюбенъ!»

— Вотъ замѣчательный человѣкъ—проговорилъ американецъ.

— Да, милостивый государь,—отвѣтилъ гернсеецъ,—это самый честный человѣкъ на всемъ океанѣ.

— Какой я, однако, подлецъ!—пробормоталъ Тангруйль, плача.—Мнѣ бы слѣдовало остаться съ нимъ.

Шлюпка вошла въ полосу тумана и скрылась изъ глазъ. Шумъ веселъ сначала стихалъ, затѣмъ совсѣмъ прекратился. Клюбенъ остался одинъ на пароходѣ.

VI.

Освѣщеніе бездны.

Когда человѣкъ этотъ очутился одинъ на скалѣ, въ этомъ туманѣ, окруженный водою, вдали отъ всего живого, среди полнаго безмолвія, обреченный на смерть, одинокій между подымавшимся моремъ и спускавшейся ночью, онъ почувствовалъ глубокую радость. Мечта его осуществилась. По безсрочному векселю, выданному имъ судьбѣ, предстоялъ платежъ.

Для него быть покинутымъ значило быть освобожденнымъ. Онъ находился на утесѣ Гануа, въ одной милѣ отъ берега, при немъ было семьдесятъ пять тысячъ франковъ. Трудно было придуматъ болѣе искусно произведенное кораблекрушеніе. Все было предусмотрѣно и все исполнилось въ точности. У Клюбена смолоду была одна преобладающая мысль: поставить честность какъ ставку въ игрѣ жизни, взять себѣ исходной точкой репутацію честнаго человѣка, дать увеличиться ставкѣ въ игрѣ судьбы, угадать моментъ, уловить случай, схватить навѣрняка, сразу, хапнуть и одурачить всѣхъ. Онъ желалъ сразу пріобрѣсти то, что другіе плуты пріобрѣтаютъ въ двадцать пріемовъ, да еще разбогатѣть, не рискуя, подобно имъ, висѣлицей. Встрѣча съ Рантэномъ была для него рѣшающимъ моментомъ. Онъ сразу же составилъ свой планъ заставить Рантэна возвратить деньги, въ виду возможныхъ разоблаченій скрыться,—а какой же лучшій способъ скрыться, какъ не прослыть умершимъ! А для этого нужно было вызвать крушеніе Дюранды. Это крушеніе такимъ образомъ являлось для него необходимостью; и къ тому же онъ исчезалъ, оставляя послѣ себя репутацію честнаго человѣка и такимъ образомъ еще окружалъ себя мученическимъ вѣнцомъ. Если бы кто могъ видѣть въ эту минуту Клюбена, онъ видѣлъ бы передъ собою счастливаго демона. Онъ провелъ всю свою жизнь только для этой минуты.

Вся его фигура выражала въ этотъ моментъ восклицаніе: наконецъ! Лицо его какъ-то страшно просвѣтлѣло. Его тусклый взоръ сдѣлался глубокимъ и ужаснымъ, и въ немъ освѣтился огонь, пылавшій въ его душѣ.

Совѣсть человѣка, подобно внѣшней природѣ, имѣетъ какую-то электрическую напряженность. Мысль—тотъ же метеоръ. Въ минуту успѣха накопленіе помысловъ, изъ которыхъ она сложилась, выдѣляетъ изъ себя точно электрическую искру. Имѣть въ себѣ когти зла и чувствовать, какъ они обхватываютъ добычу, это своего рода наслажденіе. Торжествующая дурная мысль заставляетъ сіять лицо человѣческое; удавшіяся комбинаціи, достигнутыя цѣли доставляютъ, какъ бы ни были гнусны эти цѣли, великую радость человѣку и заставляютъ глаза его сверкать дикою радостью. Это—веселая гроза, это—угрожающая заря, это отблескъ мрачной и мутной души. Такой-то именно свѣтъ блеснулъ въ глазахъ Клюбена.

Онъ не походилъ ни на что изъ того, что можно видѣть на небѣ или на землѣ. Скрытый путь, таившійся въ душѣ Клюбена, появился наружу. Клюбенъ всмотрѣлся въ окружавшую его тьму и не могъ удержаться отъ взрыва подлаго и дикаго хохота.

Итакъ, онъ свободенъ! Итакъ, онъ богатъ! Итакъ онъ, наконецъ, разрѣшилъ задачу своей жизни!

Клюбену нечего было торопиться. Было время прилива, который поддерживалъ Дюранду и который долженъ былъ, въ концѣ-концовъ, окончательно ее поднять. Судно плотно усѣлось на скалу и нечего было опасаться, чтобы оно пошло ко дну. Къ тому же

нужно было дать шлюпкѣ время удалиться, быть-можетъ, затонуть. По крайней мѣрѣ, Клюбенъ надѣялся на послѣднее.

Стоя на Дюрандѣ съ скрещенными на груди руками, Клюбенъ наслаждался своимъ одиночествомъ и окружавшею его тьмою. На этомъ человѣкѣ лежала тяжесть тридцатилѣтняго лицемѣрія. Онъ былъ олицетворенное зло, а прикидывался честнымъ. Онъ ненавидѣлъ добродѣтель отъ глубины души. Онъ всегда былъ преступникомъ въ душѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнилъ себя, онъ всегда притворялся. Онъ былъ чудовищемъ съ изнанки, и подъ оболочкой честнаго человѣка билось сердце разбойника. Это былъ слащавый пиратъ, узникъ честности. Ему надоѣла, его давила оболочка честности, для него тяжелы были крылья ангела. Слыть честнымъ человѣкомъ, это—своего рода тяжесть, и его угнетало общественное уваженіе. Вѣчно балансировать, думать о злѣ, а на словахъ проповѣдывать добро, это—трудъ не малый. Онъ, привидѣніе преступности, являлся призракомъ честности, и эта безсмыслица была удѣломъ всей его жизни. Ему приходилось постоянно притворяться, лукавить, стараться быть презентабельнымъ, скрывать скрежетъ зубовный за улыбкой, не давать мутной пѣнѣ души его выступить наружу. Онъ просто задыхался подъ маской добродѣтели. Его просто разбирала охота укусить руку, которая всю жизнь зажимала ему ротъ; и, желая укусить ее, онъ вынужденъ былъ ее лобызать.

Лганье, это—своего рода страданіе; лицемѣріе, это—тоже своего рода страданіе. Лицемѣръ разсчитываетъ шансы успѣха, но тѣмъ временемъ терпитъ муки. Замышляетъ дурной поступокъ и готовится къ нему, прикрываясь маской честности. Имѣть, въ видѣ приправы къ внутренней своей гнусности, репутацію честнаго человѣка, вѣчно обманывать, вѣчно казаться не тѣмъ, что есть, это—утомительно. Давать свѣтлую окраску чернымъ своимъ мыслямъ, желать пожрать тѣхъ, кто относится къ вамъ съ любовью, быть ласковымъ, сдерживаться, обуздываться, быть вѣчно насторожѣ, постоянно слѣдить за собою, скрывать свои преступные помыслы, выставлять свое безобразіе красотой, изъ пороковъ своихъ создавать себѣ репутацію совершенства, щекотать кинжаломъ, подслащать ядъ, наблюдать за каждымъ своимъ жестомъ и за каждой интонаціей голоса, слѣдить даже за выраженіемъ своихъ глазъ,—что можетъ быть тяжелѣе, мучительнѣе всего этого! Кончается тѣмъ, что лицемѣръ самъ глубоко возненавидитъ лицемѣріе. Вѣчно пить изъ чаши лицемѣрія, наконецъ, производитъ тошноту. Сладость, которую притворство придаетъ преступности, наконецъ, начинаетъ претить преступнику; иногда его до того мутитъ, что онъ готовъ извергнуть свою мысль рвотой. Прибавьте къ этому еще чувство глубокой гордости. Бываютъ такіе странные моменты, когда лицемѣръ уважаетъ себя, собственное «я» принимаетъ въ глазахъ плута преувеличенные размѣры. Червякъ ползаетъ и извивается точно такъ же, какъ исполинская змѣя. Измѣнникъ—не что иное, какъ стѣсненный деспотъ, который можетъ исполнить свою волю, лишь мирясь съ второстепенной ролью.

Это—мелюзга, способная на великое: это—гигантъ и карликъ въ одно и то же время.

Клюбенъ искренне воображалъ, будто судьба была къ нему несправедлива. Почему онъ не былъ богатъ? Почему ему не досталось отъ его предковъ ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода? Развѣ онъ въ этомъ виноватъ? Почему судьба, отказывая ему въ наслажденіяхъ жизни, заставляла его работать, т.-е. обманывать, измѣнять, разрушать? Почему онъ былъ осужденъ на пытку льстить, искать благоволенія, ползать, заставлять любить и уважать себя, носить день и ночь не свое лицо? Лицемѣрить—дѣло нелегкое. Того, передъ кѣмъ лжешь, всегда ненавидишь. Наконецъ пробилъ часъ. Клюбенъ мстилъ. Кому? Всѣмъ и всему.

Летьерри не сдѣлалъ ему ничего, кромѣ добра. Еще лишняя причина; онъ за это и мстилъ ему. Онъ мстилъ всѣмъ, передъ которыми такъ долго сдерживался. Онъ наверстывалъ свое. Всякій, кто былъ о немъ хорошаго мнѣнія, былъ его врагъ, такъ какъ онъ былъ въ плѣну у этого человѣка. Но теперь онъ былъ свободенъ, онъ избавился отъ плѣна, вышелъ изъ сферы людей. То, что считали его смертью, было его жизнью. Теперь онъ начиналъ жить сызнова. Настоящій Клюбенъ скидывалъ съ себя оболочку лже-Клюбена. Онъ сразу разрубилъ Гордіевъ узелъ; онъ свергнулъ Рантэна въ море, Летьерри—повергнулъ въ разореніе, людскую справедливость—въ тьму, общественное мнѣніе—въ обманъ; самого себя онъ поставилъ внѣ всего человѣчества. Онъ вычеркнулъ себя изъ міра.

Что касается мысли о Богѣ, то она мало занимала его. Онъ, правда, считался религіознымъ. Но что же изъ этого? Въ природѣ лицемѣра были темныя пятна или, вѣрнѣе, онъ весь былъ не что иное, какъ темное пятно.

Когда Клюбенъ оказался одинокимъ, внутренній вертепъ его раскрылся. Онъ сталъ съ наслажденіемъ, такъ сказать, провѣтривать свою душу и вдыхать въ себя преступленіе. Глубина души его отпечатлѣлась и на его лицѣ: оно расцвѣло. Въ эту минуту взглядъ Рантэна, рядомъ съ его взглядомъ, показался бы взглядомъ новорожденнаго ребенка.

Сорвать съ себя маску—какое это облегченіе! Ему доставляло какое-то наслажденіе видѣть свою совѣсть безобразно-обнаженною и окунуться съ головою въ пучину зла. Стѣсненіе, налагаемое на человѣка продолжительнымъ всеобщимъ уваженіемъ, въ концѣ-концовъ, внушаетъ человѣку какое-то страстное влеченіе къ безстыдству; у него является какая-то преступная похотливость. Въ этихъ, столь мало извѣданныхъ, изгибахъ человѣческаго сердца кроются часто всѣ зародоши преступленій. Добрая слава прiѣдается и является аппетитъ къ позору; къ человѣку чувствуешь такое презрѣніе, что самъ желаешь его презрѣнія. Пользоваться уваженіемъ, въ концѣ-концовъ, надоѣдаетъ, и чувствуешь какое-то стремленіе къ безшабашной преступности; начинаешь смотрѣть съ завистью на позоръ и на гнусность. Человѣкъ, который вынужденъ постоянно держать глаза опущенными книзу, невольно прі-

учается смотрѣть косымъ взглядомъ. Отъ Маріи Алакокъ вовсе не такъ далеко до Мессалины. Клюбенъ провелъ всю свою жизнь подъ покрываломъ. Онъ всегда былъ наглецъ въ душѣ. Онъ завидовалъ публичной женщинѣ и мѣдному лбу открытаго позора; онъ сознавалъ себя болѣе публичной женщиной, чѣмъ она, и ему противно было разыгрывать роль дѣвственницы. Онъ всю свою жизнь испытывалъ Танталовы муки цинизма. Наконецъ на этомъ утесѣ, въ этомъ одиночествѣ, онъ могъ быть откровененъ и былъ имъ. Сознавать себя глубоко-презрѣннымъ, это—своего рода наслажденіе. Клюбенъ испытывалъ въ эту минуту все сладострастіе ада. Ему выплачивались недоимки долгаго притворства. Лицемѣріе, это—ссуда сатанѣ, который теперь возвращалъ ее. Клюбенъ захлебывался въ сознаніи своего безстыдства, такъ какъ люди вокругъ него исчезли, и онъ имѣлъ дѣло только съ небомъ. Онъ самъ себѣ говорилъ: «я подлецъ», и онъ былъ доволенъ.

Врядъ ли когда-либо что-нибудь подобное происходило въ совѣсти человѣческой. Изверженіе вулкана не выдерживаетъ ни малѣйшаго сравненія съ изверженіемъ души лицемѣра. Онъ былъ въ восхищеніи отъ того, что никого не было вокругъ него, но въ то же время онъ былъ бы не прочь и отъ-того, чтобы возлѣ него кто-нибудь былъ. Ему было бы пріятно кинуть въ лицо всему роду людскому восклицаніе: «Ты—идіотъ!» Отсутствіе вокругъ него людей обезпечивало его торжество, но умаляло его; онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ своей славы. Имѣть на шеѣ позорный ошейникъ—представляетъ своего рода привлекательность: по крайней мѣрѣ, всякій видитъ, что вы—подлецъ.

Заставить толпу смотрѣть на васъ—это значитъ выказывать свое могущество. Каторжникъ, стоящій у позорнаго столба съ ошейникомъ вокругъ шеи, является своего рода деспотомъ толпы, заставляя всѣ взоры обращаться на него. Плаха, это—тотъ же пьедесталъ. Быть фокусомъ, сосредоточивающимъ на себѣ всеобщее вниманіе, какого еще можно желать большаго торжества! Приковывать къ себѣ взоры толпы—это значитъ властвовать надъ нею. Для тѣхъ, для которыхъ зло составляетъ идеалъ, позоръ является своего рода вѣнцомъ; по крайней мѣрѣ, они наверху чего-то, они господствуютъ надъ чѣмъ-то, они преобладаютъ въ чемъ-то. Позорный столбъ, видимый для всѣхъ, въ глазахъ иныхъ людей предпочтительнѣе честной неизвѣстности. Неронъ, сжигавшій Римъ, Людовикъ XIV, измѣннически завладѣвавшій Пфальцемъ, регентъ Англіи, Георгъ, убивавшій Наполеона медленною смертью, должны были испытывать приблизительно то же, что испытывалъ теперь Клюбенъ. Избытокъ презрѣнія придаетъ презираемому своего рода величіе.

Быть выведеннымъ на свѣжую воду непріятно, но самому снять съ себя маску, эте—торжество. Это опьяняетъ, это производитъ на васъ впечатлѣніе дерзкой, но удавшейся неосторожности, это безстыдное обнаженіе себя, оскорбительное для всего окружающаго. И въ этомъ есть величайшее счастье. Подобныя мысли со стороны лицемѣра кажутся съ перваго взгляда противорѣчіемъ,

но это далеко не вѣрно. Всякая подлость послѣдовательна; въ кубкѣ меда есть горькій осадокъ. Іезуитъ Эскобаръ очень недалекъ отъ маркиза де-Сада. Лицемѣръ, будучи усовершенствованнымъ злодѣемъ, представляетъ собою два полюса испорченности: онъ, съ одной стороны—жрецъ зла, съ другой стороны—развратникъ. Это какъ бы гермафродитъ зла, самъ себя оплодотворяющій; онъ самъ себя зачинаетъ и преображаетъ. Желаете ли вы его красивымъ—вотъ онъ! Желаете ли вы его ужаснымъ—переверните его!

Эти или подобныя этому мысли роились въ умѣ Клюбена. Онъ ихъ сознавалъ довольно смутно, но все же онъ наслаждался ими. Изъ глубины души его поднимались одна за другою дурныя мысли, точно вылетающіе изъ ада блуждающіе огни.

Клюбенъ погрузился въ глубокую задумчивость. Онъ смотрѣлъ на скинутую съ себя честность такъ же, какъ должна смотрѣть змѣя на скинутую съ себя старую шкуру. Всѣ вѣрили въ его честность, и даже отчасти онъ самъ.

Вдругъ онъ разразился дикимъ хохотомъ. Всѣ будутъ считать его умершимъ, а онъ оказался богатымъ; всѣ будутъ считать его погибшимъ, а онъ оказался спасеннымъ. Какая ловкая штука сыграна имъ съ людскою глупостью! Съ представленіемъ о людской глупости въ умѣ Клюбена соединялось представленіе о Рантэнѣ. Онъ не могъ думать о немъ иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго презрѣнія, того презрѣнія, съ какимъ тигръ долженъ относиться къ куницѣ. То, что не удалось Рантэну, удалось Клюбену. Рантэнъ сходилъ со сцены одураченнымъ, а онъ, Клюбенъ,—торжествующимъ. Онъ оттолкнулъ Рантэна съ пути преступленія и теперь онъ, Клюбенъ, былъ богатъ.

Что касается будущаго, то у него на этотъ счетъ не было яснаго и опредѣленнаго плана. Въ поясѣ его лежала коробочка съ тремя банковыми билетами, и этого пока было для него достаточно. Онъ перемѣнитъ имя. Есть такія страны, гдѣ шестьдесятъ тысячъ франковъ стоятъ шестисотъ тысячъ. Что ему мѣшаетъ отправиться въ одинъ изъ такихъ уголковъ и тамъ спокойно жить на деньги, отнятыя у этого вора Рантэна? А то также не дурно было бы пуститься въ спекуляціи, заняться оптовой торговлей, сдѣлаться милліонеромъ. Напримѣръ, въ Коста-Рикѣ, занявшись торговлей кофе, можно загребать золото лопатами. Объ этомъ не мѣшаетъ подумать. Торопиться съ этимъ дѣломъ пока нечего. Самое трудное дѣло было—отнять деньги у Рантэна и исчезнуть вмѣстѣ съ Дюрандой. Эта часть задачи была исполнена. Все остальное уже гораздо проще, и серьезныхъ препятствій не можетъ встрѣтиться. Какой-либо неожиданной случайности нечего опасаться. Онъ вплавь доберется до берега, ночью проскользнетъ въ Плэнмонъ, взберется на береговой утесъ, прямо направится къ одиноко стоящему тамъ заброшенному дому, безъ труда проберется туда съ помощью веревочной лѣстницы, заранѣе запрятанной имъ въ одной изъ разсѣлинъ утеса, захватитъ въ этомъ домѣ дорожный мѣшокъ свой съ платьемъ и припасами, спокойно выждетъ тамъ время, когда, какъ ему было извѣстно, испанскіе контрабандисты, и вѣр-

нѣе всего Бласкито, пристанутъ къ Плэнмону. Съ помощью нѣсколькихъ гиней онъ будетъ перевезенъ не въ Торбей, какъ онъ говорилъ Бласко для того, чтобы замести настоящій свой слѣдъ, а въ Сантандеръ или Бильбао. Оттуда онъ проберется въ Вера-Круцъ или въ Новый Орлеанъ... Теперь, пожалуй, уже и пора кинуться въ море: шлюпка была далека. Проплыть часъ для Клюбена ничего не значило, а отъ утеса Гануа до Плэнмона было не болѣе одной мили.

Пока Клюбенъ предавался этимъ мечтаніямъ, туманъ разсѣялся, и Клюбенъ увидѣлъ прямо передъ собою страшный Дуврскій утесъ.

VII.

Неожиданность.

Волосы на головѣ Клюбена стали дыбомъ, и онъ испуганно смотрѣлъ на этотъ одинокій утесъ.

Да, ошибка здѣсь невозможна: передъ нимъ возвышался Большой Дувръ, а рядомъ съ нимъ Малый, съ узкимъ проходомъ между ними. Это была своего рода ловушка океана. До нихъ было рукой подать, и только благодаря густотѣ тумана Клюбенъ до сихъ поръ не могъ разглядѣть ихъ.

Оказалось, что благодаря тому же туману Клюбенъ ошибся въ направленіи. Несмотря на всю его зоркость, съ нимъ случилось то же, что и съ двумя великими мореплавателями—Гонзалесомъ, открывшимъ Бѣлый Мысъ, и Фернандецомъ, открывшимъ Зеленый Мысъ. Туманъ сбилъ его съ пути. Онъ показался ему, какъ нельзя болѣе подходящимъ для исполненія его плана, но онъ же представлялъ и не малую опасность. Клюбенъ ошибся и забралъ слишкомъ на западъ. Пассажиръ-гернсеецъ, объявляя, что онъ видитъ передъ собою утесъ Ле-Гануа, заставилъ Клюбена положить руль прямо на мнимый Гануа, съ тѣмъ, чтобы выброситься на этотъ утесъ. Между тѣмъ, Дюранда, наскочившая на подводный рифъ, очутилась всего въ нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ обоихъ Дувровъ.

Саженяхъ въ двухстахъ дальше виднѣлся громадный гранитный кубъ. На отвѣсахъ этого утеса можно было различить нѣсколько ложковъ и выступовъ, по которымъ можно было при нѣкоторой ловкости взобраться на утесъ, на вершинѣ котораго, судя по очертаніямъ его стѣнъ, очевидно, была площадка.

Этотъ утесъ назывался «Человѣкъ». Онъ былъ еще выше Дуврскихъ утесовъ, и площадка на вершинѣ его господствовала надъ обѣими недоступными вершинами послѣднихъ. Площадка эта, съ срѣзанными краями, формой своей сильно напоминала гробъ; трудно было вообразить себѣ что-либо болѣе печальное и мрачное. Валы морскіе безпрерывной чередою подкатывались къ этой громадной, черной глыбѣ, представлявшей собою какъ бы подножіе для громадныхъ призраковъ моря и тьмы.

Кругомъ царила мертвая тишина. Ни малѣйшаго дуновенія воздуха, ни малѣйшаго волненія на морѣ. Подъ этой нѣмой мор-

ской гладью не трудно было узнать кипѣніе жизни въ бездонной глубинѣ.

Клюбену не разъ приходилось видѣть Дуврскіе утесы издали, и для него не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что теперь онъ видитъ передъ собою именно эти утесы. Ужасное разочарованіе! Вмѣсто Гануа—Дувры! Вмѣсто разстоянія въ одну милю—цѣлыхъ пять миль воднаго пространства! А проплыть пять миль совершенно немыслимо даже для самаго лучшаго и отважнаго пловца. Добраться отсюда до берега невозможно. Дуврскіе утесы для потерпѣвшаго крушеніе—несомнѣнное напоминаніе того, что для него пробилъ послѣдній часъ жизни.

Клюбенъ содрогнулся. Онъ самъ себѣ приготовилъ вѣрную гибель. Для него теперь не было иного убѣжища, кромѣ утеса «Человѣкъ». Можно было ожидать, что ночью разразится буря, что переполненная шлюпка съ Дюранды пойдетъ ко дну и что такимъ образомъ до Гернсея не дойдетъ вѣсть о крушеніи. Никто не будетъ даже знать того, что Клюбенъ остался на Дуврскомъ рифѣ. Значитъ ему не предстояло иной перспективы, кромѣ смерти отъ голода и отъ холода. За свои семьдесятъ пять тысячъ франковъ онъ не достанетъ даже и корки хлѣба! Онъ самъ запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ; онъ самъ тщательно трудился надъ подготовленіемъ этой катастрофы. Никакого средства къ спасенію! То, въ чемъ онъ видѣлъ торжество свое, сдѣлалось его гибелью. Вмѣсто свободы—плѣненіе! Вмѣсто долгой, счастливой будущности—мучительная агонія! Все его столь хитро возведенное зданіе рухнуло въ одинъ мигъ, съ быстротою молніи. Вмѣсто ожидаемаго имъ рая передъ нимъ разверзался адъ.

Тѣмъ временемъ поднялся вѣтеръ. Туманъ сталъ разсѣиваться и уноситься клочьями въ даль. Море опять стало видно на большое пространство. Спускалась ночь, а вмѣстѣ съ нею, по всей вѣроятности, приближалась и буря. Быки, все болѣе и болѣе заливаемые водою, продолжали жалобно мычать въ трюмѣ. Дюранда, приподнятая съ мели приливомъ, качалась справа налѣво и слѣва направо и начала вертѣться на остреѣ рифа, точно на шпилѣ. Уже не трудно было предвидѣть, что вотъ-вотъ на нее налетитъ валъ и снесетъ ее съ мели въ море.

Теперь было свѣтлѣе, чѣмъ въ моментъ крушенія. Несмотря на поздній часъ, окружающіе предметы были виднѣе, чѣмъ среди густого тумана; точно туманъ, унесясь въ открытое море, захватилъ съ собой и часть мрака. На западѣ небо было совсѣмъ свѣтло, и море освѣщалось бѣлесоватымъ свѣтомъ сумерекъ. Дюранда сѣла на мель въ наклонномъ положеніи отъ кормы къ носу. Клюбенъ взобрался на корму, болѣе возвышавшуюся надъ водой, и пристально сталъ глядѣть на горизонтъ.

Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ лицемѣрія является, такъ сказать, цѣпкость въ надеждѣ. Лицемѣръ всегда чего-то выжидаетъ. Самое лицемѣріе не что иное, какъ надежда, принявшая чудовищныя формы; это качество, будучи доведено до крайнихъ предѣловъ, пріобрѣтаетъ форму порока. Какъ оно ни странно съ

перваго взгляда, но въ лицемѣріи есть значительная доля довѣрчивости. Оно твердо вѣритъ въ какую-то неизвѣстную, темную силу, которая не дастъ погибнуть злу.

Клюбенъ смотрѣлъ въ даль. Положеніе было отчаянное, но отчаяніе не находило себѣ мѣста въ его сердцѣ. Онъ утѣшалъ себя той мыслью, что послѣ такого продолжительнаго тумана корабли, легшіе въ дрейфъ или кинувшіе якорь, снова станутъ продолжать свой курсъ и что, можетъ-быть, тотъ или другой изъ нихъ пройдетъ мимо.

И дѣйствительно, на горизонтѣ показался парусъ, направлявшійся съ востока на западъ. Когда онъ приблизился, можно было разглядѣть и типъ его. На немъ была только одна мачта и оснастка шкуны. Бугшпритъ былъ почти горизонтальный. То былъ катеръ. Черезъ полчаса онъ долженъ былъ пройти въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Дуврскихъ утесовъ, и Клюбенъ уже говорилъ самъ себѣ: я спасенъ!

Въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ находился, прежде всего думаютъ о спасеніи жизни. Быть-можетъ, это было иностранное судно? Кто знаетъ, быть-можетъ, это было одно изъ тѣхъ контрабандистскихъ судовъ, которыя иногда приставали у Плэнмона? Быть-можетъ, это былъ самъ Бласкито? Въ такомъ случаѣ спасена не только жизнь, но и казна его, и встрѣча съ этимъ судномъ на Дуврскомъ утесѣ, ускоривая развязку, устраняя необходимость ожиданія въ уединенномъ домикѣ, завершая все это дѣло, такъ сказать, въ открытомъ морѣ, явилась бы даже весьма желательной и счастливою случайностью. Увѣренность въ спасеніи всецѣло овладѣла умомъ Клюбена. Людямъ несчастнымъ вообще свойственно вѣрить въ то, что успѣхъ и безопасность обезпечены имъ самой судьбой.

Осталось сдѣлать только одно. Дюранда, запутавшись въ утесахъ, сливала свой силуэтъ съ ихъ силуэтами, очертанія ея терялись на фонѣ ихъ очертаній и легко могли быть приняты одни за другія. Они ничѣмъ не выдѣлялись, не оттѣнялись и въ сумеркахъ они легко могли бы остаться незамѣченными плывущимъ мимо кораблемъ. Но совершенно иное дѣло человѣческая фигура, которая вырисовывалась бы чернымъ силуэтомъ на бѣлесоватости сумерекъ, стоя на вершинѣ утеса и дѣлая оттуда отчаянные жесты. Ея нельзя было не замѣтить, и, безъ сомнѣнія, тотчасъ же будетъ выслана лодка для снятія съ утеса потерпѣвшаго крушеніе.

Утесъ «Человѣкъ» былъ всего въ двухстахъ саженяхъ отъ мѣста крушенія Дюранды. Добраться до него вплавь было не трудно, а вскарабкаться на него—и того легче. Но только не слѣдовало терять ни минуты времени.

Такъ какъ носъ Дюранды врѣзался въ утесъ, то Клюбену приходилось броситься вплавь съ кормы, на которой онъ и стоялъ. Онъ сначала опустилъ зондъ и убѣдился въ томъ, что море подъ кормой было очень глубоко. Микроскопическія раковины дырчатыхъ и пузырчатыхъ животныхъ, приставшихъ къ зонду, были

цѣлы, а это доказывало, что вода достигаетъ здѣсь такой глубины, до которой не достигаетъ волненіе морской поверхности.

Клюбенъ сталъ раздѣваться, оставляя одежду свою на палубѣ. Вѣдь одежду онъ найдетъ и на шкунѣ. Онъ оставилъ на себѣ только кожаный поясъ. Совсѣмъ раздѣвшись, онъ ощупалъ этотъ поясъ, стянулъ его покрѣпче, нащупалъ въ немъ жестяной ящичекъ, окинулъ быстрымъ взглядомъ морскую гладь, чтобъ опредѣлить, въ какомъ направленіи ему слѣдуетъ плыть, чтобы достигнуть утеса «Человѣкъ» и избѣжать въ то же время буруновъ и прибоя, и затѣмъ бросился въ море внизъ головой.

Бросившись съ значительной высоты, онъ нырнулъ очень глубоко, до самаго дна, ощупалъ его рукою, ощупалъ также подводныя скалы, проплылъ нѣкоторое время подъ водою вблизи ихъ, и собирался было вынырнуть на поверхность.

Но въ этотъ самый моментъ онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за ногу.

Книга седьмая.—КАКЪ НЕОСТОРОЖНО ЗАГАДЫВАТЬ ПО КНИГѢ.

I.

Жемчужина на днѣ бездны.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ бесѣды своей съ Ландуа, Жилліатъ былъ уже въ Сенъ-Сампсонѣ. Онъ былъ взволнованъ, почти встревоженъ. Что же такое случилось?

Весь Сенъ-Сампсонъ гудѣлъ, точно потревоженный пчелиный улей. Всѣ повыскакивали изъ домовъ своихъ, женщины кричали, мужчины что-то разсказывали, сильно размахивая руками, и вокругъ разсказчиковъ собирались группы слушателей. Раздавались голоса: «Какое несчастье!» Нѣкоторыя лица улыбались.

Жилліатъ не сталъ никого разспрашивать. Вообще не въ его привычкахъ было разспрашивать, а къ тому же онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы вступать въ разговоръ съ людьми равнодушными. Онъ не довѣрялъ розсказнямъ; онъ предпочиталъ узнать дѣло изъ первыхъ источниковъ, и потому пошелъ прямо къ дому Летьерри. Безпокойство его было такъ сильно что онъ даже не побоялся войти въ этотъ домъ.

Къ тому же дверь, выходившая изъ большой комнаты нижняго этажа на набережную, была раскрыта настежь, а на порогѣ ея толпились и мужчины и женщины. Всѣ безпрепятственно входили въ дверь, и онъ также вошелъ въ нее. У самой притолоки онъ натолкнулся на Ландуа, который сказалъ ему вполголоса:

— Вы, конечно, уже знаете, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, ничего не знаю.

— Я не хотѣлъ кричать объ этомъ на улицѣ, чтобы не походить на зловѣще каркающую ворону.

— Да что такое случилось?

— Дюранда погибла.

Въ залѣ была толпа людей. Всѣ разговаривали шопотомъ, точно въ комнатѣ тяжко больного. Тутъ были знакомые, и сосѣди и простые прохожіе, заглянувшіе сюда изъ любопытства. Всѣ какъ-то боязливо жались возлѣ двери, не проникая дальше въ комнату, въ глубинѣ которой видны были Дерюшетта, вся въ слезахъ, и стоявшій возлѣ нея Летьерри. Онъ прислонился къ перегородкѣ, и матросская шапочка его была надвинута на глаза. Изъ-подъ нея свѣшивалась на лобъ и на щеку прядь сѣдыхъ волосъ. Онъ не произносилъ ни слова. Руки его повисли плетьми, грудь его, казалось, не дышала. Онъ имѣлъ видъ неодушевленнаго предмета, какой-то куклы, какого-то чучела, прислоненнаго къ стѣнѣ.

Достаточно было одного взгляда на него, чтобъ узнать въ немъ человѣка, жизнь котораго сразу рухнула. Разъ не было Дю-

ранды, жизнь не имѣла уже больше никакого смысла для Летьерри. Душа его плавала по морю, и душа эта разбилась. Что ему теперь оставалось дѣлать? Вставать каждое утро, ложиться каждый вечеръ, не поджидая Дюранды, не видя ея приходящею? Что за прокъ въ такомъ безцѣльномъ существованіи? Ѣсть, пить,—а дальше что? Человѣкъ этотъ увѣнчалъ всю свою трудовую жизнь созданіемъ этого парохода, всѣ свои лишенія—этимъ прогрессомъ. И вдругъ пароходъ погибъ, прогрессъ разлетѣлся прахомъ! Прожить,—какое прожить!—прозябать еще нѣсколько лѣтъ! Къ чему? Вѣдь съ этихъ поръ жизнь не имѣетъ для него больше ни смысла ни цѣли. Онъ былъ слишкомъ старъ, для того, чтобы начинать дѣло сызнова. Да и къ тому же онъ былъ разоренъ. Бѣдный старикъ!

Дерюшетта, сидя возлѣ него вся въ слезахъ на стулѣ, держала въ обѣихъ рукахъ своихъ одну изъ рукъ своего дяди. Ея руки были сложены какъ бы для молитвы, его рука была сжата въ кулакъ. Это были своего рода оттѣнки горя двухъ этихъ существъ. Сложенныя руки служатъ выраженіемъ того, что надежда еще не совсѣмъ исчезла изъ сердца; сжатый кулакъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ сердцѣ не осталось ни малѣйшаго мѣста для надежды, что въ немъ—одно только отчаяніе. Летьерри не отнималъ своей руки изъ ея рукъ. Онъ сдѣлался какой-то безчувственный. Въ немъ теплилось лишь столько жизни, сколько теплится ея въ человѣкѣ, только что пораженномъ молніей.

Сильное горе часто погружаетъ человѣка въ такую бездну, гдѣ онъ какъ будто совсѣмъ изъятъ изъ міра живыхъ существъ. Онъ не видитъ никого и ничего вокругъ себя; его могутъ толкать—и онъ ничего не замѣчаетъ. Вы недосягаемы для тѣхъ, кто васъ окружаетъ, и они для васъ недоступны. Счастье и отчаяніе, это—такого рода различная среда, въ которой дышится совсѣмъ иначе. Человѣкъ, поверженный въ отчаяніе, какъ бы издали присутствуетъ при жизни другихъ людей; онъ игнорируетъ ихъ присутствіе; хотя онъ попрежнему состоитъ изъ мускуловъ и костей, но онъ уже не сознаетъ себя существомъ реальнымъ; онъ самъ для себя не что иное, какъ привидѣніе.—Летьерри былъ именно въ такомъ состояніи.

Вокругъ него шептались, обмѣнивались свѣдѣніями и новостями. Вотъ что было извѣстно:

Дюранда наканунѣ, при густомъ туманѣ, наскочила на Дуврскій утесъ приблизительно за часъ до захода солнца. За исключеніемъ капитана, не пожелавшаго покинуть судно, весь экипажъ и всѣ пассажиры успѣли спастись въ шлюпкѣ. Сѣверо-западный шквалъ, налетѣвшій на нихъ и разсѣявшій туманъ, едва не потопилъ шлюпки и унесъ ее въ открытое море, дальше Гернсея. Но ночью они, по счастью, встрѣтили судно «Кашміръ», которое приняло ихъ на бортъ и доставило ихъ въ Сенъ-Пьеръ-Поръ. Во всемъ виноватъ рулевой Тангруйль, который и заключенъ въ тюрьму. Клюбенъ показалъ себя великодушнымъ.

Рулевые, которыхъ не мало было среди присутствующихъ, съ какимъ-то ужасомъ произносили слова «Дуврскій утесъ». «Бѣда тому, кто на него попадетъ», говорили они.

На столѣ лежали компасъ и связки судовыхъ документовъ и книгъ, переданные Клюбеномъ Имбранкаму и Тангруйлю при отплытіи шлюпки. Какое замѣчательное самопожертвованіе со стороны человѣка, думающаго о спасеніи бумагъ въ ту самую минуту, когда онъ обреченъ на вѣрную смерть! Эта незначительная подробность не лишена величія. Дальше этого самоотреченіе не можетъ итти.

Всѣ единогласно восхваляли Клюбена, но, впрочемъ, почти столь же единогласно высказывали предположеніе объ его спасеніи. Шкуна «Шелтиль» прибыла нѣсколько часовъ послѣ «Кашмира» и привезла болѣе свѣжія извѣстія. Она только что пробыла цѣлыя сутки въ тѣхъ же водахъ, какъ и Дюранда. Она выждала туманъ и лавировала во время бури. Шкиперъ «Шелтиля» былъ въ числѣ присутствующихъ. Въ ту самую минуту, какъ въ комнату входилъ Жилліатъ, этотъ шкиперъ только что доканчивалъ свой подробный разсказъ Летьерри. Къ утру, когда буря утихла и оказалось возможнымъ маневрировать по вѣтру, шкиперъ «Шелтиля» услыхалъ на морѣ громкое мычаніе. Эти обычные на лугахъ, но крайне странные на морѣ, звуки удивили его, и онъ направилъ судно въ ту сторону. Тогда онъ увидѣлъ среди Дуврскихъ утесовъ Дюранду. Море было настолько спокойно, что онъ могъ приблизиться къ пароходу. Онъ окликнулъ въ рупоръ, но не послѣдовало никакого отвѣта, кромѣ мычанія быковъ, тонувшихъ въ трюмѣ. Шкиперъ «Шелтиля» былъ увѣренъ въ томъ, что на Дюрандѣ никого не было. Она была не настолько разбита волнами, чтобы на ней нельзя было продержаться всю ночь, какъ бы сильна ни была буря. Клюбенъ къ тому же былъ не такой человѣкъ, чтобы раньше времени приходить въ отчаяніе. Его не было на пароходѣ,—значитъ ему удалось спастись. Нѣсколько лихтеровъ и люгеровъ изъ Гранвилля и Сенъ-Мало, выбравшись изъ полосы тумана, должны были, очевидно, пройти наканунѣ вечеромъ очень близко отъ Дуврскихъ утесовъ; одинъ изъ нихъ, несомнѣнно, и подобралъ капитана Клюбена. Не слѣдуетъ забывать того, что шлюпка Дюранды была переполнена, отчаливая отъ разбившагося парохода, что и безъ того плаваніе ея подвергалось большому риску. Одинъ лишній человѣкъ на ней могъ заставить ее затонуть и именно это-то обстоятельство и побудило Клюбена остаться на разбитомъ суднѣ. Но разъ исполнивъ свой долгъ и увидѣвъ недалеко отъ себя судно, на которомъ можно было спастись, Клюбенъ, безъ сомнѣнія, самъ поспѣшилъ воспользоваться этой счастливой случайностью. Можно быть героемъ, но къ чему же быть безумцемъ! Самоубійство съ его стороны было бы тѣмъ болѣе нелѣпо, что всѣ его дѣйствія были безупречны; во всемъ виноватъ Тангруйль, а не Клюбенъ. Все это казалось чрезвычайно правдоподобнымъ. Шкиперъ «Шелтиля», очевидно, былъ правъ, и всѣ были увѣрены въ томъ, что съ минуты на минуту явится Клюбенъ. Всѣ уже готовились оказать ему самую торжественную встрѣчу. Словомъ, изъ разсказа шкипера оказывалось несомнѣннымъ, что Клюбенъ былъ спасенъ, а Дюранда погибла.

Что касается Дюранды, то съ ея участью приходилось примириться: несчастіе было неисправимо. Шкиперъ «Шелтиля» присутствовалъ при послѣднемъ фазисѣ ея крушенія. Острый утесъ, къ которому Дюранда была нѣкоторымъ образомъ пригвождена, не выпускалъ своей добычи въ теченіе всей ночи, несмотря на всѣ усилія вѣтра. Но поутру, въ то самое время, когда «Шелтиль», удостовѣрившись въ томъ, что на разбитомъ пароходѣ некого спасать, собирался уходить отъ Дюранды, налетѣлъ шквалъ, представляя какъ бы послѣднее, отчаянное усиліе недовольной своей неудачей бури. Громадный морской валъ приподнялъ Дюранду, сорвалъ ее съ утеса и швырнулъ ее, съ быстротою молніи, какъ разъ въ узкій проходъ между обѣими Дуврскими скалами. Послышался «дьявольскій» трескъ,—продолжалъ шкиперъ. Дюранда, высоко поднятая валомъ, застряла между обѣихъ скалъ на высотѣ шпангоута. Она снова оказалась пригвожденною, но на этотъ разъ еще крѣпче, чѣмъ на рифѣ, и ей предстояла горькая участь оставаться въ этомъ висячемъ положеніи, предоставленной на произволъ вѣтра и волнъ. Пароходъ, по словамъ шкипера «Шелтиля», былъ уже разбитъ на три четверти. Онъ, несомнѣнно, погрузился бы въ воду въ теченіе ночи, если бы рифъ не поддерживалъ его снизу. Шкиперъ подробно разсмотрѣлъ его въ свою подзорную трубу. Онъ описывалъ, съ точностью опытнаго моряка, подробности того положенія, въ которомъ онъ нашелъ его: правая кормовая часть была разбита, мачты поломаны, паруса разорваны, вантъ-путенсы почти всѣ погнуты, рѣшетка на носу разбита свалившейся мачтой, подножки срѣзаны начисто, потолокъ баталеръ-камеры обвалился, подкладины шлюпки опрокинуты, ось руля сломана, штуръ-тросы вывинчены, клѣтки и битенги снесены, красписы уничтожены, рыбины исчезли, ахтеръ-штевенъ сломанъ. Словомъ, буря на славу поработала надъ пароходомъ. Что же касается грузильнаго крюка на носу парохода, то отъ него не осталось и слѣда: онъ снесенъ начисто, вмѣстѣ съ тенгой, желѣзными блоками и цѣпями. Дюранда вся расшаталась, теперь вода разнесетъ ее по частямъ, и черезъ нѣсколько дней отъ нея ничего больше не останется.

Однако страннымъ образомъ машина осталась почти совсѣмъ цѣла, что доказывало прочность ея конструкціи. Мачты не выдержали, но пароходная труба осталась цѣла. Только поручни на капитанскомъ мостикѣ были погнуты; кожухи тоже пострадали, но въ колесахъ, повидимому, всѣ лопасти были цѣлы. Также былъ цѣлъ и паровикъ, въ этомъ былъ убѣжденъ шкиперъ «Шелтиля». Кочегаръ Имбранкамъ, бывшій въ числѣ слушателей, раздѣлялъ это убѣжденіе. Этотъ негръ, болѣе смышленый, чѣмъ многіе бѣлые, былъ просто влюбленъ въ свою машину. Онъ поднялъ руки, растопыривъ всѣ десять своихъ черныхъ пальцевъ и восторженно воскликнулъ, обращаясь къ Летьерри: «Господинъ, машина жива!»

Такъ какъ спасеніе Клюбена казалось несомнѣнымъ, а съ мыслью о гибели кузова Дюранды приходилось мириться, то раз-

говоры всѣхъ присутствующихъ сосредоточились на машинѣ. Ею интересовались, точно живымъ существомъ. «Вотъ-то здоровая штука!» воскликнулъ одинъ матросъ-французъ. «Молодецъ тотъ, кто ее строилъ», проговорилъ рыбакъ-гернсеецъ. «Да, хорошая вещица,—замѣтилъ, въ свою очередь, шкиперъ «Щелтиля»,—если она отдѣлалась въ этой передрягѣ двумя или тремя царапинами!» Всѣ мысли сосредоточились на этой машинѣ. Стали раздаваться голоса за и противъ; у нея явились друзья и недруги. Иные изъ владѣльцевъ парусныхъ судовъ, надѣясь на заполученіе грузовъ погибшей Дюранды, въ душѣ были рады тому, что Дуврскіе утесы такъ круто распорядились съ злосчастнымъ пароходомъ. Мало-по-малу шопотъ превратился въ гамъ. Всѣ стали кричать, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Летьерри, попрежнему погруженнаго въ мрачное отчаяніе.

Завязавшіеся въ разныхъ углахъ комнаты толки и разговоры въ сущности сводились къ слѣдующему: «Вся суть въ машинѣ. Построить новый корабельный корпусъ—нетрудно. Совсѣмъ иное дѣло сдѣлать новую машину, для этого не хватило бы средствъ, а главное—работника. Вѣдь механикъ, который ее дѣлалъ, уже умеръ. А стоила она сорокъ тысячъ франковъ. Кто же рискнетъ своимъ капиталомъ на такое сомнительное дѣло, тѣмъ болѣе, что какъ теперь доказано, паровыя суда такъ же легко могутъ потерпѣть крушеніе, какъ и всякія другія. Настоящій случай съ Дюрандой обращалъ въ ничто всѣ ея прежніе успѣхи. Однако какъ жаль, что въ настоящую минуту этотъ механизмъ находится еще въ хорошемъ состояніи, а что дней черезъ пять-шесть его ожидаетъ та же участь, какъ и самое судно. Потеря машины была бы невознаградима. Если бы удалось спасти ее, то бѣда была бы еще въ полбѣды.

«Спасти машину! Легко сказать! Но развѣ это возможно? Да и кто возьмется за это? Иное дѣло—надумать что-нибудь, иное—осуществить надуманное. Попробуйте-ка осуществить сонъ! А что могло быть неосуществимѣе такого сна, какъ спасеніе машины, затонувшей близъ Дуврскихъ утесовъ? Послать туда судно и рабочихъ было бы просто нелѣпо, и объ этомъ нечего было и думать. Въ это время года море было очень неспокойно; при первомъ шквалѣ якорныя цѣпи были бы перерѣзаны острыми краями подводныхъ камней, и судно неизбѣжно разбилось бы объ утесъ. Это значило бы посылать второе кораблекрушеніе на помощь первому. Въ томъ углубленіи верхней площадки утеса, въ которомъ нашелъ убѣжище легендарный путникъ, выброшенный сюда волной, едва хватало мѣста для одного человѣка. Значитъ для того, чтобы спустить машину, нужно было, чтобы одинъ человѣкъ, и только одинъ, отправился на Дуврскіе утесы, на разстояніе пяти миль отъ берега, въ эту страшную каменную и водную пустыню, чтобы онъ провелъ здѣсь въ безусловномъ одиночествѣ цѣлыя недѣли, лицомъ къ лицу съ предвидѣннымъ и непредвидѣннымъ въ постоянномъ страхѣ и тревогѣ, при полной невозможности снабдить его припасами, безпомощный въ случаѣ какого-либо несчастія, не видя

передъ собою ни малѣйшихъ признаковъ живого существа, кромѣ костей человѣка, умершаго здѣсь съ голоду, безъ всякаго другого общества, кромѣ этого ужаснаго призрака. Да и, наконецъ, какимъ образомъ онъ приступитъ къ вынутію изъ воды тяжелой машины? Для того чтобы разобрать ее, нужно быть не только морякомъ, но и механикомъ. И среди скольких лишеній! Человѣкъ, который пошелъ бы на это, былъ бы болѣе чѣмъ героемъ,—онъ былъ бы безумцемъ, ибо бываютъ такія невозможныя предпріятія, которыя, повидимому, немыслимы безъ сверхчеловѣческихъ силъ въ которыхъ храбрость превращается въ безуміе. И наконецъ, развѣ не было бы безуміемъ рисковать жизнью изъ-за какихъ-то кусковъ желѣза! Нѣтъ, конечно, никто не рѣшится отправиться на Дуврскіе утесы! На машину слѣдовало махнуть рукою, какъ и на самый корпусъ судна. Нужнаго для этого спасителя не окажется. Гдѣ найти такого человѣка?»

Вотъ, приблизительно, къ чему сводились всѣ толки и разговоры толпы, наполнявшей комнату. Шкиперъ «Шелтиля», бывшій лоцманъ, выразилъ эту всеобщую мысль въ слѣдующемъ громкомъ восклицаніи:

— Нѣтъ, баста! Еще не родился тотъ человѣкъ, который отправился бы туда и привезъ бы оттуда машину!

— Ужъ если я не отправляюсь туда,—добавилъ Имбранкамъ,—то, значитъ, это невозможно.

Шкиперъ «Шелтиля» помахалъ лѣвой рукой и сказалъ:

— Если бы такой человѣкъ нашелся...

— То я вышла бы за него замужъ,—проговорила Дерюшетта, поворачивая къ нему голову.

Наступило всеобщее молчаніе. Отъ толпы отдѣлился очень блѣдный человѣкъ и переспросилъ:

— Вы вышли бы за него замужъ, m-lle Дерюшетта?—То былъ Жилліатъ.

Всѣ подняли глаза, тогда какъ Летьерри выпрямился во весь ростъ. Глаза его блестѣли какимъ-то страннымъ блескомъ. Онъ сорвалъ съ своей головы матросскую шапку свою, швырнулъ ее объ полъ, затѣмъ устремилъ глаза на стоявшую передъ нимъ толпу, никого, однако, не видя, и произнесъ:

— Да, Дерюшетта вышла бы за него замужъ. Клянусь въ томъ именемъ Господа Бога и моимъ честнымъ словомъ.

II.

Большое удивленіе на западномъ берегу.

Въ ночь, слѣдовавшую за этимъ днемъ, луна должна была взойти въ десять часовъ. Однако, несмотря на свѣтлую ночь, на безвѣтріе и на спокойное состояніе моря, ни одинъ рыбакъ не собирался выходить въ море ни изъ одной гавани или бухты Гернсея. Объяснялось это обстоятельство просто тѣмъ, что въ этотъ день пѣтухъ прокричалъ ровно въ полдень. А когда пѣтухъ кричитъ въ такой необычный часъ, ловъ бываетъ неудаченъ.

Однако въ этотъ вечеръ, передъ наступленіемъ ночи, одинъ рыбакъ, возвращавшійся въ Омптоль, былъ не мало изумленъ. Противъ Гумэ-Парадиса, около Брэйскихъ и Грюнскихъ камней, имѣя слѣва Фужерскій буекъ, въ видѣ опрокинутой воронки, а справа Сенъ-Сампсонскій буекъ, въ видѣ человѣческой фигуры, онъ вообразилъ, будто видитъ передъ собою еще третій буекъ. Откуда бы онъ могъ взяться? Когда же это его поставили? И какую такую мель онъ обозначалъ? Но буекъ самъ поспѣшилъ отвѣтить на эти вопросы: то была мачта. Это еще болѣе усилило удивленіе рыбака. Буекъ заставилъ рыбака задуматься, а мачта и того больше. О рыбной ловлѣ нечего было и думать. Кто же это и зачѣмъ выходитъ изъ гавани, когда всѣ спѣшатъ возвратиться въ нее?

Десять минутъ спустя, мачта, медленно подвигаясь, была уже въ незначительномъ разстояніи отъ омптольскаго рыбака. Онъ не могъ разглядѣть судна, но ясно разслышалъ шумъ веселъ. По звуку слышно было, что на лодкѣ только два весла; значитъ въ ней плылъ только одинъ человѣкъ. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера; очевидно, человѣкъ этотъ направлялся къ Фонтенелю, чтобы тамъ стать подъ вѣтеръ и распустить парусъ. Значитъ, онъ разсчитывалъ обогнуть Анкрессъ и мысъ Кревель. Что бы это могло означать? Вскорѣ мачта скрылась изъ виду, а рыбакъ вернулся домой.

Въ эту самую ночь, на западномъ берегу Гернсея, случайные наблюдатели сдѣлали въ различные часы и въ различныхъ мѣстахъ различныя наблюденія.

Въ то время, когда омптольскій рыбакъ причаливалъ у берега свою лодку, одинъ изъ мѣстныхъ жителей, везшій на возу собранныя имъ на берегу моря водоросли, погоняя своихъ лошадей въ полумилѣ отъ этого мѣста, по пустынной въ этотъ часъ дорогѣ въ Клотюръ, недалеко отъ друидическаго камня, между шоссейными камнями за нумерами 6 и 7, увидѣлъ довольно далеко на морѣ, въ мѣстѣ довольно опасномъ и потому обыкновенно избѣгаемомъ, въ сторонѣ Сѣвернаго и Песчанаго утесовъ, какой-то парусъ, который поднимали. Онъ, впрочемъ, не обратилъ на это особеннаго вниманія, такъ какъ его дѣло была телѣга, а не лодка.

Приблизительно съ полчаса послѣ того, какъ возчикъ увидѣлъ этотъ парусъ, одинъ штукатуръ, возвращаясь съ работы изъ города и огибая Пелерское болото, увидѣлъ прямо передъ собою лодку, довольно смѣло рискнувщую пуститься между морскихъ скалъ. Ночь была темная, но море отсвѣчивало, какъ это часто случается въ тѣхъ мѣстностяхъ, и можно было разглядѣть даже издали движеніе лодки по волнамъ. На морѣ только и была одна эта лодка.

Немножко позднѣе и немножко дальше человѣкъ, собиравшій морскихъ раковъ, разставляя свой садокъ между отмелями Порсуафа и Портъ-Анфера, никакъ не могъ взять въ толкъ, что такое дѣлаетъ лодка, скользящая между Бу-Корнейлемъ и Мульреттомъ? Нужно было быть превосходнымъ гребцомъ и очень торопиться куда-нибудь, чтобы рисковать, отправляясь въ такую опасную поѣздку.

Въ то время, когда въ Кателѣ пробило восемь часовъ, трактирщикъ изъ Кобо-бея замѣтилъ не безъ удивленія парусъ по ту сторону Бу-дю-Жардена и Грюнетта, очень близко отъ Сюзанны и западной Грюны. Невдалекѣ отъ Кобо-бея, на уединенномъ мыскѣ Гумѣ, въ Вазанской бухтѣ, какой-то человѣкъ и какая-то женщина, пришедшіе сюда на свиданіе, собирались разстаться, и женщина говорила мужчинѣ: «Если я ухожу, то не потому, что не желалъ бы побыть еще съ тобой, а потому что меня ждетъ дѣло». Въ то самое время, какъ они обмѣнивались долгимъ, прощальнымъ поцѣлуемъ, вниманіе ихъ было привлечено лодкой, проплывшей очень близко отъ нихъ и направлявшейся къ Месселеттѣ.

Нѣкто г. Лепэръ-де-Норжіо, жившій на Пипетскомъ косогорѣ, около девяти часовъ вечера разсматривалъ лазейку, продѣланную какимъ-то шалунами въ заборѣ его сада. И вдругъ, покачивая головой при видѣ этой дерзкой продѣлки, онъ, къ не малому своему удивленію, увидѣлъ лодку, смѣло огибавшую въ этотъ поздній часъ Крокскій мысокъ. Вскорѣ послѣ бури, при не вполнѣ еще успокоившемся морѣ, этотъ путь былъ довольно рискованъ. Для того, чтобы избрать его, нужно было быть прекрасно знакомымъ съ этой мѣстностью.

Въ половинѣ десятаго, около Эккерье, рыбакъ, тащившій съ морского берега домой свой неводъ, остановился на нѣкоторое время между Коломбелемъ и Суффлерессомъ, разсматривая что-то похожее на лодку. Лодка эта подвергалась большой опасности, такъ какъ въ этомъ открытомъ мѣстѣ легко могъ налетѣть на нее шквалъ, они бываютъ особенно часто именно около Суффлерессa.

Въ то самое время, когда всходила луна, при полномъ приливѣ, когда въ небольшомъ проливѣ Ли-Гу была довольно высокая вода, береговой сторожъ въ Ли-Гу былъ очень перепуганъ. Вдругъ между нимъ и луной промелькнула какая-то черная фигура, высокая, длинная и узкая, похожая на человѣка, укутаннаго въ черный саванъ. Она медленно скользила надъ отвѣсами утесовъ. Сторожъ въ Ли-Гу готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что это было привидѣніе, извѣстное у суевѣрныхъ островитянъ подъ названіемъ «Черной Дамы». Въ Пэ-д'Амонѣ живетъ «Бѣлая Дама», въ Пэ-д'Авалѣ—«Сѣрая», въ Силёзѣ, къ сѣверу отъ Маркизовой отмели, «Красная» и, наконецъ, въ Грандъ-Эшакрэ, къ западу отъ Ли-Гумэ, водится «Черная Дама». По ночамъ, при свѣтѣ мѣсяца, всѣ эти четыре дамы выходятъ гулять и иногда встрѣчаются другъ съ другомъ.

Но въ сущности эта черная фигура могла быть и парусомъ. Камни длиннаго рифа, позади котораго плыла лодка, которой принадлежалъ этотъ парусъ, могли скрывать ея очертанія, такъ что виденъ былъ одинъ только парусъ. Но сторожъ спрашивалъ себя: какой смѣльчакъ отважился плыть въ такой поздній часъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, да и съ какою цѣлью? Поэтому ему показалось болѣе правдоподобнымъ, что это была именно Черная Дама.

Какъ только луна поднялась надъ колокольней Сенъ-Пьеръ-Дюбуа, сержантъ Рокэнской цитадели, убирая подъемный мостъ

разглядѣлъ въ устьѣ бухты, между верхнимъ Конэ и Самбюлемъ, лодку подъ парусомъ, направлявшуюся, казалось, съ сѣвера на югъ.

На южномъ берегу Гернсея, позади Плэнмона, въ глубинѣ узкой и извилистой бухточки, окаймленной отвѣсными скалами, есть странная гавань, которую одинъ французъ, живущій на островѣ съ 1855 года, быть-можетъ, тотъ самый, который пишетъ эти строки, назвалъ «Четырехъярусной Гаванью», и это названіе какъ то привилось къ этой бухточкѣ. Возлѣ этой бухты, называвшейся прежде Ла-Муа, возвышается скала, заканчивающаяся наполовину натуральной, наполовину искусственной площадкой, возвышающейся футовъ на сорокъ надъ уровнемъ моря, и съ которой спускаются въ море въ наклонномъ положеніи два большихъ бревна. Лодки, съ помощью цѣпей и блоковъ, поднимаются и спускаются по этимъ бревнамъ точно по рельсамъ. Для людей здѣсь устроена лѣстница. Эта гавань, будучи малодоступной, была очень удобна для контрабандистовъ, и они охотно приставали въ ней.

Около одиннадцати часовъ контрабандисты, быть-можетъ, тѣ самые, на которыхъ разсчитывалъ Клюбенъ, стояли съ своими тюками на верхней площадкѣ этого утеса. Контрабандисту нужно всегда быть насторожѣ. Они высматривали. Ихъ не мало удивило появленіе паруса, показавшагося изъ-за чернаго силуэта Плэнмона. Свѣтилъ мѣсяцъ. Контрабандисты стали слѣдить за этимъ парусомъ, опасаясь, не береговой ли это стражникъ, намѣревающійся спрятаться въ засаду позади утеса Большой Гануа. Но парусъ проплылъ мимо Гануа, оставилъ къ сѣверо-западу отъ себя утесъ Блондель и скрылся на дальнемъ горизонтѣ открытаго моря.

— Куда къ чорту поплыла эта лодка?—спрашивали себя контрабандисты.

Въ тотъ же вечеръ, вскорѣ послѣ заката солнца, слышно было, какъ кто-то постучался у двери домика Жилліата. Это былъ молодой парень, одѣтый въ коричневое платье при желтыхъ чулкахъ, т.-е. въ костюмъ мѣстнаго причетника. Но оказалось, что и дверь и ставни домика были заперты. Какая-то старуха, собиравшая на берегу моллюсковъ, съ фонаремъ въ рукахъ, окликнула парня и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Кого вамъ нужно? — Здѣшняго хозяина.—Его нѣтъ дома.—Да гдѣ же онъ?—Не знаю.—А завтра его можно будетъ застать?—Не знаю.—Значитъ онъ далеко уѣхалъ?—Не знаю.—Дѣло въ томъ, моя милая, что новый нашъ пасторъ, его преподобіе Эбенезеръ Кодрэ, желалъ бы навѣстить его и прислалъ меня узнать, будетъ ли здѣшній хозяинъ дома завтра утромъ?—Не могу знать, не знаю.

III.

Не искушайте Библіи.

Въ теченіе цѣлыхъ послѣдующихъ сутокъ Летьерри не спалъ, не ѣлъ, не пилъ, нѣсколько разъ цѣловалъ въ лобъ Дерюшетту, справлялся о томъ, не получено ли какихъ-нибудь извѣстій о Клюбенѣ, подписалъ заявленіе, что онъ не имѣетъ никакой претензіи

къ Тангруйлю, котораго и просилъ освободить. Весь слѣдующій день онъ провелъ, прислонившись грудью къ столу, въ конторѣ Дюранды, въ полусидячемъ, въ полулежачемъ положеніи, и съ кротостью отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы. Впрочемъ, сосѣдское любопытство уже было удовлетворено, и въ этотъ день почти никто не посѣщалъ дома Летьерри. Въ торопливости выразить свое соболѣзнованіе кроется значительная доля любопытства. Теперь любопытство было удовлетворено, и Летьерри съ Дерюшеттой оставлены въ покоѣ. Блескъ, сверкавшій въ глазахъ Летьерри, потухъ, и взоръ его снова сдѣлался мраченъ и тусклъ, какимъ онъ былъ при полученіи перваго извѣстія о катастрофѣ.

Обезпокоенная Дерюшетта, по совѣту обѣихъ служанокъ, положила подлѣ него на столъ, но не говоря ему ни слова, пару чулокъ, которую онъ вязалъ какъ разъ въ то время, когда получено было извѣстіе о катастрофѣ. Онъ горько улыбнулся и проговорилъ: «Меня, значитъ, считаютъ дурачкомъ?» Затѣмъ, помолчавъ съ четверть часа, прибавилъ: «Эти глупости умѣстны, когда человѣкъ счастливъ».

Дерюшетта поспѣшила убрать чулки и при семъ удобномъ случаѣ убрала также компасъ и судовыя бумаги, находя, что дядя ея слишкомъ много на нихъ смотритъ.

Подъ вечеръ, незадолго до вечерняго чая, отворилась дверь, и въ комнату вошли два человѣка, одинъ старикъ, другой молодой, оба одѣтые въ черное платье. О молодомъ уже была рѣчь въ этомъ разсказѣ.

Оба они имѣли серьезный видъ, но серьезность ихъ была различна: у старика она была, такъ сказать, дѣланная, у молодого она была естественная. У перваго она являлась результатомъ костюма, у второго—мысли. Судя по костюму, оба они были духовныя лица, и притомъ англиканской церкви.

Прежде всего поражало наблюдателя въ молодомъ человѣкѣ то, что серьезность его, бывшая, очевидно, не напускною, а являвшаяся результатомъ глубокаго ума и выражавшаяся преимущественно въ его взорѣ, не отражалась на всей его фигурѣ. Серьезность допускаетъ страсть, она даже дѣлаетъ ее болѣе чистою; но этотъ молодой человѣкъ былъ прежде всего красивъ. Такъ какъ онъ былъ уже священникомъ, то ему должно было быть по меньшей мѣрѣ двадцать пять лѣтъ; но на видъ ему нельзя было дать болѣе восемнадцати. Въ немъ была та гармонія, а также тотъ контрастъ, что душа его казалась созданной для страсти, а тѣло—для любви. Онъ былъ бѣлокуръ, румянъ, свѣжъ, очень статенъ и строенъ, даже въ своемъ священническомъ костюмѣ. Кожа его была нѣжна, а руки бѣлы, какъ у молодой дѣвушки. Манеры его, хотя и сдержанныя, были граціозны. Все въ немъ было красиво, изящно, почти сладострастно. Красивые глаза придавали мужественное выраженіе этому нѣсколько женственному лицу. Его улыбка, показывавшая два ряда почти дѣтскихъ зубовъ, была задумчива и меланхолична. Словомъ, въ немъ соединялась миловидность пажа съ достоинствомъ епископа. Изъ-подъ

густыхъ золотисто-бѣлокурыхъ волосъ, выглядывалъ бѣлый, высокій, чистый лобъ. Небольшая, изогнутая морщинка между двухъ бровей свидѣтельствовала о томъ, что подъ этимъ лбомъ постоянно работаетъ мысль.

При первомъ взглядѣ на него сейчасъ же можно было узнать въ немъ одно изъ тѣхъ симпатичныхъ, невинныхъ и чистыхъ существъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ вульгарной частью человѣчества, которыхъ мечты дѣлаютъ благоразумными, а опытность дѣлаетъ восторженными. Сквозь его наружную молодость проглядывала внутренняя зрѣлость. При сравненіи его съ сѣдовласымъ духовнымъ лицомъ, которое сопровождало его, онъ на первый взглядъ казался его сыномъ, а на второй взглядъ—его отцомъ.

Второй былъ не кто иной, какъ пасторъ Жакмэнъ Эродъ, принадлежащій къ такъ называемой «высокой церкви», т.-е. почти къ той же католической, только безъ папы. Уже въ то время въ англиканской церкви стали проявляться стремленія, съ тѣхъ поръ вылившіяся и, такъ сказать, сгустившіяся въ пюзеизмѣ. Жакмэнъ Эродъ принадлежалъ къ тому оттѣнку англиканства, который почти сливается съ католицизмомъ. Онъ былъ строгъ, послѣдователенъ, чуждъ какихъ бы то ни было компромиссовъ. Онъ придерживался буквы и былъ непреклоненъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Онъ больше былъ похожъ на епископа, чѣмъ на скромнаго пастора. Его пасторскій длинный сюртукъ сильно смахивалъ на рясу. Его настоящей средой былъ бы Ватиканъ; онъ былъ прирожденный прелатъ. Онъ какъ бы нарочно былъ созданъ для того, чтобы состоять при особѣ папы и шествовать за папскими носилками, въ папской свитѣ, въ кардинальской мантіи. Но то обстоятельство, что онъ родился англичаниномъ и что богословское образованіе его было основано скорѣе на Ветхомъ Завѣтѣ, чѣмъ на Новомъ, не дали ему возможности пойти именно по этому пути, и ему на долю выпало только быть пасторомъ въ Сенъ-Пьеръ-Порѣ, деканомъ острова Гернсея и викаріемъ винчестерскаго епископа. Конечно, при его молодыхъ годахъ и это что-нибудь да значило.

При всей своей серьезности Жакмэнъ Эродъ былъ въ сущности очень добрый человѣкъ. Какъ богословъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и даже извѣстнымъ авторитетомъ въ церковныхъ сферахъ. Онъ имѣлъ видъ ученаго и преувеличенно щурился и моргалъ глазами. Ноздри у него заросли волосами, зубы выдавались наружу, верхняя губа была тонка, а нижняя толста. У него было нѣсколько дипломовъ и доходный приходъ. Онъ былъ друженъ съ нѣсколькими баронетами, пользовался довѣріемъ епископа и всегда носилъ при себѣ Библію.

Летьерри былъ до того поглощенъ своими мыслями, что когда въ комнату его вошли оба духовныя лица, онъ лишь слегка повелъ бровями.

Жакмэнъ Эродъ подошелъ поближе къ нему, поклонился, напомнилъ въ немногихъ, на первый взглядъ скромныхъ, но въ

сущности горделивыхъ словахъ, о своемъ недавнемъ назначенiи и сказалъ, что согласно обычаю онъ желаетъ отрекомендовать наиболѣе именитымъ гражданамъ,—а г-ну Летьерри въ особенности,—своего преемника по приходу, новаго Сенъ-Сампсонскаго пастора, достопочтеннаго Эбенезера Кодрэ, который отнынѣ будетъ мѣстнымъ духовнымъ пастыремъ.

Дерюшетта встала. Молодой священникъ, т.-е. Эбенезеръ Кодрэ, поклонился. Летьерри взглянулъ на него и проворчалъ сквозь зубы: «Плохой матросъ». Одна изъ служанокъ пододвинула два стула, и оба пастора усѣлись возлѣ стола.

Пасторъ Эродъ заговорилъ. Онъ слышалъ о печальной катастрофѣ, о крушенiи Дюранды. Онъ, въ качествѣ духовнаго лица, явился за тѣмъ, чтобы принести г-ну Летьерри утѣшенiя и совѣты. Это крушенiе, конечно, несчастье, но въ то же время и счастье. Нужно заглянуть въ свою душу, спросить себя—не возгордились ли мы своими удачами? Счастье такъ легко туманитъ головы. И несчастiя имѣютъ свои хорошiя стороны. Пути Господни неисповѣдимы. Положимъ, г. Летьерри разоренъ; но быть богатымъ это—своего рода опасность. Это создаетъ человѣку ложныхъ друзей, а бѣдность отдаляетъ ихъ отъ человѣка, и онъ получаетъ возможность углубиться самъ въ себя. Говорятъ, будто Дюранда давала владѣльцу ея до тысячи фунтовъ стерлинговъ дохода. Для мудреца этого слишкомъ много. Нужно избѣгать искушенiй, презирать золото; нужно принимать съ благодарностью разоренiе и утрату друзей: этимъ стяжаешь благоволенiе Господа Бога. Айя, пася ословъ отца своего Себеона въ пустынѣ, обрѣлъ горячiе источники. Многострадальный Iовъ, испытавъ несчастiя, увѣровалъ въ возможность счастiя. Не слѣдуетъ роптать противъ неисповѣдимыхъ для насъ велѣнiй Господнихъ. Кто знаетъ, не будетъ ли гибель Дюранды чѣмъ-нибудь вознаграждена, даже еще здѣсь, на землѣ? Вотъ, напримѣръ, онъ самъ, Жакмэнъ Эродъ, вложилъ довольно значительный капиталъ въ одно шеффильдское предпрiятiе, казавшееся очень выгоднымъ. Если бы Летьерри, съ тѣми средствами, которыя еще остались у него, пожелалъ принять участiе въ этомъ предпрiятiи, то онъ легко можетъ нажить значительныя суммы. Дѣло идетъ о значительной поставкѣ оружiя русскому правительству, которое въ это время занято какъ разъ подавленiемъ мятежа въ Польшѣ. На этомъ дѣлѣ можно нажить до трехсотъ процентовъ.

— Не желаю я вступать въ это дѣло,—проговорилъ Летьерри, какъ будто только что проснувшись.

— Отчего же, г. Летьерри?—спросилъ достопочтенный Жакмэнъ Эродъ. — Вѣдь даже въ священномъ писанiи сказано: «Воздайте кесарево кесарю». Вѣдь русскiй царь—тотъ же кесарь.

— Не знаю я никакого кесаря,—пробормоталъ Летьерри, снова погружаясь въ задумчивость.

Его высокопреподобiе Жакмэнъ Эродъ продолжалъ свои увѣщанiя. Онъ соглашался, что у всякаго могутъ быть свои убѣжденiя и не настаивалъ на шеффильдской аферѣ. Всякiй воленъ быть

монархистомъ или республиканцемъ. Очевидно, симпатіи Летьерри склоняются на сторону республики. Прекрасно. Въ такомъ случаѣ пускай онъ ѣдетъ въ Соединенные Штаты Америки. Тамъ можно поправить свое состояніе еще скорѣе, чѣмъ въ Англіи. Если онъ желаетъ удесятерить оставшееся у него состояніе, то ему стоитъ только купить акцій общества эксплуатаціи техасскихъ плантацій, у котораго не менѣе двадцати тысячъ негровъ-невольниковъ.

— Я не желаю имѣть ничего общаго съ невольничествомъ,— проговорилъ Летьерри.

— Отчего же? — снова спросилъ достопочтенный Жакмэнъ Эродъ.—Вѣдь и невольничество установлено Господомъ Богомъ. Сказано же въ Ветхомъ Завѣтѣ: «Если господинъ ударитъ своего раба, то ему за это ничего не будетъ, ибо это есть его добро».

Обѣ служанки, стоя у порога, съ благоговѣніемъ внимали словамъ достопочтеннаго пастора. Тотъ продолжалъ свои увѣщанія и утѣшенія. Въ сущности это былъ, какъ мы уже сказали, очень добрый человѣкъ; и каковы бы ни были его личныя отношенія къ Летьерри, какъ бы ни расходились ихъ религіозныя воззрѣнія, онъ вполнѣ искренно предлагалъ ему ту духовную и даже матеріальную помощь, которая находилась въ его распоряженіи. Если г. Летьерри до того разоренъ, что для него немыслимо столь выгодное участіе въ какой-либо спекуляціи, русской или американской, то почему бы ему не искать какой-нибудь оплачиваемой должности? Можно найти хорошенькое мѣстечко, и достопочтенный пасторъ готовъ помочь въ этомъ дѣлѣ г. Летьерри. Вотъ, напримѣръ, на Джерсеѣ, какъ разъ вакантна должность члена областного совѣта. Г. Летьерри пользуется всеобщимъ уваженіемъ, и пасторъ Эродъ, деканъ Гернсея и викарій епископа, вызывался предоставить эту должность г-ну Летьерри. Вѣдь это очень почетная должность: членъ областного совѣта, въ качествѣ представителя правительства, присутствуетъ въ публичныхъ собраніяхъ, при уголовныхъ процессахъ и при приведеніи въ исполненіе приговоровъ.

— Я не люблю казней,—проговорилъ Летьерри, уставивъ глаза на Эрода.

Высокопреподобный пасторъ, говорившій до сихъ поръ голосомъ мягкимъ и слащавымъ, вдругъ заговорилъ измѣнившимся строгимъ голосомъ:

— Г. Летьерри, смертная казнь установлена Господомъ Богомъ. Онъ Самъ вложилъ мечъ въ руку человѣка. Въ священномъ писаніи сказано: «Око за око, зубъ за зубъ».

Тутъ достопочтенный Эбенезеръ незамѣтно пододвинулъ свой стулъ къ стулу достопочтеннаго Жакмэна и сказалъ ему почти на ухо, такъ что тотъ одинъ могъ его разслышать: «Человѣкъ этотъ правъ».

— Какъ правъ? Кто ему далъ право такъ говорить?—спросилъ Жакмэнъ Эродъ тѣмъ же строгимъ голосомъ.

— Его совѣсть,—еще тише проговорилъ Эбенезеръ.

Достопочтенный Жакмэнъ Эродъ порылся въ своемъ карманѣ, вынулъ изъ него довольно толстую книжку небольшого формата, въ переплетѣ съ застежками, положилъ ее на столъ и проговорилъ громкимъ голосомъ:

— Совѣсть! Вотъ наша совѣсть!

Книга эта была Библія.

Но затѣмъ онъ снова заговорилъ болѣе мягкимъ голосомъ. Онъ объявилъ, что отъ души желаетъ быть полезнымъ г-ну Летьерри, котораго онъ очень уважаетъ. Онъ, какъ лицо духовное, не только имѣетъ право, но даже обязанъ давать совѣты; а затѣмъ Летьерри воленъ принимать ихъ или не принимать.

Но Летьерри, снова погрузившись въ свою задумчивость, не слушалъ его. Дерюшетта, сидя подлѣ него и тоже погруженная въ задумчивость, не поднимала глазъ и, молча, нѣсколько конфузясь, слушала этотъ, въ сущности мало интересный для нея разговоръ. Молчаливый свидѣтель и слушатель разговора—своего рода невыносимая тяжесть. Впрочемъ, пастырь Эродъ, повидимому, не испытывалъ этого.

Видя, что Летьерри не отвѣчаетъ, пасторъ Эродъ далъ полную волю своему краснорѣчію. Совѣты идутъ отъ людей, но вдохновеніе идетъ отъ Бога. Священнику, какъ служителю Божьему, присуща сила этого вдохновенія. Поэтому полезно слушаться его совѣтовъ и опасно отвергать ихъ. Сохота схватили одиннадцать дьяволовъ за то, что онъ пренебрегъ совѣтами Наѳанаила, Тибуріанъ былъ пораженъ проказой за то, что выгналъ отъ себя апостола Андрея. Варъ-Іисусъ, хотя и былъ волхвомъ, ослѣпъ въ наказаніе за то, что посмѣялся надъ словами апостола Павла. Эльксай и сестры Марѳа и Марѳена нынѣ въ аду за то, что онѣ пренебрегли словами Валенціана, доказывавшаго имъ, что тотъ Христосъ, въ котораго они вѣруютъ и который, будто бы, ростомъ въ тридцать миль,—вовсе не Христосъ, а демонъ. Олибама, называвшаяся также Юдифью, слушалась внушеній свыше, равно какъ и Рувимъ и Фепіилъ. Самыя имена этихъ двухъ послѣднихъ доказываютъ это: Рувимъ означаетъ «Сынъ видѣнія», а Феніилъ означаетъ «Ликъ Божій».

— А во всемъ я виноватъ, чортъ побери!—воскликнулъ Летьерри, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Что вы этимъ хотите сказать? — спросилъ удивленный Эродъ.—Въ чемъ это вы виноваты?

— А въ томъ, что я заставлялъ пароходъ возвращаться по пятницамъ.

— Человѣкъ этотъ чрезвычайно суевѣренъ,—шепнулъ Жакмэнъ Эродъ на ухо Эбенезеру Кодрэ.

И онъ продолжалъ, возвышая голосъ и принимая поучительный тонъ:

— Г. Летьерри, неразумно вѣрить въ счастливые и несчастные дни. Это все глупыя побасенки. Пятница—такой же день, какъ и всѣ остальные. Иногда даже она бываетъ очень счастли-

вымъ днемъ. Мелендецъ основалъ городъ св. Августина въ пятницу; въ пятницу же Генрихъ VII далъ свое порученіе Джону Каботу, открывшему Нью-Фаундлендъ и Ріо-де-Лаплату. Паломники съ судна «Мэйфлоуэръ» въ пятницу же прибыли въ Провиденсъ-Тоунъ. Вашингтонъ родился въ пятницу, 22 февраля 1732 года. Колумбъ открылъ Америку въ пятницу же, 12 октября 1492 года.

И съ этими словами онъ всталъ. Эбенезеръ, почти все время молчавшій, также поднялся. Обѣ служанки, сообразивъ, что оба пастора собираются уходить, распахнули дверь. Но Летьерри ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Онъ даже не прощается съ нами, — сказалъ Эродъ на ухо Эбенезеру.—Это уже не огорченіе, а просто невѣжливость. Надо полагать, что онъ сошелъ съ ума.

Затѣмъ онъ взялъ со стола вынутую имъ изъ кармана Библію и сталъ держать ее въ обѣихъ своихъ вытянутыхъ впередъ рукахъ. Присутствующіе ждали, что будетъ дальше. Обѣ служанки вытянули шеи. Пасторъ Жакмэнъ заговорилъ, стараясь придать голосу своему возможно торжественный тонъ:

— Господинъ Летьерри, я не желаю разстаться съ вами, не прочитавъ вамъ одной странички изъ этой книги. Книги вообще освѣщаютъ житейскія положенія. Невѣрующіе прибѣгаютъ къ изреченіямъ Виргилія, а вѣрующіе—къ библейскимъ предостереженіямъ. Первая попавшаяся книга, раскрытая наудачу, часто можетъ дать весьма полезный совѣтъ; Библія же, открытая наудачу, даетъ цѣлое откровеніе. Особенно полезна она для людей огорченныхъ: какое бы ни попалось имъ изреченіе изъ нея, они непремѣнно найдутъ въ немъ утѣшеніе въ своей скорби. Въ присутствіи огорченныхъ нужно прочитывать въ этой священной книгѣ что-нибудь наугадъ и съ вѣрой усвоить себѣ случайно прочитанное. То, чего не выбираетъ человѣкъ, выбираетъ Богъ. Богъ знаетъ, чего намъ нужно. Его невидимый перстъ указываетъ намъ на то изреченіе, которое мы читаемъ. Каковы бы ни были эти строки, онѣ непремѣнно прольютъ свѣтъ въ нашъ умъ. Удовольствуемся имъ и не станемъ искать другого. Это слово свыше. Наша судьба таинственно возвѣщена намъ въ строкахъ, прочитанныхъ нами съ вѣрою и почтеніемъ. Прислушаемся и послушаемся. Г. Летьерри, вы огорчены, а это—книга утѣшеній.

Его высокопреподобіе Жакменъ Эродъ щелкнулъ застежками книги, просунулъ свой палецъ наугадъ между двумя страницами, положилъ на секунду руку на открывшуюся страницу, поднялъ глаза кверху, затѣмъ съ благоговѣйнымъ видомъ опустилъ ихъ на страницу и громкимъ голосомъ прочелъ слѣдующее:

«И Исаакъ пошелъ по дорогѣ къ колодцу, называющемуся колодцемъ всевидящаго и всезнающаго. И Ревекка, увидѣвъ Исаака, сказала: «Кто этотъ человѣкъ, который идетъ ко мнѣ навстрѣчу?» И тогда Исаакъ ввелъ ее въ свою палатку и взялъ ее себѣ въ жены, и любовь его къ ней была велика».

Эбенезеръ и Дерюшетта переглянулись.

КОНЕЦЪ 1 ЧАСТИ.

Часть вторая.—ХИТРОУМІЕ ЖИЛЛІАТА.

Книга первая.—ПОДВОДНЫЙ РИФЪ.

I.

Мѣсто, до котораго трудно добраться и изъ котораго еще труднѣе выбраться.

Лодка, которую въ разные часы видѣли наканунѣ съ разныхъ пунктовъ гернсейскаго побережья, была, какъ читатель, вѣроятно, безъ труда догадался, лодка Жилліата. Онъ проплылъ вдоль острова, между берегомъ и утесами. Путь этотъ былъ опасенъ, но былъ короче другихъ, а онъ только и думалъ въ данномъ случаѣ о наиболѣе краткомъ пути. Море и буря не ждутъ; они торопятся довершить дѣло разрушенія. Всякій часъ промедленія могъ быть непоправимъ. Итакъ Жилліатъ торопился на помощь къ машинѣ, подвергавшейся опасности.

Одной изъ заботъ Жилліата, при отплытіи отъ Гернсея, было то, чтобы не обращать на себя вниманія. Онъ точно скрывался отъ кого-нибудь, точно бѣжалъ тайкомъ. Онъ старался держаться возможно далѣе отъ обитаемыхъ мѣстностей, отъ Сенъ-Сампсона и Сенъ-Пьеръ-Пора, онъ потихоньку проскользнулъ вдоль противоположнаго берега, относительно мало обитаемаго. Въ бурунахъ ему пришлось сильно налечь на весла; но Жилліатъ гребъ совершенно согласно съ законами гидравлики. Онъ опускалъ весла въ воду и вынималъ ихъ изъ нея не толчками, а плавнымъ, хотя и сильнымъ движеніемъ, и такимъ образомъ онъ могъ плыть въ потемкахъ безъ шума, хотя и съ достаточной быстротой. Глядя на то, какъ онъ пробирается, точно крадучись, можно было подумать, что онъ замышляетъ какое-нибудь нехорошее дѣло.

Дѣло въ томъ, что, ринувшись въ предпріятіе, сильно смахивавшее на сумасбродство, имѣя противъ себя почти всѣ шансы и рискуя своей жизнью, онъ все же боялся конкуренціи въ этомъ дѣлѣ.

Когда начало разсвѣтать, то посреди моря, на самомъ уединенномъ и самомъ опасномъ мѣстѣ, тотъ, кто находился вблизи этого мѣста, могъ бы разглядѣть два предмета, разстояніе между которыми постоянно суживалось, и которые какъ будто приближались другъ къ другу. Одинъ изъ этихъ предметовъ, почти незамѣтный среди широкихъ размаховъ волнъ, была лодка съ парусомъ. Въ лодкѣ этой находился человѣкъ, и человѣкъ этотъ былъ Жилліатъ. Другой предметъ, громадный, неподвижный, черный, вырисовывался надъ волнами. Два высокихъ столба, поднимавшихся изъ морской пучины, поддерживали въ горизонтальномъ положеніи

что-то висѣвшее между ними, точно перекладина, перекинутая между двумя верхушками; издали это походило на громадныя ворота, съ поперечнымъ верхнимъ бревномъ. И къ чему эти ворота въ безпредѣльной шири моря? Точно какая-то гигантская друидическая постройка, выведенная чьей-то причудливой фантазіей посреди океана, и выведенная притомъ руками, привыкшими соразмѣрять свои постройки съ бездной. Этотъ странный силуэтъ вырисовывался на свѣтломъ утреннемъ небѣ.

Свѣтъ все болѣе и болѣе заливалъ восточный небосклонъ, и чѣмъ свѣтлѣе становилось небо, тѣмъ темнѣе казалась поверхность моря. На западѣ луна медленно скрывалась за горизонтомъ.

Оба эти столба были Дуврскіе утесы. Черная масса, повисшая между ними, точно перекладина между двумя наличниками, была Дюранда. Эти утесы, высоко поднявшіе свою добычу, какъ бы для того, чтобы похвастать ею, были поистинѣ страшны. Иногда кажется, будто неодушевленные предметы вызываютъ на бой человѣка. Эти утесы какъ бы поджидали смѣльчака для того, чтобы уничтожить его.

Трудно было бы представить себѣ что-нибудь болѣе дерзкое и вызывающее, чѣмъ эта торжествующая бездна, ухватившая въ свои когти побѣжденное судно. Оба утеса, съ которыхъ еще стекала вода послѣ вчерашней бури, были похожи на двухъ гладіаторовъ, обливающихся потомъ. Вѣтеръ стихъ, по морю пробѣгала легкая зыбь, вровень съ водой пѣна буруновъ скатывалась красивыми узорами, изъ открытаго моря доносился легкій шумъ, походившій на жужжаніе пчелъ. Все кругомъ было гладко, за исключеніемъ обоихъ Дуврскихъ утесовъ, возвышавшихся точно два громадныхъ, черныхъ столба. До извѣстной высоты они были покрыты водорослями, точно шерстью; ихъ отвѣсные бока блестѣли на солнцѣ, точно покрытые бронею. Они стояли такъ твердо и прямо, что сразу было видно, что они пустили подъ водою глубокіе корни. Они, казалось, ежеминутно готовы были снова ринуться въ бой. Отъ нихъ выдѣлялось что-то зловѣщее и всемогущее.

Море имѣетъ обыкновеніе скрывать свои замыслы; оно любитъ укутываться въ мракъ, и этотъ всеохватывающій мракъ какъ будто желаетъ сохранить все для самого себя. Очень, очень рѣдко оно отрѣшается отъ своей тайны. Во всякой катастрофѣ скрывается нѣкоторая доля чудовищнаго, но въ неизвѣстной пропорціи. Море — таинственно и скрытно; оно притаивается, оно не любитъ обнаруживать своихъ дѣйствій. Оно произведетъ кораблекрушеніе и прикроетъ его; оно точно стыдится своихъ дѣлъ. Волна — великая лицемѣрка: она убиваетъ, скрываетъ, уничтожаетъ слѣды и вновь улыбается. Только что море ревѣло дикимъ звѣремъ, теперь оно покрывается барашками.

Здѣсь, впрочемъ, оно появлялось въ иномъ видѣ. Дуврскіе утесы, поднимавшіе высоко надъ поверхностью моря остовъ погибшей Дюранды, какъ будто торжествовали, точно двѣ чудовищ-

ныя руки, высовывающіяся изъ пучины и показывающія бурямъ трупъ этого судна, точно убійца, похваляющійся своимъ дѣломъ. Ранній часъ дня придавалъ этому зрѣлищу еще болѣе мрачную торжественность. Разсвѣтъ заключаетъ въ себѣ и остатокъ видѣнія и начало мысли. Надъ моремъ какъ бы еще носились какія-то темныя силы ночи. Силуэтъ обоихъ Дуврскихъ утесовъ, державшихъ въ своихъ когтяхъ захваченную ими въ видѣ добычи Дюранду, мрачно вырисовывался на не совсѣмъ еще просвѣтлѣвшемъ горизонтѣ.

Жилліатъ былъ одѣтъ въ костюмъ мѣстныхъ моряковъ, т.-е. въ шерстяные чулки и фуфайку, въ суконный китель, въ панталоны изъ грубаго тика, съ большими карманами, въ башмаки, подбитые гвоздями, и съ красной, связанной изъ шерсти, шапочкой на головѣ, изъ тѣхъ, что назывались въ тѣ времена «шапками каторжниковъ».

Онъ узналъ рифъ и направилъ на него свою лодку.

Дюранда въ эту минуту представляла собою нѣчто совершенно противоположное тому, что принято называть потопленнымъ судномъ; напротивъ, то было судно, повисшее на воздухѣ. При такихъ условіяхъ дѣло спасенія судна представляло собою нѣчто крайне странное и необычайное.

Когда Жилліатъ добрался до рифа, было уже совсѣмъ свѣтло. Море, какъ мы уже сказали, было довольно спокойно, и въ немъ замѣчалась только та степень волненія, которая всегда замѣчается въ узкихъ протокахъ воды. Внутри пролива, въ узкихъ бухтахъ, вода всегда бурлитъ.

Жилліатъ подплылъ къ мѣсту крушенія судна не безъ предосторожностей; онъ нѣсколько разъ выкинулъ зондъ. Выгружаться ему приходилось недолго. Привыкши къ частымъ отлучкамъ изъ дома, онъ постоянно былъ, такъ сказать, наготовѣ. У него всегда были припасены мѣшокъ съ сухарями, кулекъ ржаной муки, корзинка съ треской и съ копченымъ мясомъ, большой жбанъ съ прѣсной водой, норвежскій, расписанный цвѣтами сундучокъ съ нѣсколькими шерстяными фуфайками, съ блузой и шароварами изъ просмоленнаго холста и съ овчиной, которою онъ покрывался на ночь. Передъ тѣмъ, какъ выйти въ море, онъ наскоро уложилъ все это въ лодку, прибавивъ къ этому мягкій хлѣбъ. Торопясь отплыть, онъ не взялъ съ собою никакихъ другихъ инструментовъ, кромѣ своего кузнечнаго молота, своего топора и топорика, пилы и веревки съ узлами и съ крюкомъ на одномъ концѣ. Съ помощью подобной лѣстницы, при умѣніи пользоваться ею, можно взбираться на самые отвѣсные утесы, а хорошій морякъ всегда найдетъ въ любомъ утесѣ щель, въ которую можно воткнуть крюкъ. Любо смотрѣть, какъ искусно пользуются подобной узловатой веревкой, напримѣръ, рыбаки изъ Госселена на островѣ Серкѣ.

Въ лодкѣ Жилліата, кромѣ того, были его сѣти, удочки, — словомъ, всѣ его приспособленія для рыбной ловли. Онъ положилъ ихъ въ нее совершенно машинально, въ силу привычки,

такъ какъ для выполненія его замысла ему приходилось провести довольно продолжительное время среди буруновъ, гдѣ рыболовные снаряды должны были оказаться совершенно безполезными.

Въ то время, когда Жилліатъ подъѣзжалъ къ рифу, начинался отливъ, и это обстоятельство было благопріятно для него, такъ какъ, благодаря спавшей водѣ, можно было разглядѣть у подножія Малаго Дувра нѣсколько рядовъ плоскихъ или слегка наклонныхъ выемокъ, изображавшихъ собою какъ бы грогштейны, на которыхъ удобно было сдѣлать настилъ пола. Эти выемки, то узкія, то болѣе широкія, находившіяся въ неодинаковыхъ разстояніяхъ вдоль вертикальной стѣны монолита, тянулись кверху почти до самаго кузова повисшей между утесами Дюранды, какъ мы уже говорили, сжатой этими утесами, точно тисками.

Эти выемки были очень удобны для причала и для высадки. Сюда можно было выгрузить пока то, что привезено было въ лодкѣ изъ провизіи и изъ вещей. Но только нужно было торопиться, такъ какъ онѣ были не подъ водой только въ теченіе немногихъ часовъ. Приливъ неизбѣжно долженъ былъ затопить ихъ.

Къ этимъ-то скаламъ, частью плоскимъ, частью покатымъ, Жилліатъ направилъ свою лодку и здѣсь остановилъ ее. Онѣ были покрыты мокрыми и скользкими водорослями, что, при значительности наклона, еще болѣе затрудняло карабканіе на нихъ. Жилліатъ разулся, босыми ногами соскочилъ на слой водорослей и причалилъ лодку къ одному изъ выступовъ скалы. Затѣмъ онъ осторожно сталъ пробираться по узкому гранитному карнизу внизу скалы, пока не очутился какъ разъ подъ Дюрандой. Здѣсь онъ остановился и сталъ смотрѣть вверхъ.

Оказалось, что Дюранда, подхваченная сильной волной, была поднята кверху и какъ бы пригвождена между двумя утесами на высотѣ приблизительно двадцати футовъ надъ уровнемъ моря. Для того, чтобы поднять ее такъ высоко, требовался, конечно, громадный морской валъ. Такіе большіе валы, впрочемъ, не въ состояніи удивить людей, привычныхъ къ морю. Для того, чтобы привести лишь одинъ примѣръ, достаточно будетъ напомнить, что 25 января 1840 года въ Сторскомъ заливѣ послѣднимъ валомъ затихавшей бури былъ подхваченъ бригъ, который былъ перекинутъ волною черезъ остовъ затонувшаго раньше корвета «Марна» и вдвинутъ бугшпритомъ впередъ между двухъ утесовъ.

Впрочемъ, между Дуврскими утесами висѣла лишь одна половина Дюранды. Судно, вырванное изъ пасти моря, было, такъ сказать, выхвачено ураганомъ изъ воды съ корнями. Подъ вліяніемъ вихря и морского волненія, судно, захваченное какъ бы съ двухъ сторонъ лапами бури, переломилось точно дранка. Кормовая часть вмѣстѣ съ машиннымъ отдѣленіемъ и кожухами, поднятая изъ пѣны и подгоняемая впередъ силой урагана, врѣзавшись въ пространство между Дуврскими утесами до самаго мидель-бимса,

здѣсь и осталась. Ураганъ точно обухомъ топора вогналъ этотъ клинъ, т.-е. половину Дюранды, между обоихъ утесовъ. Носовая часть судна, унесенная шкваломъ, разбилась среди буруновъ. Трюмъ же остался въ морѣ, на мѣстѣ крушенія, вмѣстѣ съ затопленными быками.

Часть перегородки, отдѣлявшей носовую часть отъ кормовой, осталась пригвожденной къ лѣвому кожуху, вися наподобіе лохмотьевъ. Достаточно было нѣсколькихъ ударовъ топора, чтобъ отрубить ее. Тамъ и сямъ, въ отдаленіи, среди извилинъ рифа, видны были бревна, доски, обрывки парусовъ, обломки цѣпей,— словомъ, всякаго рода остатки погибшаго судна, спокойно валявшіеся на камняхъ.

Жилліатъ сталъ внимательно всматриваться въ Дюранду, киль которой висѣлъ потолкомъ надъ его головой. Вода вокругъ него почти не колыхалась, горизонтъ былъ совершенно чистъ. Солнце ярко свѣтило на синевѣ неба. Время отъ времени отъ обломка корабля отдѣлялась капля морской воды и возвращалась въ море.

II.

Дѣло разрушенія сдѣлано чисто.

Оба Дуврскіе утеса были неодинаковы по величинѣ и по внѣшнему виду.

На Маломъ Дуврѣ, наклоненномъ и заостренномъ, можно было видѣть развѣтвляющіяся отъ основанія къ верхушкѣ какъ бы длинныя жилы кирпичнаго цвѣта, точно разгораживающія гранитную внутренность утеса. На краяхъ этихъ красноватыхъ слоевъ были трещины, которыя могли оказаться полезными при взлѣзаніи наверхъ. Одна изъ этихъ трещинъ, какъ разъ подъ повисшей между скалами частью судна, до того хорошо и, такъ сказать, аккуратно была размыта волнами, что образовалось нѣчто въ родѣ стѣнной ниши, въ родѣ тѣхъ, въ которыя въ церквахъ ставятъ статуи. Камень у подножія Малаго Дувра былъ скругленъ на поверхности и наощупь походилъ на точильный камень, что, однако, нисколько не отнимало у него его твердости. Заканчивался Малый Дувръ рогообразной вершиной. Большой Дувръ, гладкій, точно вылощенный, ровный, перпендикулярный, точно обрубленный по отвѣсу, состоялъ весь изъ одного камня и былъ какъ бы выточенъ изъ черной слоновой кости. Ни малѣйшаго отверстія ни малѣйшей выпуклости. Утесъ былъ до того голъ, что ни одинъ каторжникъ не могъ бы воспользоваться имъ для своего бѣгства, ни одна птица—для своего гнѣзда. На верхушкѣ его, точно такъ же, какъ и на верхушкѣ «Человѣка», была площадка, но добраться до нея не было никакой физической возможности. Словомъ, на Малый Дувръ можно было вскарабкаться, но тамъ негдѣ было стоять. На Большомъ Дуврѣ можно было стоять, но невозможно было вскарабкаться на него.

Жилліатъ, послѣ перваго бѣглаго осмотра, вернулся къ своей лодкѣ, вынулъ изъ нея грузъ и разложилъ его на самомъ широкомъ

изъ надводныхъ карнизовъ скалы, связалъ весь этотъ небогатый скарбъ въ узелъ, обернувъ его въ брезентъ, придѣлалъ къ нему, съ помощью своей пряжки, нѣчто въ родѣ стропа, засунулъ этотъ узелъ въ такую щель скалы, въ которой вода не могла добраться до него, и затѣмъ, съ помощью рукъ и ногъ, цѣпляясь за выступы и ступая въ расщелины, обхватывая малѣйшій выступъ, сталъ карабкаться на утесъ до тѣхъ поръ, пока не взобрался до повисшей на воздухѣ Дюранды. Добравшись до уровня кожуховъ, онъ вскочилъ на ея палубу.

Внутренній видъ разбитаго корабля былъ крайне печаленъ. Волны и вѣтеръ порядочно-таки поработали надъ несчастной Дюрандой. Она подверглась всевозможнымъ насиліямъ. Буря отнеслась къ ней не лучше, чѣмъ шайка пиратовъ. Кораблекрушеніе, это—то же изнасилованіе. Облака, громъ, дождь, порывы вѣтра, волны, скалы, это—цѣлая орава соумышленниковъ. Стоя на исковерканной палубѣ судна, точно видишь передъ собою дикое неистовство морскихъ духовъ. Всюду остались слѣды ихъ необузданной ярости. Желѣзныя полосы были такъ погнуты и исковерканы, будто онѣ были сдѣланы не изъ желѣза, а изъ гибкихъ прутьевъ. Междудечное пространство напоминало собою комнату, въ которой только что неистовствовалъ буйный сумасшедшій.

Никакой дикій звѣрь не накидывается съ такою яростью на свою добычу, какъ море. Кажется, будто у него самые острые когти. Вѣтеръ кусаетъ, волна пожираетъ; морская пучина, это — та же пасть. Она разомъ и рветъ и раздавливаетъ. У океана такой же ударъ лапой, какъ и у льва.

Въ разрушеніи Дюранды была та особенность, что оно было сдѣлано, такъ сказать, тщательно, до мельчайшихъ подробностей. Это было какое-то ужасное ощипываніе. Многаго, казалось, и нарочно не сдѣлать бы такъ чисто, можно сказать,—съ такою злобою. Обшивка бортовъ была сорвана доска за доской. Подобнаго рода опустошенія, впрочемъ, свойственны циклонамъ. Этотъ ужасный и капризный разрушитель любитъ состругивать и срывать по кусочкамъ. Это своего рода утонченный палачъ; причиняемыя имъ бѣдствія сильно смахиваютъ на пытки. Онъ злорадствуетъ, онъ, точно дикарь, пляшетъ вокругъ своей жертвы. Онъ заставляетъ умирать медленною смертью. Онъ мучитъ, пытаетъ потерпѣвшаго крушеніе, тѣшится надъ нимъ. Онъ дѣлаетъ это съ какою-то мелочностью. Въ нашихъ широтахъ циклоны вообще рѣдки, но они тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ болѣе они неожиданны. Ураганъ, ударившись объ утесъ, можетъ повернуть въ сторону. Весьма вѣроятно, что шквалъ, во время котораго погибла Дюранда, кружился спирально вокругъ Дуврскихъ утесовъ, и затѣмъ, налетѣвъ на рифъ, внезапно превратился въ смерчъ, чѣмъ и можно объяснить то обстоятельство, что судно было такъ высоко подброшено и застряло между утесами. Когда дуетъ циклонъ, судно для него вѣситъ не тяжелѣе, чѣмъ камень для пращи.

Дюранда была похожа на человѣка, разрѣзаннаго пополамъ. Изъ открытаго корабельнаго кузова вываливались внутренности, точно

изъ разрубленнаго пополамъ человѣческаго тѣла. Веревки и канаты развѣвались по вѣтру, цѣпи съ лязгомъ болтались, нервы и волокна судна были обнажены и свѣшивались. То, что не было разбито, было вывернуто; обломки подводной металлической обшивки походили на скребницы, утыканныя гвоздями. На всемъ лежала печать разрушенія. Полоса ганшпуга представляла собою лишь полосу желѣза, зонтъ—кусокъ свинца, фигура на носу корабля—кусокъ дерева; фалъ былъ уже не что иное, какъ кусокъ пакли, связка канатовъ—не что иное, какъ запутанный клубокъ, ликътросъ — не что иное, какъ оборванная нитка. Всюду замѣчалась какая-то безцѣльная ярость разрушенія; на всемъ суднѣ не осталось ничего, что не было бы разбито, не имѣло бы трещины, не было бы покороблено, продырявлено, прорвано, исковеркано. Во всей это безобразной кучѣ не осталось ничего цѣлаго; всюду поломъ, разрывъ, вывихъ, всюду та неопредѣленность формъ и очертаній, которая характеризуетъ все безпорядочное, начиная отъ людской свалки, называемой сраженіемъ, и кончая стихійной свалкой, называемой хаосомъ. Все рушилось, падало, точно капало сверху, и возлѣ большой килевой пробоины скопились въ безпорядкѣ доски, рамы, куски желѣза, бревна, канаты, и ежеминутно можно было ожидать, что при малѣйшемъ толчкѣ все это повалится въ море. Все, что оставалось отъ этой еще недавно такой солидной и крѣпкой подводной части судна,—это корма ея, повисшая между двухъ утесовъ и готовая ежеминутно обрушиться, да и та во многихъ мѣстахъ дала такія широкія трещины, что сквозь нихъ можно было разглядѣть всю внутренность корабля. Брызги пѣны долетали снизу на эти жалкіе обломки.

III.

Цѣла, но какъ ее спасти?

Жилліатъ никакъ не разсчитывалъ найти одну только половину корабля. Въ очень точномъ, между прочимъ, описаніи шкипера «Шелтиля» не было ни малѣйшихъ указаній, которыя могли бы заставить ожидать, что судно перерѣзано надвое. Должно-быть, именно въ тотъ моментъ, когда подъ сильнымъ напоромъ волнъ совершился этотъ разрывъ пополамъ, шкиперъ «Шелтиля» и слышалъ тотъ «дьявольскій трескъ», о которомъ онъ упоминалъ въ своемъ разсказѣ. Онъ удалился, по всей вѣроятности, отъ ставшаго на мель судна какъ разъ во время послѣдняго шквала, и то, что онъ принялъ за громадный валъ, былъ смерчъ. Позднѣе, приблизившись къ судну, чтобы разсмотрѣть подробности крушенія, онъ могъ разглядѣть только кормовую часть затонувшаго корабля, потому что носовая часть, равно какъ и широкая трещина, отдѣлившая ее отъ кормовой части, была скрыта отъ него камнями рифа. Значитъ, въ сущности, шкиперъ «Шелтиля» вѣрно передалъ то, что онъ видѣлъ. Носовая часть судна погибла, но машина была цѣла. Подобныя вещи часто встрѣчаются при кораблекрушеніяхъ, такъ же, какъ и при пожарахъ. Логика такого рода бѣдствій для насъ непостижима.

Поломанныя мачты свалились, а пароходная труба не была даже погнута; большой и толстый желѣзный листъ, на которомъ стояла машина, предохранилъ ее не только отъ поломки, но даже отъ малѣйшаго погнутія. Деревянная обшивка кожуховъ расползлась, точно прутья деревянныхъ шторъ; но сквозь щели ихъ можно было разглядѣть колеса вполнѣ сохранившимися, за исключеніемъ двухъ-трехъ поломанныхъ лопастей.

Кромѣ машины, уцѣлѣлъ еще и большой кормовой воротъ; цѣпь его также была цѣла, и благодаря тому, что онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ здоровыми бревнами, онъ еще могъ быть употребленъ въ дѣло, подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, если отъ давленія кабалера не проломится настилка палубы. Но дѣло въ томъ, что послѣдняя была очень ненадежна и сильно расшатана. Но зато часть кормы, застрявшая между утесами, какъ мы уже сказали, была, повидимому, прочна и крѣпка.

Это сохраненіе въ цѣлости машины, при полномъ разрушеніи корабля, являлось какъ бы насмѣшкой и присоединяло къ несчастію еще и иронію. Мрачная злоба судьбы выражается иногда въ этихъ злобныхъ насмѣшкахъ. Машина осталась цѣла, что не мѣшало ей быть погибшей. Океанъ оставилъ ее себѣ, чтобы исподволь разрушить ее, чтобы поиграть ею, какъ кошка мышью. Ей предстояло вынести длинную агонію, разрушаться по частямъ. Ей предстояло сдѣлаться игрушкой валовъ и морской пѣны. Ей предстояло, такъ сказать, таять, исчезать постепенно. Что можно было предпринять? Казалось, нелѣпо было бы и мечтать о томъ, чтобъ эта тяжелая масса рычаговъ и зубчатыхъ колесъ, въ одно и то же время и громоздкая и хрупкая, осужденная на неподвижность, благодаря своей тяжести, предоставленная въ этомъ одиночествѣ на произволъ разрушительнымъ силамъ, отданная въ жертву волнамъ и вѣтру, могла избѣгнуть медленнаго разрушенія подъ давленіемъ этой неумолимой среды.

Дюранда была плѣнницей Дуврскихъ утесовъ. Какъ освободить ее изъ этого плѣна? Какимъ образомъ вытащить ее изъ этихъ клещей? И человѣку нелегко бываетъ бѣжать изъ плѣна. Но какая трудная задача — освободить изъ плѣна громоздкую машину!

IV.

Предварительный осмотръ мѣстности.

Неотложность обхватила Жилліата со всѣхъ сторонъ. Но самою настоятельною неотложностью было найти, во-первыхъ, безопасное мѣсто стоянки для лодки, а во-вторыхъ, какое-нибудь убѣжище для самого себя.

Такъ какъ Дюранда осѣла больше на лѣвый бортъ, чѣмъ на правый, то правый кожухъ былъ больше поднятъ, чѣмъ лѣвый. Жилліатъ взобрался на правый кожухъ, откуда онъ могъ осмотрѣть окрестную мѣстность довольно подробно; и хотя переломы рифа, тянувшагося ломаными линіями за Дуврскими утесами, образовали

разные выступы, Жилліату все же можно было изучить геометрическую фигуру рифа. Съ этого-то онъ и началъ.

Дуврскіе утесы, какъ мы говорили уже выше, возвышались точно два высокіе шпица, обозначавшіе входъ въ узкій проливъ, составленный изъ небольшихъ утесовъ съ препендикулярными отвѣсами. Нерѣдко можно встрѣтить въ первобытныхъ морскихъ формаціяхъ такого рода странные коридоры, точно вырубленные топоромъ. Этотъ проходъ, очень извилистый, всегда былъ покрытъ водою, даже при самомъ сильномъ отливѣ. Въ немъ всегда было очень сильное теченіе. Крутые повороты, смотря по направленію вѣтра, являлись элементомъ или благопріятнымъ или же неблагопріятнымъ: то они озадачивали, такъ сказать, зыбь и заставляли ее утихать, то они опять какъ будто раздражали морскія волны. Послѣднее случалось чаще: сопротивленіе раздражаетъ море и заставляетъ его сердиться. Пѣна — вѣрнѣйшій признакъ такого раздраженія.

Порывы вѣтра, стѣсняемаго утесами, тоже носятъ на себѣ характеръ озлобленія и раздраженія. Это — буря, стремящаяся вырваться на свободу. Вѣтеръ начинаетъ сердиться и переходитъ въ ураганъ. Онъ изъ дротика превращается въ дубину. Прежде онъ пронизывалъ, теперь онъ сокрушаетъ. Представьте себѣ ураганъ, превратившійся въ струю сквозного вѣтра.

Обѣ эти цѣпи скалъ, между которыми пролегало это подобіе морского канала, тянулись отъ Дуврскихъ утесовъ, постепенно понижаясь, и, наконецъ, совсѣмъ скрывались подъ водою. Невдалекѣ былъ другой проходъ, еще болѣе узкій и низкій, чѣмъ Дуврскій и примыкавшій къ нему съ восточной стороны. Нетрудно было догадаться, что этотъ двойной рядъ утесистыхъ гребней продолжалъ подводную улицу до утеса «Человѣкъ», поставленнаго въ видѣ четырехугольной цитадели возлѣ противоположной оконечности рифа. Впрочемъ, во время отлива, — а какъ разъ былъ отливъ, когда Жилліатъ дѣлалъ свои наблюденія, — можно было замѣтить, что эти два ряда мелей сливались и составляли какъ бы одно цѣлое. Утесъ «Человѣкъ» ограничивалъ и какъ бы подпиралъ съ восточной стороны всю эту массу рифовъ, которую подпирали съ запада оба Дуврскіе утеса. Весь рифъ, съ высоты птичьяго полета, походилъ на длинную цѣпь, извивавшуюся среди буруновъ, на одномъ концѣ которой былъ «Человѣкъ», а на другомъ — оба Дувра. Вообще весь Дуврскій рифъ, взятый въ совокупности, былъ не что иное, какъ выступленіе изъ-подъ воды двухъ громадныхъ, гигантскихъ лезвей, поднимавшихся вертикально и почти соприкасавшихся, точно отдѣльныя вершины двухъ длинныхъ цѣпей гранитныхъ горъ, тянувшихся на днѣ океана. Это была точно отслойка бездны. Волны морскія и буруны разорвали, точно распилили этотъ гребень, и изъ-подъ воды виднѣлись только кончики отдѣльныхъ зубьевъ его: это и былъ рифъ. Но то, что скрывалось подъ водой, было, должно-быть, громадно. Проходъ, въ который буря выбросила Дюранду, оставлялъ промежутокъ между этими двумя лезвеями.

Проходъ этотъ, шедшій зигзагами, точно молнія, былъ почти на всемъ своемъ протяженіи одинаковой ширины. Такимъ уже создалъ его океанъ. Хаосъ мірозданія отличается иногда такою оригинальною правильностью. И волны морскія умѣютъ создавать геометрическія фигуры. Съ одного конца прохода до другого обѣ стороны утесовъ тянулись другъ противъ друга совершенно параллельно, въ разстояніи, равнявшемся почти протяженію большого шпангоута Дюранды. Между обоими Дуврскими утесами выемка въ Маломъ Дуврѣ дала какъ разъ столько мѣста, сколько нужно было для помѣщенія кожуховъ разбитаго парохода. Не будь этого, кожухи были бы поломаны.

Внутренній фасадъ обоихъ утесовъ не представлялъ собою ничего утѣшительнаго для глаза. Когда при изслѣдованіи громадной пустыни, называемой океаномъ, доходишь до тайнъ пучины морской, то все становится ужаснымъ, все сильно дѣйствуетъ на воображеніе. Насколько Жилліатъ съ разбитой кормы выброшеннаго моремъ корабля могъ разглядѣть проходъ, послѣдній наводилъ ужасъ. Часто въ гранитныхъ, узкихъ, океанскихъ ущельяхъ встрѣчается какое-то странное сочетаніе формъ, неизмѣнно напоминающихъ о крушеніяхъ. Въ Дуврскихъ утесахъ встрѣчалось именно такое сочетаніе, наводившее ужасъ. Вслѣдствіе металлическихъ окисленій на стѣнахъ ихъ явились какія-то красноватыя пятна, напоминавшія, ни дать ни взять, пятна запекшейся крови; вы точно видѣли передъ собою забрызганныя и запятнанныя кровью стѣны бойни. Этотъ утесъ напоминалъ собою странный костякъ. Морскіе камни, пестро раскрашенные — въ одномъ мѣстѣ химическимъ разложеніемъ разныхъ металловъ, входившихъ въ составъ утеса, въ другомъ плѣсенью, — представляли взорамъ здѣсь зловѣщій красный цвѣтъ, тамъ какую-то подозрительную зелень, далѣе какія-то буроватыя пятна, заставлявшія васъ невольно думать объ убійствѣ и кровопролитіи; точно вы видѣли передъ собою комнату, стѣны которой еще не вымыты послѣ совершенія въ ней преступленія, точно на этихъ стѣнахъ остались на вѣки вѣчные слѣды раздробленныхъ объ нихъ человѣческихъ тѣлъ. На этомъ остроконечномъ утесѣ лежалъ какой-то отпечатокъ агоніи и страданій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кровь, казалось, еще струилась, стѣна была мокрая и представлялось невозможнымъ приложить къ ней палецъ, не запачкавъ его въ крови. Всюду виднѣлась ржавчина крови. У подошвы обѣихъ параллельныхъ стѣнъ разбросаны были, или въ уровень съ водою, или нѣсколько надъ ея поверхностью безобразные круглые валуны, походившіе на человѣческія внутренности. Такъ и казалось, будто видишь передъ собою или только что вырванное легкое или гніющую печень; точно здѣсь были выпотрошены какіе то исполины. Вдоль всего утеса, сверху донизу, проходили длинныя, красныя линіи, напоминавшія собою струи крови.

Подобные виды, впрочемъ, часто встрѣчаются въ морскихъ пещерахъ.

V.

Нѣчто о тайномъ сотрудничествѣ стихій.

Для тѣхъ, кого случайности путешествія могутъ занести на какой-нибудь океанскій утесъ и заставить сдѣлаться временнымъ обитателемъ этого утеса,—форма этого утеса вещь далеко не безразличная. Бываютъ утесы-пирамиды, одиноко возвышающіеся надъ водою; бываютъ утесы круглые, напоминающіе собою большіе круглые шары. Наконецъ, бываютъ и утесы-коридоры, и этотъ видъ утесовъ особенно опасенъ. Опасны они не только вслѣдствіе сильнаго прибоя волнъ объ ихъ стѣны или вслѣдствіе бурленія стѣсненной въ узкомъ пространствѣ волны, но также и вслѣдствіе малоизвѣстныхъ метеорологическихъ явленій, составляющихъ, очевидно, послѣдствіе близкаго сосѣдства двухъ параллельныхъ каменныхъ глыбъ среди открытаго моря. Эти глыбы представляютъ собою настоящій Вольтовъ столбъ.

Утесъ-коридоръ оказываетъ извѣстное, опредѣленное вліяніе на тягу воздуха и на теченіе воды. Онъ дѣйствуетъ и на вѣтеръ и на воду, во-первыхъ, механически, самой формой своей, а во-вторыхъ, гальванически, вслѣдствіе возможнаго различія магнетическихъ токовъ обѣихъ своихъ вертикальныхъ стѣнъ, стоящихъ близко другъ отъ друга и оказывающихъ другъ на друга магнитное притяженіе. Благодаря этимъ, двоякаго рода обстоятельствамъ, такого рода утесы притягиваютъ къ себѣ всѣ разнузданныя силы океана, разбросанныя на значительномъ пространствѣ и производятъ на нихъ концентрирующее дѣйствіе. Поэтому въ районѣ ихъ бури отличаются особенной свирѣпостью.

Нужно помнить, что вѣтеръ есть нѣчто сложное, а вовсе не простое, какъ это обыкновенно полагаютъ. Это сила не только химическая, но и магнетическая. Въ этой силѣ есть еще много неизслѣдованнаго. Она настолько же электрическая, насколько и воздушная. Нѣкоторые вѣтры совпадаютъ съ сѣверными сіяніями и дуютъ только во время послѣднихъ. Около Игольныхъ утесовъ, къ немалому удивленію Дюмонъ-Дюрвилля, вѣтеръ вздымалъ валы въ сто футовъ вышины. Въ южныхъ моряхъ вѣтеръ иногда переворачиваетъ море до самаго дна, и дикари въ ужасѣ бѣгутъ отъ береговъ, чтобы не видѣть этого разъяреннаго моря. Вѣтры въ сѣверныхъ широтахъ бываютъ иного рода: они сопровождаются ледяными иглами и дуютъ съ такою силою, что противъ вѣтра невозможно дышать и часто отъ вѣтра опрокидываются санки эскимосовъ. Другіе вѣтры бываютъ жгучіе, какъ, напримѣръ, африканскій самумъ, китайскій тифонъ и индійскій саміель. И какія названія: самумъ, тифонъ, саміель—точно названія демоновъ! Они расплавляютъ камни горъ. Вслѣдствіе одного изъ такихъ жгучихъ вѣтровъ Толукскій вулканъ превратился въ стекловидную массу. Этотъ горячій вѣтеръ, поднимавшій черный, какъ чернила, вихрь, точно стремившійся соединиться съ огненнокрасными тучами, заставилъ одного изъ неизвѣстныхъ авторовъ Ведъ воскликнуть:

«Вотъ черный богъ собирается украсть рыжихъ коровъ». Во всѣхъ этихъ явленіяхъ чувствуется таинственное вліяніе электрическихъ силъ.

Вѣтеръ, какъ и море, полонъ этой таинственности. Море тоже нѣчто весьма сложное. Подъ водяными волнами его, видимыми для глаза, кроются невидимыя волны силъ. Изъ всѣхъ сложныхъ явленій океанъ—явленіе самое недѣлимое и глубокое.

Попробуйте отдать себѣ отчетъ въ этомъ хаосѣ, до того грандіозномъ, что его немыслимо даже постичь. Онъ является пріемникомъ необъятнаго, резервуаромъ для оплодотворенія, тиглемъ для превращеній формъ. Онъ собираетъ, а затѣмъ разсѣиваетъ. Онъ накопляетъ, а потомъ разбрасываетъ. Онъ пожираетъ, а затѣмъ создаетъ. Въ него стекаетъ вся грязь и онъ превращаетъ ее въ золото. Онъ является въ твердомъ видѣ въ формѣ льда, въ жидкомъ—въ формѣ воды, въ газообразномъ—въ формѣ испареній. Какъ матерія—онъ масса, а какъ сила—онъ отвлеченность. Онъ уравновѣшиваетъ и сочетаетъ явленія. Онъ упрощается путемъ безконечности комбинацій. Путемъ взбалтыванія и мути онъ доводитъ до прозрачности. Растворимое разнообразіе его спаивается въ нѣчто цѣльное. Въ немъ столько разнородныхъ элементовъ, что онъ пріобрѣтаетъ тожественность. Одна изъ его капель, это—онъ весь. Онъ становится равновѣсіемъ именно потому, что онъ полонъ бурь. Платонъ видѣлъ пляску планетныхъ сферъ. Какъ оно ни кажется страннымъ, но океанъ, при вѣковомъ вращеніи земного шара вокругъ солнца, благодаря своему приливу и отливу, играетъ роль балансира.

Въ одномъ изъ морскихъ явленій присутствуютъ всѣ явленія. Вода моремъ вбирается вихремъ точно сифономъ; для него гроза—тотъ же насосъ. Молнія выдѣляется изъ воды такъ же, какъ и изъ воздуха; суда ощущаютъ глухія колебанія, послѣ которыхъ распространяется запахъ сѣры, какъ во время вулканическихъ изверженій. Океанъ обладаетъ способностью кипѣть. «Дьяволъ влилъ море въ свой котелъ», говаривалъ извѣстный адмиралъ Рюйтеръ. Во время нѣкоторыхъ бурь, характеризующихъ обыкновенно перемѣны временъ года и уравновѣшиваніе космогоническихъ силъ, изъ судовъ, на которыя брызжетъ пѣна, какъ бы отдѣляется фосфорическій свѣтъ и по такелажу пробѣгаютъ точно огненные языки, такъ что матросы часто невольно протягиваютъ руки, стараясь схватить на лету этихъ огненныхъ птицъ. Послѣ лиссабонскаго землетрясенія къ городу подкатился морской валъ шестидесяти футовъ вышины. Волненіе моря, очевидно, находится въ связи съ колебаніями земной коры.

Эти неизвѣстныя силы вызываютъ часто самые разнообразные перевороты въ природѣ. Въ концѣ 1864 года, въ ста миляхъ отъ Малабарскаго берега, одинъ изъ Мальдивскихъ островковъ, такъ сказать, рухнулъ въ море, затонулъ, точно разбившееся судно. Рыбаки, видѣвшіе островъ еще утромъ, къ вечеру ничего уже не видѣли; еле-еле они могли разглядѣть подъ водою силуэты своихъ хижинъ. На этотъ разъ суда присутствовали при крушеніи домовъ

Въ Европѣ, гдѣ природа какъ будто относится съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ цивилизаціи, подобныя явленія гораздо болѣе рѣдки, и притомъ онѣ бываютъ меньшихъ размѣровъ. Однако Джерсей и Гернсей когда-то составляли одно цѣлое съ Галліей; и въ то самое время, когда мы пишемъ эти строки, морской равноденственный шквалъ только что разрушилъ, на границѣ Англіи и Шотландіи, приморскій утесъ, извѣстный подъ названіемъ «Перваго изъ Четырехъ».

Нигдѣ эти темныя силы моря не проявляются въ болѣе страшномъ и амальгамированномъ видѣ, какъ въ замѣчательномъ сѣверномъ проливѣ, называющемся Лайзъ-Фіордъ, на юго-западномъ берегу Норвегіи. Въ этомъ проливѣ едва ли не самые опасные рифы во всемъ океанѣ. Находится онъ подъ 59 градусомъ сѣверной широты, въ вообще неспокойномъ Норвежскомъ морѣ, въ сосѣдствѣ съ бурнымъ Ставангерскимъ заливомъ. Вода здѣсь тяжелая и черная, грозы особенно часты. Онъ изображаетъ собою какъ бы пустынную улицу, по которой никто не отваживается ходить. Сюда не рискнетъ зайти ни одно судно. Коридоръ въ десять миль длины между двухъ стѣнъ въ три тысячи футовъ вышины—вотъ что такое этотъ проливъ. Въ немъ встрѣчаются изгибы и извилины, какъ почти во всѣхъ морскихъ проливахъ, рѣдко бывающихъ прямыми, до того они сильно бываютъ размыты волнами. И въ то же время — странное дѣло! — въ Лайзъ-Фьордѣ море почти всегда спокойно, небо ясно. А между тѣмъ это мѣсто поистинѣ ужасно. Гдѣ вѣтеръ?—Онъ не наверху. Гдѣ громы и молніи?—Не въ небесахъ. Вѣтеръ скрывается подъ моремъ, громы и молніи въ утесахъ. Иногда вся водная поверхность какъ бы колеблется. По временамъ, при совершенно безоблачномъ небѣ, съ середины отвѣснаго утеса, приблизительно съ высоты полуторы тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, и притомъ скорѣе съ южной стороны, чѣмъ съ сѣверной, раздается громовой ударъ, отъ утеса отдѣляется молнія, бросается впередъ и затѣмъ тотчасъ же отскакиваетъ назадъ, точно игрушечныя змѣи въ рукѣ ребенка. Молнія эта то сжимается, то расширяется; она кидается на противоположный утесъ, точно внѣдряется въ него, затѣмъ снова выходитъ изъ него, опять кидается, умножаетъ число своихъ языковъ и головъ, щетинится, поражаетъ, гдѣ можетъ, начинаетъ сызнова и внезапно потухаетъ. При подобномъ явленіи птицы испуганно разлетаются въ всѣ стороны. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этихъ артиллерійскихъ залповъ, раздающихся неизвѣстно откуда: точно одинъ утесъ нападаетъ на другой и они взаимно перебрасываются молніями. Борьба эта не касается людей; это бой двухъ каменныхъ гигантовъ среди морской пучины.

Въ Лайзъ-Фіордѣ вѣтеръ играетъ роль тока, утесы — роль громовой тучи, а молнія — роль вулкана. Этотъ странный проливъ представляетъ собою своего рода Вольтовъ столбъ, при чемъ оба утеса играютъ роль положительнаго и отрицательнаго элементовъ.

VI.

Конюшня для коня.

Жилліатъ былъ достаточно хорошо знакомъ съ утесами, чтобы отнестись къ Дуврскимъ утесамъ вполнѣ серьезно. Прежде всего, какъ мы уже говорили, ему предстояло позаботиться о томъ, чтобы укрыть въ безопасномъ мѣстѣ свою лодку.

Двойной рядъ подводныхъ камней, тянувшійся извилиной позади Дуврскихъ утесовъ, давалъ развѣтвленіе къ другимъ утесамъ, такъ что съ нѣкоторою достовѣрностью можно было предполагать здѣсь разныя заводи и тупики, представлявшіе довольно безопасныя мѣста стоянки для лодки. Нижняя часть камней рифа была покрыта водорослями, а верхняя—мхомъ. Ровная линія наносныхъ водорослей на камняхъ обозначала довольно точно высоту воды во время прилива. Тѣ части камней, до которыхъ не достигала вода, казались точно посеребренными и позолоченными, будучи покрыты бѣлымъ и желтымъ мхомъ. Кое-гдѣ къ утесу пристали конусообразныя раковины, имѣющія, какъ извѣстно, способность высушивать гранитъ. Въ другихъ мѣстахъ входящіе углы, въ которые нанесенъ былъ мелкій морской песокъ, покрыты были кустами голубыхъ волчцовъ. На уступахъ, до которыхъ не достигала морская пѣна, виднѣлись норки, вырытыя морскими ежами. Этотъ видъ раковины-ежа, катящійся точно шаръ на своихъ иглахъ и броня котораго состоитъ болѣе чѣмъ изъ десяти тысячъ иглъ, прочно пригнанныхъ и прикрѣпленныхъ къ кожѣ, ротъ котораго, неизвѣстно почему, называется Аристотелевымъ фонаремъ, разгрызаетъ гранитъ своими пятью острыми зубами и прячется въ продѣланную имъ норку. Здѣсь-то ловятъ его рыбаки, которые разрѣзаютъ его на четыре части и съѣдаютъ его сырьемъ, точно устрицъ. Нѣкоторые имѣютъ привычку макать свой хлѣбъ въ эту слизь, почему этого моллюска и называютъ «морскимъ яйцомъ».

Отдаленныя верхушки рифа, непокрытыя водою во время отлива, упирались, недалеко отъ подошвы утеса «Человѣкъ», въ небольшую бухточку, окруженную со всѣхъ сторонъ утесами, точно стѣной. Эта бухточка могла представлять удобное мѣсто стоянки для лодки. Жилліатъ сталъ внимательно разсматривать ее. Она имѣла форму подковы и была открыта только съ восточной стороны, откуда дуютъ наименѣе сильные вѣтры въ этихъ водахъ. Поэтому вода въ этой бухточкѣ почти не колыхалась. Послѣдняя, значитъ, была довольно удобна; да къ тому же у Жилліата не было большого выбора.

Для того, чтобы воспользоваться отливомъ, Жилліату слѣдовало торопиться. Погода, впрочемъ, продолжала стоять ясная и теплая. Море, недавно еще столь сердитое, очевидно, было въ хорошемъ расположеніи духа.

Жилліатъ спустился, обулся, отвязалъ причалъ, сѣлъ въ лодку и выѣхалъ въ море, гребя вдоль наружнаго края рифа. Подплывая къ утесу «Человѣкъ», онъ сталъ внимательно раз-

сматривать входъ въ бухточку. Легкая, почти незамѣтная ни для кого, кромѣ глаза опытнаго моряка, зыбь на поверхности воды обозначала фарватеръ. Жилліатъ быстро изучилъ эту линію фарватера, немножко отъѣхалъ отъ бухточки для того, чтобы на просторѣ какъ слѣдуетъ повернутъ свою лодку, и затѣмъ быстро, однимъ взмахомъ веселъ, направилъ ее въ бухточку.

Онъ измѣрилъ глубину. Дѣйствительно, нельзя бы и пожелать лучшаго мѣста стоянки. Здѣсь лодка была болѣе или менѣе защищена отъ всякихъ случайностей погоды. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ моря встрѣчаются такого рода удобныя и тихія пристани. Эти пристани напоминаютъ собою бедуиновъ: на ихъ честность и гостепріимство можно положиться.

Жилліатъ пододвинулъ свою лодку на возможно близкое разстояніе къ утесу, однако такъ, чтобы она не могла ударяться о него, и выкинулъ оба якоря. Затѣмъ онъ скрестилъ на груди руки и сталъ размышлять.

Лодка была убрана въ надежное мѣсто, значитъ одна половина задачи была разрѣшена. Но оставалось еще рѣшить вторую половину ея: гдѣ ему самому найти для себя пріютъ? Тутъ представлялись двѣ возможности: или въ самой лодкѣ, подъ кормовымъ ея настиломъ или на площадкѣ сосѣдняго утеса, на которую не трудно было взобраться. И съ того и съ другого—изъ обоихъ этихъ пріютовъ можно было, во время отлива, перескакивая съ камня на камень, добраться, почти не промочивъ ногъ, до Дуврскихъ утесовъ, между которыми повисла Дюранда.

Но отливъ бываетъ очень непродолжительнымъ, и все остальное время Жилліату приходилось бы быть отдаленнымъ или отъ корабля или отъ своей квартиры на разстояніи болѣе двухсотъ саженъ. Плавать между камнями рифа вообще трудно, а если море хоть сколько-нибудь неспокойно, то это даже и положительно невозможно. Слѣдовательно, приходилось отказываться отъ убѣжища въ лодкѣ или на утесѣ «Человѣкъ». О другихъ сосѣднихъ утесахъ также нечего было и думать. Болѣе низкіе изъ нихъ два раза въ сутки покрывались водою во время прилива. На болѣе высокіе постоянно попадали брызги пѣны.

Оставалась одна только Дюранда. Но можно ли было помѣститься на ней? Жилліатъ надѣялся на это.

VII.

Комната для путника.

Полчаса спустя Жилліатъ, вернувшійся на разбитый корабль, то спускался съ палубы въ междудечное пространство, а оттуда въ трюмъ, то поднимался опять наверхъ, дополняя свой первый, бѣглый осмотръ. При помощи каната онъ поднялъ на палубу тюкъ съ своими вещами, ранѣе выгруженными имъ изъ лодки и положенными на одинъ изъ выступовъ скалы. Канатъ оказался пригоднымъ, такъ какъ блоки дѣйствовали исправно. Затѣмъ онъ сталъ выбирать изъ оставшихся на разбитомъ суднѣ вещей. Вы-

бирать было изъ чего. Между прочимъ, онъ захватилъ совершенно новенькое долото, выпавшее, очевидно, изъ мѣшка корабельнаго плотника, и увеличилъ имъ свой небольшой запасъ орудій. Складной ножикъ его былъ при немъ. Съ помощью этихъ орудій онъ цѣлый день проработалъ надъ обломками судна, приколачивая, отбивая, расчищая.

При наступленіи вечера онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что весь остовъ корабля колеблется при порывахъ вѣтра и даже дрожитъ при каждомъ его собственномъ шагѣ. Болѣе прочно держалась только та часть кормы, которая была ущемлена скалами и заключала въ себѣ машину. Бимсы ея крѣпко упирались въ утесы. Поэтому онъ пришелъ къ убѣжденію, что поселиться на Дюрандѣ было бы неосторожностью, такъ какъ это увеличивало бы тяжесть, между тѣмъ какъ, наоборотъ, слѣдовало стараться, во что бы то ни стало, облегчить судно, уменьшить по возможности давленіе на него.

Съ этой развалиной приходилось обращаться, какъ можно бережнѣе, подобно тому, какъ обращаются съ тяжко больнымъ, близкимъ къ смерти человѣкомъ. Достаточно было и того, что вѣтеръ обходился съ нею не особенно деликатно. Самая необходимость производить на ней различныя работы представляла извѣстныя затрудненія. То количество работы, которое неизбѣжно придется вынести раненому судну, безъ сомнѣнія, должно утомить его, быть-можетъ, даже будетъ свыше его силъ.

Наконецъ, если ночью, во время сна Жилліата, случилось бы какое-нибудь несчастіе, Жилліатъ погибъ бы вмѣстѣ съ остатками судна. Поселиться на самомъ суднѣ значило подвергаться вмѣстѣ съ нимъ всяческимъ опасностямъ. Помощи ждать было неоткуда; гибель была бы неизбѣжна. Для того, чтобы что-нибудь предпринять въ такомъ случаѣ, необходимо было быть недалеко отъ судна, но не на немъ самомъ. Вотъ въ чемъ заключалась задача.

Все это значительно осложняло дѣло. Гдѣ, при такихъ условіяхъ, найти пріютъ?

Жилліатъ не переставалъ ломать себѣ голову. Оставались только оба Дуврскіе утеса, но на нихъ едва ли можно было помѣститься.

Вдругъ онъ разглядѣлъ снизу на верхней площадкѣ Большого Дувра нѣчто въ родѣ нароста. Очень часто бываетъ, что такіе высокіе утесы, какъ Большой Дувръ или «Человѣкъ», имѣютъ срѣзанныя вершины. Подобные утесы нерѣдко встрѣчаются въ горныхъ кряжахъ и въ моряхъ. На нѣкоторыхъ утесахъ, въ особенности въ открытомъ морѣ, кромѣ того, встрѣчаются зарубки, точно какъ на надрубленныхъ деревьяхъ, какъ-будто по одному и тому же мѣсту нѣсколько разъ ударяли сѣкирой. И дѣйствительно, надъ ними не мало поработалъ ураганъ, этотъ неутомимый дровосѣкъ моря. Кромѣ того, утесы подвержены и разнымъ другимъ вліяніямъ, еще болѣе значительнымъ. Поэтому среди этихъ старыхъ гранитныхъ утесовъ встрѣчается столько раненыхъ.

У нѣкоторыхъ изъ этихъ гигантовъ точно отрублена голова. Но иногда голова эта, по неизвѣстнымъ причинамъ, не скатывается, а остается висѣть, конечно, въ обезображенномъ видѣ, на вершинѣ утеса. Подобныя странности встрѣчаются довольно часто. Такъ, между прочимъ, лучшими образчиками этой странной геологической загадки представляются Чортовъ Камень, въ Гернсеѣ, и такъ называемый Столъ, въ Анвейлерской долинѣ.

Вѣроятно, и съ Большимъ Дувромъ случилось нѣчто подобное. Если выпуклость, замѣчавшаяся на верхней его площадкѣ не была естественною выпуклостью камня, то это, несомнѣнно, долженъ былъ быть какой-нибудь обломокъ разрушенной стихійными силами вершины. Быть-можетъ, въ этой глыбѣ скалы было какое-нибудь углубленіе, какое-нибудь отверстіе, въ которомъ можно бы было укрыться. Для Жилліата этого было вполнѣ достаточно.

Но какимъ образомъ добраться до площадки? Какимъ образомъ влѣзать по этой вертикальной и гладкой стѣнѣ, наполовину покрытой склизкими нитчатками и имѣвшей видъ намыленной поверхности? Отъ палубы Дюранды до площадки было по меньшей мѣрѣ тридцать футовъ.

Жилліатъ отыскалъ свою веревочную лѣстницу, обмоталъ ее себѣ вокругъ пояса и сталъ взбираться на Малый Дувръ. По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался, взбираться становилось труднѣе. Къ тому же онъ забылъ снять свои башмаки, что еще болѣе затрудняло его предпріятіе. Не безъ труда добрался онъ до верхушки. Тамъ онъ всталъ на ноги, хотя вершина была такъ узка, что на ней едва хватало мѣста для двухъ ногъ человѣческихъ. О томъ, чтобы поселиться здѣсь, нечего было и думать; т.-е. столпникъ, пожалуй, и удовольствовался бы этимъ, но Жилліатъ, какъ человѣкъ болѣе требовательный, желалъ чего-нибудь лучшаго.

Малый Дувръ находился въ наклонномъ положеніи относительно Большого, что издали производило впечатлѣніе, будто онъ кланяется ему; а разстояніе между обѣими скалами, составлявшее у подошвъ ихъ около двадцати футовъ, у верхушекъ составляло не болѣе 8—10 футовъ. Съ того выступа, на который онъ взобрался, Жилліатъ могъ лучше разглядѣть тотъ скалистый волдырь, который отчасти покрывалъ площадку Большого Дувра. Площадка эта возвышалась, по крайней мѣрѣ, футовъ на 18 надъ его головой и, кромѣ того, его отдѣляла отъ нея глубокая расщелина въ скалѣ. Прямо подъ ногами его начиналась отвѣсная стѣна Малаго Дувра.

Жилліатъ смоталъ съ своего пояса веревку съ узлами, внимательно прикинулъ взоромъ разстояніе и забросилъ крюкъ, которымъ оканчивалась веревка, на площадку. Но крюкъ только царапнулъ по голой скалѣ и соскочилъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самая узловатая веревка упала вдоль отвѣса Малаго Дувра къ ногамъ Жилліата. Жилліатъ попытался закинуть веревку подальше, цѣлясь въ то мѣсто скалы, гдѣ онъ замѣчалъ выпуклости и щели. На этотъ разъ ударъ былъ такъ ловокъ и искусенъ, что крюкъ засѣлъ въ одну изъ расщелинъ. Но Жилліатъ потянулъ за веревку,

камни изъ-подъ крюка раскрошились, и узловатая веревка снова свалилась къ ногамъ Жилліата. Жилліатъ закинулъ веревку въ третій разъ, снова потянулъ ее, но крюкъ не подался: значитъ, онъ крѣпко засѣлъ въ какой-нибудь расщелинѣ утеса, которой Жилліату не было видно снизу.

Теперь предстояло ввѣрить свою жизнь этой невѣдомой точкѣ опоры. Жилліатъ не колебался: время не терпѣло, и ему нужно было торопиться. Къ тому же о томъ, чтобы спуститься на палубу Дюранды, для того, чтобы придумать какую-нибудь другую мѣру, нечего было и думать: онъ неизбѣжно долженъ былъ поскользнуться по сильно наклонной плоскости ея, и паденіе было несомнѣнно. Взобраться на нее, пожалуй, еще можно бы было, но спуститься было немыслимо.

Жилліатъ, какъ всякій хорошій матросъ, умѣлъ соразмѣрять свои усилія. Онъ никогда не терялъ своихъ силъ даромъ, а всегда напрягалъ ихъ лишь въ должной мѣрѣ. Поэтому онъ, въ случаѣ надобности, могъ выказывать просто чудеса силы. Мускулы у него, повидимому, были такіе же, какъ и у другихъ людей, но умѣніе пользоваться ими—иное. Къ физической силѣ онъ присоединялъ еще моральную энергію.

Ему предстояло совершить страшное дѣло: перебраться, повиснуть на этой ниткѣ черезъ пространство, отдѣлявшее оба утеса. Часто сознаніе долга или чувство самопожертвованія ставятъ человѣку такого рода вопросительные знаки, которые кажутся поставленными смертью. Рѣшишься ли ты это сдѣлать?—раздается голосъ точно изъ тьмы.

Жилліатъ сдѣлалъ вторичный опытъ, потянувъ за веревку: на этотъ разъ крюкъ держался крѣпко. Тогда Жилліатъ обмоталъ лѣвую руку свою платкомъ, а правою рукою обхватилъ веревку съ узлами, положилъ на нее лѣвую руку, вытянулъ одну ногу впередъ, а другою изо всѣхъ силъ оттолкнулся отъ Малаго Дувра, стараясь, не давъ веревкѣ замотаться, перескочить съ помощью ея на Большой Дувръ. Но какъ не силенъ былъ прыжокъ, веревка закрутилась, и онъ только плечомъ ударился о противоположный утесъ и отскочилъ отъ него, какъ мячъ отъ стѣны. Во время этого скачка платокъ, которымъ онъ обернулъ свой кулакъ, размотался и онъ содралъ себѣ кожу съ руки; еще счастіе для него, что онъ совсѣмъ не расшибъ ея объ утесъ.

Жилліатъ остался висѣть на воздухѣ. Хотя у него и помутилось въ глазахъ отъ этого неудачнаго прыжка, однако, онъ настолько владѣлъ собой, что не выпустилъ изъ рукъ веревки. Послѣдняя нѣкоторое время раскачивалась въ разныя стороны, прежде чѣмъ ему удалось обхватить ее ногами. Наконецъ-таки онъ сдѣлалъ это. Окончательно придя въ себя и уцѣпившись за веревку и руками и ногами, онъ заглянулъ внизъ. Онъ не безпокоился относительно длины веревки, которая не разъ сослужила ему службу при болѣе значительной высотѣ. Дѣйствительно, нижній конецъ веревки достигалъ до палубы Дюранды.

Убѣдившись въ томъ, что спускъ внизъ ему обезпеченъ, Жилліатъ принялся карабкаться наверхъ. Въ нѣсколько мгновеній онъ добрался до площадки.

Съ перваго же взгляда было очевидно, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ этотъ утесъ, здѣсь ни разу не бывало никакого другого существа, кромѣ пернатыхъ. Площадка представляла собою трапецію неправильной формы, обломокъ той громадной гранитной призмы, которая называлась Большимъ Дуврскимъ утесомъ. Эта трапеція вслѣдствіе дождей была углублена посрединѣ точно тазъ.

Оказалось, что расчеты Жилліата были вѣрны. Въ южномъ углу трапеціи навалены были глыбы, происшедшія, очевидно, отъ разрушенія, вслѣдствіе климатическихъ условій, вершины утеса. Эти глыбы, похожія на громадные булыжники мостовой, были навалены въ крайнемъ безпорядкѣ и между ними были достаточно большія отверстія для того, чтобы дикій звѣрь, который былъ бы занесенъ на эту вершину, могъ пролѣзть въ нихъ. Скважины между ними были достаточно широки для этого. Въ нихъ не было ни пещеръ ни гротовъ, но были дыры, точно въ громадной губкѣ. Словомъ, Жилліатъ могъ найти здѣсь кое-какое убѣжище. Въ одномъ изъ отверстій онъ разглядѣлъ даже точно нарочно приготовленное для него ложе изъ травы и мха. Жилліатъ помѣстился бы въ немъ, точно въ футлярѣ.

Входъ въ этотъ природный альковъ имѣлъ два фута вышины, затѣмъ онъ понемногу суживался. Бываютъ такого рода каменные гробы. Обломки утесовъ были прислонены въ юго-западной стѣнѣ скалы, что гарантировало эту пещеру отъ прибоя волнъ, но зато открывало ее для сѣвернаго вѣтра.

Жилліатъ остался доволенъ. Обѣ, самыя настоятельныя, задачи были разрѣшены: для лодки своей онъ нашелъ гавань, а для себя самого — помѣщеніе. Удобство этого помѣщенія заключалось въ томъ, что отсюда Жилліату можно было установить удобное сообщеніе съ разбитымъ кораблемъ. Крюкъ его узловатой веревки, попавъ въ узкую расщелину утеса, плотно засѣлъ въ ней. Жилліатъ позаботился придать ему еще больше неподвижности, наваливъ на него большой и тяжелый камень. Затѣмъ онъ немедленно принялся за установленіе правильнаго сообщенія съ Дюрандой.

Словомъ онъ устроился относительно недурно: Большой Дувръ былъ его домъ, Дюранда была его верфь. Ему оставалось только переходить оттуда сюда, подниматься и опускатьея: ничего не могло быть проще.

Онъ живо спустился по узловатой веревкѣ на палубу судна. День стоялъ хорошій. Предпріятіе его начиналось успѣшно, онъ былъ доволенъ, и вдругъ замѣтилъ, что онъ проголодался. Онъ развязалъ свой коробъ съ провизіей, раскрылъ свой ножикъ, отрѣзалъ кусокъ солонины, съѣлъ большой ломоть чернаго хлѣба, глотнулъ изъ своего жбана и пришелъ къ убѣжденію, что онъ прекрасно поужиналъ. Вкусно поѣсть послѣ успѣшно совершонной работы, это — двѣ половины великой радости. Полный желудокъ является естественнымъ дополненіемъ спокойной совѣсти.

Еще не совсѣмъ стемнѣло, когда онъ докончилъ свой ужинъ. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы тутъ же приняться за нетерпящее отлагательства облегченіе разбитаго корабля отъ излишняго груза. Онъ уже и раньше началъ разборку обломковъ. Теперь онъ отложилъ въ сторону, въ сравнительно лучше уцѣлѣвшее машинное отдѣленіе все, что могло ему пригодиться по части желѣза, дерева, такелажа, парусовъ; все же ненужное онъ выбрасывалъ въ море. Грузъ его лодки, поднятый съ помощью веревки на палубу, какъ онъ ни былъ незначителенъ, все же казался ему излишнимъ. Поэтому Жилліатъ обратилъ вниманіе на подобіе углубленія въ утесѣ, до котораго онъ могъ достать рукою. Подобные, какъ бы природные шкапы нерѣдко встрѣчаются въ отвѣсныхъ стѣнахъ утесовъ; правда и то, что они не запираются. Онъ сообразилъ, что его скарбъ будетъ находиться въ безопасности въ этомъ углубленіи. На самое дно его онъ поставилъ оба привезенные съ собою ящика, одинъ съ его инструментами, другой съ его платьемъ; затѣмъ оба свои мѣшка, одинъ съ сухарями, другой съ ржаною мукою, а впереди ихъ, быть-можетъ, нѣсколько близко къ краю, но дѣлать было нечего—больше не было мѣста, коробъ свой съ съѣстными припасами. Онъ осмотрительно вынулъ предварительно изъ ящика съ платьемъ свою овчинку, свой китель съ капюшономъ и свои просмоленные панталоны.

Для того, чтобы уменьшить вліяніе вѣтра на его узловатую веревку, онъ обмоталъ нижній конецъ ея вокругъ одной изъ перекладинъ Дюранды. Эта перекладина удерживала конецъ веревки такъ же крѣпко, какъ то могъ бы сдѣлать сильный, зажатый кулакъ. Оставалось еще распорядиться съ верхнимъ концомъ веревки. Закрѣпить нижній конецъ ея было сравнительно не трудно. Но что касается верхняго ея конца, то приходилось опасаться, какъ бы, колеблемый вѣтромъ, онъ не перетерся объ острый край утеса. Жилліатъ сталъ рыться въ отложенныхъ имъ въ сторону остаткахъ оснастки корабля и выбралъ изъ нихъ нѣсколько кусковъ разорванныхъ парусовъ, а среди вороха старыхъ канатовъ—нѣсколько длинныхъ прядей пакли, которыми онъ и набилъ свои карманы. Морякъ сразу догадался бы, что онъ намѣревается подложить эту паклю и эти лохмотья парусовъ между краемъ утеса и веревкой для того, чтобы уменьшить треніе послѣдней о первый и предотвратить стираніе веревки, что на языкѣ моряковъ называется «подложить сарвень».

Набравъ, сколько ему было нужно, тряпья и пакли, онъ снова натянулъ на себя свои холщевые панталоны, надѣлъ китель поверхъ своей морской куртки, нахлобучилъ на свою шапку капюшонъ, обвязалъ лапами вокругъ шеи овчину и, облеченный въ эти полные доспѣхи, обхватилъ веревку, нынѣ уже крѣпко привязанную къ выступу Большого Дуврскаго утеса, и полѣзъ на приступъ этой морской башни. Несмотря на то, что онъ содралъ себѣ кожу съ рукъ, онъ довольно быстро взобрался на площадку утеса.

На горизонтѣ было уже почти совсѣмъ темно, и море казалось чернымъ. Только самая верхушка Большого Дувра еще была слабо освѣщена лучами скрывшагося уже за горизонтомъ солнца. Жилліатъ воспользовался этимъ слабымъ свѣтомъ для того, чтобы заклетневать свою веревочную лѣстницу. Онъ обмоталъ ее въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она соприкасалась съ краемъ утеса, бандажомъ изъ сложеннаго въ нѣсколько разъ холста, крѣпко обвязавъ каждый изъ этихъ слоевъ холста бечевкой изъ свернутой пакли. Получилось что-то въ родѣ тѣхъ подушечекъ, которыя подвязываютъ себѣ передъ пятымъ актомъ на колѣни актрисы, когда имъ приходится умолять о пощадѣ или мучиться въ агоніи.

Окончивъ свою работу, Жилліатъ выпрямился. Уже нѣсколько времени тому назадъ, еще въ то время, когда онъ обматывалъ свою лѣстницу, онъ слышалъ невдалекѣ отъ себя нѣчто въ родѣ хлопанья крыльевъ громаднаго нетопыря. Теперь онъ поднялъ глаза,—надъ его головой кружилось что-то черное на сѣро-бѣлесоватомъ небѣ. На старинныхъ картинахъ нѣчто въ родѣ этихъ круговъ встрѣчается надъ головами святыхъ; только тамъ они бываютъ свѣтлы на темномъ фонѣ, здѣсь же они были темны на свѣтломъ фонѣ. Трудно было представить себѣ нѣчто болѣе странное точно черный вѣнецъ надъ главой Большого Дувра.

Этотъ кругъ то приближался къ Жилліату, то снова удалялся отъ него. Оказалось, что то были чайки, морскіе рыболовы, бакланы, птицы-фрегаты, — словомъ, цѣлыя стаи морскихъ птицъ, слетѣвшихся сюда, чтобы подивиться на невиданнаго гостя. По всей вѣроятности, утесъ Большой Дувръ былъ ихъ пристанищемъ, и онѣ имѣли обыкновеніе проводить здѣсь ночь. А вдругъ оказалось, что въ этой гостиницѣ появился новый жилецъ, и это очень ихъ безпокоило. Еще отродясь имъ не доводилось видѣть здѣсь человѣка. Нѣкоторое время онѣ продолжали летать взадъ и впередъ, какъ бы выжидая, пока Жилліатъ, наконецъ, уберется. Но Жилліатъ, не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ на эту, кружащуюся надъ головою его стаю. Наконецъ птицы, повидимому, приняли рѣшеніе,—кругъ превратился въ спираль, и всѣ эти пернатые хозяева Большого Дувра рѣшились на эту ночь перемѣститься нѣсколько подальше, на утесъ «Человѣкъ».

Здѣсь они какъ будто стали совѣщаться и держать совѣтъ. Жилліатъ, вытянувшись на своемъ гранитномъ ложѣ и положивъ себѣ подъ голову камень, долго еще слышалъ безпокойное и взволнованное карканье морскихъ вороновъ. Но, наконецъ, они замолкли, и все уснуло: птицы — на своемъ утесѣ, Жилліатъ — на своемъ.

VIII.

Надоѣдливыя пернатыя.

Жилліатъ прекрасно спалъ. Однако ему было немного холодно, вслѣдствіе чего онъ просыпался нѣсколько разъ въ теченіе ночи. Онъ улегся ногами къ глубинѣ пещеры, а головою у наружнаго ея отверстія. Онъ не позаботился съ вечера убрать съ своего ло-

жа множество довольно острыхъ камешковъ, которые мѣшали ему спать. По временамъ онъ открывалъ глаза, слыша невдалекѣ отъ себя какіе-то громкіе звуки, въ родѣ звуковъ выстрѣловъ. Оказалось, что это волны морскія, во время начавшагося прилива, съ такимъ шумомъ врывались въ пещеры утесовъ.

Словомъ, вся обстановка, въ которой онъ очутился, была такъ необычайна, что могла казаться видѣніемъ. Все вокругъ Жилліата носило какой-то химерическій характеръ, а спросонковъ ему казалось, будто онъ погруженъ въ нѣчто невозможное, и онъ самъ себѣ говорилъ: «Все это не что иное, какъ сонъ». Затѣмъ онъ снова засыпалъ и во снѣ видѣлъ себя то въ своемъ домикѣ, то въ домѣ Летьерри, въ Сенъ-Сампсонѣ; онъ слышалъ пѣніе Дерюшетты. Съ нимъ случилось что-то странное. Пока онъ спалъ ему казалось, будто онъ бодрствуетъ и живетъ. Когда онъ просыпался, ему казалось, будто онъ бредитъ. И дѣйствительно вся его обстановка съ этихъ поръ была не что иное, какъ бредъ.

Около половины ночи на небѣ раздался какой-то сильный, но глухой шумъ. Жилліатъ впросонкахъ сообразилъ, что, должно-быть, поднимается вѣтеръ. Однажды, проснувшись отъ дрожи холода, онъ раскрылъ глаза немного пошире и увидѣлъ на небосклонѣ большія тучи; луна точно убѣгала съ неба, а за нею нѣсколько звѣздъ. Жилліатъ наполовину спалъ, наполовину бодрствовалъ, и это полудремотное состояніе еще болѣе осложняло въ его воображеніи суровые пейзажи моря и ночи.

На разсвѣтѣ онъ сильно прозябъ и спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ его глаза озарилъ свѣтъ утренней зари: альковъ его выходилъ какъ разъ на востокъ. Жилліатъ зѣвнулъ, потянулся, высунулъ голову изъ своего углубленія. Онъ передъ разсвѣтомъ такъ крѣпко уснулъ, что сразу не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, гдѣ онъ. Но мало-по-малу сознаніе дѣйствительности возвратилось къ нему и онъ воскликнулъ: «Однако, теперь пора и позавтракать!»

Погода стояла тихая, небо было ясно, но въ воздухѣ было морозно. Ночной вѣтеръ разогналъ тучи, солнце всходило на безоблачномъ горизонтѣ. Жилліатъ предвидѣлъ второй прекрасный день и ему стало весело на душѣ. Онъ снялъ съ себя свой китель и свои панталоны, завернулъ ихъ въ овчинку, обернувъ послѣднюю шерстью книзу, перевязалъ узелъ веревкой и засунулъ его въ глубь пещеры, на случай возможнаго дождя. Затѣмъ онъ оправилъ свою постель, т.-е. убралъ съ нея камни. Совершивъ все это, онъ спустился по узловатой веревкѣ на палубу Дюранды и побѣжалъ къ углубленію въ скалѣ, въ которое онъ наканунѣ запряталъ свои припасы. Но корзинки въ немъ не оказалось. Очевидно, такъ какъ онъ поставилъ ее слишкомъ близко къ краю, то ночной вѣтеръ сдулъ ее въ море. Это ясно доказывало, что морской вѣтеръ не желалъ сдаваться безъ боя. Нужно было имѣть немало злобы и немало силы воли, чтобы отыскать здѣсь корзинку и унести ее отсюда.

Жилліатъ такъ и принялъ это за начало враждебныхъ дѣйствій со стороны стихій. Живя постоянно въ самомъ тѣсномъ общеніи

съ нелюдимымъ моремъ, очень трудно бываетъ относиться къ вѣтру, къ волнамъ и къ скаламъ иначе, какъ къ живымъ существамъ.

Итакъ, у Жилліата, за исключеніемъ небольшого запаса сухарей и ржаной муки, не оставалось никакихъ другихъ средствъ пропитанія, кромѣ морскихъ раковинъ, которыми, по преданію, питался одинъ несчастный, потерпѣвшій кораблекрушеніе на утесѣ «Человѣкъ». Что касается рыбной ловли, то о ней нечего было и думать. Рыба вообще избѣгаетъ буруновъ и прибоевъ. Тщетно было бы и закидывать здѣсь сѣти и верши, такъ какъ острые камни подобныхъ рифовъ годились бы развѣ лишь на то, чтобы рвать и портить сѣти.

Жилліатъ позавтракалъ нѣсколькими раковинами, да и то ему нелегко было отколупнуть ихъ отъ утеса, и онъ при этомъ едва не сломалъ своего ножа. Во время этого, болѣе чѣмъ скромнаго завтрака онъ услышалъ на морѣ странный шумъ и взглянулъ по направленію этого шума.

Оказалось, что то были стаи чаекъ и морскихъ орловъ, которые опускались, сильно ударяя крыльями, толкаясь и поднимая страшный шумъ, на одинъ изъ нижнихъ утесовъ. Всѣ шумно и хлопотливо кружились вокругъ одного и того же мѣста. Вся эта клювастая и когтистая орда что-то такое клевала и растаскивала.

Это что-то была Жилліатова корзинка съ припасами. Выброшенная порывомъ вѣтра на одинъ изъ выступовъ утеса, она здѣсь разбилась и содержимое ея высыпалось. Птицы, замѣтивъ эту неожиданную и рѣдкую добычу, слетѣлись со всѣхъ сторонъ и каждая изъ нихъ старалась унести что-нибудь въ своемъ клювѣ. Жилліатъ узналъ издали свою солонину и свою треску. Очевидно, птицы принимали предложенный имъ бой, искали мести. Жилліатъ отнялъ у нихъ ихъ квартиры; онѣ отнимали у него его продовольствіе.

IX.

Какъ можно извлекать пользу даже изъ рифа.

Прошло около недѣли. Хотя стоялъ сезонъ дождей, но, къ великой радости Жилліата, дождей не было. Впрочемъ, то, что онъ предпринялъ, превышало, по крайней мѣрѣ, судя по всѣмъ видимостямъ, обыкновенныя человѣческія силы. Успѣхъ былъ до того неправдоподобенъ, что предпріятіе казалось безуміемъ. Препятствія обыкновенно обнаруживаются лишь по мѣрѣ того, какъ дѣло подвигается впередъ. Только начавъ дѣло, убѣждаешься въ томъ, съ какими опасностями сопряжено его окончаніе. Извѣстно, что трудно начало, но не менѣе труденъ всякій дальнѣйшій шагъ, который все болѣе и болѣе вводитъ человѣка въ дебри трудностей. Вы накалываетесь на каждое препятствіе, точно на шипъ.

Жилліату сразу же пришлось считаться съ препятствіями. Для того, чтобы спасти отъ окончательнаго потопленія потонувшую уже на три четверти машину Дюранды, для того, чтобы рѣшиться

хотя бы съ малою вѣроятностью успѣха на подобное предпріятіе, въ такомъ мѣстѣ и въ такое время года,—казалось, едва ли хватило бы и цѣлой артели людей, а Жилліатъ былъ одинъ. Требовалась цѣлая сложная система орудій и приспособленій, а у Жилліата были только пила, топоръ, долото и молотокъ. Требовались хорошее жилье и хорошая мастерская, а у Жилліата не было даже и крова надъ головою. Требовались сытная пища и припасы, а у Жилліата не было и куска хлѣба.

Тотъ, кто видѣлъ бы въ теченіе всей этой первой недѣли Жилліата, работающимъ возлѣ утесовъ, не былъ бы даже въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ намѣревается дѣлать. Онъ, казалось, не думалъ больше ни о Дюрандѣ ни о Дуврскихъ утесахъ. Онъ занялся лишь тѣмъ, что было въ бурунахъ и, повидимому, всецѣло отдался лишь спасенію мелочей. Онъ пользовался временемъ отлива для того, чтобы отнять у рифовъ то, что они захватили во время бури. Онъ переходилъ съ одного подводнаго камня на другой, собирая выброшенные на нихъ моремъ обрывки парусовъ, куски веревокъ, обломки желѣза, части рамъ, доски, отломанныя отъ бортовъ, разбирая реи, подбирая здѣсь балку, тамъ цѣпь, тамъ дальше—блокъ.

Въ то же самое время онъ тщательно изучалъ всѣ извилины рифа. Оказывалось, что ни одна изъ нихъ не была пригодна для жилья, къ великому разочарованію Жилліата, который по ночамъ сильно мерзъ въ своей расщелинѣ между камнями на вершинѣ Большого Дувра и который очень желалъ бы найти болѣе удобное для себя помѣщеніе. Двѣ изъ этихъ извилинъ были, правда, довольно помѣстительны; хотя естественная выстилка камнемъ и была на нихъ почти сплошь косая и неровная, однако на ней все же можно было стоять и даже ходить. Вѣтру и дождю, правда, здѣсь былъ полный просторъ, но зато сюда не добиралась вода во время самаго высокаго прилива. Къ тому же онѣ отстояли очень недалеко отъ Малаго Дувра и до послѣдняго можно было добраться во всякое время. Жилліатъ рѣшилъ, что изъ одной изъ нихъ онъ сдѣлаетъ свой складъ, а изъ другой—свою кузницу. Съ помощью веревокъ отъ парусовъ, которыя только ему удалось собрать, онъ связалъ разные обломки судна, дѣлая изъ деревянныхъ частей пуки, а изъ полотняныхъ—кипы. Все это онъ тщательно снайтовилъ. По мѣрѣ того, какъ поднимающійся приливъ подхватывалъ эти пуки и кипы, онъ перетаскивалъ ихъ до своего магазина. Онъ нашелъ въ углубленіи утеса обломокъ стенгъ-вынтрепа, при помощи котораго ему удалось притягивать, какъ рычагомъ, даже довольно большіе деревянные брусья. Этимъ же способомъ онъ вынулъ изъ моря немало обломковъ и обрывковъ цѣпей, валявшихся среди буруновъ.

Въ этой работѣ Жилліатъ выказывалъ необыкновенную стойкость и терпѣніе. Онъ дѣлалъ все, чего только желалъ. Ничто не можетъ устоять противъ упрямства и настойчивости муравья. Къ концу недѣли Жилліату удалось собрать въ этомъ гранитномъ сараѣ весь забранный имъ хламъ съ разбитаго судна и расположить

его въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ одномъ углу были галсы отъ парусовъ, въ другомъ—шкоты; булини лежали отдѣльно отъ гарделей; канаты были расположены сообразно своей толщинѣ; клетени якорнаго рыма, тщательно отвязанные отъ колецъ сломанныхъ якорей, были тщательно свернуты мотками; шлагъ-блоки, лишившіеся шкивовъ, были отдѣлены отъ составныхъ блоковъ; кляпышки, деревянные коуши, конопатные дорожники, чиксы, подкладки, канифасъ-блоки, шкентели, якорныя лапы, раксы, стопоры, рейки сложены были отдѣльно, если только они не были окончательно поломаны во время крушенія. Всѣ деревянныя части судна,—краспись, подпоры, стойки, эзельгофты, ставни, шкала, лонгъ-карлинсы, были сложены опять-таки отдѣльно, какъ только къ тому представлялась малѣйшая возможность. Доски съ наружной обшивки судна были аккуратно сложены по линіи перелома; рифныя рейки не были перемѣшаны съ кабалярами, ганшпуты—съ бактовами, обломки пояса—съ обломками шкафута. Опредѣленное мѣсто было отведено для шпицъ-сарвеней Дюранды, поддерживавшихъ марсовые ванты. Словомъ, каждый обломокъ нашелъ себѣ опредѣленное мѣсто. Здѣсь, такъ сказать, собрано было все крушеніе, классифицированное и занумерованное. Это былъ, такъ сказать, хаосъ, собранный въ складъ. Штокъ-парусъ, придерживаемый большими камнями, хотя и нѣсколько порванный, прикрывалъ въ видѣ брезента этотъ складъ для предохраненія отъ дождя.

Какъ ни разбита была носовая часть Дюранды, Жилліату удалось спасти кронбалку съ тремя блочными колесами. Онъ отыскивалъ также бугшпритъ и не безъ труда размоталъ съ него вулинги, такъ какъ они плотно прилегали къ нему, будучи по обыкновенію намотаны воротомъ и въ очень сухую погоду. Жилліатъ, однако, не полѣнился размотать ихъ, полагая, что этотъ грубый, несмоленый тросъ можетъ оказаться для него полезнымъ. Онъ вынулъ также маленькій якорь, зацѣпившійся на небольшой отмели, такъ что при отливѣ онъ показывался изъ-подъ воды. Въ бывшей каютѣ Тангруйля онъ нашелъ кусокъ мѣлу и тщательно спряталъ его: вѣдь, быть-можетъ, ему придется дѣлать какія-нибудь помѣтки. Кожаное ведро и нѣсколько такихъ же кадочекъ дополняли этотъ запасъ вещей, могущихъ оказаться полезными. Онъ перетащилъ также съ Дюранды въ свой складъ весь остававшійся еще на ней каменный уголь.

По прошествіи недѣли, это перенесеніе въ безопасное мѣсто остатковъ съ разбитаго корабля было окончено, и корпусъ Дюранды достаточно облегченъ. На разбитомъ кораблѣ оставалась только машина. Часть носовой перегородки, оставшаяся прикрѣпленной во время перелома судна къ кормѣ, не слишкомъ обременяла собою остовъ послѣдней. Она не оттягивала его внизъ, такъ какъ сама, въ свою очередь, упиралась о выступъ утеса. Къ тому же она была велика и громоздка, ее нелегко было бы перетащить и, наконецъ, она загромоздила бы его складъ. Эта перегородка походила издали на висячій плотъ. Жилліатъ оставилъ ее висѣть.

Тщетно также Жилліатъ искалъ рѣзной фигуры, которою украшенъ былъ носъ Дюранды, Очевидно, она обломилась объ утесъ, и морскіе валы навсегда унесли ее. Жилліатъ для того, чтобы разыскать ее, охотно отдалъ бы обѣ свои руки, если бы онѣ не были ему такъ нужны.

У входа въ его складъ и передъ этимъ входомъ свалены были двѣ кучи: одна поломаннаго желѣза, другая—деревянныхъ обломковъ. Первое годилось на перековку, вторые—какъ топливо. Жилліатъ съ разсвѣтомъ принимался за свою работу. Онъ не отдыхалъ ни минуты, кромѣ только времени, употребляемаго имъ на сонъ. Морскіе орлы, кружась надъ нимъ и вокругъ него, съ удивленіемъ смотрѣли на его работу.

X.

Кузница.

Устроивъ свой складъ, Жилліатъ принялся за устройство кузницы. Вторая извилина, избранная Жилліатомъ, представляла собою нѣчто въ родѣ траншеи, достаточно глубокой. Онъ сначала подумалъ было поселиться здѣсь; но здѣсь было постоянно такъ вѣтрено, что ему вскорѣ пришлось отказаться отъ этой мысли. Но эта именно безпрерывная тяга воздуха и навела его на мысль устроить здѣсь себѣ кузницу такъ какъ пещера эта не можетъ служить ему комнатой, то пусть же она служитъ ему мастерской. Извлекать пользу даже изъ препятствій, это—уже важный шагъ по пути къ торжеству. Вѣтеръ вздумалъ сдѣлаться врагомъ Жилліата; Жилліатъ рѣшился сдѣлать изъ него своего слугу.

То, что говорится о людяхъ извѣстнаго сорта: годенъ на все и ни на что не годится, можно было бы сказать и о нѣкоторыхъ углубленіяхъ въ скалахъ. Они только пообѣщаютъ, но ничего не дадутъ. Иное углубленіе въ утесѣ могло бы служить прекрасной ванной, но въ немъ найдется щель, черезъ которую убѣгаетъ вода; другое могло бы служить недурнымъ убѣжищемъ, но въ немъ нѣтъ потолка; третье могло бы представлять собою хорошее, устланное мхомъ, ложе, но въ немъ вѣчно мокро; четвертое, пожалуй, и было бы недурное кресло, но слишкомъ жесткое.

Кузница, которую желалъ устроить Жилліатъ, была уже наполовину начата природой. Но для того, чтобы превратить этотъ начатокъ въ нѣчто совершенно пригодное и изъ пещеры сдѣлать лабораторію, предстояло преодолѣть немало препятствій и затрудненій. Съ помощью трехъ или четырехъ большихъ камней, сложенныхъ въ видѣ воронки и примыкающихъ къ узкой разсѣлинѣ, получалось нѣчто въ родѣ неуклюжаго, но все же отчасти годнаго для дѣла горна. Но именно громадные размѣры этого натуральнаго горна и составляли, съ другой стороны, его неудобство. Такъ какъ тяга воздуха была здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ какую производили громадные старинные кузнечные мѣхи въ двѣ сажени длины, выдѣлявшіе изъ себя при каждомъ взмахѣ девяно-

сто восемь тысячъ квадратныхъ дюймовъ воздуха, то это обстоятельство, когда приходилось имѣть дѣло съ неисповѣдимыми силами урагана, являлось не малой помѣхой. Этотъ избытокъ силъ представляется неудобствомъ, такъ какъ невозможно было регулировать силу тяги.

Вообще эта пещера имѣла двоякаго рода неудобства: ее пронизывалъ изъ конца въ конецъ вѣтеръ и въ нее просачивалась по всѣмъ направленіямъ вода. Но это была не вода морской волны, а просачиваніе, это было журчаніе, а не потокъ. Пѣна и брызги, постоянно выбрасываемыя прибоемъ на утесъ, иногда на высоту болѣе чѣмъ ста футовъ, въ концѣ-концовъ наполнили морскою водою какъ бы естественный бассейнъ, находившійся на вершинѣ утеса, надъ внутреннимъ въ немъ углубленіемъ. Когда этотъ резервуаръ былъ черезчуръ переполненъ, то избытокъ воды стекалъ по отвѣсу утеса небольшимъ водопадомъ, приблизительно въ одинъ дюймъ въ діаметрѣ, падавшій съ высоты четырехъ или пяти саженъ. Къ этому присоединялась еще дождевая вода. По временамъ изъ проносившейся надъ утесомъ тучи въ этотъ резервуаръ, и безъ того всегда полный и неистощимый, падало еще не мало атмосферной воды. Вода въ этомъ резервуарѣ была хотя и чистая, но солоноватая на вкусъ и неудобная для питья. Вода изъ него красиво струилась по свѣшивавшимся сверху нитчаткамъ, точно по длиннымъ волосамъ вышедшей изъ воды наяды.

Жилліатъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы воспользоваться этой водой въ видѣ союзника противъ вѣтра. Съ помощью воронки, наскоро сложенной и сколоченной имъ изъ захваченныхъ съ собою досокъ, и съ помощью двухъ, сдѣланныхъ изъ досокъ же желобовъ, изъ которыхъ онъ въ одномъ устроилъ даже кранъ, далѣе съ помощью широкаго бака, устроеннаго имъ подъ нижнимъ концомъ желобовъ въ видѣ резервуара, безъ вельпа и безъ противовѣса, и дополнивъ это приспособленіе суженіемъ желобовъ наверху и тремя отверстіями внизу, Жилліатъ, смыслившій немного, какъ мы уже говорили выше, и въ кузнечномъ и въ механическомъ дѣлѣ, ухитрился устроить, взамѣнъ кузнечныхъ мѣховъ, которыхъ у него не было,—приспособленіе менѣе совершенное, чѣмъ то, которое нынче называютъ поддуваломъ, но все же менѣе первобытное, чѣмъ то, что когда-то называли въ Пиренейскихъ горахъ вагранкой.

У него былъ еще достаточный запасъ ржаной муки, и онъ сдѣлалъ изъ нея клей. У него была пакля, и онъ изъ нея сдѣлалъ конопатку. Съ помощью этого клея, этой конопатки и нѣсколькихъ кусковъ дерева, онъ заткнулъ всѣ трещины въ скалѣ, оставивъ лишь небольшое отверстіе для притока чистаго воздуха, вставивъ въ него захваченную имъ съ собою съ Дюранды фитильную трубку, служившую запаломъ для сигнальной мортиры. Эта трубка, черезъ которую притекалъ воздухъ, была направлена горизонтально на большую плиту, на которой Жилліатъ развелъ свой кузнечный огонь. Въ случаѣ надобности отверстіе трубы можно было заткнуть подобіемъ пробки, сдѣланной изъ куска трута.

Послѣ того Жилліатъ собралъ передъ очагомъ дрова и уголь, высѣкъ съ помощью камешка, которымъ онъ ударялъ объ утесъ, огонь, поджегъ трутъ и паклю, а съ помощью ихъ—дрова и угли. Затѣмъ онъ попробовалъ, какъ дѣйствуетъ сооруженное имъ поддувало. Оказалось, что оно дѣйствуетъ превосходно. Жилліатъ ощутилъ въ себѣ гордость циклопа, властителя воздуха, воды и огня.

Властителя воздуха, потому что онъ устроилъ для вѣтра нѣчто въ родѣ легкаго, создалъ въ толщѣ гранита дыхательный органъ и превратилъ вліяніе вѣтра въ мѣха. Властителя воды, потому что изъ небольшого водопадца онъ устроилъ цѣлый водопроводъ. Властителя огня, потому что въ этомъ затопленномъ утесѣ ему удалось развести огонь.

Такъ какъ надъ гротомъ были широкіе просвѣты въ скалѣ, то дымъ свободно могъ уходить въ нихъ. Эти скалы, которыя, казалось, до скончанія вѣка должны были быть знакомы только съ брызгами пѣны, вдругъ познали, что такое сажа.

Вмѣсто наковальни Жилліатъ взялъ себѣ очень плотный, гладкій камень, имѣвшій приблизительно требуемые размѣры и форму. Впрочемъ, наковальня эта, несмотря на плотность камня, не была особенно надежна и легко могла треснуть. Одна изъ оконечностей этой глыбы, закругленная и оканчивавшаяся остреемъ, могла въ случаѣ чего сойти за двурогій коноидъ, но зато недоставало двурогой пирамиды. Словомъ, это походило скорѣе на древнюю каменную наковальню троглодитовъ. Поверхность ея, сглаженная волною, имѣла почти твердость стали. Жилліатъ пожалѣлъ о томъ, что не захватилъ съ собою своей наковальни. Такъ какъ ему неизвѣстно было, что Дюранда была, такъ сказать, разрѣзана бурей на двѣ части, то онъ разсчитывалъ на то, что найдетъ на суднѣ весь плотничій приборъ, обыкновенно помѣщающійся въ носовой части трюма; а между тѣмъ, оказалось, что именно носовая часть судна совершенно погибла.

Оба углубленія, отвоеванныя Жилліатомъ у рифа, находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ, и, такимъ образомъ, между складомъ его и кузницей не трудно было установить сообщеніе. Каждый вечеръ, по окончаніи дневной работы, Жилліатъ закусывалъ кускомъ сухаря, размачиваемымъ имъ въ водѣ, или морскимъ ежомъ или какимъ-либо другимъ моллюскомъ или же, наконецъ, какимъ-нибудь морскимъ орѣхомъ, единственной возможной охотой среди этихъ утесовъ, и, дрожа отъ стужи не хуже его веревочной лѣстницы, поднимался на ночлегъ въ свою нору на Большой Дувръ.

Отвлеченность жизни Жилліата увеличивалась еще вслѣдствіе, такъ сказать, матеріальности его занятій. Реальность въ громадныхъ дозахъ заставляетъ человѣка теряться. Физическій трудъ, со всѣми своими многочисленными подробностями, не уменьшалъ его тоски отъ его какъ бы пригвожденности къ этому мѣсту и отъ этой трудной и скучной работы. Обыкновенно физическая усталость является нитью, притягивающею васъ къ землѣ. Но самая странность задачи, поставленной себѣ Жилліатомъ, заставляла его пребывать постоянно въ какой-то области

туманнаго и сумрачнаго. По временамъ ему казалось, будто онъ ударяетъ своимъ молоткомъ по облакамъ; въ другія минуты ему казалось, будто его рабочія орудія — то же оружіе. Онъ чувствовалъ странное ощущеніе безпрерывнаго нападенія, которое онъ или отражалъ или предупреждалъ. Щипалъ ли онъ паклю, выдергивалъ ли онъ изъ парусовъ нити, прилаживалъ ли онъ другъ къ другу два бревна,—ему все казалось, что онъ изготовляетъ своего рода орудія для веденія борьбы. Тысячи мелкихъ подробностей этого предпринятаго имъ дѣла спасенія, въ концѣ-концовъ, стали походить на предосторожности противъ возможныхъ нападеній, очень открытыхъ и очень прозрачныхъ. Жилліату неизвѣстны были многія слова, передающія смыслъ идей, но ему доступны были самыя идеи. Онъ съ каждымъ часомъ сознавалъ себя все менѣе и менѣе работникомъ, все болѣе и болѣе стороной воюющей. Онъ сидѣлъ здѣсь, какъ укротитель дикаго звѣря, и отлично сознавалъ это. Его умственный кругозоръ какъ-то разомъ сдѣлался шире.

Кромѣ того, онъ видѣлъ вокругъ себя, насколько хваталъ его глазъ, громадную картину потеряннаго труда. Ничто не производитъ болѣе смущающаго впечатлѣнія, какъ видѣть движеніе въ безграничномъ и неизмѣримомъ пространствѣ самыхъ разнообразныхъ силъ. Невольно онъ задаетъ себѣ вопросъ, какова же цѣль всего этого движенія. Вѣчно движущееся пространство, неутомимая вода, куда-то какъ будто торопящіяся тучи, громадное усиліе неизвѣстнаго — все это смутное движеніе является для него задачей. И къ чему это вѣчное движеніе, эти вѣчныя колебанія? Каковы цѣль и значеніе этихъ шкваловъ? Каковъ смыслъ этихъ сотрясеній? Что создаютъ эти удары, эти рыданія, этотъ ревъ? Какова цѣль этого вѣчнаго шума? Приливъ и отливъ этихъ вопросовъ такъ же вѣченъ, какъ и приливъ и отливъ волнъ морскихъ. Что касается самого Жилліата, то онъ очень хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ; но волнующаяся вокругъ него морская ширь смущала его своей загадочностью. Помимо его воли, механически, но вслѣдствіе проникновенія и давленія какой-то непреоборимой силы, безъ всякаго иного результата, кромѣ безсознательнаго и почти непріятнаго ослѣпленія, Жилліатъ, погруженный въ задумчивость, сливалъ свой собственный трудъ съ громаднымъ, но, повидимому, безполезнымъ трудомъ моря. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не изучить и не извѣдать, оказавшись лицомъ къ лицу, тайну страшнаго труда волны морской? Какъ не подумать, въ размѣрѣ мыслительныхъ способностей, данныхъ природой человѣку, надъ законами колебанія волнъ, надъ прыганіемъ морской пѣны, надъ незамѣтнымъ ростовщичествомъ утеса, надъ безумнымъ воемъ вѣтра, неистово дующимъ чуть ли не со всѣхъ четырехъ сторонъ разомъ? Какая тяжелая мысль, — мысль о безконечномъ начинаніи сызнова, о бездонномъ колодцѣ-океанѣ, о Данаидовыхъ бочкахъ, о всемъ этомъ напрасно потраченномъ трудѣ!

Нѣтъ, не напрасно! Но только человѣку не дано постигнуть того, для чего этотъ трудъ потраченъ.

XI.

Открытіе.

Утесъ, находящійся по сосѣдству съ берегомъ, иногда еще посѣщаетъ человѣкъ; утесъ, находящійся въ открытомъ морѣ, никогда никто не посѣщаетъ. Да и чего на немъ искать? Вѣдь это не островъ. Здѣсь нельзя разсчитывать найти ни пищи, ни плодовыхъ деревьевъ, ни пастбищъ для скота, ни даже источника съ удобной для питья водой. Это — голый камень среди пустыни. Это—скала, съ отвѣсами, возвышающимися надъ водой, и отвѣсами, опускающимися въ воду. Здѣсь человѣкъ ничего не можетъ найти, кромѣ кораблекрушенія.

Эти утесы, которые на старинномъ языкѣ моряковъ назывались уединенными, представляютъ собою, какъ мы уже говорили, нѣчто странное. Здѣсь море — единственный, полновластный хозяинъ. Здѣсь его не тревожитъ ничто земное, и оно его знать не хочетъ. Человѣкъ пугаетъ море, оно ему не довѣряется; оно скрываетъ отъ него и то, что оно есть, и то, что оно дѣлаетъ. Среди утесовъ оно спокойно: человѣкъ не придетъ разыскивать его здѣсь. Монологъ его валовъ ничѣмъ не будетъ нарушенъ. Оно роется среди камней, которыми усыпано его дно, оно здѣсь возстановляетъ ихъ изъянъ, оно оттачиваетъ ихъ острея, починяетъ и поправляетъ ихъ, старается содержать ихъ въ удовлетворительномъ для своихъ цѣлей состояніи. Оно пробуравливаетъ утесы, размываетъ болѣе мягкіе камни, оголяетъ камни болѣе твердые, отдѣляетъ отъ нихъ мускулы, оставляетъ однѣ кости, роется, буравитъ, дырявитъ, разрываетъ на части, прорываетъ каналы, продѣлываетъ отверстія въ слѣпыхъ кишкахъ, наполняетъ утесы ячейками, изображаетъ изъ нихъ громадныя губки, врывается внутрь, выводитъ узоры на наружности. Оно устраиваетъ для себя въ этихъ, никому невѣдомыхъ утесахъ, составляющихъ исключительно его достояніе, пещеры, святилища, дворцы. Оно имѣетъ свою собственную растительность, безобразную и величественную въ одно и то же время, состоящую изъ кусающихъ пловучихъ растеній и изъ чудовищъ, пускающихъ корни въ днѣ его. И все это ужасное великолѣпіе оно прячетъ въ глубинѣ своихъ водъ. Среди уединенныхъ утесовъ никто за нимъ не шпіонитъ, не наблюдаетъ за нимъ и не мѣшаетъ ему. Оно здѣсь на свободѣ разливаетъ свою таинственную, недосягаемую для человѣка сторону; оно скрываетъ здѣсь свои живыя и страшныя тайны. Здѣсь кроется все невѣдомое моря.

Мысы, носы, рифы, — повторяемъ, цѣлыя сложныя постройки. Геологическая формація—ничто въ сравненіи съ формаціей океанской. Утесы, эти постройки волнъ, эти пирамиды пѣны, являются созданіями того таинственнаго искусства, которое авторъ этой книги назвалъ гдѣ-то «Искусствомъ природы», и имъ свойственъ ихъ собственный, грандіозный стиль. Случайное здѣсь кажется сдѣланнымъ нарочно. Эти постройки очень разнообразны по

формѣ. Онѣ запутаны, какъ гнѣздо морскихъ полиповъ, величественны, какъ соборы, причудливы, какъ пагоды, дугообразны, какъ горы, изящны, какъ драгоцѣнные камни, ужасны, какъ могила. Въ нихъ есть ячейки, какъ въ осиномъ гнѣздѣ, логовища, какъ въ звѣринцѣ, подземные ходы, какъ въ кротовинѣ, подземелья, какъ въ темницѣ, засады, какъ въ непріятельскомъ станѣ. Въ нихъ есть двери, но задѣланныя, колонны, но разбитыя, башни, но наклоненныя, мосты, но поломанные. Въ нихъ есть особыя помѣщенія для птицъ, особыя — для рыбъ. Человѣку невозможно разобраться въ нихъ. Ихъ архитектурныя линіи преобразуются, сбиваются, то соотвѣтствуютъ законамъ статики, то являются отрицаніемъ ихъ, ломаются, обрываются, начинаются архивольтами, кончаются архитравами. Здѣсь все нагромождено; здѣсь капризъ моря игралъ роль каменщика. Здѣсь какая-то необыкновенная динамика представляетъ намъ свои задачи уже рѣшенными. Здѣсь страшные навѣсы свода угрожаютъ, но не падаютъ. Положительно недоумѣваешь, какимъ чудомъ держатся эти невозможныя постройки. Всюду уклоны отъ навѣсной линіи, пробѣлы, невѣроятные навѣсы. Невѣдомый зодчій здѣсь ничего не разсчиталъ, но все ему удалось. Утесы, въ безпорядкѣ наваленные другъ на друга, составляютъ какое-то грандіозное сооруженіе: никакой логики, а между тѣмъ точнѣйшее соблюденіе законовъ равновѣсія. Это не только прочно, это — вѣчно, и въ то же время это безпорядочно. Бурленіе волны какъ будто бы передалось граниту. Рифъ, это — окаменѣвшая буря. Ничто не въ состояніи сильнѣе дѣйствовать на умъ, чѣмъ эта причудливая архитектура, ежесекундно, кажется, готовая развалиться и незыблемо стоящая вѣками. Все здѣсь противорѣчитъ другъ другу и взаимно помогаетъ другъ другу. Это — борьба линій, изъ которой создается зданіе. Это—плодъ сотрудничества двухъ вѣчно спорящихъ стихій: океана и урагана.

У этого зодчества есть свои ужасныя образцовыя произведенія. Дуврскій утесъ былъ однимъ изъ нихъ. Море, казалось, построило и усовершенствовало его съ особою, какою-то дикою любовью. Сварливыя волны не переставали облизывать его. Онъ былъ безобразенъ, мраченъ, коваренъ. Въ немъ была цѣлая артеріальная система подводныхъ отверстій, развѣтвлявшихся на неизмѣримой глубинѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ отверстій, впрочемъ, выглядывали изъ-подъ воды во время большого отлива, и въ нихъ можно было даже входить, конечно, рискуя не выйти больше изъ нихъ.

Жилліату, для успѣха предпринятаго имъ дѣла, пришлось тщательно изслѣдовать всѣ эти подводныя пещеры. Всѣ онѣ были одинаково страшны. Всѣ онѣ представляли собою, да еще въ преувеличенныхъ размѣрахъ, свойственныхъ океану, тотъ же самый видъ бойни или мясной лавки, который, какъ уже сказано было выше, придавали Дуврскимъ утесамъ покрывавшія ихъ буро-красныя пятна. Кто не видѣлъ своими глазами въ подобнаго рода углубленіяхъ, на стѣнахъ вѣковѣчнаго гранита, эти ужасные рисунки, выведенные природой, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ понятія.

Эти ужасныя пещеры были въ то же время коварны, и въ нихъ опасно было замѣшкиваться. При сильномъ приливѣ онѣ наполнялись водой до самаго свода. Въ нихъ можно было найти не мало всякихъ моллюсковъ и другихъ морскихъ животныхъ. Кромѣ того, онѣ были завалены кругляками, кучи которыхъ мѣстами возвышались до самаго свода. Нѣкоторые изъ этихъ кругляковъ или валуновъ вѣсили по нѣскольку берковцевъ. Ихъ было здѣсь достаточно всякихъ размѣровъ и всякихъ цвѣтовъ. Большая часть ихъ была окрашена какъ бы въ кровавый цвѣтъ; иные, покрытые склизкими и волосатыми нитчатками, походили на громадныхъ зеленыхъ кротовъ, роющихся въ утесѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ подземелій вдругъ обрывались тупиками. Другія, точно артеріи какого-то таинственнаго, подводнаго кровообращенія, продолжались въ гранитной массѣ утеса въ видѣ извилистыхъ, черныхъ трещинъ. Это были, такъ сказать, улицы и закоулки пучины. Такъ какъ эти трещины безпрерывно суживались, то человѣку невозможно было пройти по нимъ. Но съ помощью зажженнаго пука соломы можно было разглядѣть въ нихъ вдали темныя, узкія извилины, со свода и со стѣнъ которыхъ капала вода.

Однажды Жилліатъ, производя свои розыски, рѣшился пролѣзть въ одну изъ такихъ трещинъ, воспользовавшись временемъ сильнаго отлива. День стоялъ прекрасный, тихій и солнечный, и нечего было опасаться со стороны моря какого-нибудь каприза, который осложнилъ бы эту, нѣсколько рискованную экспедицію. Мы уже указывали выше на то, что два мотива побуждали Жилліата производить подобныя изслѣдованія: во-первыхъ, желаніе отыскать еще кое-что пригодное для предпринятаго имъ дѣла спасенія остатковъ Дюранды, а во-вторыхъ, надежда найти морскихъ раковъ и крабовъ для своей пищи, такъ какъ на самыхъ Дуврскихъ утесахъ оставалось уже мало раковинъ, которыя могли бы служить ему пищей.

Трещина была очень узкая и пролѣзть въ нее оказывалось почти невозможнымъ, а между тѣмъ Жилліатъ видѣлъ вдали проблескъ свѣта. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, съежился, елико возможно, и протиснулся въ трещину на довольно значительное разстояніе.

Самъ того не подозрѣвая, онъ очутился въ самой внутренности именно того утеса, на вершину котораго Клюбенъ направилъ Дюранду. Вершина эта приходилась теперь какъ разъ надъ головою Жилліата. Утесъ этотъ, снаружи отвѣсный и неприступный, внутри представлялъ собою пустоту. Въ немъ были коридоры, колодцы и даже цѣлые покои, какъ внутри пирамидъ, воздвигавшихся надъ прахомъ египетскихъ царей. Это былъ цѣлый лабиринтъ—результатъ вѣкового размыва водою, неутомимыхъ подкоповъ моря. Отъ этой подводной постройки шли, по всей вѣроятности, развѣтвленія, соединявшія его съ открытымъ моремъ; одни выше, приблизительно въ уровень съ морской поверхностью, другія—въ видѣ глубокихъ, невидимыхъ воронокъ. Вотъ именно

тутъ-то Клюбенъ и кинулся въ море; конечно, Жилліатъ не могъ и подозрѣвать этого.

Жилліатъ пробирался по этой крокодиловой норѣ, въ которой, впрочемъ, крокодиловъ нечего было опасаться,—ползалъ, стукался лбомъ, нагибался, снова выпрямлялся, скользилъ, ощупывалъ ногою почву подъ собою, подвигался впередъ съ трудомъ. Мало-помалу проходъ сталъ расширяться, сдѣлалось свѣтлѣе, — и вдругъ Жилліатъ очутился въ какомъ-то необычайномъ гротѣ.

XII.

Внутренность подводнаго зданія.

Блеснувшій въ глаза Жилліату полусвѣтъ оказался какъ нельзя болѣе кстати: если бъ онъ сдѣлалъ хотя бы еще одинъ шагъ впередъ, онъ упалъ бы въ воду, быть-можетъ, погрузился бы въ бездонную пучину. А вода въ этихъ пещерахъ бываетъ обыкновенно такъ холодна, что члены немедленно коченѣютъ, и самый лучшій пловецъ погружается на дно, точно камень. Другого рода опасность этихъ пучинъ заключается въ томъ, что попавшему въ нихъ не за что ухватиться руками и выкарабкаться изъ воды.

Жилліатъ остановился, какъ вкопанный. Проходъ, изъ котораго онъ только что вышелъ, упирался въ узкій и склизкій выступъ отвѣсной стѣны. Жилліатъ прислонился спиною къ стѣнѣ и сталъ смотрѣть.

Онъ очутился какъ бы въ громадномъ погребѣ. Надъ головой его высилось нѣчто въ родѣ нижней поверхности громаднаго черепа, какъ будто бы только что вскрытаго. Узенькія струйки буроватой жидкости напоминали собою, ни дать ни взять, швы съ неровными краями въ мѣстахъ сращенія черепныхъ костей. Вмѣсто потолка—камень; вмѣсто пола—вода. Волны прилива, стѣсненныя четырьмя стѣнами пещеры, казались громадными колеблющимися плитами. Пещера была закрыта со всѣхъ сторонъ: ни одного отверстія, ни одной отдушины, ни малѣйшаго пролома въ стѣнѣ, ни малѣйшей трещины въ сводѣ. Освѣщеніе падало снизу, изъ-подъ воды; вся пещера была залита какимъ-то мрачнымъ блескомъ.

Жилліатъ, зрачки котораго привыкли къ мраку во время долгаго плутанія по темному коридору, могъ все отлично разсмотрѣть въ этомъ полусвѣтѣ. Ему не разъ во время многочисленныхъ его странствованій по морю доводилось бывать въ Плэнмонскихъ пещерахъ, близъ Джерсея, въ Кре-Малье, близъ Гернсея, въ Магазинной пещерѣ близъ Серка (прозванной такъ потому, что контрабандисты складывали въ ней свой товаръ). Но ни одна изъ этихъ замѣчательныхъ пещеръ не имѣла ни малѣйшаго сходства съ тою подземной и подводной палатой, въ которой онъ теперь очутился. Жилліатъ видѣлъ передъ собой подъ волнами нѣчто въ родѣ затопленной арки. Эта арка, очевидно, размытая водой, была необыкновенно красива между двумя своими глубокими и черными косяками. Сквозь эти-то подводныя ворота и проникалъ въ пещеру свѣтъ съ открытаго моря. Странный свѣтъ, выходившій изъ пучины!

Свѣтъ этотъ разливался надъ волнами въ вѣерообразной формѣ и отражался объ утесы. Его прямые лучи, выдѣлявшіеся длинными прямыми линіями на темномъ фонѣ, то свѣтлѣли, то темнѣли, смотря по капризнымъ линіямъ извилинъ, и порою являлись на черной рамкѣ утеса точно полосами стекла. Въ эту пещеру падалъ свѣтъ, но свѣтъ, исходившій неизвѣстно откуда. Во всякомъ случаѣ это не былъ нашъ, обыкновенный, земной свѣтъ. Можно было бы подумать, что внезапно очутился на другой планетѣ. Свѣтъ этотъ являлся загадкой; онъ походилъ на сѣро-зеленый зрачокъ сфинкса. Вообще эта пещера напоминала собою внутренность какой-то громадной, волшебной мертвой головы: сводъ былъ черепъ этой головы, арка—уста ея; недоставало только глазныхъ впадинъ. Уста эти, проглатывая и снова выплевывая волны прилива и отлива, широко разинутыя, впивали въ себя свѣтъ и выдѣляли изъ себя горечь. Въ этомъ отношеніи на нихъ похожи бываютъ иные люди, умные и злые въ одно и то же время. Солнечный лучъ, проходя черезъ арку, загороженную стекловидной массой морской воды, получилъ такой же зеленоватый оттѣнокъ, какъ лучъ Альдебарана; вода казалась какъ бы изумрудомъ въ расплавленномъ состояніи. Несказанно нѣжный и мягкій аквамариновый оттѣнокъ окрашивалъ всю пещеру. Сводъ, со своими почти мозговыми лопастями и со своими ползучими развѣтвленіями, напоминавшими развѣтвленія нервовъ, имѣлъ нѣжный, хризопразовый отблескъ. Волнистый лоскъ волнъ, отражавшійся на сводѣ, переливался на немъ во всевозможныхъ фигурахъ и сочетаніяхъ, расширяя и суживая свои золотистыя петли, точно въ какой-то таинственной пляскѣ. Все это производило какое-то призрачное впечатлѣніе, и невольно приходилъ на умъ вопросъ, какая добыча или какая надежда на добычу преисполняли такой радости эту великолѣпную сѣть бѣгающихъ огоньковъ. Съ выступовъ свода или съ неровностей утесовъ свѣшивались длинные и тонкіе стебли, корни которыхъ были, по всей вѣроятности, обмываемы водою какого-нибудь воднаго бассейна надъ утесомъ. Съ каждой изъ этихъ растительныхъ нитей черезъ извѣстные промежутки времени скатывалась, въ видѣ жемчужины, капля воды. Эти капли, падая въ пучину, производили легкій пріятный шумъ.

Вообще впечатлѣніе, производимое этимъ подводнымъ чертогомъ, было неописуемо. Нельзя было и представить себѣ ничего болѣе великолѣпнаго ни встрѣтить чего-либо болѣе мрачнаго. Это былъ какой-то роскошный дворецъ Смерти.

XIII.

Что здѣсь видишь и о чемъ только догадываешься.

Ослѣпляющій мракъ—вотъ что такое было это удивительное мѣсто.

Въ этой пещерѣ чувствовалось біеніе пульса моря. Внѣшнія колебанія то вздымали, то опять понижали эту водную скатерть съ правильностью дыханія. Казалось, будто видишь передъ собою гигантскую грудь какого-то таинственнаго существа, то медленно вздымающуюся, то такъ же медленно опускающуюся.

Вода была необыкновенно прозрачна, и Жилліатъ могъ разглядѣть на различной глубинѣ вершины и выступы подводныхъ скалъ и камней, окрашенныхъ, чѣмъ глубже, тѣмъ въ болѣе темный зеленый цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вода представлялась совершенно черной, по всей вѣроятности, вовсе нельзя было достать дна.

По обѣимъ сторонамъ подводныхъ воротъ очертанія низкихъ темныхъ дугъ указывали на существованіе меньшихъ боковыхъ пещеръ, какъ бы пристроекъ къ главной пещерѣ, доступъ въ которыя оказывался, можетъ-быть, возможнымъ при очень низкомъ отливѣ. Эти углубленія имѣли наклонные подъ различными углами, потолки. Въ стѣнахъ этихъ пещеръ были небольшие выступы шириною въ нѣсколько футовъ, очевидно, промытые прибоемъ волнъ.

Кое-гдѣ длинные стебли водорослей качались подъ водой, напоминая собою волосы, развѣваемые вѣтромъ. Сквозь прозрачную воду можно было разглядѣть цѣлыя рощи пузырчатыхъ фукусовъ. Вся стѣна пещеры, какъ подводная, такъ и надводная ея части, сверху донизу, начиная отъ свода и кончая основаніемъ, терявшимся въ пучинѣ морской, были покрыты тѣми поразительными океанскими цвѣтами, которые такъ рѣдко удается видѣть человѣческому глазу и которые въ старину испанскіе мореплаватели называли «морскими лужайками». Густой мохъ оливковаго цвѣта разныхъ оттѣнковъ скрывалъ или же преувеличивалъ размѣры всѣхъ наростовъ гранита. Со всѣхъ выступовъ и шероховатостей камня свѣшивались точно тоненькіе, вытисненные ремешки той породы водорослей, которая служитъ рыбакамъ барометромъ. Эти блестящіе ремешки колыхались подъ слабымъ дуновеніемъ воздуха, замѣчавшимся въ пещерѣ.

Подъ этой растительностью скрывались и изъ подъ нея же въ то же время и показывались самыя рѣдкія произведенія океана: слоновики, крылатики, одностворчатыя раковины, шлемовидныя раковины, багрянки, трубянки и много другихъ. Блюдечкообразныя раковины, напоминавшія собою микроскопическіе шалаши, всюду виднѣлись прилипшими къ утесу и селились какъ бы группами, между которыми бродили байдарки, эти морскіе жуки. Раковины, очевидно, особенно охотно искали убѣжища въ этой пещерѣ въ виду того, что морскіе валуны лишь съ трудомъ и очень рѣдко попадали въ нее. Эти раковины—очень избалованные баричи, которые, будучи облечены въ блестящій перламутръ, стараются избѣгать соприкосновенія съ грубыми, неотесанными камнями, для того чтобы не попортить своей изящной и красивой одежды. Скопленіе подъ водою блестящихъ раковинъ производило мѣстами очень красивое переливаніе цвѣтовъ, при чемъ преобладали то лазоревый, то алый, то золотистый цвѣта, получавшие еще различные оттѣнки отъ свѣтовыхъ эффектовъ воды.

На стѣнѣ утеса, немного выше линіи прилива, какое-то странное и красивое растеніе переплеталось съ водорослями, какъ бы продолжая и заканчивая линію ихъ. Это растеніе, вѣтвистое, во-

локнистое, колѣнчатое и почти совершенно чернаго цвѣта, представлялось взору запутанною, темною плоскостью, усѣянной безчисленными темно-синими цвѣточками. Сквозь воду казалось, будто цвѣточки эти свѣтятся фосфорическимъ блескомъ, и они очень напоминали собою синіе огоньки, перебѣгающіе по потухающимъ угольямъ. Надъ водою это были цвѣтки; подъ водою это были сапфиры; такимъ образомъ, волна, заливая основаніе утеса, покрывала его драгоцѣнными каменьями. При всякомъ плескѣ волны цвѣточки эти, покрываемые водою, засвѣчивались фосфорическимъ, синеватымъ блескомъ. Какъ только волна отхлынетъ отъ нихъ, они потухали. Наводящее на грустныя размышленія сходство съ судьбою! Постоянная смѣна вдыханія, т.-е. жизни, и выдыханія, т.-е. смерти.

Одно изъ чудесъ этой пещеры составлялъ самый утесъ. Утесъ этотъ,—то стѣна, то полукругъ, то пирамида, то столбъ,—мѣстами былъ шероховатъ и голъ, мѣстами, тутъ же рядомъ, представлялъ собою самое прихотливое кружево. Что-то неизвѣстное, но, очевидно, очень умное, примѣшивалось къ массивной грубости и первобытности гранита. Что за великій художникъ—морская пучина! Простой отвѣсъ стѣны утеса, срѣзанный перпендикулярно и покрытый разныхъ формъ и величинъ выпуклостями, представлялъ собою нѣчто въ родѣ барельефа. Стоя передъ этой природной и туманной скульптурой, можно было вообразить себѣ Прометея, дѣлающаго наброски для Микель-Анджело. Казалось, будто геній нѣсколькими ударами рѣзца въ состояніи былъ бы докончить то, что началъ гигантъ. Въ другихъ мѣстахъ утесъ былъ ограненъ, какъ сарацинскій щитъ, или наведенъ чернью, какъ флорентинскій бассейнъ. Мѣстами виднѣлись рамы, точно сдѣланныя изъ коринѳской темной бронзы, далѣе—арабески, точно на дверяхъ мечети, еще далѣе, точно на древнемъ руническомъ камнѣ, какіе-то таинственные, мудреные знаки и черточки. Растенія съ витыми, винтообразными вѣтвями, пересѣкаясь на золотистомъ фонѣ мха, покрывали его точно филиграновою работою. Словомъ, эта пещера была та же Альгамбра. Здѣсь первобытная дикость и самый утонченный вкусъ совпали въ величественномъ и въ то же время безобразномъ зодчествѣ случая.

Красивая морская плѣсень точно бархатомъ покрывала гранитные углы. Скаты были украшены городками изъ великоцвѣтныхъ ліанъ, какъ-то ухитрявшихся не падать и которыя были помѣщены здѣсь какъ бы нарочно,—до того изящно онѣ убирали стѣны. Стѣнницы оригинальными букетами своими расположились вдоль отвѣсовъ. Пещера эта была, такъ сказать, кокетлива. Странный фосфорическій свѣтъ, выходившій изъ-подъ воды, какъ бы смѣсь тьмы, пучины и райскаго сіянія, растушевывалъ всѣ линіи какими-то призрачными узорами. Каждая волна была призмой. Очертанія предметовъ, благодаря радужному волненію, получили такую окраску, точно на нихъ смотрѣли сквозь стеклянныя призмы. Подъ водою точно плавали солнечные призраки, точно носились обломки радуги. Въ другихъ мѣстахъ вода какъ будто освѣщена была

луннымъ свѣтомъ. Здѣсь, казалось, собрались всѣ виды блеска для того, чтобы создать нѣчто таинственное и мрачное. Нельзя было представить себѣ ничего болѣе загадочнаго и страннаго, чѣмъ это великолѣпіе въ этомъ подземельи. Преобладающимъ впечатлѣніемъ было очарованіе. Фантастическая растительность и странныя переслаиванія, сливаясь, производили гармонію; это сочетаніе самыхъ невозможныхъ формъ оказывалось чрезвычайно счастливымъ. Развѣтвленія сцѣплялись и переплетались. Дикіе утесы и дикіе цвѣтки имѣли въ себѣ что-то ласкающее. Капителью и перевязями для массивныхъ столбовъ служили тоненькія гирлянды, дрожащія и колеблющіяся, точно нѣжные пальчики феи, щекочущіе неуклюжія ступни бегемота. Утесъ поддерживалъ растеніе, а растеніе обнимало утесъ съ какою-то чудовищною граціей. Таинственное сочетаніе всѣхъ этихъ очертаній приводило въ результатѣ къ какой-то дикой и могучей красотѣ. Творенія природы, не менѣе возвышенныя, чѣмъ творенія генія, производятъ обаятельное впечатлѣніе. Ихъ неожиданность поражаетъ умъ; въ нихъ чувствуется какая-то предумышленность, находящаяся внѣ сферы человѣка; и никогда они не бываютъ такъ поразительны, какъ тогда, когда они изъ ужаснаго вдругъ вызываютъ прекрасное.

Въ этомъ подводномъ гротѣ одна непредвидѣнность смѣнялась другою. Онъ былъ освѣщенъ какимъ-то апокалипсическимъ свѣтомъ. Не хотѣлось вѣрить, чтобы все это было на дѣлѣ. Передъ глазами являлось что-то реальное и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможное. Все это было видимо, осязаемо, и въ то же время трудно было вѣрить въ это. Неужели дѣйствительно сквозь это подводное окно проникаетъ свѣтъ? Неужели въ этомъ темномъ бассейнѣ дѣйствительно переливается вода? Неужели эти кружала и дуги не были облаками, похожими на пещеру? Неужели подъ ногами былъ дѣйствительный камень? Неужели эта подпорка не разсѣется сейчасъ дымомъ? И что это такое за драгоцѣнный уборъ изъ раковинъ? И далеко ли отсюда до жизни, до земли, до человѣка? Что означаетъ это очарованіе, соединенное съ этимъ мракомъ? Все это производило неслыханное, почти священное волненіе, которому какъ бы вторило тихое колебаніе водорослей въ глубинѣ моря.

Въ концѣ пещеры, имѣвшей продолговатую форму, подъ циклопическимъ наличникомъ необыкновенно правильной формы, въ едва замѣтномъ углубленіи, составлявшемъ какъ бы пещеру въ пещерѣ или скинію въ алтарѣ, позади зеленой, прозрачной пелены, напоминавшей завѣсу царскихъ вратъ, надъ уровнемъ воды возвышался четырехугольный камень, по формѣ своей похожій на жертвенникъ. Камень этотъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ водою. Казалось, будто съ него только что спустилась богиня. Невольно воображеніе представляло себѣ на этомъ жертвенникѣ какую-то нагую, вѣчно задумчивую богиню, которую появленіе человѣка заставило скрыться. Трудно было представить себѣ, чтобы этотъ подводный храмъ могъ быть необитаемъ, мечта работала непроизвольно. Такъ и видѣлъ передъ собою облитыя таинственнымъ свѣтомъ

цѣломудренныя плечи, залитый зарею лобъ, оваль олимпійскаго лица, цѣломудренныя груди, голыя руки, распущенные волосы, красивыя бедра, окутанныя дымкой, формы нимфы, взглядъ дѣвственницы, выходящую изъ пѣны морской Венеру, выходящую изъ мірового хаоса Еву. Таково было видѣніе, которое не могло не представиться глазамъ. Казалось неправдоподобнымъ, чтобы здѣсь не было призрачнаго существа. На этомъ жертвенникѣ, безъ сомнѣнія, только что стояла нагая женщина, представлявшая собою подводное свѣтило. Такъ и видѣлось на этомъ величественномъ пьедесталѣ что-то бѣлое, красивое и живое. Уму представлялась, среди безмолвнаго обожанія этого подземелья, какая-нибудь Амфитрида, Діана, Ѳетида, статуя идеала, вся составленная изъ сіянія и кротко взирающая на тьму. Эта-то богиня, удаляясь изъ пещеры, оставила въ ней этотъ блескъ, это, такъ сказать, благоуханіе свѣта, отдѣлившееся отъ этого тѣла-свѣтила. Этого свѣтлаго призрака уже не было здѣсь; нельзя было видѣть этого образа, созданнаго только для того, чтобы быть видимымъ лишь невидимому; но онъ чувствовался здѣсь, и это ощущеніе вызывало сладострастную дрожь. Богиня ушла, но божество осталось. Эта красивая пещера казалась нарочно созданной для присутствующаго здѣсь божества. Ради него, ради этой феи, ради этой царицы подводнаго царства, ради этой граціи, вышедшей изъ волнъ,—ради нея, такъ по крайней мѣрѣ казалось, подземелье это было тщательно закрыто со всѣхъ сторонъ для того, чтобы никогда ничто не смущало, вокругъ этого божественнаго призрака мрака, въ которомъ сказывается благоговѣніе, и молчанія, въ которомъ сказывается величіе.

Жилліатъ, глубоко потрясенный этимъ великолѣпіемъ, задумчиво смотрѣлъ передъ собою.

Вдругъ, въ нѣсколькихъ футахъ подъ собою, сквозь прозрачную воду, напоминавшую собою расплавленное стекло, онъ увидѣлъ что-то необычайное: въ колеблющихся волнахъ двигалось что-то въ родѣ длинной тряпки. Тряпка эта не плыла, а носилась въ водѣ; но у нея, очевидно, была опредѣленная цѣль, такъ какъ она двигалась быстро. Она имѣла форму шутовской щелкушки, съ мягкими плававшими по водѣ кончиками; она, казалось, покрыта была непромокаемою пылью. Все это было болѣе чѣмъ ужасно: это было грязно. Это была химера, если только это не былъ призракъ, Она, казалось, направилась въ темный уголъ пещеры и скрылась въ немъ, покрытая густою тѣнью воды. Этотъ зловѣщій силуэтъ проскользнулъ и исчезъ.

Книга вторая.—ТРУДЪ.

I.

Изворотливость человѣка, у котораго все отнято.

Эта пещера не такъ легко отпускала отъ себя того, кто разъ попадалъ въ нее. Нелегко было войти сюда, но еще труднѣе было выйти. Жилліату, однако, удалось выбраться отсюда, но онъ не счелъ нужнымъ болѣе возвращаться сюда. Онъ не нашелъ здѣсь ничего изъ того, что онъ искалъ, а ему некогда было удовлетворять свое любопытство.

Онъ немедленно пустилъ въ ходъ свою кузницу. У него не было орудій, онъ самъ себѣ соорудилъ ихъ. При этомъ топливомъ для него служили обломки корабля, двигателемъ—вода, мѣхами—вѣтеръ, наковальней—камень, искусствомъ—инстинктъ и силою—воля.

Жилліатъ усердно принялся за свою нелегкую работу. Погода продолжала благопріятствовать ему и оставаться хорошею и ясною, вовсе не похожею на равноденственную погоду. Наступилъ мартъ мѣсяцъ, но онъ не сопровождался бурями. Дни становились длиннѣе. Синева небесъ, благораствореніе воздуха, яркое солнце—все это, повидимому, устраняло всякое предположеніе о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ. Иногда предатель приближается къ вамъ съ ласками. Море бываетъ особенно щедро на такого рода ласки. Бываютъ такія женщины, улыбокъ которыхъ слѣдуетъ остерегаться.

Вѣтеръ былъ не особенно сильный, однако, хорошо исправлялъ свою роль мѣховъ; болѣе сильный вѣтеръ былъ бы скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. У Жилліата была пила; онъ соорудилъ себѣ, кромѣ того, напилокъ. Съ помощью пилы онъ перепиливалъ дерево, съ помощью напилка—металлъ. Затѣмъ онъ прибавилъ къ этому еще двѣ желѣзныя руки кузнеца—щипцы и клещи, для придерживанія и поворачиванія изготовляемыхъ предметовъ. Первые, это—кулакъ, вторыя, это—пальцы. Ремесленные инструменты, это—тотъ же организмъ. Жилліатъ мало-по-малу находилъ себѣ союзниковъ и изготовлялъ для себя оружіе. Съ помощью желѣзнаго листа онъ сдѣлалъ навѣсъ надъ своимъ очагомъ.

Одною изъ главныхъ заботъ его была разборка и починка блоковъ. Онъ привелъ въ порядокъ ихъ колеса и гнѣзда. Онъ срѣзалъ всѣ переломы бревенъ и выравнялъ края послѣднихъ. Какъ мы уже сказали выше, онъ собралъ всѣ рамы и рѣшетины, которыя ему только удалось найти на разбитомъ кораблѣ, разложивъ ихъ сообразно ихъ размѣрамъ, формамъ и матеріалу, изъ котораго онѣ были сдѣланы: тутъ дубовая, тамъ сосновая, тутъ выгнутая, тамъ квадратная. Все это могло послужить ему впослѣдствіи въ видѣ точки опоры для изготовляемаго имъ рычага.

Для изготовленія талей, конечно, необходимы бревна и блоки; но этого недостаточно—необходимы еще канаты. Жилліатъ привелъ въ порядокъ кабели и перлини. Онъ затѣмъ сталъ выдергивать нитки изъ разорванныхъ парусовъ, и при помощи этой пряди соорудилъ тросъ, а съ помощью этого троса, въ свою очередь, скрѣпилъ концы канатовъ. Но такъ какъ эти швы скоро могли перегнить, то нужно было торопиться осмолить эти канаты и кабели, а у Жилліата не было дегтя; онъ взамѣнъ его пустилъ въ дѣло варъ.

Покончивъ съ канатами, онъ принялся за цѣпи. Благодаря боковой стѣнкѣ камня-наковальни, замѣнявшей ему двурогій конусъ, онъ въ состояніи былъ выковать хотя и грубыя, но прочныя кольца. Съ помощью этихъ колецъ онъ соединилъ оба конца порванной цѣпи и тѣмъ удлинилъ ее. Ковать одному безъ помощниковъ, дѣло очень трудное; онъ, однакоже, справился съ нимъ. Правда, что ему приходилось выковывать лишь не особенно тяжелые предметы, такъ что онъ могъ придерживать ихъ лѣвою рукою клещами, а правой бить молотомъ. Онъ распилилъ на части круглыя желѣзныя полосы съ комендантскаго мостика, заострилъ одинъ конецъ этихъ желѣзныхъ обрубковъ, а другой приплюснулъ въ видѣ шляпки гвоздя и такимъ образомъ у него вышло нѣчто въ родѣ громадныхъ гвоздей, въ одинъ футъ длины каждый. Эти большіе гвозди, употребляемые при настилкѣ мостовъ, могли въ случаѣ нужды быть вогнаны и въ расщелины скалъ.

Для чего Жилліатъ давалъ себѣ весь этотъ трудъ? Мы это увидимъ ниже.

Нѣсколько разъ ему приходилось оттачивать лезвее своего топора и зубья своей пилы. Для этой послѣдней цѣли онъ соорудилъ себѣ трехгранный напилокъ. При надобности онъ пускалъ также въ ходъ воротъ Дюранды. Крюкъ цѣпи обломился: Жилліатъ выковалъ себѣ новый.

Съ помощью клещей и щипцовъ и пустивъ въ ходъ долото вмѣсто отвертки, онъ рѣшился разобрать оба колеса парохода. Это ему и удалось тѣмъ скорѣе, что, какъ, быть-можетъ, помнитъ читатель, колеса эти имѣли ту особенность, что они были разборныя. Кожухи до сихъ поръ прикрывали ихъ, а теперь послужили для укладки ихъ. Изъ досокъ этихъ кожуховъ Жилліатъ сколотилъ два большихъ ящика, въ которые онъ уложилъ части колесъ, тщательно перенумеровавъ ихъ. Въ данномъ случаѣ захваченный имъ кусокъ мѣла оказалъ ему важную услугу. Оба эти ящика онъ поставилъ на наиболѣе сохранившуюся часть палубы Дюранды.

Покончивъ съ этими предварительными работами, Жилліатъ очутился лицомъ къ лицу съ самой трудной частью задачи. Возникалъ вопросъ—какъ быть съ машиной? Разобрать колеса было еще возможно; разобрать машину оказывалось невозможнымъ. Во-первыхъ, Жилліатъ былъ слишкомъ мало знакомъ съ механизмомъ ея, и онъ боялся, принявшись за дѣло неумѣлыми руками, попортить ее. Во-вторыхъ, даже если бы онъ и захотѣлъ рискнуть разо-

брать машину по частямъ, то ему для этого понадобились бы иныя орудія, чѣмъ тѣ, которыя можно себѣ сдѣлать, имѣя пещеру вмѣсто кузнечнаго горна, сквозной вѣтеръ вмѣсто мѣховъ и камень вмѣсто наковальни. Пытаясь разобрать машину, онъ рисковалъ сломать ее.

Словомъ, казалось, будто здѣсь Жилліатъ окончательно очутился лицомъ къ лицу съ неосуществимымъ, будто онъ стоялъ у подошвы стѣны, названіе которой—невозможность. Что ему было дѣлать?

II.

О томъ, какъ иногда Шекспиръ можетъ встрѣтиться съ Эсхиломъ.

У Жилліата была своя мысль.

Съ тѣхъ поръ, какъ простой каменщикъ изъ Сальбриса еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда наука находилась на самой низшей ступени, и гораздо раньше, чѣмъ Амонтонъ, Лагиръ и Куломбъ открыли законы тренія,—безъ совѣтниковъ, безъ руководителей, безъ всякихъ другихъ помощниковъ, кромѣ одного ребенка, своего сына, съ первобытными орудіями въ рукахъ, въ общихъ чертахъ рѣшилъ, при спускѣ часовъ съ колокольни въ Шаритэ-на-Луарѣ, пять или шесть статическихъ и динамическихъ задачъ, перепутанныхъ, какъ колеса въ ворохѣ свалившихся въ оврагъ телѣгъ,—съ тѣхъ поръ, какъ произведенъ былъ этотъ смѣлый и удивительный опытъ, при чемъ оказалось возможнымъ спустить за одинъ разъ, не порвавъ ни одной проволоки и не поломавъ ни одного колесика, съ помощью весьма простого приспособленія, съ верхняго яруса колокольни въ нижній, этотъ массивный, сдѣланный изъ желѣза и мѣди, корпусъ часовъ, «величиною съ будку ночного сторожа», вмѣстѣ съ его приборомъ колесъ, цилиндрами, барабанами, коробками, крючками, молотками, циферблатомъ, маятникомъ, ходомъ, цѣпями и цѣпочками, съ каменными его гирями, изъ коихъ одна вѣсила не менѣе пятисотъ фунтовъ, съ его боевымъ приборомъ, колоколами и фигурами; съ тѣхъ поръ, какъ тотъ каменщикъ, имя котораго теперь даже неизвѣстно, совершилъ это чудо, врядъ ли когда-нибудь кто-либо предпринималъ что-либо подобное тому, что замышлялъ теперь Жилліатъ.

То, о чемъ мечталъ Жилліатъ, было, быть-можетъ, еще труднѣе, слѣдовательно, еще прекраснѣе. Вѣсъ, хрупкость, сложность машины Дюранды едва ли были меньше башенныхъ часовъ въ Шаритэ-на-Луарѣ. Къ тому же у сальбрисскаго каменщика былъ хоть одинъ помощникъ—сынъ его, Жилліатъ же былъ совершенно одинъ. Тамъ былъ народъ, прибывшій изъ Менга-на-Лаурѣ, изъ Невера, и даже изъ Орлеана, который, въ случаѣ надобности, могъ помочь сальбрисскому каменщику и который ободрялъ его своими одобрительными возгласами, — вокругъ Жилліата не было иного шума, кромѣ шума вѣтра, иной толпы, кромѣ толпы волнъ.

Ничто не можетъ сравниться съ робостью невѣжества, кромѣ его смѣлости. Когда невѣжество начинаетъ рисковать, оно напра-

вляется по какому-то внутреннему компасу. Компасъ этотъ, это—пониманіе истины, часто болѣе правильное въ необразованномъ умѣ, чѣмъ въ умѣ образованномъ. Незнаніе невольно побуждаетъ испытывать. Незнаніе, это—любознательное мечтаніе, а любознательное мечтаніе, это—сила. Знаніе часто только сбиваетъ и заставляетъ трусить. Если бы Васко-де-Гама зналъ, что такое Мысъ Бурь, онъ, безъ сомнѣнія, отступилъ бы. Если бы Колумбъ былъ хорошимъ космографомъ, онъ бы не открылъ Америки. Ученый Соссюръ лишь вторымъ взошелъ на вершину Монблана; первымъ на нее взошелъ простой пастухъ, Бальма. Впрочемъ, къ слову сказать, эти случаи только исключенія, и они нимало не умаляютъ науки, которая есть правило. Неучъ можетъ случайно набрести, но одинъ только ученый находитъ.

Лодка попрежнему стояла на якорѣ въ бухточкѣ утеса «Человѣкъ», куда не докатывались высокія морскія волны. Жилліатъ, какъ помнитъ читатель, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить себѣ свободное сообщеніе съ лодкой. Онъ направился къ ней и тщательно вымѣрилъ бимсъ ея въ разныхъ мѣстахъ, а въ особенности ея шпангоутъ. Затѣмъ онъ вернулся къ Дюрандѣ и вымѣрилъ діаметръ машинной перегородки. Діаметръ этотъ, не считая, конечно, колесъ, оказался на два фута меньше бимса лодки. Значитъ, машина могла въ ней помѣститься.

Но какъ ее доставить туда?—вотъ вопросъ.

III.

Образцовое произведеніе Жилліата приходитъ на помощь образцовому произведенію Летьерри.

Если бы около этого времени какой-нибудь рыбакъ былъ настолько безуменъ, чтобы въ такое время года пуститься въ эти опасныя мѣста, то онъ былъ бы вознагражденъ за свою смѣлость тѣмъ, что увидѣлъ бы между обоими Дуврскими утесами нѣчто въ высшей степени странное: четыре толстыхъ бревна, не то чтобы перекинутыя черезъ утесы, а какъ бы защемленныя между ними, что придавало имъ особенную неподвижность. Со стороны Малаго Дувра концы ихъ лежали на выступахъ утесовъ и упирались въ нихъ. Со стороны Большого Дувра концы ихъ, очевидно, были вколочены ударами молота, при чемъ ударявшій, во-первыхъ, долженъ былъ стоять на самомъ бревнѣ, а во-вторыхъ, обладать громадною силою. Длина этихъ бревенъ нѣсколько превосходила разстояніе между скалами; поэтому-то и удалось такъ плотно вогнать ихъ и поэтому же они шли въ нѣсколько наклонномъ положеніи. Къ Большому Дувру они примыкали подъ острымъ угломъ, а къ Малому—подъ тупымъ. Но наклонъ ихъ былъ неодинаковый, что представляло бы собою неудобство. За исключеніемъ этого неудобства, они представляли бы собою отличную рѣшетину для настилки моста. Къ этимъ бревнамъ прикрѣплены были четыре тали, снабженныя каждая лопарями и драйрепами, при чемъ двухколесный блокъ былъ на одномъ концѣ бревна, а простой блокъ—на

другомъ. Это размѣщеніе ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого было, повидимому, необходимо въ виду той работы, которую предполагалось произвести. Блоки были крѣпки, а бревна—прочны. Къ этимъ талямъ прикрѣплены были канаты, издали походившіе на нитки, и подъ этимъ воздушнымъ сооруженіемъ изъ блоковъ и бревенъ разбитый корпусъ Дюранды какъ бы висѣлъ на этихъниткахъ.

Собственно говоря, онъ еще не висѣлъ. Перпендикулярно, прямо подъ бревнами, на палубѣ разбитаго судна прибиты были восемь отверстій, четыре справа и четыре слѣва отъ машины, и восемь другихъ ниже ихъ, въ подводной части судна. Канаты, спускаясь вертикально съ четырехъ блоковъ, входили черезъ отверстія на палубѣ и выходили въ отверстія въ трюмѣ съ правой стороны, проходили подъ килемъ и подъ машиной, снова входили въ корпусъ судна черезъ отверстія въ лѣвомъ борту и, опять пройдя черезъ отверстія на палубѣ, наматывались на четыре бревна блоковъ, гдѣ они собирались въ мотокъ, прикрѣпленный къ одному канату и которымъ можно было маневрировать одною рукою. Крюкъ и штагъ-блокъ, въ отверстіе котораго проходилъ и разматывался этотъ единый конецъ мотка, довершали снарядъ и въ случаѣ нужды могли служить тормозомъ. Эта комбинація заставляла всѣ четыре тали дѣйствовать вмѣстѣ, и являясь настоящимъ тормазомъ висѣвшихъ на воздухѣ силъ, динамическимъ рулемъ подъ рукою опытнаго рулевого, она поддерживала равновѣсіе во время операціи. Эти тали были такъ остроумно и умѣло пригнаны, что онѣ обладали нѣкоторыми изъ качествъ современнаго Вестоновскаго ворота и древняго полиспаста Витрувія. Жилліатъ собственнымъ умомъ дошелъ до этого приспособленія, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о Вестонѣ, который тогда еще не существовалъ, ни о Витрувіи, который существовалъ очень много времени тому назадъ. Длина канатовъ соразмѣрена была съ неодинаковымъ наклономъ бревенъ и являлась какъ бы противовѣсомъ этой неровности. Правда, канаты были не особенно надежны: они могли лопнуть. Цѣпи были бы предпочтительнѣе, но цѣпи не такъ удобно наматывались на блоки. Словомъ, все это, хотя и полное несовершенствъ, было, однако, поразительно, будучи сдѣлано однимъ человѣкомъ.

Впрочемъ, сократимъ наше объясненіе. Намъ, понятно, приходится опускать многія подробности, которыя могли бы пояснить дѣло спеціалистамъ, но затемнили бы его для неспеціалистовъ.

Верхняя часть трубы машины проходила между обоими средними бревнами. Жилліатъ, самъ того не сознавая, невольно совершилъ изобрѣтательское позаимствованіе у неизвѣстнаго сальбрисскаго каменщика, жившаго за три столѣтія раньше его. Приспособленіе, понятно, не могло не оказаться крайне первобытнымъ и несовершеннымъ, очень опаснымъ для того, кто вздумалъ бы пустить его въ ходъ. Однако недостатки, хотя бы и самые грубые, не могутъ помѣшать механизму дѣйствовать съ грѣхомъ пополамъ. Онъ дѣйствуетъ, конечно, очень несовершенно. Обелискъ на площади св. Петра въ Римѣ поставленъ противъ всякихъ за-

коновъ статики. Карета царя Петра Великаго была построена такимъ образомъ, что, казалось, должна была опрокидываться на каждомъ шагу, а между тѣмъ, она не опрокидывалась. А сколько несовершенствъ было въ Марлійской машинѣ! Въ ней, казалось, все лежало криво; а между тѣмъ, она все же доставляла воду во дворецъ Людовика XIV.

Какъ бы то ни было, но Жилліатъ не терялъ увѣренности. Онъ даже до такой степени не отчаивался въ успѣхѣ, что, отправившись на свою лодку, ввинтилъ въ борта ея, по обѣимъ сторонамъ, параллельно, двѣ пары желѣзныхъ колецъ, на такихъ же разстояніяхъ, какія существовали между четырьмя кольцами, къ которымъ прикрѣплены были кольца трубы Дюранды. Очевидно, у него былъ совершенно готовый и опредѣленный планъ. Имѣя противъ себя столько препятствій, онъ желалъ заручиться всѣми предосторожностями. Онъ дѣлалъ совершенно безполезныя, повидимому, вещи—доказательство вниманія и предусмотрительности. То, что онъ дѣлалъ, какъ мы говорили выше, поставило бы втупикъ посторонняго наблюдателя, даже знатока этого дѣла. Свидѣтель этотъ увидѣлъ бы, напримѣръ, какъ онъ съ величайшими усиліями, рискуя каждую секунду сломать себѣ шею, вбивалъ своимъ молотомъ восемь или десять изъ выкованныхъ имъ большихъ гвоздей въ расщелины скалъ, при самомъ входѣ въ отдѣлявшій ихъ естественный коридоръ, и онъ бы, конечно, не могъ взять въ толкъ цѣли этой трудной работы и нашелъ бы ее совершенно безполезной. Если бы онъ, далѣе, увидѣлъ, какъ Жилліатъ вымѣривалъ часть перегородки, оставшейся висѣть на разбитомъ кораблѣ, затѣмъ обмоталъ здоровый кабельтовъ вокругъ верхняго края этой перегородки, обрубилъ топоромъ поломанныя, но еще поддерживавшія ее деревянныя связки, во время отлива вытащилъ ихъ изъ прохода и, наконецъ, съ величайшими усиліями привязалъ канатомъ эту тяжелую массу досокъ и балокъ, болѣе широкую, чѣмъ даже самый проходъ, къ большимъ гвоздямъ, вбитымъ имъ въ основу Малаго Дувра, то онъ ужъ окончательно ничего не понялъ бы и сказалъ бы самъ себѣ, что если Жилліату нужно было для успѣха своихъ дѣйствій освободить проходъ между скалами отъ этихъ обломковъ, то ему гораздо проще было бы спихнуть ихъ въ воду во время отлива, который и унесъ бы ихъ въ открытое море.

Но у Жилліата, вѣроятно, были свои соображенія. Вбивая гвозди въ основаніе Дуврскихъ утесовъ, онъ пользовался всякими щелями гранита, въ случаѣ надобности расширяя ихъ, вгоняя въ нихъ сперва деревянные клинья, въ которые онъ уже затѣмъ вколачивалъ желѣзные гвозди. То же самое онъ сдѣлалъ и на противоположномъ, восточномъ концѣ прохода; онъ вогналъ деревянные клинья во всѣ расщелины, какъ бы подготовляя ихъ для вколачиванія гвоздей. Но дѣлалъ онъ это, повидимому, лишь на всякій случай, такъ какъ гвоздей онъ въ нихъ не вбивалъ. Понятно, что при ограниченности имѣвшихся у него подъ рукою матеріаловъ онъ могъ расходовать ихъ лишь по мѣрѣ настоятель-

ной надобности и по мѣрѣ того, когда надобность эта обнаруживалась. Это было лишнее усложненіе, присовокупленное уже къ столькимъ затрудненіямъ. Какъ только оканчивалась одна работа, представлялась другая. Жилліатъ, не колеблясь, переходилъ отъ одной къ другой и съ рѣшимостью совершалъ исполинскіе шаги.

IV.

За дѣломъ.

Все это давалось Жилліату не безъ величайшихъ усилій. Въ этой разнообразной и многотрудной работѣ онъ расходовалъ не мало силы, а между тѣмъ пополнялась она не безъ труда. Вслѣдствіе лишеній, съ одной стороны, и усталости—съ другой, онъ сильно похудѣлъ. У него отросли волосы на головѣ и на бородѣ. На немъ оставалась одна только сорочка, да и та была вся въ лохмотьяхъ. Онъ былъ босъ, такъ какъ вѣтеръ унесъ одинъ его башмакъ, а волна морская—другой. Осколки, отлетавшіе отъ устроенной имъ себѣ крайне первобытной и опасной наковальни, причинили ему на рукахъ хотя и незначительныя, но опасныя ранки. Эти ранки или, скорѣе, царапины были не глубоки, но ихъ постоянно разбереживала соленая морская вода и рѣзкій вѣтеръ. Къ тому же онъ ощущалъ голодъ, жажду, холодъ. Его жбанъ съ прѣсной водой былъ пустъ; его запасъ ржаной муки былъ съѣденъ или употребленъ на клей. У него оставалось лишь немного сухарей, о которые ему приходилось ломать себѣ зубы, такъ какъ у него не доставало воды для размачиванія ихъ. Мало-по-малу, изо дня въ день, силы его истощались. Этотъ ужасный утесъ подтачивалъ его жизнь.

Что пить, что ѣсть, гдѣ спать — все это были для него вопросы. Питался онъ только морскими мокрицами или крабами. Пилъ онъ только тогда, когда видѣлъ какую-нибудь морскую птицу, опускающуюся на кокой-нибудь утесъ. Тогда онъ тоже взбирался на него и находилъ немного дождевой воды въ углубленіи утеса. Онъ пилъ эту воду послѣ птицы, иногда вмѣстѣ съ птицей, ибо чайки и рыболовы привыкли къ нему и не улетали при его приближеніи. Онъ, какъ сказано было выше, любилъ птицъ; тѣ же, въ свою очередь, несмотря на его всклоченные и перепутанные волосы и на его небритую бороду, перестали его бояться. Это измѣненіе въ его наружности успокаивало ихъ; онѣ уже не видѣли въ немъ человѣка и принимали его за звѣря. Птицы и Жилліатъ подружились и взаимно помогали другъ другу. Пока у него была ржаная мука, онъ крошилъ для нихъ изготовляемыя имъ изъ нея лепешки; теперь онѣ, въ свою очередь, указывали ему тѣ мѣста, гдѣ была прѣсная вода.

Онъ питался сырыми раковинами, которыя имѣли еще ту хорошую сторону, что утоляли и жажду. Что касается морскихъ раковъ, то онъ ихъ варилъ. Такъ какъ у него не было горшка, то онъ клалъ ихъ между раскаленными камнями, какъ то дѣлаютъ дикари на островахъ Феро.

Тѣмъ временемъ равноденствіе начало сказываться: сталъ итти дождь — мелкій, пронизывающій. Онъ падалъ не ливнемъ, а мелкими, холодными, острыми каплями, пронизывавшими одежду Жилліата, который промокалъ до костей. Дождь этотъ не давалъ ему много воды для питья, но сильно мочилъ его. Скупой на помощь, расточительный на непріятности — таковъ былъ этотъ дождь, недостойный неба. Въ теченіе цѣлой недѣли Жилліату приходилось испытывать его въ теченіе цѣлаго дня и цѣлой ночи. Это было настоящее злодѣяніе неба.

По ночамъ, забравшись въ яму своего утеса, онъ, собственно, не спалъ, а только забывался отъ утомленія. Къ тому же его сильно кусали большіе морскіе комары. Онъ просыпался весь покрытый волдырями. У него сдѣлалась лихорадка, и это поддержало его: лихорадка, это—помощь, которая убиваетъ. Инстинктивно онъ жевалъ лишаи или сосалъ листья дикой ложечной травы, росшей кое-гдѣ среди расщелинъ скалы. Впрочемъ, онъ мало занимался своими страданіями. Ему некогда было заниматься своей личностью и отвлекаться отъ своей работы. Машина Дюранды была цѣла,—этого было достаточно съ него. Ежеминутно для той или иной потребности своего труда, онъ пускался вплавь, а затѣмъ вновь выбирался на камень. Онъ то входилъ въ воду, то выходилъ изъ нея, подобно тому, какъ человѣкъ переходитъ изъ одной комнаты своей квартиры въ другую.

Платье его почти не просыхало. Оно было пропитано и водою, падавшею безъ перерыва съ неба, и морскою водою, въ которую онъ то и дѣло погружался. Жилліатъ жилъ не иначе, какъ въ мокротѣ. Можно привыкнуть и къ тому, чтобы жить въ мокротѣ. Ирландскіе бѣдняки, старики, женщины, молодыя дѣвушки, почти нагія, дѣти, проводящіе зиму подъ открытымъ небомъ, подъ проливнымъ дождемъ и снѣгомъ, прижавшись другъ къ другу возлѣ угловъ домовъ на лондонскихъ улицахъ, и живутъ и умираютъ мокрые. Быть промоченнымъ и чувствовать жажду, это—повидимому, странно и несовмѣстимо; а, между тѣмъ, Жилліату приходилось испытывать эту странную муку. По временамъ онъ кусалъ рукавъ своего кителя. Огонь, который онъ разводилъ, не согрѣвалъ его. Огонь на открытомъ воздухѣ помогаетъ лишь наполовину: онъ поджариваетъ съ одной стороны, а съ другой—холодно. Жилліатъ былъ весь въ испаринѣ и дрожалъ отъ холода.

Все вокругъ него, среди зловѣщаго молчанія, выступало врагомъ его. Онъ сознавалъ, что и онъ является врагомъ окружающаго его моря. И у неодушевленныхъ предметовъ можетъ быть свое мрачное «Non possumus». Ихъ инерція—тоже зловѣщее предостереженіе. Жилліата окружала громадная злая воля. Онъ чувствовалъ то ознобъ, то жаръ. Огонь кусалъ его, вода леденила, жажда сушила его, вѣтеръ рвалъ его платье, голодъ терзалъ его. Онъ чувствовалъ на себѣ гнетъ чего-то изнуряющей обстановки. Препятствіе, спокойное, безстрастное, обладавшее кажущеюся невмѣняемостью непредотвратимаго факта, но въ то

же время полное какого-то суроваго единогласія, со всѣхъ сторонъ разомъ подступало къ Жилліату. Жилліатъ чувствовалъ на себѣ безпощадный гнетъ его, и не было ни малѣйшей возможности уклониться отъ этого гнета; препятствіе какъ бы олицетворялось. Жилліатъ сознавалъ точно что-то темное и ненавидящее всячески старается умалить его. Правда, онъ могъ бы и бѣжать отсюда; но именно потому, что онъ этого не дѣлалъ, а оставался, онъ и возбуждалъ противъ себя ожесточеніе злого фатума. Такъ какъ онъ не желалъ уходить, то его преслѣдовали. Кто же это? Неизвѣстное. Оно обхватывало, сжимало его, не давало ему дышать, тѣснило его. Онъ былъ весь изломанъ этимъ невидимымъ врагомъ. Съ каждымъ днемъ этотъ таинственный винтъ вдавливался въ него на одну зарубку.

Положеніе Жилліата въ этой враждебной средѣ походило на недобросовѣстное единоборство, при чемъ одна изъ сторонъ—измѣнникъ. Его отовсюду окружала цѣлая коалиція темныхъ силъ. Онъ чувствовалъ, что онѣ рѣшились избавиться отъ него, подобно тому, какъ ледникъ избавляется отъ перекатныхъ валуновъ. Повидимому, почти не прикасаясь къ нему, эта скрытая коалиція раздѣвала его, покрывала его тѣло ранами, доводила его до крайности и, такъ сказать, дѣлала его неспособнымъ къ бою еще раньше самаго боя. Однако, несмотря на то, онъ продолжалъ работать безъ-устали; но по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа, утомлялся работникъ. Можно было бы сказать, что эта суровая природа, опасаясь душевной силы человѣка, рѣшилась довести его тѣло до истощенія. Но Жилліатъ не поддавался и выжидалъ. Пучина объявила ему войну. Онъ принялъ бой. Что-то сдѣлаетъ пучина теперь?

Двойной Дувръ, этотъ гранитный драконъ, помѣщенный въ засаду среди моря, допустилъ къ себѣ Жилліата, онъ позволилъ ему войти къ себѣ и распоряжаться. Но эта готовность походила на гостепріимство разверстой пасти.

Пустыня, просторъ, негостепріимное для человѣка пространство, нѣмая суровость смѣняющихся явленій природы, великій, общій законъ, неумолимый и невозмутимый приливъ и отливъ, подводный рифъ, эта черная плеяда, каждый камень которой окруженъ былъ брызгами, этотъ центръ лучистости теченій, какой-то заговоръ равнодушія неодушевленныхъ предметовъ противъ смѣлости живого существа, зима, тучи, волны морскія,—все это обхватывало Жилліата, медленно окружало его, нѣкоторымъ образомъ закрывалось за нимъ и отдѣляло его отъ всего живого, подобно тому, какъ стѣны, окружающія узника, отдѣляютъ его отъ остального міра. Все было противъ него, ничего—за него; онъ былъ одинокъ, покинутъ, забытъ; онъ истощался и ослабѣвалъ. Его баталеръ-камера была пуста, его орудія—поломаны или же недостаточны. Днемъ онъ чувствовалъ голодъ и жажду, по ночамъ онъ мерзъ, тѣло его было покрыто ранами и лохмотьями, и тѣло и одежда его продырявились, руки были исцарапаны, ноги окровавлены, члены его похудѣли, лицо поблѣднѣло, глаза

его горѣли лихорадочнымъ блескомъ, тѣмъ чудеснымъ блескомъ, въ которомъ свѣтится сильная воля. Глазъ человѣка созданъ такъ, что въ немъ отражается его душа. Зрачокъ нашъ ясно показываетъ, сколько въ насъ человѣка. Мы обнаруживаемъ себя тѣмъ блескомъ, который выходитъ изъ-подъ нашихъ вѣкъ. Чистая совѣсть смотритъ прямо, нечистая—моргаетъ глазами. Если ничто не блеститъ подъ рѣсницами, то, значитъ, ничто не шевелится въ его мозгу, ничто не ощущается въ его сердцѣ. Тотъ, кто любитъ,—желаетъ, а тотъ, кто желаетъ, мечетъ молніи изъ глазъ. Рѣшимость зажигаетъ взоръ тѣмъ чуднымъ блескомъ, который образуется отъ сгоранія робкихъ мыслей.

Упрямцы могутъ быть людьми возвышенными. Храбрымъ можно быть, такъ сказать, припадками, мужественнымъ—по темпераменту, смѣлымъ—вслѣдствіе порыва. Но упорство въ стремленіи къ цѣли одно только возвышенно. Почти весь секретъ возвышенныхъ душъ заключается въ одномъ только словѣ: «стойкость». Стойкость относится къ храбрости такъ же, какъ воротъ къ рычагу: это безпрерывное возобновленіе точки опоры. Все дѣло въ томъ, чтобы неуклонно итти къ цѣли, все равно, гдѣ бы ни была эта цѣль, на землѣ или на небѣ. Въ первомъ случаѣ является Колумбъ, во второмъ—Христосъ. И крестъ составляетъ великую славу. Не входить въ сдѣлку съ совѣстью, не обезоруживать своей воли,—вотъ путь къ страданіямъ, но въ то же время и къ торжеству. Въ области моральныхъ фактовъ паденіе не исключаетъ паренія. Напротивъ, паденіе можетъ повести къ подъему. Люди дюжинные отступаютъ передъ вѣроятными препятствіями, но люди сильные—никогда. Для нихъ погибнуть—возможно, побѣдить — несомнѣнно. Приводите мученику сколько угодно убѣдительныхъ доводовъ, онъ все же дастъ побить себя каменьями. Презрѣніе къ разумнымъ доводамъ вызываетъ ту высокую побѣжденную побѣду, которая называется мученичествомъ.

Жилліатъ, казалось, всѣми силами души и тѣла уцѣпился за невозможное. Успѣхъ былъ сомнителенъ, и во всякомъ случаѣ могъ наступить не скоро; приходилось тратить многое для того, чтобы добиться немногаго; это-то и придавало ему величіе и возвышенность. То, что для прикрѣпленія четырехъ балокъ надъ разбившимся кораблемъ, для отдѣленія и изолированія въ этомъ кораблѣ той части его, которую еще можно было спасти, для прикрѣпленія къ этому обломку въ обломкахъ четырехъ талей съ ихъ канатами, потребовалось столько приспособленій, столько трудовъ, столько усилій, столько ночей на жесткомъ ложѣ, столько долгихъ дней, преисполненныхъ лишеній,—все это являлось результатомъ труда одиночнаго. Фатальность причины, неизбѣжность послѣдствія: Жилліатъ не только согласился на это, но, такъ сказать, самъ этого захотѣлъ. Опасаясь конкурента, потому что конкурентъ могъ бы явиться и соперникомъ, онъ не искалъ себѣ никакого помощника. Падавляющее предпріятіе, рискъ, опасность, осложненіе труда, возможное поглощеніе спасателя спасаемымъ, голодъ, лихорадка, нагота,

лишенія—онъ все это взялъ для себя одного; онъ оказался настолько эгоистомъ. Онъ очутился, какъ бы подъ громаднымъ воздушнымъ колоколомъ. Жизненныя силы мало-по-малу покидали его, а онъ этого даже и не замѣчалъ.

Истощеніе силъ не истощаетъ воли. Вѣра—это лишь вторая сила; первая же—воля. Тѣ, вошедшія въ поговорку горы, которыя можно передвигать съ помощью вѣры, ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаетъ воля. Все, что Жилліатъ терялъ по части силы, онъ пріобрѣталъ въ отношеніи упорства. Умаленіе физическаго человѣка подъ безпрерывнымъ дѣйствіемъ этой дикой природы сопровождалось соотвѣтствующимъ ростомъ человѣка моральнаго.

Жилліатъ не чувствовалъ усталости или, вѣрнѣе сказать, не желалъ ея чувствовать. Несогласіе души признать упадокъ силъ тѣла, это уже одно—громадная сила. Жилліатъ видѣлъ, какъ работа его подвигается впередъ, и видѣлъ только это. Онъ безсознательно сдѣлался фанатикомъ своего дѣла. Цѣль, къ которой онъ приближался, ввергала его въ галлюцинаціи. Онъ выносилъ всевозможныя муки, а ему и въ голову не приходило иной мысли, кромѣ мысли: «впередъ!» Трудъ его кружилъ ему голову. Желаніе тоже обладаетъ способностью опьянять. Можно опьянѣть и отъ душевныхъ ощущеній, и это пьянство называется геройствомъ.

Жилліатъ былъ въ эти минуты чѣмъ-то въ родѣ океанскаго Іова, но Іова борющагося, сражающагося, возстающаго противъ обрушивающихся на него бѣдствій, Іова-завоевателя, наконецъ,—если бы такія слова не были слишкомъ громки для бѣднаго матроса, занимающагося ловлей морскихъ раковъ и крабовъ,—Іова-Прометея.

V.

Впотьмахъ.

Иногда по ночамъ Жилліатъ раскрывалъ глаза и вглядывался въ темноту. Онъ ощущалъ при этомъ какое-то странное волненіе, Смотрѣть долго въ темноту, это нагоняетъ не то грусть, не то страхъ. Тьма какъ будто давитъ человѣка. Надъ головою высокій, темный потолокъ, какая-то точно бездонная тьма; сквозь эту тьму пробирается кое-гдѣ, неизвѣстно откуда исходящій слабый свѣтъ, какъ будто бы истолченный въ порошокъ. Что это? Сѣмена? Зола? Милліоны свѣточей и никакого освѣщенія! Обширное раскаленное состояніе, тайна котораго неизвѣстна, огонь, превратившійся въ пыль, кажущуюся роемъ остановившихся въ своемъ летѣ искръ, безпорядокъ вихря и неподвижность могилы, какая-то невѣдомая, загадочная бездна, то прячущаяся, то вновь появляющаяся загадка, безконечность, задернутая черной пеленою,—вотъ что такое ночь, вотъ что давитъ человѣка! Эта амальгама всякаго рода таинственностей, таинственности космической и таинственности судьбы, туманитъ голову человѣка. Это давленіе тьмы производитъ разнообразное впечатлѣніе на различнаго калибра души. Но вообще человѣкъ передъ лицомъ тьмы

сознаетъ свое несовершенство. Онъ видитъ темноту и чувствуетъ себя слабымъ. Темнота неба дѣлаетъ человѣка слѣпымъ. Человѣкъ, очутившись лицомъ къ лицу съ тьмою, чувствуетъ себя приниженнымъ, становится на колѣни, падаетъ ницъ, ложится плашмя, ползетъ въ нору или же ищетъ себѣ крыльевъ. Почти всегда онъ чувствуетъ потребность бѣжать отъ этого пугающаго его присутствія безпредѣльнаго. Онъ спрашиваетъ самъ себя, что это такое? Онъ не находитъ отвѣта на этотъ вопросъ, онъ склоняетъ голову, онъ дрожитъ. Иногда же онъ ощущаетъ желаніе итти къ нему. Но куда итти? Туда. Куда—туда? Что тамъ такое?

Это любопытство принадлежитъ, очевидно, къ числу запрещенныхъ плодовъ, ибо со всѣхъ сторонъ мосты вокругъ человѣка сломаны. Съ безпредѣльнымъ нѣтъ сообщенія. А между тѣмъ запрещенный плодъ соблазнителенъ, хотя бы онъ и былъ отдѣленъ бездной. Туда, куда не достигаетъ нога, достигаетъ взоръ. Тамъ, гдѣ останавливается взоръ, продолжаетъ работать умъ. Всякому человѣку свойственно дерзать, какъ бы онъ ни былъ слабъ и полонъ несовершенствъ. Человѣкъ, по самой природѣ своей, наклоненъ останавливаться передъ тьмою и всматриваться въ нее. Для однихъ это—суживаніе; для другихъ это—растяженіе. Но во всякомъ случаѣ зрѣлище мрачное, такъ какъ къ нему примѣшивается неопредѣлимое.

Если ночь ясна, то фонъ ея теменъ. Если она темна, то фонъ ея туманенъ. Безпредѣльное одновременно и является и скрывается, недоступное для познанія опытомъ, открытое для предположеній. Безчисленные стежки свѣта дѣлаютъ еще болѣе темной бездонную тьму. Эти искорки, эти огоньки, эти свѣтящіяся точки являются столькими же опасными вызовами прикоснуться къ невѣдомому, схватить эти свѣтлыя проблески. Это—своего рода вѣхи созданія. Это—обозначенія разстоянія тамъ, гдѣ уже нѣтъ разстоянія. Это какая-то невозможная, а между тѣмъ дѣйствительная нумерація, показывающая мѣру глубины бездны. Вонъ микроскопическая свѣтящаяся точка, вонъ другая, третья, четвертая. Онѣ почти незамѣтны, а между тѣмъ онѣ громадны. Эта точка—очагъ, этотъ очагъ—звѣзда, эта звѣзда—солнце, это солнце—міръ, этотъ міръ—ничто. Всякое число—нуль сравнительно съ безконечностью.

И всѣ эти міры, всѣ эти «ничто» существуютъ. Констатируя ихъ существованіе, понимаешь разницу, существующую между небытіемъ и ничѣмъ. Недосягаемое, въ соединеніи съ необъяснимымъ,—вотъ что такое небо. Взираніе на него вызываетъ великое явленіе—ростъ человѣческой души, пораженной окружающимъ ее величіемъ. Священный ужасъ доступенъ одному только человѣку; животному это чувство недоступно. Разумъ находитъ въ этомъ возвышенномъ ужасѣ и доказательство свое и свое затменіе.

Тьма—нѣчто единое,—отсюда ея ужасъ. Но въ то же время она—нѣчто сложное,—отсюда внушаемый ею страхъ. Ея единство давитъ нашъ умъ и отнимаетъ у него всякую охоту сопроти-

вляться. Сложность ея ведетъ къ тому, что человѣкъ озирается всюду вокругъ себя, какъ бы опасаясь нападенія врасплохъ. Онъ чувствуетъ себя безсильнымъ и стоитъ настторожѣ. Онъ сознаетъ себя въ присутствіи «всего»—отсюда его покорность, и въ присутствіи «многихъ»—отсюда его недовѣрчивость. Единство тьмы заключаетъ въ себѣ множество,—множество таинственное, видимое въ матеріи, ощущаемое въ мысли. И все это производитъ вокругъ человѣка молчаніе,—лишняя причина быть настторожѣ.

Тьма,—пишущій эти строки высказалъ это въ другомъ мѣстѣ,—это—нормальное состояніе, свойственное мірозданію, незначительный атомъ котораго и мы собою представляемъ. Свѣтъ, краткій какъ по времени, такъ и по пространству, является лишь незначительною составною частью свѣтила. Громадная работа тьмы происходитъ не безъ треній, а всякое треніе такой громадной и сложной машины, это — столько же ушибовъ жизни. Треніе этой машины, это—то, что мы называемъ зломъ. Мы чувствуемъ среди этой тьмы зло, явное противорѣчіе божественному порядку, непозволительное кощунство факта, не желающаго подчиниться идеалу. Зло осложняетъ Богъ вѣсть какими органическими тысячеголовыми неправильностями громадное космическое цѣлое. Зло всюду является со своимъ протестомъ. Оно облекается въ форму урагана и мѣшаетъ ходу корабля. Оно является въ формѣ хаоса и мѣшаетъ появленію міра. Добро обладаетъ свойствомъ единства, зло обладаетъ свойствомъ вездѣсущности. Зло просовываетъ палки въ колеса жизни, самой по себѣ логической. Оно заставляетъ птицу проглатывать мошку, а комету — планету. Зло—это помарка мірозданія.

Ночная тьма имѣетъ въ себѣ нѣчто гловокружительное. Тотъ, кто вздумаетъ погрузиться въ нее, потонетъ въ ней и будетъ въ ней барахтаться. Ничего не можетъ быть утомительнѣе этого изученія тьмы. Это—изученіе чего-то не поддающагося изученію. Тутъ нѣтъ никакой твердой точки опоры для ума. Тутъ есть только точки отправленія, а нѣтъ точекъ прибытія. Скрещиваніе противорѣчивыхъ рѣшеній задачи, всѣ развѣтвленія сомнѣній, являющіяся одновременно, многообразіе явленій, расплывающихся на недоступное для взора пространство, разнообразіе законовъ, опровергающихъ другъ друга, неизмѣримая путаница, не позволяющая человѣку разобраться и, повидимому, разрушающая всякія установившіяся понятія о свойствахъ вещей, возникновеніе разомъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ среди безпредѣльной тьмы, невидимое, смѣшанное съ невѣдомымъ, космическая одновременность, очевидная если не для взора, то для разума, среди безбрежнаго, безпредѣльнаго пространства, невидимое, превратившееся въ видѣніе,—вотъ что такое тьма, давящая человѣка.

Человѣку неизвѣстны подробности, но онъ чувствуетъ на себѣ, въ количествѣ, пропорціональномъ уму, чудовищную тяжесть цѣлаго. Этотъ внутренній голосъ побуждалъ халдейскихъ пастуховъ заниматься астрологіей. Невольныя откровенія выходятъ изъ всѣхъ поръ мірозданія; выпотѣніе, такъ сказать, науки производится

само собою и распространяется на невѣжду. Подъ вліяніемъ этого таинственнаго пропитыванія всякій человѣкъ, осужденный на одиночество, дѣлается, часто совершенно безсознательно, мыслителемъ.

Тьма недѣлима, и въ то же время обитаема; въ ней происходитъ вѣчное движеніе, и это движеніе заключаетъ въ себѣ нѣчто, способное внушить безпокойство. Въ ней совершаются различные фазисы какого-то таинственнаго создаванія. Извѣстныя силы, предумышленія, предназначенія совершаютъ сообща среди тьмы свой громадный трудъ. Въ ней сосредоточена страшная ужасная жизнь. Въ ней совершаютъ свои обширныя эволюціи свѣтила: звѣзды, планеты, зодіакальная пыль, теченія, поляризація, притяженія. Здѣсь и взаимныя влеченія и антагонизмъ, здѣсь чудный приливъ и отливъ всемірнаго антитеза, здѣсь невѣсомое среди центровъ; здѣсь жизненныя силы въ міровыхъ тѣлахъ, здѣсь свѣтъ—внѣ этихъ тѣлъ, здѣсь блуждающій атомъ, разбросанное сѣмя, здѣсь элементы оплодотворенія, здѣсь неслыханныя изобилія, разстоянія, похожія на сновидѣнія, здѣсь поглощенія міровъ въ неисчислимомъ, здѣсь кишѣніе чудесъ тьмы, здѣсь сложный, недоступный для ума механизмъ, здѣсь дуновенія несущихся въ пространствѣ сферъ и безпрерывное коловращеніе. Ученый дѣлаетъ предположенія, невѣжда соглашается и дрожитъ. Все это существуетъ и въ то же самое время ускользаетъ. Все это неуловимо, неосязаемо, недоступно. Человѣкъ чувствуетъ нѣчто угнетающее и убѣждается, что его давитъ какая-то мрачная очевидность. Онъ ничего не можетъ схватить; его подавляетъ неосязаемое. Всюду непонятное. Нигдѣ нѣтъ ни очевиднаго ни уразумѣваемаго. И ко всему этому прибавьте еще страшный вопросъ; все это невѣдомое и непостижимое—есть ли это существо?

Человѣкъ окутанъ тьмою. Онъ смотритъ, онъ слушаетъ. А между тѣмъ земля продолжаетъ вращаться. Самыя растенія сознаютъ это вѣчное, громадное движеніе. Ночная красавица открываетъ свою чашечку въ одиннадцать часовъ ночи, а желтая лилія—въ пять часовъ утра. Поразительная правильность.

Въ другихъ глубинахъ капля превращается въ цѣлый микрокосмъ, кишитъ инфузоріями. Микроскопическія животныя выказываютъ исполинскую плодовитость, незамѣтное для глаза выказываетъ свою величину, обнаруживается обратный смыслъ громадности. Одна инфузорія въ одинъ часъ производитъ тысячу триста милліоновъ инфузорій. Сколько задачъ и загадокъ разомъ! Человѣкъ оказывается здѣсь лицомъ къ лицу съ несократимымъ. Онъ обязанъ вѣрить. Вѣрить насильно—таковъ общій законъ. Но вѣрить, этого недостаточно для того, чтобы успокоиться. Вѣра ощущаетъ какую-то странную потребность въ формѣ. Отсюда происхожденіе религій. Ничто не можетъ дѣйствовать болѣе подавляющимъ образомъ, чѣмъ вѣра безъ внѣшнихъ очертаній.

Что бы человѣкъ ни думалъ и чего бы онъ ни желалъ, какую бы онъ ни чувствовалъ въ себѣ силу сопротивленія, глядя въ тьму, онъ не глядитъ, а созерцаетъ. Какъ поступать въ виду

этихъ явленій? Какъ ему двигаться среди ихъ взаимодѣйствія? Отрѣшиться отъ ихъ гнета невозможно. Какія мечтанія приноровить ко всѣмъ этимъ таинственнымъ прикосновеніямъ? Сколько непонятныхъ, одновременныхъ, лепечущихъ откровеній, затемняющихъ себя взаимно массой своей! Тьма, это—молчаніе, но молчаніе это говоритъ все. Изъ нея величественно выдѣляется одна динамическая сила: Богъ; Богъ — это несжимаемое понятіе, живущее въ человѣкѣ. Силлогизмы, споры, отрицанія, системы, религіи проходятъ надъ этимъ понятіемъ, нимало не умаляя его, а тьма его подтверждаетъ. Все остальное смутно, невѣдомо, страшно. Невыразимое согласіе силъ обнаруживается въ поддерживаніи всей это тьмы въ состояніи равновѣсія. Міръ виситъ, но ничего не падаетъ. Безпрерывное и громадное передвиженіе совершается безъ всякой ломки, безъ малѣйшей помѣхи. Человѣкъ участвуетъ во всемъ этомъ движеніи, и то количество колебаній, которыя онъ при этомъ испытываетъ, онъ называетъ судьбою. Гдѣ начинается судьба? Гдѣ кончается природа? Какая существуетъ разница между событіемъ и временемъ года, между горемъ и дождемъ, между добродѣтелью и звѣздою? Развѣ часъ—не та же волна? А между тѣмъ движеніе міровъ продолжается, не давая отвѣта человѣку. Звѣздное небо это — не что иное, какъ громадный механизмъ колесъ, коромыслъ, гирь. Это высшее, недосягаемое для ума, совершенство механизма. Это—верхъ реальности, и въ то же время—отвлеченности. Дальше этого никто не можетъ итти. Человѣкъ чувствуетъ себя охваченнымъ какою-то высшей силой, онъ чувствуетъ всего себя отданнымъ во власть этой тьмы. Бѣжать ему некуда. Онъ попалъ въ водоворотъ, онъ сдѣлался составною частью этого невѣдомаго «Всего». Онъ чувствуетъ, какъ что-то невѣдомое, существующее внутри его, братается съ невѣдомымъ, существующимъ внѣ его. Это—торжественное напоминаніе о смерти. Какой ужасъ, и въ то же время какой восторгъ! Чувствовать свою прикосновенность къ безконечному и вслѣдствіе этой прикосновенности имѣть право самому себѣ приписывать безсмертіе, быть-можетъ, вѣчность, чувствовать въ громадной волнѣ этого потопа міровой жизни упорную непотопляемость своего «я», смотрѣть на эти свѣтила и говорить себѣ: «Я такая же душа, какъ и вы»; смотрѣть въ тьму и говорить себѣ: «Я такъ же бездоненъ, какъ и ты»—вотъ что такое тьма, что такое ночь!

Все это, увеличенное еще сознаніемъ одиночества, давило Жилліата. Сознавалъ ли онъ это?—Нѣтъ.—Чувствовалъ ли онъ это?—Да.

Жилліатъ—это былъ большой, но темный умъ, возвышенное, но наивное сердце.

VI.

Жилліатъ подводитъ къ утесамъ лодку,

Задуманное Жилліатомъ спасеніе машины было, какъ мы уже сказали, настоящимъ побѣгомъ, а извѣстно упорство людей, рѣшившихся на побѣгъ. Извѣстна также и обнаруживаемая при

этомъ находчивость, доходящая порою до чудеснаго, точно такъ же, какъ терпѣніе доходитъ до агоніи. Иной узникъ, какъ, напримѣръ, Томасъ, заключенный въ Монъ-Сенъ-Мишелѣ, находитъ возможнымъ запрятать чуть не половину стѣны въ свой тюфякъ. Другой, какъ, напримѣръ, одинъ заключенный въ Тюллѣ, находитъ возможнымъ, въ 1820 году, срѣзать во время прогулки по тюремной галлереѣ свинецъ—какимъ ножомъ?—это осталось неизвѣстно, растопить этотъ свинецъ — на какомъ огнѣ? — тоже неизвѣстно, вылить этотъ растопленный свинецъ—въ какую форму?—это извѣстно: въ форму, сдѣланную изъ хлѣбнаго мякиша. Съ помощью этого свинца онъ сооружаетъ себѣ ключъ, и съ помощью этого ключа отпираетъ замокъ, котораго онъ видѣлъ только скважину.

Вотъ такими-то неслыханными талантами обладалъ и Жилліатъ. Онъ, кажется, въ состояніи былъ бы сдвинуть съ мѣста утесъ. Въ находчивости онъ нимало не уступалъ извѣстнымъ въ исторіи бѣглецамъ изъ тюремъ Тренку и Латюду, съ тою только разницею, что за нимъ наблюдалъ самый неумолимый тюремщикъ—море.

Напримѣръ, какъ ни досаждалъ ему и какъ ни ухудшалъ его положеніе дождь, онъ, однако, сумѣлъ и изъ него извлечь для себя пользу. Благодаря ему, онъ обновилъ свой запасъ прѣсной воды; но жажда его была почти неутолима, и онъ осушалъ свой жбанъ почти такъ же быстро, какъ онъ наполнялся.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, 30 апрѣля или 1 мая, всѣ приготовленія были окончены. Подставка подъ машиной была какъ бы вставлена въ рамку, состоявшую изъ восьми канатовъ талей, по четыре съ каждой стороны. Шестнадцать отверстій, черезъ которыя проходили эти канаты, были соединены на палубѣ и въ килѣ судна, прорѣзами, проведенными пилою. Внутреннюю обшивку онъ срѣзалъ пилою, концы сруба онъ обрубилъ топоромъ, желѣзныя части подпилилъ напилкомъ и мѣдную обшивку срѣзалъ долотомъ. Часть киля, къ которой прикрѣплена была машина, была выпилена въ формѣ четырехугольника, такъ что ее можно было спустить на воду вмѣстѣ съ машиной. Все это держалось на одной цѣпи, которую нетрудно было перепилить напилкомъ. При такомъ положеніи работы, подвинувшейся уже такъ близко къ концу, благоразуміе требовало не мѣшкать. Было какъ разъ время сильнаго отлива, значитъ, самый удобный моментъ для спуска машины.

Жилліату удалось разобрать ось колесъ, концы которой могли бы явиться препятствіемъ и затормозить спускъ. Онъ ухитрился поставить ее вертикально и привязать эту тяжелую ось къ самому корпусу машины.

Пора было кончать. Жилліатъ, какъ мы говорили выше, не былъ утомленъ, потому что не желалъ быть утомленнымъ, но тѣмъ сильнѣе утомились его орудія. Кузница его почти уже не могла дѣйствовать. Камень, служившій ему наковальней треснулъ; мѣха давали мало вѣтра; устроенный имъ приводъ воды, въ виду того,

что послѣдняя была вода морская, засорился осадками морской соли, что сильно затрудняло теченіе воды.

Жилліатъ отправился къ бухточкѣ, гдѣ стояла его лодка, тщательно осмотрѣлъ ее, убѣдился въ томъ, что все въ ней находилось въ хорошемъ состояніи, особенно четыре кольца, ввинченныя имъ въ оба борта, затѣмъ поднялъ якорь и, гребя веслами, подвелъ лодку къ Дуврскимъ утесамъ. Она могла отлично помѣститься въ проходѣ между обоими утесами: онъ былъ достаточно широкъ и достаточно глубокъ для этого. Впрочемъ, Жилліатъ съ перваго же дня убѣдился въ томъ, что лодку можно будетъ со временемъ подвести подъ самый остовъ разбитаго парохода. Дѣло это было, однако, далеко не изъ легкихъ. Оно требовало почти вѣрности глаза ювелира, вставляющаго въ оправу драгоцѣнный камень. Введеніе лодки въ промежутокъ между двумя утесами было тѣмъ труднѣе, что для цѣлей Жилліата приходилось вводить ее сюда кормой, а не носомъ, т.-е. рулемъ впередъ. Кромѣ того, необходимо было, чтобы мачта и такелажъ барки оставались внѣ линіи разбитаго судна, ближе ко входу въ каналъ.

Всѣ эти осложненія дѣлали предполагаемый маневръ затруднительнымъ для самого Жилліата. Тутъ уже нельзя было удовольствоваться, какъ при входѣ въ бухточку утеса «Человѣкъ», поворотомъ руля; тутъ приходилось разомъ и толкать, и тянуть, и грести, и измѣрять глубину. Жилліатъ употребилъ на все это не менѣе четверти часа, однако, въ концѣ-концовъ, это ему удалось. По прошествіи еще пятнадцати или двадцати минутъ лодка была подведена подъ Дюранду. Она почти что поставлена была на шпрингъ, и, съ помощью двухъ выкинутыхъ накрестъ якорей, онъ сдѣлалъ ее неподвижной; при этомъ онъ позаботился о томъ, чтобы выкинуть болѣе крѣпкій якорь въ подвѣтренную сторону, т.-е. къ западу. Затѣмъ съ помощью рычага и якорнаго ворота Жилліатъ спустилъ въ лодку оба ящика съ разобранными колесами, стропы которыхъ были уже заранѣе приготовлены. Эти два ящика составили балластъ лодки.

Послѣ того Жилліатъ привязалъ къ крюку кабестанной цѣпи стропъ талей-регуляторовъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы служить тормозами. Въ виду того, что теперь задумалъ Жилліатъ, обычные недостатки его лодки дѣлались теперь достоинствами. Такъ какъ она безпалубная, то грузъ будетъ лежать на самомъ днѣ, что придавало ей устойчивость. Такъ какъ она была обмачтована слишкомъ близко къ носу, то въ данномъ случаѣ для груза оставалось больше мѣста на серединѣ лодки, и мачта, не зацѣпляя за обломки корабля, не могла помѣшать выходу лодки изъ прохода. Лодка походила формой на деревянный башмакъ, а эта форма придаетъ судну устойчивость на морѣ.

Вдругъ Жилліатъ замѣтилъ, что море вздымается. Онъ сталъ наблюдать, откуда дуетъ вѣтеръ.

VII.

Сейчасъ же и опасность.

Вѣтеръ былъ не силенъ, но дулъ онъ съ запада, т.-е. въ обычномъ направленіи во время равноденствія. Приливъ, смотря по направленію вѣтра, бываетъ весьма различенъ возлѣ Дуврскихъ утесовъ. Смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ, волны врываются въ проходъ между скалами или съ востока или съ запада. Въ первомъ случаѣ онѣ неопасны, въ послѣднемъ—наоборотъ. Происходитъ это вслѣдствіе того, что восточный вѣтеръ, дуя со стороны материка, не бываетъ особенно силенъ, между тѣмъ какъ западный вѣтеръ, пронесшись по всему океану, бываетъ очень силенъ. Онъ прикатываетъ издалека громадные валы и наноситъ слишкомъ громадное количество воды въ узкій проходъ. Прорывающаяся вода всегда бываетъ опасна. Вода, это — толпа. Толпа, это—тоже нѣчто жидкое. Когда количество, могущее войти, менѣе значительно, чѣмъ количество, желающее войти, въ толпѣ происходитъ давка, а въ водѣ — бурленіе. Если дуетъ западный вѣтеръ, хотя бы и не особенно сильный, проходъ между Дуврскими утесами два раза въ сутки подвергается этому приступу. Море вздымается, приливъ гонитъ воду, утесъ противится, каналъ очень скупо принимаетъ въ себя эту массу воды, волна старается прорваться и реветъ, и бѣшеные валы неистово ударяютъ объ обѣ стѣнки прохода. Такимъ образомъ при всякомъ западномъ вѣтрѣ Дуврскіе утесы представляютъ слѣдующее странное зрѣлище: возлѣ нихъ въ открытомъ морѣ — тишина; въ самомъ проходѣ— сильнѣйшее бурленіе. Это мѣстное, ограниченное бурленіе не имѣетъ ничего общаго съ бурей. Это лишь то, что моряки называютъ «мертвая зыбь», но между тѣмъ это ужасно. Что касается сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ, то они дуютъ на утесы сбоку и потому не разводятъ въ рукавѣ особаго волненія. Здѣсь кстати будетъ напомнить ту подробность, что восточный входъ въ рукавъ обращенъ къ утесу «Человѣкъ», страшный же западный входъ приходится какъ разъ между обѣими стѣнами Дуврскихъ утесовъ.

Жилліатъ находился съ своей лодкой и съ остовомъ разбитой Дюранды какъ разъ у этого западнаго входа въ рукавъ. Катастрофа казалась неизбѣжной. Для того, чтобы она наступила, дулъ достаточно сильный вѣтеръ. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ былъ наступить приливъ, и тогда волны изо всей силы ринутся въ узкій проходъ между утесами. Уже слышался шумъ прибоя передовыхъ волнъ. Это вздыманіе волнъ, этотъ высокій приливъ, свойственный всему Атлантическому океану, являлся только авангардомъ, а за нимъ стоялъ весь безбрежный океанъ. Море, повидимому, не сердилось, не замѣчалось никакого шквала. Но при извѣстныхъ условіяхъ единоличная волна имѣетъ въ себѣ такую силу инерціи, что, двинувшись отъ береговъ Америки, она, на протяженіи двухъ тысячъ миль, докатывается до береговъ Европы.

Волна эта, гигантскій баръ океана, вдругъ встрѣчаетъ узкій проходъ между двумя скалами, и, притиснутая къ этимъ скаламъ, точно къ двумъ громаднымъ башнямъ, точно къ двумъ сторожевымъ столбамъ, раздутая приливомъ, взбѣшенная препятствіемъ, отталкиваемая утесомъ, гонимая вѣтромъ, начинаетъ неистово нападать на утесы, прорывается, преодолѣвая всякія препятствія, въ узкій проходъ и начинаетъ разгуливать между двухъ стѣнъ утесовъ. Понятно, что, найдя здѣсь, на пути своемъ, Дюранду и лодку Жилліата, она не замедлитъ искрошить ихъ.

Вотъ противъ этой-то случайности и надлежало придумать оплотъ. Жилліатъ придумалъ его.

Предстояло помѣшать приливу ворваться въ проходъ сразу, ослабить силу его ударовъ, не мѣшая ему, однакоже, подниматься, затруднить ему доступъ, не закрывая его ему совершенно, противиться ему, уступать ему лишь шагъ за шагомъ, предупреждать стѣсненіе валовъ въ узкомъ рукавѣ, въ чемъ и заключалась вся опасность, замѣнить врываніе постепеннымъ проникновеніемъ, лишить волну части ея силы и ея порывистости, укротить эту фурію,—словомъ, слѣдовало замѣнить раздражающее препятствіе препятствіемъ смягчающимъ.

Жилліатъ, съ свойственной ему ловкостью, болѣе дѣйствительною, чѣмъ сила, совершилъ маневръ, достойный серны въ горахъ или обезьяны въ дѣвственномъ лѣсу: пользуясь для опаснаго перехода своего малѣйшимъ, возвышавшимся надъ водою камешкомъ, то спрыгивая въ воду, то выбираясь изъ нея, то плавая въ водоворотѣ, то карабкаясь на утесъ. Держа въ зубахъ веревку, а въ рукѣ молотокъ, онъ отвязалъ перлинь, на которомъ держались, прислонившись къ Малому Дувру, поперечныя перегородки Дюранды, сдѣлалъ изъ концовъ кабельтова петли, съ помощью которыхъ онъ привязалъ эту перегородку къ большимъ гвоздямъ, вбитымъ имъ въ утесъ. Повернувъ на петляхъ этотъ настилъ досокъ, въ родѣ какъ мельникъ поворачиваетъ ставни плотины, онъ поставилъ его бокомъ, такъ что одна изъ большихъ волнъ, подхвативъ его, прислонила его къ Большому Дувру однимъ концомъ, между тѣмъ какъ другой конецъ остался прислоненнымъ къ Малому Дувру, приколотилъ его къ Большому Дувру зарнѣе припасенными большими гвоздями, крѣпко привязалъ этотъ громадный деревянный ставень къ обоимъ боковымъ столбамъ прохода, на этой загородкѣ прикрѣпилъ накрестъ цѣпь, точно перевязь на латахъ,—и черезъ часъ противъ прилива была возведена довольно прочная запруда, а входъ въ каналъ между двумя утесами былъ закрытъ какъ бы подъемной дверью.

Все это тяжелое сооруженіе, составленное изъ крѣпкихъ балокъ и досокъ, которое, будучи спущено на воду, представляло бы собою плотъ, а стоя вертикально, изображало собою стѣну, поставлено было Жилліатомъ, конечно, при помощи волнъ, съ ловкостью канатнаго плясуна. Можно было бы сказать, что все это сдѣлано было подъ носомъ у самаго моря, такъ что оно даже не замѣтило этого. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ извѣстный

адмиралъ Жанъ Бартъ говаривалъ каждый разъ, когда ему удавалось избѣгнуть кораблекрушенія: «Что, попался, англичанинъ!» Извѣстно, что когда Жанъ Бартъ желалъ оскорбить море, онъ называлъ его «англичаниномъ».

Загородивъ проходъ, Жилліатъ обратилъ вниманіе свое на лодку. Онъ размоталъ достаточное количество каната на обоихъ якоряхъ для того, чтобъ она могла подняться вмѣстѣ съ приливомъ, т.-е. сдѣлалъ то, что встарину называлось «завозить якорь». И при этомъ случаѣ Жилліатъ доказалъ, что его нелегко было застигнуть врасплохъ, что онъ все предвидѣлъ. Человѣкъ, знакомый съ дѣломъ, понялъ бы это при видѣ двухъ блоковъ-вынтреповъ, прикрѣпленныхъ къ кормѣ лодки, черезъ которые продѣты были два перлиня, соединенные съ кольцами обоихъ якорей.

Приливъ тѣмъ временемъ продолжался и достигъ уже половины своей высоты; въ это время удары волнъ, даже при спокойномъ состояніи моря, бываютъ особенно сильны. Расчеты Жилліата вполнѣ оправдались. Волны съ силой подкатывались къ ставню, ударялись о него и, не будучи въ состояніи его сдвинуть, стремились проходить подъ нимъ. По ту сторону ставня былъ прибой, по сю сторону—просачиваніе. Жилліатъ придумалъ для моря нѣчто въ родѣ Кавдинскаго ущелья. Волны морскія очутились въ положеніи побѣжденныхъ.

VIII.

Скорѣе неожиданность, чѣмъ развязка.

Наступилъ рѣшительный моментъ,—моментъ спуска машины въ лодку. Жилліатъ задумался, ухвативъ своей правой рукою локоть лѣвой, а послѣднюю приложилъ ко лбу.

Затѣмъ онъ взлѣзъ на разбитый корабль, часть котораго, машина, должна была отдѣлиться, а другая часть котораго, остовъ, долженъ былъ остаться на мѣстѣ. Онъ обрѣзалъ четыре стропа, которыми прикрѣплены были, на лѣвомъ и на правомъ борту, четыре цѣпи, идущія отъ трубы. Такъ какъ стропы эти были веревочные, то онъ могъ сдѣлать это съ помощью своего ножа. Четыре цѣпи, отдѣленныя отъ бортовъ, повисли вдоль пароходной трубы.

Далѣе онъ взлѣзъ на сдѣланное имъ съ такимъ трудомъ сооруженіе, постучалъ ногой о балки, осмотрѣлъ воротъ и блоки, потрогалъ канаты, освидѣтельствовалъ наставки, убѣдился въ томъ, что бѣлый несмоленый тросъ не слишкомъ промокъ, удостовѣрился, что ничего не было забыто и что все дѣйствовало исправно, и затѣмъ, соскочивъ съ лонъ-карлинсовъ на палубу, всталъ возлѣ кабестана въ той части корабля, которая должна была оставаться висѣть между обоими Дуврскими утесами.

Серьезный, взволнованный, но взволнованный, какъ человѣкъ, видящій приближеніе рѣшительнаго момента, онъ окинулъ послѣднимъ взоромъ тали, затѣмъ схватилъ напилокъ и принялся

перепиливать одну изъ цѣпей, на которой все висѣло. Лязгъ напилка смѣшался съ гуломъ моря. Цѣпь кабестана, шедшая къ талямъ-регуляторамъ, была какъ разъ подъ рукою у Жилліата.

Вдругъ послышался трескъ: цѣпь, перепиленная уже болѣе ѣмъ наполовину напилкомъ, лопнула; подъ нею все зашаталось. Жилліатъ едва успѣлъ отскочить въ сторону. Лопнувшая цѣпь стала хлестать объ утесъ, всѣ восемь канатовъ натянулись, весь заранѣе подпиленный и подрубленный помостъ оторвался отъ судна, внутренности Дюранды раскрылись, и изъ-подъ киля судна показалась громадная желѣзная плита, на которой стояла машина. Если бы Жилліатъ не успѣлъ во-время ухватиться за рукоятку блока, то все это рухнуло бы въ море. Но онъ сильной рукой держалъ рукоятку, и вся эта тяжесть стала медленно сползать книзу.

Когда братъ Жана Барта, Питеръ Бартъ, этотъ энергичный и ловкій пьяница, этотъ бѣдный дюнкирхенскій рыбакъ, говорившій «ты» великому адмиралу Франціи, спасалъ галеру «Ланжеронъ», погибавшую въ Амблетёзской бухтѣ, и для того, чтобы вытащить эту тяжелую пловучую массу изъ буруновъ разъяренной бухты, онъ сдѣлалъ изъ большого паруса свертокъ, перевязавъ его водорослями, разсчитавъ, что эти водоросли, постепенно разрываясь одни за другими, дадутъ вѣтру возможность мало-по-малу надуть парусъ,—онъ такъ же вѣрно основалъ свой расчетъ на вѣроятностяхъ постепеннаго разрыва водорослей, какъ вѣрно разсчиталъ Жилліатъ постепенный разрывъ цѣпей, и эта же странная смѣлость расчета увѣнчалась такимъ же поразительнымъ успѣхомъ.

Рукоятка блока, схваченная Жилліатомъ, оказалась достаточно крѣпкой и дѣйствовала отлично. Назначеніе этого блока заключалось въ томъ, чтобы ввести нѣкоторую равномѣрность въ движеніяхъ замѣною простой силы сложною, съ тѣмъ, однакоже, чтобы всѣ эти силы дѣйствовали въ одномъ направленіи. Этотъ блокъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ булинемъ, съ тою только разницей, что вмѣсто того, чтобы направлять парусъ, онъ уравновѣшивалъ механизмъ.

Жилліатъ, стоя возлѣ ворота и держа въ рукахъ рукоятку его, такъ сказать, держалъ въ своей рукѣ пульсъ всего механизма. Здѣсь изобрѣтательность его повела къ самымъ блестящимъ результатамъ. Обнаружилось необыкновенное совпаденіе силы. Между тѣмъ какъ машина Дюранды, отдѣленная отъ трюма судна, спускалась къ лодкѣ, лодка, вслѣдствіе дѣйствія придуманнаго Жилліатомъ двойного ворота, поднималась къ машинѣ. Разбитый корабль и спасательная лодка, взаимно помогая другъ другу въ обратномъ смыслѣ, шли навстрѣчу одинъ другой, избавляя тѣмъ другъ друга отъ половины работы. Приливъ, безшумно, но замѣтно поднимая воду въ проходѣ, поднималъ лодку и приближалъ ее къ Дюрандѣ. Приливъ былъ не только побѣжденъ, но его даже заставляли служить извѣстнымъ цѣлямъ. Океанъ дѣлался состав-

ною частью механизма. Приливъ поднималъ лодку медленно, безъ толчковъ, мягко, такъ сказать, осторожно, какъ нѣчто весьма хрупкое.

Жилліатъ наблюдалъ за работой и снаряда своего и воды, комбинировалъ, соображалъ, и, стоя неподвижно, точно статуя, возлѣ кабестана, наблюдая за тѣмъ, чтобъ и машина и вода исполняли то, что ему нужно было, соразмѣрялъ медленность спуска машины съ медленностью же подъема воды. Волны дѣйствовали плавно; почти столь же плавно дѣйствовали и тали. Это было странное сотрудничество первобытнаго механизма и стихійной силы. Съ одной стороны, машина опускалась вслѣдствіе законовъ тяготѣнія; съ другой—вода поднимала барку вслѣдствіе недостаточно еще изслѣдованныхъ законовъ прилива. Притягательная сила свѣтилъ, т.-е. приливъ, и притягательная сила шара земного, т.-е. тяготѣніе, казалось, сговорились съ тѣмъ, чтобы помогать Жилліату. Ихъ подчиненіе ему не знало ни колебаній ни остановки, и подъ давленіемъ одной души эти пассивныя силы дѣлались активными союзниками. Съ каждой минутой дѣло подвигалось впередъ. Разстояніе между баркой и обломками корабля замѣтно уменьшалось. Взаимное приближеніе ихъ происходило медленно, какъ будто ихъ пугало присутствіе стоявшаго тутъ же человѣка. Стихіи давалось предписаніе—и она его исполняла. Почти въ то самое мгновеніе, когда приливъ пересталъ вздымать волны, канаты перестали разматываться. Внезапно, но безъ всякаго сотрясенія, блоки остановились. Машина очутилась на баркѣ, точно уложенная въ нее бережной рукою. Она стояла въ ней прямо, неподвижно, твердо. Поддерживавшая ее чугунная доска упиралась и вертикальной своей линіей и четырьмя своими углами на дно барки.

Дѣло было сдѣлано. Жилліатъ, совершенно растерявшись, смотрѣлъ на дѣло своихъ рукъ. Бѣдняга въ жизни своей не былъ избалованъ радостными ощущеніями. Избытокъ счастья подѣйствовалъ на него подавляющимъ образомъ. Ноги его подкосились, и онъ, ни на одну секунду не дрожавшій до сихъ поръ въ виду опасности, задрожалъ въ виду своего торжества. Онъ смотрѣлъ на барку, стоявщую подъ обломками корабля, и на машину, помѣстившуюся въ лодкѣ. Онъ, казалось, не вѣрилъ своимъ глазамъ; онъ какъ будто самъ не вѣрилъ въ то, что онъ сдѣлалъ. Онъ совершилъ чудо,—и онъ самъ съ изумленіемъ и оцѣпенѣніемъ взиралъ на это чудо.

Но оцѣпенѣніе это продолжалось недолго. Жилліатъ весь встряхнулся, точно проснувшись отъ глубокаго сна, бросился къ пилѣ, перепилилъ всѣ восемь канатовъ, затѣмъ, будучи отдѣленъ отъ лодки, благодаря приливу, всего на какихъ-нибудь десять футовъ, соскочилъ въ нее, схватилъ свертокъ тросовъ, наскоро сдѣлалъ четыре стропа, продѣлъ ихъ въ заранѣе приготовленныя кольца и прикрѣпилъ съ помощью ихъ къ обоимъ бортамъ лодки четыре цѣпи пароходной трубы, еще часъ тому назадъ прикрѣпленныя къ бортамъ Дюранды. Прикрѣпивъ трубу, Жилліатъ за-

нялся освобожденіемъ спущенной на лодку машины отъ излишнихъ обломковъ. Къ ней пристала часть помоста, на которой онъ стоялъ. Жилліатъ отколотилъ молоткомъ эти куски досокъ и брусьевъ, составлявшихъ лишній грузъ, и выбросилъ ихъ за бортъ. Это уменьшеніе груза во всякомъ случаѣ могло быть только полезнымъ.

Впрочемъ, лодка Жилліата, какъ нетрудно было предвидѣть, отлично выдержала этотъ излишекъ груза: она опустилась въ воду не особенно глубоко, и все-таки борты ея возвышались еще значительно надъ водой. Машина Дюранды, хотя и тяжелая, была, однакоже, менѣе тяжела, чѣмъ балластъ камней, да еще съ пушкой въ придачу, которые когда-то Жилліатъ привезъ на своей лодкѣ изъ Герма въ Гернсей.

Итакъ, все было кончено. Оставалось только отплыть.

IX.

Успѣхъ столь же скоро утрачивается, какъ и пріобрѣтается.

Нѣтъ, еще не все было кончено.

Казалось, ничего больше не оставалось, какъ открыть выходъ изъ рукава, загороженный перегородкой Дюранды, и тотчасъ же вывести лодку изъ этого опаснаго мѣста. На морѣ дорога каждая минута. Вѣтра не было, море было спокойно; вечеръ былъ прекрасный и обѣщалъ такую великолѣпную ночь. Начинался отливъ, значитъ, моментъ для отплытія былъ какъ нельзя болѣе удобенъ. Отъ Дуврскихъ утесовъ можно было отплыть при отливѣ, а къ Гернсею причалить какъ разъ во время прилива. На разсвѣтѣ легко можно было бы достигнуть Сенъ-Сампсона.

Но вдругъ явилось неожиданное препятствіе. Въ предусмотрительности Жилліата оказался пробѣлъ: машина-то была высвобождена, но труба застряла. Приливъ поднялъ барку къ обломкамъ корабля, висѣвшимъ на воздухѣ, и облегчивъ дѣло спуска машины, сократилъ работу Жилліата. Но это самое уменьшеніе разстоянія оставило верхушку трубы Дюранды торчащею въ отверстіи, образованномъ разбитымъ килемъ Дюранды. Труба застряла въ этомъ отверстіи, какъ въ капканѣ. Услуга, оказанная волною, осложнялась этой каверзой. Казалось, будто море, вынужденное повиноваться, имѣло при этомъ свою заднюю мысль. Отливъ собирался передѣлать то, что сдѣлалъ приливъ.

Труба, имѣвшая въ вышину немного болѣе трехъ саженъ, опускалась на восемь футовъ въ трюмъ Дюранды. Уровень воды долженъ былъ съ отливомъ опуститься на двѣнадцать футовъ. Такимъ образомъ, труба, опускаясь вмѣстѣ съ лодкой по мѣрѣ пониженія уровня воды, должна была опуститься на цѣлыхъ четыре фута ниже своей высоты и, значитъ, легко могла бы освободиться изъ обломковъ корабля. Но сколько времени потребуется для этого высвобожденія? Не менѣе шести часовъ. А черезъ шесть часовъ будетъ уже почти полночь. Можно ли будетъ въ такой поздній часъ выбраться изъ этихъ опасныхъ мѣстъ, можно ли будетъ

найти надлежащій фарватеръ среди буруновъ и утесовъ, столь опасныхъ даже днемъ? Можно ли будетъ отважиться среди глубокой тьмы на такую поѣздку среди рифовъ и отмелей?

Приходилось ждать до слѣдующаго утра. Потеря этихъ шести часовъ влекла за собою потерю по меньшей мѣрѣ цѣлыхъ полусутокъ. О томъ, чтобы снять загородку у входа въ каналъ, нечего было и думать, такъ какъ загородка эта понадобится при слѣдующемъ же приливѣ. Итакъ, Жилліату поневолѣ приходилось отдыхать, скрестивъ на груди руки, т.-е. сдѣлать единственную вещь, которой онъ не дѣлалъ еще за все время пребыванія своего возлѣ Дуврскихъ утесовъ.

Этотъ вынужденный покой раздражалъ его, приводилъ его почти въ негодованіе, какъ будто онъ самъ былъ въ немъ виноватъ. Онъ подумалъ про себя: «Что подумала бы о мнѣ Дерюшетта, если бъ она увидѣла меня здѣсь ничего не дѣлающимъ?» Однако этотъ невольный отдыхъ былъ, можетъ - статься, не совсѣмъ безполезенъ для него.

Такъ какъ лодка была теперь въ его распоряженіи, то онъ рѣшилъ, что проведетъ въ ней ночь. Онъ принесъ съ Большого Дувра свою овчинку, поужиналъ нѣсколькими раковинами и морскими каштанами, выпилъ, такъ какъ его мучила сильная жажда, послѣдніе глотки прѣсной воды, остававшіеся еще въ его жбанѣ, укутался не безъ наслажденія въ свою овчинку, улегся, точно сторожевая собака, возлѣ машины, спустилъ капюшонъ на глаза и уснулъ,—уснулъ тѣмъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спятъ люди послѣ совершенія какого-нибудь труднаго дѣла.

X.

Предостереженія моря.

Среди ночи онъ вдругъ проснулся, точно по нему пробѣжалъ какой-то электрическій токъ. Онъ раскрылъ глаза. Вершины обоихъ Дувровъ надъ его головою были освѣщены яркимъ свѣтомъ. На черномъ фасадѣ утесовъ словно отсвѣчивалось зарево пожара.

Откуда исходилъ этотъ свѣтъ?—Изъ воды. Море представляло собою нѣчто необычайное. Казалось, будто вся вода была залита пламенемъ. Куда ни хваталъ глазъ, возлѣ рифа и позади него, все море точно пылало. Но пылало оно не тѣмъ краснымъ пламенемъ, которое вырывается изъ горнилъ или изъ кратеровъ вулкановъ; не замѣтно было ни треска, ни шума, ни багрянца, ни жары. Синеватыя полосы ложились по волнамъ точно складки савана; бѣлесоватый свѣтъ розстилался на обширной водной поверхности. Это не былъ пожаръ, а развѣ только призракъ пожара. Это было нѣчто въ родѣ тѣхъ блуждающихъ огней, которые являются надъ могилами, только въ громадныхъ размѣрахъ. Пусть читатель представитъ себѣ, если можетъ, пылающую тьму. Тьма, обширная, безпредѣльная тьма, казалось, служила топливомъ для этого холоднаго пламени. Это былъ, такъ сказать, свѣтъ,

сдѣланный изъ темноты. Тьма входила, какъ одинъ изъ элементовъ, въ это призрачное пламя.

Ла-Маншскимъ морякамъ хорошо извѣстны всѣ эти, не поддающіяся описанію, явленія фосфоресценціи моря. Имъ извѣстно также, что явленія эти служатъ серьезными предостереженіями для мореплавателя. Особенно поразительны бываютъ они возлѣ Большого Утеса, недалеко отъ Изиньи.

При этомъ освѣщеніи всѣ предметы совершенно утрачиваютъ свою реальность. Призрачное просвѣчиваніе дѣлаетъ ихъ какъ бы прозрачными. Скалы представляются уже не въ видѣ геометрическихъ тѣлъ, а въ видѣ линій. Канаты якорей являются въ видѣ желѣзныхъ полосъ, раскаленныхъ добѣла. Рыбачьи сѣти подъ водою кажутся какъ бы сплетенными изъ огненныхъ петлей. Часть руля, находящаяся надъ водою, кажется сдѣланною какъ бы изъ чернаго дерева, другая часть его, подводная, какъ будто серебряная. Капли воды, падая съ веселъ въ воду, представляются столькими же звѣздами. Каждое судно какъ бы тащитъ за собою хвостъ кометы. Матросы, платье которыхъ промокло отъ морской воды, представляются живыми свѣточами. Если опустить руку въ воду, то она какъ бы одѣвается огненною перчаткой; но только это огонь холодный, который не жжетъ. Ваша рука превращается въ горящую головню. Вы видите все содержимое моря плавающимъ уже не въ водѣ, а въ огнѣ. Пѣна морская мечетъ искры. Рыбы представляются чѣмъ-то въ родѣ огненныхъ языковъ и кусковъ молніи, извивающихся въ свѣтящейся глубинѣ.

Вотъ этотъ-то свѣтъ и проникъ сквозь опущенныя вѣки Жилліата и заставилъ его проснуться. Пробужденіе это было какъ нельзя болѣе кстати: отливъ уже кончался, и скоро долженъ былъ снова начаться приливъ. Труба пароходной машины, высвободившаяся изъ обломковъ судна во время сна Жилліата, черезъ нѣсколько минутъ вслѣдствіе подъема воды, снова должна была войти въ открытое надъ нею отверстіе разбитаго корабельнаго трюма. Она медленно приближалась къ нему и находилась уже отъ него на разстояніи не болѣе одного фута. Вода во время прилива поднимается на одинъ футъ приблизительно въ полчаса времени. Поэтому въ распоряженіи Жилліата, если только онъ желалъ воспользоваться этимъ высвобожденіемъ, которымъ онъ обязанъ былъ стихіи, оставалось всего только полчаса.

Онъ быстро вскочилъ на ноги. Но какъ ни велика была необходимость спѣшить, онъ не могъ не остановиться на нѣсколько минутъ, глядя на чудное явленіе свѣченія моря и размышляя. Жилліатъ давно уже былъ какъ нельзя ближе знакомъ съ моремъ. Хотя оно часто обращалось съ нимъ достаточно сурово, онъ, однакоже, уже съ давнихъ поръ привыкъ смотрѣть на него, какъ на лучшаго своего товарища. То таинственное существо, которое называютъ океаномъ, не могло имѣть въ мысляхъ ничего такого, чего бы Жилліатъ тотчасъ же не угадалъ. Жилліатъ, благодаря наблюдательности, вдумчивости и одиночеству, сдѣлался какъ бы пророкомъ погоды.

Онъ бросился къ стенгъ-вынтрепамъ и сталъ разматывать канатъ. Затѣмъ, отвязавъ причалъ, онъ схватилъ багоръ и, упираясь имъ въ скалу, отпихнулся на нѣсколько саженъ отъ Дюранды къ самой запрудѣ. По прошествіи десяти минутъ лодка была выведена изъ-подъ остова разбитаго судна. Теперь уже нечего было опасаться, чтобы труба снова застряла въ обломкахъ его, какъ бы значителенъ ни былъ приливъ.

Однако Жилліатъ, повидимому, не особенно торопился отплывать. Онъ еще нѣкоторое время полюбовался свѣченіемъ моря, затѣмъ поднялъ якоря, но не для того, чтобъ отчалить, а для того, чтобы тотчасъ же покрѣпче закинуть ихъ крестъ-накрестъ, правда, придвинувъ лодку нѣсколько ближе къ выходу изъ канала. До сихъ поръ онъ обходился обоими якорями своей лодки и не дѣлалъ никакого употребленія изъ малаго якоря Дюранды, найденнаго имъ, какъ помнитъ читатель, возлѣ рифа. Но на всякій случай онъ тогда же положилъ этотъ якорь въ лодку, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ количествомъ канатовъ и блоковъ, при чемъ на якорномъ канатѣ онъ сдѣлалъ достаточное количество узловъ, для того, чтобы облегчить травленіе его. Теперь Жилліатъ выкинулъ этотъ третій якорь, позаботившись о томъ, чтобы предварительно укрѣпить его на крѣпкомъ перлинѣ, одинъ конецъ котораго проходилъ черезъ кольцо якоря, а другой былъ крѣпко обмотанъ вокругъ остраго конца носа лодки. Такимъ образомъ онъ устроилъ причалъ на трехъ якоряхъ, гораздо болѣе надежный, чѣмъ причалъ на двухъ, что доказывало большую осторожность и предусмотрительность. Опытный морякъ увидѣлъ бы въ этомъ причалъ на случай перемѣнчиваго вѣтра, который, внезапно перескочивъ, могъ бы иначе застать врасплохъ судно, причаленное лишь съ подвѣтренной стороны.

Свѣченіе моря, за которымъ наблюдалъ Жилліатъ среди своей работы, быть-можетъ, угрожало ему въ будущемъ, но пока принесло ему пользу. Не будь его, онъ бы проспалъ и пропустилъ бы благопріятное время. Оно сначала разбудило его, а теперь свѣтило ему, правда, какимъ-то страннымъ, колеблющимся свѣтомъ. Но какъ бы ни былъ подозрителенъ этотъ свѣтъ, онъ принесъ Жилліату пользу тѣмъ, что освѣтилъ опасность, а теперь позволялъ ему работать. Отнынѣ, какъ только Жилліатъ вздумалъ бы поставить паруса, лодка, на которой онъ увозилъ машину, была свободна.

Однако Жилліатъ, казалось, все меньше и меньше думалъ объ отъѣздѣ. Поставивъ лодку на шпрингъ, онъ отправился искать самой крѣпкой цѣпи, имѣвшейся въ его складѣ, и, прикрѣпивъ ее къ большимъ гвоздямъ, вбитымъ въ утесъ, онъ съ ея помощью укрѣпилъ ограду изъ балокъ и досокъ, уже защищенную съ противоположной стороны другими двумя цѣпями, прикрѣпленными крестъ-накрестъ. Фосфоресценція моря все еще давала свѣтъ, но становилась слабѣе. Правда и то, что начало уже свѣтать.

Вдругъ Жилліатъ навострилъ уши.

XI.

Имѣющій уши слышати да слышитъ.

Ему показалось, будто издалека до слуха его долетѣлъ какой-то странный, слабый, неопредѣленный звукъ. Такіе глухіе звуки исходятъ порою изъ пучины.

Онъ сталъ прислушиваться. Отдаленный звукъ повторился. Жилліатъ мотнулъ головою, какъ бы желая тѣмъ показать, что онъ знаетъ, что это такое. Нѣсколько минутъ спустя онъ былъ уже на другомъ, восточномъ, концѣ прохода, остававшемся до сихъ поръ не загороженнымъ, и, съ помощью сильныхъ ударовъ молоткомъ, вбивалъ большіе гвозди въ крайніе камни этого прохода, подобно тому, какъ онъ раньше вбивалъ такіе же гвозди на противоположномъ концѣ прохода Это было ему тѣмъ удобнѣе дѣлать, что въ этомъ мѣстѣ утесъ имѣлъ много трещинъ и расщелинъ, и Жилліату удалось вбить здѣсь еще больше гвоздей, чѣмъ на другомъ концѣ прохода.

Вдругъ, какъ будто кто-то сильно подулъ на море, свѣченіе его разомъ потухло, и море снова покрылось сумерками, такъ какъ еще не совсѣмъ разсвѣло.

Вколотивъ гвозди, Жилліатъ натаскалъ сюда бревенъ, канатовъ, цѣпей, и, не отводя глазъ отъ своей работы, не развлекаясь ни на минуту, онъ принялся сооружать и въ этой части прохода, съ помощью бревенъ, положенныхъ горизонтально и перевязанныхъ канатами, одну изъ тѣхъ рѣшетчатыхъ запрудъ, которыя нынѣ признаются и наукой и которыя называются волнорѣзами. Тѣ, которымъ доводилось видѣть, напримѣръ, близъ Рокэна, на о. Гернсеѣ, или близъ Бургдо, во Франціи, дѣйствіе, производимое сваями, вбитыми въ скалы, отлично поймутъ пользу этихъ, приспособленій, въ сущности такихъ простыхъ. Волнорѣзы это тѣ же рогатки противъ бурь. Съ моремъ можно бороться только при томъ условіи, чтобы пользоваться разъединеніемъ его силъ.

Тѣмъ временемъ солнце взошло на совершенно безоблачномъ небѣ. Небо было ясно, море было спокойно.

Жилліатъ торопился докончить свою работу. Онъ тоже былъ спокоенъ, но въ торопливости его все же сказывалась нѣкоторая боязливость. Онъ переходилъ и перепрыгивалъ съ камня на камень, отъ своего склада къ запрудѣ и обратно. То онъ притаскивалъ бревна, то длинную доску. Польза этой съ перваго взгляда ненужной работы не замедлила обнаружиться. Очевидно было, что Жилліатъ вѣрно разсчиталъ возможность разныхъ случайностей. Толстая желѣзная полоса служила ему рычагомъ для подниманія бревенъ. Работалъ онъ съ такой быстротой, что задуманное имъ сооруженіе вырастало точно грибъ изъ-подъ земли. Тотъ, кто не видѣлъ за работой солдатъ-понтонеровъ, не можетъ составить себѣ понятія о быстротѣ этой работы.

Восточное отверстіе канала было еще болѣе узко, чѣмъ западное: ширина его не превышала пяти-шести футовъ. Это обстоятельство было какъ нельзя болѣе кстати для Жилліата. Такъ

какъ приходилось загораживать лишь очень незначительное пространство, то связи могли быть болѣе упрощенныя, безъ ущерба для ихъ прочности. Такимъ образомъ достаточно было горизонтальныхъ балокъ, а вертикальныя становились излишними.

Уложивъ первыя переводины волнорѣза, Жилліатъ всталъ на нихъ и началъ прислушиваться. Давно уже разслышанный вдали шумъ становился все болѣе и болѣе выразительнымъ. Жилліатъ продолжалъ свою работу. Онъ подперъ свой волнорѣзъ обѣими кронбалками Дюранды, прикрѣпивъ ихъ къ бревнамъ волнорѣза гарделями, пропущенными сквозь отверстія блоковъ, и все это закрѣпилъ цѣпями. Все это сооруженіе было не что иное, какъ громадный плетень, въ которомъ бревна замѣняли колья, а цѣпи—прутья. Это казалось скорѣе сплетеннымъ, чѣмъ построеннымъ. Жилліатъ еще прибавилъ связокъ и, гдѣ слѣдовало, вколотилъ гвозди. Такъ какъ онъ нашелъ на разбитомъ суднѣ очень много желѣза, то онъ въ состояніи былъ составить себѣ большой запасъ гвоздей.

Во время работы онъ погрызывалъ сухари. Ему очень хотѣлось пить, но его запасъ прѣсной воды истощился. Послѣдніе остатки ея, находившіеся еще въ его жбанѣ, онъ выпилъ наканунѣ вечеромъ. Онъ поставилъ еще четыре-пять брусьевъ и затѣмъ снова взлѣзъ на запруду. Отдаленный шумъ прекратился. Все было тихо. Море было спокойно и гладко. Оно въ эту минуту вполнѣ заслуживало тѣхъ мадригаловъ, съ которыми обращаются къ нему довольные имъ буржуа: «зеркало», «озеро», «подернутое масломъ», «ласковое», «барашекъ». Синева небесъ вполнѣ отвѣчала зелени воды. Этотъ сапфиръ и этотъ изумрудъ могли любоватъся другъ другомъ; имъ не въ чемъ было взаимно упрекнуть себя. Ни единаго облачка наверху, ни малѣйшаго слѣда пѣны внизу. И среди этого великолѣпія торжественно поднималось по небосклону апрѣльское солнце. Трудно было представить себѣ болѣе чудную погоду. На далекомъ горизонтѣ длинная, черная вереница перелетныхъ птицъ обрисовывалась на ясномъ небѣ. Онѣ быстрыми взмахами крыльевъ неслись по направленію къ землѣ. Казалось, онѣ не столько летѣли, сколько отъ чего-то спасались.

Жилліатъ снова принялся за свой волнорѣзъ. Онъ возвелъ его на возможно большую вышину, насколько то позволяли ему изгибы утесовъ. Около полудня ему показалось, будто солнце печетъ особенно сильно. Полдень, это—самый критическій часъ на морѣ. Жилліатъ, стоя на сооружаемой имъ рѣшетинѣ, снова взглянулъ вдаль.

Море было не только спокойно—оно было неподвижно. Нигдѣ не видать было ни единаго паруса. Небо попрежнему было ясно, только изъ синяго оно сдѣлалось бѣлымъ. Эта бѣлизна его представляла собою что-то странное. Но на западѣ, на краю горизонта, появилось какое-то пятнышко тревожнаго свойства. Оно оставалось неподвижнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, но постепенно росло. Возлѣ буруновъ на поверхности воды показалась небольшая рябь.

Оказалось, что Жилліатъ хорошо сдѣлалъ, соорудивъ свои волнорѣзы: приближалась буря. Бездна рѣшалась вступить въ рѣшительный бой.

Книга третья.—БОРЬБА.

I.

Крайности соприкасаются, а противоположности сближаются.

Ничто не можетъ быть ужаснѣе запоздавшихъ равноденственныхъ бурь.

На морѣ замѣчается опасное явленіе, которое можно бы назвать прибытіемъ вѣтровъ издалека.

Во всякое время года, въ особенности во время полнолунія и новолунія, т.-е. въ такое время, когда того менѣе всего можно было бы ожидать, моремъ вдругъ овладѣваетъ странное спокойствіе. Безпрерывное, шумное движеніе его вдругъ утихаетъ. Море какъ будто впадаетъ въ дремоту, въ какую-то истому; оно точно устало, собирается отдохнуть, собраться съ силами. Всѣ флаги, начиная съ вымпела рыбачьей лодки и до штандарта, висятъ тряпками. Всѣ флаги адмиральскіе, королевскіе, императорскіе, спятъ глубокимъ сномъ. Но вдругъ они какъ будто просыпаются и начинаютъ пошевеливаться.

Въ эти минуты слѣдуетъ особенно тщательно слѣдить за облаками, даже за малѣйшими облачками. Если въ это время садится солнце, нужно всматриваться въ окраску неба. Если темно и свѣтитъ луна—наблюдать за кругами вокругъ нея. Въ подобныя минуты капитанъ корабля или начальникъ эскадры внимательно слѣдитъ за барометромъ и принимаетъ свои предосторожности. Въ подобныя же минуты бѣдный и невѣжественный ирландскій или бретонскій рыбакъ спѣшитъ вытащить свою лодку изъ воды на берегъ, справившись, предварительно, съ однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ знаковъ, которые Богъ вѣсть когда были высѣчены римлянами, а быть-можетъ, и дьяволами,—на одномъ изъ тѣхъ загадочныхъ прямолинейныхъ камней, которые называются въ Бретани «менгирами», а въ Ирландіи—«кромлехами». А между тѣмъ ясность неба и спокойствіе океана продолжаются. Утро свѣтлое, заря улыбается, что способно было бы внушить священный ужасъ гадателямъ древности, испуганнымъ тѣмъ, что можно было вѣрить въ коварство солнца. Кто посмѣетъ назвать солнце лживымъ?

Какая-то мгла скрываетъ отъ взоровъ человѣка то, что вскорѣ должно на него обрушиться. Нельзя себѣ представить ничего болѣе страшнаго и болѣе коварнаго, чѣмъ личину бездны. Говорятъ: «угорь подъ камнемъ»; слѣдовало бы говорить: «буря подъ затишьемъ».

Такъ проходитъ нѣсколько часовъ, иногда даже нѣсколько дней. Шкипера направляютъ свои подзорныя трубы и туда и сюда. Лица старыхъ моряковъ принимаютъ выраженіе серьезное,

почти сердитое: это—гнѣвъ ожиданія. Вдругъ раздается какой-то смутный гулъ. Въ воздухѣ точно происходитъ какой-то таинственный діалогъ. Но попрежнему ничего не видать. Водная ширь остается неподвижной. Однако шумъ усиливается, растетъ, приближается; діалогъ становится все болѣе и болѣе оживленнымъ. Позади горизонта кто-то скрывается. Этотъ страшный кто-то—вѣтеръ, т.-е. та толпа титановъ, которую мы называемъ бурей, этихъ непримиримыхъ враговъ океана. Индійцы называли титановъ этихъ «марутами», греки—«аквилонами». Это—невидимыя хищныя птицы безпредѣльности. Эта стая вѣтровъ быстро приближается къ вамъ.

II.

Вѣтры въ открытомъ морѣ.

Откуда приносятся эти вѣтры?—Изъ неизмѣримости. Для размаха ихъ необходимъ діаметръ океана. Ихъ громадныя крылья могутъ двигаться только въ безмѣрномъ, безграничномъ пространствѣ. Атлантическій, Тихій океаны, эти громадныя, синія скатерти—вотъ что имъ нужно. Они превращаютъ синеву этихъ скатертей въ черноту. Они летаютъ надъ ними стаями. Капитану Пэджу однажды довелось видѣть въ открытомъ морѣ семь смерчей сразу. Эти вѣтры носятся надъ морскою поверхностью, замышляя бѣды. Единственная задача ихъ заключается въ томъ, чтобы вздымать до возможно большихъ размѣровъ волны, вздымать ихъ ежедневно и безконечно. Неизвѣстно ни то, что они могутъ, ни то, чего они желаютъ. Они—сфинксы пучины, а Гама—ихъ Эдипъ. Надъ этимъ темнымъ и вѣчно движущимся пространствомъ они носятся, точно тучи. Тотъ, кто сумѣетъ отличить ихъ блѣдныя очертанія на горизонтѣ безбрежнаго моря, чувствуетъ, что онъ находится лицомъ къ лицу съ непреоборимой силой. Можно было бы подумать, что человѣческій умъ тревожитъ ихъ и что они ополчаются противъ него. Умъ человѣческій непобѣдимъ, но стихія неприступна. Что вы предпримите противъ неуловимой вездѣсущности? Дуновеніе превращается въ палицу, и затѣмъ снова дѣлается дуновеніемъ. Вѣтры сражаются натискомъ, а защищаются вразсыпную. При встрѣчѣ съ ними нужно держать ухо востро. Ихъ маневры крайне разнообразны и способны сбить съ толку. Они одинаково проворны и въ нападеніи и въ бѣгствѣ. Они столь же упорны, какъ и неуловимы. Какъ съ ними справиться? Для нихъ нѣтъ ничего священнаго; они способны были въ древности смѣяться надъ вырѣзаннымъ изъ дерева священнаго Додонскаго дуба носомъ корабля «Арго». Христофоръ Колумбъ, видя приближеніе ихъ къ судну «Пинта», всходилъ на мостикъ и обращался къ нимъ съ первыми стихами Евангелія отъ св. Іоанна. Сюркуфъ оскорблялъ ихъ, обзывая ихъ «шайкой». Нэпиръ стрѣлялъ по нимъ изъ пушекъ. Они—тѣ же диктаторы хаоса.

Но что же они дѣлаютъ изъ хаоса? Нѣчто неумолимое. Ревъ вѣтровъ еще гораздо ужаснѣе львинаго рева. Сколько труповъ скрывается въ немъ! Вѣтры безжалостно гонятъ передъ собою

громадную, темную, горькую массу. Ихъ постоянно слышишь, но они ничего не хотятъ слушать. Они совершаютъ вещи, похожія на преступленія. Неизвѣстно, въ кого собственно они мечутъ бѣлые клубы пѣны. Сколько нечестивой свирѣпости въ кораблекрушеніи! Какой вызовъ Провидѣнію! Вѣтры какъ будто желаютъ порою нанести личное оскорбленіе Богу. Они—тираны невѣдомыхъ мѣстъ. «Страшныя мѣста»,—бормотали про себя венеціанскіе моряки. И пространство можетъ подвергнуться оскорбленію дѣйствіемъ. То, что происходитъ иногда среди разнузданныхъ стихій, не поддается описанію. Воздухъ шумитъ и гудитъ, точно лѣсъ. Ничего не видишь, а между тѣмъ въ воздухѣ точно слышится конскій топотъ. Только что былъ полдень, вдругъ сдѣлалась полночь: то налетѣлъ вихрь. Была полночь, вдругъ сдѣлалось совершенно свѣтло: то на небѣ зажглось сѣверное сіяніе. Вихри крутятся въ разныхъ направленіяхъ, точно исполняя какую-то адскую пляску, точно съ злорадствомъ топча стихію. Вдругъ тяжелая туча какъ будто переламывается пополамъ и кусками падаетъ въ море. Другія тучи, окрашенныя въ алый цвѣтъ, сначала свѣтятся, угрожаютъ, потомъ мало-по-малу темнѣютъ; туча, выпустившая изъ себя всѣ свои молніи, чернѣетъ, точно потухшій уголь. Другія тучи расползаются туманомъ. Тутъ горнило, изъ котораго падаютъ потоки дождя; тамъ—волна, изъ которой вырывается пламя. Море, бѣлѣя подъ ливнемъ, отсвѣчиваетъ на громадныя пространства. Носящіеся надъ нимъ водяные пары принимаютъ порою самыя причудливыя формы. Какіе-то чудовищные зигзаги бороздятъ тучи. Пары крутятся, волны прыгаютъ; по нимъ точно катаются пьяныя наяды. Насколько хватаетъ глазъ, массивное и мягкое море движется, не сдвигаясь, однако, съ мѣста. Все кругомъ мертвенно-блѣдно, и изъ этой мертвенной блѣдности раздаются отчаянные крики.

Въ глубинѣ недосягаемой тьмы дрожатъ какіе-то громадные снопы тѣней. Минутами точно наступаетъ пароксизмъ. Гулъ становится шумомъ, волна дѣлается валомъ, небосклонъ превращается въ подобіе взбаламученнаго моря, въ безконечное колебаніе, въ безпрерывное гудѣніе подъ сурдиной. По его поверхности проносятся какія-то странныя линіи и очертанія и раздаются необычайные звуки,—точно чиханіе гидръ. То повѣетъ холодомъ, то—тепломъ. Трепетаніе моря свидѣтельствуетъ объ испугѣ, ожидающемъ всего. Всюду безпокойство, тоска; вода дрожитъ точно въ ожиданіи чего-то невѣдомаго. И вдругъ ураганъ, точно дикій звѣрь, бросается къ морю, чтобы напиться. Это какое-то чудовищное сосаніе. Вода поднимается къ невидимымъ устамъ, образуется нѣчто въ родѣ кровососной банки, опухоль растетъ. Это тифонъ, сталактитъ сверху, сталактитъ снизу. Это вертящійся, двойной, опрокинутый конусъ, острея котораго, поставленныя одно на другое, сохраняютъ равновѣсіе. Это—лобзаніе двухъ горъ: одной, состоящей изъ пѣны, поднимающейся кверху, другой, состоящей изъ тумана, спускающагося книзу. Это—страшная случка волны и мглы. Тифонъ, какъ и библейскій огненный столбъ,

днемъ бываетъ теменъ, а по ночамъ свѣтится. Передъ тифономъ умолкаетъ даже громъ: онъ какъ будто боится его.

Въ громадной смутѣ водной пустыни слышится своего рода гамма. Это какое-то страшное «crescendo»: грозовое облако, шквалъ, вихрь, гроза, буря, штормъ, водяной смерчъ — вотъ семь струнъ лиры вѣтровъ, семь нотъ пучины. Небо—плоскость, море—выпуклость. Но вотъ что-то такое налетѣло, и отъ всего этого ничего болѣе не осталось; все превратилось въ разъяренный хаосъ. Таковы эти ужасныя явленія.

Вѣтры бѣгутъ, летятъ, спускаются, утихаютъ, возобновляются, носятся, свистятъ, ревутъ, хохочутъ. Они изступленно, неистово, бѣшено распоряжаются ими же разъяренною волною. Въ этомъ ревѣ есть своего рода гармонія; онъ гулко раздается по всему небу. Онъ ударяетъ въ тучу, точно въ китайскій тамъ-тамъ. Онъ испускаетъ мощные звуки. Онъ поетъ въ безпредѣльномъ пространствѣ всѣми слившимися воедино голосами рожковъ, трубороговъ, роговъ, горновъ съ клапанами и корнетъ-а-пистоновъ,— нѣчто въ родѣ прометеевскаго гимна. Тому, кто ихъ слышитъ, кажется, будто онъ слышитъ Пана. А страшнѣе всего то, что при этомъ они только играютъ, рѣзвятся среди безпредѣльной тьмы. Они, среди океанской пустыни, устраиваютъ облаву на корабли. Безъ-устали, днемъ и ночью, во всякія времена года, у полюсовъ, какъ и у тропиковъ. Неистово трубя въ свои трубы, они, среди густыхъ и черныхъ тучъ, производятъ безконечную травлю судовъ. Они заставляютъ волны лаять на утесы, вмѣсто собакъ. Они складываютъ и раскладываютъ облака. Они мѣсятъ, какъ бы тысячью рукъ, безбрежное мѣсиво океана. Вода гибка, потому что она несжимаема. Она ускользаетъ, если на нее надавить. Надавливаемая съ одной стороны, она ускользаетъ въ другую. Такимъ-то образомъ вода превращается въ валъ. Волна—это ея свобода.

III.

Объясненіе шума, услышаннаго Жилліатомъ.

Главное схожденіе вѣтровъ на землю совершается въ періоды равноденствія. Въ это время большое коромысло, идущее отъ полюсовъ къ тропикамъ, приходитъ въ движеніе, и громадный атмосферическій приливъ выливается на одно полушаріе, между тѣмъ, какъ на другомъ наступаетъ такой же отливъ. Есть особые знаки Зодіака, которые обозначаютъ эти явленія, а именно «Вѣсы» и «Водолей». Это время бурь. Море молчитъ и выжидаетъ. По временамъ небо имѣетъ въ эти эпохи крайне обезпокоивающій видъ. Оно точно свинцовое, точно подернуто громадною, темно-сѣрою пеленою. Моряки съ безпокойствомъ взираютъ на зловѣщій куполъ неба.

Но еще болѣе они боятся его, когда оно въ эпоху равноденствія бываетъ ясно. Ясное небо въ такую эпоху это—кошачья лапа урагана. Въ такіе-то дни такъ называемая «Башня Плакальщицъ» въ Амстердамѣ бывала переполнена женщинами, съ тревогой взиравшими на горизонтъ.

Когда весеннія или осеннія бури запаздываютъ, это означаетъ, что онѣ собираются съ силами. Онѣ накопляютъ побольше орудій для вящшаго опустошенія. Не довѣряйтесь недоимщикамъ. Анго имѣлъ обыкновеніе говорить: «Море—аккуратный плательщикъ».

Когда ждать приходится слишкомъ долго, море выказываетъ свое нетерпѣніе лишь бо̀льшимъ спокойствіемъ. Только магнетическая напряженность обнаруживается въ томъ, что можно было бы назвать «воспламененіемъ воды». Изъ волнъ выходятъ снопы свѣта. Электричество въ воздухѣ, фосфоресценція въ водѣ. Матросы находятся въ величайшемъ безпокойствѣ. Подобныя минуты особенно опасны для судовъ, обитыхъ желѣзною бронею; ихъ желѣзный носъ можетъ вызвать отклоненіе компаса и привести судно къ гибели. Такъ погибъ трансатлантическій пароходъ «Айова».

Даже для лицъ, хорошо знакомыхъ съ моремъ, видъ его въ эти минуты крайне страненъ. Можно было бы подумать, что оно и желаетъ и боится циклона. Такъ бываетъ и во время течки у нѣкоторыхъ животныхъ; напримѣръ, львица въ это время бѣжитъ отъ льва. Море также находится въ сильномъ возбужденіи; этимъ и объясняется его дрожь. Предстоитъ заключеніе громаднаго брака. Бракъ этотъ, подобно бракамъ древнихъ императоровъ, сопровождается жертвоприношеніями. Это—празднество, приправленное бѣдствіями.

Между тѣмъ откуда-то, съ открытаго моря, изъ невѣдомыхъ широтъ, съ бѣлесоватаго пустыннаго небосклона, изъ нѣдръ безграничной свободы, приносятся вѣтры. Берегитесь ихъ: это—подарокъ эпохи равноденствія. Буря—это опасный заговорщикъ.

Древняя миѳологія не даромъ олицетворяла таинственныя силы, разбросанныя въ природѣ. Эолъ сговаривается съ Бореемъ; согласіе между собою стихій необходимо. Онѣ распредѣляютъ между собою роли. Нужно дать толчокъ волнѣ, облаку, теченію. Ночь тоже можетъ оказаться полезнымъ союзникомъ — не слѣдуетъ пренебрегать и ею. Нужно дать ложное направленіе компасу, гасить маячные огни, скрывать сигналы, прятать звѣзды. Слѣдуетъ также прибѣгнуть и къ сотрудничеству моря. Всякой грозѣ предшествуетъ какой-то глухой ропотъ природы. За небосклономъ происходитъ предварительное шептаніе ураdespite ургановъ. Вотъ это-то шептаніе и слышится во тьмѣ, издалека. Оно-то и носится надъ встревоженнымъ безмолвіемъ моря.

Это страшное шептаніе и услышалъ Жилліатъ. Свѣченіе моря явилось первымъ предостереженіемъ ему, шопотъ этотъ—вторымъ.

Если дѣйствительно существуетъ демонъ, имя которому легіонъ, то этотъ демонъ, безъ сомнѣнія, вѣтеръ. Воздухъ единъ, но вѣтеръ—многообразенъ. Отсюда и вытекаетъ то, что всякая буря — явленіе сложное. Того требуетъ единство воздуха. Буря является осложненіемъ пучины. Весь океанъ не что иное, какъ громадный шквалъ. При этомъ онъ выстраиваетъ и пускаетъ въ ходъ всѣ свои силы. Валъ морской, это—перевернутая вверхъ дномъ бездна. Имѣть дѣло со шкваломъ, это значитъ имѣть дѣло со всѣмъ моремъ и со всѣмъ небомъ.

Мессье, отличный знатокъ моря, глубокомысленный астрономъ Клюнійской обсерваторіи, говаривалъ: «Вѣтеръ свободенъ, онъ дуетъ отовсюду». Онъ не вѣрилъ въ мѣстные вѣтры, даже въ закрытыхъ моряхъ. Онъ не признавалъ, напримѣръ, средиземныхъ вѣтровъ. Онъ увѣрялъ, что сейчасъ же можетъ узнать, изъ какихъ широтъ какой вѣтеръ дуетъ. Онъ увѣрялъ, что въ такой-то день и въ такой-то часъ дующій на Констанцскомъ озерѣ вѣтеръ, извѣстный подъ именемъ Фена,—древній Фавоній Лукреція,—пронесся надъ Парижемъ. Въ другой день тутъ же пронесся Бора Адріатическаго моря; въ третій — крутящійся Нотусъ, будто бы заключенный въ окружности Цикладскихъ острововъ. Каждый изъ этихъ вѣтровъ имѣлъ для него свои спеціальные признаки. Онъ утверждалъ, что южный вѣтеръ, дующій между Мальтой и Тунисомъ, такой же вѣтеръ, дующій между Корсикой и Балеарскими островами, въ состояніи вырваться изъ своихъ районовъ. Онъ не признавалъ, чтобы вѣтры были похожи на медвѣдей, заключенныхъ въ клѣтки. Онъ доказывалъ, что всякій дождь идетъ отъ тропиковъ, а всякая молнія — отъ полюсовъ. Дѣйствительно, вѣтеръ насыщается электричествомъ въ точкахъ пересѣченія колуріевъ, обозначающихъ оконечности земной оси, и водою — близъ экватора; и онъ приноситъ намъ съ экватора влагу, а съ полюсовъ—электрическіе токи. Вѣтеръ вездѣсущъ.

Это, конечно, не значитъ, чтобы не существовало безвѣтренныхъ полосъ. Вполнѣ доказана безпрерывная тяга воздуха и опредѣлены его теченія, и когда-нибудь наступитъ день, когда воздухоплаваніе, при помощи воздушныхъ судовъ, которыхъ мы до сихъ поръ почему-то упорствуемъ называть воздушными шарами, будетъ такъ же умѣло пользоваться этими воздушными путями, какъ мореплаваніе въ настоящее время пользуется путями морскими. Канализація воздуха при посредствѣ вѣтра — фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Въ воздухѣ есть и большія рѣки, и маленькія рѣчки, и ручейки. Но только развѣтвленія воздушныхъ путей происходятъ въ обратномъ смыслѣ отъ развѣтвленія водныхъ путей: въ послѣднихъ ручьи впадаютъ въ рѣчки, а рѣчки — въ большія рѣки, а въ первыхъ — наоборотъ. Тамъ концентрація, здѣсь—децентрализація.

Отъ этой-то децентрализаціи и зависитъ солидарность вѣтровъ и единство атмосферы. Одинъ передвинувшійся съ мѣста атомъ передвигаетъ и другой, и всѣ эти миріады атомовъ начинаютъ двигаться сообща. Прибавьте къ этимъ глубокимъ, первоначальнымъ причинамъ взаимодѣйствія рельефнаго очертанія шара земного, продырявливающаго атмосферу своими безчисленными горами, образующаго узлы и искривленія въ линіи теченія вѣтра и производящаго этимъ разныя противныя теченія. Словомъ, это — безграничная лучистость.

Явленіе вѣтровъ зависитъ отъ колебательнаго движенія двухъ великихъ океановъ: воздушный океанъ, лежащій надъ воднымъ океаномъ, опирается на эту неустойчивость и шатается на этомъ шатаніи. Недѣлимое невозможно разложить по клѣткамъ. Между

двумя волнами нельзя возвести перегородку. На Ла-Маншскихъ островахъ отражается толчокъ, данный у мыса Доброй Надежды. Всемірное мореплаваніе борется съ однимъ чудовищемъ,— и чудовище это—море. Волны покрываютъ море какъ бы рыбьей чешуей. Океанъ это — рыба-гигантъ. И на это единство опускается безчисленность.

IV.

Приступъ вѣтровъ.

Компасъ обозначаетъ тридцать два направленія вѣтра, т.-е. на компасѣ значатся тридцать два подраздѣленія. Но эти направленія могутъ расчленяться еще на безконечно большее количество подраздѣленій. Вѣтеръ, если его классифицировать по его направленіямъ, окажется не поддающимся никакому расчету. Если его классифицировать по сортамъ, то получилось бы нѣчто безконечное. Самъ Гомеръ отступилъ бы отъ такого перечисленія.

Полярное теченіе сталкивается съ теченіемъ тропическимъ, холодъ сталкивается съ жарою. Уравновѣшеніе начинается со столкновенія, результатомъ чего является волна вѣтровъ, которая раздувается, расширяется и яростно разливается во всѣ стороны. Этотъ разливъ дуновеній взбудораживаетъ воздухъ по всѣмъ четыремъ направленіямъ небосклона. Тутъ вы найдете всяческіе румбы вѣтра: и вѣтеръ Гольфстрема, который наноситъ столько тумана на Новую Землю; и вѣтеръ отъ береговъ Перу, вѣтеръ, такъ сказать, нѣмой, такъ какъ еще никогда ни одинъ человѣкъ не слышалъ при дуновеніи этого вѣтра грома; и вѣтеръ Новой Шотландіи, по направленію котораго особенно любитъ летать морской орелъ-гигантъ, съ полосатымъ клювомъ; и такъ называемые «желѣзные вихри», дующіе съ береговъ Китая; и Мозамбикскій вѣтеръ, особенно опасный для плоскодонныхъ пирогъ и джонокъ; и какъ бы насыщенный электричествомъ вѣтеръ береговъ Японіи, возвѣщающій о своемъ приближеніи какимъ-то особымъ гуломъ; и африканскій вѣтеръ, обычнаго мѣстопребыванія котораго, кажется, слѣдуетъ искать между Столовою и Чортовою горами, и оттуда-то именно и вырывающійся; и экваторіальный вѣтеръ, проносящійся надъ пассатными вѣтрами и описывающій параболу, вершина которой всегда обращена къ западу; и такъ называемый «плутоновскій вѣтеръ», выходящій изъ кратеровъ и являющійся страшнымъ дуновеніемъ подземнаго пламени; и странный вѣтеръ, свойственный вулкану Аву, нагоняющій всегда съ сѣвера какую-то тучу оливковаго цвѣта; и муссонъ съ острова Явы, противъ котораго сооружены особые казематы, называющіеся «ураганными домами»; и вѣтеръ на развѣтвленіяхъ моря, который англичане называютъ «бушъ», т.-е. кустомъ; и дугообразные шквалы Малакскаго пролива, которые наблюдалъ Горсбургъ; и сильный юго-западный вѣтеръ, называемый въ Чили памперо, а въ Буэносъ-Айресѣ—ребохо, уносящій кондора въ открытое море и спасающій его отъ притаившагося во рву дикаря, покрытаго свѣжей, только что содранной воловьей шкурой и натягивающаго свой большой

лукъ ногами; и такъ называемый «химическій» вѣтеръ, образующій, по мнѣнію Лемерри, въ тучахъ грозовые камни; и гарматтанъ каффровъ; и метель полярныхъ странъ, гонящая передъ собою глыбы вѣчнаго льда; и вѣтеръ Бенгальскаго залива, доходящій до Нижняго-Новгорода и разрушающій тамъ ярмарочные деревянные балаганы; и Кордильерскій вѣтеръ, вздымающій громадныя волны и потрясающій громадные лѣса; и вѣтеръ Австралійскаго архипелага, благодаря которому искатели меда могутъ находить дикіе ульи подъ громадными, приподнимаемыми вѣтромъ, вѣтвями эйкалиптоваго дерева и извлекать его оттуда; и сирокко, и мистраль, и самумъ, и вѣтры, навѣвающіе засуху, и вѣтры, нагоняющіе наводненіе, и потопные вѣтры, и жаркіе вѣтры, застилающіе улицы Генуи пылью, принесенною изъ Бразильскихъ равнинъ, и вѣтры, послушные дневному обороту земли, и вѣтры, дующіе въ обратномъ ему направленіи и по поводу которыхъ Геррера сказалъ, что «только дурные вѣтры идутъ противъ солнца»; и тѣ вѣтры, которые носятся попарно, какъ бы для того, чтобы взаимно помогать другъ другу въ дѣлѣ разрушенія; и вѣтры древности, причинявшіе Христофору Колумбу столько хлопотъ близъ Верагасскаго берега; и тѣ, которые въ теченіе цѣлыхъ сорока дней, т.-е. съ 21 октября по 28 ноября, не давали Магеллану пристать къ берегу; и тѣ, которые разбили «Непобѣдимую Армаду» и побѣдили Филиппа II. Да и сколько ихъ еще! Просто конца краю не видно. Напримѣръ, вѣтры, переносящіе цѣлыя тучи жабъ и саранчи черезъ океаны. Вѣтры, внезапно измѣняющіе направленіе и имѣющіе задачей доканывать суда, потерпѣвшія крушеніе. Вѣтры, однимъ порывомъ своимъ перемѣщающіе на палубѣ цѣлые грузы кораблей и заставляющіе послѣдніе продолжать путь въ наклонномъ положеніи. Вѣтры, образующіе песочныя насыпи и курганы; тяжелые, какъ бы насыщенные дождемъ, вѣтры; вѣтры градовые, вѣтры лихорадочные; вѣтры, заставляющіе кипѣть огненные и сѣрные источники Калабріи; вѣтры, заставляющіе искриться шерсть африканскихъ барсовъ, бродящихъ по кустарникамъ Желѣзнаго Мыса; вѣтры, вытряхающіе изъ черныхъ тучъ вилообразныя молніи, похожія на языки треугольно-головыхъ ядовитыхъ змѣй,—наконецъ, вѣтры, несущіе съ собою черный снѣгъ.—Такова вся эта армія вѣтровъ.

У Дуврскихъ утесовъ, какъ разъ въ то время, когда Жилліатъ работалъ надъ своимъ волнорѣзомъ, послышалось издали приближеніе этой страшной арміи. Вся эта орда налетала на него. Съ одной стороны—весь этотъ легіонъ вѣтровъ, съ другой стороны—Жилліатъ.

V.

Жилліату приходится выбирать.

Таинственныя силы выбрали удобный моментъ. Случай, если только онъ существуетъ, выказалъ большую ловкость.

До тѣхъ поръ, пока лодка стояла, точно въ сараѣ, въ бухточкѣ утеса «Человѣкъ», пока машина оставалась прочно вставленной

въ обломки корабля, Жилліатъ былъ неодолимъ. Лодка была въ безопасности, машина тоже. Дуврскіе утесы, схвативъ машину, обрекали ее на медленное разрушеніе, но зато защищали ее отъ непредвидѣнныхъ случайностей. Во всякомъ случаѣ Жилліатъ могъ утѣшаться хотя бы той мыслью, что гибель машины еще не влекла за собою гибель его, Жилліата. У него оставалась лодка, на которой онъ могъ спастись.

Но выждать, пока лодка будетъ выведена изъ бухточки, въ которой она находилась въ совершенной безопасности, дать ей войти въ Дуврскій проходъ, караулить, пока и она сдѣлается плѣнницей рифа, дать Жилліату докончить спускъ и нагрузку машины, ничѣмъ не помѣшать этой трудной и искусной работѣ, согласиться на этотъ успѣхъ — вотъ гдѣ была западня, вотъ въ чемъ можно было разглядѣть, въ смутныхъ и темныхъ очертаніяхъ, злостное коварство бездны.

Теперь и машина, и лодка, и самъ Жилліатъ,—всѣ находились въ проходѣ между утесами. Они составляли теперь какъ бы одно цѣлое. Для того, чтобы разбить лодку объ утесъ, разрушить машину, утопить Жилліата, достаточно было одного только усилія. Все могло быть кончено разомъ, однимъ натискомъ, съ одного маху. Трудно было представить себѣ положеніе болѣе критическое, чѣмъ теперешнее положеніе Жилліата. Сфинксъ, древнихъ, скрывающійся, по представленію эллиновъ, гдѣ-то во тьмѣ, ставилъ ему, казалось, слѣдующую дилемму: оставайся или уѣзжай.

Уѣзжать было бы безуміемъ, оставаться было страшно.

VI.

Борьба.

Жилліатъ вскарабкался на Большой Дувръ, откуда онъ могъ окинуть взоромъ все море.

Съ западной стороны открывался странный видъ. Изъ моря поднималась какъ бы стѣна,—большая стѣна, составленная изъ тучъ, загораживавшая весь горизонтъ и медленно поднимавшаяся отъ небосклона къ зениту. Стѣна эта, прямоугольная, вертикальная, не имѣвшая во всю величину свою ни одной трещины ни одной зазубрины по краямъ своимъ, казалась выстроенной по наугольнику и выровненной по шнурку. Стѣна эта была сдѣлана точно изъ гранита. Совершенно отвѣсная съ южной стороны, она съ сѣверной стороны была нѣсколько загнута, точно громадный желѣзный листъ съ загнутымъ угломъ, и представляла собою слегка наклонную линію. Эта облачная стѣна расширялась и росла, причемъ, однако, верхняя часть ея продолжала оставаться параллельной горизонту и почти сливалась съ надвигавшейся тьмою. Эта воздушная стѣна воздвигалась какъ-то моментально, среди глубочайшаго молчанія. На ней не образовывалось ни малѣйшей складки, ни малѣйшаго выступа, ни малѣйшаго углубленія. Эта неизмѣняемость очертаній, при постепенномъ ростѣ стѣны, имѣла въ себѣ нѣчто зловѣщее. Солнце, выглядывавшее блѣднымъ шаромъ

изъ-за какой-то мглы, освѣщало это апокалиптическое очертаніе. Туча заняла уже около половины небосклона, точно страшный откосъ бездны. Между землею и солнцемъ точно воздвигалась большая, темная гора.

Въ воздухѣ было душно, какъ въ печи. Отъ этой таинственной громады отдѣлялся точно банный паръ. Небо, сдѣлавшееся сначала изъ синяго бѣлымъ, теперь изъ бѣлаго сдѣлалось темно-сѣрымъ,—точно громадная аспидная доска. Другую такую же доску представляло собою разстилавшееся внизу тусклое, мутное море. Ни единаго дуновенія, ни единой волны, ни малѣйшаго шума. Кругомъ—безбрежное, пустынное море; нигдѣ ни единаго паруса. Птицы попрятались, точно предчувствуя коварство стихій. Мракъ медленно и незамѣтно распространялся все шире и шире.

Надвигавшаяся къ Дуврскимъ утесамъ гора испареній была одною изъ тѣхъ тучъ, которыя можно было бы назвать «боевыми тучами». Тучи эти крайне опасны. За этими темными нагроможденіями вы смутно чувствуете какое-то косоглазіе. Вообще приближеніе это представляло собою нѣчто страшное.

Жилліатъ внимательно всмотрѣлся въ тучу и пробормоталъ сквозь зубы: «Ладно, меня мучитъ жажда,—ты меня напоишь». И затѣмъ онъ нѣсколько времени оставался стоять неподвижно, не спуская глазъ съ тучи и какъ бы измѣряя ее взоромъ.

Капюшонъ его лежалъ въ карманѣ его блузы; онъ вытащилъ его оттуда и накинулъ его себѣ на голову. Затѣмъ онъ вынулъ изъ углубленія, въ которомъ онъ провелъ столько ночей, запасъ своей одежды. Онъ надѣлъ на ноги гамаши, а на плечи накинулъ рыбацкій плащъ,—точь въ точь какъ рыцарь, надѣвающій свои доспѣхи передъ боемъ. У него уже не было больше башмаковъ, но его босыя ноги достаточно загрубѣли отъ продолжительной ходьбы и лазанія по утесамъ.

Совершивъ свой воинскій туалетъ, онъ взглянулъ на сооруженный имъ волнорѣзъ, ухватился руками за веревку съ узлами, спустился съ площадки Большого Дувра на нижнія скалы и побѣжалъ къ своему складу. Нѣсколько мгновеній спустя онъ былъ уже за работой. Громадная, безмолвная туча могла бы слышать стукъ его молотка. Что же такое дѣлалъ Жилліатъ? Съ помощью оставшихся у него еще въ запасѣ бревенъ, гвоздей и канатовъ онъ принялся устраивать у восточнаго входа въ каналъ вторую рѣшетину, на разстояніи десяти или двѣнадцати футовъ отъ первой.

Попрежнему царили мертвое молчаніе и тишина. Даже стебельки травъ, росшіе въ щеляхъ утеса, не колыхались.

Вдругъ солнце скрылось. Жилліатъ поднялъ голову. Громадная туча, всползая на небосклонъ, только что добралась до солнечнаго диска. Дневной свѣтъ какъ бы сразу потухъ и замѣнился какими-то блѣдными, смутными сумерками. Облачная стѣна измѣнила видъ свой. Она уже не представлялась чѣмъ-то цѣльнымъ. Дойдя до зенита, она сложилась въ горизонтальныя складки и образовала какъ бы нѣсколько ярусовъ и выступовъ. Образованіе

бури обрисовывалось въ ней, какъ въ прорѣзѣ траншеи. Можно было ясно различить въ ней и слои дождя и залежи града. Молніи не отдѣлялись отъ нея, но мѣстами въ ней замѣчалось какое-то зловѣщее свѣченіе,—и сіяніе можетъ быть зловѣщимъ. Слышалось какъ бы тяжелое дыханіе бури. Все это безмолвіе какъ будто глухо дрожало. Жилліатъ, тоже молчаливый, смотрѣлъ, какъ надъ головой его нагромождались всѣ эти глыбы тумана и какъ тучи складывались въ безобразныя формы. На горизонтѣ разстилалась полоса тумана пепельнаго цвѣта, а на зенитѣ — такая же полоса цвѣта свинцоваго. Какія-то бѣлыя лохмотья свѣшивались съ верхнихъ облаковъ на разстилавшійся внизу туманъ. Весь фонъ, т.-е. состоявшая изъ облаковъ стѣна, былъ не то тускло-молочнаго, не то землистаго цвѣта, и имѣлъ какой-то неописуемо-мрачный видъ. Тоненькая бѣловатая поперечная тучка, явившаяся неизвѣстно откуда, разрѣзала наискось, съ сѣвера на югъ, эту высокую, темную стѣну. Одинъ изъ концовъ этой тучи волочился по морю и, соприкасаясь съ волнами, выдѣлялъ среди окружающей тьмы какой-то красноватый паръ. Ниже этого длиннаго бѣловатаго облака небольшія тучки, совершенно черныя, порхали въ различныхъ направленіяхъ надъ самымъ моремъ, какъ бы не зная, куда имъ дѣваться. А громадная туча, составлявшая фонъ всему, одновременно разрасталась во всѣ стороны, усиливала тьму и продолжала свое зловѣщее наступленіе. Позади Жилліата, на востокѣ, оставался лишь небольшой клочокъ яснаго неба, да и тотъ долженъ былъ затянуться съ секунды на секунду. Не ощущалось дуновенія никакого вѣтра, а между тѣмъ въ воздухѣ носился какой-то сѣроватый пухъ, какъ будто только что позади этой темной стѣны была ощипана какая - то гигантская птица. Образовался потолокъ, сплошной и черный, соприкасавшійся на крайнемъ горизонтѣ съ моремъ и смѣшивавшійся тамъ съ тьмою. Чувствовалось приближеніе чего-то. Все это было и обширно, и тяжело, и грозно. Тьма росла. Вдругъ раздался страшный ударъ грома. Даже Жилліатъ вздрогнулъ. Грубая дѣйствительность среди окружающей васъ призрачности всегда заключаетъ въ себѣ что-то пугающее. Точно въ помѣщеніи гигантовъ грохнулъ какой-то тяжелый предметъ.

Но ударъ не сопровождался никакимъ электрическимъ свѣтовымъ явленіемъ. Это былъ, такъ сказать, темный громъ. Снова наступило мертвое молчаніе. Произошелъ нѣкоторый промежутокъ, точно сражающіяся стороны занимали позиціи. Затѣмъ молніи стали бороздить тучи; но молніи эти были нѣмы, не сопровождались громомъ. При каждомъ блескѣ молніи все кругомъ освѣщалось. Облачная стѣна сдѣлалась теперь вертепомъ; въ ней образовались своды и арки, и на ней можно было различить разные силуэты. То обрисовывались какія-то чудовищныя головы, то вытягивались шеи, то появлялись и снова исчезали какіе-то слоны, носящіе на хребтахъ своихъ цѣлыя башни.

Туманный столбъ, прямой, круглый и черный, надъ которымъ носился какой-то бѣлый паръ, изображалъ собою какъ бы трубу

громаднаго затонувшаго парохода, печь котораго продолжаетъ, однако, еще топиться подъ водою и выпускать изъ трубы дымъ. Облака носились по воздуху, точно развѣваемыя по вѣтру знамена. Въ серединѣ, на пурпурномъ фонѣ, обрисовалось какъ бы громадное, черное ядро густого, неподвижнаго, непроницаемаго для искръ тумана, точно уродливый зародышъ во чревѣ бури.

Вдругъ Жилліатъ почувствовалъ, что какое-то дуновеніе развѣваетъ его волоса. На утесы возлѣ него стали падать струйки дождя. Грянулъ второй ударъ грома и поднялся вѣтеръ. Казалось, терпѣніе стихій истощилось. Первый ударъ грома разбудилъ море, второй заставилъ треснуть облачную стѣну сверху донизу; образовалось отверстіе, вся накопившаяся въ воздухѣ влага ринулась въ эту сторону. Трещина какъ бы превратилась въ громадную разинутую пасть, полную дождя, которая начала извергать изъ себя воду.

Моментъ былъ поистинѣ страшный. Ливень, ураганъ, блескъ молніи, валы морскіе, вздымавшіеся до самыхъ облаковъ, пѣна, громъ, какія-то бѣшеныя судороги природы, крики, ревъ, свистъ,— и все это разомъ! Точно стая чудовищъ, сорвавшаяся съ цѣпей. Вѣтеръ рвалъ, дождь не падалъ, а обрушался. Для бѣдняги, очутившагося, подобно Жилліату, съ нагруженной лодкой въ узкомъ проходѣ между двумя скалами, не могло быть болѣе ужаснаго момента. Опасность, которою угрожалъ ему приливъ и съ которою онъ справился, была ничто въ сравненіи съ опасностями, которыми угрожала ему буря. Вотъ каково было его положеніе.

Жилліатъ, вокругъ котораго все было гибель, обнаруживалъ въ послѣднюю минуту и въ виду неминуемой опасности, замѣчательныя стратегическія способности. Онъ нашелъ для себя точку опоры у самого непріятеля. Онъ сдѣлалъ утесъ своимъ союзникомъ. Страшная Дуврская скала, бывшая еще недавно его врагомъ, сдѣлалась теперь его секундантомъ въ предпринятомъ имъ опасномъ поединкѣ. Жилліатъ подчинилъ его себѣ. Изъ этой могилы онъ сдѣлалъ себѣ цитадель; онъ укрѣпился въ этой страшной крѣпости. Правда, непріятель блокировалъ его здѣсь, но зато онъ находился за надежными стѣнами. Онъ, такъ сказать, упирался тыломъ объ утесъ, развернувъ всѣ свои силы противъ урагана. Онъ забаррикадировалъ проходъ въ эту улицу, по которой проносились волны. Это одно, впрочемъ, онъ только и могъ сдѣлать. Океанъ—деспотъ, и противъ него дѣйствительны однѣ только баррикады. Лодка Жилліата могла считаться находящеюся въ безопасности съ трехъ сторонъ. Плотно вклиненная между двумя внутренними стѣнами утесовъ, лежа на трехъ якоряхъ, она была защищена съ сѣвера Малымъ Дувромъ, съ юга—Большимъ, т.-е. этими самыми двумя страшными утесами, которые скорѣе привыкли вызывать кораблекрушенія, чѣмъ защищать отъ нихъ. Съ запада она была защищена рѣшетиной изъ бревенъ, прикрѣпленныхъ къ утесамъ, т.-е. запрудой, уже доказавшей свою солидность во время прилива, настоящими крѣпостными воротами, наличні-

ками для которыхъ служили самыя стѣны обоихъ утесовъ. Значитъ, съ этой стороны нечего было бояться. Опасность угрожала только съ востока. Съ этой стороны былъ только волнорѣзъ, да и то неполный: нужно было бы соорудить по меньшей мѣрѣ двѣ рѣшетины, а Жилліатъ успѣлъ соорудить лишь одну. Онъ только что принялся за сооруженіе второй, когда разразилась буря.

Къ счастью, вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада. Море довольно неловко повело свою атаку. Этотъ нордъ-вестъ былъ не особенно опасенъ для цитадели Жилліата. Онъ охватывалъ утесы вкось и не нагонялъ большихъ валовъ ни на то ни на другое отверстіе канала. Вмѣсто того, чтобы врываться въ улицу, онъ ударялъ о стѣну. Нападеніе произведено было не съ надлежащей стороны Но не слѣдовало забывать, что морской вѣтеръ обладаетъ свойствомъ легко перескакивать, и поэтому приходилось быть готовымъ къ нападенію съ другой стороны. Если бы вѣтеръ задулъ съ востока, прежде чѣмъ будетъ возведенъ второй волнорѣзъ, угрожала бы немалая опасность. Буря ворвалась бы въ проходъ между скалами, и все бы погибло.

Гроза все усиливалась. Буря неистовствовала: въ этомъ ея сила, но и въ этомъ же и слабая сторона ея. Ярость дѣлаетъ ее неразумной, что облегчаетъ человѣку защиту. Но все же защита эта нелегка. Онъ при этомъ не знаетъ ни секунды отдыха, не успѣваетъ даже перевести духъ. Стихія, пользуясь неистощимостью своихъ средствъ, ведетъ атаку вовсе не по-рыцарски. Слышится дыханіе безконечныхъ легкихъ. Стихія, собравъ всѣ свои силы, нападала на утесы. Раздавались безчисленные голоса. Это былъ какой-то паническій крикъ. По временамъ отдѣльные звуки выдѣлялись особенно рѣзко,—точно командныя слова невѣдомаго существа. Затѣмъ возгласы, звуки трубъ, какой-то странный топотъ, и тотъ страшный величественный ревъ, который моряки называютъ «призывомъ океана». Неопредѣленныя и неуловимыя спирали вѣтра свистѣли, крутя волны. Послѣднія, вздымаясь точно стѣны, набрасывались на гранитъ, точно громадные валуны, бросаемые рукой какого-то невидимаго атлета. Пѣна прыгала до самыхъ вершинъ утесовъ; сверху—потоки, снизу—брызги. Затѣмъ ревъ усиливался. Никакіе звуки изъ міра людского или животнаго не въ состояніи были бы дать понятіе о звукахъ, испускаемыхъ этой разъяренной стихіей. Изъ тучъ летѣли ядра и картечь, а валы морскіе шли на приступъ. На нѣкоторыхъ пунктахъ царило какъ будто полнѣйшее затишье. Но тутъ же рядомъ вѣтеръ достигалъ скорости двадцати саженъ въ секунду. Насколько хваталъ глазъ, море было покрыто бѣлой пѣной. На десять миль въ окружности—мыльная пѣна. Разверзались какія-то огненныя двери. Тучи какъ будто жгли одна другую, однѣ походили на пылающіе костры, другія—на клубы дыма. Какія-то очертанія носились по воздуху, сталкивались, сливались, измѣняли формы. Дождь лилъ потоками, изъ выси точно раздавались залпы. На самой серединѣ неба было нѣчто въ родѣ опрокинутой вверхъ дномъ корзины, изъ которой сыпались вперемежку градъ,

смерчъ, тучи, фосфоръ, багряница, тьма, свѣтъ, молніи,—словомъ, всѣ ужасы, какіе только въ состояніи придумать разъяренныя стихіи.

Но Жилліатъ, казалось, не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія, весь поглощенный своей работой. Вторая рѣшетина начинала уже возвышаться надъ водою. На каждый громовой ударъ онъ отвѣчалъ ударомъ молотка, и эти мѣрные удары гулко раздавались среди хаоса. Ему приходилось работать съ непокрытой головой, такъ какъ порывъ вѣтра сорвалъ съ него шапку. Его мучила сильная жажда; очевидно, у него была лихорадка. Въ углубленіяхъ утеса вокругъ него образовались небольшія дождевыя лужицы. Отъ времени до времени онъ зачерпалъ въ нихъ воду рукою и съ жадностью пилъ. Затѣмъ, даже не давая себѣ труда посмотрѣть, что дѣлается кругомъ, онъ снова принимался за работу. Все могло зависѣть отъ одной секунды. Онъ отлично сознавалъ, что ожидаетъ его, если онъ не окончитъ во-время свой волнорѣзъ. Къ чему же терять хотя бы одну секунду на то, чтобы смотрѣть на приближеніе смерти?

Все вокругъ него кипѣло точно въ котлѣ; все издавало страшный гулъ и трескъ. По временамъ казалось, будто молнія спускается точно по лѣстницѣ. Электрическія сотрясенія раздавались преимущественно на нѣкоторыхъ выступахъ утесовъ. По всей вѣроятности, въ этихъ выступахъ пролегали жилы желѣзняка. Иныя градины достигали величины кулака. Жилліату неоднократно приходилось отряхать складки своего плаща: градины забивались даже къ нему въ карманы.

Вѣтеръ перескочилъ на западъ, и волны стали яростно ударять о сооруженную Жилліатомъ у западнаго конца входа запруду. Но Жилліатъ вѣрилъ въ прочность ея, и не безъ основанія. Запруда эта, сдѣланная изъ большого обломка перегородки Дюранды, обладала извѣстною упругостью, а упругость—та же сила. Вычисленія Стивенсона доказываютъ, что, такъ какъ волна сама упруга, то запруда изъ дерева извѣстной толщины и извѣстнымъ образомъ сложеннаго и скрѣпленнаго, представляетъ большее препятствіе для воды, чѣмъ даже каменный молъ. Дуврская запруда вполнѣ удовлетворяла этимъ условіямъ; къ тому же она была сооружена такъ искусно, что волна, ударяя по ней, уподоблялась гвоздю, вгоняющему гвоздь, прижимая ее плотнѣе къ стѣнѣ утеса. Для того, чтобы разрушить ее, пришлось бы прежде повалить утесы. И дѣйствительно, изъ-за запруды на лодку Жилліата долетали только брызги пѣны. Значитъ, съ этой стороны бурѣ, благодаря находчивости Жилліата, приходилось ограничиваться лишь плевками, къ которымъ онъ относился совершенно равнодушно, отлично сознавая все безсиліе этой злобы.

Летавшіе по всѣмъ направленіямъ хлопья пѣны походили на клоки шерсти. Обширное и раздраженное море затопляло утесы, взлѣзало на нихъ, старалось проникнуть внутрь, пробраться въ расщелины ихъ, и снова выходило изъ гранитной массы черезъ небольшія отверстія, образуя такимъ образомъ среди этого потопа

небольшіе, скромные фонтанчики. Кое-гдѣ тонкія серебряныя струйки красиво падали изъ этихъ отверстій въ море.

Рѣшетина съ восточной стороны канала была уже почти готова. Оставалось только еще нѣсколько разъ обмотать вокругъ свай канаты цѣпи—и наступалъ моментъ, когда и эта запруда въ состояніи будетъ вступить въ бой съ разъяренной стихіей. Вдругъ сдѣлалось какъ-то свѣтлѣе, дождь прекратился, облака разсѣялись, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, въ зенитѣ неба точно распахнулось окошко, молніи потухли. Можно было ожидать конца бури. Нѣтъ, это было ея начало.

Вѣтеръ перескочилъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Буря собиралась возобновить нападеніе со свѣжими силами, повести рѣшительный приступъ. Моряки называютъ этотъ опасный маневръ бури нападеніемъ съ тыла. Южный вѣтеръ приноситъ съ собою больше воды, сѣверный—больше молній. На этотъ разъ атака, будучи поведена съ востока, направлена была на самую слабую сторону цитадели.

Жилліатъ, наконецъ, рѣшился бросить свою работу и сталъ всматриваться. Онъ взлѣзъ на выступъ утеса, приходившійся какъ разъ надъ второю, почти уже доконченною рѣшетиной. Если бы первая была снесена водою, то неизбѣжно была бы разрушена и вторая, еще недостаточно прочно скрѣпленная,—а это было бы равносильно гибели Жилліата. Послѣдній былъ бы просто разбитъ объ утесы, не успѣвъ даже взглянуть на свою лодку и машину, и весь его трудъ пошелъ бы прахомъ. Вотъ что ожидало Жилліата. Но онъ пошелъ на этотъ рискъ, онъ даже желалъ его. Если бы разбились всѣ его надежды, то ему ничего болѣе не оставалось, какъ умереть, и притомъ умереть первымъ; машина пускай погибаетъ уже послѣ него! Онъ отмахнулъ лѣвой рукой волосы, свѣсившіеся ему на глаза, ухватилъ правою свой молотъ, откинулся назадъ въ угрожающей позѣ и сталъ ждать.

Ждать ему пришлось недолго. Сильный громовой ударъ послужилъ какъ бы сигналомъ. Отверстіе въ зенитѣ неба закрылось, дождь снова полилъ ливмя, все стемнѣло, и единственнымъ освѣщеніемъ среди этой тьмы была молнія. Приступъ начинался. Могучій валъ, освѣщаемый частыми молніями, поднялся на востокѣ, позади утеса «Человѣкъ». Походилъ онъ на громадный стеклянный цилиндръ. Онъ былъ сѣро-зеленаго цвѣта, безъ пѣны, и простирался во всю ширину моря. Онъ медленно приближался къ волнорѣзу. Приближаясь, онъ вздувался. Пока этотъ темный цилиндръ катился по морю, громъ продолжалъ глухо рокотать. Наконецъ валъ этотъ докатился до утеса «Человѣкъ», переломился здѣсь пополамъ и, снова соединивъ обѣ половинки свои въ одно цѣлое, покатился дальше, образуя лишь одну сплошную водяную гору. Но прежде онъ катился въ параллельномъ направленіи къ волнорѣзу, теперь же онъ принялъ перпендикулярное къ нему направленіе. Валъ этотъ имѣлъ форму громаднаго бревна.

Этотъ таранъ ударился въ волнорѣзъ, съ шумомъ и ревомъ. Все скрылось за пѣной. Трудно себѣ представить, если ихъ самъ не

видѣлъ, эти снѣжныя глыбы, которыя появляются на морѣ во время сильной бури, и которыми оно покрываетъ утесы болѣе чѣмъ стофутовой вышины, какъ, напр., утесъ Андерло, близъ Гернсея, и утесъ Пинакль, близъ Джерсея. Близъ утеса св. Маріи, возлѣ Мадагаскара, пѣна эта перепрыгиваетъ черезъ высокій шпицъ Тентенгъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній изъ-за этого вала ничего не было видно, кромѣ бѣлизны пѣны, развѣвавшейся по вѣтру точно громадный саванъ. Ничего не было слышно, кромѣ глухого рева всесокрушительной стихіи. Наконецъ пѣна разсѣялась. Жилліатъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Запруда уцѣлѣла; въ ней даже не лопнула ни одна цѣпь, не былъ вырванъ ни одинъ гвоздь. Запруда, во время этого испытанія, доказала, что она обладаетъ двумя главными качествами хорошаго волнорѣза: она оказалась гибкой, какъ ивовая плетенка, и твердой, какъ каменная стѣна. Волна, ударившись въ нее, разсыпалась брызгами. Со стѣнъ утесовъ сползали струйки пѣны, исчезавшія подъ лодкой.

Но человѣкъ, надѣвшій на океанъ этотъ намордникъ, не сидѣлъ сложа руки. Къ счастію, буря на нѣкоторое время приняла иное направленіе. Ярость волнъ снова обратилась противъ наружныхъ стѣнъ утесовъ. Это все же былъ нѣкоторый роздыхъ. Жилліатъ воспользовался имъ для того, чтобы докончить свою вторую рѣшетину. На это онъ употребилъ цѣлый день. Буря продолжала изливать свою ярость на боковую стѣну утеса съ какою-то мрачной торжественностью. Находящіеся въ тучахъ сосуды съ водою и сосуды съ огнемъ продолжали опорожняться, и содержимому ихъ, казалось, и конца не было. Вѣтеръ продолжалъ извиваться точно драконъ.

Было такъ темно во время всей грозы, что Жилліатъ даже и не могъ замѣтить, когда наступила ночь. Впрочемъ, нельзя было сказать, что было совсѣмъ темно. Во время грозъ, сопровождающихся частыми молніями, невидимое перемежается съ видимымъ. То все темно, то все вдругъ, на одно мгновеніе, озаряется яркимъ блескомъ. То вдругъ покажется видѣніе, то снова спрячется. Фосфорическая полоса, окрашенная красноватымъ отливомъ сѣверныхъ сіяній, носилась, точно пылающій лоскутъ, позади густыхъ тучъ и освѣщала ихъ какимъ-то призрачнымъ свѣтомъ. Полосы дождя казались цѣлымъ рядомъ свѣтящихся полосъ.

Этотъ свѣтъ освѣщалъ всю окрестность и помогалъ Жилліату работать, такъ что онъ даже разъ, когда долго не было молніи, обернулся и крикнулъ: «Эй, посвѣти же мнѣ!» Благодаря этому освѣщенію, ему удалось возвести заднюю рѣшетину еще выше, чѣмъ переднюю. Волнорѣзъ былъ уже почти готовъ. Какъ разъ въ то время, когда онъ прикрѣплялъ къ выдающемуся брусу запасной канатъ, вѣтеръ вдругъ подулъ ему прямо въ лицо. Это заставило его поднять голову. Оказалось, что вѣтеръ быстро перескочилъ на нордъ-остъ, и валы морскіе снова повели приступъ съ восточной стороны. Жилліатъ взглянулъ въ открытое море. Къ волнорѣзу опять подкатывалась громадная волна. Она съ силой

ударилась о волнорѣзъ, за нею вторая, третья... пятая, шестая, одна вслѣдъ за другою, почти безъ промежутковъ. Наконецъ сталъ приближаться страшный девятый валъ.

Этотъ валъ, какъ бы сосредоточившій въ себѣ силы всѣхъ остальныхъ, походилъ на какое-то живое существо, и не требовалось особой силы воображенія для того, чтобы представить себѣ въ этой прозрачной массѣ плавательныя перья и глаза. Онъ накинулся на волнорѣзъ и разбился о него. Его почти животная форма разорвалась и разлетѣлась въ разныя стороны, точно объ эти камни и объ эти бревна разбилась громадная гидра. Но валъ, даже умирая, имѣетъ способность разрушать; волна кусается даже въ предсмертныхъ судорогахъ. Утесъ задрожалъ и издалъ гулъ, похожій на ревъ раненаго звѣря. Пѣна походила на слюну левіаѳана.

Когда пѣна расплылась, можно было убѣдиться въ томъ, что этотъ второй приступъ океана прошелъ для осаждаемыхъ не такъ благополучно, какъ первый. На этотъ разъ волнорѣзъ пострадалъ. Длинное и тяжелое бревно, вырванное изъ передней рѣшетины, было отброшено силою воды черезъ вторую запруду, какъ разъ на тотъ выступъ утеса, на которомъ еще такъ недавно стоялъ Жилліатъ. Къ счастію для него, онъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ сошелъ съ него, иначе его убило бы на мѣстѣ. Другой счастливый случай заставилъ это бревно при паденіи застрять между утесами, такъ что не было ни повторительныхъ прыжковъ его ни рикошетовъ. Такое паденіе бревна, какъ мы увидимъ ниже, оказалось даже въ нѣкоторомъ отношеніи полезнымъ для Жилліата.

Между выступомъ скалы и внутреннимъ отвѣсомъ прохода было довольно значительное углубленіе, похожее формой на зарубку, сдѣланную топоромъ, или на ячейку улья. Одинъ изъ концовъ бревна, подброшеннаго волной, при паденіи застрялъ въ этомъ отверстіи, которое вслѣдствіе того расширилось. Тогда Жилліату пришла мысль налечь на другой конецъ бревна. Послѣднее, застрявъ однимъ концомъ въ отверстіи, приняло форму руки, вытянутой параллельно внутреннему фасаду стѣны; свободный конецъ бревна отстоялъ отъ этой точки опоры дюймовъ на 18 или на 20. При такомъ разстояніи можно было рискнуть сдѣлать опытъ.

Жилліатъ уперся ногами, колѣнами и локтями о стѣну утеса и прислонился обоими плечами къ этому громадному рычагу. Бревно было длинное, что увеличивало тяжесть на противоположномъ концѣ его. Утесъ былъ уже поколебленъ; однако Жилліату пришлось не менѣе четырехъ разъ напрягать всѣ свои силы. Съ волосъ его стекала дождевая вода, а съ лица его потъ катился градомъ. Для четвертаго усилія онъ напрягалъ всѣ свои силы. Скала затрещала, щель расширилась и наконецъ тяжелая глыба утеса свалилась въ узкій проходъ съ страшнымъ трескомъ, являвшимся какъ бы отвѣтомъ на раскаты грома. Упала она совершенно вертикально и не разбилась въ куски. Бревно-рычагъ полетѣлъ вслѣдъ за обломкомъ скалы, едва не придавивъ Жилліата, еле-еле успѣвшаго отскочить въ сторону.

Въ этомъ мѣстѣ прохода было много камней и потому вода здѣсь не достигала значительной глубины. Глыба, забрызгавъ Жилліата пѣной и брызгами, упала какъ разъ поперекъ прохода, перпендикулярно къ обѣимъ стѣнамъ его и образовала какъ бы поперечную стѣну, нѣчто въ родѣ соединительной черты между первыми двумя. Края ея плотно прилегали къ стѣнамъ утесовъ. Правда, верхняя часть ея была нѣсколько шире прохода, но такъ какъ она состояла изъ довольно мягкаго гранита, то края ея стерлись при вклиниваніи. Такимъ способомъ образовалось нѣчто въ родѣ довольно страннаго тупика, который можно видѣть еще и понынѣ. Несомнѣнно было, что за этой каменной запрудой вода всегда будетъ спокойна. Это былъ еще болѣе надежный оплотъ, чѣмъ искусственныя загородки, съ такимъ трудомъ возведенныя Жилліатомъ въ этомъ же проходѣ.

Запруда эта явилась какъ нельзя болѣе кстати. Море продолжало волноваться. Препятствія вообще всегда его какъ будто раздражаютъ. Первая рѣшетина, поврежденная, какъ объяснено было выше, однимъ изъ валовъ, стала расшатываться. Малѣйшее поврежденіе въ волнорѣзѣ можетъ сопровождаться важными послѣдствіями; незначительное отверстіе тотчасъ же начинаетъ расширяться и этого расширенія ничѣмъ не остановишь. Да и невозможно было бы и думать объ исправленіи этихъ поврежденій, такъ какъ первая набѣжавшая волна сейчасъ смыла бы работника.

Сильная молнія, освѣтившая окрестность, обнаружила передъ Жилліатомъ поврежденія, уже совершонныя волною и еще совершавшіяся въ его волнорѣзѣ. Нѣкоторыя бревна были выворочены, концы канатовъ и цѣпей болтались по вѣтру, въ серединѣ просвѣчивало довольно значительное отверстіе. Но второй волнорѣзъ былъ еще совершенно цѣлъ. Каменная глыба, такъ удачно сброшенная Жилліатомъ въ проходъ, позади обоихъ волнорѣзовъ, представлялась наиболѣе надежнымъ оплотомъ; но въ ней былъ одинъ недостатокъ: она была слишкомъ низка. О томъ, чтобы повысить ее, нечего было и думать. Повышеніе это могло бы быть сдѣлано съ пользой только при помощи гранитныхъ же обломковъ; но какъ ихъ отдѣлить отъ скалы, какъ ихъ притащить на мѣсто, какъ ихъ поднять на значительную высоту, какъ взвалить ихъ тамъ одинъ на другой, какъ скрѣпить ихъ? Къ деревянной постройкѣ можно прибавить нѣсколько бревенъ, но къ скалѣ нельзя прибавить нѣсколько скалъ. Жилліатъ не былъ циклопомъ.

Итакъ незначительная вышина этого небольшого гранитнаго перешейка обезпокоивала Жилліата—и не даромъ. Это неудобство не замедлило вскорѣ сказаться.

Шквалы не переставали обрушиваться на волнорѣзы. Сопротивленіе точно приводило ихъ въ остервенѣніе, они какъ будто яростно топтали эти воздвигнутыя на ихъ пути сооруженія. Вдругъ громадное бревно, сорванное съ перваго волнорѣза, перескочило черезъ второй, перелетѣло и черезъ поперечный обломокъ утеса и упало въ проходъ, гдѣ волна подхватила его и по-

несла его въ извилины прохода. Тамъ оно скрылось изъ глазъ Жилліата, но ему показалось, будто оно ударило въ лодку. Къ счастію, внутри этого прохода на водѣ, спертой со всѣхъ сторонъ, мало отражалось внѣшнее волненіе; поэтому ударъ этотъ не могъ быть особенно силенъ. Впрочемъ, Жилліату и некогда было много заниматься этимъ поврежденіемъ, если таковое было. Всѣ опасности возникали разомъ, буря сосредоточивала свои усилія на самой уязвимой сторонѣ, грозила неминуемая опасность. Какъ разъ въ это время водворилась глубокая тьма; молніи прекратились. Злосчастное совпаденіе! Тучи и волны слились въ одно цѣлое.

Вдругъ раздался глухой шумъ, за которымъ послѣдовалъ трескъ. Жилліатъ повернулъ въ ту сторону голову; рѣшетка, составлявшая центръ запруды, была промыта. Можно было разглядѣть прыгавшіе по волнамъ концы бревенъ. Теперь море пользовалось первымъ, возведеннымъ Жилліатомъ, волнорѣзомъ для разрушенія второго. Жилліатъ испыталъ нѣчто подобное тому, что долженъ испытывать полководецъ при видѣ опрокинутаго своего авангарда.

Второй рядъ бревенъ, правда, выдержалъ ударъ, такъ какъ заднія связи были скрѣплены прочно и имѣли надежныя подпорки. Но прорванная рѣшетина была тяжеловѣсна, она находилась въ распоряженіи волнъ, швырявшихъ ее съ силою, затѣмъ снова подхватывавшихъ ее. Оставшіяся еще на ней скрѣпленія не давали ей крошиться и сохраняли ея размѣры; Жилліатъ, сооружая ее, заботился о томъ, чтобы сдѣлать себѣ изъ нея могучее средство защиты, а теперь оказалось, что онъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ изъ нея могучее же орудіе разрушенія. Изъ щита она превратилась въ палицу. Со всѣхъ сторонъ изъ нея выходили концы бревенъ, точно щетина, и она вся была покрыта какъ бы зубьями и шпорами. Трудно было бы даже придумать для бури болѣе могучее, страшное, и въ то же время болѣе послушное въ ея рукахъ орудіе. Оно было одновременно и метательнымъ снарядомъ и тараномъ.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ съ какою-то зловѣщею правильностью. Жилліатъ, стоя въ глубокой задумчивости позади этой забаррикадированной имъ двери, прислушивался къ стуку, производимому врывающеюся къ нему смертью. Онъ съ горечью въ душѣ думалъ о томъ, что не будь этой злосчастной трубы Дюранды, такъ некстати застрявшей въ обломкахъ судна во время прилива, онъ уже теперь—какое теперь! уже въ это самое утро,—былъ бы въ Гернсеѣ, въ надежномъ портѣ. Лодка его и онъ самъ были бы въ безопасности, а машина спасена.

Случилось именно то, чего онъ опасался: вода окончательно прорвала волнорѣзъ. Раздалось какое-то хрипѣніе, и затѣмъ всѣ деревянныя части волнорѣза, обѣ связи, перемѣшанныя и перепутанныя, подъ сильнымъ напоромъ волны, со всего размаха обрушились на каменную запруду, точно хаосъ на гору, и остановились. Образовалась какая-то безобразная груда бревенъ и щепъ, черезъ

которую пробивалась вода, но уже превращенная въ брызги. Этотъ побѣжденный оплотъ умиралъ смертью героя. Море разбило его, теперь онъ разбивалъ море. Хотя и разрушенный, онъ все же оставался въ извѣстной мѣрѣ страшнымъ. Обломокъ скалы, составлявшій загородку, эта преграда, черезъ которую нельзя было перескочить, удерживала его, такъ сказать, за ногу. Проходъ, какъ сказано выше, былъ очень узокъ въ этомъ мѣстѣ; шкваль-побѣдитель нанесъ, перепуталъ и нагромоздилъ здѣсь, въ этой тѣснинѣ, всѣ обломки волнорѣза. Самая сила волны, наваливая одни обломки на другіе, прибивая ихъ другъ о друга, сдѣлала изъ этого разрушенія новое сооруженіе. Все это было разрушено, и въ то же время непоколебимо. Оторвались только немногія деревянныя части, и волна разбросала ихъ. Одинъ обломокъ бревна пронесся возлѣ самой головы Жилліата, такъ что онъ ощутилъ даже на своемъ лбу произведенное полетомъ этого обломка сотрясеніе воздуха.

Однако нѣкоторые изъ валовъ, изъ тѣхъ громадныхъ валовъ, которые во время шкваловъ возвращаются съ невозмутимой періодичностью, перескакивали черезъ обломки волнорѣза. Затѣмъ они снова падали въ проходъ и, несмотря на извилины послѣдняго, разводили здѣсь волненіе. Вода въ проходѣ начинала сердито бурлить. Мрачное лобзаніе утеса волнами продолжалось.

Какимъ образомъ не допустить это волненіе распространиться до самой лодки? Немного времени требовалось для того, чтобы взволновать все то незначительное количество воды, которое здѣсь находилось; достаточно было нѣсколькихъ волнъ, чтобы разбить лодку и потопить машину. Эта мысль наводила ужасъ на Жилліата. Но онъ не падалъ духомъ. Душа его не знала страха.

Теперь ураганъ нашелъ себѣ проходъ и яростно врывался въ промежутокъ между двумя стѣнами канала. Вдругъ немного позади Жилліата, въ той сторонѣ, гдѣ стояла лодка, раздался громкій, продолжительный трескъ, болѣе страшный, чѣмъ все, что до сихъ поръ доводилось слышать Жилліату. Трескъ этотъ раздался въ сторонѣ лодки. Очевидно было, что тамъ происходило нѣчто ужасное. Жилліатъ кинулся по тому направленію, такъ какъ съ того мѣста, на которомъ онъ стоялъ, онъ не могъ видѣть лодки изъ-за извилинъ прохода. На послѣднемъ поворотѣ онъ остановился и сталъ выжидать молніи. Наконецъ молнія блеснула и освѣтила истинное положеніе дѣлъ.

Прибою моря къ восточному входу въ каналъ отвѣтилъ порывъ вѣтра, ворвавшійся въ западный входъ. Тутъ, очевидно, готовилось какое-то несчастіе.

Лодка, повидимому, была цѣла. Держась на закинутыхъ накрестъ якоряхъ, она не подвергалась особой опасности. Но оказалось, что величайшая опасность угрожала остову Дюранды. При такомъ сильномъ вѣтрѣ этотъ остовъ представлялъ собою довольно обширную плоскость. Онъ весь былъ внѣ воды, на воз-

духѣ, открытъ. Отверстіе, которое сдѣлалъ въ корпусѣ судна Жилліатъ для того, чтобы освободить изъ него машину, окончательно расшатало его. Нижняя килевая балка была переломана, точно скелетъ, у котораго переломанъ спинной хребетъ.

Достаточно было сильнаго дуновенія урагана для того, чтобы настилка моста перегнулась, точно переплетъ книги. Расчлененіе совершилось. Этотъ-то трескъ, раздавшійся среди шума бури, достигъ до слуха Жилліата.

Когда онъ приблизился, то онъ увидѣлъ, что зло почти непоправимо. Продѣланное имъ отверстіе сдѣлалось зіяющей бездной. Изъ трещины вѣтеръ сдѣлалъ надломъ, который разрѣзывалъ остовъ корабля какъ бы на двѣ части. Задняя часть, ближайшая къ лодкѣ, осталась недвижимой въ своемъ скалистомъ футлярѣ; но передняя, обращенная къ Жилліату, какъ бы висѣла на воздухѣ. Надломъ, пока онъ держится, дѣйствуетъ какъ скоба. Эта грузная масса качалась на своемъ надломѣ, какъ на шарнирахъ, и вѣтеръ потрясалъ ею съ страшнымъ шумомъ. Къ счастью для Жилліата, онъ незадолго передъ тѣмъ догадался увести лодку изъ-подъ этого мѣста.

Но бѣда заключалась въ томъ, что это колебаніе надломленной части сотрясало и остальную часть корабельнаго кузова, державшуюся еще неподвижно между обоими Дуврскими утесами; а отъ расшатанія до обвала — одинъ только шагъ. Отъ сильнаго порыва вѣтра надломанная половина судна могла вдругъ увлечь за собою другую, висѣвшую почти надъ самой лодкой, и тогда все, и лодка и машина, было бы поглощено бездной.

Жилліатъ быстро сообразилъ всю опасность положенія. Это было бы настоящею катастрофой. Какимъ образомъ предотвратить ее?

Но Жилліатъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые изъ самой опасности извлекаютъ себѣ помощь. Ему было достаточно одного мгновенія для того, чтобы принять рѣшеніе. Онъ отправился къ своему арсеналу и взялъ оттуда топоръ. Молотокъ его до сихъ поръ оказалъ ему немалую услугу; теперь наступала очередь и для топора. Съ топоромъ въ рукахъ Жилліатъ взобрался на остовъ корабля, всталъ на ту часть настила, которая еще уцѣлѣла, и, нагнувшись надъ пропастью, разверзавшеюся подъ его ногами, принялся рубить надломанныя балки и отдѣлять надломанную часть корабельнаго кузова отъ остальной.

Довершить отдѣленіе обоихъ обломковъ разбитаго корабля, освободить еще крѣпко державшуюся часть кузова отъ надломанной, бросить волнамъ то, что вѣтеръ хотѣлъ сдѣлать своей добычей, удовлетворить бурю—вотъ что ему предстояло сдѣлать. Дѣло это было не только трудное, но и опасное. Свѣсившаяся часть кузова, раскачиваемая вѣтромъ и повиновавшаяся законамъ тяжести, держалась лишь на немногихъ связкахъ, точно оторванный ставень, держащійся лишь на одномъ гвоздѣ и которымъ вѣтеръ хлопаетъ о стѣну. Не болѣе пяти или шести досокъ тамберсовъ, погнутыхъ и потрескавшихся, но не переломанныхъ, еще

держались. Надломы ихъ скрипѣли и расширялись при каждомъ порывѣ вѣтра, такъ что топору оставалось лишь нѣкоторымъ образомъ прійти на помощь вѣтру. Но эта слабость связокъ, облегчавшая, повидимому, задачу, въ то же время дѣлала ее болѣе опасной, такъ какъ все могло разомъ рухнуть подъ ногами Жилліата.

Буря доходила до пароксизма. До сихъ поръ она была только страшна, теперь она становилась грозна и ужасна. Безпокойство моря распространилось и на небо. Тучи до сихъ поръ казались самовластными; онѣ дѣлали то, что имъ хотѣлось, онѣ давали направленіе всему; онѣ вліяли на волны, сохраняя въ то же время какой-то мрачный блескъ. Внизу было безуміе, наверху былъ гнѣвъ. Небо дуло, океанъ давалъ пѣну; но все же первенство принадлежало воздуху. Ураганъ, это—геній. Но производимый имъ ужасъ опьянилъ его самого. Онъ превратился въ вихрь, онъ впалъ въ какое-то изступленіе.

Во всякомъ шквалѣ встрѣчается моментъ безумія. Вода ударяетъ ему въ голову, какъ кровь ударяетъ въ голову человѣку. Тогда пучина сама не знаетъ, что дѣлаетъ; она начинаетъ расточать удары зря, направо и налѣво. Ничего не можетъ быть ужаснѣе. Это страшная минута. Бѣснованіе стихіи достигло своего апогея. Всякая буря имѣетъ извѣстную долю сообразительности; но въ такія минуты она утрачиваетъ ее. Это самый критическій моментъ бури. «Въ эту минуту,—говорилъ Томасъ Фуллеръ,—вѣтеръ превращается въ бѣшенаго безумца». Въ такіе-то моменты буря безъ всякаго расчета расточаетъ электричество. Пиддингтонъ называлъ это явленіе «водопадомъ молній». Въ такіе-то моменты появляется среди черныхъ тучъ, неизвѣстно зачѣмъ,—быть-можетъ, для того, чтобы наблюдать за всеобщимъ хаосомъ,—этотъ синій, свѣтящійся кругъ, который старые испанскіе моряки называли «Глазомъ Бури». Этотъ-то зловѣщій глазъ и смотрѣлъ теперь на Жилліата.

Жилліатъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на тучи. Послѣ каждаго удара топоромъ онъ высокомѣрно поднималъ голову. Положеніе его было слишкомъ отчаянное или, по крайней мѣрѣ, казалось таковымъ, чтобъ онъ не почувствовалъ внутри себя прилива гордости. Быть-можетъ, онъ отчаивался? Нѣтъ. Въ виду этого приступа бѣшенства океана, онъ былъ настолько же остороженъ, насколько и смѣлъ. Расхаживая по обломкамъ корабля, онъ тщательно ощупывалъ ногою то мѣсто, на которое онъ собирался ступить, чтобъ удостовѣриться въ томъ, что туда можно было ступить совершенно безопасно. Онъ рисковалъ, но въ то же время остерегался. Онъ тоже дошелъ до своего рода пароксизма, и силы его удесятерились. Онъ находился въ какомъ-то опьянѣніи храбрости. Его удары топоромъ звучали вызывающе. Казалось, будто по мѣрѣ того, какъ буря теряла хладнокровіе, онъ дѣлался все болѣе и болѣе хладнокровнымъ. Это была ужасная борьба: съ одной стороны, неизсякаемое, съ другой стороны — неутомимый. Вопросъ шелъ о томъ, кто первый уступитъ. Страшныя

тучи рисовали на горизонтѣ головы медузъ. Всѣ способы устрашенія были пущены въ ходъ. Казалось, будто дождь льетъ изъ волнъ, а пѣна брызжетъ изъ тучъ. Вѣтеръ вырисовывалъ разные страшные призраки. Какіе-то метеоры то появлялись, то исчезали въ облачной выси, и тьма, послѣ минутнаго припадка слабости, снова обрушивалась на море съ удвоенною силою. Все кругомъ превратилось въ одинъ общій потокъ; все бурлило и кипѣло. Тьма разливалась повсюду; градовыя тучи, разорванныя, пепельнаго цвѣта, точно одержимы были пляской св. Витта, въ воздухѣ слышался шумъ, какъ будто сухой горохъ встряхиваютъ въ рѣшетѣ. Громадныя электрическія искры перелетали изъ тучи въ тучу, раскаты грома становились все болѣе и болѣе продолжительными и ужасными, молніи все болѣе и болѣе приближались въ своемъ полетѣ къ Жилліату. Смѣлость его, казалось, удивляла бездну. Онъ расхаживалъ по колебавшемуся подъ его ногами корпусу Дюранды, дрожавшему подъ его ногами, при чемъ доски гнулись подъ нимъ, съ топоромъ въ рукѣ, — здѣсь постучитъ, тамъ отрубитъ, дальше поколотитъ. Растрепанный, босоногій, весь въ лохмотьяхъ, съ лицомъ, забрызганнымъ пѣною морскою, онъ былъ великъ своимъ спокойствіемъ среди разбушевавшихся стихій.

Одна только ловкость въ состояніи справиться съ безуміемъ стихій. Одной только ловкости Жилліатъ могъ быть обязанъ своимъ торжествомъ. Онъ желалъ, чтобъ всѣ достаточно уже расшатанные обломки корабля рухнули разомъ. Для этого онъ подрубалъ надломы, не перерубая ихъ совсѣмъ и оставляя нѣсколько древесныхъ волоконъ, поддерживавшихъ до поры до времени весь остовъ. Вдругъ онъ остановился, поднявъ свой топоръ. Операція удалась: вся надрубленная часть рухнула. Эта половина кузова судна свалилась въ промежутокъ между двумя утесами, какъ разъ подъ ногами Жилліата, стоявшаго въ наклонномъ положеніи на другой половинѣ и смотрѣвшаго внизъ. Она совершенно перпендикулярно опустилась въ воду, забрызгала утесы и остановилась въ узкомъ пространствѣ между утесами, не достигнувъ дна. Надъ водою осталось ея еще футовъ на двѣнадцать въ вышину. Настилъ корабля, упавшій въ вертикальномъ положеніи, образовалъ перегородку между обоими утесами. Подобно обломку утеса, раньше того сброшеннаго Жилліатомъ, немного выше, поперекъ канала, онъ прилегъ такъ плотно къ стѣнамъ утеса, что въ образовавшіяся очень узкія щели пробивалось лишь немного морской пѣны. Это была пятая баррикада, воздвигнутая Жилліатомъ противъ бури на этой океанской улицѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что ураганъ, въ своемъ ослѣпленіи, самъ помогъ ему воздвигнуть эту баррикаду.

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что суженіе стѣнъ утесовъ не допустило эту новую запруду опуститься до самаго дна. Во-первыхъ, оно вслѣдствіи того выигрывало въ вышинѣ; во-вторыхъ, вода могла проходить подъ нею, что значительно уменьшало силу прибоя волнъ. То, что можетъ пролѣзть внизу, не будетъ

стараться перескочить сверху. Въ этомъ отчасти, и заключается весь секретъ пловучихъ волнорѣзовъ. Теперь, что бы еще не придумала буря, нечего было опасаться за лодку и за машину: вода вокругъ нихъ должна была оставаться неподвижной. Прикрытыя съ запада Дуврскими утесами и защищенныя съ востока новой запрудой, онѣ были вполнѣ гарантированы и отъ вѣтра и отъ волнъ.

Жилліатъ сумѣлъ воспользоваться даже и тѣмъ, что, повидимому, угрожало ему гибелью. Буря въ сущности помогала ему.

Окончивъ это дѣло, онъ зачерпнулъ въ ладонь руки изъ углубленія утеса немного дождевой воды, выпилъ ее и крикнулъ, поворачиваясь къ тучамъ: «Эй, еще воды!» Для разума, вступающаго въ борьбу съ неразумными, хотя и разъяренными, стихіями, составляетъ великое наслажденіе, воспользовавшись невольно оказанными этими стихіями услугами, отнестись къ нимъ свысока. И Жилліатъ почувствовалъ эту потребность оскорбить своего врага, которую, какъ извѣстно, ощущали еще герои Гомера.

Послѣ того Жилліатъ спустился въ свою лодку и, пользуясь блескомъ молній, сталъ ее осматривать. Да и пора было подумать объ этой бѣдной лодкѣ, такъ какъ вѣтеръ и волны сильно-таки потрепали ее, и она начинала уже коробиться. При первомъ осмотрѣ ея Жилліатъ не замѣтилъ, однако, никакихъ поврежденій. А между тѣмъ, онъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что она должна была испытать сильные удары. Когда волненіе нѣсколько успокоилось, носъ ледки выпрямился самъ собою; якори тоже сослужили хорошую службу. Что касается машины, то будучи крѣпко-накрѣпко обмотана четырьмя цѣпями, она не сдвинулась съ мѣста.

Въ ту самую минуту, когда Жилліатъ оканчивалъ осмотръ, передъ глазами его промелькнуло что-то бѣлое и скрылось во тьмѣ. То была чайка. Появленіе чайки — самая отрадная примѣта во время бури. Птицы появляются — значитъ гроза удаляется.

Другая хорошая примѣта—учащеніе громовыхъ ударовъ. Отчаянныя усилія грозы ослабляютъ ее, это хорошо извѣстно всѣмъ морякамъ. Послѣдній натискъ ея неистовъ, но непродолжителенъ. Избытокъ грома означаетъ конецъ грозы.

Дождь сразу прекратился; но тучи, точно растерянныя, продолжали еще носиться по небу. Гроза прекратилась или, вѣрнѣе сказать, переломилась. Громадный механизмъ тучъ расшатался. На небѣ образовалась трещина, разорвавшая пологъ тучъ. Жилліатъ былъ пораженъ удивленіемъ: было совершенно свѣтло. Оказалось, что буря свирѣпствовала около двадцати часовъ.

Вѣтеръ, принесшій бурю, ее же и разсѣялъ. Но горизонтъ очистился не сразу. Разорванныя и обратившіяся въ бѣгство тучи скучились въ величайшемъ безпорядкѣ; отступленіе было общее, по всей линіи. Слышенъ былъ отдаленный гулъ, упало еще нѣсколько послѣднихъ капель дождя, — и затѣмъ вся эта ораба,

полная грома и ужасовъ, исчезла. Небо вдругъ сдѣлалось ярко-голубымъ.

Тутъ Жилліатъ замѣтилъ, что онъ усталъ. Сонъ накидывается на усталость, какъ хищная птица. У Жилліата подкосились ноги, онъ не улегся, а просто свалился въ лодку, не разбирая мѣста, — и заснулъ. Онъ пролежалъ нѣсколько часовъ, вытянувшись, неподвижный, и было бы довольно трудно разглядѣть его среди тѣхъ бревенъ и балокъ, между которыми онъ свалился.

Книга четвертая.—ДВОЙНОЕ ПРЕПЯТСТВІЕ.

I.

Голодный не бываетъ одинъ.

Когда Жилліатъ проснулся, онъ почувствовалъ голодъ.

Море начинало успокаиваться, но все же оно было еще настолько взволновано въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, что о немедленномъ отплытіи нечего было и думать. Къ тому же былъ уже слишкомъ поздній часъ дня. Съ тѣмъ тяжелымъ грузомъ, который навален[ъ] былъ на лодку, нужно было выѣхать отъ Дуврскихъ утесовъ рано утромъ, для того, чтобы добраться до Гернсея ранѣе полуночи.

Несмотря на свой голодъ, Жилліатъ, прежде чѣмъ подумать о пищѣ, началъ съ того, что раздѣлся донага. Одежда его промокла насквозь; но дождь, подъ которымъ онъ находился цѣлый день, имѣлъ ту хорошую сторону, что онъ смылъ съ одежды Жилліата соленую морскую воду, такъ что теперь по крайней мѣрѣ ему можно было высушить свое платье. Онъ оставилъ на себѣ только брюки, которые поднялъ до колѣнъ. Затѣмъ все остальное онъ разложилъ на выступы утесовъ, придавилъ отдѣльные предметы своего костюма тяжелыми камнями для того, чтобы ихъ не снесло вѣтромъ. Такимъ образомъ, онъ принялся сушить свою сорочку, свою блузу, свой плащъ, свои наколѣнники и свою овчинку.

Затѣмъ онъ сталъ думать и объ ѣдѣ. Онъ схватилъ свой ножъ, который онъ все время старался сохранить въ хорошемъ состояніи, отточилъ его и отколупнулъ отъ утеса нѣсколько морскихъ вшей, которыхъ, какъ извѣстно, можно ѣсть сырьемъ. Но послѣ усиленныхъ, вынесенныхъ имъ наканунѣ, трудовъ, эта скудная пища, понятно, не могла насытить его. Сухарей у него уже ничего не оставалось. Что касается воды, то въ ней онъ не чувствовалъ недостатка. Напротивъ, если онъ могъ на что-нибудь жаловаться, такъ развѣ на то, что ея было слишкомъ много. Онъ воспользовался морскимъ отливомъ для того, чтобы искать на скалахъ морскихъ раковъ. Вода настолько спала, что можно было надѣяться на успѣшную ловлю. Но только онъ не подумалъ о томъ, что теперь уже ему ничего нельзя было ни сварить ни сжарить. Если бъ онъ дошелъ до своего склада, то онъ увидѣлъ бы, что ливень совершенно размылъ его. Запасъ дровъ и угля былъ унесенъ водою, а изъ его запаса пакли, замѣнявшей ему трутъ, не осталось ни единаго волокна, которое бы не промокло насквозь. Словомъ, не было ни малѣйшей возможности развести огонь. Съ другой стороны, онъ увидѣлъ и кузницу свою совершенно разрушенною. Навѣсъ надъ очагомъ былъ снесенъ; вообще буря разнесла всю его лабораторію. Съ тѣми орудіями, которыя избѣгли всеобщаго

крушенія, Жилліатъ могъ еще при нуждѣ плотничать, но уже ни въ какомъ случаѣ не ковать. Впрочемъ, въ данную минуту Жилліатъ даже вовсе и не думалъ о своей мастерской. Голодъ отвлекалъ его вниманіе въ другую сторону, и онъ теперь думалъ только о томъ, какъ бы утолить его. Онъ бродилъ вокругъ рифа, отыскивая что-нибудь съѣдобное. Какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ, за десять недѣль передъ тѣмъ, Дюранда разбилась объ утесы.

Для цѣлей Жилліата наружная сторона рифа была болѣе подходяща, чѣмъ внутренняя. Морскіе раки во время отлива имѣютъ обыкновеніе выползать на воздухъ и грѣться на солнышкѣ: и эти безобразныя созданія любятъ тепло. Странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень некрасивое зрѣлище представляетъ собою выползаніе ихъ изъ воды на яркій солнечный свѣтъ. Когда видишь ихъ ползущими неловко, тяжело, какъ-то наискось съ уступа на уступъ скалы, точно по ступенькамъ лѣстницы, невольно приходишь къ убѣжденію, что и у океана есть свои гады. И этими-то гадами Жилліатъ питался уже цѣлыхъ два мѣсяца. Однако въ этотъ день даже морскіе раки и другіе моллюски скрывались. Буря, свирѣпствовавшая наканунѣ, загнала ихъ въ ихъ норы, и они до сихъ поръ не отваживались выползать. Жилліатъ, держа въ рукѣ свой открытый ножикъ, доставалъ имъ по временамъ изъ-подъ водорослей какую-нибудь раковину и проглатывалъ на ходу содержимое ея. Онъ находился какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ корабль, подъ управленіемъ Клюбена, наскочилъ на камни.

Жилліатъ уже рѣшился было удовольствоваться морскими ежами и морскими каштанами, какъ вдругъ онъ услышалъ подъ своими ногами особаго рода всплескъ воды. Оказалось, что большой морской ракъ, испуганный его приближеніемъ, только что спрыгнулъ въ воду. Около этого мѣста было такъ мелко, что Жилліатъ могъ отлично разсмотрѣть его подъ водою. Жилліатъ пустился бѣжать за нимъ по нижнему выступу рифа; морской ракъ уходилъ отъ него, и вдругъ скрылся. Очевидно, онъ забрался въ какую-нибудь расщелину скалы. Жилліатъ, уцѣпившись рукою за выступъ, нагнулся, чтобы посмотрѣть подъ отвѣсъ. Тамъ, дѣйствительно, оказалось углубленіе, въ которое, повидимому, и забрался морской ракъ. Это была не простая расщелина, а какъ бы арка. Морская вода проникала въ нее, но не была тамъ глубока, такъ что можно было разглядѣть дно, покрытое мелкими валунами. Валуны эти были сѣро-зеленаго цвѣта и покрыты нитчанками; это указывало на то, что они никогда не просыхали. Они походили на дѣтскія головы, только покрытыя зелеными волосами.

Жилліатъ захватилъ свой ножъ зубами, спустился на рукахъ и на ногахъ съ отвѣса рифа и спрыгнулъ въ воду. Она доходила ему почти до плечъ. Онъ пролѣзъ подъ арку и очутился въ какомъ-то коридорѣ, камни въ которомъ стерлись отъ прибоя волнъ. Надъ головою его возвышался стрѣльчатый сводъ. Стѣны этого коридора были гладки и склизки. Въ него проникало лишь немного свѣта, и Жилліату трудно было различать предметы вокругъ себя. Когда онъ прошелъ шаговъ пятнадцать, сводъ надъ нимъ

точно оборвался. Онъ вышелъ изъ коридора. Вокругъ него сдѣлалось просторнѣе, а слѣдовательно, и свѣтлѣе; къ тому же глаза его уже успѣли привыкнуть къ темнотѣ, такъ что онъ довольно ясно различалъ предметы. Вдругъ онъ остановился въ остолбенѣніи. Оказалось, что онъ очутился въ томъ самомъ подводномъ гротѣ, въ которомъ онъ уже былъ однажды, за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Только на этотъ разъ онъ вошелъ въ него со стороны моря. Та арка, черезъ которую онъ вошелъ теперь, въ то время была подъ водою; въ нее можно было войти только при особенно значительномъ отливѣ.

Глаза его все болѣе и болѣе привыкали къ темнотѣ, и онъ сталъ все яснѣе и яснѣе разглядывать окружавшіе его предметы. Онъ былъ пораженъ удивленіемъ. Онъ снова очутился въ этомъ мрачномъ, подводномъ дворцѣ, онъ снова видѣлъ этотъ сводъ, эти столбы, эти кровяныя или багряныя пятна, эту растительность изъ камней, и въ глубинѣ—этотъ алтарь и этотъ жертвенникъ. Онъ себѣ мало отдавалъ отчета въ этихъ подробностяхъ, но онъ отчетливо помнилъ общую картину и онъ снова видѣлъ ее передъ собою. Онъ видѣлъ передъ собою, на извѣстной высотѣ, въ отвѣсѣ утеса, ту расщелину, черезъ которую онъ проникъ сюда въ первый разъ, но которая съ того мѣста, гдѣ онъ находился теперь, казалась недоступной. Онъ видѣлъ, возлѣ стрѣльчатой арки, эти низкіе и темные гроты, эти тайники въ погребѣ, которые онъ уже раньше видѣлъ издали. Теперь онъ находился вблизи ихъ. Самый близкій изъ нихъ не былъ покрытъ водою и въ него можно было проникнуть.

Еще ближе этого углубленія, онъ увидѣлъ надъ поверхностью воды, въ скалѣ, горизонтальную трещину, до которой можно было достать рукою. По всей вѣроятности, туда-то и забрался морской ракъ. Онъ запустилъ въ эту трещину руку какъ можно дальше и сталъ шарить ею въ этомъ темномъ отверстіи.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что его схватили за руку Имъ овладѣлъ какой-то безотчетный, неописуемый ужасъ. Вокругъ его обнаженной руки только что обвилось въ потемкахъ что-то тонкое, плоское, шероховатое, холодное и, очевидно, живое. Онъ почувствовалъ какое-то стѣсненіе въ груди, точно ее захватили въ тиски или затягивали ремнемъ. Въ какую-нибудь секунду какая-то спираль обмоталась вокругъ кисти его руки и локтя и добиралась до плеча его. Онъ уже чувствовалъ, какъ это что-то шевелилось у него подъ мышкой.

Жилліатъ хотѣлъ откинуться назадъ, но оказалось, что онъ былъ какъ бы пригвожденъ на мѣстѣ. Лѣвой рукой, остававшейся свободной, онъ схватилъ ножъ, который онъ держалъ въ зубахъ, и, упершись этой же рукой, съ зажатымъ въ кулакѣ ножомъ, онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы вытащить изъ расщелины свою руку. Но единственнымъ результатомъ этого усилія было то, что рука его оказалась сдавленной еще сильнѣе. То, что ее сдавливало, было гибко, какъ кожа, твердо, какъ сталь, холодно, какъ ледъ.

Въ это время изъ расщелины утеса вытянулся точно какой-то ремень, узкій и заостренный на концѣ. Это что-то походило на языкъ, вытянутый изъ змѣиной пасти. Языкъ этотъ сталъ лизать обнаженное тѣло Жилліата, и вдругъ, высунувшись еще на значительную длину и какъ бы сузившись, коснулся кожи Жилліата и обмотался вокругъ его тѣла. Всѣ мускулы Жилліата судорожно сжались, подъ ощущеніемъ нестерпимой, ни съ чѣмъ несравнимой боли. Онъ чувствовалъ, какъ что-то круглое, ужасное, вонзалось въ его тѣло. Ему показалось, будто безчисленныя губы, впившись въ его тѣло, старались высосать изъ него кровь. Наконецъ, третій ремень волнообразнымъ движеніемъ высунулся изъ расщелины, ощупалъ Жилліата, сталъ хлестать его по бокамъ, точно плетью, и тоже вонзился въ его тѣло.

Страхъ, доведенный до пароксизма, бываетъ безмолвенъ. Жилліатъ не испустилъ ни единаго крика. Было настолько свѣтло, что онъ могъ разсмотрѣть обвившіеся вокругъ его членовъ безобразныя формы. Въ концѣ-концовъ, четвертый ремень, высунувшись съ быстротою стрѣлы, обмотался вокругъ его живота.

Невозможно было ни перерѣзать ни оторвать эти липкіе ремни, плотно приставшіе къ тѣлу Жилліата и даже всосавшіеся въ него. Каждая изъ ихъ точекъ прикосновенія къ тѣлу была какъ бы очагомъ сильной и странной боли. Это было приблизительно то ощущеніе, которое долженъ бы былъ испытывать человѣкъ, чувствуя, какъ его разомъ проглатываетъ множество небольшихъ пастей.

Но это было еще не все: изъ отверстія высунулся пятый ремень, и, поверхъ остальныхъ четырехъ, обмоталъ талію Жилліата. Сдавливаніе присоединилось къ чувству ужаса, такъ что Жилліатъ съ трудомъ могъ дышать. Эти ремни, острые на оконечностяхъ своихъ, дальше расширялись, точно клинокъ кинжала по мѣрѣ приближенія къ рукояткѣ. Всѣ они исходили, очевидно, изъ одного и того же центра. Они ходили и ползали по тѣлу Жилліата. Онъ чувствовалъ, какъ темныя отверстія, казавшіяся ему ртами, перемѣщались съ одной части его тѣла на другую.

Вдругъ изъ расщелины показалось что-то круглое, плоское и склизкое. Это былъ какъ бы центръ, изъ котораго всѣ пять ремней расходились точно спицы отъ ступицы колеса. По ту сторону этой безобразной, круглой плоскости можно было разглядѣть еще три другихъ щупальца, оставшіяся пока въ углубленіи скалы. И посрединѣ этой слизи можно было различить два широко раскрытыхъ глаза. Глаза эти уставлены были на Жилліата.

Тутъ Жилліатъ догадался, что онъ имѣетъ дѣло со спрутомъ или осьминогомъ.

II.

Чудовище.

Для того, чтобы повѣрить въ существованіе этого морского чудовища, нужно было увидѣть его. Въ сравненіи съ спрутомъ, гидры древности не что иное, какъ бездѣлица

Можно было бы подумать, будто въ извѣстные моменты неуловимое, носящееся передъ нами во снѣ, встрѣчаетъ въ дѣйствительности такіе магниты, которые привлекаютъ къ себѣ очертанія этого неуловимаго, и изъ этихъ темныхъ, сонныхъ видѣній образуются существа. Невѣдомое имѣетъ въ своемъ распоряженіи чудесное, и оно пользуется имъ для созданія чудовища. Орфей, Гезіодъ и Гомеръ могли создать только химеру; Богъ создалъ спрута. Для чего, это — вопросъ, на который невозможно подыскать отвѣта.

Съ идеальной, такъ сказать, точки зрѣнія, — если ужасъ можетъ имѣть цѣль,—спрутъ можно считать совершенствомъ своего рода. Китъ—великъ, спрутъ — малъ. Бегемотъ покрытъ непроницаемой броней, спрутъ голъ. Ягуаръ реветъ, спрутъ нѣмъ. Носорогъ имѣетъ рогъ, спрутъ не имѣетъ рога. Скорпіонъ имѣетъ жало, спрутъ не имѣетъ жала. Морской ракъ имѣетъ клешни, спрутъ ихъ не имѣетъ. Цѣпкохвостая обезьяна имѣетъ хвостъ, спрутъ его не имѣетъ. Акула имѣетъ рѣжущія плавательныя перья, спрутъ ихъ не имѣетъ. Вампиръ имѣетъ крылья съ когтями, спрутъ не имѣетъ никакихъ крыльевъ. Дикобразъ имѣетъ иглы, спрутъ не имѣетъ иглъ. Рыба-мечъ имѣетъ мечъ, спрутъ его не имѣетъ. Рыба-скатъ имѣетъ электричество, спрутъ его не имѣетъ. Жаба имѣетъ ядъ, спрутъ его не имѣетъ. Змѣя имѣетъ жало, спрутъ его не имѣетъ. Левъ имѣетъ когти, спрутъ не имѣетъ когтей. Орелъ-ягнятникъ имѣетъ клювъ, спрутъ не имѣетъ клюва. Крокодилъ имѣетъ пасть, у спрута нѣтъ даже зубовъ.

У спрута нѣтъ ни сильныхъ мускуловъ, ни наводящаго ужасъ крика, ни брони, ни рога, ни жала, ни клешней, ни захватывающаго и обматывающаго хвоста, ни рѣжущихъ, ни острыхъ плавниковъ, ни щетины, ни меча, ни электрическихъ зарядовъ, ни яда, ни когтей, ни клюва, ни зубовъ. И все-таки вооруженіе спрута страшнѣе вооруженія всѣхъ остальныхъ звѣрей.

Что же такое спрутъ? Это—кровососная банка.

Въ углубленіяхъ утесовъ, находящихся въ открытомъ морѣ, тамъ, гдѣ вода то разстилаетъ, то прячетъ всѣ свои богатства въ пещерахъ скалъ, гдѣ никогда не бывалъ ни одинъ человѣкъ, въ невѣдомыхъ подводныхъ гротахъ, обладающихъ пышной растительностью, раковинами и раковидными животными, въ глубинѣ океана, пловецъ, который рѣшится проникнуть туда, увлеченный красотами мѣстности, рискуетъ наткнуться на очень непріятную встрѣчу. Если вамъ случится наткнуться на такую встрѣчу, не увлекайтесь любопытствомъ, а скорѣе бѣгите. Вы войдете туда ослѣпленные, а выйдете пораженные ужасомъ.

Вотъ что такое эта встрѣча, всегда возможная въ утесахъ, лежащихъ въ открытомъ морѣ.

Въ водѣ колеблется что-то сѣрое, длиною не больше полуаршина и не толще, чѣмъ рука; это какая-то тряпка или, вѣрнѣе, это скорѣе похоже на закрытый дождевой зонтикъ безъ ручки. Эта тряпка къ вамъ понемногу приближается. Вдругъ она раскрывается и вокругъ чего-то, имѣющаго два глаза, быстро раскиды-

вается по всѣмъ направленіямъ восемь спицъ. Эти спицы или лучи движутся, крутятся наподобіе колеса. Съ раскинутыми спицами это нѣчто имѣетъ около пяти футовъ въ поперечникѣ. И вдругъ это нѣчто кидается на васъ; гидра вцѣпляется въ человѣка. Это чудовище прилипаетъ къ своей добычѣ, покрываетъ ее и окручиваетъ своими длинными ремнями. Брюхо его желтоватаго цвѣта, спина—сѣраго или, вѣрнѣе, цвѣта пыли или пепла, точно сдѣланное изъ пепла существо, обитающее въ водѣ. Формой своей оно напоминаетъ паука, а цвѣтомъ—хамелеона; въ раздраженномъ же состояніи оно дѣлается фіолетовымъ. И, что особенно ужасно, это нѣчто — совершенно мягко. Узлы его связываютъ; прикосновеніе его парализуетъ. Это какой-то живой скорбутъ, или гангрена. Это—болѣзнь, принявшая форму чудовища.

Это чудовище такъ цѣпко впивается въ свою добычу, что его невозможно оторвать отъ нея. Но чѣмъ же оно впивается? Пустотой. Восемь щупальцевъ его, широкія въ основаніи своемъ, идутъ все суживаясь къ концу и заканчиваются иглами. Подъ каждымъ изъ этихъ щупальцевъ тянутся параллельно два ряда уменьшающихся къ концу волдырчиковъ, — болѣе значительные по размѣрамъ возлѣ головы, меньшіе — у оконечностей. Въ каждомъ ряду по двадцати пяти такихъ волдырчиковъ. Значитъ, ихъ пятьдесятъ на каждомъ щупальцѣ, а на всѣхъ восьми въ общей сложности—четыреста. Эти-то волдырчики и играютъ роль кровососныхъ банокъ. Они хрящеваты, цилиндрической формы, нѣсколько загнуты, бѣловаты. Величина ихъ во франковую монету у основанія щупальцевъ, доходитъ до величины чечевичнаго зерна на оконечности. Животное можетъ втягивать ихъ въ себя и выпускать изъ себя по произволу. Въ тѣло добычи они могутъ впиваться болѣе чѣмъ на дюймъ глубины.

Этотъ сосательный снарядъ подвиженъ, какъ клавіатура. Онъ выдвигается и вновь скрывается. Онъ повинуется малѣйшимъ намѣреніямъ животнаго. Самые чувствительные органы другихъ животныхъ — ничто въ сравненіи съ сжимаемостью этихъ кровососныхъ банокъ, всегда соотвѣтствующею намѣреніямъ животнаго и внѣшнимъ явленіямъ. Этотъ драконъ—настоящая мимоза по отношенію къ чувствительности.

Моряки называютъ это чудовище восьминогомъ, ученые называютъ его головоногимъ, а легенда называетъ его «кракеномъ». Англійскіе матросы называютъ его также «чортовой рыбой» или же «кровососателемъ». На островахъ же Ла-Маншскаго архипелага его называютъ спрутомъ. Возлѣ Гернсея онъ встрѣчается очень рѣдко; возлѣ Джерсея онъ не достигаетъ значительныхъ размѣровъ; но возлѣ Серка онъ встрѣчается довольно часто и бываетъ очень великъ.

На картинкѣ, приложенной къ сочиненіямъ Бюффона, изданія Сонини, изображено головоногое животное, обхватившее фрегатъ. Денисъ Монфоръ тоже полагалъ, что спрутъ, водящійся въ южныхъ широтахъ, способенъ потопить судно. Бори-Сенъ-Венсанъ отрицаетъ это, но признаетъ, что въ нашихъ широтахъ спрутъ на-

падаетъ на человѣка. Въ Серкѣ, близъ утеса Брекъ-Гу, вамъ и до сихъ поръ укажутъ на углубленіе въ утесѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ спрутъ схватилъ и утопилъ рыбака, ловившаго омаровъ. Перонъ и Ламаркъ ошибаются, утверждая будто спрутъ, не имѣя плавательныхъ перьевъ, не можетъ плавать. Пишущій эти строки видѣлъ собственными глазами своими близъ Серка, въ пещерѣ Ле-Бутикъ, спрута, преслѣдовавшаго вплавь одного купальщика. Когда его убили и вымѣрили, оказалось, что онъ имѣлъ четыре фута въ длину, и оказалось возможнымъ сосчитать всѣ его четыреста сосковъ, такъ какъ животное въ предсмертной агоніи конвульсивно выпускало ихъ изъ своихъ щупальцевъ.

По увѣренію Дени Монфора, одного изъ тѣхъ наблюдателей, которыхъ высшая степень созерцанія заставляла подниматься или опускаться до магизма, спрутъ обладаетъ почти человѣческими страстями: онъ умѣетъ ненавидѣть. Дѣйствительно, строго говоря, быть безобразнымъ, значитъ ненавидѣть. Безобразіе по необходимости борется съ избыткомъ отверженности, а это вызываетъ ненависть.

Спрутъ, плавая, остается, такъ сказать, въ своемъ футлярѣ. Онъ плаваетъ, съеживъ всѣ свои складки. Пусть читатель представитъ себѣ зашитый рукавъ, со сжатымъ въ немъ кулакомъ. Этотъ кулакъ, т.-е. въ данномъ случаѣ голова спрута, раздвигаетъ жидкость и подвигается впередъ легкимъ волнообразнымъ движеніемъ. Оба его глаза, хотя и значительныхъ размѣровъ, но трудно различимы, ибо они почти одинаковаго цвѣта съ водою.

Спрутъ, преслѣдуя или подстерегая добычу, старается дѣлаться какъ можно менѣе замѣтнымъ. Онъ какъ-то умаляется, сгущается; онъ старается принять по возможности простую форму. Онъ сливается съ полутьмою и походитъ на складку волны. Онъ похожъ на что угодно, только не на что-либо живое. Спрутъ—великій лицемѣръ. На него никто не обращаетъ вниманія: вдругъ онъ развернется. Слизь, имѣющая волю,—что можно себѣ представить болѣе ужаснаго? Клей, пропитанный ненавистью!

И подумать, что это безобразное, прожорливое морское существо родится и живетъ въ самой прекрасной лазури прозрачной воды! Ужасно то, что къ нему и приблизиться нельзя. Почти всегда какъ только его увидишь, такъ уже и сдѣлаешься его добычей. Однако по ночамъ и въ особенности въ періодъ случки, спрутъ испускаетъ изъ себя фосфорическій свѣтъ. Такое пугало тоже ощущаетъ нѣчто въ родѣ потребности любви. Оно ищетъ взаимности, оно пріукрашается, оно свѣтится, и съ вершины какой-нибудь скалы можно было бы замѣтить подъ собою, въ темной пучинѣ, какое-то блѣдное лучеиспусканіе, какое-то свѣтило-призракъ.

Спрутъ по преимуществу плаваетъ; но онъ можетъ и ходить. Онъ—наполовину рыба, наполовину—земноводное животное. Онъ ползаетъ по морскому дну, пользуясь при этомъ своими восемью лапами. Онъ подвигается впередъ, извиваясь точно червякъ. Въ немъ нѣтъ ни костей, ни крови, ни мускуловъ, а есть одна только слизь. Онъ дряблъ. Внутри этого организма нѣтъ ничего плотнаго;

это одна только кожа. Можно выворотить восемь щупальцевъ его на другую сторону, точно пальцы перчатки. Тѣло это имѣетъ только одно отверстіе, по самой серединѣ, служащее для всѣхъ отправленій организма. Здѣсь и входъ и выходъ.

Медузы Средиземнаго моря достаточно отвратительны. Трудно было бы представить себѣ что-нибудь ужаснѣе прикосновенія этой живой слизи, обхватывающей пловца, въ которую можно запускать руку, которую можно скрести ногтями, которую можно разорвать на куски, не убивъ ея, которую нельзя оторвать отъ себя, какъ нельзя оторвать воду, потому что это нѣчто жидкое, скользящее у васъ между пальцевъ.

Но и медуза эта ничто въ сравненіи съ спрутомъ. Для полноты сравненія слѣдовало бы прибавить къ медузѣ еще восемь змѣй.

Невозможно представить себѣ ничего ужаснѣе вцѣпленія въ васъ этого головоногаго животнаго. На васъ нападаетъ даже не животное, а какая-то пневматическая машина, какая-то пустота, имѣющая лапы. Вы не ощущаете на своемъ тѣлѣ ни зубовъ ни когтей, а лишь какую-то неописуемую насѣчку кожи. Укушеніе опасно, но все же не такъ опасно, какъ высасываніе. Когти ничто въ сравненіи съ сотнями кровососныхъ банокъ. Когти, это—звѣрь, впивающійся въ ваше тѣло; кровососная банка, это—вы сами, втягивающіеся въ звѣря. Ваши мускулы пухнутъ, ваши фибры вытягиваются, ваша кожа трескается подъ ужаснымъ сдавливаніемъ, ваша кровь брызжетъ изъ вашихъ жилъ и смѣшивается съ отвратительной слизью, испускаемою изъ себя чудовищемъ. Животное присасывается къ вамъ тысячью ужасныхъ устъ, гидра, такъ сказать, воплощается въ человѣка, человѣкъ амальгамируется съ гидрой, составляетъ съ нею одно безобразное цѣлое. Васъ точно давитъ страшный кошмаръ. Тигръ можетъ только растерзать васъ, но спрутъ васъ высасываетъ, что еще гораздо ужаснѣе. Онъ тащитъ васъ къ себѣ и въ себя, и вы чувствуете себя опутаннымъ, безсильнымъ, вымазаннымъ клеемъ. Вы чувствуете, какъ ваша плоть медленно опорожняется въ этотъ ужасный мѣшокъ, и мѣшокъ этотъ—чудовище! Страшно быть съѣденнымъ живьемъ, но еще страшнѣе быть выпитымъ живьемъ.

Наука, по своей привычкѣ къ чрезмѣрной осторожности, сначала отвергала существованіе этихъ странныхъ животныхъ, даже въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, но затѣмъ, наконецъ, рѣшилась приняться за изученіе ихъ. Она расчленяетъ ихъ, классифицируетъ, вноситъ въ каталогъ, навѣшиваетъ на нихъ ярлыкъ. Она старается достать возможно большее количество экземпляровъ, для того, чтобы выставить ихъ подъ стекломъ въ музеяхъ. Они входятъ въ составъ научной номенклатуры: ихъ называютъ моллюсками, безпозвоночными лучистыми животными. Наука подыскиваетъ имъ сосѣдей: по одну сторону—летучая волосатка, по другую сторону—сепія. Она находитъ аналогію между этими гидрами соленой воды и прѣсноводною гидрою, извѣстною подъ именемъ серебристаго моллюска. Она раздѣляетъ ихъ на крупныя, среднія и мелкія разновидности. Она допускаетъ скорѣе послѣднюю, чѣмъ

первую, что вообще свойственно всѣмъ отраслямъ науки, имѣющей влеченіе скорѣе къ микроскопическому, чѣмъ къ телескопическому. Она изучаетъ ихъ строеніе и называетъ ихъ головоногими. Она сосчитываетъ ихъ щупальца и называетъ ихъ осьминогами. Этимъ она совершенно довольствуется. Но когда ихъ бросаетъ наука, за нихъ принимается философія, которая, въ свою очередь, начинаетъ изучать эти существа. Она идетъ въ одно и то же время и менѣе далеко и дальше науки. Она не расчленяетъ, но соображаетъ. До сихъ поръ работалъ скальпель, теперь начинаетъ работать гипотеза. Она ищетъ конечной причины—главной заботы мыслителя. Эти твари заставляютъ мыслителя ставить себѣ вопросъ,—что имѣла при этомъ въ виду творческая сила? Онѣ являются отвратительными неожиданностями, они сбиваютъ съ толку наблюдателя. Онъ теряется и можетъ только констатировать ихъ существованіе. Онѣ—какъ бы искомыя формы зла. Невольно становишься втупикъ въ виду этого кощунства творенія надъ самимъ собою!

Возможное часто имѣетъ свои капризы. Чудовища, это—конкретная форма таинственности. Отъ этой глыбы, называемой міромъ, отдѣляются какіе-то темные куски, которые разрываются, катятся, носятся въ пространствѣ, сгущаются, впитываютъ въ себя еще больше тьмы, подвергаются вліянію какой-то невѣдомой поляризаціи, живутъ, измѣняютъ формы, впитываютъ въ себя міазмы и, будучи личинками смерти, носятся среди живого. Это какъ бы тьма, превратившаяся въ звѣря. Къ чему все это? На что это нужно? Это все тотъ же вѣчный, неразрѣшимый вопросъ.

Животныя эти настолько же призраки, насколько и чудовища. Существованіе ихъ въ одно и то же время и доказано и невѣроятно. Существованіе ихъ — фактъ, небытіе ихъ было бы правомъ. Это—амфибіи смерти. Неправдоподобіе ихъ осложняетъ ихъ существованіе. Они соприкасаются съ человѣческой границей и въ то же время населяютъ область химеры. Вы отрицаете вампира,—и вдругъ передъ вами является спрутъ. Достовѣрность ихъ существованія разбиваетъ впрахъ вашу увѣренность. Въ виду ихъ оптимизмъ становится немыслимымъ. Они—окраина тьмы. Они обозначаютъ собою переходъ отъ нашей дѣйствительности къ иной. Они являются какъ бы началомъ тѣхъ страшныхъ существъ, которыхъ мыслитель можетъ смутно разглядѣть сквозь пелену тьмы.

Существованіе этихъ чудовищъ, сначала въ мірѣ невидимомъ, затѣмъ въ мірѣ возможнаго, сперва предполагалось, затѣмъ, быть-можетъ, замѣчалось сильнымъ воображеніемъ и пристальнымъ глазомъ древнихъ маговъ и философовъ. Демонъ, это—тигръ невидимаго міра. О чудовищномъ апокалипсическомъ звѣрѣ повѣдали роду людскому два духовидца, изъ которыхъ одинъ назывался Іоанномъ, а другой—Данте.

Если дѣйствительно круги тьмы и ада идутъ концентрически на безконечное пространство, если за однимъ кольцомъ непосредственно слѣдуетъ другое, если все это идетъ въ постоянно увели-

чивающейся прогрессіи, если эта цѣль, въ которой мы, съ своей стороны, сомнѣваемся, существуетъ, то несомнѣнно, что существованіе спрута на одной оконечности доказываетъ существованіе сатаны на другой. Несомнѣнно, что существованіе на одномъ концѣ генія зла доказываетъ существованіе на другомъ концѣ олицетворенія этого зла. Всякій лютый звѣрь, какъ и всякій извращенный умъ, является сфинксомъ, ужаснымъ сфинксомъ, предлагающимъ ужасную задачу—задачу зла.

Это-то совершенство зла заставляло въ древности даже великіе умы вѣрить въ раздвоеніе божества, въ существованіе добраго и злого божества. Оно же и побудило Манихея создать свое дуалистическое религіозное ученіе.

На кускѣ шелковой матеріи, похищенномъ во время послѣдней войны изъ дворца китайскаго императора, изображена акула, пожирающая крокодила, который пожираетъ змѣю, пожирающую орла, который терзаетъ ласточку, въ свою очередь, клюющую червяка. Вся видимая природа пожираетъ и пожираема. Вся она состоитъ изъ хищниковъ и добычъ.

Однако, ученые, которые въ то же время и философы, а слѣдовательно, относятся благосклонно къ творенію, находятъ или, по крайней мѣрѣ, воображаютъ, будто находятъ объясненіе этимъ антитезамъ. Конечная цѣль творенія поразила, между прочимъ, глубокаго, точнаго женевскаго мыслителя Боннэ, который относился къ Бюффону такъ же, какъ впослѣдствіи Жоффруа-Сентъ-Илэръ относился къ Кювье. И вотъ какъ онъ объяснялъ это явленіе: повсемѣстная смерть требуетъ повсемѣстнаго погребенія. Прожорливыя животныя, это—тѣ же погребальщики.

Въ природѣ происходитъ безпрерывный обмѣнъ веществъ. Гніеніе, это — та же чистка шара земного. Человѣкъ, какъ существо плотоядное, тоже своего рода гробовщикъ. Наша жизнь является результатомъ смерти другихъ живыхъ существъ; мы—тѣ же гробницы. Таковъ ужасный законъ природы. Этотъ-то фатальный законъ и производитъ въ нашемъ несовершенномъ мірѣ чудовищъ. Вы спросите: какимъ это образомъ? Гдѣ же тому объясненіе? Гдѣ же отвѣтъ на вопросъ? Почему же существуетъ именно такой порядокъ, а не иной?—Вопросы остаются вопросами.

Будемъ жить,—отчего бы и нѣтъ! Но постараемся, чтобы смерть послужила для насъ прогрессомъ. Будемъ стремиться къ менѣе мрачному міру. Послѣдуемъ за нашей совѣстью, которая ведетъ насъ въ него. Не будемъ забывать, что до совершенства можно дойти только путемъ постепеннаго улучшенія.

III.

Другой видъ борьбы въ пучинѣ.

Такова была тварь, во власти которой въ теченіе нѣсколькихъ минутъ находился Жилліатъ. Чудовище это было обитателемъ этой пещеры. Оно было злымъ геніемъ этой пещеры, ужаснымъ демономъ, избравшимъ ее своимъ мѣстопребываніемъ. Этотъ

чудный подводный дворецъ принадлежалъ этому безобразному созданію природы.

Какъ уже сказано было выше, мѣсяцъ тому назадъ, въ тотъ день, когда Жилліатъ въ первый разъ очутился въ этомъ подводномъ гротѣ, тою черною массой, которую онъ разглядѣлъ среди ряби воды, былъ именно этотъ самый спрутъ. Онъ былъ здѣсь у себя дома. Когда Жилліатъ, преслѣдуя морского рака, во второй разъ проникъ въ эту пещеру и, полагая, что ракъ спрятался въ расщелину скалы, всунулъ туда свою руку, оказалось, что тамъ притаился насторожѣ спрутъ. Ужасное выжиданіе!

Ни одна птица не осмѣлилась бы снести яйца, ни одна яичная скорлупа разбиться подъ клювомъ птенца, ни одинъ цвѣтокъ не осмѣлился бы расцвѣсть, ни одна грудь не осмѣлилась бы накормить ребенка, ни одно сердце не рѣшалось бы любить, ни одинъ умъ — воспарить въ высь, если бы постоянно приходилось думать о терпѣливыхъ, темныхъ силахъ, притаившихся въ пучинѣ.

Жилліатъ неосторожно всунулъ свою руку въ отверстіе утеса; спрутъ схватилъ эту руку и крѣпко вцѣпился въ нее. Жилліатъ очутился въ роли мухи, спрутъ—въ роли паука.

Жилліатъ стоялъ въ водѣ по поясъ, цѣпляясь ногами за круглые, склизкіе валуны; правая рука его вся была обмотана ремнями щупальцевъ спрута, да и самое туловище его почти исчезало подъ складками и переплетомъ этой ужасной повязки. Изъ восьми ногъ спрута три цѣплялись къ утесу, пять впились въ Жилліата. Такимъ образомъ, прицѣпившись, съ одной стороны, къ граниту, съ другой—къ человѣку, чудовище это приковывало Жилліата къ утесу. Въ тѣло Жилліата впилось не менѣе двухсотъ пятидесяти сосательныхъ снарядовъ. Все это было и страшно и отвратительно. Что можетъ быть ужаснѣе, какъ очутиться зажатымъ въ громадный кулакъ, эластическіе пальцы котораго, длиною почти въ полтора аршина, усѣяны на внутренней сторонѣ живыми волдырями, вонзающимися въ ваши мускулы!

Какъ мы уже сказали, вырваться отъ спрута невозможно. Тотъ, кто попробовалъ бы это сдѣлать, оказался бы еще крѣпче связаннымъ. Всякое усиліе еще болѣе затягиваетъ узелъ; чудовище напрягаетъ свои силы одновременно съ вами. Чѣмъ болѣе вы дергаете, тѣмъ крѣпче сжимаются ремни.

У Жилліата оставалось только одно средство спасенія — его ножъ. Правда, онъ могъ владѣть лишь лѣвой рукой; но какъ уже сказано было выше, онъ владѣлъ ею не хуже правой. Про него можно было бы сказать, что у него были двѣ правыя руки. Въ этой-то лѣвой рукѣ онъ держалъ свой раскрытый ножъ.

Но дѣло въ томъ, что перерѣзать щупальца спрута оказалось дѣломъ невозможнымъ. Они покрыты такою кожей, которая не поддается дѣйствію ножа; послѣдній только скользитъ по ней. Къ тому же при этомъ представлялась еще та опасность, что, перерѣзая эти ремни, вы рисковали надрѣзать и ваши собственные мускулы.

Спрутъ — животное въ высшей степени опасное; однако и у него есть одно уязвимое мѣсто. Это отлично извѣстно серкскимъ рыбакамъ. Это извѣстно также и морскимъ свинкамъ, обороняющимся отъ каракатицъ, очень похожихъ, по строенію тѣла, на спрута. Нужно только изловчиться попасть въ жилу, связывающую голову этого чудовища съ его туловищемъ. Этимъ и объясняется то значительное количество летучихъ волосатокъ, каракатицъ и другихъ моллюсковъ, попадающихся въ открытомъ морѣ въ обезглавленномъ видѣ.

Итакъ, единственное уязвимое мѣсто спрута, это — его голова. Это было извѣстно и Жилліату. Но онъ никогда не видѣлъ спрута такихъ громадныхъ размѣровъ. Нападеніе на него было произведено однимъ изъ самыхъ крупныхъ экземпляровъ этой породы. Другой на его мѣстѣ растерялся бы, но Жилліатъ не растерялся. Въ борьбѣ съ спрутомъ, какъ и въ борьбѣ съ быкомъ, нужно умѣть схватить удобный моментъ. Моментъ этотъ для быка тотъ, когда онъ нагибаетъ свою голову, а для спрута—тотъ, когда онъ высовываетъ свою. Но это дѣло лишь немногихъ секундъ. Кто не воспользуется этими секундами—погибъ.

Все вышеописанное продолжалось всего лишь нѣсколько минутъ. Однако, не только съ каждой минутой, но и съ каждой секундой Жилліатъ чувствовалъ, какъ всѣ двѣсти пятьдесятъ кровососныхъ банокъ, вонзившихся въ его тѣло, всасывались въ него все сильнѣе и сильнѣе. Спрутъ дѣйствуетъ измѣнническимъ образомъ. Прежде всего онъ старается ошеломить свою добычу. Онъ схватитъ ее и затѣмъ выжидаетъ сколь возможно дольше.

Жилліатъ продолжалъ смотрѣть на чудовище, а оно—на него. Въ лѣвой рукѣ онъ попрежнему держалъ свой ножъ наготовѣ. Сосаніе животнаго становилось все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ животное, отдѣливъ отъ утеса шестую свою лапу, направило ее на Жилліата и постаралось обхватить ею его лѣвую руку. Въ то же мгновеніе оно быстро высунуло голову. Еще одна секунда — и его ротъ впился бы въ грудь Жилліата, и гибель Жилліата, опутаннаго шестью ремнями и лишеннаго возможности защищаться, была бы неминуема.

Но если звѣрь бдительно стерегъ Жилліата, то и онъ не дремалъ. Ловкимъ движеніемъ туловища онъ уклонился отъ предназначавшагося ему шестого ремня-щупальца, и въ то самое мгновеніе, когда животное норовило впиться ему въ грудь, онъ ударилъ его ножомъ въ голову. И звѣрь и самъ Жилліатъ пришли въ судорожное движеніе. Жилліатъ вонзилъ свой ножъ въ ту слизистую массу, которая замѣняла у животнаго голову, и, повернувъ ножъ тѣмъ самымъ движеніемъ, какимъ зубной врачъ поворачиваетъ ключъ при вырываніи зуба, онъ отдѣлилъ голову отъ туловища.

Все было кончено. Звѣрь рухнулъ. Разъ нагнетательный насосъ былъ испорченъ, всѣ четыреста кровососныхъ банокъ разомъ отдѣлились и отъ тѣла Жилліата, и отъ утеса, и животное, какъ грязная тряпка, пошло ко дну. Жилліатъ, тяжело дыша и отъ усталости и отъ волненія, могъ разглядѣть у ногъ своихъ, на под-

водныхъ камняхъ, двѣ безобразныя кучи слизи: одна изъ нихъ была голова чудовища, другая — его туловище, если только такъ можно называть двѣ безобразныя массы слизи.

Однако Жилліатъ, опасаясь какихъ-нибудь конвульсивныхъ движеній чудовища во время агоніи, счелъ болѣе благоразумнымъ отойти подальше отъ его щупальцевъ. Но на этотъ разъ опасенія его были напрасны: звѣрь продолжалъ оставаться бездыханнымъ. Жилліатъ закрылъ свой складной ножъ.

IV.

Ничто не можетъ скрыться и ничто не пропадаетъ.

Ему пора была убить спрута. Онъ едва не задохся. Его правая рука и его туловище были почти темнолиловаго цвѣта. На нихъ вскочило болѣе двухсотъ волдырей; изъ нѣкоторыхъ выступала кровь. Самое лучшее средство противъ этихъ укусовъ, это — соленая вода. Жилліатъ окунулся въ море и сталъ растирать укушенныя мѣста, и вслѣдствіе этого растиранія опухоль сейчасъ же опала.

Во время купанія онъ незамѣтно приблизился къ углубленію въ утесѣ, возлѣ расщелины, которую онъ замѣтилъ уже раньше и возлѣ котораго онъ былъ схваченъ спрутомъ. Это углубленіе шло въ косомъ направленіи, между стѣнами подводной пещеры, и въ немъ не было воды. Нанесенные сюда прибоемъ волнъ камни и круглыши подняли дно его выше уровня обыкновеннаго прилива. Верхняя часть этого углубленія представляла собою довольно широкій пониженный сводъ, подъ которымъ, согнувшись, могъ бы пройти человѣкъ. Въ него проникалъ изъ подводной пещеры зеленоватый свѣтъ, который слабо освѣщалъ его.

Вытирая водою свое тѣло, Жилліатъ случайно поднялъ глаза. Взглядъ его углубился въ отверстіе пещеры и онъ вздрогнулъ. Ему показалось, будто онъ увидѣлъ въ глубинѣ этого отверстія какое-то смѣющееся ли

Слово «галлюцинація» было незнакомо Жилліату, но самая эта вещь была ему знакома. Таинственныя встрѣчи съ неправдоподобнымъ, которыя для того, чтобы выпутаться изъ дѣла, мы называемъ «галлюцинаціями», встрѣчаются въ природѣ. Иллюзіи ли это, или дѣйствительность, но только видѣнія проносятся передъ нашими глазами. А Жилліатъ, какъ мы уже говорили, былъ духовидецъ. Онъ, подобно пророкамъ, былъ подверженъ галлюцинаціямъ. Нельзя безнаказанно предаваться мечтательности въ уединенныхъ мѣстахъ. Ему вдругъ показалось, будто онъ видитъ передъ собою привидѣніе, въ существованіе которыхъ онъ, какъ человѣкъ темный, вполнѣ вѣрилъ.

Углубленіе, которое онъ видѣлъ передъ собою, было очень похоже на печь для обжиганія извести. Это была невысокая ниша, сводчатый потолокъ которой шелъ, постепенно суживаясь, до оконечности склепа, гдѣ сливались валуны, составлявшіе дно и сводъ потолка, и гдѣ кончался этотъ тупикъ.

Жилліатъ вошелъ въ это углубленіе и, нагнувъ голову, чтобы не стукнуться о камни свода, сталъ направляться къ противоположному концу его. Дѣйствительно, тамъ оказалось нѣчто смѣющееся: то была мертвая голова. Когда онъ подошелъ ближе, оказалось, что это не одна только голова, а цѣлый скелетъ, лежавшій бокомъ въ этой пещерѣ.

При подобныхъ встрѣчахъ у человѣка смѣлаго невольно является желаніе узнать, въ чемъ же, собственно, тутъ дѣло. Жилліатъ оглянулся вокругъ себя и увидѣлъ себя окруженнымъ морскими раками, которые, однако, не шевелились: точно мертвый муравейникъ. Это были, собственно, не раки, а только скорлупа ихъ. Разбросанная въ безпорядкѣ по валунамъ скорлупа эта загромождала пещеру разными причудливыми и уродливыми сочетаніями. Жилліатъ, устремивъ глаза въ разсмотрѣнный имъ издали скелетъ, ступалъ по этой скорлупѣ, самъ того не замѣчая.

Въ концѣ подводнаго грота, до котораго теперь дошелъ Жилліатъ, скорлупа эта лежала особенно густымъ слоемъ. Это была какая-то неподвижная куча лапъ, клешней и челюстей. Клешни были раскрыты и уже больше не закрывались. Бурые остовы не шевелились; нѣкоторые изъ нихъ были перевернуты низомъ кверху и видно было, что они были совершенно пусты внутри. Эта безобразная куча была похожа на груду труповъ на полѣ сраженія.

Подъ этой-то грудой и находился скелетъ. Подъ этимъ ворохомъ щупальцевъ и скорлупъ виденъ былъ черепъ съ своими швами, позвонки, бедренныя и берцовыя кости, длинныя узловатыя кости пальцевъ съ ногтями. Въ этомъ скелетѣ когда-то билось какое-то сердце. Морская плѣсень затянула глазныя впадины. Слизняки оставили слѣды своей слизи въ отверстіяхъ ноздрей. Впрочемъ, въ этомъ уголкѣ пещеры не было ни водорослей, ни морской травы, ни малѣйшей тяги воздуха. Царила полная тишина. Зубы были оскалены. Если въ смѣхѣ есть что-либо безобразное, такъ это придуманная смертью пародія на смѣхъ.

Этотъ чудный подводный дворецъ, убранный и разукрашенный безчисленными, драгоцѣнными камнями моря, въ концѣ-концовъ, выказался вполнѣ и обнаружилъ свою тайну: это было логовище, въ которомъ скрывался спрутъ; и въ то же время это была могила, въ которой лежалъ трупъ человѣка.

Скелетъ и скорлупы морскихъ раковъ, хотя, понятно, и были совершенно неподвижны, но казалось, благодаря отсвѣчиванію воды и ея легкому колебанію, будто эти продукты смерти колышатся. Казалось, будто безобразная груда морскихъ раковъ доканчивала свой пиръ, будто эти скорлупы продолжаютъ глодать этотъ скелетъ. Странное зрѣлище представлялъ видъ этихъ мертвыхъ гадовъ, накинувшихся на эту мертвую добычу, это чудовищное продолженіе смерти.

Жилліатъ случайно набрелъ на кладовую спрута. Ужасное зрѣлище, показывавшее фактически все глубокое безобразіе нѣкоторыхъ законовъ природы. Морскіе раки сожрали человѣка, спрутъ сожралъ морскихъ раковъ.

Возлѣ трупа не было видно никакихъ остатковъ одежды. Очевидно было, что нападеніе морскихъ чудовищъ совершено было на голаго человѣка. Жилліатъ, пристально и внимательно всмотрѣвшись въ то, что открылось его взорамъ, принялся снимать скорлупы раковъ съ остова человѣка. Снятіе мускуловъ съ костей произведено было съ такой чистотой, какъ это могло бы быть сдѣлано только въ анатомическомъ театрѣ. Кости всѣ были цѣлы, но на нихъ не оставалось ни единаго волокна. Если бы Жилліатъ смыслилъ что-нибудь въ анатоміи, онъ могъ бы полюбоваться этой работой. Обнаженная надкостная плева была гладка, бѣла и какъ бы полирована. Если бы кости тамъ и сямъ не были покрыты зеленоватой нитчаткой, то ихъ можно было бы принять по бѣлизнѣ за слоновую кость. Хрящи были какъ бы обстроганы тонкимъ напилкомъ и сохранились всѣ въ цѣлости. Смерть можетъ при случаѣ быть очень искуснымъ ювелиромъ.

Трупъ былъ какъ бы похороненъ подъ скорлупами мертвыхъ морскихъ раковъ. Жилліатъ принялся откапывать его, не переставая задавать самому себѣ вопросъ: кто же этотъ человѣкъ? Вдругъ онъ порывисто наклонился впередъ: онъ замѣтилъ вокругъ позвоночнаго столба какой-то ремень. Это оказался кожаный поясъ, который при жизни этого человѣка былъ, очевидно, застегнутъ пряжкой на животѣ его. Кожа ремня была покрыта плѣсенью, а пряжка—ржавчиной.

Жилліатъ потянулъ этотъ поясъ къ себѣ. Но позвонки удерживали поясъ, и Жилліату пришлось переломить становой хребетъ трупа, чтобы отдѣлить отъ него поясъ, который оказался вполнѣ уцѣлѣвшимъ и къ которому успѣло уже пристать не мало раковинъ. Онъ ощупалъ поясъ и замѣтилъ, что внутри пояса находится какой-то твердый предметъ четырехугольной формы. Пряжка до того заржавѣла, что нечего было и думать о томъ, чтобы разстегнуть ее. Поэтому Жилліатъ разрѣзалъ кожу пояса своимъ ножомъ.

Въ поясѣ оказались зашитыми маленькая желѣзная шкатулочка и нѣсколько золотыхъ монетъ. Жилліатъ сосчиталъ двадцать червонцевъ. Шкатулочка же, очевидно, открывалась при помощи пружины; но пружина эта заржавѣла и не дѣйствовала. Поэтому Жилліату снова пришлось прибѣгнуть къ помощи своего ножа. Просунувъ въ узкую щель возлѣ замка острее ножа и слегка повернувъ послѣдній, онъ открылъ крышку.

Въ шкатулкѣ оказалась одна только бумага. На днѣ ея лежала пачка очень тоненькихъ, сложенныхъ вчетверо, бумажекъ. Онѣ были сыры, но не попорчены, такъ какъ шкатулка была закрыта герметически и вода не могла въ нее проникнуть. Жилліатъ развернулъ ихъ: оказалось, что это были три банковыхъ билета, по тысячѣ фунтовъ стерлинговъ каждый, что составляло въ общей сложности семьдесятъ пять тысячъ франковъ.

Жилліатъ снова сложилъ ихъ, снова уложилъ ихъ въ шкатулку, туда же опустилъ и найденныя имъ въ поясѣ двадцать гиней и заперъ шкатулку, насколько это оказалось возможнымъ. Затѣмъ онъ принялся разсматривать поясъ. Кожа, когда-то лаки-

рованная снаружи, съ внутренней стороны была необдѣлана. На желтоватомъ фонѣ ея жирными чернилами были выведены нѣсколько буквъ. Жилліатъ разобралъ ихъ и прочелъ: *Клюбенъ.*

V.

Въ промежуткѣ между шестью дюймами и шестью футами достаточно мѣста для смерти.

Жилліатъ снова уложилъ шкатулочку въ поясъ, а послѣдній сунулъ въ карманъ своихъ панталонъ. Скелетъ же и убитаго имъ спрута онъ оставилъ морскимъ ракамъ.

Пока Жилліатъ возился со спрутомъ и со скелетомъ, начался приливъ, и вода залила входъ въ пещеру. Такимъ образомъ Жилліату можно было выбраться изъ нея, лишь нырнувъ подъ арку. Но это не составляло для него особаго затрудненія: онъ зналъ, гдѣ выходъ, и онъ былъ мастеръ на всякаго рода гимнастическія упражненія въ водѣ и подъ водой.

Читатель, конечно, уже разгадалъ ту драму, которая разыгралась въ этой подводной пещерѣ за десять недѣль передъ тѣмъ. Одно чудовище схватило другое; Клюбенъ сдѣлался добычей спрута. Здѣсь, въ этомъ темномъ, подводномъ царствѣ, произошло, такъ сказать, столкновеніе лицемѣрій. Здѣсь, въ этой пучинѣ, сцѣпились эти два существованія, составленныя изъ тьмы и выжиданія, и одно изъ нихъ, называвшееся звѣремъ, казнило другое, называвшееся душою человѣческою. Ужасное правосудіе!

Морской ракъ питается мертвечиной, спрутъ питается морскими раками. Онъ останавливаетъ плывущее мимо него морское животное, — выдру, акулу, если можно, человѣка, — высасываетъ его кровь и оставляетъ валяться на днѣ морскомъ его трупъ. Заботу о погребеніи его затѣмъ уже принимаютъ на себя морскіе раки. Ихъ привлекаетъ разлагающееся мясо. Они накидываются на него и пожираютъ трупъ, а затѣмъ спрутъ, въ свою очередь, высасываетъ ихъ самихъ. Трупы исчезаютъ во внутренностяхъ морскихъ раковъ, морскіе раки исчезаютъ во внутренностяхъ спрута. Таковъ, какъ мы уже говорили выше, общій законъ природы.

Итакъ Клюбенъ сдѣлался добычей спрута. Волна занесла его, очевидно, въ эту пещеру, въ которой Жилліатъ нашелъ скелетъ его. Спрутъ схватилъ его и высосалъ его кровь. Морскіе раки затѣмъ сожрали его тѣло, за исключеніемъ костей.

Жилліатъ сталъ возвращаться къ себѣ «домой», разыскивая по дорогѣ морскихъ ежей и другихъ моллюсковъ. Морскихъ раковъ онъ больше не искалъ, такъ какъ, подъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго, ему, казалось бы, будто онъ ѣстъ человѣческое мясо. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы ему по возможности лучше поужинать передъ отъѣздомъ. Теперь уже ничего болѣе не удерживало его. За сильными бурями всегда слѣдуетъ затишье, продолжающееся иногда нѣсколько дней кряду. Значитъ, со стороны моря Жилліату теперь нечего было опасаться. Поэтому Жилліатъ рѣшилъ непремѣнно отплыть на слѣдующій день, рано

утромъ. На ночь, въ виду возможности сильнаго прилива, приходилось еще оставить запруду, устроенную между обоими Дуврскими утесами. Но Жилліатъ разсчитывалъ разобрать ее завтра на разсвѣтѣ, вывести свою лодку изъ района Дуврскаго утеса и поставить парусъ на Сенъ-Сампсонъ. Дулъ легкій юго-восточный, т.-е. самый благопріятный для него вѣтеръ. Было уже начало мая; слѣдовательно, дни были очень долгіе.

Когда Жилліатъ, окончивъ свою прогулку по утесамъ и рифамъ и нѣсколько утоливъ голодъ, возвратился къ проходу между Дуврскими утесами, гдѣ была причалена его лодка, солнце уже зашло и наступили сумерки, еле освѣщаемыя слабымъ свѣтомъ луны въ первой ея четверти. Приливъ уже достигъ наибольшей своей высоты и начиналъ спадать. Торчавшая изъ лодки труба машины, забрызганная во время бури пѣной, покрылась осадками морской соли, бѣлѣвшими при лунномъ освѣщеніи.

Это напомнило Жилліату о томъ, что въ лодку должно было набраться наканунѣ много морской и дождевой воды, и что, если онъ желалъ отплыть на другой день рано утромъ, ему слѣдовало теперь же вычерпать изъ лодки воду. Ранѣе того, прежде чѣмъ отправиться на охоту за морскими раками, онъ удостовѣрился въ томъ, что въ лодкѣ было воды приблизительно на шесть дюймовъ и что его черпака будетъ достаточно для того, чтобы удалить это количество воды изъ лодки. Но теперь, подойдя къ лодкѣ, Жилліатъ ужаснулся: въ ней было воды уже фута на два. Страшная и неожиданная случайность: лодка дала течь. Во время отсутствія Жилліата она мало-по-малу наполнилась водою. При значительномъ грузѣ ея двадцать дюймовъ воды представляли собою весьма опасную прибавку груза. Еще немного больше воды — и лодка легко могла пойти ко дну. Если бы Жилліатъ вернулся хотя бы часомъ позднѣе, онъ, по всей вѣроятности, засталъ бы надъ водою только пароходную трубу и мачту лодки.

Нельзя было терять ни единой минуты на размышленіе. Необходимо было тотчасъ же отыскать течь, заткнуть ее и затѣмъ разгрузить лодку или, по меньшей мѣрѣ, облегчить ее. Насосы Дюранды погибли во время кораблекрушенія; поэтому Жилліату поневолѣ приходилось довольствоваться своимъ черпакомъ. Но прежде сего—найти течь: это было неотложнѣе всего.

Жилліатъ, весь дрожа, тотчасъ принялся за работу, не давъ себѣ даже труда одѣться. Онъ не чувствовалъ болѣе ни голода ни холода. Лодка продолжала наполняться водою. Къ счастью, не было вѣтра; иначе малѣйшее волненіе въ состояніи было бы затопить ее. Луна уже зашла, и Жилліату пришлось въ согнутомъ положеніи, болѣе чѣмъ до половины тѣла погрузившись въ воду, долго искать течь. Наконецъ онъ нашелъ ее.

Во время бури, въ ту критическую минуту, когда лодку бросало изъ стороны въ сторону, она ударилась о грунтъ заднею частью киля и съ не малой силой стукнулась объ утесъ. Одинъ изъ выступовъ Малаго Дувра сдѣлалъ въ ея кузовѣ пробоину. Пробоина эта, къ несчастью, можно было бы почти сказать измѣн-

ническимъ образомъ, оказалась какъ разъ въ точкѣ пересѣченія двухъ дугъ, что помѣшало Жилліату, въ особенности во время продолжавшагося еще нѣкотораго волненія, замѣтить это поврежденіе при бѣгломъ осмотрѣ лодки въ полутьмѣ и во время продолжавшейся еще грозы.

Пробоина эта потому въ особенности способна была внушить опасеніе, что она была очень широка. Но зато, съ другой стороны, было хорошо то, что она, несмотря на сильную нагруженность лодки, находилась въ это время внѣ ватерлиніи. Въ то время, когда образовалась эта трещина, въ проходѣ было сильное волненіе и вода проникла черезъ это отверстіе въ лодку. Вслѣдствіе этого лодка опустилась въ воду на нѣсколько дюймовъ и даже тогда, когда море успокоилось, тяжесть проникшей въ лодку жидкости повысила ватерлинію, такъ что пробоина оказалась подъ водою. Это-то и составляло опасность, такъ какъ воды въ лодкѣ, вмѣсто шести дюймовъ, набралось на цѣлыхъ двадцать дюймовъ. Но если бъ удалось заткнуть пробоину, то можно было бы вылить воду изъ лодки; а разъ течь будетъ остановлена, лодка опять достигла бы своей нормальной посадки въ водѣ, пробоина поднялась бы выше уровня моря и тогда починка лодки сдѣлалась бы если и не особенно легкой, то, по меньшей мѣрѣ, возможной.

Плотничный приборъ Жилліата, какъ уже сказано было выше, находился еще въ довольно сносномъ состояніи. Но какъ еще сомнителенъ былъ успѣхъ! Сколько могло еще случиться превратностей, представиться опасностей! Жилліатъ слышалъ неумолкаемое журчаніе воды, просачивавшейся въ лодку. Одинъ толчокъ—и она могла пойти ко дну. Вотъ такъ бѣдствіе! Быть-можетъ, время для предотвращенія его было уже упущено. Жилліатъ сталъ самъ себя осыпать горькими упреками за то, что не разглядѣлъ пробоины во-время. Шесть дюймовъ воды въ лодкѣ должны были послужить для него предостереженіемъ. Какъ глупо было съ его стороны приписать эти шесть дюймовъ воды дождю или морской пѣнѣ! Онъ упрекалъ себя за то, что онъ позволилъ себѣ спать, позволилъ себѣ ѣсть. Онъ почти упрекалъ себя за то, что позволилъ себѣ чувствовать усталость, за то, что была буря и было темно! Во всемъ онъ былъ виноватъ.

Но, дѣлая самъ себѣ эти упреки, онъ не переставалъ соображать и готовиться къ борьбѣ съ опасностью. Пробоина была найдена, это былъ первый шагъ. Теперь слѣдовало какъ-нибудь заткнуть ее,—вотъ все, что можно было пока сдѣлать. Подъ водою не занимаются столярничаніемъ. Благопріятнымъ для него обстоятельствомъ было то, что пробоина приходилась какъ разъ между двумя цѣпями, которыми прикрѣплена была къ правому борту лодки машинная труба. Можно было обвязать конопатку вокругъ этихъ цѣпей.

Однако вода продолжала прибывать въ лодкѣ, и теперь ея набралось уже больше, чѣмъ на два фута. Жилліата она охватывала выше колѣнъ.

VI.

De profundis adaltum [1]).

Въ числѣ вещей, забранныхъ Жилліатомъ на разбитомъ корабле, былъ довольно большой просмоленный брезентъ, съ четырьмя длинными найтовыми по четыремъ угламъ. Онъ взялъ этотъ брезентъ, привязалъ съ помощью этихъ найтовъ два угла его къ двумъ звеньямъ трубной цѣпи со стороны пробоины и затѣмъ выбросилъ брезентъ за бортъ. Онъ разостлался, точно скатерть, между лодкой и Малымъ Дувромъ и затѣмъ, намокнувъ, погрузился въ воду. Теченіе воды, пробивавшейся въ пробоину, притянуло его къ кузову лодки, ка .ъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была пробоина. Чѣмъ сильнѣе нажимала вода, тѣмъ плотнѣе брезентъ прилегалъ къ отверстію; вода, такъ сказать, сама приклеивала его, какъ пластырь, на пробоину. Итакъ первая перевязка была наложена на рану лодки. Этотъ просмоленный холстъ отдѣлилъ трюмъ лодки отъ внѣшней воды. Къ той, которая уже была въ лодкѣ, не прибавилось болѣе ни единой капли. Правда, течь была только замаскирована, а не законопачена. Но все же это была отсрочка.

Тогда Жилліатъ схватился за черпакъ и принялся выливать изъ лодки воду. Да и пора было облегчить лодку. Эта работа нѣсколько согрѣла, но зато крайне утомила его. Онъ принужденъ былъ сознаться, что онъ не въ силахъ будетъ докончить это дѣло и удалить изъ трюма лодки всю воду. Онъ уже столько времени почти ничего не ѣлъ, и, къ величайшему стыду своему, онъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Онъ измѣрялъ успѣхъ своей работы пониженіемъ уровня воды, въ которой онъ стоялъ и съ прискорбіемъ констатировалъ, что она все еще достигаетъ ему до колѣнъ.

Къ тому же прибыль воды не была совсѣмъ прекращена, а лишь пріостановлена. Бѣда была поправлена не совсѣмъ, а лишь наполовину. Брезентъ, вдавливаемый водою въ отверстіе, начиналъ проникать въ трюмъ; точно кто-то сквозь эту парусину просовывалъ въ пробоину кулакъ, стараясь прорвать брезентъ. Правда, брезентъ, сдѣланный изъ хорошей парусины и къ тому же еще просмоленный, выдерживалъ напоръ воды. Но онъ продолжалъ все болѣе и болѣе разбухать и нельзя было поручиться за то, чтобъ онъ не лопнулъ въ каждую данную минуту, и тогда уже ничѣмъ нельзя было остановить притока воды.

Въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно всякому сколько-нибудь опытному моряку, нѣтъ никакого иного болѣе вѣрнаго средства, чѣмъ придѣлать къ отверстію втулку. Для этого берется всякаго рода тряпье, которое наматывается на деревянный клинъ и съ помощью образованной такимъ образомъ втулки выступавшая внутрь судна опухоль брезента выдвигается назадъ, къ наружной стѣнкѣ его. Но, къ сожалѣнію, у Жилліата не было никакихъ тряпокъ. Все, что у него было по части тряпья и пакли, онъ или

---

[1]) Изъ глубины въ высь.

употребилъ въ дѣло во время прежнихъ своихъ работъ, или же оно было развѣяно и разнесено бурей.

Пожалуй, онъ и могъ бы пособрать кое-что, хорошенько поискавъ среди утесовъ. Лодка была теперь настолько облегчена, что онъ могъ смѣло удалиться отъ нея на какихъ-нибудь пятнадцать минутъ. Но какъ онъ будетъ производить эти поиски впотьмахъ? Было совершенно темно; луна уже зашла, а звѣздное небо проливало слишкомъ слабый свѣтъ. У Жилліата не было даже ни сухихъ нитокъ, для того, чтобы сдѣлать фитиль, ни сала, для того, чтобы сдѣлать свѣчку, ни огнива, для того, чтобы высѣчь огонь, ни фонаря, для того, чтобы предохранить огонь отъ задуванія вѣтромъ. А между тѣмъ, было такъ темно, что ни въ лодкѣ ни вокругъ нея нельзя было ничего разглядѣть. Слышно было журчаніе воды вокругъ проломленнаго кузова лодки, но нельзя было даже разсмотрѣть пробоины, и Жилліатъ только ощупью руки могъ констатировать постепенное надуваніе брезента. Гдѣ же было при такой темнотѣ искать тряпки и паклю, разбросанныя вѣтромъ среди прибоя? Какъ собрать эти лохмотья, когда ни зги не видно? Жилліатъ печально взглянулъ на небо: столько звѣздъ—и ни единой свѣчки!

По мѣрѣ пониженія уровня воды въ лодкѣ, напоръ воды извнѣ усиливался. Брезентъ все болѣе и болѣе надувался, точно нарывъ, готовый прорваться. Положеніе Жилліата, которое одно время казалось было улучшившимся, снова становилось крайне опаснымъ. Безъ втулки никоимъ образомъ нельзя было обойтись. А гдѣ ее было взять? У Жилліата оставалась только кое-какая одежда, которую онъ, какъ, быть-можетъ, помнитъ читатель, разложилъ сушиться на выступахъ Малаго Дувра.

Онъ ощупью отыскалъ и положилъ ее на бортъ лодки. Затѣмъ онъ взялъ свой просмоленный китель и, ставъ на колѣни въ воду, началъ впихивать его въ пробоину, выдвигая наружу всосавшуюся внутрь лодки часть брезента. За кителемъ послѣдовала туда же его овчинка, за овчинкой — его шерстяная фуфайка, за шерстяной фуфайкой — его куртка. Словомъ, на это пошелъ весь его гордеробъ. На немъ оставались одни только панталоны; онъ снялъ и ихъ и съ ихъ помощью перевязалъ и укрѣпилъ конопатку. Втулка была готова, и она показалась Жилліату достаточно прочной. Она выходила изъ пробоины наружу, обернутая въ брезентъ. Вода, стремясь проникнуть въ лодку, нажимала на это препятствіе, такъ сказать, расплющивала его и плотнѣе прижимала къ стѣнкамъ лодки. Это было нѣчто въ родѣ наружнаго компресса. Внутри же лодки, такъ какъ только центръ этой опухоли былъ выдавленъ наружу, оставалось вокругъ пробоины нѣчто въ родѣ круглаго валика, который тѣмъ плотнѣе прилегалъ къ внутренней стѣнкѣ лодки, что самыя неровности пробоины удерживали его. Такимъ образомъ течь была болѣе или менѣе прекращена.

Но эти же самыя неровности излома представляли и опасную сторону. Онѣ, удерживая брезентъ, могли также со временемъ прорвать его, и тогда черезъ эти дыры вода снова стала бы про-

бираться въ лодку. Однако, Жилліатъ впотьмахъ даже и не замѣтилъ этого. Вообще трудно было предположить, чтобъ эта втулка продержалась до разсвѣта. Опасенія Жилліата измѣнили только форму, но онъ самъ чувствовалъ, какъ они усиливались по мѣрѣ того, какъ слабѣли его силы. Онъ снова принялся было вычерпывать изъ лодки воду, но его руки отъ избытка усталости едва въ состояніи были поднимать черпакъ, наполненный водою. Къ тому же онъ былъ совершенно голъ и дрожалъ отъ холода.

Жилліатъ чувствовалъ ужасное приближеніе послѣдняго момента. Вдругъ въ головѣ его блеснула мысль. Не покажется ли вдали парусъ? Какой-нибудь рыбакъ, случайно очутившійся въ окрестностяхъ Дуврскихъ утесовъ, могъ бы доставить ему существенную помощь. Наступилъ моментъ, когда какой-нибудь сотрудникъ былъ крайне необходимъ для Жилліата. Человѣкъ и фонарь — и все было бы спасено. Вдвоемъ нетрудно было бы вычерпать воду изъ лодки; а разъ будетъ остановленъ въ нее притокъ воды, лодка, избавленная отъ этого лишняго груза, не замедлитъ подняться, войдетъ въ свою нормальную ватерлинію, пробоина очутится выше уровня воды и тимберовка лодки окажется возможной. Немедленно можно будетъ замѣнить затычку обшивной доской, а временную перевязку, наложенную на рану—болѣе прочной починкой; а не то приходилось ждать до разсвѣта, т.-е. ждать цѣлую ночь! Ужасное промедленіе, которое могло завершиться окончательной гибелью! Жилліата била лихорадка. Если бы случайно показался вдали какой-нибудь корабельный фонарь, то онъ могъ бы, взобравшись на верхушку Большого Дувра, обратить на себя вниманіе проходившаго судна. Погода стояла тихая, море было спокойно, не было вѣтра и возможно было предположить, что на извѣстномъ разстояніи человѣкъ, размахивающій руками и дѣлающій различныя тѣлодвиженія, на звѣздномъ фонѣ неба будетъ замѣченъ. Не могло быть, чтобы капитанъ корабля и даже хозяинъ барки, проходя ночью не далеко отъ Дуврскихъ утесовъ, не направилъ бы на нихъ своей подзорной трубы. Того требовала простая осторожность.

Итакъ, Жилліатъ питалъ слабую надежду на то, что, быть-можетъ, его замѣтятъ. Онъ взобрался на обломки разбитаго корабля, схватился за узловатую веревку и поднялся на Большой Дувръ. Но на всемъ обширномъ горизонтѣ не видно было ни единаго паруса, ни единаго фонаря. Кругомъ—безконечная водная пустыня. Значитъ, ни малѣйшей помощи, никакого средства сопротивленія!

Тутъ только Жилліатъ почувствовалъ то, чего онъ не ощущалъ до сихъ поръ: онъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ. Онъ почувствовалъ себя теперь во власти темной судьбы. Онъ самъ, съ его лодкой, съ машиной Дюранды, со всѣмъ его трудомъ и успѣхомъ, со всѣмъ его мужествомъ, оказывался во власти пучины. Всѣ его средства борьбы истощились; онъ обреченъ былъ на пассивное положеніе. Могъ ли онъ помѣшать приливу подниматься, волнамъ заливать его лодку, ночи продолжаться? Втулка его,—это была его единственная точка опоры. Жилліатъ раздѣлся почти

донага и истощилъ всѣ свои силы на то, чтобы создать и пополнить ее. Теперь онъ уже не могъ ничѣмъ ни пополнить ни укрѣпить ее; втулка отнынѣ,—достаточна ли она была, или недостаточна,—должна была оставаться въ настоящемъ своемъ положенiи и, по самой силѣ вещей, всѣмъ усилiямъ его былъ положенъ конецъ. Этотъ поспѣшно сооруженный оплотъ противъ воды находился всецѣло въ распоряженiи моря. Выдержитъ ли онъ напоръ? Теперь уже онъ очутился въ роли борца, а не Жиллiатъ. Это—тряпка, а не духъ. Достаточно было одной сколько-нибудь сильной волны, чтобы выбросить вонъ эту пробку. Немного болѣе или немного менѣе сильное давленiе,—вотъ въ чемъ заключался весь вопросъ. Онъ долженъ былъ рѣшиться совершенно механической борьбой между двумя механическими величинами; Жиллiатъ же отнынѣ не въ состоянiи былъ ни помочь союзнику ни остановить врага. Онъ былъ теперь только безучастнымъ зрителемъ своей жизни или своей смерти. Тотъ самый Жиллiатъ, который еще недавно игралъ роль Провидѣнiя, былъ въ эту послѣднюю, рѣшительную минуту замѣненъ безсознательной силой сопротивленiя.

Ни одно изъ испытанiй, ни одна изъ опасностей, пережитыхъ Жиллiатомъ, не могли сравниться съ настоящимъ моментомъ. Прибывъ къ Дуврскимъ утесамъ, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ и какъ бы охваченнымъ водной пустыней; она даже не только охватила, а какъ бы окутала его. Изъ пространства показывались тысячи угрожающихъ кулаковъ. Тутъ былъ и вѣтеръ, готовый задуть; тутъ было и море, готовое заревѣть. Невозможно было зажать ротъ вѣтру; невозможно было вырвать зубы изъ пасти моря. А, тѣмъ не менѣе, онъ вступилъ въ борьбу. Онъ, слабый, одинокiй человѣкъ, не уклонился отъ боя съ океаномъ; онъ сцѣпился съ бурей. Онъ болѣе или менѣе благополучно вышелъ изъ всяческихъ затрудненiй, вынесъ всяческiе страхи, претерпѣлъ всяческiя бѣдствiя. Ему пришлось исполнять сложныя работы безъ орудiй, поднимать тяжелые грузы безъ помощниковъ, разрѣшать сложныя задачи безъ помощи науки, ѣсть и пить безъ припасовъ, спать безъ крова и ложа. На этомъ утесѣ, сдѣлавшемся для него ужасной дыбой, онъ подвергался всяческимъ пыткамъ различными палачами, посланными ему судьбою и природой,—этой доброй матерью, когда ей заблагоразсудится, и злою мачехою,—когда это ей вздумается.

Онъ побѣдилъ одиночество, побѣдилъ голодъ, побѣдилъ жажду, побѣдилъ холодъ, побѣдилъ лихорадку, побѣдилъ сонъ, побѣдилъ трудъ. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути цѣлую коалицiю препятствiй. Послѣ всяческихъ лишенiй—стихiя; послѣ прилива—буря; послѣ бури — спрутъ; послѣ чудовища — призракъ. Эта послѣдняя встрѣча заключала въ себѣ точно какую-то мрачную иронiю. Изъ этой подводной пещеры, откуда Жиллiатъ надѣялся выйти съ торжествомъ, умершiй Клюбенъ взглянулъ на него съ адскимъ смѣхомъ. И этотъ призракъ имѣлъ право смѣяться: Жиллiатъ сознавалъ себя погибшимъ, сознавалъ себя такою же добычей смерти, какою раньше его сдѣлался Клюбенъ.

Но холодъ, голодъ, утомленіе, разборка разбитаго корабля, перегруженіе машины, порывы равноденственной бури, гроза, спрутъ—все это было ничто по сравненію съ этой, образовавшейся въ его лодкѣ течью. Противъ холода существовалъ огонь, и Жилліатъ имъ пользовался. Противъ голода — приставшія къ утесу раковины, противъ жажды — дождь, противъ затруднительности перегруженія машины — находчивость и энергія, противъ бури и грозы — волнорѣзы, противъ спрута — ножъ, и Жилліатъ всѣмъ этимъ пользовался. Но противъ течи ничего нельзя было подѣлать. Стихіи приберегли для него это ужасное прощаніе. Это былъ послѣдній приступъ, послѣдній измѣннический ударъ шпагою, послѣднее нападеніе исподтишка побѣжденнаго на побѣдителя. Обращенная въ бѣгство буря пускала назадъ эту послѣднюю стрѣлу. Она оборачивалась въ послѣдній разъ и наносила этотъ ударъ. Это былъ ударъ кинжаломъ пучины. Съ бурей еще можно бороться, но какъ бороться съ просачиваніемъ?

Если бы затычка подалась, если бы снова открылась сильная течь, то не оставалось бы уже никакихъ средствъ для предотвращенія затопленія лодки. Это было бы равносильно тому, какъ если бы развязалась перевязка артеріи. А разъ лодка пошла бы ко дну съ такимъ тяжелымъ грузомъ, какъ машина, не было бы ни малѣйшаго средства поднять ее оттуда. Эти великодушныя, двухмѣсячныя, титаническія усилія приводили, въ концѣ-концовъ, къ гибели всего. Начать дѣло сызнова было невозможно: у Жилліата для того не оставалось ни средствъ ни силъ. Быть-можетъ, ему предстояло еще до разсвѣта увидѣть, какъ всѣ плоды его тяжкихъ усилій медленно и безвозвратно погрузятся въ пучину

Ужасная вещь—чувствовать подъ ногами своими темную силу. Пучина влекла его къ себѣ. Разъ его лодка затонетъ, ему не оставалось ничего иного, какъ умереть отъ голода и холода, какъ тотъ несчастный, что потерпѣлъ крушеніе близъ утеса «Человѣкъ».

Въ теченіе долгихъ двухъ мѣсяцевъ невидимое въ пространствѣ око могло бы присутствовать при слѣдующемъ зрѣлищѣ: съ одной стороны — волны, безбрежный морской просторъ, вѣтры, молніи, метеоры; съ другой стороны—человѣкъ; съ одной стороны—море, съ другой — душа; съ одной стороны — безконечность, съ другой—атомъ. И какъ долго длилась эта борьба!—Но вдругъ всѣ эти чудеса настойчивости и терпѣнія привели къ нулю! Этотъ неслыханный героизмъ приводилъ къ полному безсилію, этотъ страшный, принятый человѣкомъ бой разрѣшался отчаяніемъ; эта борьба ничтожества противъ громадной силы, эта Иліада съ однимъ дѣйствующимъ лицомъ, оканчивалась столь плачевнымъ образомъ!

Жилліатъ растеряннымъ взоромъ смотрѣлъ въ пространство. На немъ не было даже никакой одежды, — онъ стоялъ нагимъ передъ неизмѣримостью стихій.

Тогда, подавленный всей этой непосильной тяжестью, не понимая болѣе того, чего же отъ него желаетъ судьба, стоя, такъ сказать, на очной ставкѣ съ нею, очутившись въ непроницаемой тьмѣ, среди шума волнъ и буруновъ, предоставленный волнамъ,

пѣнѣ, дождю, — словомъ, всѣмъ разбросаннымъ вокругъ него стихійнымъ силамъ, не видя надъ собою ничего, кромѣ звѣздъ, а подъ собою—ничего, кромѣ разверстой могилы, чувствуя какую-то преднамѣренную враждебность къ себѣ, имѣя подъ собою и вокругъ себя одинъ только океанъ, а надъ собою—одни только созвѣздія, окруженный неизмѣримостью, — Жилліатъ почувствовалъ припадокъ слабости, готовъ былъ отказаться отъ борьбы, растянулся во всю длину навзничь на скалу, повернувшись лицомъ къ звѣздамъ, и, сознавая себя побѣжденнымъ, сложилъ руки какъ бы для молитвы и воскликнулъ, обращаясь къ чему-то невидимому и невѣдомому: «Пощади! Пощади!» Чувствуя себя побѣжденнымъ неизмѣримостью, онъ сталъ умолять ее.

Онъ былъ здѣсь одинъ, посреди этой тьмы, посреди этого моря, на этой скалѣ, изнемогая отъ усталости, походя на человѣка, пораженнаго громомъ, нагой, какъ гладіаторъ въ циркѣ, съ тою только разницею, что циркъ замѣняла для него бездна, дикихъ звѣрей — мракъ, взоры толпы — взоры безконечности, весталокъ—звѣзды, а римскаго кесаря—Богъ.

Ему показалось, будто тѣло его какъ-то растворяется въ холодѣ, усталости, безсиліи, въ тьмѣ и въ молитвѣ—и глаза его смежились.

VII.

И безконечность можетъ слышать.

Прошло нѣсколько часовъ. На чистомъ, безоблачномъ небѣ взошло яркое солнце, и первый его лучъ освѣтилъ на площадкѣ Большого Дувра неподвижную массу,—то былъ Жилліатъ.

Онъ лежалъ на утесѣ, вытянувшись во всю длину. Это голое, холодное и какъ бы окоченѣлое тѣло не шевелилось. Вѣки его были опущены, все лицо покрыто мертвенною блѣдностью, такъ что трудно было сказать, живое ли это тѣло, или же трупъ.

Солнце какъ будто всматривалось въ него. Если этотъ нагой человѣкъ и не умеръ еще, то, во всякомъ случаѣ, онъ былъ такъ близокъ къ смерти, что достаточно было малѣйшаго дуновенія холоднаго вѣтра для того, чтобы доконать его. Вѣтеръ, дѣйствительно, задулъ, но только теплый и живительный; то было весеннее вѣяніе мая. Солнце стало подниматься все выше и выше по глубокой небесной лазури; лучи его, становясь менѣе горизонтальными, окрашивались въ алый цвѣтъ и начинали уже жечь. Наконецъ они залили всего Жилліата; но Жилліатъ не шевелился. Если онъ и дышалъ, то тѣмъ слабымъ, еле замѣтнымъ дыханіемъ, отъ котораго не подернулось бы даже зеркало.

Солнце продолжало подниматься, испуская все болѣе и болѣе прямые лучи. Вѣтеръ, сначала бывшій только теплымъ, теперь сдѣлался жаркимъ. А это, лежавшее на скалѣ, неподвижное и голое тѣло попрежнему оставалось неподвижнымъ. Только лицо его казалось теперь уже менѣе блѣднымъ.

Наконецъ солнце, приближаясь къ зениту, стало бросать на площадку Дувра отвѣсные лучи. Свѣтъ такъ и полился потокомъ

съ небесной выси; къ этому свѣту присоединилось еще громадное отсвѣчиваніе залитаго солнечными лучами моря. Скала начинала накаляться и согрѣвать распростертаго на ней человѣка.

Изъ груди Жилліата вырвался вздохъ—значитъ, онъ былъ живъ.

Солнце продолжало изливать на него свои почти жгучія ласки.

Вѣтеръ, южный, вполнѣ лѣтній вѣтеръ, точно приблизилъ уста свои къ Жилліату и сталъ дуть на него. Жилліатъ пошевельнулся.

На морѣ было полнѣйшее затишье. Оно только слегка мурлыкало, точно кормилица, убаюкивающая ребенка; легкая рябь морская какъ бы убаюкивала утесъ.

Морскія птицы, успѣвшія уже за истекшіе два мѣсяца познакомиться съ Жилліатомъ и привыкнуть къ нему, летали надъ нимъ съ признаками живѣйшаго безпокойства. Но это уже не было прежнее, тревожное ихъ безпокойство, а безпокойство нѣжное, какъ бы братское. Онѣ испускали легкіе крики, какъ бы будя и зовя его. Одна чайка, повидимому, особенно его любившая, подлетѣла къ самому его лицу и какъ будто что-то говорила ему. Но, убѣдившись въ томъ, что онъ ея не слышитъ, она сѣла на плечо его и стала потихоньку клевать ему губы.

Жилліатъ раскрылъ глаза. Птицы, довольные своимъ успѣхомъ и все же не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ своей природной пугливости, вспорхнули и улетѣли.

Жилліатъ поднялся на ноги, потянулся, точно только что проснувшійся левъ, подбѣжалъ къ краю площадки и взглянулъ внизъ, въ проходъ между обоими утесами. Лодка стояла на прежнемъ мѣстѣ, цѣла и невредима. Затычка была цѣла, такъ какъ спокойное море, по всей вѣроятности, не особенно сильно тормошило ее.

Все было спасено. Жилліатъ не чувствовалъ больше усталости. Силы его возстановились. Этотъ глубокій сонъ, похожій на обморокъ, замѣтно освѣжилъ его.

Онъ вычерпалъ изъ лодки воду, вслѣдствіе чего она поднялась нѣсколько выше, такъ что пробитое въ ней отверстіе оказалось надъ уровнемъ моря. Онъ снова одѣлся, поѣлъ, выпилъ воды и почувствовалъ себя въ самомъ радужномъ расположеніи духа.

Однако течь, когда онъ разсмотрѣлъ ее при дневномъ свѣтѣ, оказалась болѣе значительной, чѣмъ онъ предполагалъ, и требовалось не малыхъ хлопотъ и трудовъ для задѣлки ея. На эту работу Жилліату пришлось употребить цѣлый день.

На другой день, на разсвѣтѣ, снявъ запруду и открывъ выходъ изъ прохода, Жилліатъ, одѣтый въ свои лохмотья, спасшіе лодку отъ затопленія, опоясанный поясомъ Клюбена, въ которомъ хранились семьдесятъ пять тысячъ франковъ, стоя на починенной имъ лодкѣ, рядомъ съ спасенной имъ машиной, при вполнѣ попутномъ вѣтрѣ и гладкомъ, какъ зеркало, морѣ, отвалилъ отъ Дуврскихъ утесовъ и поплылъ по направленію къ Гернсею.

Если бы кто-нибудь могъ присутствовать при его отплытіи, то онъ услышалъ бы, какъ Жилліатъ затянулъ вполголоса арію «Бонни-Дунди».

КОНЕЦЪ 2 ЧАСТИ.

Часть третья.—ДЕРЮШЕТТА.

Книга первая,—НОЧЬ И ЛУНА.

I.

Портовой колоколъ.

Въ настоящее время Сенъ-Сампсонъ—почти городъ; но сорокъ лѣтъ тому назадъ это была почти деревня. Съ наступленіемъ весны и съ окончаніемъ зимнихъ посидѣлокъ, всѣ жители его имѣли обыкновеніе ложиться спать съ наступленіемъ темноты. Сенъ-Сампсонъ похожъ былъ на старика, имѣющаго привычку рано задувать свою свѣчку. Жители его ложились и вставали вмѣстѣ съ солнцемъ. Въ этомъ отношеніи старыя нормандскія селенія отчасти похожи на курятники. Къ тому же нужно замѣтить, что населеніе Сенъ-Сампсона, за исключеніемъ нѣсколькихъ богатыхъ мѣщанскихъ семействъ, состоитъ почти исключительно изъ каменоломовъ и плотниковъ. Портъ его предназначенъ преимущественно для починки судовъ. Цѣлый день тутъ только и дѣлаютъ, что ломаютъ камни или обдѣлываютъ бревна. Здѣсь—кирка, тамъ—топоръ; постоянная возня съ гранитомъ и съ дубовыми стволами По вечерамъ всѣ чувствуютъ себя изнеможенными отъ усталости и засыпаютъ, какъ убитые. Тяжелая работа неизбѣжно влечетъ за собою тяжелый сонъ.

Однажды вечеромъ, въ началѣ мая, Летьерри, поглядѣвъ нѣкоторое время на сквозившій сквозь древесную листву рогъ молодой луны и прислушавшись къ шагамъ Дерюшетты, которая въ одиночествѣ, пользуясь ночной прохладой, прогуливалась по саду, вернулся въ свою комнату, выходившую окнами на гавань, и легъ въ постель. Обѣ служанки тоже уже спали, такъ что, за исключеніемъ Дерюшетты, спалъ весь домъ. Спало все и въ Сенъ-Сампсонѣ; всѣ двери и ставни были закрыты. На улицахъ не видать было ни души. Тамъ и сямъ, въ окнахъ мансардъ мерцали огоньки: то, очевидно, укладывалась спать прислуга. Девять часовъ уже пробило на старой, романской колокольнѣ, обросшей плющемъ и замѣчательной, между прочимъ, тѣмъ, что годъ постройки ея, какъ и годъ постройки Сенъ-Бреладской церкви, на островѣ Джерсеѣ, обозначается четырьмя единицами: *1111.*

Популярность, которою пользовался въ Сенъ-Сампсонѣ Летьерри, зависѣла, главнымъ образомъ, отъ его успѣха. Отымите успѣхъ—и образуется пустота. Повидимому, иные считаютъ неудачу своего рода заразой, а людей, постигнутыхъ несчастіемъ,—зачумленными, до того быстро совершается ихъ отчужденіе отъ остального общества. Они сразу же попадаютъ въ карантинъ.

Сыновья богатыхъ родителей стали избѣгать Дерюшетты. Летьерри и Дерюшетта жили теперь въ такомъ отчужденіи отъ всего остального міра, что до ихъ слуха даже не дошла великая мѣстная новость, взволновавшая въ этотъ день весь Сенъ-Сампсонъ. Оказалось, что достопочтенный пасторъ Джоэ Эбенезеръ Кодрэ вдругъ разбогатѣлъ: его дядя, богатый деканъ Сентъ-Асафа, только что умеръ въ Лондонѣ. Извѣстіе это было привезено почтовымъ шлюпомъ «Кашмиромъ», который прибылъ изъ Англіи въ Гернсей въ это самое утро и высокая мачта котораго виднѣлась на Сенъ-Пьеръ-Порскомъ рейдѣ. «Кашмиръ» долженъ былъ отплыть обратно въ Соутэмптонъ на слѣдующій же день, въ двѣнадцать часовъ, и, какъ говорили, на немъ же уѣдетъ достопочтенный пасторъ, для того, чтобы присутствовать въ Англіи при вскрытіи завѣщанія, не считая уже другихъ хлопотъ, сопряженныхъ съ принятіемъ значительнаго наслѣдства. Весь день въ Сенъ-Сампсонѣ только и было разговора, что на эту тему, «Кашмиръ», достопочтенный Эбенезеръ, его скончавшійся дядя, его богатство, его отъѣздъ, возможныя почести, ожидающія его въ будущемъ,—вотъ вокругъ чего вертѣлись всѣ эти толки и разговоры. Только въ одномъ домѣ объ этомъ не проронено было ни единаго слова, такъ какъ въ немъ ничего про все это не знали, —а именно въ домѣ Летьерри.

Летьерри бросился на свою койку, не раздѣваясь. Со времени несчастія, приключившагося съ Дюрандой, онъ проводилъ такимъ образомъ большую часть своего времени. Это обычное времяпровожденіе всѣхъ узниковъ,—а Летьерри былъ узникъ своего горя. Онъ ложился,—это все же была передышка, маленькая перемѣна направленія мыслей, небольшой отдыхъ. Спалъ ли онъ? Нѣтъ. Бодрствовалъ ли онъ? Тоже нѣтъ. Собственно говоря, въ послѣдніе два съ половиною мѣсяца,—прошло уже два съ половиною мѣсяца со времени катастрофы,—Летьерри точно находился въ состояніи какого-то лунатизма. Онъ никакъ еще не могъ прійти въ себя. Онъ находился какъ бы въ чаду, въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, хорошо извѣстномъ тѣмъ, которымъ доводилось испытывать сильное горе. Размышленія его не были мыслями, сонъ его не былъ отдыхомъ. Днемъ его нельзя было назвать проснувшимся человѣкомъ, ночью его нельзя было назвать спящимъ человѣкомъ. Онъ стоялъ, онъ лежалъ—вотъ и все. Когда онъ лежалъ на своей койкѣ, онъ немного забывался, и это онъ называлъ сномъ. Обрывки мыслей носились надъ нимъ и въ немъ, ночная тьма, полная смутныхъ образовъ, проникала въ его мозгъ. То императоръ Наполеонъ диктовалъ ему свои мемуары. то вдругъ оказывалось нѣсколько Дерюшеттъ, то онъ видѣлъ на деревьяхъ какихъ-то странныхъ птицъ, то улицы города Лонъ-ле-Сонье превращались въ змѣй. Кошмары являлись единственнымъ его роздыхомъ среди нескончаемаго отчаянія. Ночи его были наполнены кошмарами, а дни—размышленіями. Иногда онъ проводилъ по нѣскольку часовъ, стоя неподвижно у окна своего, выходившаго, какъ извѣстно, на море, опершись локтями на подоконникъ, понуривъ голову, прижавъ кулаки къ вискамъ, повернувшись спи-

ною ко всему міру, не спуская глазъ съ стараго желѣзнаго кольца, вдѣланнаго въ стѣну его дома, въ нѣсколькихъ футахъ отъ его окна, и къ которому когда-то привязывался причалъ Дюранды. Онъ внимательно наблюдалъ за тѣмъ, какъ съ каждымъ днемъ кольцо это все больше и больше покрывалось ржавчиной.

Летьерри дошелъ до того, что жилъ совершенно машинальной жизнью. До этого доходятъ люди, обладающіе самымъ сильнымъ характеромъ, разъ у нихъ отняли ихъ завѣтную идею. Это—единственный результатъ существованія, лишеннаго смысла и содержанія. Жизнь, это—путь, идея, это—путеводитель. Нѣтъ путеводителя—поневолѣ приходится останавливаться. Потеряна цѣль—изсякли силы. Рокъ обладаетъ темною и неограниченною властью; онъ имѣетъ способность парализовать даже нашу душу. Отчаяніе, это—апоплексія души. Противъ него могутъ устоять лишь самые сильные умы, да и то еще далеко не всегда. Размышленія Летьерри,—если только поглощеніе одною мыслью можетъ быть названо размышленіями,—носились постоянно точно въ какой-то темной пропасти. У него порою вырывались горькія слова, въ родѣ слѣдующихъ: «Теперь мнѣ ничего больше не остается, какъ попросить тамъ, наверху, о выдачѣ мнѣ выходного билета».

Укажемъ здѣсь кстати на одно изъ противорѣчій такого сложнаго вещества, какъ море, продуктомъ котораго, такъ сказать, былъ Летьерри: онъ не умѣлъ молиться. Сознавать себя безсильнымъ, это—своего рода сила. Въ виду двухъ главныхъ источниковъ нашего безсилія—судьбы и природы—человѣкъ нашелъ въ этомъ безсиліи одну точку опоры—молитву. Испугъ человѣка заставляетъ его искать помощи. Онъ ищетъ поддержки въ своемъ страхѣ; боязнь заставляетъ его становиться на колѣни. Молитва, это—громадная сила, свойственная только душѣ человѣческой,—своего рода таинство. Она взываетъ къ великодушію царства тьмы, она всматривается въ таинственное глазами этой самой тьмы, и, въ виду могучей пристальности этого умоляющаго взгляда, чувствуется возможность смягченія самого рока. А сознаніе этой возможности уже само по себѣ является утѣшеніемъ.

Но Летьерри не умѣлъ молиться. Въ счастливыя для него времена Богъ существовалъ для него, такъ сказать, во плоти. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ, давалъ ему обѣщанія, обращался съ нимъ, такъ сказать, за панибрата. Но въ минуты несчастія для Летьерри—это явленіе, впрочемъ, не особенно рѣдкое—Богъ нѣкоторымъ образомъ стушевывался. Это происходитъ со всѣми людьми, которые не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ своихъ религіозныхъ чувствахъ.

Для Летьерри, въ томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ онъ въ то время находился, существовало одно только опредѣленное видѣніе—улыбка Дерюшетты. За исключеніемъ этой улыбки, все вокругъ него было черно. Но съ нѣкоторыхъ поръ онъ замѣчалъ, что эта прелестная улыбка Дерюшетты сдѣлалась болѣе рѣдкой, и онъ, судя и о дѣвушкѣ по себѣ, объяснялъ это огорченіемъ, причиненнымъ и ей гибелью Дюранды. Она была какъ будто чѣмъ-то

озабочена. Ея ребяческая и, такъ сказать, птичья веселость исчезла. По утрамъ, когда раздавался выстрѣлъ заревой пушки, она уже не обращалась къ восходящему солнцу съ радостнымъ привѣтомъ: «Здравствуй, солнышко. Пожалуйста войди!» По временамъ у нея бывалъ очень серьезный видъ, что особенно грустно видѣть въ такомъ молодомъ существѣ. Она, впрочемъ, старалась иногда дѣлать надъ собою усиліе и улыбалась Летьерри, чтобы хоть немного развлечь его грусть. Но веселость ея со дня на день тускнѣла и покрывалась пылью, какъ крылья бабочки, тѣло которой проткнуто булавкой. Нужно еще замѣтить, что, изъ сочувствія ли къ огорченію своего дяди,—ибо и огорченіе даетъ отраженіе,—или по другимъ причинамъ, но только она теперь сдѣлалась гораздо болѣе религіозною. Мы уже говорили выше, что когда пасторомъ былъ достопочтенный Жакмэнъ Эродъ, она ходила въ церковь не чаще четырехъ разъ въ году. Теперь же она стала посѣщать церковь гораздо усерднѣе. Она не пропускала ни одной обѣдни. Благочестивые прихожане съ удовольствіемъ взирали на эту перемѣну, находя великимъ счастіемъ, что молодая дѣвушка, которой угрожаетъ столько опасностей со стороны мужчинъ, стала, наконецъ, обращаться къ Богу. По крайней мѣрѣ, бѣдные родные могутъ быть спокойны относительно возможности ея любовныхъ похожденій.

По вечерамъ, какъ только то позволяла погода, она прогуливалась часъ или два по саду своего дяди, почти столь же задумчивая, какъ Летьерри, и всегда одинокая. Она ложилась спать всегда послѣднею, что не мѣшало обѣимъ служанкамъ слегка наблюдать за нею, по свойственной прислугѣ страсти къ шпіонству. Безъ шпіонства услуженіе было бы дѣломъ ужъ очень скучнымъ.

Что касается Летьерри, то, при отуманенномъ состояніи его ума, онъ не обращалъ никакого вниманія на эти маленькія измѣненія въ привычкахъ Дерюшетты. Къ тому же онъ не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшихъ наклонностей къ роли дуэньи. Онъ даже не обратилъ вниманія на учащенное посѣщеніе Дерюшеттой церкви. Будучи упоренъ въ своемъ нерасположеніи къ духовенству, онъ, конечно, очень неблагосклонно взглянулъ бы на это зародившееся въ Дерюшеттѣ усердіе къ церкви.

Не то, чтобы въ его собственномъ и моральномъ складѣ не происходилъ процессъ перерожденія. Огорченіе, это—то же облако, которое то и дѣло мѣняетъ форму. Даже сильные характеры, какъ мы говорили выше, порою подвержены бываютъ, подъ тяжкими ударами несчастія, припадкамъ слабости, хотя эта слабость, именно вслѣдствіе силы характера, дѣйствуетъ на подобныхъ людей крайне медленно. Отчаяніе поднимается въ душу человѣческую, такъ сказать, по ступенькамъ. Отъ слабости подобнаго рода люди переходятъ къ унынію, отъ унынія—къ печали, отъ печали—къ меланхоліи. Меланхолія, это—душевныя сумерки; въ такомъ состояніи страданіе сливается съ радостью, какъ свѣтъ съ тьмою. Меланхолія, это—ощущеніе счастія при сознаніи своей печали.

Этихъ элегическихъ тонкостей не существовало для Летьерри. Ни темпераментъ его, ни свойство его несчастія не допускали этихъ оттѣнковъ. Но только въ то время, когда разсказъ нашъ снова возвращается къ его особѣ, первый фазисъ его отчаянія уже съ недѣлю какъ началъ проходить. Печаль его не уменьшалась, но сдѣлалась менѣе апатичной; онъ все еще былъ задумчивъ, но не былъ уже мраченъ. Онъ снова началъ обращать нѣкоторое вниманіе на факты и событія. Онъ опять началъ испытывать отчасти то явленіе, которое можно было бы назвать возвращеніемъ къ дѣйствительности. Такъ, сидя днемъ въ залѣ нижняго этажа, онъ не вслушивался въ слова, которыя долетали до его слуха, но все же слышалъ ихъ. Однажды утромъ Грація съ радостью и торжествомъ прибѣжала сообщить Дерюшеттѣ, что Летьерри снялъ бандероль съ своей газеты.

Это полупримиреніе съ дѣйствительностью является само по себѣ хорошимъ признакомъ. Это—первый шагъ къ выздоровленію. Великія несчастія имѣютъ свойство ошеломлять, а это—начало выхода изъ оцѣпенѣнія. Но въ началѣ это улучшеніе производитъ дѣйствіе ухудшенія. Прежнее сонное состояніе какъ-то притупляло боль, все представлялось какъ бы въ туманѣ, почти ничего не чувствовалось. Но теперь горизонтъ очистился, ничего не скрывается отъ глазъ, все заставляетъ сердце обливаться кровью, все разбереживаетъ рану. Горе находитъ себѣ новую пищу во всѣхъ обнаруживающихся теперь подробностяхъ. Все былое приходитъ на память, а обо всемъ вспоминать значитъ обо всемъ сожалѣть. Въ этомъ возвращеніи къ дѣйствительности чувствуется какая-то горечь. На душѣ становится и легче и тяжелѣе. Вотъ это-то именно и испытывалъ Летьерри. Онъ, такъ сказать, страдалъ болѣе явственно.

Для того, чтобы возвратить Летьерри къ дѣйствительности, потребовалось потрясеніе. Вотъ въ чемъ состояло это потрясеніе.

Однажды, между 15 и 20 апрѣля, у двери дома Летьерри раздался стукъ двернымъ молоткомъ. Оказалось, что стучалъ письмоносецъ, который и передалъ письмо, адресованное на имя Летьерри. На конвертѣ этого письма былъ почтовый штемпель «Лиссабонъ». Служанка отнесла письмо это Летьерри, который заперся въ своей комнатѣ. Онъ принялъ изъ рукъ ея письмо, машинально положилъ его на свой столъ и вскорѣ совсѣмъ забылъ про него. Съ недѣлю письмо это провалялось на столѣ нераспечатаннымъ. Наконецъ однажды утромъ «Кротость» спросила у Летьерри, убирая комнату:

— Сударь, прикажете смахнуть пыль съ вашего письма?

— Ахъ, да, письмо, это вѣрно,—проговорилъ Летьерри, какъ бы пробуждаясь отъ сна. Онъ взялъ въ руки письмо, распечаталъ его и прочелъ слѣдующее:

«Въ открытомъ морѣ, 10 марта.—Г-ну Летьерри, въ Сенъ-Сампсонѣ.—Вы, конечно, съ удовольствіемъ прочтете вѣсточку обо мнѣ. Я плыву на кораблѣ «Тамаулипасъ» и никогда больше не возвра-

щусь на родину. Но въ числѣ нашего экипажа есть матросъ Айе-Тостевенъ, уроженецъ Гернсея, который когда-нибудь вернется на родину и которому будетъ что поразсказать. Пользуясь встрѣчей съ кораблемъ «Фернандо Кортецъ», идущимъ въ Лиссабонъ, для того, чтобы переслать вамъ это письмо.

«Представьте себѣ: я честный человѣкъ, такой же честный, какъ и Клюбенъ. Я предполагаю, что вамъ уже извѣстно то, что случилось; но на всякій случай, быть-можетъ, не лишнимъ будетъ, если я сообщу вамъ о томъ съ своей стороны. Вотъ въ чемъ дѣло:

«Я возвратилъ вамъ ваши деньги. Я когда-то занялъ у васъ, быть-можетъ, не совсѣмъ правильнымъ образомъ, пятьдесятъ тысячъ франковъ. Прежде, чѣмъ покинуть Сенъ-Мало, я вручилъ вашему повѣренному, Клюбену, для передачи вамъ, три банковыхъ билета, по тысячѣ фунтовъ стерлинговъ каждый, что составляетъ семьдесятъ пять тысячъ франковъ. Вы, безъ сомнѣнія, найдете прибавку двадцати пяти тысячъ франковъ въ видѣ процентовъ достаточной. Клюбенъ энергически вступился за ваши интересы и съ особенной охотой взялся за передачу вамъ денегъ. Онъ показался мнѣ что-то ужъ очень усерднымъ, почему я и считаю нужнымъ предупредить васъ о томъ.

«Другой вашъ повѣренный—*Рантэнъ*.

«P. S. У Клюбена былъ въ рукахъ револьверъ, почему я и не могъ получить отъ него квитанціи».

Прикоснитесь къ заряженной Лейденской банкѣ, прикоснитесь къ адской машинѣ, и вы все же не испытаете того, что испытывалъ Летьерри, читая это письмо. Подъ этимъ конвертомъ, на этомъ сложенномъ вчетверо листѣ бумаги, на который онъ вначалѣ не обратилъ даже никакого вниманія, скрывался сильный электрическій зарядъ. Потрясеніе, которое испыталъ Летьерри при чтеніи этого письма, встряхнуло, такъ сказать, его умъ.

Онъ узналъ этотъ почеркъ, онъ узналъ эту подпись; но что касается самаго факта, то онъ въ первую минуту ровно ничего не понялъ. То странное явленіе, что Рантэнъ вручилъ Клюбену для передачи ему семьдесятъ пять тысячъ франковъ, представляя собою положительную загадку, съ другой стороны, представляло собою также полезную сторону потрясенія, заставляя впавшій въ апатію мозгъ Летьерри работать. Дѣлать предположенія, это — во всякомъ случаѣ, здоровая гимнастика для ума: это заставляетъ его разсуждать, прибѣгать къ помощи логики.

Съ нѣкоторыхъ поръ общественное мнѣніе въ Гернсеѣ было занято толками и пересудами по поводу Клюбена, этого честнѣйшаго человѣка, въ теченіе столькихъ лѣтъ пользовавшагося такимъ всеобщимъ уваженіемъ. Ставились различные вопросы, возникали сомнѣнія, держались пари за и противъ Клюбена. Начинали ходить не особенно благопріятные на его счетъ слухи. Личность Клюбена начинала освѣщаться или, вѣрнѣе, она становилась болѣе темною.

Въ Сенъ-Мало возбуждено было судебное слѣдствіе для выясненія того, что сталось съ береговымъ стражникомъ № 619. Но слѣдственная власть направилась по совершенно ложнымъ слѣдамъ, что съ нею, впрочемъ, нерѣдко случается. Она исходила изъ того предположенія, что Зуэла склонилъ стражника къ побѣгу и увезъ его на «Тамаулипасѣ» въ Чили. Эта остроумная гипотеза повела ко множеству ошибокъ. Слѣдовательская близорукость даже не замѣтила Рантэна. Но, бродя ощупью, судебныя власти случайно напали на другіе слѣды. И безъ того темное дѣло это еще болѣе осложнилось. Къ дѣлу припуталось имя Клюбена. Обращено было вниманіе на совпаденіе, быть-можетъ, на связь между отплытіемъ «Тамаулипаса» и гибелью Дюранды. Клюбена узнали въ кабачкѣ близъ Динанскихъ воротъ, между тѣмъ какъ онъ предполагалъ, что его тамъ никто не знаетъ. Кабатчикъ разсказалъ, между прочимъ, что Клюбенъ купилъ у него бутылку коньяку. Возникалъ вопросъ — для кого? Оружейникъ съ улицы Сенъ-Венсанъ, въ свою очередь, разсказалъ, что Клюбенъ купилъ у него револьверъ. Для чего онъ ему понадобился? Содержатель Ивановской харчевни сообщилъ о загадочныхъ отлучкахъ Клюбена. Капитанъ Жертрэ-Габуро показалъ, что Клюбенъ непремѣнно настаивалъ на отъѣздѣ, хотя его и предостерегали, что будетъ сильный туманъ. Экипажъ Дюранды, съ своей стороны, показалъ, что нагрузка парохода совершена была очень небрежно и безъ соблюденія всякихъ предосторжностей, какъ бы нарочно для того, чтобы произвести крушеніе судна. Пассажиръ гернсеецъ показалъ, что Клюбенъ былъ убѣжденъ въ томъ, что пароходъ идетъ не на Дувръ, а прямо на утесъ Гануа. Тортевальскіе обыватели показали, что Клюбенъ приходилъ въ Тортеваль за нѣсколько дней до гибели Дюранды и долго гулялъ около Плэнмона, находящагося по сосѣдству съ утесомъ Гануа; они прибавили еще, что Клюбенъ пришелъ къ Плэнмону съ мѣшкомъ, а ушелъ безъ мѣшка. Мальчишки, разорители гнѣздъ, тоже разсказали кое-что такое, что могло имѣть нѣкоторое отношеніе къ исчезновенію Клюбена, конечно, при томъ условіи, чтобы на мѣсто привидѣній поставить контрабандистовъ. Наконецъ самъ «неблагополучный» Плэнмонскій домъ далъ показанія: нашлись смѣльчаки, которые рѣшились забраться въ него,—и что же они въ немъ нашли? Ни болѣе ни менѣе, какъ дорожный мѣшокъ Клюбена. Мѣшокъ былъ вскрытъ и въ немъ оказались съѣстные припасы, подзорная труба, хронометръ, принадлежности мужского туалета и бѣлье, помѣченное начальными буквами имени и фамиліи Клюбена. Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ не могло не навести обывателей Сенъ-Мало и Гернсея на предположеніе о какой-то плутнѣ. Сближая всѣ эти, правда, не особенно отчетливые, штрихи и штришки, нельзя было не обратить вниманія на странное пренебреженіе благожелательными предостереженіями, на явный рискъ наткнуться на густой туманъ, на подозрительную небрежность при груженіи парохода, на бутылку коньяку, на нетрезвое состояніе рулевого, на принятіе на себя капитаномъ роли рулевого, на поворотъ ру-

ля, по меньшей мѣрѣ, неловкій. Геройскій отказъ покинуть разбитый корабль получалъ оттѣнокъ плутовства. Очевидно было, что Клюбенъ, за туманомъ, ошибся утесомъ. Но разъ допустить плутовскія намѣренія, становился понятнымъ выборъ именно утеса Гануа, такъ какъ оттуда нетрудно было добраться до берега вплавь и переждать въ домикѣ, посѣщаемомъ привидѣніями, удобнаго случая для бѣгства за океанъ. Явное доказательство такого намѣренія — припасенный здѣсь дорожный мѣшокъ съ наиболѣе необходимыми предметами. Какая связь существовала между этими фактами и исчезновеніемъ берегового стражника, — это, правда, оставалось неизвѣстнымъ. Только догадывались, что здѣсь должна существовать какая-то связь—вотъ и все. Стражникъ № 619, несомнѣнно, игралъ какую-то роль въ этой драмѣ; самъ Клюбенъ, быть-можетъ, въ ней и не участвовалъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ находился во время ея за кулисами.

Однако, не всѣ факты могли быть объяснены плутовствомъ. При чемъ, напримѣръ, тутъ былъ револьверъ? Очевидно, что револьверъ имѣлъ отношеніе къ другому дѣлу. Народный нюхъ бываетъ вѣренъ и тонокъ. Общественный инстинктъ иногда замѣчательно вѣрно возстановляетъ истину на основаніи какихъ-то клочковъ и обрывковъ. Но только всѣ эти факты, указывавшіе на вѣроятность мошеннической продѣлки, не лишены были и нѣкоторыхъ неясностей. Все болѣе или менѣе вязалось, совпадало; но этому всему недоставало только одного фундамента.

Вѣдь не разбиваютъ же корабль ради одного только удовольствія разбить его. Вѣдь не станетъ же человѣкъ подвергаться всѣмъ рискамъ тумана, скалъ, переплыванія моря, исканія себѣ убѣжища и бѣгства, не имѣя въ томъ никакого интереса. Какой же интересъ могъ имѣть во всемъ этомъ Клюбенъ? Факты были налицо, но побудительныхъ мотивовъ не было видно.

Все это невольно возбуждало въ нѣкоторыхъ людяхъ сомнѣнія. Тамъ, гдѣ нѣтъ побудительныхъ причинъ, факты утрачиваютъ свое значеніе. Пробѣлъ оказывался весьма существенный. Но теперь письмо Рантэна пополняло этотъ пробѣлъ. Оно объясняло побудительныя причины поступковъ Клюбена; ему просто хотѣлось украсть семьдесятъ пять тысячъ франковъ. Рантэнъ являлся во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ «deus ex machina». Онъ какъ бы спустился съ облаковъ держа въ рукѣ свѣточъ. Письмо это окончательно разсѣяло окружавшую все это дѣло тьму. Оно проливало на него яркій свѣтъ. Оно все объясняло и, въ довершеніе къ тому, оно указывало еще и на свидѣтеля—на Айе Тостевена. Наконецъ оно давало ключъ и къ объясненію того, на что Клюбену понадобился револьверъ. Очевидно было, что Рантэнъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о всемъ этомъ дѣлѣ. Письмо его было настоящее указаніе пальцемъ.

Отнынѣ было ясно, что для преступленія Клюбена не существовало никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Очевидно было, что онъ заранѣе подстроилъ крушеніе, и доказательство тому—заготовленіе въ «неблагополучномъ» домѣ припасовъ. Если, нако-

нецъ, предположить, что онъ дѣйствовалъ безъ злого умысла, что крушеніе было дѣломъ несчастной случайности, то почему же онъ, въ послѣднюю минуту, рѣшившись погибнуть на разбитомъ кораблѣ, не вручилъ кому-нибудь изъ спасающагося экипажа семидесяти пяти тысячъ франковъ, для передачи ихъ Летьерри? Кажется, совершенно очевидно. Но теперь возникалъ вопросъ о томъ, что сталось съ Клюбеномъ? По всей вѣроятности, онъ сдѣлался жертвой своей ошибки и погибъ возлѣ Дуврскихъ утесовъ.

Эта груда соображеній, очень близкихъ, какъ оказывается, къ дѣйствительности, въ теченіе нѣсколькихъ дней давила мозгъ Летьерри. Письмо Рантэна оказало ему ту услугу, что заставило его соображать. Сначала онъ былъ просто какъ бы ошеломленъ, но затѣмъ онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и сталъ соображать. Послѣ того онъ сдѣлалъ надъ собою дальнѣйшее усиліе и сталъ наводить справки. Онъ не только не избѣгалъ, но даже добивался разговоровъ на эту тему. Черезъ недѣлю онъ, до извѣстной степени, снова вернулся къ дѣйствительной жизни. Мысли его снова стали связны, и онъ былъ почти вылѣченъ. Во всякомъ случаѣ, онъ вышелъ изъ своего прежняго, подавленнаго состоянія.

Письмо Рантэна, если допустить, что Летьерри могъ питать какую-нибудь надежду на полученіе когда-нибудь обратно похищенныхъ у него Рантэномъ денегъ, должно было окончательно лишить его этой надежды. Послѣ крушенія Дюранды, это—новое крушеніе его семидесяти пяти тысячъ франковъ. Судьба какъ бы нарочно только поманила его этими деньгами, какъ будто, для того, чтобы заставить его сильнѣе почувствовать потерю ихъ. Письмо это показало ему всю бездну его разоренія.

Все это не могло не причинить ему новой, очень острой боли, на которую мы только что указывали. Онъ началъ, послѣ двухмѣсячнаго промежутка, заниматься своимъ домомъ, заботиться о томъ, что станется съ послѣднимъ, какой въ немъ необходимо произвести ремонтъ. Всѣ эти мелочи начали терзать его едва ли не хуже, чѣмъ недавно испытанное имъ сильное горе. Испытывать несчастіе въ мелочахъ, оспаривать у совершившагося факта шагъ за шагомъ ту почву, которую онъ отнялъ у васъ изъ-подъ ногъ, — ничего не можетъ быть хуже. Глыба несчастія все же сноснѣе, чѣмъ пыль его. Цѣлое давило его, но мелочи терзали. До сихъ поръ катастрофа оглушала его, точно громовой ударъ, теперь она начинала колоть его булавками. Это — подавленность, къ которой прибавилось еще приниженіе. Это вторичное уничтоженіе, присоединяющееся къ первому, скорѣе тягостно, чѣмъ ужасно: точно человѣкъ еще на одну ступень опустился въ ничтожество. Мѣсто савана заняли лохмотья. Чувствовать, какъ все болѣе и болѣе принижаешься,—нельзя себѣ представить ничего болѣе тягостнаго.

Иные полагаютъ, что разориться,—очень простое и легкое дѣло. На васъ обрушился сильный ударъ, судьба обошлась съ вами жестоко, катастрофа случилась разъ навсегда. Ну что жъ? Прими-

ряешься съ этимъ, что ли? Считаешь ли все конченнымъ? Человѣкъ разорился—ладно, значитъ, онъ умеръ? Нисколько. Онъ продолжаетъ жить; онъ это самъ замѣчаетъ, начиная съ слѣдующаго же дня. Почему онъ это замѣчаетъ? По булавочнымъ уколамъ. Такой-то прохожій не поклонился вамъ, лавочники спѣшатъ посылать вамъ свои счеты, а вонъ скалитъ зубы одинъ изъ вашихъ недоброжелателей. Быть-можетъ, онъ смѣется вовсе не надъ вами, а надъ каламбуромъ своего пріятеля; но все равно, каламбуръ этотъ кажется ему такимъ смѣшнымъ только потому, что вы разорены. Даже въ самыхъ равнодушныхъ взорахъ вы прочитываете про свое измельчаніе. Люди, обѣдавшіе у васъ, находятъ, что три блюда за вашимъ столомъ были въ вашемъ положеніи совершенно излишнею роскошью. Ваши недостатки начинаютъ всѣмъ бросаться въ глаза. Люди неблагородные, зная, что отъ васъ нечего больше ожидать, начинаютъ обращаться съ вами свысока. Дураки громогласно объявляютъ, что они предвидѣли постигшее васъ несчастіе; люди злые рвутъ васъ на клочки, лицемѣры сожалѣютъ о васъ. А затѣмъ еще цѣлый рядъ мелочей! Слезы смѣняются тошнотой. До сихъ поръ вы пили вино; теперь вы будете пить фруктовую воду. Двѣ служанки! Къ чему? И одной за глаза довольно; одну придется отпустить, а на другую навалить побольше работы. Къ чему столько цвѣтовъ въ саду? Не лучше ли посадить на мѣсто ихъ картофель? До сихъ поръ вы раздавали произведенія вашего сада пріятелямъ; теперь вы будете продавать ихъ на рынкѣ. Что касается бѣдныхъ, то о нихъ нечего и думать; развѣ теперь вы сами не обратились въ бѣдняка? Но вотъ еще важный вопросъ—наряды! Отнять у женщины какую-нибудь ленточку, — какое это для нея мученіе! Какъ отказать въ нарядахъ тому, кто даритъ васъ своей красотой? Разыгрывать по отношенію къ ней роль скупца! И вдругъ она обратится къ вамъ съ упрекомъ: «Какъ! Вамъ мало того, что вы вырвали всѣ цвѣты изъ моего сада; теперь вы желаете еще сорвать ихъ съ моей шляпки!» Неужели осудить ее на то, чтобы она носила вылинявшія платья? За вашимъ семейнымъ столомъ царитъ молчаніе. Вамъ кажется, будто всѣ окружающіе васъ за что-то въ претензіи на васъ. Дорогія вамъ лица имѣютъ озабоченный видъ. Вы точно растете книзу. Каждый день приходится снова умирать. Упасть, это—еще ничего; вы попадаете прямо въ раскаленную печь. Но умаляться,—это значитъ жариться на медленномъ огнѣ. Паденіе, это — Ватерлоо; постепенное пониженіе, это св. Елена. Судьба, воплотившись въ Веллингтонѣ, сохраняетъ еще нѣкоторое достоинство. Но когда она воплощается въ Гудсонѣ Лоу, она дѣлается просто омерзительной, превращается въ жалкаго труса. Герою Кампо-Форміо приходится выносить разныя непріятности изъ-за пары шелковыхъ чулокъ. Это желаніе принизить Наполеона принижаетъ въ сущности одну только Англію.

Черезъ эти два фазиса, Ватерлоо и св. Елену, сведенныхъ, конечно, къ болѣе мелкимъ, буржуазнымъ размѣрамъ, приходится проходить всякому разоренному человѣку.

Итакъ, какъ мы говорили, въ одинъ прекрасный майскій вечеръ Летьерри, оставивъ Дерюшетту гулять по саду при лунномъ свѣтѣ, легъ на свою койку, въ болѣе печальномъ настроеніи, чѣмъ когда-либо. Всѣ эти скучныя и надоѣдливыя мелочи, всѣ эти неизбѣжныя послѣдствія утраты имъ своего скромнаго состоянія, всѣ эти второстепенныя и третьестепенныя заботы, кажущіяся вначалѣ нелѣпыми, а впослѣдствіи дѣлающіяся мрачными, такъ и копошились въ его мозгу. Куча непріятностей росла и росла. Летьерри чувствовалъ неизбѣжность своего паденія. Что съ нимъ станется? Что ему дѣлать? Какихъ жертвъ ему придется потребовать отъ Дерюшетты? Кого уволить—Грацію или Кротость? Не продать ли ему свой домъ? Не лучше было бы для него совсѣмъ уѣхать изъ Гернсея? Дѣйствительно, не можетъ быть ничего болѣе тяжелаго, какъ сдѣлаться ничѣмъ тамъ, гдѣ еще недавно былъ всѣмъ.

И сознавать, что все кончено! Вспоминать объ этихъ рейсахъ, соединявшихъ Архипелагъ съ материкомъ Франціи. Объ этихъ вторничныхъ отплытіяхъ и пятничныхъ прибытіяхъ, объ этой толпѣ, дожидавшейся на набережной приближавшагося парохода, объ этихъ значительныхъ грузахъ, объ этомъ бойкомъ ходѣ дѣлъ, объ этомъ благополучіи, объ этомъ смѣломъ установленіи прямого сообщенія, объ этой машинѣ, послушной волѣ человѣка, объ этомъ могучемъ паровикѣ, объ этомъ дымѣ, объ этой дѣйствительности! Пароходъ, это—дополненіе къ компасу. Компасъ указываетъ прямой путь, пароходъ слѣдуетъ ему; одинъ предполагаетъ, другой исполняетъ. Гдѣ она теперь, его Дюранда, эта гордая и смѣлая Дюранда, эта властительница моря, эта королева, дѣлавшая его королемъ? Играть на своей родинѣ роль человѣка мысли, человѣка успѣха, человѣка, способнаго произвести переворотъ—и отказаться, отречься отъ всего этого! Перестать быть тѣмъ, чѣмъ былъ, вызывать улыбку сожалѣнія! Превратиться въ мѣшокъ, въ которомъ когда-то было что-то, но въ которомъ теперь уже ничего нѣтъ! Сдѣлаться прошедшимъ, когда еще недавно былъ будущимъ! Добиться чего же?—высокомѣрнаго сожалѣнія глупцовъ! Быть свидѣтелемъ торжества рутины, упрямства, избитой колеи, эгоизма невѣжества! Быть свидѣтелемъ того, какъ опять станутъ шнырять по морю эти безобразныя, старыя, средневѣковыя суда, носимыя волнами туда и сюда! Быть свидѣтелемъ оживленія старья! Сознавать, что вся жизнь потрачена даромъ! Сознавать, что когда-то свѣтилъ, а теперь затмился! И какъ красиво возвышалась надъ волнами эта гордая пароходная труба, этотъ могучій цилиндръ, этотъ круглый столбъ съ капителью изъ дыма, эта колонна, величественнѣе Вандомской, ибо на послѣдней стоитъ только человѣкъ, а на первой стоитъ прогрессъ, при чемъ съ другой стороны, основаніемъ для нея служитъ океанъ. Это была увѣренность въ открытомъ морѣ. И все это существовало на этомъ островкѣ, въ этой маленькой гавани, въ незначительномъ мѣстечкѣ Сенъ-Сампсонѣ! Да, все это существовало, все это было на глазахъ у всѣхъ, а теперь ничего этого уже не существуетъ!

Всѣ эти печальныя мысли были настоящей пыткой для Летьерри. И въ мысляхъ можетъ слышаться рыданіе. Никогда, быть-можетъ, онъ не вспоминалъ съ большею горечью о своей потерѣ, какъ именно теперь, по прочтеніи письма Рантэна. Извѣстное оцѣпенѣніе слѣдуетъ за этими острыми припадками. Подъ тяжестью этихъ мрачныхъ мыслей онъ задремалъ.

Онъ пролежалъ около двухъ часовъ съ закрытыми глазами, немного спалъ, много думалъ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Во время такого полузабытья мозгъ продолжаетъ работать впотьмахъ, но эта его работа какъ-то крайне утомительна. Около полуночи,—немного раньше или немного позже, онъ самъ того хорошенько не зналъ, — онъ вышелъ изъ этого забытья, очнулся, открылъ глаза и, взглянувъ въ окно, которое приходилось какъ разъ противъ его койки, увидѣлъ нѣчто необычайное. Противъ самаго его окна возвышалось что-то странное, необычайное—пароходная труба!

Летьерри вскочилъ съ такою порывистостью, что вся койка его закачалась. Онъ взглянулъ въ окно: нѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, это какое-то видѣніе! Передъ взоромъ его разстилалась залитая луннымъ свѣтомъ гавань и на освѣщенной ея поверхности, возлѣ самаго дома, выдѣлялся прямой, круглый, черный. великолѣпный силуэтъ. Силуэтъ этотъ былъ—пароходная труба!

Летьерри соскочилъ съ койки, подбѣжалъ къ окну, поднялъ раму, высунулся изъ окошка. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія: онъ видѣлъ передъ собою, на прежнемъ ея мѣстѣ, трубу Дюранды. Она была прикрѣплена четырьмя своими цѣпями къ бортамъ какой-то лодки, въ которой подъ этой трубой можно было различить какую-то массу, имѣвшую весьма сложное очертаніе. Летьерри, увѣренный въ томъ, что это кошмаръ, отошелъ отъ окна, повернулся къ нему спиною и опустился на свою койку. Немного погодя, онъ снова повернулся къ окну и опять увидѣлъ то же видѣніе.

Нѣсколько мгновеній спустя онъ былъ уже на набережной, съ фонаремъ въ рукѣ. Къ тому самому желѣзному кольцу, къ которому обыкновенно причаливалась Дюранда, была причалена какая-то лодка, на кормѣ которой былъ погруженъ какой-то тяжелый предметъ, изъ котораго выдѣлялась труба. Носъ лодки упирался въ самую набережную. Но въ лодкѣ не было никого. Форма ея была до того характерна, что всякій гернсейскій обыватель, ни минуты не колеблясь, тотчасъ же призналъ бы въ ней лодку Жилліата.

Летьерри спрыгнулъ въ лодку и подбѣжалъ къ виднѣвшейся въ ней черной массѣ: то была машина Дюранды. Она стояла здѣсь цѣла, невредима, на своей чугунной подставкѣ. Паровикъ сохранилъ всѣ свои перегородки; колесный валъ былъ прикрѣпленъ возлѣ паровика; насосъ былъ на своемъ мѣстѣ,—словомъ, все было въ совершенномъ порядкѣ.

Летьерри сталъ разсматривать машину при помощи луннаго свѣта и свѣта фонаря. Онъ подвергъ самому тщательному осмотру всѣ части механизма. Онъ заглянулъ въ паровикъ, освидѣтель-

ствовалъ колесный валъ, спустился въ помѣщеніе для кочегара, но тамъ никого не оказалось. Онъ снова вернулся къ машинѣ, сталъ ощупывать ее, просунулъ голову въ топку, всталъ на колѣни, чтобы лучше осмотрѣть ее. Въ тѣхъ же видахъ онъ всунулъ туда свой фонарь. Свѣтъ фонаря озарилъ всю внутренность топки, такъ что казалось, будто въ ней, дѣйствительно, разведенъ огонь.

Затѣмъ онъ разразился громкимъ хохотомъ, и, выпрямившись, не спуская глазъ съ машины, протянувъ руки къ трубѣ, онъ закричалъ благимъ матомъ: «Караулъ!» Вспомнивъ, что портовой колоколъ находится тутъ же, на набережной, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, онъ подбѣжалъ къ нему, ухватился за цѣпь, прикрѣпленную къ языку колокола, и сталъ звонить изо всей силы.

II.

Еще портовой колоколъ.

Дѣйствительно, Жилліатъ послѣ переѣзда, правда нѣсколько медленнаго, благодаря тяжести груза, но вообще вполнѣ благополучнаго, прибылъ съ своей лодкой въ Сенъ-Сампсонъ уже поздно вечеромъ, въ исходѣ десятаго часа. Но благодаря приливу и лунному свѣту онъ безъ всякихъ затрудненій вошелъ въ гавань. Вся гавань спала. Нѣсколько судовъ стояли въ ней на якорѣ, бокъ-о-бокъ, съ укрѣпленными вантами, но не зажегши фонарей. Въ глубинѣ гавани виднѣлось нѣсколько судовъ, наполовину вытащенныхъ изъ воды для починки и килеванія. Они лежали на боку, безъ мачтъ, съ широкими, еще не законопаченными щелями между досками и балками, очень напоминая собою мертвыхъ жуковъ, лежащихъ на спинѣ лапами кверху.

Жилліатъ, войдя въ гавань, тщательно оглядѣлъ какъ ее, такъ и набережную. Нигдѣ не было видно огня, ни въ домѣ Летьерри, ни въ другихъ домахъ. Не видно было также ни одного прохожаго; только около дома пастора промелькнула какая-то тѣнь. Но нельзя было хорошенько разглядѣть, вошла ли она въ домъ, или же вышла изъ него. Неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли то былъ человѣкъ, такъ какъ ночь имѣетъ обыкновеніе затушевывать всѣ свои рисунки, а лунное освѣщеніе—придавать предметамъ неопредѣленныя очертанія. Къ тому же и разстояніе было слишкомъ значительно. Въ то время пасторскій домъ находился по ту сторону гавани, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ крытый элингъ.

Жилліатъ, среди глубочайшаго, окружавшаго его, молчанія, подплылъ къ самому дому Летьерри и привязалъ свою лодку подъ самымъ окномъ, къ тому самому кольцу, къ которому въ прежнія времена причаливали Дюранду. Затѣмъ онъ выскочилъ на берегъ и, обогнувъ домъ, вошелъ въ одинъ переулокъ, затѣмъ въ другой, не замѣтивъ даже тропинки, которая вела къ его домику и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ очутился въ знакомомъ ему углубленіи стѣны, въ которомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ цвѣла дикая мальва и въ которомъ теперь росли только плющъ, хмель и крапива.

Отсюда-то, сидя на камнѣ, скрытый вѣтвями, онъ не разъ въ лѣтніе вечера, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, по нѣскольку часовъ къ ряду, смотрѣлъ черезъ заборъ садика Летьерри, до того низкій, что черезъ него не трудно было перелѣзть,—на растущія въ этомъ садикѣ деревья, а сквозь ихъ вѣтви—на два окна одной изъ комнатъ дома. Онъ снова увидѣлъ и свой камень и спускавшійся надъ нимъ терновникъ, и тотъ же низкій заборъ, и тотъ же темный уголъ его, и, подобно звѣрю, возвращающемуся въ свое логовище, скорѣе крадучись, чѣмъ идя прямо, онъ забился въ углубленіе стѣны. Разъ усѣвшись, онъ уже больше не шевелился, а только смотрѣлъ. Онъ снова видѣлъ передъ собою садъ, аллеи, группы деревьевъ, клумбы цвѣтовъ, домъ, оба окошка завѣтной комнаты. И все это было залито луннымъ свѣтомъ. Ему досадно было, что человѣку приходится дышать и онъ всячески старался сдерживать свое дыханіе.

Ему казалось, будто онъ видитъ передъ собою какой-то призрачный рай, и онъ боялся, какъ бы все это не улетѣло. Онъ едва могъ вѣрить тому, что дѣйствительно видитъ все это передъ своими глазами. А если оно и дѣйствительно было тутъ, на его глазахъ, то, несомнѣнно, все это должно было тотчасъ же исчезнуть, какъ всякое божественное явленіе. Одно дуновеніе— и все разсѣется. Жилліата пробирала невольная дрожь при одной этой мысли.

Совершенно близко отъ него, прямо противъ него, въ садикѣ, на концѣ аллеи, стояла скамейка, окрашенная въ зеленый цвѣтъ. Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ эту скамейку. Жилліатъ смотрѣлъ на оба окна. Безъ сомнѣнія, кто-то спитъ за этими окнами. Ему даже вдругъ захотѣлось не быть тамъ, гдѣ онъ теперь находился; но тутъ же онъ подумалъ, что лучше умереть, чѣмъ уйти отсюда. Онъ подумалъ о дыханіи, вздымающемъ эту грудь. Она, этотъ свѣтлый образъ, это лучезарное видѣніе, постоянно носившееся въ его воображеніи,—она была тамъ. Онъ подумалъ о томъ, какъ она близка къ нему и въ то же время какъ недоступна. Онъ могъ приблизиться къ ней только въ воображеніи, къ этой спящей красавицѣ, вокругъ которой носятся сладкія сновидѣнія. Онъ думалъ объ этомъ желанномъ, но далекомъ неуловимомъ созданіи, лежащемъ тамъ съ закрытыми глазами, съ приложенной къ горячему лбу рукою. Онъ старался разгадать тайну сновидѣній этого чистаго существа, сновидѣній, возможныхъ только для ангела. Онъ не смѣлъ итти дальше въ своихъ мысляхъ, а между тѣмъ, шелъ дальше. Противъ его воли помыслы его утрачивали часть своей почтительности, его смущало то количество женскихъ формъ, которое можетъ быть присуще ангелу. Ночные часы придаютъ смѣлости даже стыдливымъ людямъ. Онъ самъ себя упрекалъ за то, что мысли его заносятся такъ далеко, онъ боялся осквернить этимъ предметъ своихъ размышленій—и въ то же время онъ невольно, какъ будто повинуясь какой-то невидимой силѣ и подталкиваемый ею, весь дрожа, вглядывался въ невидимое. Его пробирала дрожь, ему почти что становилось больно при мысли о

лежавшей на стулѣ юбкѣ, о сброшенной на полъ кофтѣ, о разстегнутомъ поясѣ, о шейномъ платочкѣ. Онъ далѣе представлялъ себѣ корсетъ, валявшіеся на полу шнурки его, чулки подвязки. У него такъ и рябило въ глазахъ.

Бываютъ такія ощущенія, которыя одинаково доступны и сердцу такого бѣдняка, какимъ былъ Жилліатъ, и сердцу милліонера. Человѣкъ, достигшій извѣстной степени страсти, подверженъ глубокому ослѣпленію,—тѣмъ болѣе глубокому, чѣмъ суровѣе и первобытнѣе его природа. Дикость даже способствуетъ мечтательности. Восторгъ, это—состояніе души, переполненной черезъ край.

Для Жилліата было почти что слишкомъ много видѣть эти окна. И вдругъ онъ увидѣлъ ее самое.

Изъ-за вѣтвей кустарника, покрытаго уже довольно густой листвою, вдругъ показалась, съ какою-то не то прозрачною, не то небесною медленностью, какая-то фигура, платье, божественное лицо,—словомъ, какое-то лучезарное видѣніе.

Жилліатъ почувствовалъ, какъ его покидаютъ силы. То была Дерюшетта. Она шла по направленію къ нему и вдругъ остановилась. Затѣмъ она пошла было назадъ, но снова остановилась и, вернувшись, сѣла на скамейку. Луна свѣтила сквозь листву деревьевъ, нѣсколько свѣтлыхъ тучекъ носились между мигающими звѣздами, море какъ будто о чемъ-то разговаривало вполголоса съ тьмою, городъ спалъ, съ горизонта спускалась точно легкая дымка, все было тихо и спокойно. Дерюшетта наклонила голову и задумчиво смотрѣла себѣ подъ ноги. Она обращена была къ Жилліату въ профиль. На головѣ ея былъ надѣтъ небольшой чепчикъ, изъ-подъ котораго на затылкѣ виднѣлись вьющіеся волосы. Она машинально наматывала на палецъ распущенныя ленты чепчика. Руки ея, при лунномъ освѣщеніи, походили на руки статуи, свѣтлое платье ея при лунномъ свѣтѣ казалось совсѣмъ бѣлымъ, деревья надъ нею шевелились, какъ бы колеблемыя отдѣлявшимся отъ всей ея особы очарованіемъ, изъ-подъ платья выглядывали носки ея ногъ, опущенныя рѣсницы ея какъ-то судорожно сжимались, будто желая вдавить обратно прорывающуюся наружу слезу или же слишкомъ назойливую мысль, руки ея свѣшивались плетьми, не находя на что опереться и во всей ея позѣ было что-то воздушное, такъ сказать, летучее. Это былъ скорѣе отблескъ, чѣмъ свѣтъ, скорѣе грація, чѣмъ богиня. Подолъ ея юбки образовалъ красивыя складки; ея миловидное личико носило на себѣ отпечатокъ дѣвственной задумчивости. Она находилась въ такой близости отъ Жилліата, что ему просто становилось страшно. Жилліату слышно было ея дыханіе.

Въ чащѣ сада пѣлъ соловей. Его пѣніе и тихій шелестъ вѣтвей древесныхъ одни только нарушали глубокую, царившую вокругъ тишину ночи. Красивая и чистая Дерюшетта являлась въ этомъ сумракѣ, какъ бы сотканной изъ лучей и изъ благоуханій. Вся эта нескончаемая, разбросанная всюду прелесть, какъ-то таинственно сосредоточивалась и сгущалась въ ней, и она какъ бы являлась воплощеніемъ этой прелести. Она казалась душою, пышнымъ цвѣтомъ этой тьмы.

Глядя на нее, Жилліатъ былъ самъ не свой. Нельзя описать словами то, что происходило въ это время въ его душѣ. Ощущенія всегда новы и разнообразны, а слова уже довольно-таки истасканы. Поэтому-то и не представляется возможнымъ въ точности передать словами душевныя волненія. И восторгъ можетъ дѣйствовать подавляющимъ образомъ. Видѣть Дерюшетту, самое Дерюшетту, видѣть ея платье, ея чепчикъ, ея ленту, которую она наматываетъ на свой палецъ,—развѣ можно себѣ представить что-либо болѣе восхитительное? Быть такъ близко отъ нея,—да развѣ это возможно? Слышать ея дыханіе,—значитъ она дышитъ. Но въ такомъ случаѣ и звѣзды дышатъ! По тѣлу Жилліата пробѣгала дрожь. Онъ былъ въ это время самымъ жалкимъ и самымъ опьяненнымъ изъ людей. Онъ положительно не зналъ, что ему дѣлать. Видъ Дерюшетты уничтожалъ его. Какъ! Неужели, вонъ тамъ, это—она, а здѣсь, это—онъ?! Его мысли, спутанныя и ослѣпленныя, не могли оторваться отъ этого ярко-блиставшаго драгоцѣннаго камня. Онъ глядѣлъ на этотъ затылокъ и на эти волосы. Ему даже и на умъ не приходила мысль, что теперь уже все это принадлежитъ ему, что скоро, быть-можетъ, завтра, онъ будетъ имѣть право развязать эти ленты, снять съ головы ея этотъ чепчикъ. Нѣтъ, онъ счелъ бы непростительной съ своей стороны смѣлостью, если бъ онъ позволилъ своимъ мыслямъ заноситься такъ далеко. Прикасаться мысленно, это—почти то же, что прикасаться рукою. Любовь была для Жилліата тѣмъ же, чѣмъ медъ для медвѣдя,—сладкой мечтою. Мысли его путались. Онъ самъ не понималъ хорошенько, что съ нимъ дѣлалось. Соловей пѣлъ. Ему казалось, будто онъ умираетъ.

Но ему и въ голову не приходило встать, перескочить черезъ заборъ, приблизиться къ Дерюшеттѣ, сказать ей: «это я», вступить съ нею въ бесѣду. Напротивъ, если бъ она вздумала приблизиться къ нему, онъ обратился бы въ бѣгство. Если что-либо, похожее на мысль, складывалось въ его мозгу, то развѣ то, что вотъ это — Дерюшетта, что она здѣсь, что больше ему ничего не нужно, и что для него начинается вѣчность.

Вдругъ какой-то шорохъ вывелъ ихъ обоихъ—ее изъ ея задумчивости, его—изъ его восторженнаго состоянія. Кто-то ходилъ по саду, но кто именно—этого нельзя было разглядѣть изъ-за деревьевъ. Но во всякомъ случаѣ то были мужскіе шаги. Дерюшетта вскинула глазами. Шаги приблизились, затѣмъ замолкли. Очевидно, что человѣкъ, которому принадлежали эти шаги, остановился. Онъ, очевидно, долженъ былъ находиться гдѣ-то очень близко. Тропинка, на которой стояла скамейка, терялась между двумя рядами кустовъ. Вотъ за этими-то кустами, очевидно, и стоялъ тотъ человѣкъ, которому принадлежали эти шаги. Онъ былъ здѣсь, возлѣ самой скамейки. Вѣтви кустовъ были расположены такъ, что Дерюшеттѣ былъ виденъ этотъ человѣкъ, но Жилліату его не было видно. Зато ему видна была тѣнь, которая падала при лунномъ свѣтѣ, изъ-за кустовъ, на дорожку сада.

Жилліатъ взглянулъ на Дерюшетту. Она была очень блѣдна. Изъ ея полуоткрытаго рта готовъ былъ вырваться крикъ ужаса. Она наполовину привстала со скамейки и снова опустилась на нее. Во всей ея фигурѣ сказывалась какая-то смѣсь желанія бѣжать и желанія остаться на мѣстѣ. Ея испугъ походилъ на какое-то очарованіе, смѣшанное съ ужасомъ. На губахъ ея почти что играла улыбка, между тѣмъ, какъ на глазахъ ея выступили слезы. Чье-то невидимое присутствіе какъ будто преобразило ее. Если судить по выраженію ея лица, то она видѣла передъ собою неземное существо. Казалось, будто въ ея зрачкѣ отражался какой-то ангельскій ликъ.

Наконецъ существо, казавшееся Жилліату только тѣнью, заговорило. Изъ чащи кустовъ раздался голосъ, хотя, очевидно, и мужской, но болѣе мягкій и сладкій, чѣмъ женскій голосъ. До слуха Жилліата долетѣли слѣдующія слова:

— Сударыня, я вижу васъ каждое воскресенье и каждый четвергъ. Мнѣ говорили, что въ прежнія времена вы не ходили въ церковь такъ часто. Извините меня, но такъ мнѣ передавали. Я никогда не заговаривалъ съ вами: того требовалъ мой долгъ. Теперь я говорю съ вами,—этого также требуетъ мой долгъ. Я долженъ прежде всего обратиться къ вамъ. «Кашмиръ» отплываетъ въ Англію завтра утромъ,—поэтому-то я и пришелъ къ вамъ сегодня вечеромъ, зная, что вы имѣете обыкновеніе гулять каждый вечеръ въ вашемъ саду. Съ моей стороны было бы нехорошо узнавать ваши привычки, если бы я не имѣлъ честныхъ относительно васъ намѣреній. Сударыня, вы теперь обѣднѣли, а я съ сегодняшняго утра разбогатѣлъ. Желаете ли вы выйти за меня замужъ?

Дерюшетта сложила руки, какъ бы для мольбы и взглянула пристальнымъ взоромъ на того, кто обращался къ ней съ этими словами, дрожала всѣмъ тѣломъ и не говорила ни слова. Голосъ продолжалъ:

— Я люблю васъ. Богъ не для того создалъ сердце человѣческое, чтобъ оно молчало. Онъ Самъ далъ созданному имъ человѣку подругу жизни. Для меня существуетъ одна только женщина, это—вы. Я думаю о васъ столько же, сколько о моихъ молитвахъ. Если что меня окрыляетъ, такъ это мысль о васъ. Вы—моя жизнь. Мало того, вы—мое небо.

— Сударь,—проговорила Дерюшетта,—я не понимаю, что вы желаете сказать.

— Я убаюкиваю себя сладкимъ сномъ,—продолжалъ голосъ.— Богъ не запрещаетъ сновъ. Вы для меня—лучезарное сіяніе. Я люблю васъ страстно. Вы олицетворенная, святая добродѣтель. Я знаю, что я выбралъ не особенно удобное время для объясненій, но мнѣ невозможно было выбрать другое время. Помните ли вы то мѣсто изъ священнаго писанія, которое намъ прочитали? Первая книга Бытія, глава двадцать пятая. Я съ тѣхъ поръ постоянно о немъ вспоминалъ. Я часто его перечитывалъ. Достопочтенный пасторъ Эродъ говаривалъ мнѣ не разъ: «Вамъ нужна

богатая жена». А я ему отвѣчалъ: «Нѣтъ, мнѣ нужна жена бѣдная». Сударыня, я обращаюсь къ вамъ со словами, оставаясь вдали отъ васъ. Я готовъ даже еще отойти назадъ, если вы не желаете, чтобы тѣнь моя прикасалась до вашихъ ногъ. Повелительница—вы. Вы снизойдете до меня, если вы того пожелаете. Я люблю—я жду. Вы воплощеное благословеніе.

— Я не думала, сударь,—вполголоса проговорила Дерюшетта,—чтобы присутствіе мое въ церкви по воскресеньямъ и по четвергамъ было замѣчено.

— Противъ ангеловъ,—продолжалъ голосъ,—ничего не подѣлаешь. Любовь—вотъ вѣчный законъ. Бракъ, это—Ханаанъ. Вы—обѣтованная красота. Преклоняюсь передъ вами, совершеннѣйшая изъ женщинъ.

— Мнѣ казалось, — отвѣтила Дерюшетта, -- что я дѣлала только то, что дѣлаютъ и другія лица, усердно посѣщающія церковь.

— Богъ,—продолжалъ голосъ,—вложилъ Свои намѣренія въ цвѣты, въ зарю, въ весну. Онъ желаетъ любви. Вы прекрасны въ этой священной тьмѣ ночи. Этотъ садъ воздѣланъ вами, и въ разносящихся здѣсь благоуханіяхъ чувствуется ваше дыханіе. Встрѣча душъ не зависитъ отъ нихъ самихъ. Въ этомъ мы нисколько неповинны. Вы присутствовали—не болѣе. Я былъ тамъ—и только. Но я тотчасъ же почувствовалъ, что люблю васъ. Порою я поднималъ на васъ глаза. Мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, но это было выше моихъ силъ. И, глядя на васъ, я понялъ, что со мною случилось нѣчто особенное. Человѣку судьбы своей не миновать. Есть какая-то таинственная воля, которая сильнѣе нашей воли. Самый возвышенный храмъ, это—сердце. Имѣть въ моемъ домѣ вашу душу,—вотъ тотъ земной рай, о которомъ я мечтаю. Согласны ли вы на то? Пока я былъ бѣденъ, я ничего не говорилъ. Мнѣ извѣстенъ вашъ возрастъ; вамъ двадцать одинъ годъ, мнѣ—двадцать шесть. Завтра я уѣзжаю. Если вы мнѣ откажете, я больше не возвращусь. Хотите быть моей суженой? Мои глаза уже не разъ, совершенно независимо отъ моей воли, обращались къ вамъ съ этимъ вопросомъ. Я люблю васъ, отвѣчайте мнѣ. Я поговорю съ вашимъ дядей, какъ только онъ въ состояніи будетъ принять меня. Но прежде всего я обращаюсь къ вамъ. Руки и сердца Ревекки нужно просить у самой Ревекки. Если вы меня не любите...

— Ахъ, я его боготворю!—прошептала Дерюшетта, опустивъ голову. Но она сказала это такъ тихо, что одинъ только Жилліатъ услышалъ эти слова. Затѣмъ она осталась сидѣть съ опущенной книзу головой, какъ будто надѣясь на то, что разлитая по лицу ея тѣнь набросить тѣнь и на ея мысли.

Водворилось молчаніе. Въ воздухѣ было такъ тихо, что даже листья деревьевъ не шелестили. Наступилъ одинъ изъ тѣхъ величавыхъ и мирныхъ моментовъ, въ которые природа какъ будто засыпаетъ вмѣстѣ съ людьми и въ которые ночная тьма какъ будто прислушивается къ біенію сердца природы. И среди этого

безмолвія лишь раздавался, точно звуки оркестра, играющаго подъ сурдиной, глухой и неумолкаемый шумъ моря.

— Такъ какъ же, сударыня?—раздался тотъ же голосъ.

Дерюшетта вздрогнула.

— Я жду,—продолжалъ голосъ.

— Чего вы ждете?

— Вашего отвѣта.

— Отвѣтъ мой услышалъ Господь Богъ,—тихо проговорила Дерюшетта.

Тогда голосъ сдѣлался болѣе звонкимъ, но въ то же время и болѣе мягкимъ, чѣмъ когда-либо, и изъ чащи кустовъ раздались слѣдующія слова:

— Ты—моя невѣста. Встань и приди ко мнѣ. Пусть глубокая синева, усѣянная звѣздами, будетъ свидѣтельницей воспринятія моей души твоею и пусть первый нашъ поцѣлуй сольется съ небосклономъ.

Дерюшетта встала со скамьи и осталась на одно мгновеніе неподвижной, вперивъ, безъ сомнѣнія, свой взоръ въ другой взоръ. Затѣмъ, медленными шагами, высоко поднявъ голову, свѣсивъ руки и разставивъ пальцы, какъ будто она ступала по колеблющейся подъ ея ногами доскѣ, она направилась къ чащѣ кустовъ и скрылась за нею. Спустя одно мгновеніе, на пескѣ дорожки, вмѣсто одной тѣни, появились уже двѣ. Онѣ сливались вмѣстѣ, и Жилліатъ видѣлъ у самыхъ ногъ своихъ эти двѣ обнявшіяся тѣни.

Время бѣжитъ безпрерывной струею, какъ песокъ въ песочныхъ часахъ, но мы не замѣчаемъ этого бѣга, въ особенности въ извѣстныя, особенно важныя минуты нашей жизни. Съ одной стороны, эти два обнявшіяся существа, не видѣвшія свидѣтеля ихъ объятій и не подозрѣвавшія даже существованія его, а съ другой стороны, этотъ свидѣтель, тоже не видѣвшій ихъ, но отлично знавшій объ ихъ существованіи,—сколько времени они оставались въ такомъ положеніи? Это невозможно было бы опредѣлить.

Вдругъ вдали раздался шумъ, послышался голосъ, кричавшій «караулъ!»—и по воздуху пронеслись звуки портового колокола. Но, по всей вѣроятности, двое счастливцевъ, въ опьянѣніи своего блаженства, даже вовсе и не слышали этого шума.

Колоколъ продолжалъ звонить. Тотъ, кто вздумалъ бы искать теперь Жилліата въ углубленіи стѣны, уже не нашелъ бы его тамъ.

Книга вторая.—БЛАГОДАРНОСТЬ ВЪ ФОРМѢ ДЕСПОТИЗМА.

I.

Радость, смѣшанная съ боязнью.

Летьерри порывисто раскачивалъ колоколъ. Вдругъ онъ остановился: изъ-за угла набережной показался какой-то человѣкъ. То былъ Жилліатъ.

Летьерри подбѣжалъ къ нему или, вѣрнѣе, кинулся на него, схватилъ его руку въ свои кулаки и нѣкоторое время молча смотрѣлъ ему въ глаза. Это было то молчаніе, когда переполняющія душу ощущенія не находятъ себя исхода. Затѣмъ онъ сталъ трясти его руку, потащилъ его за собою, почти втолкнулъ его въ залу нижняго этажа своего дома, широко распахнувъ входныя двери ударомъ своего носка, сѣлъ или, вѣрнѣе, упалъ на стулъ возлѣ стола, освѣщеннаго луною, лучи которой скользили по лицу Жилліата, и воскликнулъ голосомъ, въ которомъ слышались одновременно и взрывы хохота и рыданія:

— А-а, сынъ мой! А-а, дудочникъ! Жилліатъ! Я зналъ отлично, что это сдѣлалъ ты. Вѣдь лодка-то твоя. Ну, разсказывай же! Такъ ты, значитъ, побывалъ тамъ? Сто лѣтъ тому назадъ тебя сожгли бы за это живьемъ: вѣдь это чародѣйство! Все цѣло, до послѣдняго винтика. Я уже успѣлъ тщательно разглядѣть ее, ощупать, пустить въ ходъ механизмъ. Я догадываюсь, что лопасти колесъ убраны въ оба ящика. Ну, такъ вотъ ты, наконецъ, и вернулся. Я искалъ тебя въ лодкѣ. Я нарочно зазвонилъ въ колоколъ, надѣясь этимъ способомъ скорѣе найти тебя. Я говорилъ самъ себѣ: да гдѣ же онъ? Я его просто задушу моими объятіями! Нужно сознаться, что странныя дѣлаются дѣла. И это животное возвращается отъ Дуврскихъ утесовъ! Онъ возвращаетъ мнѣ жизнь! Ты просто ангелъ, чортъ тебя побери! Да, да, да, это—моя машина! Никто тому не повѣритъ. Всякій увидѣвъ ее, скажетъ: «Не можетъ быть!» И все въ ней цѣло,—каково!—положительно все, до послѣдняго винтика, до послѣдней трубочки. Труба для отвода воды не сдвинулась съ мѣста. Просто трудно повѣрить, чтобы не было не малѣйшей поломки. Только немножко смазать маслицемъ, и машина готова! Но какимъ образомъ тебѣ удалось это сдѣлать? И подумаешь, что Дюранда снова начнетъ ходить по морю! Валъ колесъ разобранъ такъ аккуратно, какъ то могъ бы сдѣлать только ювелиръ. Дай мнѣ честное слово въ томъ, что я не сошелъ съ ума. Поклянись мнѣ въ этомъ!—воскликнулъ Летьерри, вскакивая со стула и выпрямляясь. Я нарочно щиплю себя, для того, чтобъ убѣдиться въ томъ, что я не вижу всего этого во снѣ. Ты—дитя мое, ты—мой сынъ, ты—самъ милосердый Господь! О, сынъ мой! И что

онъ выдумалъ! Отправился разыскивать мою машину въ открытомъ морѣ, въ этой западнѣ утесовъ! Много мнѣ приходилось видѣть на вѣку своемъ невѣроятныхъ вещей, но ничего подобнаго я не видѣлъ! Я видѣлъ парижанъ,—ужъ они ли не молодцы!—но я клянусь тебѣ, что они ничего подобнаго не сдѣлали бы. Это будетъ потруднѣе, чѣмъ взятіе Бастиліи. Я видѣлъ южно-американскихъ колонистовъ, пашущихъ землю въ пампасахъ съ помощью заостреннаго колѣнчатаго сука, вмѣсто сохи и съ помощью связки терновника, вмѣсто бороны,—и съ такими земледѣльческими орудіями они собираютъ зерна пшеницы величиною въ орѣхъ. Но все это пустяки по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлалъ ты. Ты совершилъ чудо, настоящее чудо. Ахъ ты, плутъ ты этакій! Приди же, обними меня! Островъ будетъ обязанъ своимъ благополучіемъ не кому иному, какъ тебѣ. Вотъ-то поднимется воркотня въ Сенъ-Сампсонѣ! Я тотчасъ же примусь за изготовленіе новаго корпуса судна. Удивительно, шатунъ ничуть не поломанъ! Слышите ли, господа, онъ отправился къ Дуврскимъ утесамъ, и притомъ совершенно одинъ. Препротивные камешки! Ты знаешь, ты слышалъ?—теперь уже вполнѣ доказано, что все это было подстроено нарочно, что Клюбенъ нарочно разбилъ Дюранду, чтобы стибрить деньги, которыя онъ долженъ былъ передать мнѣ. Онъ для того нарочно напоилъ Тангруйля. Да, впрочемъ, это длинная исторія, я тебѣ когда-нибудь разскажу подробнѣе объ этомъ мошенничествѣ. А я, старый дуракъ, вѣрилъ этому Клюбену! Ну и поплатился же онъ за то, негодяй. Не подлежитъ сомнѣнію, что ему не удалось оттуда выбраться. Есть Божья кара и для плутовъ! Вотъ видишь ли, Жилліатъ, сейчасъ щипцы въ огонь, стукъ, стукъ, и мы построимъ новую Дюранду. Мы увеличимъ длину ея на двадцать футовъ, теперь строятъ болѣе длинныя суда. Я закуплю лѣсу въ Данцигѣ и въ Бременѣ. Теперь, когда у меня снова есть машина, мнѣ откроютъ кредитъ. Довѣріе ко мнѣ возвратится.

Здѣсь Летьерри остановился, поднялъ глаза къ потолку, какъ бы видя сквозь него небо, и проговорилъ сквозь зубы: «Да, тамъ есть... Кто-то». Затѣмъ онъ приставилъ указательный палецъ правой руки къ переносицѣ, какъ бы желая тѣмъ помочь работѣ свой мысли, и продолжалъ:

— Да, однакоже, для того, чтобы снова поставить дѣло на широкую ногу, нѣкоторое количество наличныхъ денегъ было бы дѣломъ далеко не лишнимъ. Ахъ, если бы теперь у меня были мои семьдесятъ пять тысячъ франковъ, которые этотъ разбойникъ Рантэнъ возвратилъ мнѣ, а этотъ разбойникъ Клюбенъ снова укралъ у меня!

Жилліатъ, не говоря ни слова, порылся въ своемъ карманѣ и, что-то вынувъ изъ него, положилъ это что-то передъ собою на столъ: то былъ захваченный имъ съ собою кожаный поясъ. Затѣмъ онъ развернулъ его, при чемъ на внутренней сторонѣ пояса, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, можно было прочесть слово *Клюбенъ*, вынулъ изъ него жестяную коробку, а изъ жестяной коробки—три бумажки, которыя онъ затѣмъ развернулъ и передалъ Летьерри.

Тотъ сталъ разсматривать эти бумажки. Было настолько свѣтло, что можно было отлично разобрать цифру 1000 и слово *тысяча*. Летьерри положилъ билеты эти рядкомъ на столъ, взглянулъ на нихъ, взглянулъ на Жилліата, нѣсколько мгновеній сидѣлъ точно растерянный, и затѣмъ въ душѣ и въ умѣ его точно послѣдовалъ взрывъ.

— Какъ, и это еще!—воскликнулъ онъ.—Да ты настоящій чародѣй! Мои банковые билеты! Всѣ три! По тысячѣ фунтовъ! Мои семьдесятъ пять тысячъ! Да ты въ адъ, что ли, за ними спускался? Вѣдь это поясъ Клюбена! Да, да, вонъ на внутренней сторонѣ его поганое имя! Жилліатъ возвратилъ мнѣ машину да вдобавокъ еще деньги. Да объ этомъ нужно расписать въ газетахъ! Теперь я куплю дерева самаго перваго сорта. Я догадываюсь: Клюбенъ, вѣроятно, сгнилъ въ какой-нибудь ямѣ и ты нашелъ трупъ его. Мы купимъ сосновое дерево въ Данцигѣ, а дубовое—въ Бременѣ. Изъ перваго мы сдѣлаемъ наружную обшивку, а изъ второго — внутреннюю. Въ прежнія времена не умѣли такъ хорошо строить суда, а между тѣмъ, они служили дольше; происходило это оттого, что тогда строили не такъ много и выбирали лѣсъ лучшаго качества. А то недурно было бы сдѣлать кузовъ и изъ ильмы. Постоянные переходы отъ сухого состоянія къ сырости заставляютъ дерево очень скоро гнить. Но ильма хорошо впитываетъ въ себя воду, и потому всегда бываетъ сыра. Какую славную Дюранду мы съ тобою выстроимъ! Тогда уже шабашъ!—никто не посмѣетъ задирать передо мною носъ. Я не буду больше нуждаться въ кредитѣ; у меня у самого есть деньги. Каковъ Жилліатъ! Я лежалъ на землѣ, придавленный, мертвый, и вдругъ онъ меня снова поднимаетъ на ноги. А я-то все это время даже вовсе и не думалъ о немъ! Онъ у меня совсѣмъ изъ головы вонъ. Только теперь я о немъ вспомнилъ. Бѣдный малый! Ахъ, да, кстати, ты знаешь, что теперь ты женишься на Дерюшеттѣ?

Жилліатъ прислонился къ стѣнѣ, какъ бы боясь упасть, и проговорилъ очень тихимъ, но въ то же время очень внятнымъ голосомъ:

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!—воскликнулъ Летьерри, вскакивая съ мѣста, точно ужаленный.

— Очень просто: я ее не люблю,—отвѣтилъ Жилліатъ.

Летьерри подошелъ къ окну, распахнулъ его и затѣмъ снова захлопнулъ, возвратился къ столу, взялъ въ руки три банковыхъ билета, аккуратно сложилъ ихъ, придавилъ ихъ жестянкой, почесалъ себѣ голову, наконецъ, схватилъ поясъ Клюбена, изо всѣхъ силъ швырнулъ имъ въ стѣну и проговорилъ:

— Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ!

Затѣмъ онъ засунулъ обѣ руки въ карманы и спросилъ:

— Такъ ты, значитъ, не любишь Дерюшетты? Значитъ, ты это ради меня игралъ на своей волынкѣ?

Жилліатъ, попрежнему прислонясь къ стѣнѣ, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. По мѣрѣ того, какъ лицо его блѣднѣло, лицо

Летьерри все болѣе и болѣе краснѣло. Наконецъ онъ воскликнулъ:

— Вотъ дуракъ-то! Онъ не любитъ Дерюшетты! Ну, такъ постарайся же полюбить ее, такъ какъ она ни за кого не выйдетъ замужъ, кромѣ тебя. Что ты морочить, что ли, меня вздумалъ? Такъ я тебѣ и повѣрилъ, какъ же! Если ты боленъ — обратись къ доктору; но не говори мнѣ глупостей. Не успѣли же вы послѣ твоего возвращенія уже поссориться и разойтись съ нею! Правда, впрочемъ, и то, что всѣ влюбленные—замѣчательные дураки. Ну, какія же у тебя могутъ быть причины? Если ты ихъ имѣешь, то выкладывай ихъ. Вѣдь даже гусь и тотъ не дѣйствуетъ безъ причинъ! А впрочемъ, у меня уши закрыты ватой, быть-можетъ, я ослышался. Повтори-ка еще разъ, что ты сказалъ.

— Я сказалъ — нѣтъ, — повторилъ Жилліатъ твердымъ голосомъ.

— Ты сказалъ—нѣтъ! И онъ еще это повторяетъ, этакій болванъ! Нѣтъ, у тебя что-нибудь на умѣ; въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Ты сказалъ—нѣтъ! Да вѣдь это глупость, превосходящая всякое вѣроятіе! Людей ставятъ подъ холодный душъ за гораздо менѣе крупныя проявленія безумія. Ты не любишь Дерюшетты,—вотъ какъ! Значитъ, ты все это сдѣлалъ изъ любви къ старику? Ты предпринялъ эту головоломную экспедицію ради папаши? Ради него ты мерзъ на холодѣ, пекся на солнцѣ, голодалъ, терпѣлъ жажду, питался всякою гадостью, прожилъ два мѣсяца подъ дождемъ, подъ вѣтромъ, подъ туманомъ, спалъ на голой скалѣ и совершилъ такую бездѣлицу, что привезъ мнѣ обратно мою машину, какъ красивой дамочкѣ приносятъ обратно ея выпорхнувшую канарейку! А буря, которая свирѣпствовала три дня тому назадъ! Ты думаешь, что я этого не могу взять въ толкъ! Порядкомъ-таки тебѣ досталось. И это ты, ухаживая за мною, пилилъ, рубилъ, буравилъ, плотничалъ, изобрѣталъ, тащилъ, волокъ,—словомъ, совершилъ единолично больше чудесъ, чѣмъ всѣ святые рая, взятые вмѣстѣ! Однако ты, глупецъ ты этакій, порядкомъ-таки надоѣдалъ мнѣ своей дудкой. И все-то ты разыгрывалъ на ней одну и ту же арію. А-а! ты не любишь Дерюшетты! Не понимаю, что такое съ тобою сталось. Но я отлично помню, какъ будто это было всего минуту тому назадъ, — я еще сидѣлъ вонъ въ томъ углу,—какъ Дерюшетта сказала: «Я выйду за него замужъ». И она выйдетъ за тебя замужъ! А! ты ея не любишь! Сколько я ни стараюсь сообразить, я положительно ничего не понимаю. Или ты сошелъ съ ума или я? Да что же ты молчишь, наконецъ? Развѣ позволительно сдѣлать все то, что ты сдѣлалъ и затѣмъ вдругъ бухнуть: «Я, молъ, не люблю Дерюшетты»? Не для того же оказываютъ людямъ услуги, чтобы затѣмъ сердить ихъ! Ну, если ты на ней не женишься, то она останется старой дѣвкой. Во-первыхъ, ты самъ мнѣ нуженъ, ты! Ты будешь шкиперомъ Дюранды. Неужели ты воображаешь, будто я такъ-таки и выпущу тебя изъ рукъ? Какъ бы не такъ! Нѣтъ, душа моя, ты отъ меня не вырвешься! Я держу тебя крѣпко! Я и слушать тебя не хочу! Гдѣ я

найду другого такого моряка, какъ ты? Тебя-то мнѣ и нужно! Да говори же!

Однако тѣмъ временемъ удары колокола разбудили и весь домъ Летьерри и всю окрестность. Грація и Кротость выскочили изъ постелей и пробѣжали въ залу нижняго этажа, съ испуганнымъ видомъ, не произнося ни слова. Грація держала въ рукѣ зажженную свѣчу. Толпа сосѣдей, мѣщанъ, крестьянъ и матросовъ, выскочивъ изъ своихъ домовъ, топтались по набережной, съ изумленіемъ взирая на трубу Дюранды, торчавшую изъ лодки Жилліата. Нѣкоторые, заслышавъ голосъ Летьерри въ залѣ нижняго этажа, начинали потихоньку пробираться туда черезъ полуотворенную дверь. Изъ-за плечъ двухъ мѣстныхъ кумушекъ выглядывало лицо Ландуа, какъ-то ухитрявшагося попадать всюду, гдѣ происходило что-нибудь интересное.

Человѣку счастливому свойственно желаніе подѣлиться своею радостью со всякимъ встрѣчнымъ. Ему даже пріятно бываетъ, когда свидѣтелемъ его счастія сдѣлается толпа. Это какъ будто даетъ ему точку опоры и постоянно обновляетъ его радостное чувство. Летьерри, нечаянно обернувшись и замѣтивъ въ комнатѣ постороннихъ людей, какъ будто даже обрадовался этой многочисленной аудиторіи.

— А, вы здѣсь, господа!—воскликнулъ онъ.—Отлично! Извѣстна ли вамъ великая новость? Вонъ этотъ молодецъ побывалъ тамъ и привезъ ее обратно. Здравствуйте, г. Ландуа! Вдругъ, знаете ли, я просыпаюсь, смотрю въ окошко и вижу пароходную трубу, какъ разъ-таки подъ самымъ моимъ окошкомъ. И, представьте себѣ, все цѣло, до послѣдняго гвоздика! Вонъ они тамъ гравируютъ портретъ Наполеона; но, по-моему, это будетъ почище Аустерлица. Какъ вамъ это нравится, господа? Вы встаете изъ постели,— и вдругъ оказывается, что въ то время, пока вы спали, къ вамъ изволила пожаловать Дюранда! Пока вы натягиваете на свою голову ночные колпаки и задуваете вашу свѣчку, другіе совершаютъ геройскіе подвиги. Вы тутъ разыгрываете лѣнтяя и труса, вы кряхтите отъ ревматическихъ болей, но, къ счастію, это не мѣшаетъ другимъ безумствовать. Эти безумцы отправляются туда, куда нужно отправиться, и дѣлаютъ то, что нужно дѣлать. Вонъ онъ, Жилліатъ, только что вернулся отъ Дуврскихъ утесовъ. Онъ разыскалъ Дюранду на самомъ днѣ моря и извлекъ ее оттуда. Мало того, онъ извлекъ деньги мои изъ кармана Клюбена, т.-е. изъ еще болѣе глубокой ямы. Какимъ образомъ онъ въ этомъ успѣлъ? просто непостижимо! Вѣдь противъ него было все—и море, и буря, и тучи,—словомъ, всѣ черти. Правда, ты слывешь за колдуна, и тѣ, которые это утверждаютъ, быть-можетъ, вовсе не такъ глупы. Дюранда возвратилась. Какъ ни злилась буря, а все же ее вырвали у нея изъ-подъ носа. Возвѣщаю вамъ, друзья мои, что отнынѣ нѣтъ болѣе кораблекрушеній. Я осмотрѣлъ всю машину. Она цѣла, новешенька, точно съ иголочки. Каково! Золотники дѣйствуютъ какъ нельзя лучше. Подумаешь, будто не далѣе какъ вчера все только что вышло изъ мастерской. Вы знаете, что для

проведенія и для отвода воды прилажены двѣ отдѣльныя трубы? Ну, такъ я вамъ скажу, что обѣ эти трубы на своемъ мѣстѣ. Словомъ, вся машина цѣлехонька! Даже и колеса! О, ты непремѣнно на ней женишься!

— Какъ! На машинѣ?—съ удивленіемъ спросилъ Ландуа.

— Нѣтъ, на Дерюшеттѣ; или да,—на машинѣ. На обѣихъ. Онъ сдѣлается мнѣ дважды зятемъ. Онъ будетъ капитаномъ парохода. Здравствуйте, капитанъ Жилліатъ! Вотъ вы увидите, какова будетъ Дюранда! Вы увидите, какъ мы съ нею начнемъ работать, сколько мы съ нею будемъ совершать рейсовъ, сколько перевозить грузовъ, и быковъ, и барановъ! Я не промѣняю Сенъ-Сампсона на Лондонъ. И вотъ виновникъ всего! Вотъ такъ приключеніе, говорю вамъ. Въ субботу все это будетъ напечатано въ газетѣ старика Можэ. Да, Жилліатъ—молодецъ!.. А это что за червонцы?

Летьерри только что замѣтилъ, черезъ полуоткрытую крышку жестянки, что на банковыхъ билетахъ лежали золотыя монеты. Онъ схватилъ жестянку, открылъ ее, высыпалъ монеты на руки и затѣмъ положилъ пригоршню золота на столъ.

— Это—для бѣдныхъ,—сказалъ онъ.—Господинъ Ландуа, передайте, пожалуйста, отъ моего имени эти деньги сенъ-сампсонскому мэру. А кстати, вы знаете о письмѣ Рантэна? Показывалъ я вамъ его? Ну, такъ вотъ, онъ ошибся: деньги въ моихъ рукахъ. Ихъ болѣе, чѣмъ достаточно, для покупки сосноваго и дубоваго дерева и для всѣхъ деревянныхъ подѣлокъ. Нѣтъ, подумайте-ка вотъ о чемъ! Помните, какая погода стояла у насъ три дня тому назадъ? какой ливень, какая буря? Съ неба раздавались точно пушечные выстрѣлы. Ну, такъ Жилліату пришлось испытать все это на Дуврскихъ утесахъ; и это, однакоже, нисколько не помѣшало ему отцѣпить остатки корабля отъ утесовъ, какъ я отцѣпляю крючокъ часовой цѣпочки отъ жилетной петли. Благодаря ему, я снова сдѣлался чѣмъ-то. Да, милостивые государи и государыни, посудина Летьерри снова заработаетъ. Орѣховая скорлупа съ двумя колесами и съ трубочнымъ чубукомъ,—эта мысль меня всегда соблазняла. Я всегда говорилъ себѣ: «а сооружу-таки я себѣ такую штуку!» Это было еще очень давно. Эта мысль пришла мнѣ впервые въ Парижѣ, когда я сидѣлъ въ кофейнѣ, на углу улицъ Дофинъ и Кристинъ, и читалъ газету, въ которой описывалось это новое изобрѣтеніе. А знаете ли вы, что Жилліатъ въ состояніи былъ бы сунуть Марлійскую водоподъемную машину въ свой жилетный карманъ и разгуливать съ нею? Этотъ человѣкъ сдѣланъ изъ желѣза, изъ кованой стали, изъ алмаза. Это настоящій морякъ, отличный кузнецъ,—словомъ, замѣчательный парень, болѣе замѣчательный, чѣмъ даже принцъ Гогенлоэ. Вотъ это я называю быть умницей! А что такое мы всѣ—дрянь, да и только! Вы, я, мы всѣ,—просто морскіе волки. А вотъ онъ—морской левъ! Ура, Жилліатъ! Не знаю, какъ онъ взялся за дѣло, но вѣрно только то, что онъ самъ дьяволъ и потому я выдаю за него мою Дерюшетту.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ минутъ Дерюшетта также стояла въ комнатѣ, но она не произнесла ни единаго слова, не производила никакого шума; она проскользнула сюда и находилась здѣсь, какъ тѣнь. Она, почти никѣмъ не замѣченная, опустилась на стулъ позади Летьерри, стоявшаго лицомъ къ толпѣ, съ сіяющимъ лицомъ, жестикулировавшаго, болтливаго, веселаго. Немного погодя, въ комнатѣ появилось еще другое безмолвное лицо. Въ полуоткрытыхъ дверяхъ остановился какой-то человѣкъ, одѣтый весь въ черное, въ бѣломъ галстукѣ, съ широкополой шляпой въ рукѣ. Въ рукахъ у нѣкоторыхъ изъ толпившихся въ комнатѣ людей горѣли свѣчи, которые освѣщали сбоку это новое лицо. Его молодой, красивый, тонкій профиль вырисовывался въ темнотѣ, точно камея. Онъ оперся локтемъ о притолоку двери, а ладонью лѣвой руки поддерживалъ свой лобъ, совершенно безсознательно принявъ такимъ образомъ необыкновенно граціозную позу, при чемъ особенно рельефно выдѣлялись его маленькая рука и его высокій лобъ. Вокругъ сжатыхъ губъ его замѣчалось какое-то озабоченное выраженіе. Онъ ко всему присматривался и прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ. Окружающіе его, узнавъ въ немъ достопочтеннаго Эбенезэра Кодрэ, разступились было, чтобы дать ему пройти, но онъ остался стоять на порогѣ двери. Во всей его фигурѣ замѣчалась какая-то нерѣшительность, но зато тѣмъ рѣшительнѣе былъ его взглядъ. По временамъ взглядъ этотъ встрѣчался съ взглядомъ Дерюшетты. Что касается Жилліата, то случайно ли, или же преднамѣренно, онъ стоялъ въ тѣни, и его едва можно было разсмотрѣть.

Сначала Летьерри не замѣтилъ Эбенезэра, но онъ замѣтилъ Дерюшетту. Онъ подошелъ къ ней и крѣпко поцѣловалъ ее въ лобъ. Въ то же время онъ протянулъ руку по направленію къ тому темному углу, въ которомъ стоялъ Жилліатъ, и сказалъ:

— Ну вотъ, Дерюшетта, теперь ты снова богата, а это—твой мужъ.

Дерюшетта подняла голову и кинула въ темный уголъ растерянный взоръ. Летьерри продолжалъ:

— Мы свадьбу сыграемъ тотчасъ же, завтра, если то окажется возможнымъ. Бѣда не велика, что не было произведено троекратнаго оглашенія. Къ тому же здѣсь не обращаютъ вниманія на формальности; благочинный дѣлаетъ все, что ему угодно, и васъ поженятъ прежде, чѣмъ вы успѣете крикнуть «караулъ!». Это не то, что во Франціи, гдѣ дѣлаются разныя придирки. По крайней мѣрѣ ты будешь имѣть право похвастаться тѣмъ, что ты жена молодца и честнаго человѣка; нечего уже и говорить о томъ, что это настоящій морякъ. Я, впрочемъ, отлично зналъ это раньше, еще съ того самаго дня, когда онъ привезъ пушку съ острова Герма. Теперь же онъ привезъ съ Дуврскихъ утесовъ и свое счастіе, и мое, и счастіе всего острова. О, это человѣкъ, который еще заставитъ когда-нибудь говорить о себѣ! Ты вѣдь сказала, что выйдешь за него замужъ,—ну, и выйдешь, и у васъ будутъ дѣти, и я буду дѣдушкой, и тебѣ на долю выпадетъ счастіе быть

женою малаго серьезнаго, работящаго, полезнаго, замѣчательнаго, который стоитъ, по крайней мѣрѣ, сотни другихъ парней, который умѣетъ спасать чужія изобрѣтенія и разыгрываетъ роль Провидѣнія. По крайней мѣрѣ, ты не послѣдуешь примѣру всѣхъ здѣшнихъ привередницъ, которыя желаютъ во что бы то ни стало выйти замужъ за офицера или за пастора, т.-е. или за человѣка, который убиваетъ, или же за человѣка, который лжетъ. Да что ты тамъ забился въ свой уголъ, Жилліатъ? Тебя совсѣмъ не видно! Эй! Грація, Кротость! свѣчей побольше! Освѣтите-ка хорошенько моего зятя! Обручаю васъ, дѣти мои. Дерюшетта, вотъ твой мужъ, а мой зять. Это—Жилліатъ, лучшій изъ парней, лучшій изъ моряковъ, и у меня не будетъ другого зятя, и у тебя не будетъ другого мужа, клянусь въ томъ передъ Господомъ Богомъ! А-а, это вы, господинъ пасторъ! Я попрошу васъ обручить этихъ молодыхъ людей.

Летьерри только что замѣтилъ въ толпѣ лицо Эбенезэра. Обѣ служанки, послушавшись его приказанія, поставили на столъ двѣ свѣчи, которыя освѣщали Жилліата съ ногъ до головы.

— Какой онъ красавецъ!—воскликнулъ Летьерри. Въ дѣйствительности же наружный видъ Жилліата былъ крайне непрезентабеленъ. Онъ стоялъ здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ утромъ отплылъ отъ Дуврскихъ утесовъ, весь въ лохмотьяхъ, съ продранными локтями, небритый, съ взъерошенными волосами, съ воспаленными, красными глазами, съ окровавленными руками, босоногій. На покрытыхъ волосами рукахъ его еще видно было нѣсколько волдырей, оставленныхъ на нихъ спрутомъ. Но Летьерри продолжалъ восхищаться имъ.

— Вотъ онъ, мой зять!—кричалъ онъ.—Сейчасъ видно, что онъ здорово боролся съ моремъ! Онъ весь въ лохмотьяхъ. Что за плечи! Что за лапы! Какой же ты красавецъ!

Здѣсь Грація подбѣжала къ Дерюшеттѣ и поддержала ей голову: съ Дерюшеттой сдѣлался обморокъ.

II.

Кожаный чемоданъ.

Съ самаго разсвѣта весь Сенъ-Сампсонъ былъ на ногахъ, и обыватели Сенъ-Пьеръ-Пора тоже начали показываться на набережной. Слухъ о томъ, что Дюранда воскресла, успѣлъ уже распространиться не только по всему городу, но и по всѣмъ окрестностямъ, и вызвать повсюду сильнѣйшее волненіе. Всѣ спѣшили собственными глазами взглянуть на трубу Дюранды, торчавшую изъ лодки Жилліата. Многіе, не довольствуясь этимъ, желали бы даже потрогать ее. Но Летьерри, снова тщательно все осмотрѣвъ при дневномъ свѣтѣ, приставилъ къ лодкѣ двухъ дюжихъ матросовъ, съ тѣмъ, чтобы они никого не допускали къ машинѣ. Большинство, впрочемъ, удовлетворялось глазѣніемъ на трубу. Всѣ удивлялись; только и было разговора, что о Жилліатѣ. Но отзывы о немъ не всегда отличались благосклоннымъ характеромъ, и, послѣ выраже-

нія удивленія его подвигу, не разъ можно было услышать слѣдующую фразу: «Да, а все-таки, что ни говорите, не особенно пріятно имѣть въ своемъ сосѣдствѣ человѣка, способнаго на такія вещи!» Какъ помнитъ читатель, Жилліатъ пользовался среди своихъ сосѣдей репутаціей колдуна и чародѣя.

Съ набережной было видно, что Летьерри сидѣлъ за своимъ столомъ, возлѣ окна, и что-то такое писалъ, глядя однимъ глазомъ на бумагу, а другимъ—на машину. Онъ до того былъ поглощенъ своимъ дѣломъ, что только одинъ разъ отвелъ глаза отъ бумаги и отъ машины, обернулся, подозвалъ Кротость и спросилъ ее, что дѣлаетъ «барышня»?—«Барышня уже встала и ушла изъ дому», отвѣтила Кротость. На это Летьерри проговорилъ про себя: «Хорошо она сдѣлала, что вышла подышать свѣжимъ воздухомъ. Прошлою ночью ей сдѣлалось дурно вслѣдствіе стоявшей въ комнатѣ духоты. Да вѣдь и сколько же народу въ нее набилось! А къ тому же неожиданность, радость! А окна были затворены... Да, молодчина у нея будетъ мужъ». И затѣмъ онъ снова принялся писать. Онъ уже написалъ и запечаталъ два письма, адресовавъ ихъ на имя двухъ наиболѣе извѣстныхъ бременскихъ торговцевъ лѣсомъ. Теперь онъ запечатывалъ третье письмо.

Раздавшійся на улицѣ стукъ колесъ заставилъ его поднять голову. Онъ высунулся въ окно и увидѣлъ, что съ тропинки, ведущей къ дому Жилліата, выѣзжала на улицу ручная телѣжка, которую толкалъ передъ собою какой-то мальчикъ. Мальчикъ этотъ повернулъ по направленію къ Сенъ-Пьеръ-Пору. На телѣжкѣ лежалъ чемоданъ изъ желтой кожи, утыканный мѣдными и оловянными гвоздями.

— Эй, мальчикъ, куда это ты?—окликнулъ его Летьерри.

Тотъ остановился и отвѣтилъ:

— На «Кашмиръ», отвезти вотъ этотъ чемоданъ.

— Ну, такъ погоди минуту, ты отнесешь и эти три письма.

Летьерри выдвинулъ ящикъ своего стола, вынулъ оттуда шнурокъ, перевязалъ ими накрестъ всѣ три написанныя имъ письма и кинулъ связку въ окно мальчику, который поймалъ ее обѣими руками налету.

— Ты скажешь капитану «Кашмира», что это мои письма и чтобъ онъ о нихъ позаботился. Они должны пойти въ Германію, черезъ Лондонъ.

— Да мнѣ нельзя будетъ переговорить съ капитаномъ, господинъ Летьерри; вѣдь «Кашмиръ» стоитъ не въ гавани, а на рейдѣ.

— Ахъ, да, вѣрно, вѣрно! Вѣдь когда онъ прибылъ, нельзя было войти въ гавань.

— Но я увижу боцмана шлюпки. Я ему передамъ ваши письма.

— Хорошо. А когда отходитъ «Кашмиръ»?

— Сегодня же, въ двѣнадцать часовъ.

— Какъ же это въ двѣнадцать часовъ? Вѣдь въ двѣнадцать часовъ будетъ приливъ.

— Да, но зато будетъ попутный вѣтеръ.

— Мальчикъ,—сказалъ Летьерри, указывая пальцемъ на трубу машины,—а видишь ты вонъ эту штуку? Такъ вотъ она не боится ни вѣтра, ни прилива.

Мальчикъ сунулъ письма въ свой карманъ, схватился за оглоблю телѣжки и пустился скорымъ шагомъ по направленію къ городу. А Летьерри крикнулъ:

— Эй, кто тамъ? Грація! Кротость!

— Что вамъ угодно, сударь?—спросила Грація, входя въ его комнату.

— Войди сюда и подожди здѣсь,—сказалъ Летьерри. Затѣмъ онъ взялъ листокъ бумаги и принялся писать. Если бы Грація, стоявшая позади его стула, была немножко болѣе любопытна и вытянула бы голову, пока онъ писалъ, то она могла бы прочесть изъ-за его плеча слѣдующія строки:

«Я написалъ въ Бременъ относительно лѣса. Цѣлый день мнѣ придется составлять съ плотниками смѣту. Постройка пойдетъ живо. А ты, съ своей стороны, отправляйся къ декану[1]), чтобы выхлопотать позволеніе вѣнчаться. Я желаю сыграть свадьбу какъ можно скорѣе, лучше всего бы даже сейчасъ. Я занимаюсь Дюрандой, а ты займись Дерюшеттой».

Онъ проставилъ число, подписалъ свою фамилію, и, не давъ себѣ даже труда запечатать записку, просто сложилъ ее вчетверо и сказалъ, отдавая ее Граціи:

— Отнеси это Жилліату.

— Въ Бю-де-ла-Рю?

— Въ Бю де-ла-Рю.

---

[1]) Благочинному.

Книга третья.—ОТПЛЫТІЕ «КАШМИРА».

I.

Гавань въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью.

Если въ Сенъ-Сампсонѣ кипитъ жизнь, то и Сенъ-Пьеръ-Поръ не можетъ оставаться пустыннымъ. Предметъ, возбуждающій любопытство въ одномъ какомъ-либо пунктѣ, является тѣмъ же всасывающимъ насосомъ. Новости распространяются быстро въ маленькихъ городкахъ. Поэтому неудивительно, что съ самаго солнечнаго восхода весь Гернсей только и думалъ о томъ, какъ бы пойти посмотрѣть на трубу Дюранды подъ окнами Летьерри. Всѣ другія событія перестали возбуждать интересъ въ виду этого крупнаго событія. И смерть Сентъ-Асафскаго декана, и достопочтенный Эбенезэръ Кодрэ, и свалившееся ему на голову нежданное богатство, и его предстоящій отъѣздъ на «Кашмирѣ»—все это отошло на задній планъ. Только и было разговору, что о машинѣ Дюранды, привезенной Жилліатомъ съ Дуврскаго утеса. Многіе отказывались вѣрить этому: если уже самое крушеніе показалось необычайнымъ, то спасеніе машины представлялось просто дѣломъ невозможнымъ. Всякій желалъ убѣдиться въ этомъ собственными своими глазами. Всякія другія заботы оставлены были въ сторонѣ. Длинные ряды гражданъ, изъ которыхъ многіе приходили съ своими семействами, начиная съ мѣстнаго аристократа и кончая плебеемъ,—мужчины, женщины, джентльмены, матери съ дѣтьми и дѣти съ куклами, направлялись по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ къ диковинкѣ, къ дому Летьерри, обращаясь спиною къ Сенъ-Пьеръ-Пору. Въ послѣднемъ городкѣ даже многія лавки были закрыты. Въ мѣстномъ гостиномъ дворѣ купля и продажа совсѣмъ остановилась,—до того всеобщее вниманіе было поглощено Дюрандой. Торговцы, не закрывшіе своихъ лавокъ, оставались безъ почина, за исключеніемъ одного торговца золотыми вещами, который, къ не малому собственному своему удивленію, продалъ одно обручальное кольцо какому-то человѣку, «повидимому, сильно торопившемуся и который при этомъ случаѣ спросилъ у него, гдѣ живетъ деканъ». Остальныя, оставшіяся открытыми лавки напоминали скорѣе «говорильни», въ которыхъ шумно обсуждалось чудесное спасеніе машины Дюранды. Въ паркѣ Иврёзъ,—называющемся нынѣ, неизвѣстно почему, Кэмбриджъ-паркомъ,—ни одного гуляющаго. Въ Гэй-стритѣ, называвшемся тогда Большой улицей, и въ Смитъ-Стритѣ—тогдашней Кузнечной улицѣ, въ Готвиллѣ—ни одного прохожаго. Даже всегда такая людная Эспланада была пуста. Можно было бы подумать, что было воскресенье, когда, по мѣстнымъ обычаямъ, всѣ сидятъ по домамъ. Если бы какой-нибудь принцъ дѣлалъ смотръ мѣстной полиціи на Анкресскомъ по-

лѣ, то городъ не могъ бы быть болѣе пустыненъ. Вся эта суетня ради какого-то Жилліата заставляла людей серьезныхъ и соблюдающихъ приличія пожимать плечами.

Сенъ-Пьеръ-Порская церковь, съ тройнымъ шпицемъ, съ поперечными ходами и стрѣлками, стоитъ близъ самой гавани, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моря, возлѣ пристани. Она какъ бы привѣтствуетъ тѣхъ, кто пріѣзжаетъ и шлетъ прощаніе отъѣзжающимъ. Она является какъ бы заглавной буквой той длинной улицы, которая тянется вдоль всего города, параллельно океану. Она служитъ въ одно и то же время и приходскою церковью для Сенъ-Пьеръ-Пора и деканатомъ для всего острова. При ней состоитъ пасторомъ викарный епископъ, духовное лицо, пользующееся обширными полномочіями.

Сенъ-Пьеръ-Порская гавань, въ настоящее время очень красивая и помѣстительная, была въ то время, даже еще не далѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, гораздо менѣе значительна, чѣмъ Сенъ-Сампсонская гавань. Она состояла изъ двухъ толстыхъ, полукруглыхъ, циклопическихъ стѣнъ, шедшихъ отъ берега справа и слѣва и почти соприкасавшихся на своемъ противоположномъ концѣ, гдѣ построенъ былъ небольшой маякъ, выкрашенный бѣлой краской. Возлѣ этого маяка былъ узкій проходъ въ гавань, по обѣимъ сторонамъ котораго видны были еще громадныя желѣзныя кольца, гдѣ прикрѣплялась цѣпь, запиравшая въ средніе вѣка гавань. Пусть читатель представитъ себѣ открытыя клешни омара, и онъ будетъ имѣть довольно вѣрное представленіе о Сенъ-Пьеръ-Порской гавани. Эти клешни, далеко высунувшись въ море, нѣсколько сдерживали его. Но при восточномъ вѣтрѣ у входа въ гавань разводилось довольно сильное волненіе, вода бурлила, и тогда было благоразумнѣе не пытаться войти въ гавань. Такъ и поступилъ наканунѣ «Кашмиръ», который бросилъ якорь на рейдѣ.

Вообще, когда дулъ восточный вѣтеръ, суда обыкновенно такъ и дѣлали, тѣмъ болѣе, что это освобождало ихъ отъ необходимости вносить установленную плату за входъ и за стоянку въ гавани. Въ такихъ случаяхъ городскіе лодочники-комиссіонеры, народъ расторопный и смѣлый, которыхъ упразднили новые портовые порядки, пріѣзжали съ своими лодками или къ пристани или къ разнымъ платформамъ, построеннымъ вдоль всего берега, принимали путешественниковъ и ихъ багажъ и перевозили ихъ, часто при неспокойномъ морѣ, но всегда безъ малѣйшаго приключенія, на готовящееся къ отплытію судно. Восточный вѣтеръ, будучи при переѣздѣ въ Англію боковымъ вѣтромъ, какъ нельзя болѣе благопріятенъ для судовъ; судно катится, но не ныряетъ носомъ.

Когда готовящееся къ отплытію судно стояло въ гавани, всѣ отъѣзжавшіе, понятно, садились на него въ гавани же. Но когда оно стояло на внѣшнемъ рейдѣ, то всякій воленъ былъ найти себѣ лодку на любомъ пунктѣ побережья,—гдѣ всегда стояло много лодочниковъ,—и плыть на рейдъ. Такъ называемая «малая гавань» также была одною изъ самыхъ излюбленныхъ лодочныхъ стоянокъ. Она находилась въ очень близкомъ разстояніи отъ города, но была такъ

пустынна, что можно было думать, будто она нивѣсть какъ далека отъ него. Пустынность эта являлась слѣдствіемъ того, что она со всѣхъ сторонъ была окружена высокими утесами, на одномъ изъ которыхъ выстроена была цитадель св. Георгія, господствующая надъ этой бухточкой. Къ «малой гавани» вело нѣсколько тропинокъ. Наиболѣе прямая изъ нихъ шла вдоль берега моря; по ней можно было дойти въ городъ или въ церковь въ пять минутъ, но она представляла то неудобство, что два раза въ сутки покрывалась морскою водою. Другія тропинки, болѣе или менѣе крутыя, проходили между извилинами прибрежныхъ скалъ. Надъ «малой гаванью» даже въ полдень лежала какая-то полутьма. Со всѣхъ сторонъ надъ ней свѣшивались гранитныя глыбы, готовыя, казалось, сейчасъ обрушиться. На нихъ росли терновикъ и разный другой дикій кустарникъ, набрасывавшіе мягкую тѣнь какъ на утесы, такъ и на воду. Въ тихую погоду эта часть берега имѣла самый мирный видъ, но видъ этотъ совершенно измѣнялся при бурной погодѣ. Нѣкоторыя изъ растущихъ здѣсь растеній постоянно были покрыты морскою пѣною. Весною все это было полно цвѣтовъ, гнѣздъ, благоуханій, птицъ, бабочекъ и пчелъ. Благодаря произведеннымъ здѣсь недавно работамъ, мѣстность эта утратила свой прежній, дикій видъ. Прежній безпорядокъ замѣненъ красивыми, прямыми линіями; здѣсь возведены каменныя постройки, устроены набережныя, разбиты садики, проведены дорожки. Вкусъ человѣческій по-своему распорядился странностями горъ и неправильностью скалъ.

II.

Встрѣча двухъ отчаяній.

Былъ десятый часъ въ исходѣ. Приливъ народа въ Сенъ-Сампсонъ все болѣе и болѣе увеличивался. Населеніе, снѣдаемое лихорадочнымъ любопытствомъ, все отхлынуло къ сѣверной части острова, и потому «малая гавань», находившаяся въ южной части его, была болѣе пустынна, чѣмъ когда-либо. Впрочемъ, здѣсь можно было замѣтить лодку и лодочника. Въ лодкѣ лежалъ дорожный мѣшокъ. Лодочникъ, повидимому, кого-то поджидалъ. На рейдѣ виденъ былъ стоявшій на якорѣ «Кашмиръ». Такъ какъ онъ долженъ былъ отплыть только въ двѣнадцать часовъ, то на немъ не замѣтно было никакой суетни, предшествующей обыкновенно отплытію судна.

Если бы какой-нибудь прохожій пробирался въ это время по крутымъ и извилистымъ тропинкамъ, бороздившимъ прибрежныя скалы, то онъ могъ бы разслышать доносившійся изъ «малой гавани» шопотъ нѣсколькихъ голосовъ. А если бъ онъ перегнулся черезъ ихъ отвѣсъ, то онъ увидѣлъ бы, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лодки, въ потаенномъ уголку, закрытомъ выступами скалъ и кустарникомъ и куда не могъ проникнуть взоръ лодочника, двѣ человѣческія фигуры, мужчину и женщину, Эбенезэра и Дерюшетту.

Эти уединенные уголки, часто соблазняющіе купальщицъ, не всегда бываютъ такъ уединенны, какъ то кажется съ перваго взгля-

да. Легко можетъ случиться, что здѣсь будутъ за вами подсматривать и подслушивать васъ. Тотъ, кто ищетъ здѣсь убѣжища и желаетъ скрыться, легко можетъ сдѣлаться предметомъ наблюденій со стороны невидимаго глаза, скрывающагося за густымъ кустарникомъ или за какимъ-нибудь выступомъ скалы. Камни и деревья, скрывающіе свиданіе, могутъ также скрывать и непрошеннаго свидѣтеля.

Дерюшетта и Эбенезэръ стояли другъ противъ друга, вперивъ другъ въ друга взоры и держась за руки. Дерюшетта что-то такое говорила, Эбенезэръ молчалъ. На рѣсницахъ Дерюшетты выступила и дрожала слеза, которая, однакоже, не скатывалась. На задумчивомъ лицѣ Эбенезэра лежало выраженіе отчаянія и страсти. Къ этому присоединялось еще выраженіе какой-то грустной, и въ то же время горькой покорности, выходившей, очевидно, изъ глубины души. На лицѣ этомъ, носившемъ до сихъ поръ какой-то ангельскій отпечатокъ, проскальзывало теперь какое-то иное, совершенно уже земное выраженіе. Тотъ, кто до сихъ поръ размышлялъ только о догматѣ, начиналъ теперь размышлять о судьбѣ,—вредный для священника предметъ размышленій, такъ какъ это подтачиваетъ вѣру. Ничего не можетъ быть тяжелѣе для человѣка, какъ быть подавленнымъ неизвѣстностью. Человѣкъ—не что иное, какъ игрушка событій. Жизнь—не что иное, какъ цѣпь случайностей, которыя намъ приходится терпѣть. Мы никогда не знаемъ, съ какой стороны налетитъ на насъ случайность. Несчастіе и счастье входятъ въ нашу жизнь и выходятъ изъ нея, точно неожиданные гости. У нихъ свои законы, свои орбиты, свои законы тяготѣнія, не доступные для человѣка. Добродѣтель не всегда ведетъ къ счастію, порокъ не всегда ведетъ къ несчастію. У совѣсти человѣческой своя логика, у судьбы — своя; между обѣими этими логиками нѣтъ ничего общаго. Ничего не можетъ быть разсчитано впередъ; мы живемъ наугадъ, какъ попало. Совѣсть,—это прямая линія; жизнь,—это вихрь, который неожиданно то налетаетъ на человѣка, то опять оставляетъ его въ покоѣ. Судьба не обладаетъ даромъ постепенности. Иногда колесо жизни вертится такъ быстро, что человѣку трудно бываетъ различить промежутокъ между однимъ событіемъ и другимъ, и связь сегодняшняго со вчерашнимъ.

Эбенезэръ былъ, такъ сказать, разсуждающій, вѣрующій и доступный сильной страсти священникъ. Религіи, предписывающія безбрачіе духовенства, поступаютъ довольно логично: любовь къ женщинѣ несовмѣстима съ саномъ священника. Взоръ Эбенезэра затуманился: онъ слишкомъ много смотрѣлъ на Дерюшетту. Эти два существа обожали другъ друга. Но въ глазахъ Эбенезэра, рядомъ съ нѣмымъ обожаніемъ, свѣтилось и отчаяніе.

— Вы не уѣдете,—говорила ему Дерюшетта.—Это выше моихъ силъ. Видите ли, я думала, что у меня хватитъ силъ проститься съ вами, но я ошибалась. Бываютъ вещи, которыя сильнѣе нашей воли. Зачѣмъ вы пришли вчера? Не слѣдовало приходить, если вы рѣшились уѣхать. Я никогда съ вами не говорила. Я лю-

била васъ, сама того не зная. Я знаю только, что въ первый день нашего знакомства, когда пасторъ Эродъ прочелъ намъ про Ревекку и когда ваши глаза встрѣтились съ моими, я сама почувствовала, какъ я вся вспыхнула, и я тогда подумала: «О! какъ должна была покраснѣть Ревекка!» Все равно, но только если бы еще не дальше, какъ третьяго дня мнѣ сказали: «ты любишь пастора», я бы разсмѣялась. Вотъ чѣмъ ужасна эта любовь: она подкрадывается къ вамъ исподтишка. Я не обращала на все это никакого вниманія. Я ходила въ церковь, смотрѣла на васъ, слушала васъ, и мнѣ казалось, что все это совершенно въ порядкѣ вещей. Я васъ не упрекаю. Вы не сдѣлали ничего для того, чтобы заставить меня полюбить васъ. Вы не давали себѣ ни малѣйшаго труда. Правда, вы смотрѣли на меня,—но вѣдь вы же не виноваты въ томъ, что смотрите на людей,—а между тѣмъ, этого достаточно было для того, чтобы заставить меня обожать васъ. Но я сама этого не подозрѣвала. Когда другіе брали въ руки книгу,—то была просто книга. Когда вы ее брали,—то былъ свѣточъ. Порою вы взглядывали на меня. Когда вы говорили про архангеловъ, я думала сама про себя: архангелъ, это—онъ. Я стала угадывать впередъ ваши мысли, то, что вы сейчасъ скажете. Я не знаю даже, вѣрила ли я въ Бога раньше знакомства съ вами? Узнавъ васъ, я стала молиться. По утрамъ я стала торопиться одѣваться, чтобы не опоздать къ обѣднѣ, и не пропускала ни одной службы. Такъ вотъ что значитъ любить человѣка! До сихъ поръ я этого не знала. Иногда я говорила сама себѣ: какая, однако, я сдѣлалась богомольная! Но затѣмъ я поняла, что хожу въ церковь вовсе не ради Господа Бога, а ради васъ. Вы такъ прекрасны, вы такъ прекрасно говорите! Когда вы вздымали ваши руки къ небу, мнѣ казалось, будто вы держите въ вашихъ бѣлыхъ рукахъ мое сердце. Я была безумна, сама того не подозрѣвая. Хотите ли, чтобы я сказала вамъ, въ чемъ ваша вина? Въ томъ, что вы вошли вчера въ нашъ садъ, заговорили со мною. Если бы вы мнѣ ничего не сказали, я бы ничего не знала. Вы бы уѣхали, я, быть-можетъ, была бы нѣкоторое время опечалена; но теперь—я умру. Теперь я знаю, что люблю васъ. Теперь невозможно, чтобы вы уѣхали! О чемъ это вы задумались? Вы, кажется, даже вовсе и не слушаете меня?

— А вы слышали, что говорилъ вчера весь городъ?—спросилъ Эбенезэръ.— Что же мнѣ остается дѣлать?

Они оба помолчали съ минуту. Затѣмъ Эбенезэръ продолжалъ:

— Итакъ, вы сами должны понять, что мнѣ остается только одно—уѣхать.

— И мнѣ тоже одно—умереть! О, я желала бы, чтобы вовсе не было моря, а было бы одно только небо! Тогда, мнѣ кажется, все бы устроилось: мы бы пустились въ путь вмѣстѣ. Но въ такомъ случаѣ вамъ не слѣдовало говорить со мною! Зачѣмъ вы со мною говорили? А разъ сказавъ мнѣ то, что вы сказали, вы не имѣете права уѣзжать. Что со мною станется! Повторяю вамъ—я

умру! Что же, лучше вамъ будетъ, когда меня отнесутъ на кладбище? Ахъ, сердце мое разрывается на части! Какъ я несчастна! А между тѣмъ, дядя мой такой добрый!..

Въ первый разъ въ жизни Дерюшетта, говоря о Летьерри, назвала его «мой дядя». До сихъ поръ она всегда говорила: «мой отецъ».

Эбенезэръ отступилъ отъ нея на одинъ шагъ и сдѣлалъ знакъ рукою лодочнику. Послышались звуки желѣзнаго крюка, царапавшагося о камни, и шаги человѣка, ходившаго по лодкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть! — воскликнула Дерюшетта.

— Да вѣдь это нужно, — проговорилъ Эбенезэръ, снова приближаясь къ ней.

— Нѣтъ, никогда! И изъ-за чего? Изъ-за какой-то машины! Да развѣ это возможно! Видѣли вы, какъ онъ былъ ужасенъ вчера? Нѣтъ, вы не можете меня покинуть! Вы человѣкъ умный, вы придумаете какое-нибудь средство. Не можетъ быть, чтобы вы назначили мнѣ свиданіе здѣсь сегодня утромъ, имѣя твердое намѣреніе уѣхать! Вѣдь я вамъ не сдѣлала ничего дурного. Вы не можете пожаловаться на меня. Вы думаете уѣхать вонъ на томъораблѣ? Нѣтъ, я этого не желаю! Вы не бросите меня! Не для того же разверзаютъ передъ человѣкомъ небо, чтобы тотчасъ же снова закрыть его! Я говорю вамъ, что вы останетесь. Впрочемъ, еще и рано. О, я люблю тебя!

И, прижимаясь къ нему, она обвила его шею своими руками и переплела пальцы обѣихъ рукъ, какъ бы одновременно и моля Бога и накидывая узы на Эбенезэра. Но тотъ осторожно распуталъ эти узы, хотя она и старалась сжимать пальцы свои какъ можно крѣпче.

Дерюшетта упала на выступъ скалы, покрытый плющомъ, машинальнымъ движеніемъ приподнявъ рукавъ своего платья до локтя и показывая красивую, бѣлую руку, при чемъ глаза ея свѣтились какимъ-то блѣднымъ, затуманеннымъ блескомъ.

Лодка приближалась. Эбенезэръ взялъ ее голову въ свои двѣ руки. Эта дѣвственница походила въ настоящую минуту на безутѣшную вдову, а этотъ молодой человѣкъ — на какого-то дѣда. Онъ бережно прикоснулся къ ея волосамъ; онъ пристально посмотрѣлъ на нее въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Затѣмъ онъ запечатлѣлъ на лбу ея одинъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, подъ которымъ, казалось, должна была заблистать звѣзда, и голосомъ, въ которомъ слышалось сильнѣйшее душевное волненіе, онъ произнесъ одно только слово, въ которое какъ будто вылилась вся его душа: «прости»! Дерюшетта зарыдала.

Въ это самое время они услышали медленный, торжественный голосъ, который произнесъ:

— Отчего же бы вамъ не пожениться?

Эбенезэръ обернулся назадъ. Дерюшетта вскинула глазами кверху: передъ ними стоялъ Жилліатъ, который только что вышелъ на это уединенное побережье по боковой тропинкѣ.

Теперь Жилліатъ уже не былъ тѣмъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ наканунѣ. Онъ выбрился, причесался, обулся, надѣлъ чистую, бѣлую матросскую рубашку съ большимъ отложнымъ воротомъ и облекся въ свой самый новый матросскій костюмъ. Сквозь густой загаръ его лица пробивалась блѣдность, хотя онъ и казался совершенно спокойнымъ. Страдающая бронза — вотъ какъ можно было опредѣлить выраженіе его лица.

Они оба съ изумленіемъ смотрѣли на него. Дерюшетта тотчасъ же узнала его, хотя онъ и былъ почти неузнаваемъ. Что касается произнесенныхъ имъ словъ, то они были такъ далеки отъ носившихся въ эту минуту въ головахъ ихъ мыслей, что они какъ-то даже проскользнули въ ихъ умѣ.

— Что вамъ за надобность прощаться? — продолжалъ Жилліатъ.—Повѣнчайтесь и уѣзжайте вмѣстѣ.

Дерюшетта задрожала всѣмъ тѣломъ. Жилліатъ продолжалъ:

— Дерюшеттѣ уже двадцать одинъ годъ: значитъ она вольна располагать собою. Дядя ея не имѣетъ права ей препятствовать. Вы другъ друга любите...

— Но какимъ образомъ вы очутились здѣсь? — спросила Дерюшетта робкимъ голосомъ.

— Обвѣнчайтесь, — повторилъ Жилліатъ, не отвѣчая на ея вопросъ.

Дерюшетта начала понимать, что говорилъ ей этотъ человѣкъ. Она пролепетала:

— Мой бѣдный дядя...

— Вашъ дядя отказалъ бы въ своемъ согласіи на этотъ бракъ до его заключенія,—проговорилъ Жилліатъ.—Но разъ бракъ будетъ совершенъ, онъ согласится. Къ тому же вы сейчасъ уѣзжаете. А когда вы вернетесь, онъ вамъ проститъ. И затѣмъ,—прибавилъ Жилліатъ съ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ, — теперь онъ только и думаетъ, что о постройкѣ новаго парохода. Это развлечетъ его во время вашего отсутствія. У него остается утѣшеніе — Дюранда.

— Но я не желала бы,—проговорила Дерюшетта взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась, однако, радостная нотка, оставлять послѣ себя огорченія.

— Они продлятся недолго,—успокоилъ ее Жилліатъ.

Въ первыя минуты Эбенезэръ и Дерюшетта были поражены, какъ громомъ. Но теперь они оба начали понемногу приходить въ себя, и по мѣрѣ того, какъ успокоеніе проникало въ ихъ душу, смыслъ словъ Жилліата становился для нихъ все болѣе и болѣе понятнымъ. Правда, оставался неразъясненнымъ еще одинъ вопросъ, но не ихъ дѣло было заботиться объ его разъясненіи. Человѣкъ, ищущій спасенія въ бѣгствѣ, не задумывается над мелочами. Когда вамъ предлагаютъ войти въ рай, вы не ста упираться. Въ позѣ Дерюшетты, незамѣтно опиравшейся Эбенезэра, было что-то такое, что вполнѣ согласовалось со с вами Жилліата. Что касается загадочности появленія Жилліа именно въ этомъ мѣстѣ, въ это время, и произнесенныхъ

словъ, которыя особенно были бы въ состоянiи удивить Дерюшетту, и притомъ не въ одномъ отношенiи, — то все это въ данную минуту являлось вопросами второстепенными. Человѣкъ этотъ говорилъ имъ: «повѣнчайтесь»,—вотъ это было ясно! Онъ, значитъ, нѣкоторымъ образомъ бралъ на себя отвѣтственность за этотъ ихъ шагъ, и Дерюшетта смутно чувствовала, что по различнымъ причинамъ онъ имѣлъ на то право. То, что онъ сказалъ относительно Летьерри, было совершенно вѣрно. Эбенезэръ задумчиво пробормоталъ про себя: «Да, дядя—не то, что отецъ». Овладѣвшее имъ внезапно чувство счастiя боролось съ угрызенiями совѣсти. Но послѣднiя съ каждой секундой слабѣли и, такъ сказать, таяли въ этомъ бѣдномъ, влюбленномъ сердцѣ.

Жилліатъ снова заговорилъ отрывистымъ, рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ какъ будто слышалось лихорадочное бiенiе его пульса: «Живѣе, живѣе! «Кашмиръ» отплываетъ черезъ два часа. Вы еще успѣете, но подъ тѣмъ условiемъ, чтобы вы не теряли ни минуты. Пойдемте!»

Эбенезэръ, уже нѣсколько минутъ пристально всматривавшiйся въ него, вдругъ воскликнулъ:

— Я узнаю васъ! Это вы спасли мнѣ жизнь!

— Не думаю,—холодно отвѣтилъ Жилліатъ.

— А какъ же, въ самый день моего прiѣзда! Еще вонъ тамъ, на томъ мысу!

— Я даже вовсе и не знаю этого мѣста,—возразилъ Жилліатъ.— Пойдемте, нечего терять времени.

— Да, и затѣмъ еще я видѣлъ васъ вчера вечеромъ. Какъ ваше имя?

— Быть-можетъ, и видѣли,—замѣтилъ Жилліатъ, не отвѣчая на вторую половину вопроса, и, возвысивъ голосъ, крикнулъ:— Эй, лодочникъ, подожди насъ, мы сейчасъ вернемся!

И затѣмъ, обращаясь къ Дерюшеттѣ, онъ сказалъ:

— Вы спрашивали меня только что, сударыня, какимъ образомъ я очутился здѣсь? А очень просто: я шелъ позади васъ. Вамъ—двадцать одинъ годъ. По здѣшнимъ законамъ, когда дѣвушка совершеннолѣтняя, она свободно можетъ располагать собою, и, слѣдовательно, обвѣнчаться можно въ четверть часа. Пойдемте по береговой тропинкѣ. Она много короче и теперь по ней можно пройти, такъ какъ приливъ начнется только въ полдень. Но только живѣе! Идите за мною.

Дерюшетта и Эбенезэръ обмѣнялись взорами, какъ бы совѣщаясь. Они стояли рядомъ и не шевелились; они какъ будто …янѣли. Человѣкъ, стоящiй у края пропасти, называемой сча…ъ, ощущаетъ какiя-то странныя колебанiя. Они старались, … могли понять.

… Его зовутъ Жилліатъ,—почему-то сочла нужнымъ Дерю… сказать на ухо Эбенезэру.

— Ну, чего же вы стоите?—прикрикнулъ на нихъ Жилліатъ …чительнымъ голосомъ.—Я вѣдь сказалъ уже вамъ, чтобы вы … мной!

— Куда же это?—спросилъ, наконецъ, Эбенезэръ.

— Туда,—отвѣтилъ Жилліатъ, ткнувъ пальцемъ по направленію къ церковной колокольнѣ.

Они послѣдовали за нимъ. Жилліатъ шелъ впереди ихъ твердымъ шагомъ, но они шли шатаясь. Однако, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ колокольнѣ, на красивыхъ, чистыхъ лицахъ Дерюшетты и Эбенезэра появилось нѣчто, что должно было вскорѣ превратиться въ улыбку. Ихъ лица точно освѣщались близостью церкви. Но взоръ Жилліата былъ теменъ и мраченъ. Можно было бы подумать, что привидѣніе ведетъ двѣ души въ рай.

Эбенезэръ и Дерюшетта не отдавали себѣ яснаго отчета въ томъ, что должно было сейчасъ случиться. Вмѣшательство этого человѣка казалось имъ сучкомъ, за который хватается утопающій. Они слѣдовали за Жилліатомъ съ покорностью отчаянія, готоваго повиноваться первому встрѣчному. Тотъ, кто чувствуетъ близость смерти, не бываетъ особенно разборчивъ, идя навстрѣчу всякимъ случайностямъ. Дерюшетта, какъ болѣе наивная, была по этому самому довѣрчивѣе. Эбенезэръ шелъ въ глубокой задумчивости. Дѣйствительно, Дерюшетта была совершеннолѣтняя. Формальности при заключеніи брака весьма просты въ Англіи, въ особенности въ тѣхъ патріархальныхъ уголкахъ, гдѣ деканы приходовъ пользуются неограниченною властью. Но согласится ли деканъ обвѣнчать ихъ, не будучи увѣренъ въ согласіи дяди Дерюшетты? Вотъ въ чемъ заключался вопросъ. Но все же можно было попытаться. Дурного изъ этого ничего не выйдетъ.

Но кто такой былъ этотъ человѣкъ? И если дѣйствительно это тотъ самый человѣкъ, котораго Летьерри провозгласилъ своимъ зятемъ, то какимъ образомъ можно было объяснить его теперешній поступокъ? Онъ—препятствіе—вдругъ превращается въ Провидѣніе. Эбенезэръ дѣлалъ то, что отъ него требовали, точно такъ же, какъ на все соглашается человѣкъ, чувствующій себя спасеннымъ.

Тропинка была довольно неровная, порою крутая и мокрая. Эбенезэръ, погруженный въ свои размышленія, не обращалъ никакого вниманія на попадавшіеся ему подъ ноги камни и лужи. Но Жилліатъ по временамъ оборачивался къ нему и говорилъ ему: «Осторожнѣй! Тутъ камни. Подайте ей руку».

III.

Предусмотрительность самоотверженія.

На колокольнѣ било какъ разъ половину одиннадцатаго, когда они входили въ церковь. По случаю ранняго времени, а также по случаю того, что почти весь городокъ устремился въ Се Сампсонъ, церковь была почти совершенно пуста. Однако въ бинѣ ея, возлѣ стола, который въ реформатскихъ церквахъ за няетъ алтарь, видны были три человѣка: деканъ, причетник регистраторъ. Деканъ, т.-е. достопочтенный Жакменъ Эродъ, дѣлъ; причетникъ и регистраторъ стояли. На столѣ лежала р

крытая Библія. Возлѣ нея, на небольшомъ пюпитрикѣ, лежала другая книга—приходская метрика, также раскрытая, и въ которой, внимательный глазъ могъ бы замѣтить свѣжеисписанную страницу на которой не успѣли еще даже обсохнуть чернила. Возлѣ метрики стояла чернильница и лежало перо. Когда въ церковь вошелъ Эбенезэръ Кодрэ, достопочтенный Жакменъ Эродъ всталъ и сказалъ ему:

— Я васъ жду. Уже все готово!—Эбенезэръ съ удивленіемъ взглянулъ на Жилліата, между тѣмъ какъ пасторъ продолжалъ:— Я къ вашимъ услугамъ, коллега.—И онъ поклонился ему.

Поклонъ этотъ былъ сдѣланъ ни вправо, ни влѣво. По направленію взора декана видно было, что для него въ эту минуту существовалъ только Эбенезэръ, какъ духовное лицо и джентльменъ. Поклонъ этотъ не распространялся ни на Дерюшетту, стоявшую рядомъ съ Эбенезэромъ, ни на Жилліата, стоявшаго сзади. Во взглядѣ достопочтеннаго пастора были, такъ сказать, кавычки, внутри которыхъ былъ заключенъ одинъ только Эбенезэръ. Соблюденіе этихъ оттѣнковъ составляетъ необходимую принадлежность хорошаго общества и придаетъ прочность устоямъ послѣдняго.

Деканъ продолжалъ съ изящной, но слегка надменной любезностью:

— Вдвойнѣ поздравляю васъ, любезный коллега. Вашъ дядя умеръ и вы выбрали себѣ жену. Одинъ сдѣлалъ васъ богатымъ, другая сдѣлаетъ васъ счастливымъ. Впрочемъ, теперь, благодаря этому пароходу, который собираются реставрировать, господинъ Летьерри снова разбогатѣетъ, чему я отъ души радуюсь. Господинъ Летьерри родился въ этомъ приходѣ; я справился объ этомъ по метрикамъ. Присутствующая здѣсь племянница его—совершеннолѣтняя и свободно можетъ располагать собою. Впрочемъ, единственный ея родственникъ, дядя ея, согласенъ на этотъ бракъ. Вы желаете обвѣнчаться сейчасъ же, въ виду предстоящаго вашего отъѣзда. Это совершенно понятно. Но все же, въ виду того, что вѣнчается пасторъ, я бы желалъ нѣсколько больше торжественности. Однако для того, чтобы сдѣлать вамъ пріятное, я сокращу службу,—отъ этого важность священнодѣйствія нисколько не уменьшится. Запись уже сдѣлана вотъ въ этой книгѣ и остается только проставить имена. Согласно закону и обычаю, обрядъ вѣнчанія можетъ быть совершенъ тотчасъ же по внесеніи записи въ книгу. Оглашеніе было сдѣлано сегодня за ранней обѣдней. Правда, я здѣсь позволяю себѣ маленькое отступленіе отъ правилъ, такъ какъ оглашеніе собственно должно быть сдѣлано, по крайней мѣрѣ, за ...о. Но я счелъ возможнымъ сдѣлать это въ виду спѣшности ... неотложности вашего отъѣзда. Итакъ, я приступаю къ ...ѣнчанія. Регистраторъ мой будетъ свидѣтелемъ по женихѣ, ...ается невѣсты, то...

...деканъ взглянулъ на Жилліата. Тотъ утвердительно ...оловою.

...и прекрасно,—сказалъ деканъ.

Эбенезэръ все время стоялъ, какъ вкопанный. Дерюшетта олицетворяла собою окаменѣвшій восторгъ.

— Однако есть одно препятствіе,—продолжалъ деканъ.

Дерюшетта вздрогнула.

— Дѣло въ томъ,—проговорилъ Жакменъ Эродъ, — что присутствующій здѣсь посланный господина Летьерри,—и онъ большимъ пальцемъ лѣвой руки указалъ на Жилліата, что избавляло его отъ необходимости называть его по имени,—что этотъ посланный, отправленный мною сегодня утромъ къ г-ну Летьерри для полученія его согласія и засвидѣтельствовавшій запись въ книгѣ, объявилъ мнѣ, что г-нъ Летьерри слишкомъ занятъ для того, чтобы явиться лично, но желаетъ, чтобы обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ немедленно. Но этого словесно выраженнаго желанія недостаточно. Я не могъ бы, не принимая на себя тяжелой отвѣтственности, приступить къ вѣнчанію, не освѣдомившись лично у у Летьерри объ его согласіи или не имѣя, по крайней мѣрѣ, письменнаго удостовѣренія отъ него. При всемъ моемъ желаніи, я не могу удовольствоваться согласіемъ его, переданнымъ мнѣ устно черезъ третье лицо. Мнѣ необходимъ какой-нибудь письменный документъ...

— За этимъ дѣло не станетъ,—сказалъ Жилліатъ и подалъ пастору какую-то бумагу.

Тотъ взялъ ее, пробѣжалъ нѣсколько строчекъ, перескочивъ глазами черезъ другія, очевидно, не относившіяся къ дѣлу, и затѣмъ прочелъ громкимъ голосомъ: «Отправляйся къ декану, чтобы выхлопотать позволеніе вѣнчаться. Я желаю сыграть свадьбу какъ можно скорѣе, лучше всего бы даже сейчасъ».

Жакменъ Эродъ положилъ письмо на столъ и сказалъ:

— Подписано: «Летьерри». Оно, конечно, было бы приличнѣе, если бъ онъ адресовалъ письмо прямо мнѣ. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о собратѣ моемъ, то я не стану обращать вниманія на эту мелочь.

Эбенезэръ взглянулъ на Жилліата. Бываютъ такіе моменты, когда души понимаютъ другъ друга. Онъ чуялъ во всемъ этомъ какой-то обманъ. Но онъ не имѣлъ силы и, что еще важнѣе, онъ не имѣлъ даже намѣренія обнаружить его. Подъ вліяніемъ ли преклоненія передъ такимъ, очевиднымъ для него, геройскимъ самоотверженіемъ, подъ вліяніемъ ли совѣсти, пораженной этимъ громовымъ ударомъ счастія,—но только онъ какъ будто онѣмѣлъ.

Жакменъ Эродъ взялъ въ руки перо и при помощи регистратора заполнилъ пробѣлы, оставленные на исписанной страницѣ метрической книги. Затѣмъ онъ выпрямился и жестомъ руки пригласилъ Эбенезэра и Дерюшетту приблизиться къ столу. Началс обрядъ вѣнчанія.

Это былъ какой-то странный моментъ. Эбенезэръ и Де стояли другъ возлѣ друга передъ лицомъ пастора. Тотъ, к нибудь видѣлъ во снѣ, будто онъ женится, пойметъ то, теперь испытывали. Жилліатъ стоялъ въ нѣкоторомъ с отъ нихъ, скрываясь въ тѣни, бросаемой колоннами церк

Дерюшетта въ это утро, вставая и помышляя о могилѣ и о саванѣ, одѣлась вся въ бѣлое. Она наряжалась для могилы и этотъ нарядъ пригодился ей для свадьбы. Дѣвушка надѣла бѣлое платье— вотъ и готова невѣста. Могила, это—тотъ же вѣнчальный налой. Дерюшетта такъ и сіяла. Никогда еще она не была такою, какою она была именно въ эту минуту. Въ ней былъ тотъ недостатокъ, что она была, быть-можетъ, слишкомъ миловидна, но не была красива. Красота ея грѣшила,—если это можно назвать грѣхомъ,—избыткомъ граціи. Дерюшетта въ нормальномъ своемъ состояніи, т.-е. внѣ вліянія огорченія и страсти, была, какъ уже сказано, по преимуществу миловидна. Но миловидная дѣвочка, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, преобразуется въ идеальную дѣву. На Дерюшетту, выросшую вслѣдствіе любви и страданій, распространилось, если позволено будетъ такъ выразиться, это преобразованіе. Она сохранила прежнюю чистоту, но къ ней прибавилось достоинство,— прежнюю свѣжесть, но уже съ примѣсью нѣкотораго благоуханія. Можно было бы почти сказать—бутонъ, превратившійся въ лилію. На щекахъ ея еще виднѣлись слѣды слезъ. Сквозь эту улыбку быть-можетъ, еще просвѣчивала запоздавшая слеза. Высохшія, еле видныя слезы, это—своего рода мягкая и тихая краса счастія.

Деканъ, стоя возлѣ стола, положилъ палецъ на раскрытую Библію и спросилъ громкимъ голосомъ:

— Не знаетъ ли кто-нибудь къ этому браку какого-либо препятствія?—Никто не отвѣтилъ.

— Аминь,—проговорилъ деканъ. Затѣмъ онъ жестомъ пригласилъ Эбенезэра и Дерюшетту приблизиться на одинъ шагъ къ столу.

— Джо-Эбенезэръ Кодрэ,—спросилъ Жакменъ Эродъ, — желаешь ли ты взять эту женщину себѣ въ жены?

— Желаю,—отвѣтилъ Эбенезэръ.

— Дюранда-Дерюшетта Летьерри, желаешь ли ты взять этого человѣка себѣ въ мужья?

Дерюшетта, взволнованная, изнемогая отъ избытка счастія, подобно тому, какъ лампа гаснетъ отъ избытка масла, прошептала еле слышнымъ голосомъ:

— Желаю.

Тогда, слѣдуя красивому обычаю англиканской религіи, деканъ оглянулся кругомъ и торжественнымъ голосомъ кинулъ въ темную глубь церкви слѣдующій вопросъ:

— Кто отдаетъ эту женщину въ жены этому человѣку?

— Я, —вдругъ раздался изъ глубины церкви голосъ Жил-
ата.

ступило молчаніе. Эбенезэръ и Дерюшетта, несмотря на свое
чое состояніе, вдругъ почувствовали какое-то невольное

ложилъ правую руку Дерюшетты въ правую руку
оторый сказалъ Дерюшеттѣ:
етта, я беру тебя себѣ въ жены, будешь ли ты хоро-
ная, богатая или бѣдная, здоровая или больная, для

того, чтобы любить тебя до самой моей смерти. Въ томъ мнѣ свидѣтель Господь Богъ!

Затѣмъ пасторъ положилъ правую руку Эбенезэра въ правую же руку Дерюшетты, которая проговорила:

— Эбенезэръ, я беру тебя себѣ въ мужья, будешь ли ты хорошъ или дуренъ, богатъ или бѣденъ, здоровъ или боленъ, чтобы помогать тебѣ и слушаться тебя до самой моей смерти. Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель!

— Гдѣ обручальное кольцо?—спросилъ пасторъ.

Они это совсѣмъ упустили изъ вида. У Эбенезэра, застигнутаго врасплохъ, кольца не оказалось.

Тогда Жилліатъ снялъ съ своего мизинца золотое колечко и подалъ его пастору. По всей вѣроятности, это было то самое обручальное кольцо, которое, какъ мы упоминали выше, кто-то купилъ въ это самое утро у ювелира въ гостиномъ дворѣ Сенъ-Пьеръ-Пора, къ не малому удивленію этого ювелира. Деканъ положилъ сначала кольцо на Библію, а затѣмъ передалъ его Эбенезэру. Тотъ взялъ сильно дрожавшую лѣвую ручку Дерюшетты, надѣлъ кольцо на четвертый палецъ ея и проговорилъ:

— Обручаюсь съ тобою этимъ кольцомъ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!—произнесъ деканъ.

— Аминь!—повторилъ причетникъ.

— Вы—супругъ и супруга, — возгласилъ деканъ громкимъ голосомъ.

— Аминь!—снова повторилъ причетникъ.

— Господу Богу помолимся!—проговорилъ деканъ.—Эбенезэръ и Дерюшетта встали на колѣни возлѣ стола. Жилліатъ остался стоять и только наклонилъ голову.

Они преклоняли колѣни передъ Господомъ Богомъ, онъ склонялъ голову передъ судьбой.

IV.

„Для твоей жены, когда ты женишься“.

При выходѣ ихъ изъ церкви, они увидѣли «Кашмиръ», начинавшій уже поднимать паруса.

— Вамъ нужно спѣшить, — сказалъ имъ Жилліатъ, и они втроемъ снова пошли по тропинкѣ, которая вела въ «Малую гавань». Но только теперь они шли впереди, а Жилліатъ шелъ сзади.

Дерюшетта и Эбенезэръ шли, какъ два лунатика. Ихъ растерянность, такъ сказать, только измѣнила форму. Они сами
могли дать себѣ хорошенько отчета ни въ томъ, гдѣ они
томъ, что они дѣлаютъ. Они торопились совершенно м
они уже ни о чемъ не помнили, для нихъ не сущ
чего внѣ ихъ самихъ. Они чувствовали, что принад
другу, но не могли связать даже двухъ мыслей. В
номъ состояніи такъ же трудно думать, какъ трудн

бурномъ потокѣ. Изъ глубокой тьмы они вдругъ свалились въ водопадъ счастья. Ихъ какъ будто кто-то насильно втолкнулъ въ рай. Они не обмѣнялись ни единымъ словомъ, но зато тѣмъ болѣе оживленную, хотя и нѣмую, бесѣду вели ихъ души. Дерюшетта прижимала къ своему сердцу руку Эбенезэра.

Раздававшіеся позади нихъ шаги Жилліата заставляли ихъ по временамъ вспоминать о томъ, что и онъ былъ здѣсь. Они оба были глубоко тронуты, но не говорили ни слова. Избытокъ волненія дѣлаетъ человѣка нѣмымъ. Ихъ счастье какъ будто давило ихъ своею чрезмѣрностью. Они были обвѣнчаны, и Жилліатъ хорошо сдѣлалъ, что помогъ имъ въ этомъ — вотъ и все. Они за это чувствуютъ и будутъ чувствовать большую благодарность къ нему. Правда, Дерюшетта не могла не говорить сама себѣ, что тутъ слѣдуетъ еще кое-что распутать, выяснить. Но это можно будетъ сдѣлать и впослѣдствіи. Пока они принимали совершившіеся факты—и только. Они чувствовали себя какъ бы во власти этого рѣшительнаго, столь неожиданно вмѣшавшагося въ ихъ судьбу человѣка, который какъ будто поставилъ себѣ задачей хотя бы насильно заставить ихъ быть счастливыми. Но обращаться къ нему съ вопросами, разговаривать съ нимъ было невозможно. На нихъ сразу обрушилась слишкомъ громадная масса ощущеній и поэтому ихъ растерянность была извинительна.

Факты иногда сыплются на васъ, точно градъ, ошеломляютъ васъ. Неожиданность событій, сваливающихся порою точно съ неба на мирныя въ обыкновенное время существованія, дѣлаетъ очень часто эти событія совершенно непонятными не только для того, кто отъ нихъ страдаетъ, но даже для того, кому они служатъ на пользу. Человѣкъ теряетъ способность разобраться въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Его что-то давитъ, и онъ не можетъ понять, что именно. Его за что-то вѣнчаютъ, но онъ опять-таки не въ состояніи понять, за что именно. Особенно сильно отразились всѣ это сотрясенія, испытанныя ею въ теченіе немногихъ часовъ, на Дерюшеттѣ. Сначала она была ослѣплена появленіемъ Эбенезэра въ саду ея дяди. Затѣмъ ее давила, какъ кошмаръ, мысль, что чудовище предназначается ей въ мужья. Далѣе она приходила въ величайшее отчаяніе при видѣ ангела, расправляющаго свои крылья и собирающагося улетѣть. А теперь,—теперь эта радость, радость неслыханная, но въ которой оставалось еще очень много темнаго. Это чудовище дало ей, Дерюшеттѣ, этого ангела. Предсмертную агонію смѣнилъ счастливый бракъ. Этотъ Жилліатъ, ...чина вчерашняго несчастья, сегодня дѣлался причиною счастья. ...всемъ этомъ рѣшительно ничего не могла понять. Оче... что съ самаго утра у Жилліата не было иной заботы, ...ь ихъ. Онъ сдѣлалъ для того все, что только было ...ть и даже больше: онъ увѣрилъ благочиннаго ...ьерри, убѣдилъ его въ необходимости поторо... вѣнчанія, подписалъ требуемое заявленіе, и ...дѣлалъ возможнымъ заключеніе брака. Но все... ничего не понимала. Да и если бы даже она и

могла понять, *какъ* все это случилось, то она все равно не поняла бы *почему*.

Итакъ, ей оставалось только зажмурить глаза, мысленно благодарить его, забыть землю и жизнь, дать этому доброму ангелу унести себя на небо. Разъясненіе—это было бы слишкомъ много, изъявленіе благодарности — это было бы слишкомъ мало. Итакъ, она молчала, вся погрузившись въ сладкое чувство неожиданно доставшагося ей счастья.

У нихъ обоихъ оставалось какъ разъ настолько пониманія дѣйствительности, чтобы видѣть дорогу. Подъ водою встрѣчаются части губки, остающіяся бѣлыми, такъ и у нихъ оставалось какъ разъ настолько пониманія вещей, чтобъ отличать море отъ земли, а «Кашмиръ»—отъ всякаго другого судна.

Черезъ нѣсколько минутъ они очутились въ «Малой гавани». Эбенезэръ первымъ вошелъ въ лодку. Въ то самое мгновеніе, когда Дерюшетта собиралась послѣдовать туда за нимъ, она почувствовала, какъ будто кто-то слегка придерживаетъ ее за рукавъ. То былъ Жилліатъ, прикоснувшійся пальцами къ складкѣ ея платья.

— Сударыня, — сказалъ онъ, — вы не собирались уѣзжать. Я подумалъ о томъ, что вамъ, быть-можетъ, понадобится нѣсколько бѣлья и платья. Вы найдете на «Кашмирѣ» сундукъ, въ которомъ лежатъ разныя принадлежности женскаго туалета. Это—наслѣдство отъ моей матери. Она предназначала все это моей будущей женѣ. Позвольте мнѣ предложить это вамъ.

Дерюшетта какъ бы проснулась наполовину отъ глубокаго сна. Она обернулась къ Жилліату, который продолжалъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— А теперь я, не желая васъ задерживать, попросилъ бы васъ выслушать отъ меня нѣсколько объяснительныхъ словъ. Въ тотъ день, когда случилось то несчастье, вы, сидя въ залѣ нижняго этажа, обронили одно слово. Вы его не помните, и это совершенно понятно: не можетъ же человѣкъ помнить каждое слово, которое онъ произноситъ! Господинъ Летьерри былъ очень огорченъ, и это опять-таки вполнѣ понятно: Дюранда была прекрасное судно, которое сослужило ему добрую службу. Но случилось несчастье, все заволновалось. Это, конечно, такія вещи, которыя забываются. Не одинъ только этотъ корабль разбился въ морѣ; невозможно же вѣчно думать все только объ одномъ и томъ же несчастіи. Но только я вамъ хотѣлъ сказать вотъ что: такъ какъ всѣ утверждали, что никто не рѣшится отправиться спасать судно, то я и отправился. Они утверждали, что это было невозможно; но это не было невозможно. Очень вамъ благодаренъ за то, что вы удостоиваете выслушать меня. Вы понимаете, что если я от-
вился туда, то, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ обидѣть в
для того, чтобы все хорошенько объяснить, мнѣ бы пр
сти рѣчь очень издалека, а я знаю, что вы очень торо
бы было побольше времени, если бы можно было до
виться на этомъ предметѣ, то, конечно, кое-что прип
но это все равно ни къ чему не поведетъ. Скажу

что дѣло это ведетъ свое начало съ одного зимняго утра, въ которое шелъ снѣгъ. И къ тому же мнѣ тогда еще показалось, будто вы улыбнулись. Вотъ какимъ образомъ все это объясняется. Что касается вчерашняго вечера, то я тогда не успѣлъ еще побывать дома, я только что возвратился съ тяжелой работы, я былъ весь оборванъ. Очень понятно, что мой видъ испугалъ васъ и вамъ сдѣлалось дурно. Я былъ кругомъ неправъ: кто же является въ такомъ видѣ на глаза людямъ? Я прошу васъ меня извинить. Вотъ приблизительно все, что я желалъ вамъ сказать. Вы сейчасъ отправляетесь. Вы будете имѣть во время переѣзда прекрасную погоду: дуетъ восточный вѣтеръ. Прощайте, сударыня. Вѣдь вы находите справедливымъ, что я немного поговорилъ съ вами, не правда ли? Вѣдь мы видимся въ послѣднiй разъ.

— Я думаю объ этомъ сундукѣ, — проговорила Дерюшетта. — Но почему же вы не желаете оставить его для вашей будущей жены, когда вы женитесь?

— Потому,—отвѣтилъ Жилліатъ,—что я, по всей вѣроятности никогда не женюсь.

— Это будетъ жаль. Вы такой добрый. Благодарю васъ. — И Дерюшетта улыбнулась ему. Жилліатъ тоже отвѣтилъ ей улыбкой и затѣмъ помогъ ей войти въ лодку.

Не прошло послѣ того и четверти часа, какъ лодка, привезшая Эбенезэра и Дерюшетту, приставала на рейдѣ къ борту «Кашмира».

V.

Просторная могила.

Жилліатъ пошелъ по берегу моря, быстро прошелъ Сенъ-Пьеръ-Поръ и направился далѣе къ Сенъ-Сампсону, все держась берега и не выходя на большую дорогу, по которой онъ встрѣтилъ бы не мало прохожихъ, которыхъ онъ, очевидно, избѣгалъ. Онъ уже давно, какъ сказано было раньше, усвоилъ себѣ привычку бродить по всему острову такъ, что его никто не видѣлъ. Онъ зналъ чуть ли не всякую тропинку. Онъ самъ придумывалъ самые уединенные и извилистые пути. Онъ имѣлъ привычку, свойственную всѣмъ существамъ, сознающимъ, что ихъ не любятъ: онъ держался вдали. Еще будучи ребенкомъ, видя мало ласки со стороны людей, онъ сталъ удаляться отъ всѣхъ, и съ тѣхъ поръ стремленіе держаться въ сторонѣ вошло у него въ привычку.

Онъ прошелъ черезъ Эспланадную, потомъ черезъ Соленую
[illegible]. Отъ времени до времени онъ оглядывался и устремлялъ
[illegible] рейдъ, гдѣ «Кашмиръ» только что распустилъ паруса.
[illegible] мало, такъ что Жилліатъ шелъ скорѣе, чѣмъ
[illegible] шелъ по ближайшимъ къ морскому берегу уте-
[illegible] ву. Начинался приливъ.
[illegible] новился и, повернувшись къ морю спиной,
[illegible] группу дубовъ, росшихъ возлѣ скалъ, которыя
[illegible] ь дороги въ Валь. То были дубы, росшіе возлѣ
[illegible] лагося «Низенькими Домиками». Когда-то вотъ

здѣсь, подъ этими самыми дубами, пальчикъ Дерюшетты вывелъ на снѣгу слово «Жилліатъ». Снѣгъ этотъ уже давно растаялъ.

Онъ продолжалъ свой путь. День стоялъ чудесный, такой, какого еще не было въ этомъ году. Онъ какъ будто нарочно былъ посланъ для супружескаго счастья. Это былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ весеннихъ дней, въ которые май мѣсяцъ какъ бы желаетъ показать всю свою прелесть. Весь міръ какъ будто не имѣетъ иной цѣли, какъ устроить себѣ праздникъ и пользоваться счастьемъ. Всѣ носившіеся въ воздухѣ звуки, все равно, исходили ли они изъ лѣса, или изъ селенія, изъ воды или изъ воздуха, походили на воркованье. Первыя появившіяся на свѣтъ Божій бабочки садились на первыя, только что распустившіяся розы. Все въ природѣ было ново и свѣжо—трава, мохъ, листья, благоуханія, лучи. Казалось, будто солнце новешенько, только что сдѣлано. Камешки по дорогѣ были какъ будто начисто вымыты. Въ густой, новой листвѣ деревьевъ распѣвали новыя, только что появившіяся на свѣтъ Божій птички. Можно было почти съ достовѣрностью сказать, что яичная скорлупа, только что пробитая клювиками, лежала еще въ гнѣздышкѣ. Среди шелеста листьевъ раздавалось робкое хлопанье только что расправляемыхъ крылышекъ. Птички эти распѣвали свою первую пѣсенку, совершали свой первый полетъ. Это было какое-то пріятное щебетанье всѣхъ птичьихъ породъ за разъ—пустошекъ, синицъ, реполовокъ, снигирей, чижиковъ, малиновокъ. Сирень, ландыши, волчьи ягоды, глициніи красиво пестрѣли изъ-за свѣжей, зеленой листвы. Очень красивая водяная чечевица, въ изобиліи растущая на Гернсеѣ, покрывала поверхность озерковъ изумрудной скатертью. Въ этихъ озеркахъ купались кулички и трясогузки, вьющія такія красивыя гнѣзда. И черезъ всѣ просвѣты зеленой чащи виднѣлась ясная небесная лазурь, по которой носились, точно шаловливо бѣгая вперегонки, нѣсколько красивыхъ, бѣлыхъ облачковъ. Казалось, будто мимо васъ пролетаютъ поцѣлуи, посылаемые другъ другу невидимыми устами. Не было кругомъ ни одной старой стѣны, которая не украсилась бы, точно новобрачный, букетомъ левкоевъ. Сливовыя деревья и ракитники были въ полномъ цвѣту. Видны были бѣлыя кучки, которыя блестѣли, и желтыя кучки, которыя сверкали среди переплетшихся вѣтвей. Казалось, будто весна кинула все свое серебро и все свое золото въ громадную, прозрачную корзину лѣсовъ. Молодая травка ярко зеленѣла вокругъ. Въ воздухѣ носились радостные, привѣтственные клики. Гостепріимное лѣто широко распахивало свои двери птицамъ, только что прилетѣвшимъ изъ дальныхъ странъ. Какъ разъ въ это время прил
тали ласточки. Пирамидки дикаго терна возвышались по о
сторонамъ дороги, въ ожиданіи пирамидокъ боярышника
и изящное росло рядомъ, добрыми сосѣдями; велич
полнялось граціознымъ, большое не стѣсняло малаго
ни одна нотка изъ этого чуднаго концерта. Микроско
та не подавлялась красотою грандіозною; можно б
все, точно черезъ прозрачную воду. Все было полн

соковъ, такъ и прорывавшихся наружу. То, что способно было блестѣть, блестѣло ярче, чѣмъ когда-либо. То, что способно было любить, любило сильнѣе, чѣмъ когда - либо. Слышался гимнъ въ цвѣткѣ и виднѣлось сіяніе въ шумѣ. Великая, разбросанная повсюду гармонія начинала распускаться. То, что начинало давать ростки, какъ будто подталкивало то, что способно было бить ключомъ. Смущеніе, навѣваемое на васъ и сверху, и съ боковъ, и снизу, наполняло сердце всякаго живого существа. Цвѣтокъ обѣщалъ въ будущемъ плодъ, дѣва задумывалась. Воспроизведеніе живыхъ существъ, задуманное міровою думою, сказывалось въ какомъ-то всеобщемъ лучеиспусканіи. Вся природа точно готовилась вступить въ бракъ, всюду игрались свадьбы. Жизнь, т.-е. нѣчто женскаго рода, соединялось съ міромъ — мужскаго рода. Было тепло, ясно, тихо. Изъ-за заборовъ доносился веселый смѣхъ дѣтей, игравшихъ въ мельницу. Яблони, грушевыя, персиковыя, вишневыя деревья покрывали фруктовые сады своими густыми зелеными или же бѣлыми, отъ обилія цвѣта, шапками. Трава красиво блестѣла бѣлыми буквицами, барвинками, маргаритками, свѣтланами, тысячелистниками, гіацинтами, фіалками, верониками. Голубые бурачники, желтые касатики росли вперемежку съ маленькими, красивыми, розовыми колокольчиками. Золотистыя букашки ползали по камнямъ. Желтые очитки покрывали соломенныя крыши. Трудолюбивыя пчелы летали по всѣмъ направленіямъ, жужжаніе ихъ сливалось съ мягкимъ шумомъ волнъ. Вся природа находилась въ какой-то весенней истомѣ.

Когда Жилліатъ дошелъ до Сенъ-Сампсона, въ глубинѣ гавани не было еще воды, и онъ могъ пройти ее никѣмъ не замѣченный, пробираясь позади вытащенныхъ для починки судовъ. Рядъ плоскихъ камней, точно нарочно положенныхъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, способствовалъ этому переходу. Дѣйствительно, никто не замѣтилъ Жилліата, такъ какъ весь народъ отхлынулъ къ другому концу гавани, ближе къ дому Летьерри. Тамъ имя его переходило изъ устъ въ уста; о немъ столько говорили, что на самого Жилліата не обратили даже никакого вниманія. Жилліатъ прошелъ незамѣченнымъ, благодаря такъ сказать, поднятому имъ же самимъ шуму.

Онъ увидѣлъ издали свою лодку, стоявшую на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ причалилъ ее, и надъ нею возвышалась пароходная труба, прикрѣпленная къ бортамъ четырьмя цѣпями. Возлѣ
уже возились плотники, вырисовывались силуэты сновавшихъ
впередъ прохожихъ и до слуха его донесся громкій, ве-
Летьерри, отдававшаго приказанія. Онъ повернулъ
и дома Летьерри не было никого, такъ какъ
хъ толпилась между домомъ и моремъ. Жил-
инкѣ вдоль забора сада Летьерри. Онъ оста-
ста, гдѣ росла дикая мальва. Онъ увидѣлъ
нъ сидѣлъ вчера, и скамейку въ саду, на ко-
тта. Онъ посмотрѣлъ на то мѣсто аллеи, гдѣ
ѣ тѣни, которыя затѣмъ исчезли.

Онъ снова пустился въ путь, взошелъ на холмъ, на которомъ возвышался Вальскій замокъ, затѣмъ спустился съ него и пошелъ по направленію къ своему дому. Понятно, что онъ нашелъ въ немъ все въ такомъ же положеніи, въ какомъ оставилъ домъ утромъ, когда, переодѣвшись, пошелъ въ Сенъ-Пьеръ-Поръ. Одно изъ оконъ дома было отворено и черезъ него была видна волынка, повѣшенная на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну. На столѣ лежала небольшая Библія, данная въ знакъ благодарности Жилліату незнакомцемъ, оказавшимся впослѣдствіи Эбенезэромъ.

Ключъ былъ вложенъ въ дверь съ наружной стороны. Жилліатъ подошелъ къ двери, дважды повернулъ ключъ; затѣмъ сунулъ его въ карманъ и ушелъ, но не по направленію въ городъ, а по направленію къ морю. Онъ прошелъ въ діагональномъ направленіи черезъ свой садъ, не обращая вниманія на засѣянныя клумбы и безжалостно топча ихъ, тщательно обходя, однако, морскую капусту, которую онъ посадилъ только потому, что ее любила Дерюшетта.

Затѣмъ онъ перешагнулъ черезъ перила, спустился къ самой водѣ и пошелъ прямо по направленію къ Гильдгольмъ-Уру. Онъ перескакивалъ съ камня на камень, какъ великанъ, перескакивающій съ одной горной вершины на другую. Ходить по гребню рифа, это—почти то же самое, что ходить по крышѣ.

Какая-то женщина, ловившая сачкомъ рыбу и шлепавшая босыми ногами по лужамъ воды, торопясь добраться до берега, крикнула ему: «Берегитесь, начинается приливъ». Но онъ продолжалъ итти впередъ. Добравшись до большого, остроконечнаго утеса, извѣстнаго подъ именемъ Рога, онъ остановился. Здѣсь оканчивалась суша. Это была конечная точка небольшого мыса.

Онъ сталъ смотрѣть вдаль. Недалеко отъ берега стояли на якорѣ нѣсколько лодокъ, изъ которыхъ рыбаки закидывали сѣти. По временамъ, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, надъ этими лодками виднѣлись точно переливы серебра: то были рыбы, вынутыя въ сѣтяхъ изъ воды и блестѣвшія своею серебристой чешуей. «Кашмира» еще не было видно на высотѣ Сенъ-Сампсона. Онъ распустилъ свой гротъ-марсель, который виднѣлся между островками Гермомъ и Жету.

Жилліатъ обогнулъ утесъ и очутился какъ разъ подъ Гильдгольмурскимъ кресломъ, у подножія той самой крутой [illegible] альной лѣстницы, съ которой три мѣсяца тому назад
Эбенезэру спуститься. Онъ сталъ взбираться на
часть ступенекъ была уже подъ водой и только дв
нія были еще сухи. Онъ перешагнулъ и черезъ
знаменитаго кресла, посмотрѣлъ на него
вую руку къ глазамъ и потихоньку
какъ бы желая этимъ жестомъ сте
усѣлся въ углубленіе ска
имѣя подъ ногами св

Въ это самое в
мо высок

щейся какъ разъ на полдорогѣ между Гермомъ и Сенъ-Пьеръ-Поромъ.

Надъ головою Жилліата, въ расщелинахъ утесовъ, колыхались нѣкоторыя растущія на камняхъ растенія. Море, насколько хваталъ глазъ, было ярко-лазореваго цвѣта. Вѣтеръ дулъ съ востока, вокругъ Серка прибой волнъ былъ незначителенъ. Вдали, точно въ туманѣ, виднѣлся берегъ Франціи и тянулась длинная, желтая полоса песковъ Картере. Временами пролетала какая-нибудь бѣлая бабочка. Бабочки вообще любятъ летать надъ моремъ. Въ воздухѣ почти не было вѣтра, и вся эта синева, какъ внизу, такъ и вверху, была неподвижна. Эти болѣе свѣтлыя или болѣе темныя синеватыя змѣйки, которыя обозначаютъ на поверхности моря отмели, почти не колыхались.

Вслѣдствіе слабаго вѣтра «Кашмиръ», чтобы хоть немного перехватить вѣтеръ, поднялъ свои марсовые лисели, и такимъ образомъ, какъ бы весь покрылся парусиной. Но такъ какъ и этотъ слабый вѣтеръ дулъ сбоку, то дѣйствіе лиселей заставляло судно держаться очень близко къ гернсейскому берегу. Оно уже прошло мимо Сенъ-Сампсонскаго бакана и почти поравнялось съ Лавальскимъ холмомъ; черезъ нѣсколько минутъ оно должно было обогнуть тотъ мысокъ, на которомъ стоялъ домикъ Жилліата.

Жилліатъ не спускалъ съ него глазъ и слѣдилъ за его приближеніемъ. И воздухъ и вода точно задремали. Приливъ походилъ скорѣе на разбуханіе моря, чѣмъ на движеніе воды. Уровень его повышался, но безъ всякаго колебанія. Доносившійся съ моря легкій ропотъ походилъ на ровное дыханіе спящаго ребенка.

Со стороны сенъ-сампсонской гавани раздавались легкіе, глухіе стуки, походившіе на удары молоткомъ: по всей вѣроятности, плотники ставили тали и козлы, для того, чтобы поднять машину изъ лодки Жилліата. Но звуки эти едва доносились до слуха Жилліата, благодаря возвышавшейся какъ разъ надъ его спиною высокой стѣнѣ утеса.

«Кашмиръ» приближался съ медленностью привидѣнія. Жилліатъ ждалъ. Вдругъ плескъ воды и ощущеніе холода заставили
...низъ. Вода подступила уже къ ногамъ его. Онъ
...но тотчасъ же снова поднялъ ихъ. «Кашмиръ»
...енно близко отъ него.
...ой дожди выдолбили Гильдгольмурское кресло,
... и вода около этого мѣста была такъ глу-
... суда могли безъ всякой опасности
...бельтовыхъ отъ утеса. «Кашмиръ»
...лъ изъ воды, поднимался изъ нея
...темными линіями на яркой
...морской зыби. Паруса,
... окрашены были
...свѣчивали.
...среди этой
... отъ ска-

лы, что можно было отлично разглядѣть все, что дѣлалось на палубѣ. Рулевой стоялъ у колеса руля, какой-то юнга взлѣзалъ на ванты, нѣсколько пассажировъ, прислонясь къ борту, наслаждались чудной погодой, капитанъ покуривалъ трубочку.

Но Жилліатъ ничего этого не видѣлъ. На палубѣ парохода былъ уголокъ, ярко залитый солнцемъ,—и въ этомъ уголку, озаренные солнечными лучами, сидѣли Эбенезэръ и Дерюшетта. Они прижались другъ къ другу, какъ двѣ птички, купающіяся въ солнечныхъ лучахъ, на одной изъ скамеекъ, надъ которою былъ разостланъ навѣсъ изъ парусины. Голова Дерюшетты покоилась на плечѣ Эбенезэра, а его рука обвила ея талію; рука ея лежала въ его рукѣ. Эти два красивыхъ, невинныхъ лица похожи были на ангельскіе лики; только одно носило болѣе дѣвственное, другое—болѣе сіяющее выраженіе. Ихъ цѣломудренное объятіе было какъ нельзя болѣе выразительно: въ немъ сказывались и гименей и стыдливость. Эта скамейка была для нихъ какъ бы альковомъ или, вѣрнѣе, гнѣздышкомъ. Но въ то же время она была и жертвенникомъ самой чистой, покрытой самой легкой дымкой, любви. Они оба молчали.

Взоръ Эбенезэра выражалъ восторгъ и какую-то благодарность. Губы Дерюшетты беззвучно шевелились; и среди этого восхитительнаго молчанія вѣтеръ, дувшій со стороны земли, донесъ до слуха Жилліата, въ то самое время, какъ судно скользило мимо Гильдгольмурскаго кресла, сладкій голосъ Дерюшетты, говорившій: «Посмотри-ка, какъ будто какой-то человѣкъ сидитъ на скалѣ».

Но это видѣніе скоро скрылось изъ глазъ ихъ. «Кашмиръ» проскользнулъ мимо утеса и углубился въ широкія складки моря. По прошествіи четверти часа его мачты и его паруса образовали на поверхности моря лишь какъ бы бѣлый обелискъ, мало-по-малу терявшійся на горизонтѣ. Вода достигала Жилліату уже до колѣнъ. Онъ слѣдилъ глазами за удалявшимся судномъ. Въ открытомъ морѣ вѣтеръ посвѣжѣлъ, и онъ могъ разглядѣть, какъ на кораблѣ подняты были малые паруса и стаксели, для того, чтобы воспользоваться этимъ усиленіемъ вѣтра. «Кашмиръ» уже вышелъ изъ гернсейскихъ водъ. Жилліатъ не спускалъ съ него глазъ. При-
ливъ поднимался, и вода уже доходила ему до пояса. [illegible]

Чайки и морскіе орлы въ тревогѣ кружились надъ
будто стараясь его предостеречь. Быть-можетъ, въ числѣ
была и какая-нибудь чайка, при[illegible]тѣвшая съ Дуврских
узнавшая его.

Прошелъ цѣлый часъ. [illegible] ре
вѣтра, но «Кашмиръ» на
было видно, что онъ шел
почти на высотѣ утеса Ле-
пѣны и волна не билась
лась и уже почти дост
[illegible] еше час
то[illegible]

шись, но затѣмъ снова показался. Онъ бѣжалъ по направленію къ сѣверу и окончательно вышелъ въ открытое море. Вскорѣ онъ сталъ представляться лишь въ видѣ небольшой, бѣлѣвшей на солнцѣ точки. Птицы продолжали предостерегать Жилліата своими криками. Надъ водою возвышалась одна только его голова.

Море поднималось съ зловѣщей медленностью. Жилліатъ, въ полной неподвижности, слѣдилъ за исчезновеніемъ «Кашмира». Приливъ почти достигъ наибольшей своей высоты. Ужъ вечерѣло. Позади Жилліата, на рейдѣ, нѣсколько лодокъ спѣшило вернуться въ гавань. Жилліатъ попрежнему не сводилъ глазъ съ судна.

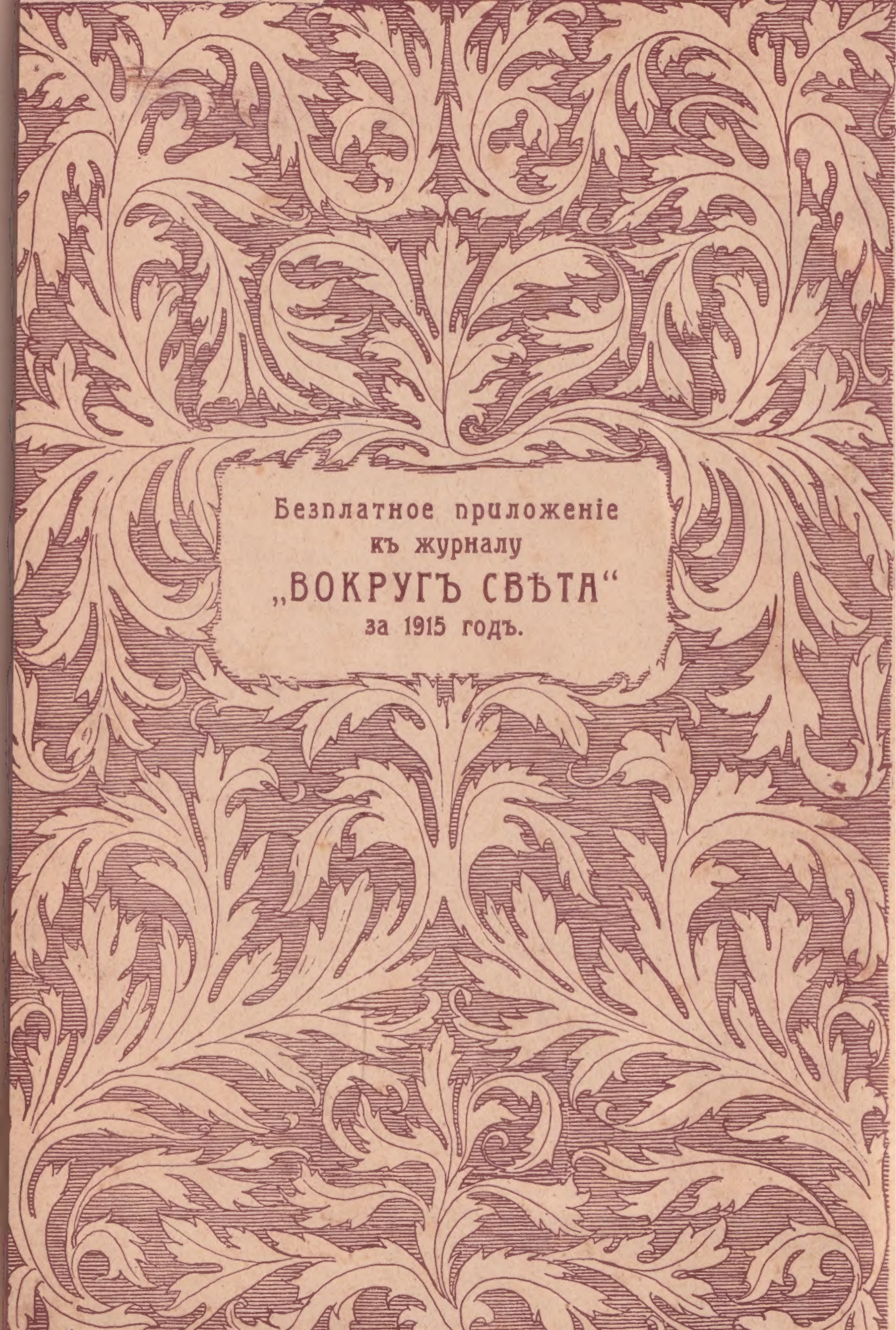
Этотъ неподвижный взоръ имѣлъ какое-то неземное выраженіе; въ немъ сказывалось что-то заоблачное. Въ немъ можно было прочесть примиреніе съ неосуществившейся мечтою и готовность встрѣтить свой рокъ. Такъ смотритъ человѣкъ на падающую звѣзду. По временамъ какая-то небесная тѣнь набѣгала на этотъ взоръ, устремленный въ пространство. Одновременно съ тѣмъ, какъ вода подступала къ Гильдгольмурскому утесу, громадная тѣнь необъятнаго подступала къ неподвижно устремленнымъ въ пространство взорамъ Жилліата.

«Кашмиръ», почти уже невидимый, представлялся теперь лишь небольшимъ пятнышкомъ на туманной дали. Для того, чтобы его разглядѣть, нужно было знать, въ какомъ именно пунктѣ онъ въ это самое время находится.

Потомъ это пятнышко сдѣлалось совсѣмъ маленькимъ. Потомъ оно совсѣмъ скрылось.

Въ то самое мгновеніе, когда корабль окончательно исчезъ на горизонтѣ, голова Жилліата скрылась подъ водою. Кругомъ не осталось ничего, кромѣ моря.

КОНЕЦЪ.

Безплатное приложеніе
къ журналу
„ВОКРУГЪ СВѢТА“
за 1915 годъ.